

Доклады Механики

ЭКОНОМ

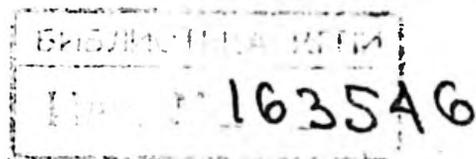

**ДЖОРДЖ
МЕРЕДИТ**

ЭГОИСТ

КОМЕДИЯ ДЛЯ ЧТЕНИЯ

*Перевод с английского
Т. ЛИТВИНОВОЙ*

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
Москва 1970**

И (Англ.)
М 52

George Meredith
THE EGOIST
A Comedy in Narrative
1879

Редактор перевода
Р. ГАЛЬПЕРИНА

Послесловие
В. ЗАХАРОВА

Комментарии
Т. ЛИТВИНОВОЙ

Оформление художника
Л. ЗУСМАНА

7-3-4
474-70

ПРЕЛЮДИЯ

Глава, в которой важна только последняя страница

Комедия — игра, назначение которой пролить свет на жизнь общества. Предмет ее — человеческая природа в той мере, в какой она проявляется в благовоспитанных гостинных, куда не проникает извне пыль житейских дрязг, где нет ни грязи, ни резких столкновений, которые так облегчают задачу художника, сообщая его картине убедительность. Чтобы завоевать доверие публики, Комедия не прибегает к прямому воздействию на ее чувства; чтобы развеять ее недоверие, не показывает бесконечно малые крупинцы улики, которые можно увидеть лишь через увеличительное стеклышко часовщика. Определенная ситуация и группа лиц, в пей действующая, — вот чем занят Гений Комедии; отвергая аксессуары, он сосредоточивает внимание на этих лицах и на словах, которые эти лица произносят. Ибо, будучи духом, он в каждом человеке выскивает его духовную сущность. Острота проникновения, стремительность — вот единственные преимущества нашего духа: убедить вас, заставить вас поверить — не его печаль. Следуйте за ним, и он вам все покажет. А уж стоит ли игра свеч — решайте сами.

Есть на свете некая большая книга, самая большая книга на земле: Книга Эгоизма. Ее с успехом можно было бы назвать Книгой Земли, ибо в ней представлена вся земная мудрость. Но мудрости этой так много и размеры Книги так велики (ведь с той самой минуты, как человек впервые взялся за перо, поколение за поколением вписывало в нее все

новые страницы), что пользоваться ею практически невозможно: ее неопределенно прежде сильно уплотнить.

Кто же, в известном юмористе, кто способен проглотить всю, листок за листком? Ведь если бы, они покروют пространственных клочков земли, югом полюсе, которые, по словам путешественников, высыпают от холода и жадно ловят ртом ледяной воздух, как ловят собаки падающую со стола кость. Эта беспредельная, однообразная протяженность убивает душу. Одного взгляда на нее довольно, чтобы состарить сердце. А что, как в конце концов удастся напечатать еще страничку-другую на макушке этого величественного отшельника? Ведь при некотором усилии можно залучить в нашу Книгу и самый Северный полюс! Но даже и в этом случае мы будем знать не больше, чем знали, когда последние главы Книги свешивались с небезызвестных меловых скал Дувра, на которых восседает Его Величество Эгоист, в собственной душе созерцающий отражение бушующего кругом океана!

Иными словами — если перевести витиеватые рассуждения нашего юмориста (а на то он и юморист, чтобы нас морочить) на язык общедоступный — назначение Комедии, этого внутреннего зеркала, этого всеобъемлющего духа, заключается в том, чтобы, являя из упомянутых бесконечных — простирающихся чуть ли не до Северного полюса — миль премудрости самую суть, представлять ее в избранных отрывках, и притом в удобоваримой форме. Далее, он, должно быть, хотел сказать, что считает плоский реализм, метод добросовестного описательства и воспроизведения всего видимого и слышимого без разбора, главным поставщиком той мякоти, коей мы вынуждены пробавляться, и главным виновником болезни века — этого необъятного, трескучего однообразия, словно неосушенное болото отравляющего воздух своими миазмами. Впрочем, каково бы ни было происхождение болезни и каковы бы ни были средства для ее излечения, она существует, и это несомненно. На днях, уподобившись усталым пешеходам, пытающимся вскочить в поезд на полном ходу, мы целой компанией отправились на поклон к Науке, в надежде, что та предложит нам какое-нибудь лекарство. Наука представила нам наших древнейших предков — из тех, что любят восседать в азиатской позе, — и тогда мы подняли такой первобытный гам, что девственные

леса на берегах Амазонки могли бы нам позавидовать. Прозумев до ночи, мы легли спать, полагая, что окончательно излечились. Но при первых лучах утренней зари обнаружилось, что болезнь наша осталась при нас и мы вдобавок оказались еще и хвостаты. Мы ушли с тем, с чем и пришли, разве только обогатились сознанием, что принадлежим к животному царству. Вот и все, что могла нам предложить Наука.

Итак, наша панацея — Искусство. Обезьяны нас мало чему научат. Оставим их и лучше решим, какой вид искусства избрать для изучения Книги всеобщей мудрости, дабы, воспрянув духом, с ясной головой, покинуть страну туманов и выйти к солнцу — туда, где льется песнь. Нам предстоит решить, как читать Книгу — прибегнув ли к лупе часовщика, в освещенном кружке показывающей бесконечно малое, или — с альпийских высот, куда нас возносит порожденный усилиями общественной мысли Гений Комедии, обозревать одно лишь типическое, представленное в ярких образах? Люди умные настаивают на последнем. По их мнению, Книга страдает от избытка материала, который к тому же неуклонно возрастает, и это обилие, затуманивая поверхность зеркала, в которое человечеству предлагается взглянуть на себя, мешает нам узнать наши собственные черты и тем ставит под угрозу дальнейшее наше развитие. Они, эти умные люди, настоятельно советуют нам обратиться к Гению Комедии — в конце концов это ведь наша плоть и кровь, наше родное детище. Он, и только он в состоянии сделать Великую Книгу удобочитаемой. Только Комедия, говорят они, позволит вам отдохнуть душой, только в ней ищите ключ к Великой Книге, к ее музыке. По их словам, Комедия способна в одной фразе выразить то, что в Книге занимает целые разделы, в одном образе уместить содержание объемистого тома, и следовательно, позволяет за один присест охватить огромнейшую его часть, в развернутом виде простирающуюся на тысячи миль.

Ибо истинно говорим мы вам, заверяют нас мудрецы, только тот достоин называться человеком, кто как следует окунется в Книгу, и уж всякий обязан прочесть ту страницу, что лежит перед ним открытой. Вот один из мудрецов, держа указующий перст на Книге, восклицает с пылкостью, извинительной для человека, обуреваемого энтузиазмом: здесь, и только здесь, в реторте Комедии, а не в Науке и не в Скорости, которая есть лишь синоним Жадности, ищите избавления от нашего страшного недуга! Если вы

они издавна угадали в перожденном и даже незачатом еще носителе фамильных свойств обреченного колосса Эгоизма. Покуда Эгоизм переживает пору расцвета и держится в рамках благоразумия, служит оплотом государства и приносит пользу обществу, бесенята и пикнуть не смеют. Они выжидают.

Когда-то, во время оно, жил-был некий достославный Эгонст, основоположник рода. Казалось бы, потребные для поддержания рода дозы фамильного эгоизма должны были бы со временем уменьшаться. Во всяком случае, полный возврат к исконному пращур — пусть даже под личиной современной утонченности — невозможен. Такой анахронизм был бы подобен землетрясению, и дом, где завелся бы столь чудовищный призрак, должен бы неминуемо рухнуть. Уж коли на то пошло, лучше бы Эгонст упорствовал в традициях предков и вовсе не поддавался прогрессу! Зато у бесенят ушки на макушке, глазки сверкают, они так и подскакивают в радостном предвкушении комической драмы самоубийства.

«И, возлюбив себя, себя же он убил».

Если в отечественной поэзии этой строки еще нет, пусть она будет в нее внесена — в качестве эпиграфии нашему герою.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Незначительное происшествие, свидетельствующее об унаследованной склонности к хирургии

Зловеще настороженные глаза, видимые и невидимые, следили за младенческими годами Уилоби, представителя пятого колена Паттернов. Основатель рода, адвокат Саймон Паттерн из Паттерн-холла, человек незаурядных способностей и непоколебимого честолюбия, обладал мужественным искусством говорить «нет» роковым силам разрушения, олицетворяемым толпой родственников, осаждающих удачника. Слово это отзывалось погребальным звоном в ушах младших сыновей, возвещая смерть их упованиям, — с такой твердостью он его произносил. Ведь дубу, чтобы вырасти, нужен простор, нужно, чтобы вокруг него не толпилась всякая древесная мелюзга. Точно так же не достичь ему могучего рас-

цвета, если соком его корней будут питаться боковые отпрыски. Умение орудовать пожом — вот основа, па которой зиждется величественное здание знатного рода. Клочок земли раздобыть петрудно, кирпич — тоже, жена и дети — дело наживное, а вот умение эпергично пользоваться ножом — дар врожденный, и в нем залог дальнейшего роста. Во времена Паттерна Пятого, этой надежды отечества, по свету бродило великое множество его нищих однофамильцев. Один такой Паттерн служил в морской пехоте.

О существовании лейтенанта Кросджея Паттерна отечество и нынешний глава рода узнали одновременно, после того как этот скромный молодой офицер отличился при штурме какой-то крепости на какой-то китайской реке, явив пример столь милой британскому сердцу спокойной, некрикливой отваги. Собственно, заключение о возрасте офицера было сделано на основании его чина, а быть может, также и скромности лейтенанта, который, по его словам, «лишь выполнил свой долг».

Наш Уилоби на ту пору обретался в колледже и жаждал предаться благородным порывам, свойственным юности. Подвиг его родственника и, главное, то обстоятельство, что имя Паттернов попало в газеты, произвели на него огромное впечатление. Впечатление это не утратило своей свежести и несколько месяцев спустя, когда Уилоби достиг совершеннолетия и вступил в права наследства. Он послал лейтенанту Кросджею Паттерну чек па сумму, равную годичному жалованию этого доблестного воина. «Родная кровь — не вода», — сказал он домашним, тем самым подтвердив первейший, — так сказать, химический, — закон щедрости. Пусть лейтенант и служит в морской пехоте, рассуждал Уилоби, а все-таки он Паттерн. Вопрос же о том, как случилось, что человек с именем Паттернов попал в морскую пехоту, принадлежит к разряду тех бессмысленных вопросов, какими докучают верховному судье, ведающему раздачей благ и исзгод. Свой чек Уилоби сопроводил любезным письмом, в котором приглашал лейтенанта посетить родовое имение, когда тот найдет удобным, и заверял своего родственника и друга, что и сам благодаря ему почувствовал вкус к солдатской жизни. Юный сэр Уилоби не пропускал случая упомянуть в разговоре о «своем воинственном однофамильце и дальнем родственнике, молодом Паттерне... из морской пехоты». Получалось очень смешно. Еще большим успехом пользовался

рассказ о подвиге этого однофамильца: лейтенант, оказывается, вызволил из плена подвыпившего матроса Ее Величества и поволок трех рыцарей черного дракона на желтом фоне в плен; чтобы осуществить эту последнюю операцию, он поставил их спиной друг к другу и связал косичками.

Такие подвиги хладнокровной отваги приятно щекочут чувство юмора у джентльменов, подвизающихся в тылу. Мы жители маленького островка, а ведь вот какие номера откальваем! Правда, дамской половине Большого дома — матушке сэра Уиллоби и его двум теткам, леди Эленор и леди Изабел, — было несколько труднее смириться с мыслью, что один из Паттернов служит в морской пехоте. Но что же тут такого? У нас в Англии зачастую и герцоги не брезгают финансами, а если верить ученым исследователям генеалогии, в жилах многих наших ремесленников и лавочников течет королевская кровь. При всей нашей спеси, мы парод своеобразный, и никогда нельзя поручиться, что мясник, поставляющий мясо к нашему столу, не является отдаленным потомком Тюдоров, а плетеное кресло, в котором мы сидим, — не изделие рук какого-нибудь Плаптагенета. А там, глядишь, окажется, что... Впрочем, лучше не задумываться! Уиллоби представлял себе своего доблестного кузена этаким нечесаным малым, героем футбольного поля; время от времени он, однако, недоумевал вслух, не понимая, отчего тот так и не захотел вкусить гостеприимства Большого дома, а в ответ на письмо и приложенный чек оградился пространными изъявлениями благодарности.

Как-то под вечер, в промежутке между двумя ливнями, сэр Уиллоби, сопровождаемый вереницей любителей предобеденного моциона, прогуливался по величественной террасе Большого дома со своей невестой, прекрасной и блистательной Констанцией Дарэм, которой он на правах влюбленного изливался в своих чувствах. Дойдя до конца террасы и собираясь уже повернуть назад, сэр Уиллоби, как всегда покровительствуемый случаем (ведь все, что ниспосылает нам невидимый даятель благ и невзгод, именуется у нас случаем), кивнул взгляд в сторону липовой аллеи и, будучи наделен тонкой первной организацией, испытал нечто вроде предчувствия, ибо взгляд его упал на какого-то коренастого, приземистого человека, пересекавшего усыпанную гравием площадку перед парадным крыльцом. Ничто не выдавало в нем джентльмена — «ни шляпа его, ни пальто его, ни обувь его, и ничего, что было у него»; так, в библейском стиле, столь

излюбленном истинными джентльменами, рассказывал впоследствии Уиллоби о своем посетителе. Несколькими беглыми штрихами он обрисовал наружность этого субъекта, надо сказать, достаточно непривлекательную: с баулом в руке, подняв ворот под меланхолически обвисающими полями шляпы, без зонта и без перчаток, он походил на обанкротившегося лавочника, скрывающегося от кредиторов.

Впрочем, инцидент, который мы взяли описать, сам по себе довольно тривиален: сэру Уиллоби была подана визитная карточка лейтенанта Паттерна, и сэр Уиллоби, бросив ее обратно на поднос, сказал лакею: «Дома нет».

Он был глубоко разочарован и чувствовал себя обманутым: возраст и, главное, внешность человека, который так некстати пришел заявить свои родственные притязания, были совершенно неприемлемы. Сэр Уиллоби, со свойственным ему тактом, мгновенно осознал всю невозможность представить знакомым этого малорослого невзрачного увальня в качестве доблестного лейтенанта морской пехоты, который доводится ему кузеном. Слишком много, слишком горячо говорил он об этом человеке. Будь это молоденький лейтенантик с более или менее вульгарной наружностью, его еще можно было бы с грехом пополам протащить в свой круг, рассказав в шутовском гиперболическом тоне историю его подвига и тем самым искупив неприглядность его фигуры. Но плотный морской пехотинец, достигший солидного возраста и чина младшего офицера, был решительно невозможен. Элементарная деликатность повелевала избавиться от него без лишних разговоров. Джентльмен, совершивший эту операцию, проявил необычайное для своих лет умение орудовать ножом.

В ответ на удивленный взгляд мисс Дарэм юному сэру Уиллоби пришлось рассказать, кто этот отвергнутый посетитель,

— Я подкину ему еще один чек,— заключил он, подметив краску боли и стыда на лице своей спутницы.

И с той самой поры, как смиренная фигура лейтенанта Кросджея Паттерна повернула назад и под сгустившейся дождевой тучей вновь зашагала вдоль липовой аллеи, хорювод бесенят плотным кольцом сомкнулся вокруг сэра Уиллоби и никто из них уже ни на минуту не покидал своего поста; с пристальным вниманием следили они каждый его шаг. Мартышки, алчным взором караулящие руку, что готовится

кинуть им в клетку лакомый кусочек,— вот с кем можно было бы сравнить наших бесенят. Они углядели в своем подопечном новый штришок: едва уловимое проявление исконной фамильной черты.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Юный сэр Уиллоби

Озорные бесепята, состоящие при Генин Комедии в почтенной должности комнатных собачек, наострили ушки еще три года назад, задолго до обручения сэра Уиллоби с прекрасной мисс Дарэм. Это было в день его совершеннолетия, когда миссис Маунтстюарт-Дженкинсон изрекла о нем свое знаменитое слово. Словечки миссис Маунтстюарт, пусть не всегда уместные, обладали свойством врезаться в память. Они попадали не в бровь, а в глаз, и ни одно семейное торжество — будь то день рождения или брачное пиршество — не обходилось без нового свидетельства этого ее умения. И всякий раз словцо ее отправлялось путешествовать по всему графству, где она могла бы царить безраздельно с помощью розги карикатуриста, если бы в придачу к верному глазу обладала еще и озлобленным умом. Но богатая и доброжелательная миссис Маунтстюарт в своей инстинктивной нелюбви к тому, что и в самом деле не заслуживает сочувствия, и в пристрастии ко всему, что произрастает на солнечной стороне бытия, походила на матушку природу. Ей было достаточно взглянуть на человека, и меткое словцо как-то само собой вылетало из ее уст. А уж раз вылетев, оно приставало с такой силой, с какой не пристанет ни одно вымученное литературное определение. Обмолвившись однажды о Летиции Дейл, что та «несет целый роман на кончиках ресниц», она, можно сказать, нарисовала ее портрет. А ее определение Верпона Уитфорда как «Феба-Аполлона, записавшегося в монахи» как нельзя лучше передавало тускловатое обаяние этого тощего длинноногого студизуса.

Афоризм миссис Маунтстюарт, посвященный юному Уиллоби, был еще лакопичнее, и это достоинство особенно выделялось в день, когда виновник торжества от зари и до зари только и слышал что дифирамбы, славословия и панегирики в традициях Цицеронова красноречия. Один вид этого бога-

того, красивого, любезного и щедрого джентльмена, казалось, вдохновляя гостей обоего пола на оргию лести. И вот, когда все кругом торжественно и пространно превозносили до небес его достоинства, миссис Маунтстюарт сказала просто: «Сразу видно человека с ногой».

Казалось бы, здесь не было ничего нового. Однако в словах миссис Маунтстюарт все увидели нечто гораздо большее. Она произнесла их без всякого нажима, словно один из тех светских пустячков, какими обмениваются леди и джентльмены в гостиных. Но они были сразу подхвачены, и не прошло минуты, как в противоположном конце длинного зала уже чувствовалось, что новое крылатое выражение миссис Маунтстюарт отправилось в полет. И сейчас же оттуда, из дальнего конца зала, леди Паттерн снарядила па разведку некую юную Гебу; обойдя с фланга танцующие пары, та возвратилась к ней с точным докладом. Даже в немудреных отроческих устах крылатое слово не утратило своей силы. Оно было совершенно! Пеаны красоте и уму молодого сэра Уиллоби, его аристократической осанке, благородству манер и нравственному совершенству — все это было привычно. Приятно, разумеется, как всякая дань верноподданнических чувств, но привычно и чуть ли не пошло по сравнению с живым и неприпущенным определением миссис Маунтстюарт. Ведь миссис Маунтстюарт, как заметила мисс Изабел своей приятельнице леди Буш, сумела в нескольких словах выразить все, что говорилось до нее, и этим показала, как нелепо разглагольствовать о том, что и без того ясно каждому.

То была отповедь аристократки ограбленным провинциалам. «Вы правы, достопочтенные леди и джентльмены,— словно говорила миссис Маунтстюарт,— Уиллоби наделен всеми превосходными качествами, какие вы так любезно в нем подметили: он отличный собеседник, он танцует, как бог, и держится в седле, как фельдмаршал, его позы величавы и непринужденны, и вместе с тем вы ни на минуту не забываете, что перед вами воплощенный идеал молодого английского джентльмена. Алкивиада в парике вельможи при дворе Людовика Четырнадцатого не превзошел бы его изяществом. Он — все, что хотите, и если бы я задалась целью осыпать его изысканными комплиментами, я справилась бы с этой задачей не хуже вашего. Вместо этого я только спрашиваю: а заметили ли вы в нем человека с ногой?»

Вот как можно было бы истолковать ее изречение! Заключить в двух-трех словах такое богатство смысла значит

провозгласить торжество духа, а заодно показать, что общество, в котором умеют ценить такое остроумие, достигло высочайшей степени утонченности. Как пояснила мисс Эленор Паттерн своей приятельнице леди Калмер, нашему взору отнюдь не предлагается скользить вдоль фигуры Уиллоби вниз, к его ноге; напротив, миссис Маунтстюарт приглашает нас восхищаться им снизу вверх, начиная с ноги. Все это, впрочем, проза. Вдумайтесь в слова миссис Маунтстюарт. Куда только, в какие поэтические сферы они не увлекут наш дух! И с каким упоением парим мы в этих эмпиреях! В самом деле, кто из нас, хранивших меланхолическую преданность памяти Карла Мученика, не питает одновременно игривой нежности ко двору его весельчака сына, к той поре, когда любовь украшала ногу кокетливыми бантиками и нога была верховным владыкою во дворце? Грешный двор, грешная пора! А все же мы грезим об этой поре, когда — не то что ныне! — шум и возня неотесанной черни, колошащейся где-то внизу, не оскорбляли слух английского кавалера, этого воплощения благородного изящества. Какие великолепные манеры, и в каждом жесте — какая неизъяснимая сладость! И даже если дамы бывали чересчур... но нет, будем считать, что на них возвели напраслицу! Впрочем, если они и бывали подчас чересчур пежны, — что ж! — в ту пору джентльмены были джентльменами и стояли того, чтобы из-за них погибнуть! Таков английский миф, и своему распространению в обществе он обязан тоске по сладкозвучной гармонии джентльменства, которая, как полагают, некогда царила на нашем островке. Ведь точно так же и поэты наши тешат свое воображение преданиями о рыцарях Круглого стола.

Миссис Маунтстюарт задела трепетную струну. «Несмотря на отвратительный костюм, который вынужден носить современный мужчина, видно, что Уиллоби — обладатель Ноги с большой буквы».

Иначе говоря, перед вами нога прирожденного кавалера: как бы вы ее ни прятали, в какие бы нелепые одежды ни облекали, все равно она существует — для дам, у которых есть глаза. Вы видите эту ногу или, во всяком случае, видите, что она у него есть. А что нога у Уиллоби была и в самом деле на удивление стройной — это дамы знали точно: недаром в его гардеробе хранился костюм придворного кавалера.

Миссис Маунтстюарт как бы утверждала, что ногу его видно при всех условиях, ибо контуры ее выжжены огнем —

они так и просвечивают! Подобно ноге Рочестера, Бэкингема, Дорсета и Саклинга, она улыбалась, лукаво подмигивала или выражала покорную мольбу, не теряя при том своей уверенной красоты; то властная, то нежная, то дерзкая, то скромная, она как бы говорила: «Вы будете меня боготворить», затем лишь, чтобы тут же сказать: «Я вам предан до гроба». Нога, которая является одновременно вашим господином и рабом. Нога приливов, отливов и легкой зыби. Нога, которая, стоит ей стбросить притворную робость, шагнет в самое сердце женщины. Роковая нога!

Без самодовольства ей никак нельзя. Смирением не покоришь ни женщину, ни народы. Без гордости нет блеска! Довольство собою — неизбежный спутник осознанного совершенства. Прислушайтесь к любой мелодии, что вас пленяет, прислушайтесь внимательно, и вы непременно различите в ней этот внутренний голосок самомнения, — право же, очень потешный!

Нечего и говорить, что у самого Уиллоби, хоть он и обладал ногой кавалера той безмятежной поры, не наблюдалось ничего от ее грешных нравов. Он был как бы воплощением самых заветных наших чаяний, когда ради очищения нравов нам пришлось пожертвовать Ногой. Достигли ли мы желанной цели — вопрос спорный. Зато Ногу потеряли несомненно.

Лакеи и придворные, скажете вы, а также шотландские горцы сохранили ногу и поныне; ее еще можно увидеть в кордебалете — стройную на заглядение; сохранилась она и у ломовых извозчиков. Но разве это нога? Разве ее имели мы в виду, говоря об этом тончайшем инструменте? Это просто ноги, выполняющие ножную работу, бессловесные, как скот. Мы же говорим о ноге кавалера, об этом чуде поэзии и доблести. Кавалер владеет ею, как Цицерон — языком. Это лютня, на которой он воспевает свою возлюбленную, или, если она к нему жестока, — рапира, которою разит ее в самое сердце. Словом, это нога, одаренная душой и разумом.

Вот по ней пробежала тень — берегитесь, то ловушка! Но вот она засияла — и вы застигнуты врасплох. Она умеет стыдливо зардеться, побледнеть, умеет и нежно нашептывать и разразиться громким восклицанием. Она приоткрывает завесу, позволяя взглянуть (но только на мгновение, иначе бы вы ослепли!) на олимпийского бога, на Зевса, принявшего обличье паркетного рыцаря.

Словцо миссис Маунтстюарт — в глазах родни юного сэра Уиллоби, а также в глазах его вдумчивых поклонников

и поклонниц — придало его вступлению в наследные права торжественный оттенок, озарив этот вечер отблеском той отдаленной эпохи нашей истории. Юный сэр Уилоби олицетворял собою веселый двор Карла Второго, сделавшийся вдруг добродетельным, но не утративший притом своего блеска. Он танцевал в лучах этого сияния, и можно представить себе, как великолепен он был в глазах собравшегося общества.

Образование сэра Уилоби получил домашнее, княжеское. В странах, где накоплены огромные богатства, водятся в большом изобилии маленькие князьки. Свободные от воинской службы, эти феодалы в молодости проявляют известную склонность к капризам и даже своеволию. Свободный от каких-либо обязательств по отношению к верховному властителю и к государству, такой молодой князек принадлежит одному себе и верой-правдой служит этому единственному своему хозяину — благо у него вполне хватает времени в настоящем и предвидится роскошный его избыток в будущем. Все это, казалось бы, должно было изнежить князька, и, насколько известно, во всех других странах Европы так оно и получилось. Но благородная кровь, текущая в жилах наших князьков, в сочетании с нашим климатом, способствует страсти к охоте, а затравив лису, они приносят пользу одновременно отечеству и собственному здоровью. Таким образом, у нас создалось мужественное и славное племя князьков, среди которых Уилоби был отнюдь не из последних. Не желая ни в чем уступать себе подобным, он усердно развивал свои способности. Если бы общественный вкус склонялся к философии и нашими национальными героями были философы, Уилоби занялся бы книгами. Правда, он интересовался наукой, у него даже была собственная лаборатория.

Однако в юные годы свою похвальную страсть первенствовать он утолял на поле брани, где сражался с лисами, зайцами и пернатой дичью. Чувство соревнования было развито в нем так сильно, что оно сказывалось и на поприще любви: чтобы повергнуть его к ногам красавицы, обычно требовалось наличие соперников.

Впрочем, он считал себя исключительно постоянным в своих привязанностях. Так, он никогда не обескураживал Летицию Дейл в ее преданной любви к сэру Уилоби Паттерну. И даже когда прекрасная Констанция Дарэм («гопочная яхта», по определению миссис Маунтстюарт) увлекла его в своем фарватере, даже тогда не переставал он думать о Ле-

тиции, смотреть на Летицию, на застенчивую лесную фиалку Летицию.

Выдержку, которая не покидала Уилоби под ливнями лести, можно было бы уподобить спокойствию индийских кумиров во время богослужения — с той лишь разницей, что у него не было пьедестала, который служил бы ему опорой и помогал справляться с головокружением; вместо этого ему приходилось безостановочно скользить по паркету, искусно балансировать, поворачивая голову то влево, то направо, и обращаться к своим поклонникам и поклонницам с изысканнейшими речами. Словом, деревянным кумиром быть куда легче, чем божком во плоти! Однако Уилоби прекрасно справлялся со своей ролью. Князьков с детства приучают смотреть на себя, как на существа, отличные от нас с вами, так что стараниями наставников, а также в силу некоего таинственного врожденного дара, они ухитряются сохранять равновесие там, где мы с вами давно бы его потеряли. Уилоби казался старше своих лет, но не оттого, что утратил свежесть, — он считал, что положение обязывает его держаться с особым тактом и достоинством. Так, когда седовласый старец, возложив маститую руку на вихрастую голову юнца, пророчит ему блистательную будущность, тот невольно ощущает себя старше на несколько лет.

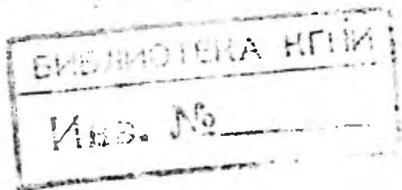
В ответ на изречение миссис Маунтстюарт, которое ему не замедлили передать, Уилоби с улыбкой произнес: «Она к услугам миссис Маунтстюарт».

Слова эти, в свою очередь, были переданы миссис Маунтстюарт, а эта дама в ответ вызвалась принести в дар означенной Ногге шелковую ленточку. И наконец, в наэлектризованной атмосфере бальной залы, двери которой были распахнуты в столовую, где танцоров уже поджидал накрытый стол, эти двое встретились, и между ними завязался изящный, остроумный разговор. Уилоби повел миссис Маунтстюарт к столу.

— Будь я на двадцать лет моложе, я бы, пожалуй, вышла за вас замуж, — сказала она, — чтобы излечиться от своего увлечения.

— В таком случае я, сударыня, — отвечал он, — принял бы какие угодно меры, чтобы помешать вашему излечению — какие угодно, кроме развода.

На самом деле их беседа была, разумеется, много остроумнее; мы передаем лишь обрывок разговора, который кому-то удалось подслушать.

— Да, нелегкое дело подыскать ему достойную невесту, — сказала миссис Маунтстюарт, заключая новый круг славословий, ею же начатый в «индийском будуаре» леди Паттерн, куда уединились дамы, чтобы без помех предаваться своим эфемерным беседам.

— Уилоби выберет себе невесту сам, — заметила на это его матушка.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Констанция Дарэм

И еще долгое время после того памятного дня, когда Уилоби праздновал свое совершеннолетие, этот вопрос, столь животрепещущий для всего графства, обсуждался повсюду — и в домах, обильных дочерьми, и там, где их не было вовсе. Леди Буш делала ставку на Констанцию Дарэм. Она смеялась над миссис Маунтстюарт-Дженкинсон, поддерживавшей кандидатуру Летиции Дейл. Леди Буш была постарше миссис Маунтстюарт, она еще застала отца сэра Уилоби, чей союз с представительницей богатейшей ветви рода Уитфордов отвечал самым строгим требованиям рассудка. «Паттерны всегда женятся на деньгах, они отнюдь не романтики», — говорила леди Буш. На стороне мисс Дарэм была могучая триада, без которой немисливо было представить себе невесту для отпрыска дома Паттернов: деньги, красота, здоровье. Владелец обширных поместий в западной части графства, солидный и важный сэр Дарэм, казалось, был самой судьбой предназначен сделатья тестем сэра Уилоби. Отец мисс Дейл, потрепанный жизнью и многолетней службой в Индии армейский лекарь, арендовал один из коттеджей сэра Уилоби, расположенных позади паттерновского парка. Его дочь была бесприданница и поэтесса. Она даже сочинила гимн в честь совершеннолетия баронета, и все оценили тонкость этого хода: какая, однако, смелость — вот тебе и робкая душа! Мисс Дейл явила миру тайну, которая покоилась на дне ее поэтической шкатулки, — ведь в этих стихах она чуть ли не предлагала руку и сердце своему герою! Она была очень педурна: длинные темные ресницы и синие глаза, из которых всякий раз, что Уилоби взглядывал в ее сторону, душа так и рвалась наружу. А он в ее сторону поглядывал, — да еще

как поглядывал! — хоть и танцевал в тот вечер все больше с мисс Дарэм, а Летицию ни разу не пригласил. Заключительную кадрили она танцевала с Верноном, которого к ней подвел сам сэр Уилоби, и его частые взгляды, должно быть, означали всего лишь сочувствие изящной девушке, обреченной танцевать с таким неуклюжим партнером. Вернон беспрестанно путал фигуры, сбивая с толку свою даму и других танцоров и вызывая добродушный смех у кузена Уилоби. Не надо забывать, что был уже пятый час утра — час, когда танцующие испытывают настоятельную необходимость пад кем-нибудь посмеяться, хотя бы для того, чтобы дать роздых ногам; час, когда любому остряку, вызвавшемуся рассмешить общество, обеспечен бурный успех. Сэр Уилоби сравнивал Вернона то с заблудившимся в лабиринте Тезеем, который не может и шагу ступить без своей Ариадны, то с мухой, которую только что вызволили из банки с вареньем, то с пловцом, которого русалки увлекли в свой хоровод. Неистощимый в сравнениях — одно удачнее другого, — Уилоби засыпал ими мисс Дарэм во время кадрили, чем окончательно упрочил в ее глазах свою репутацию остроумного собеседника. Говорили, будто он намерен уступить Летицию Дейл кузену Вернону, и не только на время кадрили — не прежде, однако, чем окончательно свяжет свою собственную судьбу с мисс Дарэм. В великодушии Уилоби никто не сомневался, и, однако, это его намерение так и оставалось намерением; петля была накинута, но медлила затянуться. А покуда он продолжал ухаживать за Летицией, разумеется, в интересах своего кузена, доказывая этим лишь то, что голос братской привязанности заглушал в нем голос любви. Зная о его благородстве, никто этому не удивлялся; впрочем, никого бы не удивило, если б в конце концов он взял да и женился на бесприданнице сам.

Одно время поговаривали о некоей интересной молодой вдове из высших кругов общества, которая якобы чуть не уловила его в свои сети. А почему бы, собственно, ему и не породниться с нашей аристократией, спросила его миссис Маунтстюарт, на что он ответил, что аристократические невесты обычно бесприданницы, да и происхождение их подчас довольно сомнительно. Нет, нет, у него еще, слава богу, есть голова на плечах! Долг по отношению к роду стоял у него на первом месте; как знать, быть может, именно этот долг и побуждал его, подавив собственную сердечную склонность, уступить Вернону худенькую хрупкую Летицию? Мысль о

вдове, несмотря на ее высокое положение в обществе, казалась ему почему-то даже оскорбительной.

— Я — жениться на вдове? Я? — воскликнул он, не подумав, что беседует со вдовою. Правда, миссис Маунтстюарт была уже не молода, а мысль, что он, сэр Уиллоби Паттерн, способен жениться на вдове, привела его в такую ярость, что на какое-то мгновение он даже позабыл о требованиях хорошего тона. Он просил миссис Маунтстюарт всегда и везде самым решительным образом опровергать этот слух, повторил это желание дважды и, поскликинув в заключение еще раз: «На вдове? Я?!» — всей своей фигурой изобразил это негодующее местоимение. Миссис Маунтстюарт, овдовев, не пожелала вступить еще раз в брак, а такие неприступные дамы, как известно, способны хотя бы отчасти оцепить щепетильность, которая руководила сэром Уиллоби. Редкая из них признается, — даже насиде с собою! — что чуть было не вышла замуж вторично. Поэтому они до некоторой степени могут представить себе отношение джентльмена к вдовьему чепцу. Но такая чрезмерная деликатность чувств, когда одно упоминание пустого слуха о возможном союзе с юной вдовой некоего графа воспринимается, как оскорбление... Непостижимо! Впрочем, сэр Уиллоби сменил гнев на милость. С вершины своего молодцеватого, по-военному подтянутого «я» он увидел в зеркале своего воображения сэра Уиллоби Паттерна, исполненного горделивой неги и с челом, увенчанным наслаждением. Подпустив великодушного тумана, он намекнул на кое-какие обстоятельства, быть может давшие повод для возникновения странного слуха, и тут же привел веские доказательства полной несостоятельности этого слуха. Миссис Маунтстюарт пожурела его за ветренность и прочла соответствующее нравоучение. Впрочем, после этого разговора она принялась повсюду с жаром опровергать слух о молодой графине: «Не беспокойтесь, мои дорогие, он на ней не женится».

Между тем начали опасаться, как бы сэр Уиллоби не упустил возможности жениться на прекрасной мисс Дарэм.

Перед маленькими князьками иной раз возникают довольно серьезные дилеммы. На них следовало бы останавливаться почаще, в назидание простым смертным, дабы те имели представление о громах и стрелах, что угрожают баблням судьбы. Насколько успешнее, можно было бы тогда проповедовать смирение и покорность судьбе тем беднягам, которые либо вынуждены отказать от брака по причине

недостатка средств, либо женятся без оных и кряхтя песут свою ношу, пытаясь прокормить супругу и армию ребятишек, старательно взращиваемых для того, чтобы и они, в свою очередь, могли занять место где-нибудь на задворках общества! В стране с высокими моральными устоями мораль никогда не бывает излишней — особенно когда она призвана укрощать неразумную зависть и сдерживать беспокойную жажду перемен. Итак, перед сэром Уилоби возникла дилемма: по обе его руки стояли две особы, единственные (если не считать его столичных завоеваний, коих, впрочем, и поминать бы не следовало), которым довелось затронуть его сердце. Поклонник жеяской красоты, он был очарован прекрасной Констанцией Дарэм. Не менее восприимчивый к поклонению собственной персоне, в Летиции Дейл он видел чудо ума. Предстояло сделать выбор между царственной розой и скромной фиалкой. Перед первой он преклонялся, вторая преклонялась перед ним. Двумя владеть нельзя — таков закон, одинаковый для всех, для простых смертных и для князей. От которой же из них отказаться? По мере того как Уилоби узнавал свет, он все больше начинал ценить такое сердце, как сердце мисс Дейл. Вместе с тем, у всякого, кто заглядывался на Констанцию Дарэм, невольно дух захватывало. Это была красота быстроходной яхты, несущейся с попутным ветром на всех парусах. И к тому же эта яхта несколько не стремилась его завоевать, а, напротив, спасалась от него, как от преследователя. В часы задумчивости сэр Уилоби склонялся к той, что в магическом зеркале показывала ему его собственный образ; когда же в нем просыпалась страсть, верх брал магнетизм, исходящий от той, что его бежала. И наконец, было еще обстоятельство, мешавшее ему сделать окончательный выбор — его любовь к личной свободе. Ничем не связанный, свободный, он был как-то царственнее; он мог удержать под своим скипетром больше покорных рабынь, быть полновластным повелителем в королевстве женщин — словом, мог оставаться самим собою. Печальный опыт столичной жизни кое-чему его научил, он уже понимал, что, связывая женщину брачными узами, мы отнюдь не обеспечиваем себе ее пожизненного слепого поклонения.

Колебаниям сэра Уилоби положила конец леди Буш, ненароком повторив при нем ходившие слухи, будто один из его соперников готов уже трубить победу: сэр Уилоби тотчас сделал предложение. Мисс Дарэм ответила согласием, и со-

стоялась помолвка. Покуда сэр Уиллоби медлил и колебался, другие уже подбирались к его добыче и чуть не проглотили ее целиком. И хоть это в конечном счете и способствовало победе сэра Уиллоби, щепетильность его была уязвлена. Увы, не из сияющей чистоты монастырской кельи вывел он свою невесту! Сэр Уиллоби и в душевных своих устремлениях был князьком — князьком и деспотом! — и хотел бы, чтобы его возлюбленная явилась к нему только что вылупившимся из скорлупы цыпленком — о, конечно, он понимал, что мир она должна воспринимать не по-цыплячьи, но пусть, покуда сэр Уиллоби не разобьет ее скорлупы сам и не предстанет перед ее девичьим взором первым мужчиною, какого ей доведется видеть, пусть она до той поры пребывает в цыплячем неведении! А между тем его невеста непринужденно болтала о всяких кузенах и просто друзьях мужского пола. Правда, в ответ на его невысказанный горький упрек она могла бы спросить: «Зачем вы не сделали мне предложения тогда, в день вашего совершеннолетия?» В ту пору на ее крылышках еще не осела житейская пыль, да и у него самого, верно, не проявилось это его странное свойство, которому в дальнейшем суждено было сыграть столь роковую для него роль. Дело в том, что он до смешного был неспособен испытывать ревность к отдельным лицам и, несмотря на то что в толпе охотников, преследовавших Констанцию, заметно выделялся некий капитан Оксфорд, думал о нем не более, чем о каком-нибудь Верноне Уитфорде. Его врагом был свет, толпа, обрушивающая на нас всю свою тяжесть, обдающая своим дыханием избранницу нашего сердца, которую мы уже никакими силами, никогда не очистим от этого тлетворного прикосновения. Свет только и стремится унижить наше горделиво подбоченившееся «я»; смять нашу личность, насмеяться над нашей брезгливой разборчивостью. Мыслить значит ненавидеть свет.

Едва помолвка была объявлена, все, как один, стали говорить, что у Летиции Дейл никогда не было ни малейшего шанса на победу, а миссис Маунтстюарт-Дженкинсон с истинно христианским смирением признала: «Я не оракул». Зато претендовать на это звание могла леди Буш: все, что она предсказывала, разыгралось как по-писаному. Мнение всего графства разделялось и самой Летицией. Мечтать она, конечно, мечтала, но сознавая, что мечтает наперекор рассудку. Не мечтать было нельзя — звезда сияла так ярко! Но и надеяться было невозможно — она сияла так недося-

гаемо высоко. Отец Летиции был одинокий, большой человек, а Летиция — его единственной опорой; он давно уже решил, что ей суждено сделаться хозяйкой Паттерн-холла, и очевидная радость, которую он черпал в этой мысли, служила для бедной девушки еще одним источником терзаний. Шум, вызванный помолвкой, заставив его замолчать, не переубедил его: подобно всем затворникам, он был неспособен отказать от мысли, раз засевшей у него в голове. Сэра Уиллоби он обычно видел в обществе Летиции, а в ее присутствии молодой баронет мигмом преображался в резвого мальчугана. Еще детьми они играли вместе, большой мальчик и маленькая девочка. Уиллоби был красивый белокурый ребенок. Портрет, висящий в Большом доме, где он изображен небрежно прислонившимся к своей лошадке, — в широкополой шляпе, из-под которой льняные локоны волною ниспадают на плечи, на всю жизнь запечатлелся в сердце Летиции, как нетленный образ ангела. Впоследствии, уже взрослым Уиллоби всецело ее поработил. Это случилось, как ей казалось, само собой, без всякого усилия с его стороны, и мысль о непогрешимости ее кумира доставляла неизмеримо больше радости этой преданной душе, нежели мечты о собственном счастье. Кое-кому это напомнит исступленный фанатизм поклонников Джаггернаута, но ведь именно такого рода страсть и внушают маленькие князьки. Не удивительно, что консервативный слабый пол так хлопочет о незыблемости княжеских тронов — ведь если троны падут, не на что будет взирать снизу вверх; если уничтожить маяки, сровнять их с землей, то погаснет их ослепительный свет. Пусть отдельные представительницы женского рода и сгорают на жертвенном огне — не беда: лишь бы не угасал этот пламень, лишь бы не прекращалось всеобщее женское поклонение культу идеального молодого человека! Мы требуем от женщины целомудренной чистоты. Но и они вправе предъявлять нам свои требования: кумир, которому они поклоняются, обязан быть верхом привлекательности. А что же делает мужчину привлекательным в глазах женщины, как не всеобщее преклонение ее сестер — преклонение перед маленьким князьком, блистающим добродетелями и вместе с тем далеко не аскетом? Быть может, когда-нибудь, в далеком будущем, у человечества и откроются глаза — с каким изумлением будет оно взирать на своих вчерашних кумиров! Но покуда день этот не наступил, людям остается одно: молиться им по-прежнему.

Летиция по-прежнему молилась своему кумиру. Она уже несколько раз видела мисс Дарэм в усадьбе Паттернов. Она была в восторге от этой пары. Она хотела непременно присутствовать при церемонии бракосочетания и ожидала этого дня с тем смешанным чувством грусти и нетерпения, какое мы испытываем, приближаясь к концу романа, когда — еще в плену его очарования — мы уже предвидим развязку, а с ней — освобождение от чар. В таком-то состоянии духа в одно воскресное утро, за десять дней до означенной церемонии, Летиция держала свой одинокий путь в церковь через парк сэра Уиллоби и вдруг повстречала там его самого. Между тем, по ее расчетам, он должен был находиться в дальнем конце графства, там, где жила мисс Дарэм. Ведь еще накануне — Летиция знала это наверное — ему оседлали коня, и он поскакал к ней. Почему же он здесь? И, к удивлению Летиции, подает ей руку и вместе с нею направляется к церкви! Всю дорогу он болтал так оживленно, смеялся так весело, что Летиции невольно припомнился случай, когда на одной из аллей к ее ногам свалился охотник, неудачно перемахнувший через изгородь; как истый джентльмен, он тотчас вскочил и со словами: «Пустяки! Царапина! Никогда не чувствовал себя лучше!» — пошел прочь, пошатываясь и зажимая рукою висок, из которого сочилась кровь. Так и сэр Уиллоби; он безмятежно щебетал о том, как он рад, как рад, что повстречался с Летицией.

— Мне удивительно везет, — уверял он и повторил эту фразу несколько раз. Да и все, что он говорил, он повторял по нескольку раз. Говорил же он без умолку. Рассказывал забавные анекдоты, рисовал местные нравы, и первый же им смеялся — но тогда — то странно, не разжимая рта. Вот они уже на церкв... а он все говорит-говорит, вот Л... Мауптстюарт-Дженкинсон... лептывать ей что-то на у... льно, но уж очень все это казалось... глым. Он склонил к ней лицо, и, если бы глубокие капоры не вышли из моды, оно оказалось бы почти целиком скрытым от посторонних глаз. А каким участием светился устремленный на нее пытливый взгляд!

Когда служба кончилась, он вновь подошел к Летиции, минуя почтенных дам, подал ей руку и вывел из церкви в дверь, которая открывалась прямо в парк. Он шел, все так

же склонившись к ней, прерывая стремительный поток слов лишь для того, чтобы с жадным вниманием ловить ее тихие реплики. Время от времени, однако, судорожное оживление покидало его, глаза тускнели, взгляд становился невидящим. Она отвечала ему односложно, с опаской, боясь выдать свое недоумение. Впрочем, один вопрос она отважилась ему задать.

— Надеюсь, мисс Дарэм здорова? — спросила она.

— Дарэм? — переспросил он. — Я не знаю, о ком вы говорите.

Уж не упал ли он вчера с лошади, подумала Летиция, не ушиб ли голову? Она чуть не спросила его об этом, но вовремя спохватилась: разве может такой пустяк, как падение с лошади, хоть сколько-нибудь повлиять на самочувствие английского джентльмена?

На другой день он зашел к ней и, призывая в свидетели мистера Дейла, принялся уверять, будто накануне она обещала совершить с ним прогулку. Мистер Дейл не мог этого припомнить, однако уговорил дочь оставить его и отправиться с сэром Уилоби. И вот она снова очутилась с ним в парке, и снова внимала его восторженным разглагольствованиям о минувших днях. Ее короткие ответы, по-видимому, вполне его удовлетворяли. На этот раз он все время приговаривал: «Ну вот, я опять стал самим собою». А Летиция, чтобы доставить ему удовольствие, восхищалась красотами парка и Большого дома.

О мисс Дарэм он не обмолвился ни словом, и Летиция не решалась больше упоминать ее имя.

Прощаясь, Уилоби обещал прийти к ней на другой день. Он не пришел. Летиция, впрочем, простила его от всей души, когда ей стала известна история, которая с ним приключилась.

История была печальная. Сэр Уилоби проскакал тридцать миль лишь затем, чтобы услышать от сэра Джона Дарэма, что Констанция два дня назад уехала к тетушке в Лондон и только что прислала письмо, в котором объявляет о своем бракосочетании с однополчанином ее брата, гусарским капитаном Оксфордом. Удар был ужасен, и, забыв все на свете, не щадя ни себя, ни своего коня, Уилоби в ту же ночь поскакал домой. Дома его ожидало письмо от новобрачной. Это было в ночь на воскресенье. На следующий день он и повстречал Летицию в парке, пошел с нею в церковь и вышел с нею оттуда; и еще на другой день, перед тем как

исчезнуть на несколько недель, прогуливался с нею по дороге на виду у проезжавших экипажей.

Освободив его от слова, судьба, пусть и не совсем деликатно, распорядилась весьма удачно. Честь джентльмена, видите ли, не позволяла сэру Уиллоби нарушить его первым. Другое дело — девушка, охваченная ревнивой досадой, ей извинительно все! Вместе с тем свет имел возможность убедиться, что ее поступок не причинил сэру Уиллоби ни малейшего страдания. Мисс Дарэм, так утверждали люди знающие, была избранницей леди Паттерн. У самого сэра Уиллоби никогда к ней сердце не лежало — и вот наконец ему удалось склонить на свою сторону леди Паттерн: отныне ничто уже не препятствует его союзу с мисс Дейл. Исполненная романтической прелести, история эта вызвала во всем графстве волну сочувствия к общему любимцу. Быть может, общественное мнение отнеслось бы холоднее к сэру Уиллоби, если бы он остановил свой выбор на бедной и незнатной девушке с самого начала. Но обществу было так потрясено поступком мисс Дарэм, обществу так претила мысль об унижении столь выдающегося его представителя, что оно было готово простить сэру Уиллоби и бесприданницу. Отныне Констанцию величали не иначе как «эта сумасбродка». А у Летиции обнаружилось множество новых достоинств; все вдруг оценили мягкость ее обхождения, ее живой и острый ум и поняли, что именно о такой леди Уиллоби они и мечтали — о гостеприимной хозяйке, призванной оживить церемонную скуку Большого дома. Уступая настоятельным приглашениям леди Паттерн, она сделалась частой гостьей в этом доме. Иногда она заставляла там и самого сэра Уиллоби, который был поглощен устройством своей химической лаборатории и никого не принимал, на что никто, впрочем, и не был в претензии, ибо все сознавали, что какое-то время ему иначе нельзя. Он с головой ушел в науку и ни о чем другом не говорил; в наш век, утверждал он, только она и достойна беззаветной преданности. Летиция, надо полагать, не попадала под это широкое обобщение, — во всяком случае, он продолжал за ней ухаживать со скромным достоинством человека, который чудом вырвался из ненавистных пут и вернулся к предмету своего первого, самого глубокого чувства.

Непритязательное ухаживание сэра Уиллоби длилось два три месяца, а по истечении этого приличествующего обстоятельствам срока сэр Уиллоби покинул родной край и отправился в кругосветное путешествие.

Летиция Дейл

Внезапный отъезд сэра Уилоби вновь поверг общество в недоумение.

Не будем заглядывать в душу женщины, которые привыкли стоически переносить голод. Они, должно быть, находят для себя некую неведомую нам пищу, ибо как-никак не умирают от истощения. Надо полагать, они дозольствуются самой пехитрой пищей и обогреваются скудным запасом тепла, отпущенного им природой, ибо жизнь еле теплится в этих созданиях, которые даже не заявят о своих муках во всеуслышание. Эти пари, которые не умеют воспользоваться патетичностью своего положения, в конце концов вызывают чувство снисходительной жалости, столь близкое к презрению. Больше месяца держало общество наготове жилетку, и если бы Летиция соизволила омочить ее слезами и разыграла бы по всем правилам провинциальную драму, ее бы носили на руках. Разумеется, в этом случае образовалась бы антидейловская партия, партия холодных людей, осуждающих Летицию за ее притязание из глубины своего ничтожества взойти на трон Паттернов; но зато, в противовес этой партии, образовалась бы и другая — партия антиуилобистов; в нее бы вошли два-три революционера, жаждущие свергнуть это тирании (а таковые у нас в Англии объявляются при малейшем признаке общественного брожения), небольшое число отзывчивых душ, обладающих врожденным даром сочувствия и неиссякаемой способностью отвечать слезою на слезу, да кучка добрых самаритян, вечно спешающих на помощь страждущему человечеству. Но представление не состоялось. Летиция по-прежнему, с тем же выражением скромного благочестия на лице, по воскресеньям посещала церковь, по-прежнему принимала приглашения в Большой дом, присутствуя в тесном семейном кругу при чтении писем Уилоби, в которых ее имя не упоминалось, и довольствуясь этими сухими корочками. Она не пожелала воззвать к общественному сочувствию.

И очень скоро общественная жилетка от нее отвернулась. Была выдвинута новая версия, по которой выходило, что Летиция слишком ничтожна для высокого звания хозяйки Паттерн-холла. Разве могла бы она с достоинством принять

гостей? По-видимому, сэр Уиллоби и сам убедился, что бедная девушка ему неровня, и, чтобы окончательно подавить в своем сердце остатки злополучной привязанности, уехал путешествовать; к тому же чувство это не слишком его беспокоило — если судить по его письмам, по этим неподражаемым письмам! Леди Буш и миссис Маунтстюарт имели счастье их читать. В этих письмах к родным, помеченных крупными городами Северной Америки, вырисовывался образ самого сэра Уиллоби, образ блистательного представителя нашей молодой британской аристократии. Это всего лишь беглые заметки, писал он, в которых ему хотелось бы в самых общих чертах набросать облик «наших демократических кузенов». Ох, уж эти мне кузены! Да это просто-напросто — наша морская пехота! Сэр Уиллоби объездил Североамериканский материк, измеряя все на свой британский аршин, и — ограничившись простой констатацией фактов — сумел дать своим ближайшим друзьям и родственникам понятие о результатах своих исследований. Сопоставляя эти факты самым нелепым образом, он мастерски достигал иронического эффекта. Смехотворность хваленного равенства в этой стране, осененной звездно-полосатым знаменем, он выразил с максимальной простотой: «Равенство? Хм! Равенство!» В его письмах встречались и рассуждения: «Эти наши кузены чрезвычайно забавны. Я враждаю среди потомков Круглоголовых. Время от времени они позволяют себе — разумеется, в самом дружественном тоне — язвительные намеки на нашу старинную распрю. Что ж? Мы продолжаем идти своим путем, они идут своим, и свято при этом верят, что республиканский строй сам по себе способен произвести удивительные перемены в человеческой природе. Вернон тоже изо всей мочи пытается в это уверовать. Первые «десять тысяч» у наших кузенов соответствуют парижским «бешеным», остальные — ни дать ни взять — наши радикалы (насколько мне позволяет судить знакомство с этой группой моих соотечественников). Когда наши заатлантические кузены пытаются нам подражать, они смешны; когда отступают от наших обычаев — чудовищны».

Между письмами Уиллоби и письмами Вернона различие было не менее резким, чем между кузенами, разделенными Атлантическим океаном. Читая эти письма, трудно было поверить, что авторы их — близкие родственники и что путешествуют они вместе. Еще труднее было поверить, что Вернон родился и вырос в Англии. Под пером этих двух путешественников одни и те же сцены, казалось, происходили на

различных полушариях. Вернон был начисто лишен иронической жилки. Он не обладал могучим эпистолярным талантом своего родственника, заставлявшего читателей поминутно восклицать: «До чего же это — Уилоби!» — не было у него той магии, которая переносила их через просторы Атлантики, позволяя видеть своего баронета во всем его великолепии и мысленно ему рукоплескать.

Они видели его как живого. В каждом росчерке его пера, в каждом словечке и даже в каждом умолчании чувствовался сам Уилоби; это был автопортрет в рост на фоне Америки, Японии, Китая, Австралии и, наконец, Европы — автопортрет сэра Уилоби Паттерна, взирающего на уродцев мироздания, населяющих эти земли. Рядом с ним Вернон казался простаком, который не умеет отстоять свое достоинство, радуется всякому доброму слову, благодарит за любое приглашение на обед и смиренно пытается разобраться в своих впечатлениях. Ну, да ведь один из них Паттерн, а другой — всего лишь Уитфорд. Этим все сказано. Первый — прирожденный талант, второй — старательный школяр, который ковыляет за ним, как может. Первый всегда и везде, куда бы ни заносила его судьба, прежде всего — английский джентльмен. Второй представляет собой нечто неопределенное, какую-то новую формацию, получившую последнее время распространение в Англии и не сулящую ничего хорошего ни себе, ни своему отечеству.

Уилоби дал бессмертное описание Вернона на американском балу. «Итак, adieu¹ кузенам! — писал он по дороге в Японию. — Если я и пользовался некоторым успехом на их балах, если моя английская посадка в седле и произвела некоторое впечатление, то в целом завоевать их симпатии мне все же не удалось. Распевать с ними их национальный гимн — если только сваленные в кучу разнородные штаты можно именовать нацией! — я не мог и должен признаться, когда они пели этот свой гимн при мне, я их выслушивал с ледяною вежливостью. О, это великий народ, спору нет! Скажем же ему «прости». С трудом удалось мне оторвать от него беднягу Вернона, который начал всерьез подумывать о том, чтобы обосноваться там навсегда, и даже намерен кое с кем из них переписываться». Уилоби дал, впрочем, понять, что, если отвлечься от некоторых черточек, рисующих наглость аборигенов (каковые черточки перо Уилоби,

¹ Прощай (франц.).

разумеется, не преминуло воспроизвести), можно считать, что его посещение Америки обошлось без особых приключений. Правда, господин Президент — намеренно, нет ли — позволил себе быть невежливым; ну, да чего ожидать от человека его происхождения! С подобными восклицаниями и умильными помахиваниями львиного хвоста во славу Британии — Владычицы Морей, которая, видимо, ожидала от него сих хвостовых изъятий патриотизма, — сэр Уилоби Паттерн ретировался из этой страны непостижимых нравов и обычаев. Впоследствии, когда ему доводилось говорить об Америке, он отзывался о ней с почтительной задумчивостью, как бы несколько поджав вышеозначенный хвост. Надо полагать, что из этого путешествия он извлек кое-какие уроки. Дело в том, что иные кузены становятся великими мира сего и во избежание неприятностей их лучше не дразнить. Не дай бог, чтобы интересы кузенов когда-нибудь столкнулись!

После трехлетнего отсутствия Уилоби вернулся в свою родную Англию. Прекрасным апрельским утром, в последний день этого месяца, он подъезжал к воротам Паттернхолла, и по счастливой игре случая первой, кого он повстречал, оказалась Летиция. С небольшой стайкой девочек-школьниц она переходила дорогу, пересекавшую луг, где они собирали полевые цветы к предстоящему весеннему празднику. Он выскочил из кареты и стиснул ее руку в своей.

— Летиция Дейл! — воскликнул он, с трудом переводя дыхание. — Ваше имя звучит как английская музыка! Вы в добром здоровье, не правда ли?

Вопрос, в котором было столько дружеского участия, не мог не сопровождаться соответственным взглядом — глаза в глаза. Там он нашел то, что искал — свое отражение, крепко обнялся с ним и, отпуская руку Летиции, произнес:

— Вы, и эти девочки, и эти цветы! В самых горячих своих мечтах не мог я вообразить, что родина встретит меня такой прелестной картиной! Но нет, я не верю в случай! Мы должны были встретиться с вами именно так — не правда ли?

Летиция еле слышно пролепетала что-то о своей радости.

Он вручил ей золотую монетку на всю компанию и стал спрашивать, как кого зовут.

— Мери, Сузен, Шарлот — нет, мне не нужно фамилий! Милые мои, приходите ко мне со своими венками завтра утром — да пораньше, смотрите! Я не люблю соней и лежек! А что, Летиция, очень я загорел?

Он улыбнулся, как бы прося извинения за иноземное

солнце, и тихо, почти про себя, продолжал изливать свои восторги:

— Что может сравниться с нашей английской зеленью? Как она восхитительна! Но если вы хотите понять всю прелесть нашей Англии, покиньте ее на время и прокоптитесь как следует под солнцем чуждых широт. Только тогда научаетесь все это цепить, когда, подобно мне, вкусишь изгнание, — ах, сколько же лет оно длилось? Сколько?

— Три года, — сказала Летиция.

— А не все тридцать лет? — воскликнул он. — Я чувствую, что постарел гораздо больше, чем на три года. Впрочем, глядя на вас, скажешь, что и трех лет не прошло. Вы все та же. Вы ничуть не переменялись. Мне хочется думать, что это так во всех отношениях. Ну, да я к вам зайду, и очень скоро. Нам надо о стольком с вами потолковать, мне столько надо рассказать вам! Я не замедлю навеститься к вашему отцу. С ним у меня особый разговор. Но я чуть не забыл о своей родной матушке! Прощайте — ненадолго — всего на несколько часов!

Он снова стиснул ее руку. И в следующую минуту его уже не было.

Она отпустила детей по домам. Сбирать желтые примулы показалось ей теперь если и не каторжным трудом, то, во всяком случае, занятием весьма пресным. Зачем только спустилась на землю ее звезда — уж очень будоражит это сияние! Вместе с тем восторженный патриотизм сэра Уиллоби действовал подобно весеннему дождю, вступающему в единоборство с холодным восточным ветром, когда в воздухе разливается благоухание и все кругом оживает и облекается в яркие краски. Поддавшись своей давней слабости, Летиция вновь подивилась непостижимому поступку Констанции Дарэм. Она простить не могла ей горя, которое та причинила этому великодушному волшебнику, этому бедному изгнаннику с аристократическим обветренным лицом и проникновенным взглядом. Ах, как глубоко в душе умели читать эти глаза! Перед духовным взором терпеливой женщины возникла картина пышного пиршества. Голод заявил о себе, мелькнула надежда, а с ней — улетучилось терпение. Летиция гнала надежду, призывала терпение вернуться, но не могла заглушить голос природы. «Не вечно же быть зиме!» — убеждал этот голос. А мы, можем ли мы осуждать Летицию за то, что, почувствовав тепло, она решила, что это весна, что возвращение Уиллоби предвещает смену вре-

меня года, кладет конец долгой зиме? С ее отцом у него — разговор особый, он так и сказал! Что бы это значило? Только одно — что он... но нет, она не смела облечь свою мысль в слова, не решалась даже сколько-нибудь на ней задержаться.

Когда они встретились в следующий раз, она была уже не «Летиция», а «мисс Дейл».

Неделю спустя он беседовал с ее отцом, один на один. И весь вечер этого столь многообещающего дня мистер Дейл на все лады расхваливал великодушие сэра Уиллоби, предложившего продлить аренду на прежних условиях. Если не считать двух-трех комплиментов, сказанных сэром Уиллоби по адресу Летиции, вся их беседа была не больше как деловой разговор помещика с арендатором.

— Итак, нам не придется расставаться с нашим коттеджем, — произнесла Летиция тоном глубокого удовлетворения, тихонько задушив зародившуюся в ее груди надежду. К вечеру ее дневник украсился новой записью:

«Какой же дурочкой я была сегодня! Что-то завтра?»

А на завтра и в продолжение многих дней в дневнике вместо слов появлялись одни многоточия.

Терпение нехотя возвращалось к ней и снова сделалось ее единственной пищей. Эта пища казалась ей еще более скудной, чем прежде. Терпение — диета успокоительная, по отнюдь не сытная. Оно удел покойников, и мы в некотором роде уподобляемся им, когда слишком долго, без передышки сидим на этой диете. Увядавшие впалые щеки не свидетельствовали в пользу Летиции и как бы оправдывали ее кумира в том, что он обходит ее своим благосклонным вниманием. Иногда она видела его в Большом доме. Он не замечал в ней перемен и в обращении с ней был по-прежнему любезен и ласков. Подчас, подняв глаза, она ловила на себе его взгляд, но он всякий раз переводил его на матушку. И Летиция запрещала себе думать, опасаясь мыслей, как смертного греха, а надежды, как призрака, которому не дает угомониться нечистая совесть. И все же она невольно задавала себе вопрос: неужели все дело в леди Паттерн? Впрочем, свое кругосветное путешествие он и в самом деле предпринял, повинувшись желанию матушки, женщины болезненной и честолюбивой. А теперь, как ей ни хотелось, чтобы сын жил с нею в Паттерн-холле, она одобряла его решение поселиться в Лондоне.

Однако сэр Уиллоби, со свойственной ему невозмутимо-

стью, в один прекрасный день объявил леди Паттерн, что намерен сделаться сельским жителем и навсегда покинуть столицу, это кладбище человеческой души. Он решил обосноваться у себя в имении и управлять хозяйством, пригласив в помощники Вернона Уитфорда. Сэр Уилоби тут же забавнейшим образом расписал жите-бытье своего кузена, который с помощью литературных занятий тщился пополнить свой пищенский бюджет, дабы иметь возможность два месяца в году проводить в своих любезных Альпах. До кругосветного путешествия Уилоби имел обыкновение отзываться о своем кузене с насмешкой; к тому же мало для кого было секретом, что некогда Вернону довелось каким-то сумасбродством оскорбить родовую гордость Паттернов. Однако после совместных странствий Уилоби стал признавать за Верноном кое-какие способности и, казалось, уже не мог без него обходиться.

С появлением мистера Уитфорда Летиция обрела спутника для прогулок. Уилоби не был создан для пешего хождения. Пешком?! По интонации, с какой он произносил это слово, следовало понимать, что скакать на лошади он готов хоть целый день. Но поскольку у Летиции не было верховой лошади, Уилоби был вынужден охотиться в одиночестве и предоставить ей гулять с Верноном, чем возбудил бескопечные пересуды в обществе. Впрочем, этим кривотолкам был положен конец после того, как мисс Эленор и мисс Изабел Паттерн стали чаще приглашать Летицию кататься с ними в карете, которую, как сразу было отмечено, сам сэр Уилоби в этих случаях неизменно сопровождал верхом.

В жизни Летиции произошла еще одна перемена, озарив ее существование лучом радости. Юный Кросджей Паттерн, сын того самого лейтенанта морской пехоты (к этому времени, впрочем, его уже произвели в капитаны), двенадцатилетний мальчик, неугомонный и резвый, как двенадцать мальчиков, вместе взятых, поселился в коттедже ее отца. Это была затея Вернопа. Переговорив с мистером Дейлом и заручившись его согласием, он привез мальчика в коттедж, взяв на себя все расходы по его содержанию. Что ж! Не обремененный именован, требующим постоянных издержек, Вернон, должно быть, не знал, на что употребить свои деньги, а вместе с тем был обуреваем страстью их тратить. Услышав, что у капитана Паттерна большая семья, мистер Уитфорд предложил Уилоби взять его старшего сына в Большой дом. Мысль эта, однако, не встретила сочувствия: сын такого

отца, вне всякого сомнения, окажется рыжим угреватым малым с невозможными манерами. Тогда-то Вернон и вступил в переговоры с мистером Дейлом, в результате которых отправился в Девоншир и вывез оттуда румяного коренастого мальчугана. Юный Кросджей с места в карьер атаковал жаркое и пудинг и, уничтожив их без остатка, очаровал своих хозяев простодушием, с каким он объявил, что ему еще ни разу в жизни не доводилось поесть вволю. Сытный стол требовал тренировки. Первое время, после нескольких «добавок», юный Кросджей протяжно и тяжело вздыхал, глядя на недоодеенное блюдо. Как только он немного освоился с мистером Дейлом и его дочерью, он им поведал, что у него имеются четыре сестры — две старшие и две младшие, а также три маленьких брата. «И все есть хотят!» Нельзя было без удивления смотреть на его скорбную рожицу, когда со стола убирали остатки пудинга, и слышать его горькие вздохи: ах, если б он мог прикончить это блюдо от имени всего девонширского семейства!..

Проделки мальчугана, его упоение деревенским привозом, его фепоменальная способность с головы до пят покрываться грязью проселочных дорог, задавали Летиции хлопот на весь день. Она занималась с ним науками по утрам — в те дни, когда ей удавалось его изловить, а Вернон — тоже, разумеется, если повезет, — после обеда. Юный Кросджей оживил бы всякий дом. Он не просто лепился, он энергично противился книжной премудрости, и тон, каким он восклицал: «Но я не хочу учиться!» — заставил бы призадуматься всякого, кто способен к логическому мышлению. Это было настоящее дитя природы; каждый раз, как наступал час уроков, его заново, с корнями вырывали из земли и насильно заставляли ломать свою большую круглую башку над безжалостными задачками. Зато он прекрасно знал повадки птиц — где какая прячет свое гнездо, как разводить кроликов с наибольшим успехом, на какую насадку клюет рыба; он изведаль также радости браконьерства, разделяя их с воинственными сельскими юнцами, и умел выклянчить у кухарки увесистый завтрак, с которым можно было закатиться гулять под дождем на целый день, — все эти науки он превозшел быстро, с помощью одних природных дарований. Пользуясь страстью мальчика к военному флоту, наставникам все же с грехом пополам удавалось склонять его к занятиям; он наконец понял, что между ним и чипом мичмана пролегает безводная пустыня школьной премудрости, которую необхо-

димом пройти. Кросджей с упоением хвастал воинской доблестью своего отца. «Ему бы армии водить!» — воскликнул он однажды, гуляя с Верноном и Летицией недалеко от Большого дома. И тут же, помолчав, задал вопрос, который, по-видимому, давно уже его волновал.

— Послушайте, мистер Уитфорд, — начал он. — Сэр Уиллоби всегда со мною ласков и всякий раз, как меня встречает, дает мне целую крону. Почему же он не принял моего отца — ведь отец прошел десять миль под дождем, чтобы с ним повидаться! А потом ему пришлось эти же десять миль пройти назад и заночевать на постоялом дворе.

Что можно было ответить на такой вопрос? Только — что сэра Уиллоби, должно быть, в тот день не было дома.

— Да нет же, отец его видел, — настаивал мальчик. — Это сэр Уиллоби сам сказал, будто его дома нет.

Странно прозвучало это «дома нет» в устах мальчика, без злого умысла в точности повторившего интонацию, с какою были произнесены эти слова. Впоследствии Вернон обратил внимание Летиции на то, что к самому Уиллоби Кросджей ни разу не обращался с этим вопросом.

В опровержение пословицы, гласящей, что всякий может привести лошадь к реке, но что и десять человек не заставят ее пить против воли, вся задача с юным Кросджем сводилась не к тому, чтобы принудить его пить из реки познания, а к тому, чтобы его к этой реке подвести. Несмотря на некоторую строптивость, Кросджей по натуре был покладистый малый, и под двойным воздействием ласки и строгости он стал понемножку впитывать в себя живительную влагу.

Однажды, апрельским вечером, после дня, проведенного в бегах, он явился, посвистывая, на кухню и принялся за ужином описывать свои приключения. Вошла Летиция и угрозила ему пальцем. Он подскочил к ней, поцеловал ее и продолжал болтать, рассказывая, как милях в пятнадцати от усадьбы ему повстречался сэр Уиллоби, верхом, с какой-то молодой дамой. Летиция сначала ему не поверила: разве можно пройти пешком пятнадцать миль? Но Кросджей объяснил, что какой-то джентльмен в двуколке пагнал его и завез к себе на ферму, где у него оказалась обширная коллекция птичьих яиц и чучел; здесь были все пернатые Англии — от зимородков и дятлов, зеленых и черных, до козодоев с клювами во всю голову и пыльными пятнистыми крыльями, как у ночных мотыльков. Подробности казались убедительными. Было тут и чаепитие на ферме, и обратное путешест-

вие по железной дороге (за счет все того же благодетеля), и однако, в полную добросовестность рассказчика Летиция уверовала лишь тогда, когда он описал, как, идя на станцию, он снял шапку и поклонился сэру Уиллоби, а тот, не заметив его, проскакал мимо, меж тем как его спутница обернулась и приветливо ему кивнула — на этом беглом наброске лежала печать достоверности.

Какое, однако, странное затмение, когда свет пашей единственной звезды мы узнаем по тени, которую бросает на нее правда! Мы готовы ополчиться на правду — лишь бы не померкла наша звезда. Мы сердимся на реальность и держимся за иллюзию, как за сокровище, которое хотят у нас похитить. Тут-то и начинается пора сознательного самообмана и его неперемногого спутника — отвращения к реальности. Процесс еще более губительный для души, нежели безропотно спосимый голод.

Вся округа полнилась слухами и намеками. Из каждого придорожного кустика раздавался щебет, с верхушки каждого дерева — карканье. Миссис Маунтстюарт-Дженкинсон заявляла во всеуслышанье: «Итак, в Паттерне будет наконец хозяйка? Кто же в этом сомневался? Разумеется, он жепится — он обязан жениться! И не все ли нам равно на ком, лишь бы, разумеется, не на иностранке! Они познакомились в Черритоне. Любовь с первого взгляда. Отец, кажется, какой-то ученый. Денги есть. Земли нет. Своего дома тоже. Шесть месяцев в году проводят в Европе. А на этот раз арендовали усадьбу Аптон и намерены никуда не выезжать. Из таких девиц, как только они угомонятся, выходят превосходные хозяйки, степенные и гостеприимные. Восемнадцать лет, прекрасные манеры. Хороша ли? Можете не спрашивать. Сэр Уиллоби знает, что ему положено по праву. Наш долг — внушить ей, что она призвана вознаградить его за прошлое... А впрочем, не слушайте вы леди Буш! Ему ведь тогда не было еще и двадцати пяти! Молодым людям не изменяют — их освобождают от слова. Семейный молодой человек — повеса, который вынужден играть роль пай-мальчика, — из этого ничего хорошего не выходит. Другое дело — тридцать один — тридцать два года, к этому времени мужчина научается гибкости, а следовательно, способен повелевать. Вот и наш сэр Уиллоби — для полного совершенства ему не хватает только жены. Разве можно, чтобы такой человек ходил в холостяках? Еще немного, и он сделается смешон! Что касается его нравственности, он не хуже других и, уж наверное, луч-

ше многих. Как бы то ни было, он заслуживает снисхождения... а главное, теперь он — наш! И пора! Я непременно с нею познакомлюсь и постараюсь разглядеть ее как следует! Впрочем, на его выбор можно положиться».

Как бы в подтверждение все нарастающего гула молвы, преподобный доктор Мидлтон и его дочь нанесли в Паттернхолл короткий визит и были приняты там по-домашнему, без посторонних. Юному Кросджею посчастливилось обменяться несколькими словами с мисс Мидлтон, и, полный впечатлений, он прибежал в коттедж: она веселая и любит моряков, сообщил он. У нее приятная улыбка, добавил Вернон. Перед Летицией возник образ молодой, изящной и живой девушки, несущей свою молодость, как знамя. Прибавьте сюда «приятную улыбку», и картина получится поистине чарующая.

Впрочем, Вернон больше говорил об ее отце, который пользовался репутацией замечательного ученого и, к счастью, был при этом человеком состоятельным. Спустя некоторое время впечатление от мисс Мидлтон облеклось у Вернона в поэтическую форму, — быть может, он невольно применялся к поэтическому восприятию своей собеседницы.

— Она подобна Горному Эху, — сказал он. — А у доктора Мидлтона замечательная голова! В Англии такие попадаются не часто.

— Как ее зовут? — спросила Летиция.

Кларой как будто, если он правильно запомнил.

Ночью, в постели, и потом, среди дневных забот, в воображении Летиции неотлучно витал беспокойный и стремительный дух, несущийся ввысь по дуге, — Горное Эхо, именуемое Кларой, вызванное к жизни голосом, которому отныне оно должно будет повиноваться. Исполненная очарования, которое больше самой красоты, Клара возвышалась над записными красотками гостивших, недосыгаемая, как небесная лазурь. А тут еще эта милая ее улыбка и изящество всего ее облика — какой мужчина устоит против такого обаяния? И какая должна быть одухотворенность у этой девушки, если кому-то пришло в голову уподобить ее Горному Эху! Отец, по словам Вернона, души в ней не чает. Еще бы! Поэтический ореол, окружавший мисс Мидлтон, казался дополнительной и совершенно пелужной жестокостью, лишая Летицию ее и без того скудного, почти эфемерного, достоинства. Впрочем, сэр Уилби был достоин поэзии — ведь он и сам обладал всеми чарами, какими только может быть наделен мужчина! И Летиция черпала утешение в том, что одно из

качеств, которыми мисс Мидлтон его покорила — ее поэтичность, — не чуждо ей самой: неким мистическим образом это роднило ее со счастливой избранницей. «Он увидел в ней то, что таится во мне» — эту мысль она возложила венком на могилу своего самолюбия. Ей нравилось растравлять свою рану, и она вновь и вновь возвращалась мыслями к Кларе, наделяя ее всеми романтическими достоинствами. Подобно тому как ревностный аскет обретает свой горький и сладостный рай в биче и власянице, Летиция находила отраду в обожествлении Клары. Она проникла в тайники души сэра Уиллоби, взглянула на свою счастливую соперницу его глазами и ухитрилась в ней увидеть еще одно звено той цепи, что по-прежнему связывала сэра Уиллоби с нею самой.

Такая экзальтация, такая иступленная верность своему кумиру не доводит до добра. В пустыне она может привести к безумию, а в миру, где этот кумир обретается, если подойти слишком близко к его пылающему алтарю, рискуешь унести разум, очищенный огнем, а вместо сердца — горстку золы. Летиция часто бывала в Большом доме, где помогала ухаживать за леди Паттерн. Сэр Уиллоби, видно, не считал нужным объяснять ей, зачем он ездит в Аптон-парк. Все это время он с ней держался, как со старинной приятельницей, почти приживалкой, с которой нет нужды особенно церемониться.

Впрочем, как ни поглощен был Уиллоби своими новыми завоеваниями, он не мог все же не тревожиться за исконные свои владения: Летиция принадлежала к блистательной поре его юности; ее преданность была неотделима от его прошлого, а сэр Уиллоби принадлежал к людям, для которых настоящее не затмевает прошлого. И вот, несмотря на похвальное рвение, с каким Летиция ухаживала за его матушкой, он начал подозревать ее в измене. И не без основания: щеки Летиции были не бледнее обычного, немой укор не светился в ее глазах, во всей ее манере не чувствовалось ни старания скрыть, ни, напротив, выставить напоказ тайну прошлых дней. Быть может, она схоронила ее в груди, следуя примеру своих сестер, которые — дай им только волю! — готовы превратить свое сердце в могилу, в страшный склеп, где покоится холодный труп того, кто был некогда вами. Пусть даже не труп, пусть вас еще не коснулось тление, все равно — застывшего и безгласного, вас задвинут в один из уголков склепа. И даже если вас забальзамировали — не обольщайтесь: часто к вам навещаться не станут. Да и кто

узнает, забальзамированы вы или нет? Кому дано проникнуть в сердце женщины, увидеть в нем вас и рядом — зажатую лампадку, присутствовать при богослужениях, которые там справляются от случая к случаю? В глазах непосвященных вы ничем не отличаетесь от трупа. А бывает и так, что женщина (я не говорю о той, из Эфеса!), бывает, что женщина, пропитав ваш труп душистыми бальзамами и покинув мир, дабы поддерживать неугасимый огонь в лампаде, повстречает другого и тотчас — не успел еще ваш образ померкнуть перед ее духовным взором — задувает священный огонь, и вы превращаетесь в прах, утучняющий почву в ее сердце, дабы в нем пышнее распустился цветок новой любви! Все это сэр Уиллоби прекрасно знал, — ему самому доводилось выступать в роли этого «другого», знал, какие чувства испытывает счастливец по отношению к своему предшественнику, да и к той, из чьего сердца он этого предшественника вытеснил.

Однажды сэр Уиллоби подстерег Летицию, чтобы поговорить с ней о себе и о своих планах: он собирался съездить в Италию. Заманчиво? Разумеется, — но, что ни говори, в Англии мы живем более высокой духовной жизнью. Италия может похвастать чувственными красотоми, зато нам принадлежит красота духа.

— Я исколесил Италию вдоль и поперек. С каким наслаждением я был бы вашим чичероне! Но я еду с людьми, которые знают страну не хуже моего, они вряд ли станут предаваться восторгам... ну а вы... вы ведь не переменялись, верно?

Речь его пестрила этими внезапными переходами с первого лица на второе, которые Летиция, поскольку разговор сэра Уиллоби поначалу был сосредоточен исключительно на нем самом, приписала его желанию быть любезным. Но вот он заговорил о ней: с благодарным восхищением отозвавшись о том, как Летиция ухаживает за его матушкой, он пезаметно перевел разговор на «некую мисс Мидлтон», которую ему непременно хотелось бы ей представить, — ему необходимо знать ее мнение о мисс Мидлтон, он так верит в ее чутье, он не помнит случая, когда бы оно ей изменило.

— Если бы я допустил, что оно может вам изменить, мисс Дейл, я бы тотчас потерял всякую уверенность в себе. Как видите, я целиком завишу от вас. Вы просто не вправе меняться — иначе и у меня все рассыплется в прах.

Отсюда он перешел к рассуждениям о дружбе и об особой прелесть дружбы между мужчиной и женщиной.

— Прежде, когда при мне заговаривали о платонической дружбе, — сказал он, — я только смеялся, хотя в глубине души верил в нее всегда. Впрочем, все эти так называемые платонические привязанности, какие мы встречаем в свете, и на самом деле достойны осмеяния. Это вы меня научили, что идеальная дружба возможна — там, где встречаются две души, способные к бескорыстному чувству. Все прочее всего лишь долг: долг перед родителями, долг перед родиной. Дружба — вот подлинный праздник души! Найти себе жену не так уж трудно, зато друг — это поистине редкость. Мне ли этого не знать!

Летиция старалась подавить мысли, которые будили в ней эти речи. Зачем он ее мучает? Чтобы устроить себе «праздник души»? Нет, лучше потерять его совсем — она уже свыклась с этой мыслью, научилась сносить его равнодушие, — но зачем он унижает себя такими кривляниями? Зачем лишает ее последнего?

— Италия! — восклицала меж тем сэр Уиллоби. — Но разве самый прекрасный день в Италии может сравниться с днем моего возвращения в Англию? Разве там мне дано изведать что-либо похожее на ту радость, которую я испытал, когда вы так мило приветствовали меня в моем отечестве? Будете ли вы верны той встрече? Скажите, что и на этот раз меня ожидает такой прием!

Он требовал ответа. Она ответила, как могла. Ее заверения его не удовлетворили. Что-то малодушное, недостойное мужчины слышалось ей в его тоне, да и самые слова его казались заимствованными из женского лексикона.

Впрочем, ее ответ разом отрезвил сэра Уиллоби, ибо это был отнюдь не тупоумный джентльмен.

— Боюсь, сэр Уиллоби, что я не могу взять на себя таких обязательств, — сказала она.

— Зато, если бы решились, — с живостью возразил он, — то сдержали бы свое обещание! Я вас знаю. Итак, поскольку мы не можем заранее предвидеть все случайности, положимся на судьбу. Была бы ваша добрая воля. Вы знаете мою нелюбовь к переменам. Как бы то ни было, вы — мой постоянный арендатор, и, где бы я ни находился, я всегда буду думать о том, что там, в самом конце моего парка, горит в окошке свет.

— Ни отец мой, ни я сама, разумется, не хотели бы расстаться с Айви-коттеджем,— сказала Летиция.

— Спасибо и на том,— произнес он вполголоса.— Если же и надумаете, то обещайте, что известите меня заранее и не сбежите без моего согласия.

— Такое обещание я, пожалуй, могу дать,— сказала она.

— Вы очень привязаны к своему коттеджу?

— О да, более благодарного арендатора вам не найти.

— А что, мисс Дейл, быть может, я был бы счастливее, если бы жил в коттедже?

— Излюбленная мечта обитателя замка! Но жить в коттедже и не желать переселиться в замок — это вкушать сладостный сон без сновидений.

— Послушать вас, так всякому захочется бежать в коттедж из своих палат.

— Вы бы еще быстрее побежали назад к себе в палаты, сэр Уиллоби.

— Однако вы весьма обстоятельно меня изучили,— ответил он с поклоном и зашагал дальше рядом с пею. Он был польщен.

Потом внезапно остановился и сказал:

— Впрочем, я не честолюбив.

— Быть может, гордость мешает вам быть честолюбивым, сэр Уиллоби.

— О, да вы, оказывается, зажмурился, можете написать мой портрет!

Он меланхолически замедлил шаг: Клара Миддлтон не изучала его так прилежно и не могла бы, зажмурясь, написать его портрет.

Летицию разговор этот оставил в убеждении, что сэру Уиллоби просто захотелось поиграть с нею в «кошки-мышки». Она не понимала, что на этот раз он был искренен,— очевидно, написать его портрет было даже ей не по силам.

Несколько слов, сказанных леди Паттерн вскоре после разговора Летиции с ее сыном, должны были бы открыть бедной девушке глаза. Но этому помешало ее собственное мятежное чувство. Больная старуха была с ней доверительно нежна и говорила о единственном предмете, который ее интересовал: о сыне.

— Ну вот, мой друг, еще одна блестящая партия. У нее — деньги, здоровье, красота. И у пего — то же самое. Казалось бы, лучше не придумаешь. Я надеюсь, что так оно и есть на самом деле. Я молю бога, чтобы это было так. Но, увы, мы

начинаем разбираться в людях лишь после того, как зрение наше ослабевает и мы видим только общий силуэт, без прикрас и узоров. И вот я не могу не задаваться вопросом — не являются ли деньги, здоровье и красота, которыми оба одарены в избытке, той притягательной силой, которая влечет их друг к другу? К чему это приводит, мы уже испытали. Девушка Дарэм, как ее ни суди, к счастью, оказалась достаточно честной особой. Что до меня, то я предпочла бы для него подругу, обладающую красотой и богатством несколько иного рода, — я хотела бы видеть рядом с ним умную, вдумчивую женщину, которая была бы способна оценить его по достоинству. Та была честна и сбежала вовремя, а ведь могло быть и хуже. И вот — опять такая же история и такого же рода особа, но только, — как знать? — быть может, не столь честная, как та. Боюсь, мне уже не увидеть, чем все это кончится. Обещайте же мне не лишать его вашего доброго участия. Будьте другом моему сыну, его Эгерней, как он вас называет! Будьте для него тем, чем вы были, когда та девушка разбила ему сердце и когда он никому, даже родной матери не захотел показать своих ран. Вы знаете, как Уиллоби раним, — будьте же его утешительницей! Уиллоби верит вам всей душой. Если он когда-нибудь и этого лишится... но я дрожу при одной мысли о такой возможности. Он не устает повторять, что вы для него — «воплощенное постоянство».

Летиция не помнила, что еще говорила леди Паттерн.

День за днем после этого разговора она повторяла про себя: «Воплощенное постоянство»! Похвала ее постоянству, теперь, когда он собирался вторично ее покинуть, казалась ей верхом нелепости и болезненно поразила ее, так же как несвойственное ему жалкое выражение, которое она увидела на его лице.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Клара Мидлтон

Знаменательная встреча между сэром Уиллоби Паттерном и мисс Мидлтон состоялась на мызе Черритон, усадьбе одного из местных грандов, где впервые воссияла эта восемнадцатилетняя звезда. У нее были деньги, здоровье и красо-

та — небесное триединство, которое делает всех мужчин астрономами. Сэр Уиллоби направил свой взгляд на это светило в уверенности, что светило ответит ему тем же. Но оказалось, что, для того чтобы привлечь ответный взгляд, следовало находиться в беспрестанном движении; он был всего лишь одним из своры. Многие его опередили; все были охвачены азартом погони. Ему пришлось задуматься: как бы повлечее дать ей понять, что он — сэр Уиллоби Паттерн? Это необходимо было сделать сейчас, пока чужие руки, — а, на взыскательный вкус сэра Уиллоби, их было уже слишком много, — пока они своим прикосновением еще не успели осквернить ее перчаток. А она и в самом деле подавала свою ручку направо и налево, без разбору, каким-то темным кавалерам, прикосновение которых оставляет след. Ее Звездное Величество было чересчур любезно. Правда, это же обстоятельство заставило его, не теряя времени, еще толком ничего не разузнав о дичи, которую он взялся преследовать, присоединиться к охотникам. Он знал одно — что конкурс большой и что он, Уиллоби, был в ее глазах лишь одним из многих.

Более искушенный в естественных науках, чем его соперники, он понимал, что тому, кого отметит своим выбором красавица, есть чем гордиться: это самый лестный комплимент, коим матушка-природа награждает мужчину. Ведь уже и наукой доказано, что на арене всеобщей борьбы успех даруется наилучшему. Вы распускаете свой пышный хвост более эффектно, чем ваши товарищи, зачесываете чуб более изысканно, чем они, песенка, которую вы поете, новее, шаг шире. Она взирает на турнир и останавливает свой выбор на вас. Однако любое превосходство имеет для нее магнетическую силу. Минуту назад она смотрела на вас, но вот увидите — стоит тому, кто в чем-то вас превосходит, ее поманить, и она плавно устремится к нему. Она тут ни при чем, такова ее природа, а природа служит гарантией, что род человеческий будет продолжаться в своих несовершеннейших образцах. В том, что она избрала именно вас, заключается не только лестный комплимент, но и залог, что потомство будет самого высокого качества. Таким образом, наука — или, вернее сказать, некоторое знакомство с наукой — способствует развитию аристократического начала в обществе. Следовательно, успешная погоня и победа, одержанная над сворой соперников, убеждает вас в том, что вы — лучше всех. И, что еще важнее, убеждает в этом весь свет.

Уилоби продемонстрировал перед мисс Мидлтон свои пленительные качества, которыми затмевал соперников. В ход было пущено все: и пресловутая нога, и генетическая принадлежность к племени победителей, и горделивая осанка, и тон, исполненный высшего аристократизма, и артист-портной, и повелительная манера, дававшаяся ему с такой естественностью. И, наконец, вступивши в состязание позже других, он не успел утратить пыла и уверенности в победе. В сочетании с неуклонной энергией, достигавшей у него предельного напряжения всякий раз, как ему предстояло завоевать тот или иной приз, все эти преимущества делали его неотразимым. Он не щадил усилий, ибо страстно жаждал победы. Он ухаживал за ее отцом, так как ему было известно, что и мужчины — в особенности, когда у них дочь невеста, — тоже отдают предпочтение тому, кто делает наибольшую ставку, обладает наиглубочайшими карманами, владеет наибольшими землями и оказывает наибольшее внимание родителям. Да, не только женщины, но и мужчины отличают наилучшего и всячески стремятся способствовать его успеху, блестящей иллюстрацией чему служило поведение мистера Мидлтона в критическую минуту, когда Уилоби — через какие-нибудь две-три недели после своего первого появления в Аптон-парке — задал его дочери некий знаменательный вопрос. Пораженная его бурным патиском, бедная девушка пригнулась, как молодое деревце, чуть ли не до самой земли. Она просила дать ей время. Но Уилоби не мог ждать и только тогда смирился, когда она заверила его, что никому другому не отдает предпочтения. Впрочем, ему тут же показалось этого мало. Подвергнув свои позиции хладнокровному обзору, он увидел, насколько они слабее позиций противника: между тем как он был связан словом, мисс Мидлтон оставалась совершенно свободной. В свою защиту она выставила незнание света, с которым ей хотелось немного познакомиться, прежде чем окончательно связать себя словом. Он почувствовал опасность и предстал перед нею в одном из самых лукавых обликов великого бога любви. Он был бы счастлив исполнить ее просьбу, согласился бы томиться в ожидании ее руки, сколько она ни потребует, если б не его матушка, у которой одно заветное желание: чтобы новая хозяйка воцарилась в Паттерн-холле еще при ее жизни. Сквозь маску сыновнего долга просвечивало нетерпение любовника, однако причина, побуждавшая его торопить события, казалась убедительной.

Во всяком случае, она показалась убедительной доктору Мидлтопу, полагавшему, что сэр Уилоби симпатичен его дочери. Он не был ей антипатичен, и она только просила дать ей год отсрочки, чтобы утолить свою девичью пытливость и посмотреть свет. Уилоби смиловившись, сократив, однако, срок до шести месяцев, а она из благодарности согласилась на помолвку. Но Уилоби не мог довольствоваться каким-то словечком, произнесенным невинным шепотом: он умолил ее закрепить свое добровольное пленение клятвой и настоял на церемонии, свершившейся хоть и в узком семейном кругу, но обставленной весьма торжественно. У нее были здоровье, и красота, и — в качестве позолоты к этим двум дарам — деньги. Деньги не были для него таким уж непременным условием, но обладание ими придавало его невесте еще больше блеску в глазах света. Между тем спора лающих соперников все еще неслась ему вслед, время от времени уныло подвывая на луну. Нет, нет, связать ее, и поскорее!

Он постарался придать помолвке как можно больше гласности, превратив ее в торжественный обмен клятвами. И в самом деле, если она в силах произнести: «Я ваша», то отчего бы ей не сказать: «Я всецело принадлежу вам, я ваша ныне, и присно, и во веки веков, я клянусь вам в этом и никогда не отступлюсь от своего слова, в душе я уже ваша жена, вся ваша, без остатка, и эта помолвка освящена небесами»? Впрочем, к этим словам она с благоразумным великодушием, от которого повеяло некоторым холодком, добавила: «Поскольку это будет зависеть от меня». Тогда сэр Уилоби заставил мисс Мидлтон подвергнуть его такому же допросу и отвечал горячо и убежденно, связывая себя безвозвратно и не оставляя сомнения в своей любви.

«Итак, я любима!» — восклицала она про себя, с изумлением и наивной доверчивостью прислушиваясь, не отзовется ли в ее сердце ответное эхо. Едва успела она подумать о любви, как та перед нею явилась. Еще не вложила в свои размышления о пей всего жара души, а она уже была тут как тут. Любовь еще только мерещилась ей, как одно из отдаленных благ необъятного мира, как укрытая где-то в дремучих лесах, за морями и океанами, подернутая дымкой, роковая, прекрасная и трепетная тайна — слишком еще далекая, чтобы собственное ее сердечко начало трепетать ей в лад. Она думала о любви, как о чем-то, что должно будет обогатить ее мир, наполнить его новым содержанием,

И вот с этими-то представлениями о любви мисс Мидлтон согласилась участвовать в процессе естественного отбора.

Между тем лучший из лучших громко трубил победу. Он был воплощением научной аксиомы: при одном взгляде на него было видно, что он и есть «наиболее приспособленный». Роду Паттернов было обеспечено выживание. «На здоровье я стал бы настаивать в первую очередь, даже в ущерб всему остальному, — признался сэр Уиллоби своей старинной поклоннице, миссис Маунтстюарт-Дженкинсон. — Впрочем, у нее есть все: происхождение, красота, порода, она на редкость образованна и к тому же богатая наследница. Словом, она — совершенство».

Вдобавок он тонко дал понять собеседнице, что ему даже не пришлось поступиться своей обостренной щепетильностью, так как он вырвал мисс Мидлтон из толпы прежде, чем та успела обдать ее своим тлетворным дыханием. Разумеется, всего этого он так прямо не сказал; он лишь позволил себе отозваться с сарказмом обо всех этих девицах, которые привыкли тереться в свете, бок о бок с представителями противоположного пола, держаться с ними на равной ноге и ничуть не меньше осведомлены о конъюнктуре на ярмарке; о да, все они невинны, разумеется, но нетронутыми их уже не назовешь. То ли дело — мисс Мидлтон! Это настоящий идеал, плод, сорванный по росе, с неподдельным румянцем вежести.

Ни одна дама не встанет на защиту своей младшей сестры, которая, быть может, лишь следует по ее стопам, когда приподнимает край вуали, чтобы показать себя и взглянуть на белый свет. Всему миру известно, что неведение — ничуть не более надежная гарантия, нежели пресловутая сорочка, которая якобы хранит родившегося в пей от гибели в морской пучине. И однако, ни одной из наших светских дам и в голову не придет взбунтоваться против этого требования совершенной нетронутости, серебряной белизны — требования, продиктованного элементарной мужской чувственностью и отдающего любострастием восточного деспота. Итак, миссис Маунтстюарт поздравила сэра Уиллоби с призом, который достался ему на этой азиатско-европейской ярмарке.

— Покажите ее мне, — сказала она, и мисс Мидлтон была представлена ей на обозрение.

Губы у нее были из тех, что сами собой складываются в улыбку: уголки рта, чуть припухшего посередине, поднимались к ямочкам на щеках, Разрез глаз как бы повторял

общее направление рта, и, подобно тому как тот, неприметно, как бы растаяв, переходил в прозрачную пещность щеки, сверкающая между ресницами полоска света обрывалась где-то на полпути к вискам. Черты ее лица казались веселыми подружками, ни одна из них не претендовала на строгую правильность. Нос не стремился играть среди этих шалуний роль суровой гувернантки и вместе с тем не располагал к фамильярности. Отражение осинової роши в пруду, ожидающей дуновения ветерка, чтобы затрепетать всеми своими листьями, — вот образ, который могло бы навеять это лицо влюбленному, если бы он обладал некоторым воображением; ровная, спокойная белизна этого лица нарушалась только легким румянцем, а на щеках все время играли ямочки. Взгляд карих глаз, покоящихся между век, как в оправе, порою затуманивался, не теряя, впрочем, своего постоянного выражения живости. Волосы, несколько более светлого оттенка, чем глаза, вздымаясь над челом и свиваясь на затылке в узел, осеняли треугольное личико шаловливой нимфы лесов. Впрочем, напрасно вы стали бы искать в этом лице признаков буйного своеволия или неумения владеть собою, — даже если при взгляде на маленький круглый подбородок у вас и возникло бы такое впечатление, плавный изгиб рта, большого и почти всегда сомкнутого, это впечатление бы развеял. Глаза, такие быстрые, когда их оживляла веселость, в минуту задумчивости смотрели покойно и твердо, и тогда даже волосы — цвета бука зимою — словно теряли свои капризные волнистые очертания и выпрямлялись, придавая ее внимательному взгляду еще больше строгости и сосредоточенности. Сокол, парящий в небе на распростертых крыльях и вдруг заприметивший добычу, может дать представление об этой внезапной смене выражений у девушки, которую Уитфорд уподобил Горному Эху, а миссис Маунтстюарт-Дженкинсон объявила «прелестной фарфоровой плутовкой».

Сравнение Вернона, должно быть, родилось под впечатлением ее мгновенной и, можно сказать, музыкальной отзывчивости. И хотя обществу девятнадцатилетней невесты кузена Вернон предпочитал беседу ее ученого отца, он все же не мог оставаться совершенно равнодушным к обаянию ее голоса и к живости ее разговора, в котором его тонкий вкус улавливал перлы подлинного остроумия, столь отличные от фальшивых блесков, выдаваемых за таковое в свете. Правда, он не мог привести ни одной реплики мисс Мидл-

тон, которая бы говорила о ее блестящем остроумии, и когда он все же отважился упомянуть это ее качество в беседе с миссис Маунтстюарт, та даже несколько удивилась.

— Особенного остроумия, по правде сказать, я у нее не заметила, — сказала она. — Видно, вы умеете его в ней пробуждать.

Этого остроумия, впрочем, никто, кроме Вернона, не замечал. Очевидно, испорченный светский вкус требует шума и треска, решил Вернон. И чтобы доказать себе незаурядность умственных дарований мисс Миддлтон, он стал припоминать некоторые ее речи. Для этого ему не пришлось напрягать память, по, — удивительное дело! — хоть самому ему они казались исполненными смысла, стоило начать пересказывать их другому, как значение их тотчас улетучивалось. Правда, он не мог передать ее манеру, но не в одной же манере дело! Многое, вероятно, объяснялось ее умением схватывать все мимолетные нюансы разговора; чтобы дать понятие о характере ее остроумия, пришлось бы привести весь разговор в целом. Но как удержать в памяти всю остальную, такую громоздкую, часть разговора? Словом, поскольку не было никакого смысла спорить о том, что, по всей видимости, служило источником наслаждения и душевного отдохновения для него одного, Вернон решил не возвращаться больше к этой теме. Его раздражало, что кругом расхваливали ее красоту, в которой он как раз не находил ничего особенного. В угоду сэрру Уиллоби все старались выгодно оттенить его собственный, мужской тип красоты. Одни сравнивали ее с теми изысканными цветами на рисовой бумаге, что призваны изображать придворных дам китайского императора. Нарядите ее французской, говорили другие, и увидите, что она будто сошла с гобелена: там, и только там, утверждали они, ее место, — на лужайке, среди фонтанов и лютеи, среди этих никогда не существовавших и тем не менее бессмертных шелковых пастушек, внимающих нежным нашептываниям влюбленных пастухов! Леди Буш вспоминала столь дорогие ей черты леонардовских мадонн и ангелов Луини, а леди Калмер, которой довелось однажды видеть серию пастельных портретов, списанных с девушек из аристократических французских фамилий, была убеждена, что среди этих изображений она встретила точную копию мисс Миддлтон. Кто-то еще, припомнив виденную им античную скульптуру, изображавшую флейтиста, вздумал было сравнить рот

мисс Мидлтон с вытянутыми трубочкой губами музыканта. Сравнение это, впрочем, было тут же отвергнуто, как явный гротеск.

Миссис Маунтстюарт на этот раз тоже постигла неудача. Ее определение: «Прелестная фарфоровая плутовка», вызвало неудовольствие сэра Уиллоби. «Но почему же плутовка?» — спросил он. Эта формула тем более его раздосадовала, что словечки миссис Маунтстюарт славились своею точностью; ему же казалось, что безукоризненное воспитание и превосходные манеры его невесты говорят против такого сравнения. Клара молода, здорова и хороша собою, а следовательно, годится для того, чтобы сделаться его супругой, матерью его детей и красоваться рядом с ним в семейной галерее Паттернов. А этой парой в самом деле можно было залюбоваться! Когда он шел с нею рядом, нежно к ней склонясь, ее несходство с ним сладко пронзало все его существо, заставляя еще острее чувствовать, что она — его второе, его женское «я». Он завоевал ее с налета, приступом, а теперь ухаживал за нею по всей форме, с мужественным самообладанием и столь любезной девичьему сердцу предупредительностью. Он умел дать ей понять, как высоко ее ценит, не роняя при этом и себя, что чрезвычайно полезно, когда ухаживаешь за девицей, у которой нет недостатка в уме! Она чувствует себя вдвойне польщенной высоким мнением поклонника, который не поступает собственным достоинством. То были счастливые дни, когда он горделиво, верхом на своем вороном Нормане, въезжал в ворота Аптон-парка, зная, что его возлюбленная уже ждет его и по учащенному биению собственного сердца догадывается о его приезде.

От ее ума, столь же впечатлительного, как и ее сердце, не ускользала ни одна характерная черточка сэра Уиллоби, и это доставляло ему неизъяснимую радость. Она запоминала словечки, брошенные им невзначай, замечала его привычки и особенности, как не запоминала и не замечала ни одна женщина до нее. Он был благодарен Вернопу за то, что тот должным образом оценил ее ум. Ну, конечно же, она умна! Чем дальше, тем больше негодовал сэр Уиллоби на неудачную эпиграмму миссис Маунтстюарт-Дженкинсон.

У нее был ум, способный понять его; сердце, созданное его обожать, и редкое для девушки ее возраста умение держаться.

— Почему же «плутовка»? — добивался он.

— Я же сказала: фарфоровая, — оправдывалась миссис Маунтстюарт.

— Да, но меня смущает слово «плутовка».

— Эпитет «фарфоровая» все объясняет.

— У нее самые строгие понятия о чести.

— Я ни на минуту не сомневаюсь в ее нравственности!

— Ее манеры безукоризненны.

— Как у принцессы крови!

— Я нахожу ее совершенной.

— Что не мешает ей быть очаровательной фарфоровой плутовкой.

— Вы имеете в виду ее наружность или ее душевные качества?

— И то и другое.

— Где кончается — «фарфор» и где начинается «плутовка»?

— Они нераздельны.

— Но «плутовка» и хозяйка Паттерна — понятия несовместимые.

— Отчего же? Это внесет разнообразие в наше общество и оживит Большой дом.

— Откровенно говоря, «плутовка» не совсем в моем стиле.

— Зато она будет дополнением к вашей личности.

— Вам она нравится?

— Я в нее влюблена! Я бы с ней в жизни не соскучилась. Послушайте-ка лучше моего совета: берегите ее, как фарфор, и веселитесь с ней, как с «плутовкой»!

Сэр Уиллоби кивнул в ответ, так, впрочем, ничего и не поняв. Поскольку в нем самом не было ничего от плутишки, то и невеста его не могла быть плутовкой. Озорство, капризы и фокусы были противны его натуре, и поэтому он полагал, что не мог выбрать в дополнение к своей особе существо, заслуживающее наименования «плутовки». Его ангел-хранитель не допустил бы этого! При более близком знакомстве с мисс Мидлтон его первое впечатление о ней только укрепилось. Не так ли вершится правосудие: предварительное следствие дает свое заключение, а суд присяжных подтверждает выводы предварительного следствия. Наблюдая Клару, сэр Уиллоби все больше утверждался в своем первоначальном мнении о ней, считая ее подлинной носительницей женского начала, — другими словами, паразитирующим растением, сосудом, готовым принять священное вино. Он

стал все больше посвящать ее в таинства науки о сэрe Уилоби Паттерне, а она — все меньше робеть и все чаще заду- мываться.

— Я сужу о ней на основании ее характера, — возвестил он однажды миссис Маунтстюарт.

— А вы уверены, что возможно постичь характер молодой девицы?

— Полагаю, что мне это удалось.

— То же самое думал человек, нырнувший в колодец за луною.

— Однако до чего вы, женщины, презираете свой пол!

— Ничуть. Просто у нее еще нет характера. Вам предстоит его формировать. Будьте же с нею повеселее, прошу вас! Не гоняйтесь за отражениями. Следите за игрой ее лица и за ее повадками — и вы больше узнаете о ее характере, чем если будете пытаться проникнуть в недра ее души. Она очаровательна, но не забывайте, с кем вы имеете дело.

— С кем же в конце концов? — вскинулся сэр Уилоби.

— С фарфоровой плутовкой.

— Видно, мне этого так никогда и не понять.

— Тут уж я бессильна вам помочь.

— Но самое слово — «плутовка»?

— Я сказала: прелестная плутовка.

— По-вашему, она хрупкая?

— Этого я не берусь утверждать.

— Вы хотите сказать — певинная резвушка?

— Если угодно. Из нежного материала и чудесной выделки.

— Вы, должно быть, имеете в виду какую-нибудь дрезденскую статуэтку, которую она вам напоминает.

— Пожалуй.

— Нечто искусственное?

— Неужели вы предпочли бы натуру?

— Я доволен Кларой такой, какая она есть, миссис Маунтстюарт, с ног до головы.

— Вот и прекрасно. Иногда она будет забирать бразды в свои ручки, но чаще они будут у вас, и все пойдет отлично, мой дорогой сэр Уилоби.

Как и все мастера экспромта, миссис Маунтстюарт терпеть не могла, чтобы ее быстрый приговор подвергался критическому разбору. Она оставляла контуры своих моментальных зарисовок неопределенными, рассчитывая на столь

же моментальное восприятие, а отнюдь не на анатомическое вскрытие. Пытаясь прочесть характер мисс Мидлтон, она руководствовалась теми же внешними признаками, какими пользовалась, читая характер сэра Уиллоби. Его физиономия и повадки раскрывали перед нею блистательного гордца, имеющего все основания гордиться.

Совет миссис Маунтстюарт был мудрее ее собственного образа действий, ибо она остановилась, едва проделав два-три шага на том самом пути, каким рекомендовала следовать сэру Уиллоби. Он же, завоевав руку мисс Мидлтон, полагал, что владеет ее сердцем и что ему остается лишь выяснить, так же ли всецело принадлежит ему ее душа. Итак, наш влюбленный пустился исследовать глубины, не заручившись начертанным Природою путеводителем, с помощью которого он мог бы поверять свои открытия. Подобные исследования опасны еще и оттого, что, не обнаружив желаемых ростков там, где мы их ожидали увидеть, мы тотчас принимаемся насаждать их искусственно, тогда как девственная почва не терпит подобного вмешательства. Между тем в чертах лица мисс Мидлтон можно было легко прочесть суть, лежащую в основе ее характера. Сэр Уиллоби мог бы заметить, что перед ним натура вольнолюбивая, которую возможно подчинить себе, лишь даровав ей если не свободу, то, по крайней мере, видимость свободы — простор. К несчастью, вместо того чтобы всматриваться в ее черты, как в окна, открывающие доступ в душу, он предпочитал смотреться в них, как в зеркало. Глядя на эти черты, дышавшие приветом и лаской, счастливому любовнику и в самом деле не мудрено было забыть о том, что он и она — отдельные существа. Впрочем, сэр Уиллоби обнаружил, что кое в чем их мнения не совпадают, а такое расхождение во взглядах с собственной невестой лишало его покоя. Снова и снова возвращался он к этой теме, пытаясь показать Кларе — то в одном, то в другом освещении — всю ошибочность ее позиции. Он хотел бы видеть в ней свое подобие, но только в женском облике. Когда в ответ на его прорвавшееся неудовольствие тем, что она продолжает стоять на своем, она с живостью сказала: «Еще не поздно, Уиллоби», он почувствовал себя глубоко уязвленным; ведь он желал только одного: найти в ней подходящий материал, которому бы он мог придать нужную форму. Он прочитал ей целую лекцию о бесконечности любви. Как могла она сказать, что еще не поздно? Они ведь обречены, они соединились навеки, их уже ничто не может

разлучить! Она внимательно слушала его, и вечность представлялась ей в виде тесного узкого коридора, в котором безостановочно и монотонно звучал один и тот же голос. Однако она продолжала его слушать. Она сделалась чрезвычайно внимательной слушательницей.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Жених

Различие во взглядах на свет и было тем камнем преткновения, который мешал миру и согласию между влюбленными. Всякий раз, когда Уилоби заговаривал о свете, Клару охватывал панический страх животного, которого загоняют в душную неволю. Уилоби внашал своей милой, что все влюбленные инстинктивно сторонятся общества. Да, они являются частью этого общества, с этим пикто не спорит, пользуются благами, которые оно им предоставляет, и в меру своих сил сами трудятся на его благо. Но в душе они должны отвергнуть его с презрением, и только тогда их чувство с нерастраченной силой польется по глубокому руслу любви.

Только отгородившись от света, можно быть спокойным за свою любовь. Свет вульгарен и груб — с этим вы не можете не согласиться. Он — зверь. Итак, поблагодарив его за все, чем мы ему обязаны, будем, однако, помнить, что у нас свой храм, святилище, в котором мы свершаем торжественный обряд отречения от мира. И вот мы отворачиваемся от зверя, дабы поклониться божеству. Мы обретаем чувство общности, обособленности и счастья. Это и есть истинная любовь двух душ. Неужели его милая Клара этого не понимает?

Его милая Клара качала головой: нет, она этого не понимала. Она не признавала за светом его пресловутой порочности, его злобы, корысти, грубости, пазойливости, его способности отравлять все и вся своим ядовитым дыханием. Она молода, и ей следовало бы, по мнению Уилоби, подчиниться его руководству. Но она строптивая. Она готова копыя ломать за мир, который их окружает! Она держится за свои романтические представления и ничего больше знать не хочет; его песня требует таинственного уединения и тиши-

пы, а она постоянно перебивает певца. Но как же, о могучие силы Любви, как же ухаживать за любимой, когда нам не дают уединиться от света и отряхнуть прах его от своих ног! Любовь, которая не отвергает свет, при которой любящие не отгораживаются от него завесой, — в такой любви насмешливый и дерзкий свет не увидит ничего, кроме поцелуев украдкой. Настоящая любовь гордо шествует вдали от толпы. Наш герой был непоколебимо убежден, что собственная его гордость, а также деликатность его дамы сердца требует максимально презрительного отношения к свету. Гнушаясь светом, они как бы становились выше его, говорили: «Изыди, Сатана!»

Подобная тактика диктовалась соображениями высшей политики, принятой в цивилизованном обществе, а сэр Уиллоби был весьма цивилизованным молодым человеком. К тому же он прекрасно знал, что священный огонь на воздвигнутом женщиной алтаре любви нуждается в пище и что хвостом для поддержания этого огня служит все тот же свет. И потом — он предлагал своей возлюбленной поэзию, реальную поэзию, которую можно осуществить в жизни. Клара ведь равнодушна к поэзии; певзирая на его недовольную гримасу и обиженное: «Я не поэт», она то и дело декламирует ему какие-то вирши; но его поэзия, поэзия уединенной беседки-крепости, не нуждающейся в этих бессмысленных, рассчитанных на женское ухо рифмах-побрякушках, оставалась ей непонятной, а то и просто неприятной. Нет, ради него предать огню весь мир она не собиралась. А это ли не поэзия — испепелить себя, воскуриться фимиамом, эманацией, перевоплотиться без остатка, слиться воедино со своим возлюбленным, сделаться им! Но с чисто женским эгоизмом она предпочитала оставаться собой. Она так и сказала: «Я должна быть собою, Уиллоби. Иначе я и для вас потеряю всякую цену». Он не уставал читать ей лекции по эстетике любви. Впрочем, он вовсе не хотел, чтобы, отвергнув ради него свет, его невеста осталась в проигрыше, и в качестве компенсации, надеясь своими воспоминаниями о свете заменить ей самый свет, перемежал эти лекции рассказами о собственной юности, когда и он находился в плечу заблуждений.

Мисс Мидлтон терпеливо слушала его, понимая, что он руководствуется самыми лучшими побуждениями, и стойко переносила даже то, что ей было решительно не по нраву. Вместе с тем она становилась все нетерпимее к вещам, которые прежде замечала только вскользь: к его пренебрежи-

тельному взгляду на людей науки, к его обращению с мисте-ром Верноном Уитфордом, которого так ценил ее отец; к тому, как он обошелся с мисс Дейл,— до нее дошла молва и об этом. Да и предание о Констанции Даррэм зазвучало для нее в новом ключе.

Сэр Уилоби отнюдь не пренебрегал мнением света. Он не гнушался принимать на свой счет комплименты, которыми его осыпали во всех окрестных усадьбах по поводу его пи-сем в местную газету, между тем как автором этих писем был мистер Уитфорд. И он явно трепетал насмешек этого столь презируемого им света. Перебирая в памяти различ-ные суждения сэра Уилоби, мисс Мидлтон начала улавливать в них «некоторые логические несоответствия»,— иначе го-воря, она испытывала то, что испытывают все, когда нару-шается гармония душ: желание спорить. Она жаждала объ-ясниться с женихом и твердо решила — пусть не сегодня, не завтра — непременно вызвать его на большой разговор. Но только — какой избрать для этого повод? К чему при-даться? Выступить в защиту света? Но это — подзащитный сложный, зыбкий, постоянно, подобно хамелеону, меняющий свою окраску, и Клара чувствовала, что не ей, молодой, не-опытной девушке, выступать его адвокатом и тягаться со взрослым мужчиной. Уловленные ею несоответствия подстре-кали к бунту не столько разум, сколько чувство. Взять на себя защиту мистера Уитфорда тоже не представлялось воз-можным. И все же она решила непременно дать бой, едва представится случай.

Размышляя обо всем этом, она вспоминала, какое было лицо у сэра Уилоби, когда она впервые позволила себе не согласиться с его взглядами, и, вспомнив, уже не могла из-бавиться от этого образа.

Сэр Уилоби был хорош собой. Его черты были так без-укоризненно правильны, что напрашивались на карикатуру: при малейшем нажиме его привычное выражение гордели-вого счастья или, если угодно, надменного самодовольства показалось бы шаржем. Когда он подчеркнуто удивлялся, брови его взлетали на самый лоб, и тогда его лицо станови-лось неестественно, карикатурно длинным, как маска. От-ныне всякий раз, когда Клара бывала им недовольна, перед ней вместо живого лица возникала эта маска. Она корила себя, чувствовала, что несправедлива к сэру Уилоби, что гро-тескная маска отнюдь не определяет ее истинного отноше-ния к нему, и, обуздывая непослушное воображение, стара-

лась видеть сэра Уилоби таким, каким видели его другие; по усилня, каких это ей стоило, заставили бы всякого вздохнуть о блаженстве неведения. Ей казалось, что хоровод незримых бесенят обступил ее плотным кольцом и что она уже не вольна в собственных мыслях.

По отношению к юному Кросджею сэр Уилоби избрал более благодарную роль, нежели мистер Уитфорд. Кларе нравилось, как он держится с мальчиком — мягко, весело, чуть игриво, еще больше оттеняя этим менторскую суровость мистера Уитфорда. Сэр Уилоби, как и положено английскому отцу семейства, умел снисходить к мальчишеским слабостям и проделкам и, сочувствуя извечной жажде, коей томится разновидность человеческой породы, к которой принадлежал Кросджей, то и дело подкидывал ему карманные деньги. О, он не корчил из себя наставника, не то что иной книжный червь, которому только попадись в лапы — замучает!

Мистер Уитфорд всячески избегал Клару. Как-то раз он приехал в Аптон-парк побеседовать с ее отцом, но она с ним виделась только за обедом, о чем, собственно, и не очень жалела. Его глубоко посаженные спокойные глаза, казалось, преследовали ее своим пытливо-проницательным взглядом. Прежде ей нравились эти глаза. Теперь они были ей неспособны. Они оставляли в памяти как бы фосфоресцирующий след. Однажды в детстве мальчишки показали ей в кустах птичье гнездо — с каким восхищенным изумлением смотрела она на круглый птичий глаз, мерцавший сквозь густую листву этого таинственного обиталища! Взгляд мистера Уитфорда, впрочем, хоть чем-то и напоминающая ей ту птичку, отнюдь не вызывал тогдашнего чувства детского восторга. Она вздохнула с облегчением, когда он уехал, и особенно порадовалась, что его нет, когда прибывший вслед за ним сэр Уилоби подверг ее мучительному объяснению, длившемуся целый час. Он привез дурную весть: его матушке леди Паттерн становилось час от часу хуже. Конец ее был недалек. Уилоби заговорил об ожидавшей его тяжелой утрате и об ужасе смерти вообще.

С философической небрежностью, как бы вскользь, он коснулся и собственной смерти.

— Общий удел, — сказал он. — Жизнь коротка!

— Это верно, — согласилась Клара.

В ее ответе ему почудился холодок.

— А вдруг вам придется потерять меня, Клара?

— Ах, Уилоби, но ведь вы в расцвете сил!

— Как знать? Быть может, мне суждено погибнуть завтра!

— Зачем вы так говорите?

— Затем, что надо быть готовым ко всему.

— Но для чего это нужно?

— А вдруг, мой ангел, вы меня потеряете?

— Уилоби!

— О, как горько будет мне вас покинуть!

— Милый Уилоби! Вы расстроены, но ваша матушка, может, еще и поправится, давайте надеяться на лучшее. Я помогу за нею ухаживать, я ведь и прежде предлагала, помните? Мне бы очень хотелось — я умею ходить за больными, правда!

— А главное — мысль, что, и умирая, не умираешь весь!

— Разве она не утешительна?

— Не для того, кто любит.

— Но ведь в ней залог встречи с любимыми!

— Ах! Но взирать оттуда и — как знать? — увидеть вас... с другим!

— Как? Меня? Здесь?

— Ну да, женой другого. Вас, мою невесту! Ту, что я зову своею. Ведь так оно и есть — вы принадлежите мне! И вы все равно остались бы моею... даже если бы... — о, ужас! Впрочем, все возможно. Женщины верны себе: их стихия — измена. Я их знаю.

— Перестаньте, Уилоби, терзать и себя и меня! Пожалуйста!

Он погрузился в глубокую задумчивость.

— А может быть, вы все же исключение? Может, вы святая? — спросил он вдруг.

— Боюсь, что если я чем и отличаюсь от своих сверстниц, Уилоби, так это большей ребячливостью.

— Но вы меня не забудете?

— Никогда.

— И будете моей?

— Я и так — ваша.

— Вы клянетесь?

— Клятва уже дана.

— И вы будете моею даже после моей смерти?

— Брак есть брак, чего же больше?

— Клара! Клянитесь, что вы посвятите нашей любви всю свою жизнь! Ни взгляда — другому! Ни слова, ни вдоха, ни помысла! Вы могли бы?... ах, мне даже страшно подумать!..

Могли бы вы... себя сохранить? Быть моею и там, наверху... оставаться моею в глазах света, даже если меня самого уже не будет... быть верной моему праху? Скажите! Обещайте! Быть верной моему имени! Ах, я словно слышу их всех! «Вон идет его вдовушка!», «Леди Паттерн — то, леди Паттерн — се», и так на все лады. Вдова! Вы себе не представляете, как отзываются о вдовах! Но нет, закройте ваши ушки, мой ангел! Впрочем, если овдовевшая женщина следует своим путем и никого к себе не подпускает, ее невольно начинают уважать, и тогда ее покойный супруг не становится жалким посмешищем в глазах света, услужливым глупцом, который уступает дорогу другому. Нет, он продолжает жить в сердце своей супруги! Так же как — о моя Клара! — я живу в вашем сердце, независимо от того, где я — здесь или там! Жена или вдова — для любви нет такого различия! Я ваш супруг — навеки! О, скажите это слово! Успокойте меня, я больше не в силах переносить такую муку! Да, я сейчас удручен, вы правы, и у меня есть на то причина. Но мысль эта преследует меня с той самой минуты, как мы соединили наши руки: добиться вас — лишь затем, чтобы потерять!..

— А разве не может случиться, что первой умру я? — сказала мисс Мидлтон.

— Знать, что я оставляю вас, такую прекрасную, на этих светских шавок, которые поднимут вокруг вас лай! Как же вы можете после этого удивляться моему отношению к свету? Эта рука... о, нестерпимая мысль! Вас обступят со всех сторон. Мужчины — животные. Они издали чуют запах измены, он их волнует, приводит в восторг, в неистовство. А я — беспомощен! Эта мысль меня бесит. Я вижу, как вокруг вас сжимается кольцо ослабевших обезьян. С одной стороны — ваша красота, с другой — присущее мужчине стремление осквернить, опоганить прекрасное. Вас не оставят в покое — ни днем, ни ночью, — пока вы не согласитесь переменить мое имя, и... Мне так больно, точно это уже свершилось! Вам не удастся от них избавиться, вам будет не на что опереться, если вы не скрепите свое слово клятвой.

— Клятвой? — повторила мисс Мидлтон.

— Милая моя, это ведь не галлюцинация, не бред: всякий раз, как я подумаю о смерти, мне представляется кольцо ухмыляющихся обезьян, они меня преследуют! Произнесите одно только слово, и я перестану вам докучать! Назовите это слабостью, если угодно. Со временем вы поймете,

что это и есть любовь, пастоящая мужская любовь, которая сильнее смерти.

— Дать клятву? — повторила мисс Мидлтон, недоумевая и слясь припомнить, не было ли с ее стороны какого-нибудь неосторожного, случайно оброненного слова. Губы ее беззвучно шевелились в такт мыслям. — Но какую клятву? В чем?

— В том, что вы будете хранить мне верность, даже если я умру. Ну, пожалуйста, хотя бы шепотом, на ушко!

— Уилоби, я не изменю слову, которое произнесу у алтаря.

— Нет, вы мне поклянитесь, мне!

— Но это и будет моя клятва вам.

— Нет, поклянитесь моей душе. Для меня нет блаженства райа, Клара, нет ничего, кроме мук, если вы не дадите мне слова. Ему я поверю. Я поверю вашему слову. Мое доверие к вам безгранично.

— Если так, вам не о чем беспокоиться.

— Любовь моя, я беспокоюсь о вас! Я хочу, чтобы вы были сильны, во всеоружии, даже тогда, когда меня не будет рядом и я не смогу вас защитить.

— Мы по-разному смотрим на вещи, Уилоби.

— Исполните мою просьбу! Ради меня! Дайте клятву. Скажите: «И за гробовой доской». Шепотом! Я больше ни о чем не прошу. В представлении большинства женщин могила порывает узы, освобождает от слова. Для них брак — всего лишь чувственный союз. Но от вас я жду благородства неслыханного, безграничного — верности за гробом. Пусть о вас говорят: «Вот идет его вдова», и называют вас святой.

— Вам должно быть довольно клятвы, что я произнесу у алтаря.

— Вы отказываетесь? Ах, Клара!

— Я обручена с вами.

— И вы не хотите поклясться? Одно слово! Но вы ведь любите меня?

— Я это доказала, как могла.

— Подумайте, как безгранично мое доверие к вам!

— Я надеюсь не обмануть его.

— Я готов стать перед вами на колени! Молиться вам!

— Нет, Уилоби, молитесь богу, а не мне. А я... ах, если бы я могла вам объяснить, что я такое! Ведь я даже не знаю, способна ли я к постоянству! Подумайте хорошенько, спросите себя — та ли я женщина, на которой вам следует жепиться? Ваша жена должна обладать высочайшими

достоинствами души и сердца. И если вы убедитесь, что у меня их нет, я не стану оспаривать ваш приговор.

— Но они есть у вас, есть! — воскликнул Уилоби.— Когда вы сами лучше узнаете свет, вы поймете мою тревогу. Живой — я чувствую себя в силах оградить вас, мертвый — я беспомощен. Вот и все. Исполните мою просьбу, и у вас будет надежная, неуязвимая броня... Попробуйте понять мое душевное состояние, думать моими мыслями, чувствовать моими чувствами. Тогда вы поймете, какой силы достигает любовь в человеке моего склада, и сами, без уговоров, захотите мне помочь. В этом вся разница между избранными и толпою, между любовью идеальной и грубой животной любовью. Но оставим это. Во всяком случае, рука ваша принадлежит мне. Покуда я жив, она моя. Казалось бы, я должен быть доволен. Да я и доволен, разумеется; просто я дальновиднее других и чувствую глубже, чем они. Однако мне пора вернуться к матушке. Леди Паттерн умирает, не изменив своему имени! А ведь могло бы стать... Но нет, это исключительная женщина! У меня, и вдруг — отчим! Небо праведное! Неужто я испытывал бы к ней то же чувство глубокого уважения, что она внушала мне всю жизнь! Да, моя дорогая, достаточно небольшого толчка, и рушится все, что добыла для нас цивилизация; мы вновь оказываемся в первозданной ступе, в которой нас толкли и размешивали. Когда я сижу у постели матушки, я невольно убеждаюсь в том, что главное, к чему должен стремиться человек — и в первую очередь женщина, — это к сознанию своего превосходства. Иначе мы неминуемо смешаемся с толпой. Женщины должны научить нас уважать их, иначе мы так и останемся животными — мычащим, блеющим стадом. Но довольно об этом. Вы и сами поймете, стоит лишь вам подумать. Быть может, в мое отсутствие все уже свершилось. Я напишу вам. Вы пришлете мне весточку о себе, правда? Проводите меня и стойте, покуда я сяду на Нормана. Передайте мой поклон доктору Мидлтоу. Я бы сам засвидетельствовал ему свое почтение, если бы позволяло время... Один-единственный!

«Один» на языке влюбленных — не есть строго арифметическая величина, это понятие мистическое и потому не поддается исчислению. Но на этот раз сэру Уилоби удалось сорвать и в самом деле всего лишь один поцелуй, и к тому же довольно холодный. Клара следила глазами за бравым всадником, удаляющимся на своем великолепном скакупе, а

в ушах ее еще звучали слова, только что им произнесенные. Контраст между благородной осанкой ее жениха и его странными речами леденил ей кровь. Тщетно пыталась она понять источник этих речей, столь для нее непривычных, столь противоестественных и недостойных мужчины (даже если сделать скидку на свойственную всем влюбленным сентиментальность). Что означали его слова, что он хотел ими сказать? И какое счастье, что ей не предстоит встретить испытующий взгляд мистера Уитфорда!

В оправдание сэра Уиллоби да будет здесь сказано, что его матушка позволила себе в разговоре с ним отметить несколько необычную живость характера этой молодой особы. О, разумеется, леди Паттерн не преступила границы уважения к его чувствам и намерениям! Но, при всем этом, слишком уж совпало ее мнение с «фарфоровой плутовкой» миссис Маунтстюарт! Обе умудренные житейским опытом дамы, не сговариваясь, пришли к одному и тому же заключению относительно его невесты — тут есть над чем задуматься! А впрочем, не было особой надобности указывать ему на некоторую неустойчивость в характере его невесты: он и без того стремился бы по мере возможности заручиться страховым полисом на ее душу. Леди Паттерн ударила в колокол, к которому и без того уже тянулась его рука. Он понимал, что Клара — не Констанция. Но все же она — женщина, а ему случалось быть обманутой женщиной, — как, впрочем, и всякому, кто склонен идеализировать прекрасный пол. Таким образом, тон, взятый им в разговоре с Klarой, вполне соответствовал его чувствам и выражал мысль, его занимавшую. Язык первобытной мужской страсти — один и тот же во все времена, и речь современного джентльмена, обращенная к его даме сердца, отличается лишь тем, что первобытные яркие краски успели с веками несколько вылинять и потускнеть.

Леди Паттерн умерла зимою, в самом начале года. В апреле у доктора Мидлтона истекал срок аренды Аптон-парка; нового жилья он себе еще не подыскал, да и вообще не придумал, куда он денется после того, как Уиллоби заявит свои права на его дочь. Сэр Уиллоби предложил подыскать для него дом где-нибудь поблизости от Паттерн-холла. А покамест он пригласил отца и дочь погостить у него месяц, чтобы Клара могла познакомиться поближе с тетюшками Эленор и Изабел Паттерн, с которыми ей предстояло жить после бракосочетания. Доктор Мидлтон принял при-

глашение, не посоветовавшись с дочерью; и только после того, как поставил ее перед совершившимся фактом, понял, что допустил оплошность. Клара, впрочем, его ни в чем не укоряла. «Ну что же, папа», — вот все, что он от нее услышал.

Сэру Уилоби пришлось съездить по делам в столицу, а потом — в одно из своих дальних владений, откуда он писал своей невесте ежедневно. Он едва успевал к себе в имение, чтобы подготовиться к приему гостей и никак не мог вырваться, чтобы заехать за ними в Аптон-парк. Между тем в его отсутствие мисс Мидлтон пришло в голову, что последние дни свободы ей следовало бы провести с друзьями. После месяца в Паттерн-холле у нее останется всего лишь несколько недель, а ей хотелось еще проехаться в Швейцарию или Тироль и взглянуть на Альпы. Непонятная причуда, по мнению ее отца! Но она повторила свое желание самым решительным тоном, и доктор Мидлтон понял, что имеет дело с расходившимся маятником, который уже никакими силами не остановить. Открытие поистине ужасное, ибо колебания этого маятника могли привести к отказу от превосходной библиотеки и великолепного погребца Паттерн-холла, а также и от общества многообещающего молодого ученого, — и все это ради непрерывной чехарды по гостиницам. При мысли о подобном образе жизни ему всегда представлялось, будто его вместе с целой толпой людей забивают каждую ночь в ствол чудовищной пушки, чтобы наутро выпалить им куда-то в пространство.

— Ты можешь отправиться в свои Альпы и после венчания, — сказал он.

— Тогда я уже наверное предпочту сидеть дома.

— Я-то на твоём месте, разумеется, предпочел бы сидеть дома, — подхватил доктор Мидлтон.

— Да, но я еще пока не замужем, папа.

— Ты все равно что замужем...

— Я думала... перемена обстановки...

— Мы уже приняли приглашение сэра Уилоби. К тому же он обещал подыскать мне домик в окрестностях, чтобы я мог жить поблизости от тебя.

— А ты хочешь жить поблизости от меня, папа?

— Да, на доступном расстоянии.

— А зачем нам вообще разлучаться?

— Затем, дорогая моя, что ты собираешься променять отца на мужа.

— А если я не хочу променять тебя на мужа?

— Дитя мое, в каждой сделке приходится чем-то поступаться. Мужей даром не дают.

— Разумеется. Но если я предпочла бы остаться с тобой, папа?

— Как так?

— Еще не поздно, папа. Нас ведь еще не разлучили.

— Что это значит? — спросил доктор Мидлтон, насторожившись. Он уже не па шутку встревожился, боясь, как бы церемония бракосочетания, которая должна была положить конец его хлопотливым отцовским обязанностям, не была отложена. Ведь такая отсрочка представляла угрозу его душевному покою, столь драгоценному для всякого ученого.

— Только то, что я сказала, папа, — ответила она, угадав его тревогу.

— А-а! — протянул он, хлопая глазами, и несколько раз кряду кивнул головой, чтобы вернуть себе привычное состояние равновесия. Он был рад покою на любых условиях. Жажда перемен, эта главная страсть женщины, является злейшим врагом ученого.

Двух недель вполне достаточно, чтобы осмотреть все пустующие дома в окрестностях Паттерн-холла, утверждала Клара, и незачем задерживаться дольше, ведь как-никак ей нужно повидаться с друзьями, да и лондонские магазины потребуют времени.

— Ну, хорошо, пусть две-три недели, — поспешил согласиться доктор Мидлтон. Подавленный развернувшейся перед ним перспективой, он был рад любому компромиссу.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Невеста

Всю дорогу из Аптон-парка в усадьбу Паттерн мисс Мидлтон тешила себя надеждой, что Уиллоби переменится, — она почти уверовала в эту мечту! Ведь когда он только начинал за нею ухаживать, он был совершенно другим. Со всем пылом отчаяния, в котором она еще не отдавала себе полностью отчета, Клара пыталась вспомнить его таким, каким он казался ей вначале, когда он впервые заявил себя ее

поклонником и она не отвергла его поклонения. Неужели она, сама того не сознавая, смотрела на него глазами света? Теперь она видела в его взгляде всего лишь «надменное самодовольство» — отчего же тогда он казался ей благородным и победоносным, как полководец, скачущий во весь опор впереди своего войска? Возможно ли, чтобы за такой короткий срок сэр Уиллоби так резко изменился? Или эту перемену следует искать в ней самой?

Вспоминания о той счастливой поре — то ли укором, то ли надеждой на ее возвращение — поднялись со дна ее души. Клара вспомнила и розовые мечты свои о любви, и образ суженого, каким он рисовался в тех мечтах, вспомнила, как трепетно гордилась им и как душа ее, казалось, не могла вместить всего этого счастья. Вспомнила также, как, переламывая себя, она стремилась к смирению и как все эти попытки завершались руладами его победной песни, мелодия которой, хоть и лишенная своеобразного очарования, однако, чем-то ее озадачивала.

Когда у человека иссякает источник доходов и он вынужден жить на основной капитал, у него опускаются руки: слишком невыносима мысль об угрожающем его семье неминуемом голоде; он уже отказывается от всякого подобия бережливости и в безудержном мотовстве растрчивает последнее. Точно то же происходит и с любовью: когда чувство перестает обновляться и в ход пускается основной капитал, влюбленный теряет голову и впадает в своеобразный азарт отчаяния. В предвидении наступающего голода он отбрасывает всякую заботу о будущем, призывает на помощь воспоминания, погружается в прошлое своей любви, вторгается в ее обветшалое здание, опустошает ее кладовые и цепко держится за иллюзию, с которой, если бы пчелиные соты памяти были неисчерпаемы, не расставался бы вовек. Но свойственный всякому смертному аппетит грозит уничтожить весь медовый запас его любовных воспоминаний и даже самую любовь, к утолению которой он так стремился. Вот тут-то и оказывается, что даже влюбленным не дано бессмертие. Так же как мы, грешные, а быть может, даже больше, они нуждаются в пище, в живительных соках. Им подавай жизнь в пору ее цветения, они хотят срывать плоды прямо с ветки и не согласны заменить их вареньями и соленьями. Позднее, когда кладовые памяти будут ломиться от припасов, а аппетит растеряет половину своих зубов, можно будет приняться и за консервы. Когда бы влюблен-

ным удавалось сохранить первые впечатления зарождающейся любви во всем их богатстве и свежести, когда бы любовь их была не только инстинктивной, безотчетной, но и разумной — тогда могли бы они рассчитывать к осени на тот обильный урожай, какой им прочила весна. Иначе говоря, любовь требует взаимодействия, постоянного общения, такого, как у солнца с землей: то сквозь завесу облаков, то лицом к лицу. Когда любят по-настоящему, то постоянно обмениваются знаками любви, доказательствами верности, совершают поступки, вызывающие восхищение любимого существа, и таким образом даруют друг другу дыхание жизни. Так бывает в любви в пору ее расцвета. Иное дело — одинокий мученик чувства. Он волочит за собой бревно и должен постоянно напоминать себе, что бревно это — бог, иначе такой груз окажется ему не под силу. А это уже не любовь.

Клара не была создана для этой роли — роли женщины, волокущей бревно. Щедрая и расточительная, она была способна израсходовать свой капитал быстрее кого бы то ни было. При всей своей женственности, еще больше, чем в любви, нуждалась она в дружбе; она тянулась к живому, открытому общению, при котором у каждого обнаруживаются лучшие стороны его души, а более глубинные чувства остаются до поры до времени незатронутыми. Вместо всего этого ее как бы поселили в устье глубокой шахты, предложив совершать ежедневные экскурсии в недра, в которых она так и не обнаружила алмазных россыпей. Там ее охватывал сумрачный холод подземелья; тщетно искала она чего-то добротного и прочного, на что бы можно было опереться, — взгляд ее встречал лишь таинственное мерцание тусклой свечи, еле освещающей своды пещеры, обитателем которой был самодовольный и велеречивый говорун. Двeтри недели испытательного срока казались ей невыносимо долгими. А как же вся жизнь?

Жизнерадостная по натуре, она надеялась, ждала и верила, что сэр Уиллоби снова окажется тем человеком, которого она в нем видела, когда согласилась стать его женой. Как ни странно, — а впрочем, это лишь показывает, насколько она была простодушна в ту пору своей жизни, — Клара не отдавала себе отчета в полном отсутствии плечения к своему жениху. Она знала только, что разум ее не примет в нем то одного, то другого, и смутно жаждала каких-то перемен. Она и не подозревала, что балансирует на краю безд-

ны: один неосторожный шаг — и она будет низвергнута с годовокружительных высот любви на самое дно этой бездны, имя которой «отвращение».

Когда они встретились, глаза ее засияли, как и у него. Как славно стоял он на ступенях собственного дома, обняв Кросджея за плечи! С присущим ему добродушным юмором сэр Уилоби рассказал о последней проделке мальчика, который, спрятавшись от своего наставника в лаборатории, произвел там взрыв и разбил окно. Она пожурив шалуна в том же ласково-шутливом тоне, после чего сэр Уилоби взял ее под руку и поднялся с ней в дом. «Скоро — навсегда!» — шепнул он ей в дверях. Словно не расслышав, она попросила его рассказать еще что-нибудь о юном Кросдjee.

— Идемте в лабораторию, — сказал он слегка приглушенным голосом, уже без всякой игривости.

Клара пригласила отца полюбоваться вместе с ними на последнюю проделку Кросджея. Сэр Уилоби шепотом сетовал на долгую разлуку, которую им пришлось перенести, — наконец-то он может принять ее у себя в доме, куда — теперь уже совсем скоро, через пять-шесть недель — она вступит полноправной хозяйкой.

— Идемте же, — торопил он.

Безотчетный ужас молнией пронзил все ее существо. Но ощущение это было мимолетно, как тень, пробежавшая по летней лужайке; оно прошло бесследно, оставив лишь легкий беспорядок в мыслях да удивление самой себе: чего она так испугалась? Ведь рядом отец, она не оставлена наедине с Уилоби.

Сэр Уилоби для красного словца несколько преувеличил размеры разрушений, учиненных юным Кросдjeeм. Мальчик всего-навсего подвел проволоку от батареи к кучке пороха, отчего вылетело одно стекло из оконной рамы да из стены вывалилось несколько кирпичей. Доктор Мидлтон осведомился, имеет ли сей отрок доступ в библиотеку, и с радостью узнал, что в это святилище дверь перед ним прочно закрыта. Все трое направились туда. Вернона Уитфорда не было — он совершал одну из своих долгих прогулок.

— Вот она, его хваленая преданность, папа! — сказала Клара.

Но доктор Мидлтон уже морщил лоб над лежащими на столе листками, исписанными рукою Вернона. Движением головы откинув со лба волосы, он уселся в кресло и погрузился в чтение. Теперь его уже никуда не сдвинешь —

Кларе пришлось с этим смириться. Не для того ли Уилоби и завел их в библиотеку, подумала она с ужасом, чтобы избавиться от ее защитника? Она предложила было нанести визит мисс Изабел и мисс Эленор. Но их нигде не было видно, а вошедший в гостиную лакей доложил, что они уехали кататься в карете. Она ухватилась за юного Кросджея. Но сэр Уилоби отослал его к миссис Монтегю, экономке, посулив, что его там угостят чаем с вареньем и прочими сладостями.

— Бегом — марш! — скомандовал он, и мальчишка пустился со всех ног.

Клара осталась без защиты.

— А сад! — воскликнула она. — Я так люблю ваш сад! Я непременно хочу видеть цветы — интересно, что там уже распустилось?.. Больше всего я люблю полевые цветы, особенно весной... Покажите мне ваши нарциссы и крокусы...

— Клара! Моя дорогая! Моя суженая! — прервал ее сэр Уилоби.

— А что? По-вашему, это слишком вульгарные цветы? — простодушно спросила она, не понимая, почему он загородил ей дорогу в сад.

Ах, зачем он так спешит предъявить свои права, зачем не подождет до той поры, когда заслужит... нет, не то!.. пока она не примирится со своим новым положением... опять не то! просто, пока она не восстановит в душе его прежний образ!

Но он не ждал. Он заключил ее в объятия.

— Ты моя, Клара! Вся! Со всеми твоими мыслями и чувствами — мол! Мы с тобою — одно, и какое нам дело до света! Как я жаждал этой минуты, как о ней мечтал! Ты спасаешь меня от тысячи мелочей, досаждающих мне ежеминутно. Кругом одни огорчения. Но все это вне нас. Я и ты — нас двое! С тобою я спокоен. Теперь уже скоро! Не будем же думать о свете. Любимая!

Он отпустил ее, и она почувствовала себя маленькой девочкой, которую только что окупули в море: как она боялась этой минуты! А теперь сама на себя дивится — оказывается, совсем не страшно. «Да и какое право имею я жаловаться?» — рассуждала она. Две минуты назад такая мысль не могла бы прийти ей в голову — вот уж поистине поправная гордость паче смирения!

Его она не винила ни в чем, но в собственных глазах — упала. Не столько оттого, что сделалась невестой сэра

Уилоби, — этот факт отныне обрел для нее убедительность заряда дробы в сердце сраженной птицы, сколько от сознания, что она — раба, женщина, которая обязана беспрекословно принимать ласки своего властелина. Да, пусть ей гораздо приятнее любоваться первыми весенними цветами в саду, она должна быть покорна его желаниям, каждому его порыву. Клара испытывала стыд за всех женщин на свете. Всякий их шаг, оказывается, ведет к рабству — и к какому страшному рабству! Она уже не думала о себе: ее участь решена. Единственное, впрочем, на что она могла жаловаться, это — на преждевременность его ласки, да еще, быть может, на недостаточную чуткость, но об этом она предпочитала не задумываться. По правде сказать, она ни на что и не жаловалась. Она только удивлялась, как это человек не замечает, что его ласки принимаются неохотно, без сердечного тепла, а лишь с тупой покорностью? А если замечает, почему не воздержится от них? Вместо ответной нежности — рабское послушание! Небо и земля!

Она старалась быть к нему справедливой: да, он говорил с нею со всей нежностью влюбленного. И если бы не это бесконечное повторение слова «свет», она бы не нашла, к чему придраться в его речах, хотя каждым своим словом он прямо заявлял притязания на ее личность; что ж, поскольку она собиралась сделаться его женой, он был вправе так с нею говорить. Если бы только он не торопился заявить себя в роли признанного жениха!

Зато сэр Уилоби был в восторге. Именно так — с мраморно-холодным целомудрием Дианы — он и мечтал, чтобы его невеста отвечала на его ласки. Задумчивый румянец стыда, заливший ее щеки, говорил о ее божественной женственности, о полном ее соответствии его идеалу женщины.

— А теперь пойдемте в сад, душа моя, — сказал он.

— Я бы хотела подняться к себе, — ответила она.

— Я пришлю вам букет полевых цветов.

— Ах, пожалуйста, не нужно! Я не люблю сорванные цветы.

— Так я буду ждать вас на лужайке.

— У меня что-то разболелась голова.

Сэр Уилоби придвинулся к ней, весь — тревога и нежность.

Она с живостью принялась уверять, что совершенно здорова; да, да, она с удовольствием пройдет с ним по саду и побродит по парку.

— Ведь это же не настоящая головная боль, — сказала она.

Однако за то, что она вызвала участливое внимание жениха и дала ему предлог приблизиться, ей пришлось уплатить штраф.

На этот раз она кляла и себя, и его, и весь поносимый им свет, а заодно и свою злосчастную звезду. Она уже больше не мечтала об «испытательном сроке», а откровенно жаждала свободы. Дивясь собственной холодности, она думала о странном свойстве поцелуя: оказывается, можно отвечать на него и одновременно оставаться безучастной! Почему же она не вольпа в себе? По какому чудовищному праву позволяет обращаться с собою, как с вещью?

— Я хочу пройтись, быть может, голове станет легче.

— Моя девочка не должна себя утомлять.

— Я не устану.

— Посиди же со мной... Твой Уиллоби будет прислуживать тебе, как преданный слуга.

— Мне хочется на воздух.

— Ну что же, пойдете, коли так.

Она ужаснулась этому внезапному и полному отчуждению и, чтобы успокоить свою совесть, послушно подала ему руку. Он и говорил и держался так, как ей хотелось бы, чтобы он говорил и держался; она — его невеста, почти жена. Чего же ей надо? Она решительно отказывается себя понять!

И здравый смысл, и чувство долга требовали, чтобы она смирила свою строптивую душу.

Он сжимал ее руку в своей, но это была уже привычная ласка: рука — это так далеко! Да и что такое — рука? Клара не отнимала ее: она смотрела на свою руку, как на звено, связывающее ее с благоправным исполнением долга. Еще два месяца — и она его пожизненная раба! Она жалела, что не настояла на своем и не удалилась к себе наверх; наедине она обдумала бы свое положение, овладела бы собой, примирилась со своей участью и спустилась бы вповь к Уиллоби, исполненная к нему душевного расположения. Почтительный тон Уиллоби, его непринужденный разговор способствовал возникновению этой иллюзии. Ее расхолодившиеся нервы постепенно успокаивались. Пять недель совершенной свободы в горах, думала Клара, и она мужественно встретит звон свадебных колоколов. Короткая передышка, смена обстановки, чтобы спокойно поразмыслить и привести свои чувства в ясность, — вот все, чего она просит у судьбы.

Сэр Уиллоби между тем с преувеличенной заботливостью водил ее от клумбы к клумбе, словно больную, которой впервые разрешили прогулку на свежем воздухе. Эта его манера раздражала ее, но тут же, в припадке раскаяния за свою неоправданную раздражительность, она принималась восторгаться садом.

— Все это — ваше, дорогая Клара!

О, каким непосильным бременем сделался тотчас для нее этот сад! Безучастно шагала она рядом с человеком, который с таким достоинством выдерживал роль внимательного кавалера; его усадьба, поместья и роскошь подавляли ее. Они словно твердили, какой ценой придется за все заплатить. Тут же она вспомнила, как гордилась этим зеленым газоном, этими раскидистыми деревьями, проезжая под их ветвями в карете, когда покидала усадьбу Паттерн в прошлый раз. Что за отравка пропикла в ее кровь? Вот ведь и сегодня — она ехала к нему без этой угрюмой неприязни: это чувство родилось уже здесь, на месте.

— Вы были здоровы все это время, моя Клара?

— О да.

— Совсем здоровы?

— Совсем.

— Моя невестушка должна быть совершенно здорова, или я загоняю всех докторов королевства! Милая!

— Я все хотела спросить вас о собаках...

— И собаки и лошади в прекрасном состоянии.

— Я очень рада. Вы знаете, я так люблю эти старинные французские шато, где ферма и господский дом слиты водно и окна гостиной выходят на птичий двор и копышны! Мне нравится это непритязательное соседство с крестьянами и животными.

Он снисходительно поклонился.

— Боюсь, моя Клара, что у нас, в Англии, это невозможно.

— Я знаю.

— Я тоже люблю ферму, — сказал он. — Но воздух гостиной, мне кажется, все же выигрывает от соседства с парком. Что касается нашего крестьянства, то, к сожалению, мы не можем нарушить сословные границы без опасности подорвать всю нашу социальную структуру.

— Вероятно, вы правы. Я ведь ни о чем не прошу.

— Душа моя, напротив — просите, просите у меня все, что только вам придет в голову, — я умоляю вас об этом!

Я готов исполнить всякое ваше желание, если только оно исполнимо.

— Вы очень добры.

— Я хочу одного: чтобы вам было хорошо.

Хоть Клара и не жаждала сладких речей, но уже то, что ей не продолжал посвящать ее в тайны своей исключительной натуры, не проповедовал необходимость замкнуться от людей в некоем двуединстве, — уже одно это обстоятельство успокаивало, и она стала мысленно исследовать все закоулки своей души, пытаясь понять, чем же ее так уязвил сэр Уиллоби. Быть может, его оплошность существовала лишь в ее воображении? Молодость шествует от одного впечатления к другому, не задерживаясь, и только в редком случае — если произойдет что-нибудь чудовищное, из ряда вон выходящее — отдаст себе отчет в том, что могло вызвать подобное ощущение тревоги. Так и с Кларой: она не могла утверждать, чтобы в его ласках заключалось нечто для нее оскорбительное; естественный девичий стыд заявил о себе мимолетным протестом, не оставив следа. И вот, решив, что была с ним жестокой, Клара произнесла:

— Уиллоби!

Она вспомнила, что ни разу еще во время их разговора не назвала его по имени. Он сразу встрепнулся.

Надо было придумать, что ему сказать.

— Я хотела просить вас, Уиллоби, не слишком меня баловать. Вы все время говорите мне комплименты. А комплименты ко мне не идут. Вы слишком обо мне высокого мнения. Это почти так же опасно, как если бы вы мною пренебрегали. Ведь я... я...

Но нет, она не могла следовать его примеру, отвечать откровенностью на откровенность! Благодетельный портрет, который начал было вырисовываться из ее слов, показался ей самой жеманным и наигранно наивным рядом с ее истинными чувствами, такими чудовищными в их обнаженности; неполная исповедь явилась бы еще одним шагом в сторону фальши. А разве могла она обнаружить себя такой, какой была в самом деле?

— Я ли вас не знаю! — воскликнул он.

Мелодичные басовые ноты этого возгласа, не меньше самих слов выражавшие глубокую убежденность, означали, что вопрос этот не требует ответа. Малейшее несогласие с ее стороны нарушило бы гармонию этой музыки, и его спокойная уверенность перешла бы в недоумение. Разумеется, он ее не

знал! Но она промолчала и только задумалась над глубиной пропасти, обозначившейся между ними.

Он заговорил об общих знакомых в окрестностях Аптон-парка и Паттерн-холла. А заодно и о свадебных подружках.

— Мисс Дейл, по словам тетушки Эленор, намерена отказать от этой роли, ссылаясь на нездоровье. Это чрезвычайно достойная особа, хоть и склонная к ипохондрии. Впрочем, тем лучше: нас будут окружать только совсем юные девицы, как вы сами,— гирлянда, сплетенная из бутонов! Правда, один распустившийся цветок в этой гирлянде выглядел бы не так плохо... Но раз она решила... Что меня огорчает по-настоящему, это отказ Вернона быть моим шафером.

— Мистер Уитфорд отказался?

— Почти что. Но я не принимаю его отказа. Он в качестве причины выдвигает свою нелюбовь к этой церемонии.

— Я тоже ее не люблю.

— Как я вас понимаю! Если б можно было произнести те слова и — скрыться от посторонних глаз! Можно, конечно, замкнуться в себе и игнорировать свет — временами это мне удается. Но потом, как если бы я забыл слова заклинания, я снова теряю эту способность. Зато — с вами! С вами я обрету это умение навсегда. Клара! Моя! Навеки! Ничто не может нас потревожить, повредить нам; мы принадлежим друг другу, и больше — никому! Пусть кругом борьба, смятение — что нам до того?

— А если мистер Уитфорд будет упорствовать?

— Мы с вами — одно целое, никакие внешние влияния е посмеют нас коснуться. Вот я возвращаюсь с охоты: вы ждете меня, я это знаю. Я читаю в вашем сердце, словно вы со мною рядом. И я знаю, что возвращаюсь к той, что читает в моем. Я ваш, я перед вами — открытая книга! Перед вами одной!

— А я должна буду все время сидеть дома? — спросила Клара и с облегчением заметила, что он ее не слушает.

— Сознаете ли вы это? Мы неуязвимы! Свет не в силах повредить нам ничем, он и коснуться нас не может! Какое блаженство, и мы будем упиваться этим блаженством без оглядки! Ведь это божественно! Это и есть рай на земле, не правда ли? Близость, исключаящая всякие посторонние влияния! Все, что я ни делаю, хорошо. Все, что ни делаете вы, — прекрасно. Вы для меня и я для вас — совершенны! Каждый день сулит новые тайны, новое упоение. Долой толпу! Нам

даже говорить этого не придется. Свет не выдержал бы атмосферы, которой дышим мы с вами.

— Ах, опять этот свет! — произнесла Клара нараспев.

Странно было слышать этого человека, мнящего себя на вершине горы, меж тем как на самом деле он брел по дну пропасти. Странно и даже немного смешно.

— Что вы скажете о моих письмах?

Кларе предлагалось дать волю своему восхищению.

— Я их читала, — ответила она.

— Обстоятельства вынудили нас отсрочить наше венчание, моя дорогая Клара. И как бы я ни бунтовал в душе против этой условности, — а я, конечно, бунтовал! — все же я чувствую, что такое постепенное взаимное проникновение душ благотворно. Нехорошо, когда девушке слишком внезапно, вдруг, приходится постигать характер мужчины. Да и нашему брату есть чему поучиться — ведь что ни шаг, то новое. Когда-нибудь вы мне расскажете, насколько теперешнее ваше восприятие моей особы отличается от ваших первых впечатлений.

В порыве противоречивого чувства она ответила с запинкой, словно подавляя рыдание:

— Я... я... когда-нибудь...

Затем прибавила:

— Если потребуется...

И вдруг ее прорвало:

— Почему вы всегда ополчаетесь на свет? Всякий раз, как вы о нем отзываетесь дурно, мне становится его жаль.

Он улыбнулся, умиляясь ее молодости.

— Я сам прошел через эту стадию. Она приведет вас к моему нынешнему взгляду. Жалейте свет, жалейте — это хорошо!

— Нет, не так, — сказала она. — Я хочу и жалеть его, и быть с ним заодно, не считать его порочным. Мир несовершенен, я знаю. Но ведь и в глетчерах есть трещины, в горах — ущелья, а разве они не великолепны в целом? Неужели мы не должны восхищаться ледниками и горами на том лишь основании, что в них таится опасность? Мне кажется... Ведь мир так прекрасен!

— Мир природы — да. Но мир людей?

— Тоже.

— Душа моя, вы, верно, думаете о мире бальных зал и гостиных?

— Я думаю о мире, в котором столько великодушия и героизма. О мире, что нас окружает.

— О мире, который существует только в романах!

— Нет, о настоящем мире. Наш долг, я твердо в это верю,— любить мир. И я верю, что когда мы отказываемся его любить, мы сами становимся уязвимее и слабее. Если бы я не любила окружающий мир, перед моими глазами стоял бы непроницаемый туман, а в ушах вместо музыки звучал глухой, однообразный гул. Мистер Уитфорд как-то сказал, что циник — это интеллектуальный фат, но только лишенный его яркого оперения. А еще мне кажется, что циники стремятся сделать мир такой же бесплодной пустыней в глазах других, какой он представляется им самим.

— Ах, этот Вернон! — воскликнул сэр Уиллоби, и на лицо его появилось такое выражение, точно кто-то задел его перчаткой по лицу.— Он играет словами, как побрякушками!

— А папа говорит, что он, напротив, не только умен, но и простодушен.

— Что до циников, моя Клара,— ну, конечно же, вы правы! Жалкое, смехотворное отродье! Но поймите и вы меня правильно. Я только хочу сказать, что покуда мы не отрешимся от мира, мы не в состоянии чувствовать с должной глубиной наше двуединство.

— А это какое-нибудь особое искусство?

— Если угодно. Это наша поэзия! Но разве любовь сама не стремится замкнуться в себе? Только уединение питает чувство у истинно любящих.

— Как бы они не начали поедать друг друга в этом уединении!

— Чем чище красота, тем отрешеннее она от мира.

— Но не враждебна ему?

Сэр Уиллоби был воплощенное терпение.

— Ну, хорошо,— сказал он.— Давайте рассуждать так: могут ли, по-вашему, мнения людей, обладающих житейским опытом, совпадать с суждениями невежд?

— От опытных людей мы вправе ожидать большего снисхождения, чем от невежд,— сказала Клара.

— Может ли добродетель чувствовать себя на месте в миру?

— Итак, вы ратуете за монастыри?

Над Кларою головою раздался журчащий смешок, каким обычно пытаются выразить искреннюю жалость к собеседнику. Слышать снисходительный смех в ответ на свою

мысль, особенно когда сам считаешь ее довольно меткой, — согласитесь, не очень приятно.

— В моих письмах я писал вам, Клара...

— Уиллоби, у меня никудашная память!

— Но вы, верно, заметили, что в письмах я не выражаю себя целиком?

— Быть может, когда вы пишете мужчинам, вам это удается лучше?

Течение мыслей сэра Уиллоби было нарушено. Он был болезненно самолюбив. Малейший удар по его самолюбию подымал в его душе целую бурю. Волна за волной с силой обрушивалась на то место, по которому пришелся удар. Особенного неистовства буря достигала в тех случаях, когда Уиллоби не удавалось скрыть свою рану от посторонних глаз. Что хотела сказать Клара? То ли — что ему не удаются любовные письма? Или — что его эпистолярный стиль не рассчитан на женский вкус! И почему она сказала «мужчинам», употребив множественное число? Означало ли это, что она слышала о Констанции? Быть может, у нее сложилось свое собственное мнение об этой презренной женщине? На все эти вопросы его сверхуязвимое самолюбие отвечало: «Да! Да! Да!» Он давно уже подумывал о том, что долг велит ему рассказать Кларе всю правду о причинах, приведших к разрыву с Констанцией, и объяснить, что она, как и всякий самоубийца, заслуживает снисхождения. Как бы то ни было, он обязан привести смягчающие ее вину обстоятельства. Да, она, конечно, поступила дурно, но ведь и он — разве ему не в чем себя упрекнуть? А раз так, мужская честь обязывает его сделать это признание.

А что, если Клара уже слышала об этой истории в той версии, которая имеет хождение в свете? Там, где иной почувствовала бы булавочный укол, не более, человек, у которого гордость поглотила все прочие страсти, испытывает муки ада. При мысли, что свет мог нашептать Кларе, будто его — его, сэра Уиллоби! — бросили, душа у него затрепетала, словно через нее пропустили электрический ток.

— Вы сказали — письма к мужчинам?

— Ну да, деловые письма.

— Вы хотите сказать, что я лучше выражаю себя в деловых письмах?

Сэр Уиллоби смотрел на нее во все глаза.

— В письмах к мужчинам вы говорите то, что вам дик-

тует разум, — пояснила Клара. — Когда же вы пишете... нам, это должно быть, труднее.

— Пожалуй, вы правы, любовь моя, — подтвердил он, смягчаясь. — Не то чтобы труднее... Я, например, не испытываю ни малейшего затруднения, когда пишу. Но дело в том, как я полагаю, что язык наш не приспособлен выражать чувство. У страсти свой язык.

— Язык жестов и пантомимы?

— Нет, я хочу лишь сказать, что холодные слова не в силах передать накала страсти.

— Ах, холодные!

— Я вижу, мои письма вас несколько разочаровали?

— Отчего вы так думаете?

— Мои чувства слишком сильны, дорогая Клара, они не находят себе выражения на бумаге. Когда у меня в руках перо, я чувствую себя Титаном, восставшим на Зевса. Я готов швыряться скалами, а у меня под рукою одни камешки. Да, да, это — точное сравнение. Не судите обо мне по моим письмам.

— А я и не сужу; ваши письма мне нравятся.

Она покраснела, взглянула на него искоса, но, увидев, что он по-прежнему невозмутим, продолжала:

— Боюсь, что я предпочитаю камешки скалам. Впрочем, если б вы читали поэтов, вы убедились бы, что человеческая речь способна передать...

— Дорогая моя, я ненавижу всякую искусственность, а поэзия в конечном счете — то же рукоделне.

— Наши поэты доказали бы вам...

— Я, кажется, уже не раз говорил вам, Клара, что я с поэт.

— Я вас в этом никогда и не подозревала, Уиллоби.

— Да, я не поэт и не испытываю ни малейшего желания стать таковым. Но будь я поэтом, уверяю вас, моя жизнь могла бы послужить достойным материалом для поэзии. Однако совесть моя не совсем покойна. И омрачает ее одно обстоятельство, в котором я, собственно, и неповинен. Вы, верно, слышали о некоей мисс Дарэм?

— О мисс Дарэм?.. Да, я слышала...

— Быть может, она успокоилась и счастлива. Надеюсь, что так. Если же нет, доля вины в этом лежит на мне. Вот вам, кстати, и пример, из которого вы можете судить, насколько я отличаюсь от света. Свет винит ее, я же выступил на ее защиту.

— Это очень благородно с вашей стороны, Уилоби.

— Погодите. Боюсь, что и в самом деле повод всему дал я. Впрочем, понятие мое о чести таково, Клара, что я бы ни в коем случае не отступился от своего слова.

— Что же вы сделали?

— Это — длинная история, и начало ее покрыто «далеким пушком юности», как говорит Вернон.

— А, так это выражение мистера Уитфорда?

— Да, он любит такие штуки... Словом, это история одного раннего увлечения.

— Папа говорит, что в юморе мистера Уитфорда много подлинного ума.

— Между нами встали соображения семейного порядка, да и здоровье этой особы, ее общественное положение в глазах моих близких, и так далее. Но увлечение было! Не стану отрицать. Пища для ревнивой женской тревоги была.

— А теперь?

— Теперь? Когда у меня — вы? Дорогая моя Клара! Ну, разумеется, с тем покончено — иначе разве мог бы я вам открыть всю свою душу? Разве мог говорить с вами так задушевно и искренне? Ведь вы теперь знаете меня едва ли не лучше, чем я сам! Разве мог бы я слиться с вами душою, вступить с вами в этот союз, такой таинственный, такой нерушимый?

— А с ней вы так не говорили, как со мною?

— Ни в какой мере.

— Тогда отчего... — начала Клара вполголоса и тут же осеклась.

Сэр Уилоби приготовился было произнести целую проповедь на свою излюбленную тему, но подошедший в эту минуту слуга доложил, что в лаборатории его дожидается архитектор.

Отговорившись тем, что не выносит разговоров о кирпичах и стропилах, Клара не стала ему сопутствовать. Весь тон ее разговора вызвал в нем смутное беспокойство. Расставаясь с ней, он про себя решил непременно что-то еще сказать или сделать, чтобы его мысль стала доступной женскому разумению.

Юный Кросджей, несмотря на изрядное количество проглоченного варенья всевозможных сортов, одним прыжком очутился возле своего покровителя и прошелся вокруг него колесом. Клара не знала, что и думать. Обращение сэра Уилоби с мальчишкой не оставляло желать лучшего. «Или в нем

два разных человека?» — подумала она. А за этой мыслью последовала другая: «Быть может, я к нему несправедлива?» И чтобы дать душе отдых, она пустилась с юным Кросджем наперегонки.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Пробежка с лентям и прогулка с наставником

Зрелище бегущей мисс Мидлтон воодушевило юного Кросджей. Издав воинственный клич и пройдясь еще раз колесом, он пустился за нею вслед. До чего же она легка! Казалось, не две, а целая сотня невидимых ножек несет ее, как по гладким водам, по газону и дальше, по нестриженным лужайкам парка. До чего она грациозна! Кросджей вложил в потюню все неистовство своего мальчишеского восхищения и продолжал бежать, хоть она оставила его далеко позади. У него была одна мысль: догнать ее — или умереть! Но вот — еще девять, десять мелькающих шажков, и она вдруг опустилась на землю. Юный Кросджей догнал ее и на последнем дыхании произнес:

— Ну и мастерица вы бегать!

— Бедный мальчик, я забыла, что ты только что пил чай, — сказала она.

— А вы даже не задохнулись нисколько! — воскликнул он с восхищением.

— Конечно же, нет, не больше, чем птица, когда она летает. Попробуй поймать птицу!

Юный Кросджей важно кивнул в ответ: о птицах он знал все, что можно было знать.

— Погодите, вот я перейду на второе дыхание, и тогда я покажу!

— Признайся же, что девочки бегают быстрее мальчиков!

— Только вначале.

— Они все делают лучше.

— Они только пыль в глаза пускают.

— Они делают уроки.

— Зато они никогда не становятся матросами или солдатами!

— Вот и неправда! Разве ты не читал о Мери Эмбри?

И о миссис Ханне Снэлл из Пондичерри? Или, например, о невесте знаменитого Вильяма Тейлора? А что ты скажешь о Жанне д'Ари? О Боадидее? Неужели ты ничего не слышал об амазонках?

— Так ведь то не англичанки!

— А, значит, вы презираете своих соотечественниц, сэр?

Юный Кросджей почувствовал, что попал впросак. Он попросил рассказать ему о Мери Эмбри и других англичанках, которых назвала мисс Мидлтон.

— Вот видишь, ты не хочешь читать сам, от мистера Уитфорда убегаешь и прячешься, а вот, пожалуйста, — ничего не знаешь из истории своего отечества!

Мисс Мидлтон корила Кросджея, наслаждаясь его замешательством. Он чувствовал, что она шутит, и вместе с тем был преисполнен сознания своей вины. Она потребовала, чтобы он ответил, в каком году праздник святого Валентина совпал с величайшей победой отечественного флота, рассказал о герое, прославившемся в этот день, и назвал корабль, на борту которого тот находился. Ответы Кросджея последовали с той же быстротой и меткостью, с какой вылетали ядра из пушек славного «Капитана», нацеленных на испанский флагман.

— Кабы не мистер Уитфорд, — сказала мисс Мидлтон, — ты бы и этого не знал.

— Он только купил мне книги, — проворчал юный Кросджей, покусывая травинку. Он смутно чувствовал, к чему клонится разговор.

Мисс Мидлтон снова легла в траву и спросила:

— Ты можешь меня полюбить, Кросджей?

Мальчик только заморгал глазами в ответ. Он хотел бы доказать ей, что уже любит ее безмерно, и, быть может, бросился бы к ней на шею, но мисс Мидлтон, простертая на траве с полузакрытыми глазами, вызывала в нем трепетное удивление. Его юное сердце часто забилося.

— Видишь ли, милый, — продолжала она, приподнявшись на локте, — видишь ли, ты очень хороший мальчик, но очень неблагодарный. К тебе человек привяжется всем сердцем, а ты возьмешь и обидишь его. Ну, ладно, пойдем, ты мне нарвешь первоцветов и вероники. Ты, верно, так же как и я, любишь полевые цветы.

Она поднялась и взяла его под руку.

— Идем на пруд, мне надо с тобой серьезно поговорить. Ты покатаешь меня на лодке.

Однако, когда они подошли к лодочному сараю, Клара завладела веслами. Она в детстве охотно играла с мальчишками и досконально изучила эту породу: поглощенный мужской работой, мальчик не станет слушать, что ему говорит женщина.

— Итак, Кросджей,— начала она.

Лицо мальчика подернулось тенью, словно кто-то на него набросил невидимый капюшон. Клара наклонилась к веслам и рассмеялась.

— Ах ты, глупыш! Неужели ты подумал, что я и в самом деле буду читать тебе нотации?

Он робко и нерешительно просветлел.

— Я и сама когда-то лазила за птичьими гнездами, не хуже твоего. Мне нравятся храбрые мальчики, и ты мне нравишься за то, что хочешь служить в королевском флоте. Но ведь для этого нужно учиться, иначе ничего у тебя не выйдет! Тебя будут экзаменовать капитаны. Видно, кто-то здесь слишком тебя балует. Кто же — мисс Дейл или мистер Уитфорд?

— А вот и нет, а вот и нет! — пропел юный Кросджей.

— Значит — сэр Уилоби?

— Не знаю, балует он меня или нет, а только с ним всегда можно поладить.

— Я не сомневаюсь, что он с тобою ласков. И наверное, мистер Уитфорд кажется тебе чересчур строгим. Но не забывай, что кто он тебя учит, он хочет помочь тебе попасть во флот. Ты не должен дуться на него за то, что он заставляет тебя учить уроки. А если бы ты сегодня взлетел на воздух? Вот когда бы ты пожалел, что не остался заниматься мистером Уитфордом!

— Сэр Уилоби говорит, что, когда он на вас женится, мне уже нельзя будет у него прятаться от мистера Уитфорда.

— Конечно! Нехорошо баловать такого большого мальчика. Тебе, верно, частенько от него перепадает на, — как это у вас называется? — «на мелкие расходы»?

— По полкроны обычно. А то и по целой. Бывало даже, что и фунт!

— И поэтому ты его слушаешься? А он тебя балует, потому что ты... Ну, хорошо, мистер Уитфорд не дает тебе денег, зато он отдает тебе свое время, он хочет тебе помочь поступить во флот.

— Он за меня и платит тоже.

— Что ты сказал?

— Он платит за мое содержание. И если хотите знать, я бы за него в воду бросился. Я буду, буду учиться! Это он научил меня плавать. Я только не люблю учебников, вот что.

— Ты уверен, что тебя содержит мистер Уитфорд?

— Отец сказал мне, что он и что я должен во всем его слушаться. Мистер Уитфорд узнал, что отец мой беден и что нас у него много, и приехал к нам. Отец ведь сюда приходил, только сэр Уилоби его не принял. За меня платит мистер Уитфорд, это я точно знаю. Вот и мисс Дейл говорила. Матушка говорит, что ему стало жалко папу, он ведь тогда сильно простудился — всю дорогу шел пешком, в дождь. Это когда он приходил сюда, в Паттерн-холл.

— Ну вот видишь, Кросджей, значит, ты не должен огорчать мистера Уитфорда. Он настоящий друг — и твой, и твоего отца. Ты должен его любить.

— Он мне очень нравится. Особенно лицо.

— Почему именно лицо?

— Оно не такое, как у всех. Мы часто говорим о нем с мисс Дейл. Только мисс Дейл считает, что красивее сэра Уилоби на свете нет.

— Постой! О ком же вы с ней говорите — о сэре Уилоби или о мистере Уитфорде?

— Ну да. О старине Верноне.

Заметив удивление на лице мисс Мидлтон, Кросджей спохватился:

— Это сэр Уилоби его так зовет, — пояснил он. — Вы знаете, кого он мне напоминает? Глазами? Почему-то, когда я на них смотрю, мне вспоминается старый козел в пещере Робинзона Крузо. Мне нравится, что он всегда одинаковый. А ведь не все такие. Знаете, мисс Мидлтон, как бывает в крикете? В игру вдруг входит человек, и ты сразу понимаешь, что он сделает по меньшей мере десять забжек. Может, и больше, но десять наверняка. Вы бы послушали наших стариков фермеров на ярмарке — как они говорят о таком игроке! Вот и я так уважаю мистера Уитфорда.

Мисс Мидлтон понимала, что пример из области крикета понадобился мальчику для того, чтобы дать ей представление о любви и доверии, какие внушает ему мистер Уитфорд. Юный Кросджей, по-видимому, настроился на душевный разговор. Но солнце уже опускалось, пора было переодеться к обеду, и она высадила мальчика на берег с тем грустным чувством, какое бывает, когда кончается праздник. Кросджей на прощание вызвался переплыть на тот берег —

«как есть, в одежде» или нырнуть на дно и достать любую вещь, какую ей заблагорассудится бросить в воду, и клятвенно заверил ее, что вещь эта не пропадет.

Клара медленно зашагала от озера к дому, напевая какую-то мелодию, чтобы заглушить безудержный поток мрачных мыслей. Так, порою, вечером, над бурливым ручьем, катящим свои серо-черные валы, птичка выводит безмятежную песенку.

Сзади послышались шаги.

— Я вижу, вы баловали моего бездельника.

— Ах, мистер Уитфорд! Нет, право же, не баловала. Я пыталась прочитать ему нотацию. Он очень милый мальчик, но, должно быть, хлопот с ним не оберешься.

Кровь прилила к ее щекам, и она ничего не могла поделать с этим румянцем, который разгорался все сильнее и сильнее.

Она пояснила, что только что гребла на озере, и, обороняясь от пытливого взора, который он, по своему обыкновению, устремил на нее в упор, пыталась вызвать в уме образ старого козла Робинзона Крузо, выглядывающего из полумрака пещеры.

— Мне, видно, придется убрать его отсюда как можно скорее, — сказал Вернон. — Здесь он окончательно избалуется. Поговорите, пожалуйста, с Уилоби. Я не пойму, как он себе представляет будущее мальчика. Попасть во флот — дело нешуточное, а ведь Кросджей создан для того, чтобы служить во флоте.

О случае в лаборатории Вернон, оказывается, еще не слышал.

— И Уилоби, вы говорите, смеялся? — спросил он. — В портовых городах имеются специальные репетиторы, они натаскивают юнцов перед экзаменами, и нам следует определить мальчика к такому репетитору, узнав заранее, кто из них — самый лучший. Правда, я собирался освободить его от своей опеки только за три месяца до начала экзаменов, не раньше — хотелось бы иметь уверенность, что вбитые ему в голову знания засели в ней достаточно прочно. Но здесь он пропадет. К тому же и сам я уезжаю. Так что мне остается помучить его всего недельку-другую. Как здоровье доктора Мидлтона?

— Отец здоров, спасибо. Он как ястреб набросился на ваши записки в библиотеке.

Вернон усмехнулся.

— Я для него их и оставил. Предстоит большой спор.

— Да, и, судя по выражению папиного лица, вам не-сдобровать.

— Мне знакомо это его выражение.

— Вы долго сегодня ходили?

— Девять с половиной часов. Иногда мне становится не-вмоготу с этим пострелом, и тогда я шагаю-шагаю, пока не слышит досада.

Она глядела на него и думала, как, должно быть, приятно иметь дело с человеком, столь откровенно резким — с одной стороны, и прописывающим себе столь суровое лечение — с другой.

— Неужели вам понадобилось для этого девять с половиной часов?

— Ну, нет. Успокоился я несколько раньше.

— Вы тренируетесь перед поездкой в Альпы?

— Боюсь, что не доберусь до Альп в этом году. Я покидаю Паттерн-холл и, верно, осяду в Лондоне, где попытаюсь зарабатывать пером.

— Уилоби знает, что вы его покидаете?

— Спросите, знает ли Монблан о том, что какая-то кучка туристов решила на него взобраться: он видит, что там, внизу, в долине, шевелятся какие-то букашки, вот и все.

— Уилоби мне ничего не говорил.

— Он решил бы, что это из-за предстоящих перемен...

Вернон не кончил фразы, а у Клары не хватило духу спросить, какие перемены он имеет в виду. Она наклонилась и сорвала желтый цветок первоцвета.

— А там, в глубине парка, я видела нарциссы,— сказала она.— Немного — два или три, ведь их пора уже прошла.

— Да, здесь сколько угодно цветов,— ответил он.

— Не покидайте его, мистер Уитфорд!

— Я ему больше не буду нужен.

— Но ведь вы так преданны ему!

— Это немного сильно сказано.

— Значит, и впрямь все дело в переменах, которых вы, по-видимому, ожидаете?.. Но если бы даже они наступили, разве необходимо из-за этого уезжать?

— Ничего не поделаешь! Мне тридцать два года, а я еще не испытал себя в бою. Что я таков? Нечто неопределенное: полуученый, а от природы еще и полусолдат: то ли воин с аркебузой, то ли мушкетер. Нет, нет, если только у меня

есть что-нибудь за душой, мое место — в Лондоне. Там я и проверю себя.

— Папа будет недоволен, что вы решили зарабатывать пером. Ваше перо, скажет он, достойно лучшего применения.

— На этом поприще подвизаются весьма почтенные люди. У меня нет оснований считать себя выше их.

— Они растрачивают себя понапрасну, говорит папа.

— И ошибается. Конечно, если они честолюбивы, им кажется, что они пропадают понапрасну; но это, на мой взгляд, их личная работа — какое дело обществу до нашего честолюбия?

— А вы очень дурного мнения об обществе? — спросила мисс Мидлтон упавшим голосом: она чувствовала себя как человек, который сам выпрашивает себе яду.

— С таким же успехом можно спросить, очень ли я дурного мнения о реке. Ведь она бывает мутной в одном месте, прозрачной — в другом, воды ее текут то бурно, то плавно. К человеческому обществу надо подходить с меркой здравого смысла.

— И любить его?

— Да, чтобы ему служить.

— И не восхищаться им? Но разве люди, мир — не прекрасен?

— В нем многое прекрасно, а многое, напротив, безобразно.

— Папа на вашем месте непременно процитировал бы тут Горациево «mulier formosa»¹.

— Но ему пришлось бы оговориться, что «рыба» — не дает представления о черной стороне человеческого общества. Впрочем, я готов согласиться с тем, что «женщина», mulier, олицетворяет его лучшую часть.

— Правда? Вы это говорите без иронии? Что же, ваш взгляд на мир кажется мне вполне приемлемым.

Она была почти благодарна ему за то, что его суждение не представляло полной антитезы взглядам сэра Уиллоби. Ее юное сердце так жаждало объять весь мир своей любовью, что, если бы Вернон решительно встал на ее сторону, она впала бы в экзальтацию. Еще минута — и перед ней разверзлась бы бездна. Мало-мальски сочувственный ответ на ее пылкое: «И любить его?» — ударил бы ей в голову сильнее всякого хмеля. Но его трезвое: «Да, чтобы ему служить»,

¹ Прекрасная женщина (лат.).

взывало к разуму, оно заставляло задуматься — и над существом ответа, и о личности собеседника.

Клара могла позволить себе думать о нем с удовольствием, ее женский инстинкт молчал, не подозревая об опасности. Мистер Уитфорд не был галантен, и манеры его не отличались изяществом, — словом, у него не было ничего от светского обаяния его кузена. Ей довелось как-то наблюдать мистера Уитфорда в бальной зале. Он танцевал, как солдат, вышагивающий на параде, и только уже много спустя, полюбив его душевно, перестала Клара молить бога, чтобы ей никогда-никогда не пришлось танцевать с ним в паре. Зато он был замечательный ходонок, славившийся своей неутомимостью; впрочем, такая слава обычно сопутствует тем, кто избегает женского общества и не принимает участия в увеселениях, которые объединяют оба пола. Наездник он был посредственный: лицемерие Вернона в седле доставляло искреннее удовольствие сэру Уиллоби. В гостиных он не блистал остроумием, разве что к нему подсядет человек, с которым можно поговорить по-настоящему. Недостатки мистера Уитфорда, впрочем, — больше даже, чем его достоинства, — делали его идеальным другом для молодой женщины, жаждущей дружбы. Образ жизни, который он вел, представлялся Кларе в ее смятенном состоянии идеалом покоя. И то, что ему удалось достичь этого покоя, казалось ей свидетельством силы духа. А Клара так нуждалась в сильной дружеской руке, ей так важно было знать хотя бы, что такая опора существует! Репутация человека, равнодушного к девичьим чарам, придавала Вернону обаяние далекого айсберга, кочующего в водах южных морей. Этот человек, не желавший ни льстить женщинам, ни искать их лестного внимания, казался Кларе необыкновенным, недостижимым. Она взирала на него с трепетом, снизу вверх, как взирают в нашем обществе на представителей наследственной аристократии. Несмотря на свою молодость, она уже успела вдоволь послушаться лести и побывать в ее силках, и ей казалось, что благородная гордость мешает мистеру Уитфорду прибегать к ухищрениям птицелова и расставлять сети всякой мелкой пичужке.

Они довольно долго шли молча, когда Вернон неожиданно нарушил молчание.

— Будущее мальчика, — сказал он, — зависит в некоторой степени от вас, мисс Мидлтон. Мне надо уезжать возможно скорее, но я оставляю его здесь с тяжелым сердцем. Я, конечно, знаю, что вы за ним присмотрите, но боюсь, что

вы не сразу поймете, как пагубно на нем отражается атмосфера баловства, которая его окружает в Паттерн-холле. Его следует отправить к репетитору немедленно, еще до того, как вы сделаетесь леди Паттерн. Употребите все ваше влияние! Если вы попросите, Уилоби согласится за него платить. Это обойдется ему не слишком дорого. Есть веские причины, которые не позволяют мне держать Кросджея при себе в Лондоне, даже если бы это было мне по средствам. Итак, могу ли я рассчитывать на вашу поддержку?

— Я поговорю с ним, я сделаю все, что могу,— сказала мисс Мидлтон, чувствуя, как непонятная тоска сжимает ей сердце.

Они подошли к лужайке, по которой прохаживался сэр Уилоби со своими незамужними тетушками, мисс Изабел и мисс Эленор.

— Вы, кажется, охотились на зайца, а поймали оленя,— сказал он своей невесте.

— Мисс Мидлтон спугнула лодыря, а загнала его наставника,— подхватил Верноп.

— А все оттого,— возразил сэр Уилоби,— что вы не слушаете меня, когда я говорю, как следует обращаться с мальчиком.

Обе дамы поцеловали мисс Мидлтон. Одна прижалась громко восторгаться ее красотой, другая — превозносить ее здоровье, и обе хором заявили, что на юного Кросджея можно воздействовать только лаской,— тогда он становится как шелковый. Клара задумалась. Своею ли волей отказались эти женщины от собственного лица, превратившись в тень, в отголосок сэра Уилоби, или это он их так вышколил? Она перевела взгляд с них на сэра Уилоби, и ей сделалось жутко. Хоть все последнее время у нее прошло в борьбе с ним, истинной меры его грозного могущества, превращающего домочадцев в бессловесных рабов, она еще не знала и не испытала на себе. Ведь до сих пор ей удавалось сохранить свои позиции.

— Ах, нет, я не могу согласиться с вами! — возразила она тетушкам.— Мистер Уитфорд нашел единственно верный способ обходиться с таким мальчиком, как Кросджей.

— Я хочу сделать из него человека,— сказал сэр Уилоби.

— Но что с ним станет, если он так ничему и не научится?

— Если я буду им доволен, его будущность обеспечена,

Еще не было случая, чтобы я бросил человека, которому оказывал покровительство.

Клара посмотрела на него в упор и, не отводя глаз, прикрыла их веками.

Сэру Уиллоби сделалось не по себе. Он был чувствителен к тончайшим нюансам взглядов и интонаций; в этом, собственно, и крылся основной секрет, позволявший ему железной рукой управлять теми, кто жил под его кровлей. Он требовал от них безоговорочного признания его точки зрения, и они знали, что ни малейший мятежный оттенок не ускользнет от его внимания. Взгляд в упор, без тепла, без девической застенчивости и внезапно опустившиеся веки говорили о недостатке сочувствия к его воззрениям, а быть может, и о прямой враждебности им. Возможно ли, чтобы она не принадлежала ему целиком? Брови его метнулись вверх.

Клара заметила движение бровей и подумала: «Замужем, нет ли, а в мыслях своих я вольна».

Об этом-то и шел между ними спор.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Клара знакомится с Летицией. Их сравнивают

На следующее утро, за час до начала уроков, на газоне перед домом появился юный Кросджей с огромным букетом полевых цветов. Он оставил их в прихожей и исчез в кустах.

Всемогущие заправилы Большого дома собрались было предать вульгарные растения мусорной куче, но мисс Мидлтон, увидевшая в окно Кросджея с цветами, смекнула, что букет предназначался ей, и приказала лакею его принести. Букет был прелестен. Чувствовалось, что над ним поработала чья-то рука, более изысканная, чем мальчишеская: цветы были расположены в определенном порядке — красная гвоздика соседствовала с лютиками, первоцвет — с вероникой, нарцисс — с лесным гнацинтом, а из голубевшей середины букета возвышалась ветка, покрытая плотными белыми цветами, настолько плотными и белоснежными, что мисс Мидлтон, мысленно похвалив Кросджея за то, что он прибег к помощи мисс Дейл, тщетно пыталась определить, с какого дерева сорвана эта ветка.

— Это лесная весталка, дикая вишня, усовершенствованная искусством садовника,— объяснил доктор Мидлтон.— И здесь, пожалуй, мы вправе сказать, что садовник одержал победу над природой. Впрочем, я не уверен, что это усовершенствование,— ведь двойное, махровое цветение, насколько известно, происходит за счет плодоносности дерева. Если так, назовем его «весталкой цивилизации». Как бы то ни было, садовник не только оправдал название растения, но и показал, как красивы эти служительницы Весты.

— Наш сорванец посягнул, оказывается, на священное древо Вернона! — весело сказал сэр Уиллоби и поведал мисс Мидлтон, что дикая вишня с махровыми цветами была любимицей мистера Уитфорда.

Сэр Уиллоби обещал как-нибудь показать ей эту вишню.

— Вам подобное испытание не страшно,— прибавил он.— Но таких дам, чей цвет лица мог бы его выдержать, мало; для большинства это более тяжкое испытание, чем свежесвыпавший снег. Мисс Дейл, например, уже в десяти шагах от дерева превращается в пожелтевшее кружево. Хотел бы я видеть вас обеих рядом под этой вишней!

— Ого! — воскликнул доктор Мидлтон.— Вы, кажется, возлагаете на нашу древесную нимфу новые функции, и при этом довольно грозные.

— Мисс Дейл могла бы повести меня на более высокий суд, где я бы поблекла от соседства с нею,— возразила Клара.— Есть дары более ценные, нежели цвет лица.

— У нее отличные дарования, — сказал Вернон.

Весь свет — а следовательно, и Клара — знал о романтической привязанности мисс Дейл к сэру Уиллоби. Клара жаждала познакомиться с мисс Дейл, чтобы понять характер ее чувства к человеку, который говорил с таким ледяным холодом о той, что имела несчастье его полюбить. А может быть, именно мороз и полезен женскому сердцу? Может быть, оно таким образом приучается к дисциплине, к сдержанности и обращается внутрь себя, к собственным мечтам? Если так, то этот холод благотворен, он ведет к идеализации любимого. И Кларину воображению живо представились все преимущества разлуки перед убийственной скрупулезностью пристального изучения. Она пыталась увидеть сэра Уиллоби глазами мисс Дейл. Безграничная способность к самообману, которой Клара завидовала, не могла, однако, не вызвать у нее презрения; она не могла также не осудить бесчеловечную черствость сэра Уиллоби, с такой готовностью предававшего

свою верную поклонницу — лишь затем, чтобы сделать пустячный комплимент невесте. Тем не менее Кларе представлялось, что где-то должна быть точка, с которой можно взирать на него доброжелательно, без осуждения и даже восхищаясь им, как, например, взирает луна на колошащегося внизу смертного: он статен и пригож — вот все, что оттуда видно.

— Со мной учителям тоже приходилось биться, — сказала она. — Быть может, я лучше разбиралась бы в разных вопросах, если бы была наделена отличными дарованиями. Я не помню случая, когда бы могла гордиться выполненным уроком...

Она оборвала себя на полуслове, недоумевая, куда еще может завести ее собственный язык, и, чтобы выйти из положения, прибавила:

— Может, поэтому я так сочувствую бедняге Кросджею.

Мистер Уитфорд, по всей видимости, не обратил внимания на то, что Клара пролепетала что-то об «отличных дарованиях», хоть это были его собственные слова, только что им произнесенные — и притом с особенным ударением — в похвалу мисс Дейл.

Голос сэра Уилоби развеял облачко смущения, сгустившееся было над Кларой.

— В том-то и дело, — сказал он. — Я твердил Вернону, что с этим мальчуганом можно добиться толку одной лишь лаской. Его нельзя принуждать. На меня, например, поучение не оказывало ни малейшего действия. Всякий порядочный мальчишка непременно взбунтуется. Ах, Клара, мне ли не знать, что такое мальчишки!

И он посмотрел ей в глаза — в глаза, которые разглядывали его, как некую песчинку, случайно оказавшуюся в поле зрения. Глаза были широко открыты, потом закрылись.

Когда они открылись вновь, они уже не смотрели на него.

Сэр Уилоби был болезненно чувствителен.

Но даже теперь, зная, что ранит его, а может быть, именно оттого, что она это знала, Клара все еще пыталась вскарабкаться на утерянную высоту, на узкую полосу «ничьей земли», откуда мы позволяем себе с беспечностью постороннего наблюдателя обозревать недостатки любимых. Взобраться на эту высоту, впрочем, ей так и не удалось, и все ее старания привели лишь к тому, что она соскользнула еще ниже, чем стояла до этой попытки.

Доктор Мидлтон отвлек сэра Уиллоби от его безрадостных размышлений.

— Нет, сударь, и еще раз нет! — воскликнул он. — Розга, я только розга! Бывшие озорники вырастают в степенных гражданах, и чем они степеннее, тем с большей твердостью глумятся за Базби. Что касается меня, я молю небо, чтобы в Великобритании дух его жил вечно. Ни горный воздух, ни морская не оказывают столь освежающего действия, как строгость. Рискну прибавить также, что тот, кто способен с достоинством выдержать порку, представляется мне более ценным членом общества, нежели тот, кто облечен полномочиями подвергать этому наказанию других. Итак, если Кросджей убегают от своих учебников — плеткой, плеткой его и розгой!

— Вы придерживаетесь этого мнения, сэр? — спросил сэр Уиллоби, отвечивая гостю вежливый поклон. Подобный разговор в присутствии дам коробил его.

— Да, сэр, категорически. Больше того, назовите мне злобого из наших общественных деятелей, и я берусь определить, кто из них вырос, не испытав на себе благотворного влияния достопочтенного Базби. При этом мне не пужно знать ничего об обстоятельствах, в каких протекали их молодые годы. Это непременно люди неуравновешенные, неуживчивые и злопамятные; они лишены чувства реальности, легко обескураживаются, шагу не могут ступить без оглядки и приходят в ярость, если ветер подует не туда, куда им надо. Они и в степенные годы сохраняют всю вздорность юных лет, подобно тому, как сохраняет свою шелуху немолоченное зерно. А ведь мы, англичане, только потому всех побиваем, что сами народ битый. Мы умеем принимать поражение, и в этом я усматриваю залог нашей жизнестойкости.

Чем энергичнее сэр Уиллоби тряс головой в знак своего несогласия, тем мягче становилась его улыбка.

— И тем не менее, — сказал он тоном человека, только что убедившего собеседника в ошибочности его взглядов и готового даже кое в чем ему уступить, — я согласен, что наших Джеков и Томов время от времени следует приструнивать. Ваши доводы применимы, скажем, к матросам. Но не к джентльменам. Только не к ним!

— Тем хуже для джентльменов! — произнес доктор Мидлтон.

Мисс Изабел и мисс Эленор тоже обменялись репликами.

— Наш Уилоби не вынес бы этого! — сказала мисс Изабел.

— Он не был бы Уилоби, — вторила ей мисс Эленор.

Клара вздохнула и прикусила губу. Женщина не имеет права на чувство юмора и вынуждена его в себе подавлять. И если ее воображению вдруг представится комическая сценка, такая, например, как юный Уилоби, барахтающийся в руках педагога, и его застывшие в ужасе от предстоящего святотатства родственницы, то ей остается только одно: завязать глаза своему воображению. Женщины — это солдаты общества, вымуштрованные на прусский манер; им предписано шагать и думать «в ногу». Таков порядок, и надо полагать, что он заведен в интересах цивилизации, иначе зачем бы мужчинам на нем настаивать? Или, если угодно, зачем бы женщинам так толковать их волю? Там и сям, однако, среди младших представительниц слабого пола появляется неисправимая мятежница, которая бунтует против своего жребия, предоставившего так много свободы ее рукам и ногам и так мало — голове.

А вдруг, тешила себя надеждой Клара, вдруг мисс Дейл окажется девушкой с более или менее широкими взглядами? Она ведь просила немногого: какого-нибудь, пусть едва уловимого проблеска свободной мысли в этом доме, на который, казалось, нахлобучили железный колпак. Сэр Уилоби не просто управлял им, он царствовал в нем, был его вдохновляющим началом. Чем достигал он своей безраздельной власти? Клара знала его раздражительное самолюбие, улавливающее малейшую тень инакомыслия. Когда же ему ни в чем не перечили, он бывал удивительно ласков и добр; этой-то своей ласковостью, очевидно, он и покупал абсолютное послушание. Сам мистер Уитфорд, заметила Клара, и тот старался не дразнить властолюбивые инстинкты своего кузена; разумеется, он не поддакивал каждому слову сэра Уилоби, как его тетушки, но либо односложно с ним соглашался, либо молчал, и уж во всяком случае никогда с ним не спорил. Он носил ливрею этого дома, ту же ливрею, что носили остальные слуги и домочадцы, — ливрею дома под железным колпаком. И в такую же ливрею, — о, ужас тонущего, который знает, что ему нет спасения! — точно в такую же ливрею должна будет облачиться та, что сделается законной супругой сэра Уилоби.

— Когда же я увижу мисс Дейл? — спросила Клара.

— Сегодня вечером, за обедом, — ответил сэр Уилоби.

«Итак, до вечера!» — сказала она себе и предалась меланхолическим мечтам; не позволяя себе отвлекаться ничем, она упорно думала о мисс Дейл, стараясь предвосхитить встречу с ней, и заранее, задолго до назначенного часа успела в ней разочароваться, решив, что в ее лице найдет еще одну скучную тень сэра Уиллоби. Так что, очутившись наедине с Летицией в гостиной, куда остальные дамы еще не успели перейти, она не испытывала ни малейшего подъема.

Летиция подошла первая.

— Это и есть мисс Мидлтон? — спросила она. — Ревность подсказывает мне, что я не ошибаюсь. Ведь вы завоевали сердце моего Кросджей и в какие-нибудь полчаса добились от него большего, чем все мы за долгие месяцы!

— Какой чудесный букет полевых цветов он мне преподнес!

— Вы не представляете себе, как он робел! Обычно мальчики его возраста нарвут целый веник цветов и тут же его преподносят. С вами, как видите, совсем другое дело!

— Я сразу заметила, что к его букету прикоснулась добрая фея!

— Отныне она подает в отставку и молит вас об одном: не привязывайтесь к мальчику слишком сильно, ему необходимо отсюда уехать, чтобы готовиться с репетитором к предстоящим экзаменам. Нам кажется, что он создан для моря и что его место во флоте.

— Он мне самой так дорог, мисс Дейл, что я буду считаться только с его собственными интересами, а отнюдь не со своим эгонистическим чувством. И если я могу рассчитывать на какое-либо влияние, он не задержится здесь больше одной недели. Я собиралась говорить об этом сегодня и не знаю, что со мной сделалось: я целый день как во сне! Главное, я все время о нем помнила! Впрочем, обещаю вам все, что от меня зависит.

У Клары сжалось сердце при мысли, что, обращаясь к сэру Уиллоби с просьбой, она как бы возобновляет данное ему слово, еще раз подтверждает свою несвободу. Правда, повод был достойным. К тому же разве она не связала и без того?

— Сэр Уиллоби по-настоящему любит мальчика, — сказала она.

— Ему хочется привязать мальчика к себе, — возразила мисс Дейл. — Он не привык иметь дело с детьми. Я не сомневаюсь, что Кросджей пришелся ему по душе, иначе он не

был бы к нему так снисходителен; чего только он не сносит от него, чему только не смеется!

Вошел сэр Уилоби. В присутствии мисс Дейл он начинал сверкать, как серебряная утварь в церкви при зажженных свечах. Ее постоянство вызывало в нем глубокое уважение, ее безукоризненный вкус восхищал его. При ней он воодушевлялся собственным блеском, и это, в свою очередь, вызывало к жизни все лучшее, что было в нем заложено.

Этот вечер поколебал совсем было установившееся у Клары сугубо критическое отношение к жениху. Сама того не замечая, и не без помощи сэра Уилоби, который на этот раз был в особенном ударе, она вдруг прониклась настроением мисс Дейл. Сэр Уилоби был ясен и весел — он острял как-то тепло, по-домашнему, а такой юмор всегда подкупает. Клару уже меньше удивляло чувство, которое испытывала к сэру Уилоби его верная поклонница. Миссис Маунтстюарт-Джекинсон указала на его физическое совершенство, проявившееся в форме его ноги, меж тем как мисс Дейл постигла это совершенство в его духовном существе. В обществе этих двух дам он не просто блистал, он становился положительно талантливым. И впрямь, похвала действует на нас, смертных, так же плодотворно, как солнце. Романтический ореол всеобщего кумира, ослепивший Клару в самом начале их знакомства, снова забрезжил в ее глазах. Как странно было сопоставить это полузабытое впечатление с ее нынешней, выведенной на основании опыта, оценкой этого человека! Быть может, все дело в ней самой и она просто капризная и легкомысленная девушка? О, блаженство вновь обретенного покоя! Она уже не представляла себе иного счастья, чем прекращение страданий, и мечтала не о свободе, а лишь о том, чтобы полюбить свои цепи — разумеется, при условии, что Уилоби избавит ее от своих ласк!

Приведя себя в такое настроение, Клара стала даже осуждать Констанцию. «Надо стараться делать добро, — рассуждала она. — Нельзя думать только о себе; надо принимать жизнь такой, какая она есть, и следовать тем путем, какой тебе предначертан». С искренним смирением твердила она про себя эти младенческие заповеди. И чтобы не откладывать добрых дел, со смутной, но сладостной надеждой, что мистеру Уитфорду это станет известно, она решила сию же минуту завести с сэром Уилоби разговор о юном Кросджее. Сэр Уилоби только что соскочил с седла. Верхом он всегда блистал, ибо у него неизменно бывал самый лучший конь,

а его несколько манерная посадка была чрезвычайно эффектна. Спешившись, он кое-что терял: откинутая назад голова и полуопущенные веки слишком уж явно выдавали его уверенность в собственном превосходстве.

— Уиллоби, мне надо с вами поговорить,— сказала она и тут же внутренне сжалась, опасаясь, как бы он из галантности не пообещал исполнить любую ее просьбу и тем не сократил бы ее передышку.— Я хочу поговорить с вами об этом славном мальчишке Кросдjee. Вы ведь его любите. А между тем он разленился и тратит здесь попусту время.

— Зато теперь вы приехали в Паттерн-холл и вскорости поселитесь в нем навсегда! Дорогая моя, любовь моя,— навсегда! — И, позабыв о Кросдjee, сэр Уиллоби начал выводить свои любовные рулады.— Мальчик признал свою верховную владычицу,— продолжал сэр Уиллоби,— и будет делать все, что она ему прикажет! Вплоть до выполнения уроков! Да и кто посмел бы вас ослушаться? Одна ваша красота — уже приказ! Но за красотой кроется еще и другое качество: душевная грация, это божественное свойство, ставящее вас не то чтобы выше других, а совсем особняком, в стороне от всех!

Клара вежливо улыбнулась.

— Если бы Кросдjee, не откладывая, послать к репетитору,— продолжала она,— он мог бы попасть во флот, а в том, что это и есть его призвание, сомневаться не приходится. Его отец храбрый солдат, и Кросдjeeй, по-видимому, унаследовал его храбрость. К тому же он страстно мечтает о море. Но ему необходимо сдать экзамен, а времени осталось не так много.

Сэр Уиллоби печально усмехнулся.

— Дорогая Клара,— сказал он.— Увы, вам еще предстоит убедиться в том, что в обожаемом вами и далеко не мирном мире почти по всякому поводу принято спорить до тошноты. У меня свои соображения относительно будущности Кросдjeeя, у Вернона — свои. Я хочу, чтобы он вырос джентльменом, Вернон хочет сделать из него моряка. Впрочем, покровитель Кросдjeeя — он. Он взял его у отца, чтобы дать ему образование, ему и решать. Я не вмешиваюсь. Но чем я виноват, если мальчишка ко мне привязался? Старине Вернону это, видимо, неприятно. Уверяю вас, я держусь в стороне. Когда у меня спрашивают согласия на то, чтобы мальчик уехал, мне лишь остается, несмотря на мое отрицательное отношение к планам Вернона, пожать плечами. Про-

тивиться его отъезду я не могу. Старина Вернон взялся оплачивать расходы по его содержанию, пусть делает как знает, и если мальчишка сорвется с мачты во время шторма, то я здесь ни при чем. Как видите, дорогая моя, это вопрос чисто логический.

— Я бы и не посмела вмешиваться,— сказала Клара,— если бы не предполагала, что деньги...

— Вы совершенно правы! — воскликнул Уилоби.— Деньги в самом деле играют в этом вопросе некоторую роль. Пусть только старина Вернон уступит мне мальчишка, и я тотчас освобожу его от финансовых тягот, которые он на себя взвалил. Но посудите сами, моя дорогая, могу ли я субсидировать предприятие, которое осуждаю? Недавно произошла такая история. Я пригласил капитана Паттерна к себе — перед самым его отъездом к африканским берегам, куда наше правительство обычно направляет морскую пехоту, когда нет иного способа ее уничтожить. Итак, я его пригласил. Он поблагодарил меня за приглашение и — наотрез отказался им воспользоваться! А ведь он в некотором роде мог бы почитать себя моим иждивенцем. Он носит имя Паттерна, он храбр, в его жилах течет наша кровь, а главное — имя, имя! И я бы думал, что мое намерение сделать из сына более воспитанного джентльмена, чем его отец, в какой-то мере даже похвально. А поскольку я имел случай убедиться в том, что морские нравы и обычаи, мягко выражаясь, не сделали отца джентльменом, мое желание избрать иной путь для сына представляется до некоторой степени законным.

— Но разве морские офицеры...— начала Клара.

— Разумеется, иные из них — люди достойные,— подхватил Уилоби.— Но это, как правило, лица благородного происхождения, которые получили хорошее домашнее воспитание. Уберите ореол, окружающий морского офицера, и я не уверен, что, повстречав его в гостиной, вы угадаете в нем джентльмена. Я полагал, что имею какие-то права на юного Кросджея, и вознамерился вывести его в люди. Данные для этого есть, безусловно есть. Уже по его обращению с вами, моя дорогая, чувствуется, что в его жилах течет кровь Паттернов. Но я могу взяться за мальчишка лишь в том случае, если мне дадут полную власть. Я не берусь сделать из него джентльмена, если он будет подвергаться посторонним влияниям. Словом, он должен уважать меня, иметь перед глазами один-единственный образец.

— И вы беретесь обеспечить его на всю жизнь?

— Если он покажет себя достойным.

— Нет ли здесь некоторого риска?

— Не больше, чем в той профессии, которую вы, по-видимому, хотели бы для него избрать.

— Да, но там он зависит от точно заданных правил.

— А я требую только одного: чтобы на мою любовь отвечали любовью.

— И тогда он мог бы рассчитывать на постоянный доход? Ведь достаточно плохо быть джентльменом без определенных занятий, но быть джентльменом без гроша в кармане...

— Дорогая моя, от него требуется только одно: заслужить мое расположение. И тогда его будущее обеспечено.

— А если ему не удастся вам угодить?

— Разве это так трудно?

У Клары вырвалось досадливое: «Ах!»

— Ну вот, любовь моя, я, кажется, вам и ответил, — сказал сэр Уилоби. — Но пусть, — начал он снова, — пусть старина Вернон попытает счастья с мальчуганом. У него свои планы, пусть испытает их на деле. Я с интересом буду следить за экспериментом.

Клара была готова сдаться — она чувствовала полное изнеможение.

— Я думала, что дело в деньгах, — робко пролепетала она, так как ей было известно, что мистер Уитфорд беден.

— Старике Вернону угодно именно таким образом распорядиться своими деньгами, — ответил сэр Уилоби. — Что ж, быть может, оно и к лучшему, и это уберезет его от риска свернуть себе шею или переломать ноги в его любимых Альпах.

— Да, — протянула Клара, так как надо было что-то сказать. Но тут же встряхнулась и, словно змею, решительно отшвырнула от себя внезапно напавшую на нее слабость. — Но мне казалось, что мистер Уитфорд нуждается в вашей помощи, — сказала она. — Ведь он... как будто... не богат? А когда он покинет Паттерн-холл, чтобы попытать счастья в Лондоне, ему, наверно, будет трудно содержать Кросджея и оплачивать репетитора. Помочь в этом мистеру Уитфорду было бы с вашей стороны очень благородно.

— Покинуть Паттерн-холл! — воскликнул Уилоби. — Впервые об этом слышу! А я-то думал, он утихомирится. Ведь первые его шаги, надо сказать, были не слишком удачны. В свое время ему пришлось... хм... уйти из колледжа. По-

том, несколько лет назад, он получил небольшое наследство и решил попробовать свои силы на литературном поприще — чистая лотерея, как я ему тогда же и сказал! Лондон до добра не доведет. Я думал, он уже давно выкинул из головы эти глупости. Постойте — сколько он у меня получает? Примерно сто пятьдесят фунтов в год, и я готов эту сумму удвоить по первому требованию. Кроме того, я снабжаю его всеми необходимыми книгами, — а вы знаете эту ученую братию: стоит им подумать о какой-нибудь книге, и тут же им ее подавай! Я не жалею, поймите! Я такой человек: если у меня кто на службе, я не позволю ему шиллинга своего истратить — все расходы беру на себя! В этом смысле, признаюсь, я деспотичен. Феодализм не такая уж плохая штука: все зависит от личности самого феодала. Вы знаете все мои слабости, Клара, я и хочу, чтобы вы их знали. Я вовсе не требую, чтобы мне угождали, — единственное, на чем я настаиваю, это на том, чтобы меня любили. Я желаю, чтобы возле меня были люди, которые меня любят. А когда со мной рядом та, что меня любит... Милая! Мы замкнемся от всех и осуществим на деле то, о чем другие только мечтают! Да что мечты — никакой мечте за нами не угнаться! У нас будет рай на земле. Вы будете принадлежать мне целиком! Со всеми вашими мыслями, чувствами, чаяниями!

Сэр Уиллоби напряг воображение, чтобы представить себе еще более полное блаженство, но — оттого ли, что воображение его себя исчерпало, или язык не в состоянии был выразить того, что представилось воображению, — сэр Уиллоби вновь спустился на землю.

— Но что это у Вернона за фантазия уходить? Он не должен меня покидать. У него нет и ста фунтов в год. Как видите, я не о себе пекусь, а о нем. Не говорю уже о неблагодарности, которая заключается в его желании меня покинуть. Вы ведь знаете, моя дорогая, как невыносимы для меня все эти разлуки и расставания. Я, по возможности, всегда стремился окружать себя людьми падежного здоровья, чтобы оградить себя от излишней боли. Кроме мисс Дейл, — а она понравилась моей милой, не правда ли? — И, получив вполне удовлетворивший его ответ, сэр Уиллоби продолжал: — Кроме этого единственного исключения, я не знаю, чтобы мне грозила катастрофа такого рода. И вдруг — не угодно ли: без малейшего повода человек решает покинуть усадьбу! Объясните мне, бога ради, отчего... Нет, в самом деле... Неужели это надо понять так, что человек не в состоянии вынести

чужого счастья? Все твердят, что «мир полон скверны», тем не менее о своих близких мне хотелось бы думать лучше. Впрочем, я иной раз терплюсь и не знаю, как иначе объяснить себе их поступки.

— Но ведь вы не захотите наказать за это Кросджея, не правда ли? — робко спросила Клара.

— Я бы непременно забрал Кросджея в свои руки и сделал бы из него человека — то есть то, что я называю человеком. Но кто с вами говорил обо всем этом?

— Сам мистер Уитфорд. И если хотите знать мое мнение, Уилоби, по-моему, если он увидит, что мальчик рискует упустить возможность попасть во флот, он увезет его с собой.

— Ну что ж, я вижу, моряки сейчас в почете, — сказал сэр Уилоби, пораженный тем, как горячо она отстаивает интересы юного Кросджея. — Коли так, придется Вернону взять этого морского волчонка с собой. Половины мальчика мне не нужно. Как видите, — засмеялся он, — в этом Соломоновом суде законным претендентом оказался я. Не говоря уже о том, что в жилах мальчишки течет моя кровь, и ни капли Верноновой.

— Ах!

— Вы меня понимаете, моя дорогая?

— О да. Я вас поняла.

— Я отнюдь не считаю себя совершенством, — продолжал сэр Уилоби. — И хоть я не скор на обиду, по и моему долготерпению есть предел. А раз обидевшись, я не прощаю. Попробуйте при случае поговорить с Верноном. Я и сам, конечно, буду с ним говорить. Вы, вероятно, заметили человека, который попался нам навстречу, когда мы ехали домой? Он даже не соизволил коснуться полей своей шляпы! Это один из моих арендаторов, по фамилии Хопнер: он возделывает шестьсот акров моей земли. Не говоря о моем общественном положении, ему бы следовало помнить, что я не раз оказывал ему кое-какие услуги. Через пять лет истекает срок аренды. Должен сказать, что я не терплю грубиянства наших сельских жителей и наказываю его всякий раз, когда мне приходится с ним сталкиваться. Вернон, конечно, другое дело. С ним достаточно просто поговорить. Странная вещь происходит со стариком Верноном: время от времени бедность для него словно приобретает магическую привлекательность... Любовь моя, — склонился он вдруг к Кларе, задер-

живая шаг и остановившись посреди газона. — Мне кажется, что вы устали?

— Да, — сказала Клара, — сегодня я почему-то очень устала.

Он подставил ей руку. Она легко оперлась на нее двумя пальцами, но как только он попытался прижать их к себе, тотчас же их отдернула.

Он не стал ее неволить. Даже шагать в ногу с ее пеличавой поступью было блаженством.

В дверях он посторонился, чтобы пропустить ее вперед. Глаза его с умилением останавливались на ее щеке, подбородке, на мягком полусумраке затылка и шеи, вдоль которой в анархическом беспорядке вились строптивые светлые локоны; вырвавшись из-под власти гребня и выскользнув из узла, они — кудряшками, полукудряшками, завитками, колечками, непокорными прядями, вьющимся виноградом и легкими перышками, а то и просто пушинками — вздымались, ниспадали, вились волною, закручивались шелковыми паутинками, прозрачными и легкими, как тень, наложенная на бумагу пастелью, — и эти длинные золотистые нити оплетали его сердце во сто крат крепче, чем если бы то были безупречные длинные локоны чистого золота.

Бедной Летиции нечего было противопоставить этой красоте,

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

в которой сэр Уиллоби, обмолвившись, называет себя своим настоящим именем

Вернон был своему кузену необходим, ибо если поместьями своими сэр Уиллоби правил с усердием и с толком, то решения, которые он обычно выносил в качестве мирового судьи, далеко не всегда делали ему честь. И вот в таких-то случаях искусство его секретаря оказывалось весьма кстати: заняв на страницах местной газеты половину столбца, Уитфорд с помощью нескольких энергичных английских предложений, одобренных соответственными цитатами из латинских и древнегреческих авторов, успешно отражал нападки критиканов. С подобным секретарем сэр Уиллоби мог не страшиться огнедышащего дракона, именуемого прессой. А так

как он к тому же намеревался со временем баллотироваться в парламент, то предвидел, что ему еще очень и очень понадобятся услуги Вернона. Кроме того, ему импонировало, что под полемическими трудами его кузена в области классической филологии стоял гриф Паттерн-холла. Это окружало родовое гнездышко Паттернов еще и неким академическим ореолом, тем самым показывая, что и ученость на что-то годится; ведь благодаря ей с именем Паттернов, помимо всего прочего, связывалось еще и представление об аристократах духа — приправа, сама по себе, быть может, и не слишком почтенная, однако представляющая известную ценность, как нечто стоящее якобы превыше богатства и титулов. А подобная приправа в обществе котируется. Изысканный соус — душа прославленного блюда, его жизнь; взятый сам по себе, он может вызывать тошноту, но без него блюдо покажется плебейским. Так и поэт или, того лучше, ученый. Сэр Уилоби был достоин того, чтобы таковой числился среди его домашних, ибо, не в пример своим соседям, умел оценить аромат, который подобная приправа сообщала его имени. Его повар, мосье Дзор, ученик славного Годафруа, не был единственным французским шеф-поваром в графстве. Зато кузен и секретарь сэра Уилоби, восходящее светило научного небосклона, автор изящных эссе, являлся таким украшением дома, каким никто, кроме сэра Уилоби, похвастать не мог. И не вздумайте смеяться, хоть это и в самом деле немного смешно: вы лишь обнаружите свою полную непричастность к высшим сферам изящной словесности. Когда сэр Уилоби где-нибудь в гостях небрежно бросал: «А чудак Вернон все корпит над своими этрусками и дорийцами», и, выдержав небольшую паузу, издавал короткий смешок, — про себя, но так, чтобы всем было слышно, — смешок, подчеркивающий эксцентричность его кузена (которого он уже больше не поминал весь вечер), за столом воцарялось смущенное молчание — эффект, на который и рассчитывал сэр Уилоби.

И наконец, сэру Уилоби было тяжело терять в своем домашнем окружении лицо, которое он привык видеть каждый день. Он был весьма низкого мнения о слуге, который, когда ему отказывали от места, не молил, чтобы его оставили в Паттерн-холле. Тот же, кто уходил от него по собственной воле, представлялся ему законченным злодеем. Намерение Вернона покинуть Паттерн-холл и оскорбляло и пугало нашего джептльмена, наделенного столь чувствительной душевной ор-

гапизацией. «Придется все-таки уступить ему Летти Дейл», — подумал он, испытывая горечь благородной души, вынужденной пойти на компромисс, навязанный человеческой низостью. Дело в том, что сэр Уилоби со свойственной ему дальновидностью, едва состоялся его торжественный обряд обручения с мисс Мидлтон, отвел мисс Дейл роль гувернантки его детей, которая то и дело обращается к нему за советом об их воспитании. План этот не предусматривал ее замужества.

И все это должно рухнуть! Ну что ж, пусть они женятся и живут поблизости, в каком-нибудь коттедже на опушке парка. Вернон сохранит свой пост, а Летиция — свою преданность сэру Уилоби. Впрочем, надо быть готовым к тому, что преданность может не устоять перед подобным искусом. Брак подчас вытравляет величайшую страсть из ветреного сердца женщины, даже самой, казалось бы, постоянной. Женщина являет нам особенно разительное доказательство торжества животного начала над духовным. Что делать, иной раз приходится идти на риск!

С Верноном у сэра Уилоби выработался определенный полемический прием — приведя свои доводы, тотчас, не дожидаясь ответных возражений, удаляться. Сейчас, однако, ему не хотелось вступать с ним в препирательства — он предпочел оставить эту пару, принимающую столь горячее участие в судьбе юного Кросджей, в убеждении, будто он все еще обдумывает свои намерения относительно мальчика и что поэтому его лучше до поры до времени не беспокоить. В отношении людей, которые становились ему поперек пути, Уилоби проявлял подчас сверхъестественную проницательность.

Пока суд да дело, он наказал своим тетушкам, мисс Изабел и мисс Элепор, пригласить Летицию погостить в Большом доме. Он задумал целую серию званых обедов, а поэтому не мешало заручиться приятной собеседницей; к тому же умная женщина, являющая собой чудо преданности и постоянства, может послужить молодой девушке образцом для подражания. Окончательно решиться на то, чтобы отдать Летицию Вернону, было свыше его сил; довольно того, что он придерживал эту возможность, как козырь.

Сэр Уилоби умел читать и в тех сердцах, которые не бились в унисон с его собственным. Заметив, что его душевные движения подчас не находят сочувственного отзвука у Клары, он начал постигать в ее характере нечто такое, что могло дать повод миссис Маунтстюарт-Дженкинсон для ее нелепого и безусловно неудачного определения: «Фарфоровая

плутовка». Слова эти, разумеется, были лишены какого бы то ни было разумного основания, и все же — стоило вообразить Клару в виде изысканной статуэтки, как вам начинало чудиться, будто ее фарфоровые черты подерпнуты легкой, неуловимой зыбью невинного озорства и что сквозь них проступает проказливость лесной нимфы. Неоспоримое сходство Клары с фарфоровой статуэткой как бы заставляло принять и вторую часть двусмысленного определения, данного миссис Мауптстюарт. Оно было ему ненавистно, и вместе с тем отделаться от него он не мог.

Временами — и тут уж никуда не денешься! — Клара и в самом деле походила на нимфу, заглядевшуюся на фавна и невольно перенявшую некоторые его черты, его насмешливый изгиб рта и длинные, чуть раскосые глаза. Когда она играла с Кросджем, невольно вспоминалась дама из басни, превращавшаяся в кошку; она уходила в игру всецело; казалось, вся ее природная живость только и ждала появления этого мальчика, чтобы вырваться наружу. Такая физическая подвижность в его подруге даже нравилась сэру Уиллоби — она говорила о здоровье. Однако что-то в ее разговоре все больше начинало его беспокоить. Она как будто совсем стремилась к тому, чтобы сделаться уютным гнездышком для его души. Он доверчиво обнажал свою грудь перед прекрасной подругой, а та встречала его холодом стальных копий. Она рассуждала — иными словами, противопоставляла ему все воинствующее невежество. Она спорила с ним при полторонних, при Вернопе, например, а тот, по-видимому, был ею так очарован, что склонялся на ее сторону. Влияние — та же власть, и свою власть над Верноном она доказала на балу у леди Калмер, уговорив его танцевать, несмотря на весь его печальный опыт в этой области; мало того что она заставила его танцевать с нею в паре, она вертела им так же ловко, как мальчик вертит волчок, не давая ему заваливаться набок. Сэр Уиллоби радовался этому едва ли меньше самого Вернона, ибо все, что говорило о могуществе его невесты, было ему лестно. Итак, приняв в расчет Кларино влияние на Вернона, он возобновил с нею разговор о юном Кросдже и, со свойственной ему методичностью, начал с того, что посвятил ее в свои планы, дабы она привыкала отождествлять его интересы с ее собственными.

— Ну что, старина Вернон не заговаривал больше с вами о мальчишке?

— Мистер Уитфорд меня о нем спрашивал,

— А меня не спрашивает!

— Боюсь, что он возлагает на меня слишком большие надежды.

— Видите ли, любовь моя, он только и мечтает свалить Кросджея на меня, чтобы самому улизнуть в Лондон. Он помешался на мысли «проложить себе дорогу пером». Я же к нему привязан, и мне неприятно думать, что он ради жалкой мзды сделается литературным поденщиком, строчащим всякую чушь под чужую диктовку. Мне он нужен. Своим отъездом он оскорбит меня и потеряет в моем лице друга. Не следует подвергать чрезмерному испытанию мое дружеское расположение: тот, кто меня оскорбляет, перестает существовать.

— Как? — воскликнула Клара и испуганно взглянула на него. — Как это — перестает существовать?

— Он перестает существовать для меня — как будто его никогда и не было.

— Несмотря на всю вашу привязанность?

— Скажите лучше: в силу этой привязанности. Человеческая душа — загадка, и в этом смысле я не являюсь исключением. Итак — как бы я о нем ни сожалел, с ним покончено. Разумеется, ни с кем, кроме вас, я не буду так откровенен. Словом, зла я ему не желаю, плохим христианином меня никто назвать не посмест, но...

Сэр Уилоби слегка передернул плечами.

— Ах, Уилоби, говорите со мной, как с другими, пожалуйста! Мне слишком тяжело!

— Но, Клара, милая, мы ведь с вами — одно. Вы должны знать меня со всех сторон, не только с хорошей, но и с той стороны, которую вам угодно считать дурной.

— А я тоже должна говорить вам все?

— Ну, в каких грехах могли бы исповедаться вы?

Она молчала. Отчаянная решимость волною поднялась было в ее душе. Поднялась — и спала.

— В малодушии, — выговорила она наконец. — В неумении высказаться до конца.

— О, женщины! — воскликнул он.

Женщина не мужчина; от нее не ждут ни героических добродетелей, ни чудовищных пороков. Ей незачем обижать тайники своей души.

Он продолжал, и по его тону она поняла, что он подвел ее к самому алтарю своего святилища.

— Да, я признаюсь вам и в тех чувствах, которые меня

не возвышают, ибо они должны дать вам представление о некоторых сторонах моего характера. Говорю вам со всем смирением, что во мне слишком много той самой гордыни, которую так щедро наделен отпавший ангел, враг человеческий.

Клара опустила голову и подавила вздох.

— Да, да, это, конечно, гордыня, — сказал он, задумчиво любуясь своим открытием и осеняя себя черным пламенем демонизма.

— А вы не можете от нее избавиться? — спросила она.

— Я таков, каков есть, — ответил он, глубоко уязвленный и разочарованный ее вопросом. — Я мог бы вам доказать с математической точностью, что в моем характере имеются эквиваленты, которые вполне уравнивают этот недостаток — если и считать его за недостаток.

— Мне кажется, что это недостаток. Разве не жестоко наказывать мистера Уитфорда только за то, что он захотел устроить свою судьбу?

— Да, но этим он бросает тень на меня, как на своего благодетеля. Ведь ему достаточно было обратиться ко мне, чтобы я немедленно удвоил его вознаграждение.

— Он стремится к независимости.

— К независимости? От меня?!

— К свободе!

— Ценой моего покоя?

— Ах, Уиллоби!

— Увы, моя дорогая! Я знаю свет. В нем царят черствость и себялюбие. И как бы прелестно ни было ваше нежелание поверить, что все в нем движется корыстью, вам самой станет легче, как только вы положитесь на мой опыт. Сокровище мое, вы ведь мне верите? Но зачем я спрашиваю? Я не вынес бы и намека на малейшее несогласие между нами: оно бы расторгло магический круг — разве вы не чувствуете этого сами? Ничтожная брешь — и к нам вламывается мир со всей его грязью! Но мы говорили о старине Верноне. Хорошо, я согласен взять на себя расходы по обучению Кросджей, если только Вернон останется здесь. Я отказываюсь от своих намерений в отношении мальчика, хоть и считаю их более правильными. Уговорите же Вернона остаться. Он, бог весть по каким соображениям, считает невозможным оставаться в доме после того, как в нем поселится молодая хозяйка. Поэтому, чтобы не вступать с ним в пререкания, ибо спорить наш Вернон не умеет и одержимость лунатика заменяет ему разумные доводы, давайте по-

селим его где-нибудь поблизости, в одном из моих коттеджей. Ну вот, а чтобы он пустил корни, надобно его женить.

— На ком же? — спросила Клара, тщетно пытаясь представить себе кого-нибудь, кто годился бы ему в невесты.

— Все женщины — прирожденные свахи, — сказал Уилоби. — А проповедь брака в устах девушки, которая сама вот-вот готовится в него вступить, окажется вдвойне убедительной. Для мужчины, особенно для такого, каков наш старина Вернон, ее доводы будут неотразимы. Итак, я вооружаю вас своей волей, вы покоряете его — своей. Если он уезжает, он уезжает навсегда. Если остается — мы с ним друзья по-прежнему. Я не делаю исключения для Вернона. В моих отношениях с людьми я люблю простоту и четкость. В этом — секрет моего могущества. Но к делу. Мисс Дейл суждено вскоре лишиться отца. Он живет на пенсию, и, если она не устроится где-нибудь поблизости, ей придется покинуть наши края. Она же привязана к ним всей душой, у бедняжки это настоящая страсть! В ее согласии можно не сомневаться. Но, разумеется, Вернону придется немного и поухаживать. Представляете себе, любовь моя, старину Вернона ухаживающим за женщиной? Я думаю, он примется за дело, как если бы перед ним была не дама, а словарь: найдет страницу, где напечатано нужное ему слово, потом перелистает несколько страниц и набредет на следующее, и так далее, пока не составит предложение. Но не презирайте беднягу, моя дорогая! У одних есть дар слова, другие его лишены. Бывают же такие сухари на свете! Причем это часто люди достойные, честные и мужественные — но уж так неловки в обращении с женщиной, что без посторонней помощи их не привяжешь шелковой нитью любви. Ей-богу! — И, пытаясь развеять окаменелую задумчивость Клары, сэр Уилоби расхохотался ей прямо в лицо. — Но право же, душа моя, так оно и есть. Я сам видел. Вернон совершенно не умеет разговаривать, как... как мы. Он питает или, по крайней мере, питал, так сказать, тайную привязанность к мисс Дейл. До чего же забавно было наблюдать за влюбленным Верноном! Он ходил, как провинившийся пес, пытающийся вернуть себе расположение хозяина. Мы просто задыхались от смеха. Разумеется, это так ничем и не кончилось.

— А если мистер Уитфорд не захочет? — спросила Клара. — Вы тоже оскорбитесь и он перестанет для вас существовать?

Уилоби снисходительно улыбнулся,

— Что за вздор!

И продолжал:

— Мы вот что сделаем: попробуем их свести. Как видите, Клара, я так хочу, чтобы он здесь остался, что даже готов пойти на жертву.

— Чем же вы жертвуете? Коттеджем? — не унималась Клара.

— Быть может, идеалом. Впрочем, я не настаиваю на слове «жертва». Просто я терпеть не могу расставаться с близкими. И потому, скажете вы, так тороплюсь связать их вечными, нерасторжимыми узами? Не спорю. Употребите же ваше влияние, моя дорогая, на доброе дело. Вы можете уговорить его в чем угодно: велите ему сплясать джигу на столе в гостиной, и он спляшет!

— А что мне сказать ему о Кросджее?

— Кросджея мы куда придержим про запас.

— Но ведь время не терпит!

— Положитесь на меня. У меня есть кое-какие соображения — я о нем думал. Из этого мальчика со временем выработается первоклассный наездник. И, как знать, быть может... — Сэр Уиллоби пробормотал что-то невнятное себе под нос. — Кавалерия, а? — продолжал он вслух, снова обращаясь к невесте. — Да, если мы определим его в кавалерию, он еще имеет шансы стать джентльменом, и нам не придется за него краснеть. А если посчастливится, то и в гвардию! Только подумайте, душа моя! Де Крей, который, верно, будет моим шафером, — если старина Вернон окончательно заартачится, — имеет чин гвардейского полковника, и уж он-то — джентльмен с головы до ног! Из разряда безмозглых, если угодно, но какой стиль, изящество! Настоящий прадец. Вы его увидите! Поставьте-ка с ним рядом в гостиной какого-нибудь флотского офицера — и вы сразу поймете, кого из них следует избрать в качестве образца для мальчика, в котором вы принимаете участие. Гораций — воплощенная галантность; немного фат, правда, не без того, — Впрочем, я всегда был к нему дружески расположен, и поэтому не слишком пристально его разглядывал. Несмотря на то что Гораций немногим старше меня, он сделался моим верным псом и всюду следовал за мной по пятам. Лицо его — одно из тех редких мужских лиц, какие можно, не задумываясь, назвать красивыми, даже если за этими чертами ничего не стоит. А если и стоит, то нечто, по выражению Вернона, «поклеванное стервятниками и вылизанное солнцем пустыни». Он, меж-

ду прочим, забавный собеседник, если смотреть на беседу, как на приятное времяпрепровождение. Старина Гораций и не подозревает, как он забавен!

— Так эти слова мистера Уитфорда относились к полковнику де Крею?

— Право, не помню, к кому именно. А вы, я вижу, заметили слабость старины Верпона? Прочитайте ему одну из его собственных эпиграмм, и он так и растает! Это безошибочное средство, чтобы настроить его на нужный лад. Когда мне требуется привести его в хорошее расположение духа, достаточно сказать: «Как вы говорите», и он перестает ершиться.

— Пока что я заметила только одно, — сказала Клара, — его заботу о мальчишке, и очень его за это уважаю.

— Это, конечно, с его стороны похвально, хоть и не особенно дальновидно. Итак, дорогая моя, атакуйте его как можно скорее: наведите его на разговор о нашей очаровательной соседке. Она погостит у нас неделю-другую. За это время можно заставить его почувствовать себя связанным. Она ждет какую-то свою кузину, которой решается доверить уход за отцом, и тогда переедет к нам. Старина Верпон будет нуждаться в деликатном понукании, прежде чем согнет свои пегнувшиеся колени; впрочем, когда женщина знает, что ей следует ждать признания в любви, она ведь не станет — не правда ли, дорогая? — настаивать на том, чтобы ей было сделано предложение по всей форме? Впрочем, я знаю одну крепость, и притом прекрасную, которая...

Он заключил Клару в свои объятия. Кларино сердце было уже закалено; это ее судьба, и она не видела возможности ее избежать. Она только призывала всякий раз всю свою холодность, чтобы бесчувственно перенести тягостную минуту, и всякий раз, как эта минута кончалась, корила себя за то, что придавала ей такое значение, — ведь слушать его разглагольствования было еще невыносимее! Что делать? Она в западне. И честь не позволяет ей искать выхода из этой западни: ведь она связана словом! В иные минуты, впрочем, ей казалось, что чувство долга тут ни при чем и что все дело в ее собственном малодушии; тюремщик еще более несговорчивый, чем честь, оно сковало ее узами, которые были крепче всякого чувства долга. Клара пыталась исследовать умозрительно природу этого женского малодушия. Неужто оно властно бросит женщину в объятия того, кто ей внушает отвращение? А если застигнуть этого стража врасплох, улу-

чить минуту, когда он зазевается? Да, но тогда навстречу ей встанет Долг с его длинной, постной физиономией — и коль скоро вы разделались с малодушнем, то имейте мужество поступиться и честью, осмелиться на измену. Легко сказать: «Буду храброй!» — надо еще и в самом деле найти в себе мужество нарушить собственное честное слово. Женщину, которая жаждет освободиться от данного ею слова, сторожат два стража: один из них благороден, другой — низок. Что может быть безнадежнее подобного плена? Чтобы выбраться из него на свободу, женщине предстоит бороться не только с тем, что ее унижает, но и с тем, что поддерживает в ней чувство собственного достоинства.

Размышляя обо всем этом, Клара пришла к следующей, выстраданной ею мысли (если можно так назвать туманное облачко, принимающее в молодости божественную видимость мысли): как же дурно устроен мир, подумала она, и как в нем все непрочно, если решение, порожденное неопытностью, незнанием жизни, определяет всю дальнейшую судьбу человека, влияет на самое главное в его жизни! Увы, ее наставник добился своего — Клара начинала перенимать его философию: она увидела, что мир несовершенен.

Итак, по милости сэра Уиллоби Паттерна мисс Мидлтон перестала относиться к жизни, как девочка. Когда же свершилась в ней сия великая перемена? Оглядываясь назад, она решила, что произошло это чуть ли не в тот период любви, который принято именовать первым, иначе говоря — с самого начала! Так она думала оттого, что уже не могла представить себе чувства, которое она в то время испытывала на самом деле. Оно умерло в ней так бесповоротно, что даже по оставило по себе и тени воспоминаний.

Не обвиняя в том сэра Уиллоби, ибо она еще не утратила чувства справедливости, Клара понимала, что попалась в ловушку. Каким-то образом, чуть ли не во сне, обрекла она себя на пожизненное заключение, причем сомкнувшиеся вокруг нее голые стены — увы! — не безмолвовали, а говорили без устали; они требовали от нее чувствительных излияний, ожидали восхищения!

А ей нечем было ответить на это требование, она сама не знала, отчего это так, и все больше и больше сжималась, уходила в себя. Она попеременно то бунтовала, то — при случайном упоминании предстоящей церемонии — впадала в состояние тупой покорности, из которого выходила лишь затем, чтобы со свежими силами вновь пробежать все ступеньки,

ведущие к мятежу, а потом, вспомнив об ожидавшем ее мрачном торжестве, снова повергнуться на землю. Черный день этот не был отвлеченным понятием, он жил, он дышал, разговаривал, пел — он приближался. Подружки, готовящиеся к этому дню, присылали ей письма, и каждое такое письмо ощущалось ею, как еще одна волна, прибывающая к берегу обломок корабля, потерпевшего крушение. Острая враждебность, которую она испытывала к этим захлестывающим ее волнам, пугала ее: быть может, у нее начинается умопомешательство? Или — но и это не лучше — она просто находится во власти необъяснимых капризов? Не сама ли она писала кое-кому из этих подружек о своем женихе — и какими словами! С каким восторгом! А может, то было сумасшествие, а теперь наступило выздоровление? Ну, конечно же, это ее тогдашние восторженные письма были безумием, а вовсе не нынешнее отвращение к предстоящему браку! Но как было молоденькой девушке, одной, без всякой поддержки ополчившейся против того, что было затеяно с ее же согласия, как было ей знать, что поступкам ее имеются оправдания и что искать их следует в самых немудреных доводах разума?

Снабдить Клару недостающим ключом было суждено самому сэру Уиллоби; он сам разоблачил перед нею свою сущность, сам дал этой сущности точное наименование и укрепил ее в мятежных чувствах, которые теперь уже казались ей едва ли не святыми.

На одном из званых обедов в Большом доме среди приглашенных оказался доктор Корни, любимец всей округи, славящийся своим остроумием и анекдотами. На другой день было много разговоров как о самом докторе, так и о необычайных усилиях, предпринятых мосье Арманом Дэором, когда он узнал, что ему предстоит удивить своим искусством настоящих *hommes d'esprit*¹. Сэр Уиллоби упомянул Дэора с выражением добродушной иронии, которое он принимал, разговаривая о людях, находящихся у него в услужении и вместе с тем по-своему значительных.

— Вероятно, надо как следует изучить французский характер, чтобы понять, почему мосье Дэор не в состоянии кормить нас так же вкусно и в другие дни. Французы имеют обыкновение компенсировать свои недостатки энтузиазмом. Почтительность чужда их натуре. Если бы, например, я ска-

¹ Острословы (франц.).

зал: «Пожалуйста, Дэор, постарайтесь приготовить сегодня обед повкуснее!» — я не сомневаюсь, что он накормил бы нас весьма посредственно. Зато всегда можно рассчитывать на энтузиазм, которого у этого народа хоть отбавляй. Достаточно быть знакомым с одним французом, чтобы знать Францию. Я наблюдаю Дэора вот уже два года и знаю, как с помощью одного-единственного словечка вызвать в нем энтузиазм. Под *hommes d'esprit* он подразумевает господ сочинителей. Французы уничтожили свою аристократию и вместо нее возвели на пьедестал литераторов — не для того, чтобы им поклоняться — на это они не способны, — а просто, чтобы было вокруг чего шипеть и пениться. Подлинного величия они над собою не потерпят, а потому прибегают к поддельному. Быть может, они таким образом и осуществляют свое *égalité*¹. Нечего качать головою, мой добрый Вернон, я знаю, что говорю! Человеческая натура, как бы мы ни старались ее изменить, всегда одна и та же. Французы ничем не отличаются от англичан, но только они свою страну топили в крови лишь затем, чтобы опять приняться за свои старые штучки. «Сударь, я вам ровня, мы с вами равны от рождения. Ах, бы — сочинитель? Тогда дозволейте мне побулькать и пошипеть вокруг вас!» Да, да, Вернон, это так, и я не сомневаюсь, что в глазах Дэора главой дома являетесь вы! Я не ревную, пусть — лишь бы он знал свое дело! Кто-то из французских философов предложил называть дни рождений французских писателей именами этих писателей: день Вольтера, день Руссо, день Расина и так далее. Может быть, Вернон скажет нам, кому досталось первое апреля?

— Небольшая неточность в деталях вас не смущает, когда на вас нападает сатирический стих, — сказал Вернон. — Продолжайте считать, что в лице шеф-повара вы знакомы с целым народом.

— Этак они нас, англичан, станут судить по жокеям! — сказал доктор Мидлтон. — Ведь наши жокеи котируются там так же высоко, как их повара у нас. И пожалуй, что от этого обмена в выигрыше остаемся мы.

— Нет, в самом деле, разве это не бессмыслица, милейший мой Вернон, — не унимался сэр Уиллоби, — каждый день поминать писателей?

— Философов.

— Ну, философов.

¹ Равенство (франц.).

— Философов всех времен и народов. Они — истинные благодетели человечества.

— Как вы сказали? Благо...? — Сэр Уилоби не мог до конца выговорить это слово, так душил его смех! — Неужели вы не чувствуете, сколько в этом претензии, несовместимой с вашим английским здравым смыслом?

— Ну что ж, — ответил Вернон, — дадим этим дням дополнительные наименования, если угодно, или посвятим другие дни представителям наших знатных фамилий, совершившим какой-нибудь памятный подвиг.

Тут уже подала голос буптарка Клара; она была в восторге от насмешек Вернона.

— Хватит ли их у нас? — спросила она.

— Может быть, все же нам не обойтись без парочки поэтов.

— Или государственных деятелей, — подхватила Клара.

— Можно подкинуть кулачного бойца.

— На ненастный день, — вставил доктор Миддлтон и поспешно, словно раскаиваясь в том, что увел разговор в сторону, вернул его к исходной теме, выразив в общих словах свое неодобрение такого рода повешествам, и заговорил о чем-то вполголоса с Верноном. У Клары возникло радостное подозрение, что ее отец не очень охотно поддерживает взгляды сэра Уилоби даже в тех случаях, когда, казалось бы, их разделяет.

До сих пор застольной беседой руководил сэр Уилоби. Недовольный тем, что у него перехватили инициативу, он обратился к Кларе и поведал ей один из послеобеденных анекдотов доктора Корни. За первым анекдотом последовал другой, весьма топорно рисующий человеческую патуру. В нем рассказывалось, как некий джептльмен, большой ипохондрик, взывал к врачам, собравшимся на консилиум у постели его жены, умоляя спасти ее во что бы то ни стало. «Опа для меня все, — говорил он, и слезы струились у него по щекам. — Если она умрет, мне придется пойти на риск и вступить в новый брак; я буду вынужден жениться, ибо благодаря ей я привык к супружеской заботливости. Нет, нет, я никак без нее не могу! Спасите ее во что бы то ни стало!» И любящий супруг ломал в отчаянии руки.

— Вот вам, Клара, образец Эгоиста, — заключил свой рассказ сэр Уилоби, — портрет Эгоиста в самом чистом виде. Видите, до каких он дошел столпов? А его бедная жена! И заметьте — он и повятня не имеет о том, что вся его мольба продиктована неприкрытым себлюбием,

— Эгоист! — воскликнула Клара.

— Да, моя дорогая, остерегайтесь выйти за Эгоиста, — заключил сэр Уиллоби с галантным поклоном.

Клара была так поражена его слепым самодовольством, что не верила своим ушам: уж полно, не ослышалась ли она? Неужели он в самом деле произнес это слово? Она глядела на него невидящим взором, но вскоре направление, которое приняли ее мысли, заставило ее вздрогнуть. Она обвела всех взглядом: ни Вернон, ни ее отец, ни тетюшки Изабел и Эленор — никто, по-видимому, не заметил, что одним этим словом сэр Уиллоби нарисовал свой собственный портрет! Да и самое слово проскользнуло мимо их ушей. А между тем оно предстало перед ней как целебное зелье, как луч света, как ключ к характеру Уиллоби и — увы, ей и это пришло в голову! — как адвокат, выступивший на ее защиту. *Эгоист!* Она вдруг увидела его, этого человека, имевшего несчастье произнести собственный приговор, увидела его со всеми его достоинствами и недостатками, и в этом новом, беспощадном свете самые достоинства его оказались поглощенными местоимением первого лица единственного числа. Самая щедрость его громче прочих качеств, казалось вопила: «Я! Я! Я!» И можно было с легкостью себе представить, как, достигнув возраста героя анекдота, рассказанного доктором Корни, он восклицает: «О, спасите мою жену! А не то мне придется заводить другую, и кто знает, будет ли она любить меня так же сильно, как первая, поймет ли, как та, все особенности моего характера, оценит ли мои взгляды на жизнь?» Ему шел всего лишь тридцать третий год, следовательно, он был еще молод и здоров, однако его многословное и настойчивое возвращение к своей главной теме, акцент, какой он делал на «я», «меня», «мое», уподобляли его старику, в котором там и сям еще проглядывали остатки давно увядшей молодости.

Остерегайтесь выйти за Эгоиста. Да, но поможет ли он ей избежать этой участи? Она представила себе сцену, которая разыгралась бы, если б она попросила освободить ее от слова, представила, как ее волокут вдоль стен его эгоизма, как она ударяется головой обо все углы, и сердце ее болезненно сжалось перед этой картиной.

Правда, имелся пример Констанции. Но эта отчаянная девушка заручилась поддержкой галантного и преданного джентльмена: она встретила некоего капитана Оксфорда.

Клара столько думала об этой паре, что они в конце кон-

цов сделались в ее представлении героическими фигурами. Она спрашивала себя: «А я могла бы?.. Если бы кто-нибудь?..» Она томно закрывала глаза и, безвольно предаваясь своим грешным грезам, чувствовала, что не может сказать им: «Нет».

Ведь сам сэр Уиллоби сказал ей: «Остерегайтесь!» Выйти за него замуж значило бы действовать вопреки его предостережению. Она даже представила себе, как он впоследствии сказал бы ей: «Я вам говорил!» И она ясно увидела, что женщина, вступившая с ним в брак, оказалась бы связанной не с живым человеком, обладающим сердцем и душой, а с испещренным иероглифами обелиском, который всю жизнь расшифровывал бы ей самого себя и читал ей лекции все на ту же тему: о себе.

Нет, ясно, что этот человек-скала не отпустит ее добровольно. Этот застывший эгоизм, эта окаменелость выслушает ее просьбу с изумлением и наотрез откажется выполнить ее. Гордость помешает ему даже понять ее желание быть свободной. Положим, она могла бы добиться свободы — и притом не прибегая к способу, избранному Констанцией, — но мысль об отце, об огорчении, какое она ему причинит, о трагической дилемме, которую перед ним поставит, лишала ее решимости. Несмотря на всю свою любовь к ней, отец настаивал бы на соблюдении данного ею слова; в конце концов он, разумеется, уступил бы, но смятение его и отчаяние не поддавались бы описанию. Доктор Мидлтон, когда его чувства приходили в расстройство, бывал ужасен: он бросал все свои занятия, книги, умолкал и становился похожим на человека, потерпевшего кораблекрушение в океане и не ждущего ниоткуда спасения. В свете поднялся бы вой. Сколько бы она ни доказывала, что человек, из рук которого она вырвала свою, — эгоист, свет заклеил бы ее как изменницу. Она с горечью подумала, что ее взгляды на свет пришли в согласие со взглядами Уиллоби, — ведь это из-за него благоухающий сад превратился для нее в заросший крапивою пустырь, а вместо горизонта перед ней встала глухая, темная стена.

Клара мысленно перебрала всех посетителей Большого дома, и в каждом из них она видела одно: искреннее восхищение хозяином дома. Ни одна душа не подозревала о его подлинной природе. Муки лицемерия, которые она претерпевала, принимая поздравления в качестве невесты сэра Уиллоби, лишь немного умерялись тем презрением, какое она

испытывала к поздравляющим, к их удивительной слепоте. Тщетно пыталась она себя обмануть, внушая себе, что правы они и что она просто-напросто глухая, вздорная и легкомысленная женщина. В своем стремлении подавить мятеж, начавшийся в сознании, а теперь уже бушевавший в крови независимо от сознания, она всячески вызывала тетушек Изабел и Эленор на преувеличенные похвалы их кумиру; она хотела проникнуться их настроением, дабы хоть немного примешиться к ожидавшей ее участи. Подчас ей это даже удавалось, и голос протеста совсем было замолкал, но стоило ей провести пять минут в обществе сэра Уиллоби — и все ее усилия разлетались в прах.

Однажды он попросил ее надеть фамильный жемчуг к обеду, на который были званы какие-то важные дамы, и сказал, что придет его к ней с мисс Изабел. Клара отклонила его предложение, сославшись на то, что не имеет еще права носить этот жемчуг. Он посмеялся ее щепетильности.

— По правде говоря, я от вас не ожидал подобного жеманства, — сказал он. — Я дарю вам это право. Ведь, по существу, мы уже все равно что муж и жена.

— Нет.

— А перед небом?

— Мы еще не обвенчаны.

— Ну, хорошо. Наденьте тогда этот жемчуг в качестве моей невесты.

— Я предпочла бы его не надевать. Я не могу носить жемчуг «напрокат». Я не могу надеть это ожерелье. Не могу, поймите. — И, испытывая к себе презрение за то, что не ограничивается резким отказом, она прибавила: — Вам не кажется, Уиллоби, что девушка, надевающая на себя подобные драгоценности, походит на жертву, украшенную перед жертвоприношением? Нечто вроде священного тельца, увешанного драгоценностями, каких изображают на древнегреческих амфорах?

— Дорогая моя Клара! — воскликнул изумленный жених. — Как можете вы называть этот жемчуг драгоценностью, взятой напрокат, когда это перлы Паттернов, наши фамильные драгоценности, не имеющие, смею сказать, себе равных ни в нашем графстве, ни во многих других, — драгоценности, которые самым законным образом переходят к новой хозяйке дома?

— Это ваш жемчуг, но не мой.

— Он скоро будет вашим.

— Но, надев его сейчас, я бы предвосхитила события.

— Даже с моего согласия и одобрения? Даже если я вас прошу?

— Я еще не... я, может быть, никогда не стану...

— Моей женой?

Он торжествующе засмеялся и старым, испытанным способом всех влюбленных принудил ее к молчанию.

Такая шепетильность, впрочем, делает ей честь, сказал он. И может быть, жемчугу в самом деле лучше покониться покуда в своем стальном ящичке. Он просто хотел порадовать ее сюрпризом.

Прекратив, как бы из уважения к ее воле, настаивать на том, чтобы она надела жемчуг, он ее обезоружил в ту самую минуту, когда она собралась было с духом, чтобы высказаться более решительно.

— Боюсь, что мы часто расходимся с вами во взглядах, Уиллоби,— успела она все же сказать.

— Вы еще так молоды, моя дорогая! — последовал обидный ответ.

— А если это расхождение не пройдет с возрастом?

— Я отказываюсь даже представить себе такое, душа моя!

— Мне кажется, что у нас с вами от природы противоположные натуры.

— Если бы это было так, я бы непременно это почувствовал,— заверил он Клару.— По первому же намеку!

— Да, но я слыхала,— продолжала она,— мне говорили, будто от женщины требуется, чтобы она была подголоском своего мужа и вторила ему во всем.

— Быть может, это и требуется от других женщин, душа моя! Моя жена будет пребывать в состоянии естественной гармонии со мной.

— Ах! — Она сжала губы. Но так и не могла подавить зевка.— Почему-то мне здесь постоянно хочется спать.

— Наш воздух, моя дорогая Клара, считается самым здоровым во всем королевстве. Он действует, как морской.

— Мне все время кажется, что я вот-вот усну.

— Ну что ж, тогда нам придется выставить на всеобщее обозрение нашу «спящую красавицу»!

Его игривость заставила ее умолкнуть.

Она покинула его с чувством презрения, какое испытывает человек с лихорадочно обостренным восприятием к тому, чей ум продолжает жевать привычную жвачку и пастиль

на блаженных пастбищах неведения. Снедавшая Клару лихорадка и пронзительный взгляд, обращенный на себя, делали ее беспощадной — и меньше всего она была склонна щадить Вернона. То ли дело — юный Кросджей! В нем она не искала союзника и поэтому испытывала к нему непринужденную дружбу, лишенную какой бы то ни было корысти. С нежностью и завистью думала она о нем: он так молод, так свободен, ему открыт весь мир, и он еще не знает, как ужасен этот мир или, во всяком случае, каким ужасным он может показаться! Клара любила мальчика всей душой потому, что ничего от него не ждала для себя. Он был не то что другие, хотя бы тот же Вернон Уитфорд, — вот уж кто мог бы ей помочь, если бы захотел, а между тем он и пальцем не шевельнет! Вернон все понимал. Взгляд его пытливых, пронизательных глаз, которому он стремился придать видимость задумчивой рассеянности, задерживался на ней не дольше одной-двух секунд. Разумеется, он прочитал ее всю, строка за строкою! Единственное, чего ему, быть может, не удалось прочесть, — это ее мыслей о нем самом, дерзнувшем без всякой видимой надобности потревожить ее стальным острием своей пронизательности.

Она понимала, что несправедлива, но она была как завлеченный зверек, терпение ее было на исходе, и этот неслуханный укор являлся всего лишь немым, паническим ликом о помощи. Преувеличивая свои страдания, она черпала силы для борьбы, но, сознавая, что их преувеличивает, тотчас этих сил лишалась. Внутренний конфликт порождал беспечность отчаяния: ничуть не краснея, она говорила себе, — и это уже походило на вопль безумия: «Хоть бы кто-нибудь меня полюбил!» Прежде, до того, как ей рассказали о Констанции, она представляла себе свободу в образе девственной богини, о мужчине у нее не было и помысла. Даже если в ее сознании порой и брезжил образ избавителя, то он походил скорее на ангела, нежели на героя. Этим милым полудевичьим, полудетским мечтаниям пришел конец. Она билась в объятиях дракона, не имея сил ни преодолеть свое отвращение, ни выказать его, и, наконец, заговорила сама с собой начистоту. В этой чисто женской мечте: «Хоть бы кто-нибудь меня полюбил!» — выразилась вся ее здоровая натура. Здесь была потребность не столько в любви, сколько в воздухе, которым можно было бы дышать. Произнося эти слова самой себе, она как бы придавала жизненность и стойкость мечте, которая по своей целе-

устремленности могла равняться с жаждой матери спасти своего ребенка, попавшего вместе с ней в кораблекрушение. «О, если бы нашелся человек благородной души, который, узнав меня со всеми моими недостатками, все же удостоил бы меня своей помощи! Если б кто-нибудь вызволил меня из этой тюрьмы со степами из шипов и терний! Самой мне из нее не вырваться. Я малодушна и потому взываю о помощи. Если б меня кто-нибудь хоть пальцем поманил, я бы тотчас вся преобразилась. Испаряющаяся в кровь, под улюлюканье толпы, я бы кинулась к другу! Да, да, мне пужен именно друг, а не кто-нибудь другой. Не возлюбленный, а друг. Всякий возлюбленный, кто бы он ни был, оказался бы таким же эгоистом,— менее злым, быть может, чем этот, но все же эгоистом, а это для меня смерть. Я могла бы пойти за простого солдата, как любая Молли или Салли. Всякая женщина может гордиться человеком, который рискует жизнью ради отечества, даже если он сам по себе не представляет ничего особенного. Повстречала же Констанция солдата! Может быть, она молила о нем бога и молитва ее была услышана? Она поступила дурно, пусть! Но как я люблю ее за этот поступок! Его зовут Гарри Оксфорд. Отец бы назвал его Персеем. Констанция, должно быть, чувствовала, что объяснения делу не помогут. Ей оставалось только действовать, ринуться в омут. Наверное, она начала с того, что стала приглядываться к Гарри Оксфорду. Произносить его имя про себя, знать, что он ее ждет,— каким это было для нее утешением, каким отдыхом! Она не колебалась, не выжидала, а перерубила цепь и потом скрепила этот шаг, соединившись с любимым. Мужественная девушка, что-то ты думаешь обо мне? Но ведь у меня нет никакого Гарри Уитфорда, я одна, одна. Пусть говорят о жепщинах, что хотят; должно быть, мы в самом деле очень скверные, если о нас пишут такие ужасы, но все же требовать, чтобы мы скрепляли свой договор торжественной клятвой и отдавали себя в полное распоряжение другого — только потому, что имели несчастье дать слово человеку, в котором, как впоследствии оказалось, ошиблись!.. Признайтесь, что это... это...» Тут она вдруг вздрогнула, как от удара, и лицо ее залилось ярким румянцем: до ее сознания дошло, что она мысленно оговорила и вместо имени Оксфорда подставила другое!

Махровая вишня в цвету

Сэр Уиллоби улучил минуту, когда Клара была рядом, а дверь в сад обеспечивала отступление — на случай, если противник сумеет привести слишком убедительные доводы в свою пользу, — и открыл огонь по кузену, коварно замислившему своим бегством в Лондон расстроить весь его домашний уклад.

— Да, кстати, Вернон, — начал он, — что это вы там рассказываете всем, кроме меня, будто намереваетесь покинуть нас и броситься в кипящий котел, где из вас сварят суп? Право же, вы достойны лучшей участи, чем вариться в этом котле. Не огорчайте меня, пожалуйста! Поезжайте путешествовать, если вам не сидится на месте. Постранствуйте месяца два-три, а затем присоединяйтесь к нам, и поедем все вместе домой. А там, глядишь, вы и сами, быть может, захотите обзавестись своим домком. Нет, правда, почему бы вам не последовать моему примеру? Поселитесь в одном из моих коттеджей, если хотите, а то — выстроим вам новый дом. Я готов на все, лишь бы не нарушать привычного равновесия. В Лондоне, друг мой, человек теряет свое лицо. Чем вы там будете? Я вас спрашиваю — чем? Когда рядом такой непоседа, кажется, что и твой собственный дом вот-вот обвалится. Здесь вас знают, вы можете спокойно заниматься своим делом. В Лондоне вы — ничто. Откровенно говорю вам, я это испытал на себе. После недели, проведенной в Лондоне, я всякий раз опрометью несусь домой, чтобы вновь обрести себя. Послушайте моего совета, Вернон! Не может быть, чтобы вы всерьез решились уехать!

— У меня есть такое намерение, — сказал Вернон.

— Почему?

— Я вам говорил.

— Мне? Когда же?

— Если не вам, то вашей спине, которую вы мне представляли всякий раз, как я с вами об этом заговаривал.

— Я не помню, чтобы вы со мною об этом заговаривали. Что же касается ваших доводов, то меня не убедил бы и десяток доводов. Вы идете наперекор не только моим желаниям, но и собственным интересам. Друг мой, вы огорчаете не меня одного. Вспомните, Вернон, ведь вы сами гово-

рили, что мы, англичане, парод ветхозаветный и что нам следовало бы вернуться к патриархальному образу жизни. Говорили, говорили, не спорьте! Я это прекрасно помню. Разумеется, вы, как всегда, пронизировали и тут же стали издеваться над англичанами, утверждая, будто у нас у всех скверный характер и что поэтому мы не можем жить со своими родственниками одной большой семьей. А теперь вы первый же и ломаете семью! Я, конечно, не претендую на звание ветхозаветного патриарха, но все же я... я...

Сэр Уилоби по каким-то неувидимым признакам почувствовал, что его невеста и кузен обменялись улыбкой. Он закинул голову и, казалось посоветовавшись с верхними веками, решил рассмеяться.

— Ну, хорошо, я и впрямь питаю слабость к патриархальному образу жизни,— каюсь! И достопочтенный доктор жил бы вместе с нами! — прибавил он, повернувшись к Кларе.

— Мой отец? — переспросила она.

— А почему бы нет?

— Отец привык вести жизнь ученого отшельника.

— Вам не пришлось бы с ним разлучаться, дорогая!

Поблагодарив сэра Уилоби за доброту, побудившую его подумать об ее отце, Клара мысленно подвергла эту доброту пристрастному разбору: по пет, она никак не могла уловить чего-либо недоброго или эгоистического в этом предложении — и тем не менее она была уверена, твердо знала, что в его основе крылся все тот же эгоизм.

— Надо будет хотя бы предложить ему... — сказал сэр Уилоби.

— Как честь?

— Если он соблаговолит считать это честью. Ох, уж эти мне светочи пауки! Впрочем, без Вернона нам уже печем будет соблазнить доктора Мидлтона. Ну, да все это так нелепо, что и говорить не стоит! Ах да, Вернон,— насчет юного Кросджея... Я решил взять все работы о нем на себя.

С этими словами сэр Уилоби подставил Вернону спину и направился к двери, но Клара остановила его.

— Стало быть, вы дадите Кросджею возможность подготовиться к поступлению во флот? — спросила она. — Ведь ему нельзя терять и дня.

— Да, да, я все устрою. Можете на меня положиться — я не потеряю этого постреленка из виду.

Сэр Уилоби подал ей руку, чтобы помочь спуститься со

ступеньки на гравий, и с удивлением отметил румянец, заливший ей лицо.

В ответ на его жест она протянула ему руку.

— Не забывайте, Уиллоби, что с этим делом мешкать нельзя,— проговорила она, словно предъявляя ультиматум, и нехотя позволила своим пальцам коснуться его рукава.

— Как вам известно, Уиллоби, все дело в деньгах,— сказал Вернон.— Если я поеду в Лондон, на первых порах я вряд ли буду в состоянии содержать мальчика.

— Но зачем, зачем же вам ехать?

— Это уже другой вопрос. Я хочу передать вам свои функции.

— А коли так, то все меняется: раз я беру на себя ответственность за дальнейшую судьбу мальчика, я вправе воспитать его как считаю нужным.

— То есть подарить обществу еще одного бездельника.

— Я ручаюсь, что сделаю из него настоящего джентльмена.

— У нас их и без того слишком много.

— Слишком много джентльменов не может быть, Вернон.

— Этим вашим джентльменством у нас в Англии прикрывают самую обыкновенную лень. Растить джентльмена из мальчика, у которого нет ни гроша за душой, немногим лучше, чем отдать его на выучку к ворам. Вы воспитаете врага общества, а быть может, даже и поживу для олицин.

— Вот что, Вернон: вы как будто видели отца Кросджея, этого лейтенанта, а ныне капитана морской пехоты?

— Он порядочный человек и храбрый офицер.

— И несмотря на эти достоинства — совершеннейший недоросль, старый недоросль. Положим, он сейчас капитан, но, согласитесь, он дослужился до этого чипа довольно поздно. Вот вам, пожалуйста,— порядочный человек и храбрый офицер — и все это перечеркивается тем простым обстоятельством, что он — не джентльмен. Общение с ним исключено. Не удивительно, что правительство так неохотно его продвигает! Что касается юного Кросджея, он носит не ваше имя, а мое,— казалось бы, уже одно это обстоятельство дает мне преимущественное право избрать для него карьеру. Я же утверждаю, что лучший аттестат для молодого человека — одобрение гостиниой. Я слышал, например, об одном негоцианте в Сити, который ни за что не возьмет

себе в клерки человека, не имеющего университетского образования. Во всяком случае, он всегда оказывает предпочтение окончившим университет. Точно такую же историю я слышал об одной адвокатской фирме.

— У Кросджея медный лоб, он не пригоден ни для университета, ни для гостиной, — сказал Вернон. — Драться и умереть за вас — вот все, на что он годится.

Сэр Уилоби пробормотал: «Я очень привязался к мальчугану», и быстро, чтобы не слышать ответа Вернона, шагнул в сад. Он так спешил, что забыл пропустить Клару впереди себя, но тут же обернулся и, как бы извиняясь за свою оплошность, произнес: «Милая!» Ее лицо было неспособно выражать суровость, однако ямочки не играли на ее щеках, как обычно, а глаза сверкали больше обычного. Весь этот разговор о юном Кросдjee она затеяла не без задней мысли: он должен был послужить окончательному разоблачению Эгоиста. Но если бы она полностью отдавала себе отчет в тех скрытых и до неузнаваемости запутанных мотивах, заставивших ее заговорить с сэром Уилоби о Кросдjee именно в присутствии Вернона, она бы сгорела от стыда.

Теперь свет может убедиться, что ей самой не сладко от того, что судьба связала ее с Эгоистом! «Свет» в данном случае олицетворялся для нее в Верноне. Отныне, думала она с надеждой, ее не будут судить так строго, как бы сурово ни осуждала себя она сама. Впрочем, сейчас не время для самобичевания, это следует отложить до окончательного подведения итогов; а покуда важно заручиться сочувствием «света» или, по крайней мере, надеждой, что он будет на ее стороне в той страшной борьбе с самой собой, которая ей предстояла, — дальше границ собственной личности ее горизонт пока не простирался. Поддержка в предстоящем бою была необходима, кое-какие сделки с совестью — неизбежны. Вспомним, как она была слаба, как одинока, как безнадежно запуталась, каким ужасающим оскорблением подвергалась она ежедневно, оскорблениям, которые не могли не ранить такую впечатлительную и пылкую натуру, — и, вспомнив все это, простим ей небольшую дозу лицемерия, этого естественного оружия всех девушек в беде! Она успокаивала свою придирчивую совесть, говоря себе, что делает из мухи слона, и где-то в глубине души понимала, что это она сама, нарочно, раздувает пустяки, как бы задабривая все ту же совесть, — чтобы в роковую минуту та не помешала ей сделать окончательный выбор. К тому же она темного и

гордилась тем, что придает такое огромное значение малейшему отклонению от прямого пути,— это поднимало ее в собственных глазах и заглушало предостерегающий голос совести. Главное же, она готовится к бою и не вправе слишком долго предаваться самобичеванию, этому занятию, годному для монахинь и отшельников, которых не подстегивает время. Разумеется, в этой борьбе за себя, к которой она рассчитывала привлечь и «свет», неминуемы потери; быть может, ей придется поступиться скромностью. Цена немалая, но что же делать? Взвесив все, Клара решила, что готова ее уплатить.

— Вот видите,— сказал Уилоби.— Верноу нечего ответить.

Он притянул к себе ее руку и продел в свою, чтобы Клара почувствовала в нем сильную опору.

— Всякий раз, как эту маленькую головку начнут одолевать сомнения и колебания, всякий раз, как моя девочка почувствует, что не знает, куда идти, она обратится ко мне, не правда ли? И я всегда ее выслушаю,— заключил он тоном, каким успокаивают маленьких детей.— Моя родная! Я тоже обещаю приходить к вам за утешением всякий раз, как мне досадит свет. Таким образом, мы дополняем друг друга, вы — меня, а я — вас. Вы меня узнаете, вы узнаете меня со временем! Для тех, кому я раскрываю душу, я не представляю загадки. Я и не претендую на загадочность; впрочем, не скрою, ваш домашний, задушевный Уилоби не совсем тот Уилоби, которого знает свет. Перед этим грубым животным приходится выступать во всеоружии.

Молодость не прощает однообразия. Из всех истин эта — самая непреложная. Однообразие действует на молодой организм, как яд, и молодой организм, сам того не сознавая, начинает за себя мстить: грудь вздымается выше, мышцы расправляются, ноги сами собою несут молодое тело по лужайке в стремительном беге — это мстит сама природа.

— Когда прибывает полковник де Крей? — спросила Клара.

— Гораций? Дня через два. Я вижу, моей радости не терпится, чтобы он приехал и приступил к разучиванию своей предстоящей роли!

По правде сказать, мысль о приезде полковника мало волновала Клару; она сама не знала, почему заговорила о нем. А теперь испугалась и бросилась назад; она хотела

было укрыться под сенью лукавства, но затем, набравшись духа, шагнула прямо к скамье подсудимых.

— Я вовсе не хочу, чтобы он приезжал. Я не знаю, о какой роли вы говорите. Я ничего не хочу. Уилоби, вы ведь сказали, что выслушаете меня, правда? Выслушайте же меня сейчас! Но только имейте в виду — я совершенно ординарная личность, и, чтобы не было места недоразумениям, вы должны каждое мое слово понимать буквально. Я недостойна вас. Я переменчива. Я больше всего на свете дорожу свободой. Я жажду свободы!

— Флитч! — крикнул сэр Уилоби вдруг. Это прозвучало, как заклинание. — Извините меня, дорогая, — спохватился он. — Видите вон того человека? Я категорически запретил ему появляться в моих владениях — и вдруг он здесь, чуть ли не в самом моем саду!

Сэр Уилоби замахал рукой на человека, стоявшего в приниженной позе просителя. Одинокая фигура мгновенно скрылась.

— Переменчива и недостойна? Свобода? Милая моя! Разве вы не свободны — разумеется, в рамках закона, как и все порядочные женщины? Что касается вашей «переменчивости» — то ведь па то у вас я! Я буду руководить вашими настроениями, направлять их в нужное русло. А когда мы сойдемся поближе, вы убедитесь, что вполне достойны... в вас говорит робость. Сознание собственного несовершенства — гарантия того, что вы окажетесь достойной. Но я впадаю в проповеднический тон. А кто виноват? Признаться, меня раздражало появление этого человека. Флитч служил у меня конюхом, грумом и кучером, как некогда его отец, проработавший у нас тридцать лет, до самой своей смерти. Мистеру Флитчу не на что было жаловаться; но вот в один прекрасный день какая-то муха его укусила и он вбил себе в голову, что может распорядиться своей судьбой лучше; он, видите ли, пожелал сделаться независимым и явился ко мне с рассказом о какой-то там лавчонке в городе. «Смотри, Флитч, — говорю я, — если ты меня покинешь, ты покинешь меня навсегда». — «Понимаю, сэр». — «Ну что ж, Флитч, прощай!» Он почтительно поклонился, а у самого на лице так и написано, что ему суждено остаться в дураках! С той поры, несмотря на мой запрет, я его встречал на своей территории, по крайней мере, раз десять. Уму непостижимо! Разумеется, он прогорел со своей лавкой, и теперь вся его «независимость» выражает-

ся в том, что он бродит вокруг усадьбы и поглядывает на Большой дом то с того, то с этого холма, засунув руки в пустые карманы.

— Он женат? И дети есть? — спросила Клара.

— Девять человек детей. И жена, которая не умеет ни шить, ни стряпать, ни стирать.

— А у вас не нашлось бы для него какой-нибудь работы?

— Как? Когда он сам от меня ушел?

— Можно было бы его простить.

— У меня он был обеспечен всем, что нужно. Он решил уйти, стать свободным... от моего ига, разумеется. Несмотря на мое предупреждение, он меня покинул. Будем считать, что Флитч эмигрировал с женой и детьми на корабле, который пошел ко дну. Он возвращается, но место его уже занято. Он здесь не больше чем привидение, а я к привидениям не благоволю.

— Можно бы подыскать ему какую-нибудь другую работу.

— Так же, мой друг, будет и со старинной Верноном. Если он уйдет, он уйдет навсегда. Таков принцип, которого я придерживаюсь. Опавший лист не возвращается на ветку; оторвался — все! Очень сожалею, дорогой, но ты этого сам пожелал. Как видите, Клара, во мне есть нечто такое....

— Это ужасно!

— Употребите ваш дар убеждения. Ведь старина Вернон мягче воска в ваших руках. Сегодня мисс Дейл переезжает к нам и недельку-другую здесь погостит. Закиньте удочку насчет нее. Так вот, я хотел сказать, что во мне есть нечто, роднящее меня с порохом: небрежное обращение чревато опасностью. Вместе с тем нет причин, почему бы не обращаться с этим моим свойством бережно, почему бы не считаться со мною, не отнестись с вниманием к возможным последствиям. Всякий, кто не пожелал со мною считаться, имел основания потом расканиваться.

— Но об этом своем свойстве вы рассказываете не всем?

— Разумеется, нет; у меня только одна невеста, — ответил он галантно.

— Правильно ли вы поступаете, показывая мне самые ваши худшие стороны?

— Всего себя, моя родная!

Он улыбнулся ей, как улыбаются только очень близ-

ким людям, и доверчиво склонился к ней, всей своей позой показывая, что эти два слова «всего себя» исполнены для него нежного смысла и означают счастливую уверенность в ее беззаветной любви. И только теперь начала она догадываться, что от нее ожидают одного лишь обожания и восхищения, независимо от его достоинств, — иначе говоря, ждут того, что, собственно, и бывает при настоящей любви или, во всяком случае, при молодой любви; того, что, быть может, и было у нее вначале, прежде чем он заморозил ее чувства и «эта маленькая головка» начала размышлять, подбивая мятежное сердце на бунт.

В спокойной уверенности, что полноводная река любви песет на своих волнах весь внушительный груз его личности, сэр Уиллоби беспечно разглагольствовал о собственной персоне.

Не разделяя иллюзий своего жениха, Клара недоумевала: «Почему он не хочет показаться мне с лучшей стороны? Неужели у него нет ни малейшего представления о великодушии, о рыцарстве?»

Меж тем наш злополучный джентльмен воображал себя любимым; ему казалось, что он безмятежно покоится на лоне самой нежной любви. Он полагал, что все, что имеет отношение к его личности, должно возбуждать девичье любопытство его возлюбленной, вызывать у нее изумление и ревнивую жажду узнать его еще ближе, жажду, которую он был готов без конца утолять, снова и снова твердя ей одно и то же. Его представления о женщинах были элементарны, и чтобы выразить их, достаточно было бы черной и белой краски; женщины бывают двоякого рода — хорошие и дурные; ему досталась хорошая. Высокое мнение о собственной особе укрепляло его веру в то, что провидение, по закону справедливости и соответствий, непременно подыщет для него хорошую женщину — иначе чего бы оно стоило, это провидение! И, разумеется, эта женщина, которую изберет для него мудрый промысел, будет в полной с ним гармонии — от самой сердцевины его существа до каждой точки окружности, описанной вокруг его разнообразных душевных состояний. Познав сердцевину — центр, из которого пучком расходятся радиусы, соединяющие этот центр с окружностью, — можно, собственно, и не изучать окружность, ибо все эти многообразные состояния, как легко убедиться, являются всего лишь вариациями на одну и ту же тему. Попасть, однако, в этот центр вам удастся не иначе, как по радиусу, приняв за

отправную какую-нибудь точку окружности. Сэр Уиллоби прилежно перемещал мисс Мидлтон с одной из этих расходящихся прямых на другую. Он, того и гляди, затынет и нас с вами, ибо всякий, кто, загарпунив кита, не пожелает выпустить каната из рук, неминуемо погрузится в воду, и спасти его может только чудо.

Промежуточных оттенков между женщиной-богиней и жещипой разряда значительно менее возвышенного сэр Уиллоби не признавал. Ему в равной степени было трудно себе представить и глиняного ангела, и фарфоровую плутовку. Он смотрел на женщин как на создания ваятеля: та вышла из его мастерской с какой-то трещиной, та — с пятнышком и лишь изредка попадались совершенные образцы, созданные для избранных представителей человечества. Достаточно было малейшего намека, шепотом произнесенного словца, и с решимостью завязатого ханжи он захлопывал свои двери перед недостойной; он был готов собственноручно заклеить ее огненным клеймом — в душе он так с ними и поступал. Его крайняя чувствительность и требование утонченного целомудрия, которое он предъявлял к женщине, делали его в пору этого разгула эгоизма, именуемого любовью, особенно суровым критиком. Констанция... сказать ли? Итак, Констанция подобной утонченностью не обладала. Самой природой предназначенная сделаться матерью героев, она не походила на тех девиц, которые, словно сговорившись, прибегают к одним и тем же томным ужимкам, столь лестным для господ эгоистов, которые благодаря этим ужимкам мпят себя «первыми»; в отличие от этих жеманниц, чье назначение подарить миру в будущем легион марионеток, Констанция была простодушно ласкова. В этом и заключалось все ее прегрешение. Однако в глазах сэра Уиллоби, требовавшего от суженой торжественного лицедейства, в котором бы целомудрие нехотя уступало долгу, такое нарушение традиций обрело размеры смертного греха.

Да, пора любви — это праздник эгоизма и одновременно — горнило, в котором испытывается человек. Я имею в виду, разумеется, не пародию на любовь, не вариации для флейты на тему «любовь», а всепоглощающую страсть, пламя, в котором, как и в нас самих, жизнь неотделима от смерти: быть может, ему суждено гореть долго, быть может — тотчас погаснуть. Когда сэр Уиллоби был подвергнут этому испытанию огнем, обнаружилось, что, подобно тысячам ци-

вилизованных самцов, ему требовалось, чтобы его возлюбленная обращалась с ним, точно с первобытным дикарем.

Она должна без конца играть на одной и той же призывной струне, под звуки которой наш давний предок — сатир пускался в пляс и, прилежно исполняя положенные фигуры, вертел свою даму, прищелкивая резвыми копытцами. Есть вещи, которых женщина не должна делать, не смеет говорить и не имеет права думать, если она хочет внушить мужчине благоговейное чувство и прочно привязать его к себе. От нее должно веять монастырской кельей. И как ни странно, как ни страшно, этот мужской взгляд на женщину разделяют сами женщины. Едва ли не с чувством благодарности соглашались они, что истинное их назначение не в том, чтобы укрощать лесного проказника, а в том, чтобы потворствовать аппетиту прожорливого гурмана, истопно выкрикивающего все то же злополучное местоимение «я» и склоняющегося на все лады презловутое женское целомудрие. Трудно сказать, сознают ли женщины, что в основе всего этого лежит самая обыкновенная чувственность, что за этим столь же изысканным, сколь ненасытным аппетитом прячется тот же сатир; пусть и сверхграфированный. Скорее всего, что не сознают. Тем хуже для них! Ибо, чтобы убажить этого гурмана, им приходится прибегать к симуляции, вследствие чего они не в лучшем положении, чем их прабабки. Ведь и в наше время они вынуждены делать ставку на свою физическую привлекательность, меж тем как все духовное в них — единственная их надежда — остается под спудом. У женщин, сильных духом, рано или поздно открываются глаза на безграничную грубость этого требования безграничной чистоты, безупречной белизны. Рано или поздно они обнаруживают, что сделались жертвой неслыханного эгоизма; ради того, чтобы прослыть невинными, они надели маску неведения; в угоду Эгоисту превратили себя в рыночный товар; потакая его нечистой жажде чистоты, потеряли свою чистоту безвозвратно — словом, дали отбросить себя назад на тысячелетия, когда ради утоления его ревливой жадности поставили превыше всего счастливую игру случая — физическую невинность, тогда как им следовало превыше всех соблазнов фортуны поставить душу, превыше чисто декоративной белизны — силу духа. Разве женщина от природы не такой же борец, как мужчина? Она должна быть подругой мужчины, матерью героев, а не марионеток! Но алчный Эгоист предпочитает видеть в женщине драгоценный сосуд, украшенный золотой

резьбой и поступивший в его безраздельную собственность прямо из мастерской ювелира, сосуд, которым он может любоваться и из которого может пить, сколько захочется, забывая, что сосуд этот — краденый.

Этот экскурс в сторону отнюдь не увел нас от сэра Уиллоби Паттерна и мисс Клары Мидлтон. Человек неглупый и, уж во всяком случае, чувствительный ко всему, что касалось его самого, сэр Уиллоби умудрялся не замечать того, что происходило — и притом достаточно явственно! — в душе его невесты. Но замечал же он этого потому, что она, как казалось, отвечала тем самым требованиям, которые он привык предъявлять к прекрасному полу. Дела призывали его в город, и ему пора было ехать. Но перед тем как расстаться со своей милой, он мечтал пройти с ней в аллею лавровых кустов и там, под их сенью насладиться ее застенчивой нежностью. Клара, однако, уклонилась; больше того, она решительно повернула по направлению к газону. Сравнив ее мысленно с Констанцией в пору их любви, он даже порадовался своей неудаче, приписывая ее тому, что богиня Скромности стояла на страже Целомудрия. Какая, однако, поразительная слепота, скажете вы, в человеке с такой острой чувствительностью, как у Уиллоби, да притом еще влюбленном! Но перечитайте этот абзац, и вы поймете, что сэр Уиллоби оттого лишь не слышал вещей предостережений, что прислушивался шамканью старых прабабок Чистоты: прабабки эти — как по материнской линии, так и по отцовской — одобрили его невесту.

Мисс Мидлтон, имевшая довольно скудные понятия о положении женщины в обществе, не сознавала, что сделалась участницей одного из решающих боев в войне, которую вынуждена вести женщина. Впрочем, положение, в котором она очутилась, быстро открыло ей глаза: так под влиянием внезапно обнаружившейся болезни человек начинает понимать, что представляет собой его организм и с чем ему предстоит бороться. Может ли она сделаться женою этого человека? Управлять им, по всей видимости, не составило бы большого труда — стоит лишь проявить некоторую политичность. Да, но готова ли она снизойти до всевозможных тактических приемов, чтобы обеспечить себе более или менее сносное существование? Кларе живо представилось ровное, однообразное поле и нависшее над ним свинцовое небо. О, ужас плоской трясины! Клара даже зажмурилась — словно картина

эта стояла перед ее физическим взором, а не духовным. И тотчас наткнулась на Кросджея.

— Я вас задел! — воскликнул он.

— Нет, нет, мой милый, я сама виновата! — сказала она. — Уведи меня, пожалуйста, куда-нибудь подальше от людей.

Кросджей взял ее за руку, и она пошла рядом с ним, продолжая думать о своем. Сжимая его пальцы в своих, она чувствовала, как в душе ее поднимается теплая волна благодарности к мальчику за его молчаливое присутствие. В молодости мысль наша идет на поводу у крови — пусть даже еще не пробудившейся, не возмущенной страстью, и прикосновение отроческой руки Кросджея, быть может, повлияло на дальнейший ход Кларинных мыслей. «Предположим, я за него выйду, — рассуждала она. — А потом?.. Что будет с моей честью?.. Я обвенчаюсь с ним, чтобы сдержать свое слово, а если... потом?..» Она ощутила вдруг непреодолимую слабость во всем теле и глубоко вздохнула. Мы излагаем мысли Клары в том порядке, в каком они возникали у нее. Как и все девушки, да и взрослые женщины подчас, она думала многоточиями. Должно быть, зловещая тень мужчины-эгоиста омрачает самые сокровенные закоулки их сознания.

«А что, как я выйду замуж, а потом сбегу от мужа!» — вот в чем заключалась истинная ее мысль, и мы просим читателя не судить ее слишком сурово и помнить, что мы имеем дело с молодой девушкой, и притом девушкой недюжинного ума, которая осознала всю отчаянность своего положения,

— Вы, наверное, ужасно устали, — сказал Кросджей.

— Нисколько, — сказала Клара. — С чего ты взял?

— Так мне кажется.

— Но почему тебе кажется?

— Вам жарко.

— Почему ты так думаешь?

— Вы покраснелись.

— Думаешь, ты не румяный?

— Щеки у меня всегда красные. А вот когда я как следует набегаясь, у меня делается красным все лицо. И потом, вы разговариваете сами с собою, — совсем как мальчишка, когда он побежит с кем-нибудь наперегонки и отстанет.

— И тогда он разговаривает сам с собой?

— Ну да. Бредет, отдувается, а сам бормочет себе под нос: «Я бы еще мог бежать сколько угодно! Кабы не эта проклятая пряжка...»

— Вон ты какой приметливый!

— И знаете еще что, мисс Мидлтон,— не думайте, будто я жалею, что вы не мальчик, я хотел бы прожить возле вас всю жизнь и быть джентльменом. К мисс Дейл приехала кузина ухаживать за мистером Дейлом, и мисс Дейл берет меня с собою в Большой дом. Может, нам с вами еще удастся нынче вечером сыграть партию в шахматы!

— К этому времени ты уже будешь спать, Кросджей!

— Если мне удастся подъехать к сэру Уиллоби... Он говорит, что я большой специалист по птичьим гнездам. И я умею ухаживать за кроликами и домашней птицей. Хорошо быть фермером, правда? Только фермер не может жениться на благородной девушке. Лучше всего быть — офицером кавалерии!

— Как? Я думала, ты стремишься во флот?

— Не знаю, право... Это еще не решено. Я притащу с собой двух мышек-полевков и за обедом покажу, как они делают гимнастику. Они такие миленькие! Морские офицеры ничуть не похожи на сэра Уиллоби.

— Ничуть. Они ради отечества жертвуют жизнью.

— Ну да, и их убивают.

Клара пожалела, что сэра Уиллоби не было поблизости. Вот когда бы она с ним поговорила!

Она спросила мальчика, где мистер Уитфорд. Кросджей таинственно указал в сторону вишневого дерева с махровыми соцветиями. Лишь когда она подошла к дереву настолько близко, что могла уже различить его ствол, она обнаружила Вернона: он лежал под вишней с книгой в руке. Впрочем, оказалось, что он не читает, а спит, заложив пальцем страницу. Что он читал, растянувшись под раскидистыми ветвями? Крепко сжав руку Кросджея, она вытянула шею, как человек, заглядывающий в бездну, стоя на ее краю. Она хотела посмотреть, что он читает, но когда она повернула голову, глазам ее вдруг предстала плотная масса белых соцветий, тяжелым дождем ниспадающих с ветвей; казалось, это была воплощенная белизна, белее облака в летнем небе, белее снежных альпийских вершин в солнечный полдень. Перепархивая с кручи на кручу, взор ее поднимался все выше и выше, все глубже погружаясь в это небо белизны. Вся душа ее была охвачена восторгом. На смену этому чувству пришло другое, не столь беспредельное, более земное: красота дерева наполнила ее сердце счастьем. Затем пришла мысль, еще более сузившая ее горизонт и совсем уже приблизившая ее к земле: «Какой же прекрасной должна быть душа у че-

ловека, который любит покоиться под ветвями этого дерева!» Ей стало жаль чувства, охватившего ее в первую минуту, жаль того восторга, такого божественного, такого безграничного, что казалось, она летит в эфире, населенном сонмом ангелов, летит, минуя упругие белые дуги крыльев, сложенных у них за спиною, дальше, к таким же упругим и белым дугам, несчетными колоннами выстроившимся в пространстве. Теперь же, как она ни старалась, она не могла вернуть свое первоначальное восхищение чудом — это было так же безнадежно, как вернуть детство и снова стать ребенком. Вторая стадия — чувство счастья — обещала быть долговечнее, и так оно, собственно, и было бы, если б в своей нетерпеливой жажде счастья Клара заранее себя не ограбила. Зато мысль: «Какой прекрасной должна быть душа у этого человека!» — укоренилась и прочно обосновалась в ее сознании. Мысль эта — бедная по сравнению с теми ощущениями, какие были ею вытеснены, — представлялась Кларе некоей данью Вернону, и она ни на что уже не согласилась бы ее променять — ни на свое первоначальное восторженное изумление, ни на пришедшее вслед за ним чувство счастья.

Она посмотрела вниз. Вернон, как бы все еще во власти сна, смотрел ей прямо в лицо.

Она поспешно увлекла Кросджея прочь, шепнув, что не следует будить мистера Уитфорда, и предложила повторить состязание в беге, но на этот раз захотела быть в роли гончей, а ему предложила быть зайцем. Кросджей взял великолепный разбег. Но, оглянувшись, он увидел, что мисс Мидлтон бредет без всякого воодушевления и почему-то прижимает левую руку к груди.

«Вот что значит — девчонка», — подумал он с досадой. Ибо он давно уже заметил, что у девочек непременно что-нибудь да случится в самый разгар игры.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Мисс Мидлтон и мистер Вернон Уитфорд

Не удивительно, что прелестная головка, окруженная сияющим нимбом белых цветов, показалась человеку, еще не совсем очнувшемуся от дремы, видением; не удивительно также, что он не спешил расстаться с этой иллюзией даже

и после того, как рассудок вышел из оцепенения и расставил все по местам.

Вернон медлил так долго, что зыбкое видение опаснейшим образом переплелось с реальностью. Объятия Мелюзины никому не сходят безнаказанно — дайте только волю этой фее, и она завладеет всеми вашими помыслами. Только начните с ней заигрывать, и микроскопически малое начнет казаться чудовищно большим. Вернон вскочил на ноги, наступил брови и с решительной миной зашагал по земле, навевшей па него столь диковинные грезы; он хотел разогнать кровь по жилам, дабы живительный ее поток прилил к мозгу.

И вдруг он увидел удаляющиеся фигуры мисс Мидлтон и юного Кросджея — так это был не сон! И все же мысль о фантастическом видении, как ни гнал эту мысль разум, снова и снова стучалась в дверь, требуя, чтобы ее впустили. Фатовство было несвойственно Вернону, и он не придал никакого значения тому, что юная девушка так низко пад ним склонилась, изучая его лицо во время сна; а ведь она и в самом деле похожа па Горное Эхо, только и подумал он. Всякий человек, — мужчина ли, женщина, все равно, — которого застали спящим па открытом воздухе, вызывает к себе любопытство и желание подойти на цыпочках и разглядеть его получше. Известны случаи, когда застигнутого в этом состоянии мужчину подвергали жестокому поцелую; не давая бедняге никаких прав, поцелуй этот лишь томил и терзал его смутным восторгом; рассказывают, что он подчас даже не понимал толком, что же с ним случилось, и так, до конца своих дней, ходил как потерянный. Иное дело — видение; оно ваша личная собственность, вы можете отложить его до времени, а потом на досуге извлечь и любоваться им, сколько захочется, и никто не вправе попрекнуть вас тем, что вы прячете у себя такое сокровище. Оно золотой ключ, открывающий перед вами целые миры неограниченных возможностей. На расстоянии какого-нибудь полушага от действительности оно озаряет ее своим светом, обогащает и смягчает ее. Но, разумеется, предпочитать всю эту фантастику обыкновенным фактам есть первейший признак душевной слабости. Такого рода рассуждением и закопчилась коротенькая фантазмагория Вернона. В его характере была некоторая склонность к фантазерству (у кого из нас, людей мало-мальски порядочных, ее нет?), и, зная это за собой, он не давал своей фантазии воли. Сейчас, впрочем, ему не понадобилось гигантских усилий, чтобы ее подавить, страсть в нем покуда дремала, а тщесла-

вия он был лишен почти начисто. Следует помнить к тому же, что это был неутомимый ходок, а быстрая ходьба — лучшее средство избавиться от тумана в голове и всяческих глупостей. Он это испытал не раз.

В конце парка его нагнал юный Кросджей и, пройдя несколько шагов рядом, в тщетном ожидании расспросов со стороны своего наставника, наконец не выдержал.

— Послушайте, мистер Уитфорд, мисс Мидлтон зачем-то вытирает глаза платком, — выпалил он.

— Что же это значит, брат? — спросил Вернон.

— Не знаю. Вдруг взяла и села на землю. То ли дело — мальчишки! Вот смотрите — идет сюда как ни в чем не бывало, а ведь я своими глазами видел, как она схватилась за сердце!

Клара на ходу, в знак протеста, покачала головой.

— Я совершенно здорова, — сказала она, подойдя. — Я так и поняла, для чего Кросджей побежал к вам; бестолковый мальчишка, зачем только он сует нос, куда не надо? Просто я устала и присела на минутку отдохнуть.

Кросджей украдкой покосился на ее веки. Вернон спросил, глядя в сторону:

— Не хотите ли пройтись? Или вы устали?

— Отчего же? Я уже отдохнула.

— Как пойдём — быстро или медленно?

— Как вы, так и я.

Уитфорд зашагал своим широким шагом, заставляя юного Кросджея на каждый свой шаг делать два; Клара же без труда шла вровень с ним, и он мысленно посетовал, что изю всех девушек на свете именно ей предназначено сделаться светской дамой.

— Не бойтесь, я не устану, — сказала она в ответ на его взгляд.

— Вы мне напоминаете маленьких пьемонтских стрелков в походе.

— Я видела, как они приближались к озеру Комо по дороге из Милана.

— Они могут пройти очень много по ровной местности. Для гор требуется другой шаг.

— Да, я бы не рискнула подыматься в горы вприпрыжку.

— В горах быстро рассеивается романтическое представление о них.

— Вы хотите сказать, что наши пышные мечты должны уступить место упорству — только тогда достигнешь верши-

ны? Понимаю. Я согласна. Я готова на все — лишь бы годилась!

— Да! Идти вперед, упорно и не спеша, не растрчивая при этом первоначального пыла,— вот и вся наука в любом деле.

— Для тех, у кого в жизни есть цель.

— Она есть у каждого.

— И у того, кто в тюрьме?

— У него — больше, чем у кого бы то ни было.

О, невежда! А жены, вступившие в брак без любви? Какую цель могут ставить себе эти злополучные узницы? Позор и ужас обволакивают их саваном, и сквозь складки этого савана багряным румянцем просвечивают еще более тяжкий позор и ужас.

— Вернемся к вашим горам, мистер Уитфорд,— сказала мисс Мидлтон почти сердито.— Узники жаждут смерти, но вряд ли это можно назвать целью.

— А почему бы узникам не стремиться к свободе?

— При тиране она невозможна.

— Положим, что так. Но ведь и тиран умирает.

— Да, и тогда раскрываются ворота тюрьмы и оттуда выползают скелеты. Но зачем говорить о скелетах, когда можно говорить о горах? Одно упоминание гор для меня животворно!

— Уверю вас,— начал Вернон с жаром, как бывает, когда человека вдруг прорвет и он делится своим самым заветным,— уверю вас, я уже давно понял, что в Альпах вы чувствовали бы себя как дома! Вы бы шагали среди них и взбирались на их вершины так же легко, как танцуете.

Ей нравилось, что разговор идет о Кларе Мидлтон, что о ней, оказывается, думали, и даже «давно». И, подарив его приветливым взглядом, не замечая, что и он весь загорелся, она сказала:

— Когда я вас слушаю, мне начинает казаться, будто мы с вами вот-вот начнем восхождение.

— Как бы это было хорошо! — воскликнул он.

— Мы можем осуществить нашу мечту, хотя бы на словах.

— Ну что ж — начнем!

— Ах! — вырвалось у Клары. Сердце ее так и подскочило от восторга.

— Какую же гору мы изберем? — самым серьезным тоном спросил Вернон.

Мисс Мидлтон предложила для начала избрать небольшое предгорье, посильное для женщины. «А затем,— сказала она,— если я выдержу это испытание, споткнувшись не больше двух раз и не больше десяти раз спрошу, много ли осталось до вершины, вы поведете меня на какого-нибудь гиганта».

Поднявшись на две-три вершины швейцарских и штирийских гор средней высоты, они обосновались в Южном Тироле — молодая путешественница пожелала свои первые серьезные восхождения совершить посреди итальянской природы. Мистер Уитфорд в душе сочувствовал такому предпочтению.

— Впрочем, вы больше французенка, чем итальянка,— прибавил он неожиданно и в ответ на высказанную ею надежду, что она все же больше всего — англичанка, протянул: — Англичанка... ну да, разумеется...

Она спросила, почему он как бы не уверен в этом.

— Видите ли,— ответил он,— в вас очень много французского: французская форма ступни, острота ума, нетерпеливость и,— здесь он понизил голос,— чисто французское обаяние.

— И любовь к комплиментам?

— Возможно. Впрочем, я не намеревался их делать.

— И склонность к мятежу?

— Во всяком случае — к неповиновению властям.

— Странную, однако, вы даете мне рекомендацию!

— Зато настоящую.

— Вы считаете, что человек с такой рекомендацией может быть прият в товарищи для восхождения на Альпы?

— Он может быть отличным товарищем — в любом деле.

— Одного он все же не может — это служить украшением гостиной! — с сокрушенным вздохом произнесла Клара.

Если б мистер Уитфорд проявил желание развивать эту тему дальше, она бы с восторгом его поддержала; так долго была она обречена на копание в самой себе, что возможность взглянуть на себя со стороны была для нее сущим праздником. Но в разговоре наступила пауза, Клара не решалась его возобновить, а Уитфорд, определив ее как иностранку, был, по-видимому, вполне удовлетворен результатом своих изысканий. Праздник кончился. На короткий срок ей удалось забыть о сэре Уиллоби. Теперь она вновь о нем вспомнила.

— Мистер Уитфорд, вы знали мисс Дарэм? — спросила она.

Он ответил односложно:

— Знал.

— Она была...?

Горячий вопрос рвался наружу, но так и остался недосказанным.

— Очень хороша, — сказал Вернон.

— Похожа на англичанку?

— О да. Из породы стремительных англичанок, знаете? С блеском.

— Очень смелая?

— Пожалуй, у нее была своего рода смелость.

— Но ведь она поступила дурно.

— Не спорю. Она нашла более подходящего для себя человека, и, к счастью, не слишком поздно. Мы все во власти...

— Но ведь она недостойна никакого снисхождения.

— Этого я не стал бы утверждать ни о ком.

— Но вы согласны, что она поступила дурно?

— Быть может. Впрочем, она исправила собственную ошибку. Если бы она не спохватилась вовремя, она совершила бы еще большую ошибку.

— Но способ...

— Да, он был нехорош — насколько мы можем судить. Впрочем, свет не вправе ее порицать. Людям подчас случается начать с ложного шага. Я бы не стал придавать этому слишком большого значения.

— Как вы сказали: мы все во власти... чего?

— Случайных влечений, своей природы. Ну, да не мне читать лекции на эту тему. Молодая девушка для меня явление загадочное. Казалось бы, инстинкт подсказывает, кто ей подходит, кто — нет, и — при наличии известного мужества — она выбирает себе друга по сердцу.

— И ей не следует задумываться о том, что она, быть может, причиняет боль другому? — спросила мисс Мидлтон.

— Почему не задумываться? Задумываться никогда не мешает.

— Но нарушить слово!

— Хорошо, как девушка чувствует себя в состоянии его сдерживать. А если нет?

— А жестокость, страдание, которое она причиняет другому?

— Если бы девушка, с которой я был помолвлен, объявила мне, что вынуждена взять свое слово назад, я — правда, я говорю о том, чего не испытал, — но мне кажется, что я не стал бы обвинять ее в жестокости.

— Но девушка, способная на такой поступок, должно быть, небольшая потеря для мужчины.

— Я не стал бы винить ее в жестокости, и вот почему: ведь, прежде чем прийти к окончательному решению, девушка, наверное же, давала понять своему... словом, человеку, с которым была обручена... что такое решение в ней зреет. Я считаю, что помолвки следует заключать незадолго до бракосочетания — одной-двух недель довольно, чтобы сделать все необходимые приготовления и известить всех, кого это может касаться.

— А если человек так полон собой, что не замечает знаков, о которых вы говорите?

Вернон промолчал, и мисс Мидлтон поспешно прибавила:

— Все равно, это жестоко. Свет именно так и смотрит на подобные поступки. Ведь они — проявление непостоянства.

— В том случае, если жених и невеста знали друг друга достаточно хорошо до своей помолвки.

— Вам не кажется, что вы чересчур терпимы?

Вернон ответил легко и непринужденно:

— Иной раз целесообразнее судить по результатам; оставим суровость историку, которого профессия обязывает быть моралистом, не делая скидки на человеческую слабость. Особа, о которой идет речь, возможно, и достойна осуждения, но ничье сердце не было разбито, а в итоге все в выигрыше: вместо двух несчастных — четверо счастливых.

На его лице было написано упорное благодушие, он как бы призывал ее подтвердить правильность его суда по результатам, и она кивнула и дрогнувшим голосом повторила: «Четверо».

С этой минуты — до той, когда к их ногам, на поросшую травой аллею, внезапно обрушился с дерева юный Кросджей, — она чувствовала, что с таким же успехом могла бы шествовать одна по пустыне — общество спутника не доставляло ей больше ни малейшего удовольствия. Клара и Вернон помогли подняться ошеломленному своим падением юнцу. Из губ его сочилась кровь, а все лицо походило на освежавного ужа.

Оказание первой помощи общему любимцу необычайно сблизило их. Природная доброта помогла Кларе превозмочь девичью застенчивость, и они вели мальчика, поддерживая его с обеих сторон, словно врач и сестра милосердия.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Первый рывок на свободу

Беда, приключившаяся с Кросджем, указывала на то, что мальчишка был обезьяной всего лишь наполовину. Вернон так это и объяснил мисс Дейл, прибывшей в Большой дом незадолго до того, как туда привели пострадавшего.

— Это еще что за новости? — воскликнула она, увидев его.

— Всего лишь продолжение старого, — ответил Вернон. — Он оказался менее цепким, чем положено. Понадеялся, должно быть, по вековой привычке на хвост, забыв, что он у него давно уже упразднен. Ты ведь человек, Кросджей, не правда ли? Настоящий мужчина?

— Еще бы! — пискнул Кросджей старчески дрожащим голосом и скривил рот в улыбку, которая до глубины души прозвизжала сердобольных дам.

Мисс Дейл приняла пострадавшего в свои руки.

— Вы впадаете в другую крайность, — заметила она Вернону.

— Не кажется ли вам, что некоторая суровость все же для него здоровее, чем чрезмерное баловство? — вставила было мисс Мидлтон и, не получив ответа, подумала про себя: «В глазах этой дамы все, что ни делает Уилоби, — хорошо!»

Вечером, когда сэр Уилоби подсел к мисс Дейл, это ее впечатление укрепилось еще больше: Кларе никогда не доводилось видеть его в таком ударе. Изящное остроумие обоих, их смех, легкое подтрунивание друг над другом, великолепные глаза мисс Дейл, изысканно-благородные жесты сэра Уилоби — все это привлекло общее внимание. Это был турнир двух опытных фехтовальщиков, в котором искусство одного лишь оттеняло мастерство другого. Сэр Уилоби поставил себе задачу вызвать у Клары восхищение. В чем, в чем, а в тупости его упрекнуть было нельзя. Как бы ни наслаждался он этим турниром, — а он, конечно, им наслаждался, иначе он не мог бы участвовать в нем с таким успехом, — была у него еще и особая цель: показать, каким блестящим партнером он способен быть для той, что оценит его по достоинству. Демонстрация эта продолжалась три дня кряду.

Однажды Кларе даже почудилось, будто в ней сладко шевельнулась змея ревности. Но, обшарив все закоулки своего

ума и сердца, она не нашла и следа этого пресмыкающегося. Увы, оно было лишь в мечтах — в этом альбоме, куда юноши и девушки вносят свои заметки, подчас не имеющие ни малейшего отношения к двум книгам более вулканического свойства: Книге Разума и Книге Сердца. В ревности Клара нашла бы облегчение, пусть бы оно даже исходило от лукавого. И она припылась анализировать это чувство, пытаясь уверить себя, что его испытывает; но тут же невольно рассмеялась — тем смехом, каким смеются иной раз на скверном театральном представлении, когда веселье вызвано не искусной игрой актеров, а неуклюжей театральной механикой.

Разговор с Верноном поверг ее в глубокое уныние. Слово «четыре» преследовало ее воображение. *Четверо счастливых вместо двух несчастных*. Так он сказал, считая ее одной из этих четверых; так оно и будет, подумала она, и ей следует убедить себя, что она и в самом деле счастлива, ибо Вернон не только не был способен понять ее душевное состояние, но ему и в голову не приходила мысль об истинном положении вещей. Да и как, по справедливости говоря, можно было предположить такое?

Мучительное чувство отчужденности, в которое ее повергла необходимость жить со своей тайной среди благодушных, ничего не подозревающих людей, угнетало ее несказанно. Ее обуяла нетерпеливая жажда избавиться от этой тайны, подчиниться светским требованиям, отказаться от мятежа, сделаться доверчивой и покорной.

С приездом мисс Дейл задача эта уже не казалась ей непосильной. Сэр Уиллоби реже преследовал ее своей нежностью, обращение его сделалось более официальным. Он больше оставлял ее в покое, не оскорблял ее девичьего целомудрия, и поскольку — как она себе говорила — до нее никому не было дела, она стала присматриваться к мисс Дейл, которая ей ставилась в пример, и даже пыталась немного подражать ее искусству вести светскую беседу. А с тех пор как Клара увидела сэра Уиллоби в обществе мисс Дейл, она и сама несколько оживилась. Всякий раз, когда она думала о свободе, у нее возникало представление о высокой тюремной стене; она не чувствовала себя в силах предпринять отчаянную попытку вскарабкаться на нее без посторонней помощи и спрыгнуть на другую сторону. А коли так, рассуждала она, коли она такое ничтожество, пора оставить мечты и напрасные надежды, пора смириться со своей долей, и не только

смириться, но и принять ее всей душой. К тому же никому ведь до нее нет дела.

Сэр Уиллоби был доволен: он добился своего. Напускное оживление Клары лишней раз подтверждало, что он прекрасно знает женщин, и он не слишком огорчился тем, что Клара не могла поддерживать в себе это оживление подолгу. Последнее время его смущал ее взгляд — уж очень строгий и ясный, и ему было приятно убедиться, что есть область, в которой его превосходство над нею неоспоримо. Его радовали и самые ее усилия, и безуспешность их.

Вскоре, однако, она была вынуждена отказаться от этих усилий. Слишком тяжким было бремя, которое он на нее возложил; наигранное чувство, рожденное подражанием, никак не уживалось с естественными движениями души. У нее даже мелькнула надежда, что теперь, когда сэр Уиллоби видит их рядом, у него наконец откроются глаза и он убедится, что только в мисс Дейл обретет он подругу, в самом деле достойную его; да, да, конечно, же, он должен увидеть, насколько больше ему подходит блестяще одаренная и преданная ему мисс Дейл, чем такое холодное и неотзывчивое существо, как она, — не может быть, чтобы после такого сравнения он не оцепил мисс Дейл по достоинству! Как ни призрачна была эта надежда, Клара думала о ней с таким упорством, что почти уверовала в возможность ее осуществления. В качестве увертюры к действию Клара погрузилась в бездну самоуничижения — такую глубокую, что заподозрить ее в неискренности было бы грешно. И все же самоуничижение ее было в большой мере надуманным. Душа наша в молодости — огонь, разведенный на зыбком плавуне, драгоценный сплав, не остывший и еще не отлитый в форму. Гораздо более искренним чувством была жалость к Летиции, в нем было меньше посторонних примесей; впрочем, самоуничижение Клары имело под собой довольно реальную почву, ибо последнее время бедняжка и в самом деле совсем не блистала, с трудом поддерживая даже самый обыкновенный разговор. Она не находила в себе ни смелости, ни остроумия, ни прилежания — ничего, кроме недовольства жизнью и собой, которое точило ее, как ржавчина; и она дошла до того, что каким-то необъяснимым образом умудрялась искренне жалеть уже не себя, а того, кто связал себя с нею словом. Не следует, однако, думать — хоть жалость к сэру Уиллоби до некоторой степени и отвечала ее интересам, — будто Клара вызвала это чувство в себе нарочно, по каким-либо такти-

ческим соображениям. Нет, просто она попала в тиски, у нее больше не было ни личности, ни собственных мыслей, она была во власти минуты и настроения этой минуты. Бессознательно, с одного взгляда угадывала она, чем могло быть ей полезным то или иное явление. Юные души, столь, казалось бы, не искушенные в науке лицемерия, если их довести до отчаяния, могут кое-чему научить и верховных жрецов этой науки.

«Ведь Уилоби мог бы быть счастлив,— говорила она себе и прибавляла: — А заодно и я обрела бы свободу!» Но все же не это было ее первой мыслью. Она действительно желала счастья сэру Уилоби в первую голову ради него самого, но — что делать? — это альтруистическое желание уносило ее далеко, в тихую долину среди Тирольских гор, где, сверкая камешками, журчал ручеек и со дна его, смутно виднеясь, в печном виптообразном движении, стройными колонами поднимались прозрачные полчища, то голубые, как топаз, то — в глубинах — зеленые, как изумруд; туда, где можно было забыть о брачных подружках, требующих ответа на свои письма. Там, в этой долине, ожидает ее — как только она свершит свой отчаянный прыжок через тюремную стену — Свобода, там можно предаваться безмятежному созерцанию гор, освещенных солнцем и испещренных тенями от сосен, растущих по их склонам. И теперь, когда она уже сделала Свободу своим жилищем и мысленно в нем поселилась, ее забота о счастье сэра Уилоби представлялась ей такой бескорыстной и чистой, что она была готова хоть сейчас завести с ним разговор на эту тему.

Случай не заставил себя ждать: сэр Уилоби сам дал повод к такому разговору. Каждое утро после завтрака мисс Дейл имела обыкновение наведываться к отцу. На этот раз сэр Уилоби и мисс Мидлтон вызвались проводить ее до пруда. Все трое шли и восхищались березами, осинами, тополями и буками, только что нарядившимися в весеннюю зелень. Любимым деревом мисс Дейл была осина, мисс Мидлтон предпочитала бук, а сэр Уилоби — березу; каждый произнес похвальное слово своему любимцу, причем краспоречивее всех оказалась мисс Дейл. Победа ее была столь очевидна, что сэр Уилоби, после того как они с ней расстались, процитировав одно из ее выражений, сказал:

— Я не сомневаюсь, что если бы завтра весь парк был сметен ураганом, Летиция Дейл могла бы его восстановить целиком, а уж осины свои на северном берегу пруда она рас-

садила бы по местам, не забыв ни единого деревца, и даже если бы ей пришлось уехать и поселиться где-нибудь вдали от Паттерн-холла, я уверен, что она унесла бы в памяти точнейший план моего парка.

— Но зачем ей селиться вдали от него? — спросила Клара, и сердце ее сильно застучало.

— Вот и я твержу ей: зачем? — сказал сэр Уилоби. — Вы совершенно правы, ей незачем отсюда уезжать. Настоящая жизнь, — я имею в виду жизнь в деревне, где надеюсь проводить большую часть времени, ибо в городе не жизнь, а сплошное колдовращение, — итак, настоящая жизнь, по моему мнению, заключается в том, чтобы иметь под боком близких нам по духу друзей; а надобно сказать, что всякий раз, как я пачинаю немного скучать в родных палестинах, мне довольно самой короткой беседы с мисс Дейл, чтобы вновь ощутить всю их прелесть. Один такой разговор стоит двух месяцев, проведенных на континенте. Это неисчерпаемый источник воодушевления. Как хорошо иметь возле себя человека с развитым вкусом, с которым можно говорить обо всем на свете! Повторяю — живя бок о бок с таким другом, как Летиция Дейл, можно прекрасно обойтись без столицы. Покойная матушка ценила ее чрезвычайно высоко.

— Но ведь ей незачем уезжать отсюда, Уилоби.

— Разумеется, незачем. Как же я рад, любовь моя, что она пригласила вас по душе! Здоровье ее отца весьма зыбко. Вековать одной в коттедже — для этого она еще слишком молода.

— А что ваш проект?

— Старина Вернон немислимый чудак.

— Он отказался?

— Я даже не заикнулся ему об этом! Представляю себе, как бы он меня отбрил, если бы я отважился затеять с ним этот разговор!

— Вы, верно, не отдаете себе в этом отчета, но в вашем присутствии ему трудно привлечь ее внимание.

— Бедвяга никак не овладет искусством поддерживать разговор с дамами.

— Вам не кажется, что всякий джентльмен ступешался бы на его месте, почувствовав, что его затмевает чужой блеск?

— Душа моя, да он просто понятия не имеет, как следует говорить с дамами.

— И я его за это очень уважаю.

— Как вы сказали — блеск? Я знаю только один источник света, который озарит мой путь!

Поклон и легкое пожатие руки, сопровождавшие эти слова, не позволяли сомневаться, о каком источнике света шла речь.

— Мало того что он не владеет языком, на котором говорят с дамами, — а, на мой взгляд, всякий образованный мужчина обязан им владеть, — продолжал сэр Уилоби, — он совершенно не умеет использовать свои преимущества. Вот уже четыре дня, как он живет под одной кровлей с мисс Дейл, а отношения между ними не продвинулись ни на шаг. Хотите знать — отчего? Извольте, я скажу вам: недостаток темперамента. Старина Вернон, разумеется, весьма ученый малый, но при всем том он... рыба. Положим, у него свои причины бояться брака, но все равно он рыба.

— Следовательно, вы примирились с тем, что он вас покидает?

— Ложная тревога! Старина Вернон не способен на столь решительный шаг.

— Но если мистер Оксфорд... Уитфорд... Ах, ваши лебеди плывут сюда! Смотрите, какой у них негодующий вид! Как они красивы! Я хотела сказать — быть может, мужчина, когда он видит, что женщина явно отдает предпочтение другому, чувствует себя обескураженным?

Сэр Уилоби так и замер от внезапно осенившей его догадки. Хоть слово «ревность» и не было произнесено, он понял, к чему kloшила Клара. Внутренне улыбаясь, он сказал — и тон его не оставлял места для сомнений!

— Быть может, некоторые юные девы тоже чувствуют себя «обескураженными», а? Немножко? Я, кажется, чересчур далеко зашел? Но ведь это же такая давняя дружба! Это как старая перчатка: раз — и натянулась на руку! Там, где существует естественная гармония, нет места разладу. И малейшее препятствие на пути этой дружбы тотчас внесло бы разлад. Милая моя! Какое вы еще дитя!

В своей ипосказательной речи, построенной с похвальной туманностью, за которую Клара в душе была ему благодарна, он коснулся той самой темы, на которую ей хотелось завести разговор, и — как ей того хотелось — не называя вещей своими именами.

— Нет, нет, уверяю вас, другие — может быть, но я — никогда! — воскликнула она к вящему восторгу своего собеседника. — Право, Уилоби, здесь совсем не то, — уверяла

она. — Я в жизни не испытывала ничего похожего на чувство, которое вы имеете в виду. Я ни на минуту не могу себе представить, будто имею какие-либо права на другого человека, я не допускаю, чтобы люди считали себя связанными словом, если между нами нет полного — полнейшего — во всем согласия. Поэтому чувство, на которое вы намекаете, для меня немислимо — непостижимо, как вы однажды выразились, говоря о поведении Окс... Уитфорда.

Сэр Уиллоби не пропустил эту оговорку мимо ушей.

Исполненный горделивого восторга, он громко расхохотался. «Окс-Уитфорд» — да ведь это же точный портрет старины Вернона в гостиниой! Он и в самом деле «окс» — сущий бык! ¹

Очевидно, Клара, как это сплошь и рядом случается с неопытными девицами по отношению к друзьям своего суженого, несколько переоценивала достоинства Вернона, растрачивая впустую то, что принадлежало по праву одному ему, Уиллоби, или, выражаясь высоким стилем, преклоняя колена перед идолами, расставленными на пути к храму, к тому самому храму, в который ей следовало нести свой религиозный пыл нерастраченным. Ну, да это пройдет, тут единственный лекарь — смех.

Что касается другого — ее ревности, он и слышать о ней больше не желал. Клара задета, в девушке уязвлена женщина, и прекрасно. Слабые попытки Клары продолжать разговор на эту тему разбиты об уклончивые ответы Уиллоби. Клара была готова откусить себе язык за свою вторичную оговорку при произнесении имени Уитфорда; именно оттого, что она была в душе невинна, она не понимала, как могло случиться, что она так глупо споткнулась на его имени.

— Вы оба знаете ботанические наименования этих полевых цветов, — сказала она.

— Кто — оба? — спросил он.

— Вы и мисс Дейл.

Сэр Уиллоби пожал плечами. Это становилось забавным.

— Я знаю только одну женщину на свете, которая достойна украсить мое ландо, — только Клару, только мою Клару!

— Какое ландо? Где?

— В Лондоне, моя дорогая, в Лондоне, где мы будем проводить по два месяца в году. Там я разъезжаю в ландо и

¹ Окс (ox) — бык (англ.).

смею вас уверить, мой экипаж произведет настоящий фурор. У старины де Крея глаза на лоб полезут, когда он его увидит.

Клара вздохнула. Никакими силами не удавалось ей хотя бы намеком навести разговор на пужную тему.

И вдруг она поняла, что чуть не упустила такую возможность; слегка зарумянившись, оттого что ей приходится наконец произнести это неприятное слово, она спросила:

— Вы имеете в виду зависть, Уиллоби? Вы хотите сказать, что лондонцы будут вам завидовать? И полковник де Крей? Как это странно! Зависть и ревность — вот чувства, которых мне никогда не попятъ.

Сэр Уиллоби развел руками: «Ну, конечно», всей своей мимикой давая понять, что это ее заявление он не ставит ни во что.

— Нет, Уиллоби, не смейтесь, мне они в самом деле недоступны.

— Разумеется.

Вот он и попался в ее ловушку! И притом ему все еще продолжало казаться, что это он исследует анатомию женской души.

— Хотите, я вам докажу? Послушайте... Я настолько лишена этого чувства, что если бы вы ко мне пришли и сказали, — и, право же, я ничего бы в этом не нашла удивительного! — сказали, что мисс Дейл, как вы убедились, больше соответствует вам по своему складу, чем я, — а я, как мне кажется, подхожу вам очень мало, а вернее... если уж говорить начистоту, — совсем не подхожу... если бы вы мне так сказали... — только поверьте мне, прошу вас, Уиллоби!.. — я бы тотчас вернула вам свободу! Право! И я всюду говорила бы о вас с искренним восхищением. Ах, Уиллоби, поверьте, никто не отзывался бы о вас лучше, чем я, — и в частном разговоре, и в обществе, ибо в моих глазах вы остались бы самым честным, самым правдивым и благородным джентльменом, какого мне доводилось знать! Никто, — я осмеливаюсь это утверждать, даже она не могла бы восхищаться вами больше, чем я. Нет, нет, сама мисс Дейл не так бы вас превозносила, как я!

У Клары захватило дух от этого ее первого рывка на свободу; она как бы распалась на две части — на рассудок и нервы, и обе половинки билась друг о друга, оглушая ее своим кимвальным звоном; она была ошеломлена количеством мыслей, которые ей хотелось высказать, и необходимостью выбрать из них те, что вернее бы на него подейство-

вали. Короче говоря, на самый непредвзятый взгляд она являла собой олицетворение женской ревности.

Он увидел, что и в самом деле зашел слишком далеко.

— Позвольте же мне устранить...

Подыскивая нужные слова, он пытался успокоить ее глосом и прикосновением руки.

— Позвольте же мне стереть эти пятнышки, величиною с булавочную головку, которые вам угодно было столь чудовищно преувеличить. Моя дорогая Клара! Клянусь вам честью, а я, надо сказать, не бросаюсь этим словом, ибо привык к тому, что моего простого слова достаточно, что люди верят моим заявлениям, заверениям и поручительствам... Итак, милое мое дитя, клянусь честью, что для ваших подозрений не только нет никаких оснований, но заверяю вас самым решительным образом — вы пребываете в совершеннейшем заблуждении. Заметьте, я не говорю о чувствах, какие питает она — в них, насколько мне известно, я виновинен и поэтому за них не в ответе. Мне, так сказать, официально ничего о них не известно. Мне о них никто не объявлял, я не должен даже подозревать о их существовании, иначе я рискую прослыть невозможным фатом. Что касается меня самого... клянусь честью, Клара... я буду откровенен, даже немного груб, быть может, — а вы знаете, как мне это завистно! — так вот, я не мог бы, повторяю, никогда не мог жениться на Летиции Дейл! Запомните это. Ни лесть, — кто из нас на нее не падок! — ни любые другие обстоятельства на свете не вынудили бы меня на такой шаг. Как мы мною ни восхищались! Мы с ней — отличные друзья, и только, и никогда не станем друг для друга чем-либо большим. Когда вы видите нас вместе, вас может ввести в заблуждение созвучность наших умов. Она женщина редких дарований, и я откровенно ею восхищаюсь. Временами, признаюсь, для своего рода умственной гимнастики мне требуется общество человека, подобного мисс Дейл. Ей обязан я тем редкостным наслаждением, о котором многие не имеют и понятия и которое очень немногим дано испытать, — наслаждением, какое бывает у исполнителей дуэта. Да, я многим обязан мисс Дейл, она вызывает у меня глубокую признательность. Не стану скрывать — чувство живейшей дружбы связывает меня с мисс Дейл, — и тем не менее, если моей милой — хоть на столечко, на толщину реснички! — неприятен вид мисс Дейл... то... то...

И мановением руки сэр Уилоби отбросил мисс Дейл куда-то далеко, туда, где царили мрак и безлюдие.

Клара опустила глаза, чтобы скрыть сверкнувшую в них молнию ярости, свое немое возмущение Эгонистом.

Впрочем, разговор этот она завела не для того, чтобы вступить за права мисс Дейл или страждущего человечества.

— Ах! — произнесла она, чтобы заполнить паузу и не дать разговору заглухнуть.

— Ах, ах! — нежно поддразнил он ее. — И тем не менее это так! Моя Клара прекрасно знает, что мне требуется молодость, здоровье, красота и кое-какие другие, не поддающиеся определению качества, соответствующие положению той, что предстоит возглавить мой дом и носить мое имя! Но что говорит мое второе, мое лучшее «я»? Конечно же, вы мое лучшее «я». Не спорьте, любовь моя, так оно и есть! Только поймите правильно мою натуру, и тогда...

— Но ведь я ее давно поняла! — перебила Клара. — Я была бы просто слабоумной, если бы за этот срок не поняла, что вы собой представляете. Позвольте мне заверить вас, что я прекрасно вас понимаю. Выслушайте меня! Всего лишь одну минуту! В глазах мисс Дейл я самая счастливая женщина на свете. Ах, Уилоби, если бы я обладала ее сердцем и умом, я бы, верно, и на самом деле ощущала себя счастливейшей из счастливых. Я хочу... Только выслушайте меня, выслушайте до конца! Я хочу, я жажду, я молюсь о том, чтобы уступить ей свое место. Она ценит вас по достоинству, а я нет. Да, к стыду своему, я не ценю вас, как должно. Она преклоняется перед вами, а я — нет, я не могу преклоняться. Вы для нее — солнце, вот уже много лет озаряющее ее жизнь. В любви загадочно все — и почему мы любим, и почему мы не можем полюбить тех, кто... словом, тех, кого нам следовало бы полюбить. Я же вообще не понимаю любви. Видно, мне не дано испытать это чувство. А что мисс Дейл вас любит, это бесспорно. Она высохла от тоски. Любовь к вам, должно быть, и подточила ее здоровье — то самое качество, на котором вы так настаиваете. Но ведь вы же, Уилоби, и могли бы ее исцелить! Путешествие и... и... ваше общество, ах, она бы с вами расцвела! Вы и мисс Дейл — такая прекрасная пара! Она преданна вам безгранично, а я... я не умею преклоняться. Я не могу не замечать ваших недостатков, я вижу их на каждом шагу. Они каждый раз заново удивляют меня и ранят. Вы слишком горды, чтобы слышать о них, тем более от жены. Вы ведь сами меня пре-

достерегали от... то есть... словом, вы говорили что-то в этом духе...

Она чувствовала, что проговорила. Впрочем, ей уже было не до случайных оговорок.

— А если я вам докажу,— начал сэр Уилби,— что все ваши построения зиждутся на ложной основе и что все ваши доводы — не более как результат ошибочного толкования фактов? Вы не правы, поверьте! Я хочу вывести вас из заблуждения. Что с вами? Вы дрожите — вам холодно?

— Нет, мне не холодно,— ответила Клара.— Говорят, так бывает, когда кто-то пройдет по твоей могиле.

На горизонте возник страшный призрак: призрак ласки. Он шел на Клару огромной волной, и гребень ее уже начинал заворачиваться над округлой впадиной могучего вала.

Она быстро склонилась к цветку лютика, и чудовище исчезло.

— По вашей могиле?! — раздалось у нее над головой.— Родная моя, что с вами?

— Я не знала, Уилби, что орхидные водятся так далеко от меловых грунтов!

— Я не чувствую себя достаточно компетентным в столь важном вопросе. Покойная матушка страстно любила цветы. Насколько мне помнится, это она сама рассадит по всему парку растение, о котором вы говорите.

— Ах, если бы она была жива!

— Да, моя Клара, мы получили бы благословение самой достойной женщины на свете.

— Она бы выслушала меня. Она бы поняла, что я хочу сказать.

— Бедная, бедная Клара! — пробормотал он как бы про себя.— Право же, вы заблуждаетесь. Если вам показалось... но повторяю, вы ошибаетесь. Ваши мысли о том, что кто-то другой «подходит» мне,— просто-напросто бред. Предположим, что вы... мне больно это выговорить даже в шутку,— предположим, что вас нет, совсем нет... что вы...

— Что я умерла? — тихо подсказала Клара.

Но сэр Уилби нашел более приемлемую формулировку.

— Даже если бы предположить, что вы перестали существовать для меня,— сказал он.— Представим себе на минуту! Я бы все равно, несмотря на все восхищение, которое испытываю перед мисс Дейл и которое не считаю нужным скрывать, все равно бы не мог,— уверяю вас самым торжественным образом,— я все равно не мог бы предло-

жить ей свою руку! Быть может, это оттого, что я с юных лет привык смотреть на нее как на друга, и только друга. Говорят, когда мы вместе, мы как бы выявляем один другого — двойное отражение, что ли...

Она взглянула ему в лицо с тонкой усмешкой: лукавая стрела, пущенная ею, попала в цель!

— Это верно, все это замечают,— подтвердила она.— Да и невозможно не заметить, как вы всякий раз преображаетесь в присутствии мисс Дейл.

— Ай-яй-яй, душа моя,— сказал он, распахивая перед нею чугунную калитку, ведущую в палисадник,— вот мы и опять отдались этому гадкому подозрению.

— Что вы, Уиллоби! Я всегда люблюсь вами обоими. Я люблю видеть вас вместе, мне это доставляет такое же удовольствие, как гармоническое сочетание красок.

— Вот и отлично! Следовательно, все хорошо. Вы часто будете иметь возможность видеть нас вместе. Я, разумеется, привязан к подруге своей юности, но как только вы... стоит лишь вам высказать малейшее неудовольствие, и...

— И — ее нет?

— И ее нет. Как видите, я — ваше эхо. Так будет не только на словах, но и на деле: я буду эхом ваших желаний, чтобы у вас не оставалось и тени сомнения. Она должна будет исчезнуть с нашего горизонта.

— Иначе говоря, вы готовы подписать смертный приговор человеку, который ни в чем не повинен?

— Как это не повинен? Всякий, кто причиняет боль моей невесте, моей жене, моей владычице, причиняет боль и мне, очень, очень сильную боль.

— Следовательно, капризы вашей жены... — Клара даже тихонько притопнула, произнося эти слова, но сердитая ножка увязла в мягкой траве.— Уиллоби, клясться честью могут не одни мужчины,— продолжала она, отказавшись от взятого было ею тона легкой иронии.— Женщины тоже дорожат своей честью, девушки клянутся ею у алтаря. Позвольте мне произнести свою клятву сейчас, ибо то, что я хочу вам сказать,— святая правда: ничто на свете не могло бы меня так обрадовать, как ваш союз с мисс Дейл! Мне нечего к этому прибавить. Скажите же, что освобождаете меня от моего слова!

С вымученной улыбкой смертельно усталого человека, для которого, однако, долг превыше всего, сэр Уиллоби ответил:

— Позвольте мне еще раз повторить, что нет и не может быть таких обстоятельств, при которых я решился бы взять в жены мисс Дейл. Вот, душа моя, какие я вынужден делать признания — смешные, младенчески нелепые! Неужели я должен еще раз напомнить вам, что мы оба связаны словом и что я — человек чести?

— Я это знаю и чувствую. Но отпустите в таком случае вы меня!

Сэр Уилоби жестоко укорял себя в недалёковидности: своей подчеркнутой любезностью к мисс Дейл он преследовал одну, ближайшую цель, упустив из виду все остальное. Он не мог отрицать ни того, что внимание его к мисс Дейл и в самом деле было подчеркнутым, ни того, что оно преследовало определенную цель, и теперь его удручало собственное, столь, казалось бы, несвойственное ему педомыслие, заставившее его потерять всякое чувство меры. Его замысел — пробудить в Клариной душе слепое чудовище ревности — удался слишком хорошо. «Я и не подумал о ней самой», — говорил он себе с искренним раскаянием.

— Отпустите меня, Уилоби! Пожалуйста! — не унималась Клара.

Он предложил ей опереться на его руку.

Прикоснуться к нему — в ту самую минуту, когда она умоляла о расторжении уз, которые их связывают, — казалось Кларе кощунством. Впрочем, если она рассчитывает на уступки с его стороны, ей тоже следовало идти ему навстречу там, где это возможно. И она подала ему руку, стараясь не думать о своих пальцах, заключенных в нежный плен. Сжав их слегка, он сказал:

— Доктор Мидятон в библиотеке. Я вижу, что Вернон занимается с Кросджем в Западной комнате, — он замутил мальчишку. Как это, однако, похоже на старину Вернона: у того еще не успела зажить голова, а он — давай забивать ее своими книжками!

Сэр Уилоби сделал знак юному Кросджею, и тот в одно мгновение выскочил к ним на газон через стеклянную дверь.

— А вы покада поговорите с Верноном об интересующей нас даме, — шепнул сэр Уилоби Кларе. — Употребите все ваше влияние от имени нас обоих! Дайте ему понять, что за деньгами дело не станет; жилье и ежегодный доход будут обеспечены. Вы, должно быть, не приняли всерьез мои слова, когда я вас просил поговорить с Верноном первый раз. Между тем я тогда был настроен так же решитель-

но, как и теперь. Мисс Дейл я беру на себя. Конечно, они не должны венчаться в наш день, но в любой другой — пожалуйста! Раньше ли, позже ли, мне безразлично, и я готов сделать все, чтобы способствовать их союзу. Лучшего доказательства того, что вы не правы, пожалуй, нельзя представить, и хоть я знаю, что женщины не отказываются от своих заблуждений даже после того, как убедятся в полной их неосновательности, я все же уповаю на ваш здравый смысл.

Вернон стоял в дверях и посторонился, чтобы ее пропустить. Сэр Уилоби тихонько ее подтолкнул. Она нагнула голову, словно это был вход в пещеру. Все чувства ее были в оцепенении, и когда сэр Уилоби закрыл за ними дверь, у нее в голове не было ни одной мысли, кроме нелепой заботы — как бы не назвать мистера Уитфорда мистером Оксфордом.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Сэр Уилоби и Легиция

«Мисс Дейл я беру на себя».

Сэр Уилоби не забыл своего обещания. Поиграв с юным Кросджем, он усладил его и погрузился в размышления. В такой позе обычно изображаются на памятниках государственные мужи, погибшие на посту.

В главе сто четвертой тринадцатого тома Книги Эгоизма значится: «Обладание, не налагающее обязательств по отношению к той, которою обладаешь, есть состояние, близкое к блаженству».

Обладание на подобных условиях встречается весьма редко. Землею, например, нельзя владеть без обязательств как перед нею самой, так и перед сборщиком налогов; обладание красивой одеждой налагает множество обязательств; обладание золотом, драгоценными камнями, произведениями искусства и великолепной мебелью — сущие вериги; обладание женой налагает неисчислимые обязательства. Во всех названных случаях обладание — это синоним рабства, а блаженство, которое оно доставляет, — блаженство пьяного илота. Как бы ни опьянялась наша душа гордой радостью обладания, она все равно закрепощена.

Есть, однако, вид обладания, наиболее из всех совершенный, при котором мы не теряем свободы, не несем никаких обязательств, а, напротив, все время что-то получаем и ничего не даем взамен, или если уж даем, то самую малость, какую-то ничтожную частицу себя, в виде — да простит нам читатель такую метафору! — отходов, испарений или, если угодно, излучений, — словом, в виде не подлежащих контролю щедрот, выделяемых порами души, благодаря чему даже самый процесс отдачи оказывается благотворным для нашего организма. Счастье подобного обладания дано испытывать тому, кто владеет сердцем беззаветно преданной женщины.

Наделенная душой мягкой как воск, эта милая язычница чаще всего пребывает распростертой ниц перед своим кумиром. Ей ничего от вас не нужно — будьте лишь, не переставая, ее солнцем, тем более что это вполне отвечает запросам собственной вашей натуры. Итак, союз идеальный: она одухотворяет вашу материальную сущность, с одной стороны, и придает материальность парению вашего духа — с другой. Поистине счастливое сочетание!

Благословение богов почнет на подобном союзе.

Самый вид избранников, увенчанных сим счастливым венцом и ореолом, убеждает нас в этом. Люди, слабые духом, оробели бы перед лестным натиском женского преклонения или считали бы нужным отвечать на него взаимностью — хотя бы частичной, забывая, что чувство не мяч, что если начать им перекидываться, рискуешь расплескать драгоценный нектар поэзии; иные, что совсем недопустимо, привялись бы жалеть своих поклонниц; а то еще вздумали бы перенести священный огонь с одинокого алтаря весталки в свой домашний очаг, дабы согреть им комнатные туфли супружеской привязанности. Нет, не таких венчают боги! Избранники богов и сами походят на богов. Благородные в своей неуязвимости, они оттого и в состоянии удерживать на своем челе возложенный богами венец, что несут его в божественном неведении чувства, которое зародили в чужом сердце.

Но и этих избранников, как мы вскоре убедимся на примере лучшего из них, подстерегает опасность.

В своих отношениях с мисс Дейл сэр Уиллоби Паттерн уже давно достиг состояния, близкого к блаженству. Она принадлежала ему всей душой, он же не был связан с ней ничем. В ней были все достоинства повилки и ни одного

из недостатков этого паразитирующего растения. Она посвятила себя изучению его личности и, сделавшись восторженной толковательницей этой личности, пашла свое истинное призвание; обратясь к пей, наш счастливец, что бы о нем ни вздумали говорить другие, мог всегда рассчитывать на щедрую дозу целительного бальзама. Она проникала в самое святилище его души и приятно щекотала обитательницу этого храма. Он даровал ей это право на манер королей, предоставлявших, как известно, особые привилегии кошкам, которым, хоть и не разрешено заговаривать с их величествами, не возбраняется таращить на них глаза. И в самом деле, никто не станет отрицать, что внимательные круглые глаза этих смиренных созданий прекрасно гармонируют с придворной помпой.

Еще одна цитата из Книги (тот же том): «Всякий отказ, даже добровольный, причиняет боль».

Мысль изысканно тонкая, как, впрочем, и все мысли, призванные охранять святую святых Эгоизма,— и для того чтобы ее как следует усвоить, вам пришлось бы проштудировать целиком все тома Книги, посвященные разделам первому и второму, на что ушли бы лучшие годы вашей жизни — вплоть до глубокой старости; впрочем, быть может, лучше пополнить ее страницы собственными наблюдениями или, напротив, захлопнуть ее и больше к ней не возвращаться. Некий почтенный джентльмен утверждал, будто у него на переносице вырос седой волос, от которого он никак не мог избавиться: только вырвет его, а он опять тут как тут! В конце концов почтенный джентльмен примирился с тем, что у него на переносице растет седой волос, и даже стал им любоваться. Мы не ставим себе задачу выяснить влияние этого волоса на самочувствие и внешность почтенного джентльмена. Здесь существенно другое, а именно: что наш джентльмен умудрился заметить тончайший волосок; должно быть, истина, приведенная нами выше, еще тоньше, ибо вот уже много веков — с того самого дня, как мужчина начал искать себе подругу жизни,— она торчит у человечества между глаз, а оно ее упорно не замечает. Возможно, что почтенный джентльмен был жертвой галлюцинации или оптического обмана, но наша истина имеет вполне реальную основу, и, право, людям не помешало бы поучиться у этого старика его способности к терпеливому созерцанию.

При всей своей готовности — во имя долга и выгоды (сочетание не столь редкое!) — отказаться от мисс Дейл, сэр

Уиллоби Паттерн не мог не задуматься: ведь он не просто выбрасывал ее, так сказать, куда-то в пространство; нет, он кидал ее другому, — а это испытание куда более трудное, чем прежде, когда он просто сбросил ее наземь, на обочину, как испужную ношу, и пошел дальше своей дорогой. Как знать, в объятиях мужа она — и быть может, очень скоро — позабудет того, кому была обязана хранить верность в душе. Пока ее союз с Верноном существовал только в проекте, сэр Уиллоби мог думать о нем спокойно — природное великодушие брало свое. Но при одной мысли, что план этот облечется плотью и кровью, его начинало коробить: меркнул непорочный образ его Летиции.

Тем не менее, если бы только он мог быть уверен, что, несмотря на столь радикальную перемену в образе жизни, дух ее сохранится прежним, он, вероятно, решился бы соединить этих двоих столь необходимых ему людей, ради того чтобы удержать их подле себя, а также — чтобы успокоить невесту. Правда, мысль о такой возможности всякий раз вызывала в нем легкую судорогу презрения к женщине, способной на физическую измену; не удивительно, что он схватился за Книгу, раскрыв ее на той странице, где прекрасный пол заклеимен огненными письмецами и где рассказывается о недостойных уловках затравленного зверька, пытающегося бегством спасти себе жизнь. В этой величайшей из книг женщине нет пощады. Впрочем, закроем ее.

Поскольку написана она главным образом мужчинами, именно мужчины и черпают силы в ее мудрых речениях. Перебрав в уме с полдюжины общезвестных афоризмов, сочиненных в посрамление женщины (и вытравленных на меди, отполированной долгим употреблением), сэр Уиллоби почувствовал, как к нему возвращается бодрость.

При виде поблекших ланит Летиции он испытал новый прилив сил.

Его Клара — и вдруг ревнует к этому бедному, увядшему листку!

Что и говорить, было бы неплохо, если бы его невесте сообщились кое-какие достоинства Летиции. Но это вам не кулинария, и этих двух женщин не смешивай так, чтобы они составили одно целое. Если попытаться варить их в одном котле — что сэр Уиллоби, собственно, и делал, поселив их под одной крышей, — то в результате произойдет еще большее размежевание, усугубление индивидуальных черточек каждой. Другое дело, если б сами они стреми-

лись к совершенству и позаимствовали друг у дружки недостающие им качества! Или, если бы, скажем, некий достаточно просвещенный султан взялся бы на строго научной основе вывести у себя в серале новый вид! Стоит ли, впрочем, задерживаться на безумной мечте, промелькнувшей в голове сэра Уиллоби с молниеносностью экспресса?

Тетушки Изабел и Эленор сидели с мисс Дейл, склонившись над пальцами. Одного быстрого взгляда в сторону мисс Эленор было достаточно. Она поднялась и, бряцая ключами на поясе, дала мисс Изабел понять, что ее призывают хозяйственные хлопоты. Немного выждав для приличия, мисс Изабел столь же плавно исчезла в дверях вслед за нею: в доме царил идеальная дисциплина. Сэр Уиллоби сел и, положив ногу на ногу, принялся барабанить пальцами по колену, отстукивая какой-то мотив.

Летиция почувствовала, что в его молчании кроется нечто значительное.

— Вы расстроены делами? — спросила она.

— Меня не так-то легко расстроить, — отвечал он. — Под «делами» вы разумеете дела государственные или личные?

— Я имела в виду государственные дела.

— Не думаю, чтобы я был меньшим патриотом, чем кто-либо другой, — сказал Уиллоби. — Но я привык к глупости моих соотечественников; к тому же корабль, на котором мы плывем, достаточно добротен. В худшем случае нам грозит повышение цен и налогов; быть может, раздача супа бедным у ворот Большого дома или двух-трех десятков ведер угля да разрешение рубить деревья в дальних рощах. Не забывайте, что я феодал.

— Увы, времена рыцарей в доспехах миновали, — сказала Летиция. — А вместе с ними миновали и замки с подъемными мостами. С тех пор как мы увлеклись внешней торговлей, наш остров утратил свое былое положение.

— Да, независимости мы предпочли торговлю. Ну, да это наш старый с вами спор. Вы мне лучше скажите, что делать с разросшимся населением? Оставим, однако, политику, социологию и всю эту кучу новых варварских понятий. С присущей вам интуицией вы, как всегда, угадали мое состояние. Да, я не то что расстроен, но — несколько обескуражен. У меня столько различных дел, к тому же я подумываю о парламенте, и если Вернон оставит меня,

то я просто не знаю, как со всем управлюсь. Вы слышали о его нелепых мечтаниях? Литературная слава, холостяцкая квартира, дешевые харчевни и тому подобная дребедень.

Летиция слышала о планах Вернона и — так как к литературной славе она относилась иначе, нежели ее собеседник, — покраснела. Затем, устыдившись своего румянца, намурилась.

Сэр Уилоби тотчас галантно к ней склонился.

— Мисс Дейл хмурится? — игриво спросил оп.

— Разве?

— Еще как!

— А сейчас?

— Как туча!

— Ах!

— Улыбнитесь же, чтобы развеять мои сомнения!

— Раз вы этого просите, постараюсь!

Великая грусть объяла сэра Уилоби. На свете не было другой такой женщины, с кем бы он мог так успешно воскрешать изящные манеры придворных дам и кавалеров старой Франции. Нет, он не жаждал возрождения той эпохи, он просто мечтал сохранить для себя небольшой заповедник, куда можно было бы забредать время от времени, когда на него найдет желание блеснуть изяществом своего ума в обществе дамы, способной оценить его по достоинству. Беседы с Летицией дарили ему эту сладостную иллюзию. Да и сама она не была лишена известной грации.

Сохранится ли в ней эта драгоценная способность сознавать его превосходство? До сих пор, на протяжении долгих лет, она умудрилась это сознание сохранить во всей его первоизданной свежести. Но если она выйдет замуж? Как ужасна эта зависимость души от физической природы! Она сделается женой, быть может — матерью!.. В таком случае, говорил трезвый рассудок, многое в ней должно будет перемениться. Сэр Уилоби принадлежал к гордой породе людей, избравших своим лозунгом: «Все — или ничего!» — и прибегающих к этому лозунгу всякий раз, что они вынуждены от чего-либо отказаться. Малейшее изменение для них равносильно кардинальной перемене.

Следовательно, если есть опасность, что брачные узы хотя бы в малой мере могут на нее повлиять и что-нибудь в ней изменить, незачем ей эти узы навязывать, тем более

что она как будто вполне смирилась с положением старой девы.

К тому же он и по сей час не совсем оправился от раны, которую несколько лет назад сам же и нанес своему чувствительному сердцу. Это было на балу, данном в честь его совершеннолетия, когда, движимый благородным порывом, он подвел Вернона к мисс Дейл и соединил их руки для танца. С тех пор — год, два и даже три спустя, — как бы пышно ни справлялся день его рождения, все великолепие торжества меркло в его глазах, стоило ему лишь вспомнить тот памятный день. И наконец, он еще не совсем избавился от алчного влечения решительно ко всем прекрасным представительницам слабого пола; так, в пору своей ранней юности он не мог равнодушно смотреть, когда какая-нибудь красавица, побуждаемая, как ему казалось, преступным легкомыслием, отдавала руку другому и позволяла себя увести. Он приходил в ярость, когда узнавал, что у какой-нибудь дамы, о красоте которой он был наслышан, объявлялся поклонник или — того хуже! — жених. Его объятия были необъятны, но не от безмерной чувственности — отнюдь! Он прекрасно понимал, что, будь он даже магометанин, он не мог бы обладать всеми женщинами на свете. Нет, он был бескорыстно влюблен в девственность и целомудрие — женихи и мужья были пятнами на его солнце. Ему было невыносимо видеть, как чистота приносится в жертву... другому. Что такое женщина, потерявшая свою первозданную свежесть? Помятая слива на лотке торговца фруктами — кто ее купит? О, румянец невинности!

— Повторяю, — продолжал сэр Уиллоби, — теряя Вернона, я лишаюсь правой руки. А насколько я понимаю, дело идет к этому. Если мы не изыщем средства удержать Вернона, я его лишусь. Дорогая моя мисс Дейл, вы меня знаете. Во всяком случае, моего будущего биографа я, не задумываясь, направил бы к вам, — впрочем, в нарисованный вами образ пришлось бы внести небольшой корректив, дополнив его словом «себялюбие» и подчеркнув это слово жирной чертой. Для меня терять кого-либо из моего окружения — сушая мука. И если бы я мог предположить, что моя женитьба хоть сколько-нибудь изменит отношение ко мне моих друзей, мне было бы очень грустно. Зачем, скажите, Вернону покидать приятное и комфортабельное жилище ради грошовой профессии сочинителя? Какая ему в этом выгода? Слово «грошовой», — поправился Уиллоби и

отвесил поклон поэтессе Летиции,— относится, разумеется, лишь к скудности вознаграждения за литературный труд. Ну пусть, пусть он переезжает из Большого дома, если опасается, что появление молодой хозяйки нарушит прежнюю гармонию! Он ведь чудак, хоть и славный малый. Но в таком случае ему следует обзавестись собственным домом. Мой план относительно Вернона — а мужчины, мисс Дейл, да будет вам известно, не меняют своего отношения к старым друзьям и после женитьбы,— итак, мой план, который почти ничего не изменил бы в его образе жизни,— выстроить для него где-нибудь в дальнем конце моего парка маленький поэтический коттедж — на двоих. Я даже присмотрел одно местечко. Но вот в чем вопрос: может ли он жить там один? Мужчины, как я уже говорил, не меняются. Почему-то мы не можем утверждать того же о женщинах!

— Боюсь, что видовое понятие «женщина» заслоняет для вас отдельных жещин.

— Быть может, я и ошибаюсь относительно некой конкретной представительницы названного вида, но именно в силу моего расположения к ней я ощущаю известную тревогу. Подобное малодушие недостойно нас обоих, я знаю, но поймите источник моего страха! Видите ли, человек существо столь несовершенное, что, даже когда речь идет о чистейшей дружбе, ему свойственно испытывать ревность. Вместе с тем я был бы счастлив видеть эту конкретную особу счастливой, благополучной, живущей неподалеку от меня и дарующей мне свое общество. Эту особу я не воспринимаю как видовое понятие, поверьте мне!

— Если вам угодно под этой особой разумеать меня, сэр Уиллоби,— сказала Летиция,— то я ведь не одна: у меня отец.

— Какой жених смирился бы, услышав подобный отказ? Он бы стал молить вас принять его в дом третьим и позволить ему разделить ваши заботы. Впрочем, я, кажется, уговариваю вас вопреки своим интересам. Ведь для меня это означало бы конец!

— Как так?

— Старые друзья так требовательны, так капризны! Нет, разумеется, «конец» — не в буквальном значении этого слова. Но все же, если мой старый друг ко мне переменится, очарованию этой дружбы, всей ее исключительности, пришел бы конец. Не самой дружбе, поймите, но той непо-

вторимой форме, в которую она облечена. А если человек именно к этой форме привык? Или вы презираете понятие «привычка», коль скоро речь идет о чувстве? Но разве человек не раб привычки? А я во всем, что касается области чувств, ужасно малодушен. Я боюсь перемен. Разница в какую-нибудь десятую долю дюйма в привычном взмахе ресниц для меня уже ощутима. Вот до какой нелепости доходит моя впечатлительность! Итак, моя дорогая мисс Дейл, сдаюсь на вашу милость, я весь перед вами, со всеми моими слабостями, ничего не тая — вам, и только вам одной могу я так довериться. Подумайте же, что станет со мною, если мне придется вас потерять! Ах, ну, разумеется, весь этот страх мой вызван собственным моим маловерием! Ни супружество, ни материнство не заставит женщину с сильным характером забыть старого друга. В ее сердце всегда найдется для него уголок. Она может преодолеть, она непременно преодолет более низменные инстинкты. Я всегда полагал, что человеку положено пройти через все фазы существования, и не вижу в этом ничего постыдного, если только они не взимают чрезмерной дани с главного — с духовной нашей сущности. Вы меня понимаете? Я ведь не мастер разглагольствовать на отвлеченные темы.

— Нет, отчего же, вы очень ясно высказались, — сказала Летиция.

— Быть может, я и не очень разбираюсь в психологии, — сказал сэр Уиллоби, задетый ее прохладной похвалой. К мельчайшим градациям тона он был не менее чувствителен, чем к амплитуде колебания ресниц: в нем как бы жила своя, постоянная мелодия, и всякий звук, который не попадал ей в унисон, резал ему ухо, как диссонанс. Носителю подобной мелодии камертона не требуется. — Как здоровье вашего отца? Ему как будто легче эти дни?

— Сегодня утром, когда я его навещала, он ни на что не жаловался. С ним моя кузина Эмилия, она превосходная сиделка.

— Мне кажется, что Вернон ему по душе.

— Он относится к мистеру Уитфорду с величайшим уважением.

— А вы?

— Я тоже.

— Ну что ж, лучшей основы и не надо. Я хотел бы, чтобы самые дорогие моему сердцу друзья начинали именно с этого. Я не очень-то верю в стремительные браки,

закрывающиеся очертя голову!.. Что о них сказать? Красноречивее всего говорит неминуемый их финал! Способности Вернона в самом деле заслуживают уважения. Его беда — застенчивость. Он, вероятно, смущается тем, что не капиталист! Казалось бы, он мог обратиться ко мне. Мой кошелек всегда открыт.

— О да, сэр Уилоби! — сказала Летиция с поодушевлением, ибо он славился своей благотворительностью.

Упившись взглядом, который сопровождал это восклицание, сэр Уилоби продолжал:

— Жалованье Вернона тотчас увеличится соответственно его новому положению. Ах, уж эти мне деньги! Впрочем, так на свете заведено. К счастью, я унаследовал деловую жилку своих предков и не имею склонности к мотовству. А Вернон мог бы достичь в пятьдесят раз большего, если бы с ним рядом был человек, способный оценить его достоинства и глядеть сквозь пальцы на его маленькие слабости. Впрочем, слабости его довольно заметны, даром что маленькие. Он давно уже знает о моем замысле, осуществление которого, однако, могло бы заставить меня пуститься еще в одно кругосветное путешествие, хоть я и домосед по натуре... Пойдите, когда же это началась наша дружба? Помните, мы были еще детьми... давным-давно...

— Мне пошел тридцатый год, — сказала Летиция.

Уязвленный ее бестактностью, — это было все равно как если бы дама (а в истории такие случаи бывали), по рассеянности или в состоянии аффекта, с интимностью, убивающей всякую поэзию, позволила себе снять парик в присутствии друга, — сэр Уилоби отомстил Летиции, дав ей понять, что она и не выглядит моложе своих лет.

— Талант, — произнес он, — не знает морщин.

Нельзя сказать, чтобы это был самый изысканный комплимент, какой ему доводилось произносить. Но ему причинили боль, а сразу оправиться от боли он не умел. Удар был тем чувствительнее, что пришелся в минуту, когда сэр Уилоби пребывал в состоянии душевной разнеженности. Он мог бы и сам прекрасно рассчитать возраст своей подруги. Его расстроило бесстыдство, с каким она о нем объявила. Оно заглушало сочные флейтовые рулады его песни.

Он взглянул на громоздкие золотые часы на камине и предложил прогуляться по газону перед обедом. Летиция собрала свое вышиванье и сложила его в коробку.

— Как правило, — сказал он, — сочинительницы не увлекаются рукоделием.

— Что же, — сказала она, — я готова отказаться, если нужно, либо от пера, либо от иглы, лишь бы не быть исключением из правила.

Сэр Уиллоби вымучил из себя любезный каламбур, назвав ее поистине *исключительной* личностью, но тут же поморщился: в его комплименте, как в случайном аккорде, взятом рассеянной рукой органиста, не было никакого лада. Впрочем, своим замечанием Летиция помогла рассеять некоторые опасения — брак тридцатилетней женщины с его кузеном Верноном уже не представлялся ему такой катастрофой. И теперь, прогуливаясь по газону и поглядывая время от времени на окно, за которым его Клара беседовала с Верноном, он занимался приведением своих чувств в гармонию с планами, рассчитанными на его будущее благоденствие, — этот процесс именуется у музыкантов настройкой: полная гармония еще не достигнута, но близка. Мы ведь не ангелы, у которых цитра всегда настроена в лад небесному хору. Мы простые смертные и достигаем небесной гармонии с трудом, ценою страдания. Какая-то доза страдания была необходима и сэру Уиллоби, хотя бы для того, чтобы оценить благородство собственных намерений. И он почувствовал, как в нем снова шевельнулась нежность к Летиции. «Такая жена была бы незаменима как собеседница», — подумал он. И эту-то незаменимую жену он дарил своему кузену!

Однако, судя по длительности переговоров между его Кларой и Верноном, кузена его приходилось еще уламывать принять этот драгоценный дар!

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Мольба о свободе

Ни Клара, ни Вернон не явились ко второму завтраку. Доктор Мидлтон беседовал с мисс Дейл об античной поэзии с добродушием великана, который с камешка на камешек переносит ребенка через бурный поток и этим вводит в заблуждение непосвященных: те видят, что ребенок благопо-

лучно добрался до берега, и полагают, что он самостоятельно одолел этот трудный брод. Сэр Уиллоби испытывал гордость за Летицию; тем более важным представлялось ему довести задуманное до конца, покуда у него еще не ослабла решимость принести эту жертву. Он рассчитывал покончить все с помощью двух-трех слов, которыми намеревался оглушить Вернона перед обедом. Кларина мольба о свободе, — свободе от него?! — разумеется, ранила его самолюбие. Но главное — она посеяла в его душе смутную тревогу.

Мисс Изабел вышла и через минуту вернулась.

— Они говорят, что не хотят есть, — сказала она.

— Следовательно, можно их не ждать, — сказал сэр Уиллоби.

— Она плакала, — сказала ему мисс Изабел вполголоса.

— Какое ребячество! — произнес он.

Обе тетушки покинули столовую одновременно. Доктор Мидлтон предложил мисс Дейл продолжить в библиотеке разговор, начатый за столом. Сэр Уиллоби возобновил свою прогулку по газону и всякий раз на повороте бросал взгляд на окно Западной комнаты. Наконец нетерпение заставило его заглянуть в самое окно. Комната оказалась пустой.

Клара и Вернон так и не появлялись. Перед самым обедом камеристка мисс Мидлтон объявила тетушкам сэра Уиллоби, что у ее хозяйки разыгралась мигрень и она вынуждена лечь в постель. Юный Кросджей принес от Вернона весточку (несколько запоздалую по причине птичьих гнезд, попадавших на пути гонца), в которой тот сообщал, что отправился пешком к доктору Корпи, и просил не ждать его к обеду.

Сэр Уиллоби послал своей невесте записку, в которой выражал ей соболезнование. Ему было трудно сосредоточиться на привычных темах разговора. Он был устроен наподобие колокола, исполненного собственного звона. Малейшая неприятность, слово, оброненное невзначай, — и он терял душевный покой. А так как неприятности и реплики не совсем лестного свойства встречаются на каждом шагу, сэру Уиллоби постоянно приходилось прибегать за противоядием к своей поклоннице. Но на этот раз, когда он особенно остро ощущал в ней нужду, она ничем не отозвалась на его немой призыв. Преподобный доктор заворожил мисс Дейл. Сэр Уиллоби так нигде и не нашел утешения — ни извне, ни в глубинах собственной души. Для общего разговора он до-

вольствовался обычными темами английского джентльмена: лошади, собаки, дичь, охота, любовные интриги, сплетни, политика и вино; он умел также снисходить к дамским пустякам и понимал толк в рискованном анекдоте. Но какое ему было дело до афинского театра и девушки, которая сводила с ума древнегреческих театралов своей искусной имитацией соловья, играя на флейте за кулисами? Он не мог попятить, что кроется за внезапно пробудившимся у мисс Дейл горячим интересом к античности, и смутно подозревал какие-то тайные мотивы. К тому же древние, как известно, не особенно считались с приличием: они не писали для дам, как то делают, по нашему настоянию, современные сочинители. Один раз во время обеда сэр Уиллоби рискнул перебить доктора Мидлтона:

— Я полагаю, что мисс Дейл ничего не потеряет, если ограничится современным изданием древних писателей.

— Замечание, достойное читателя, изучавшего античную мифологию по английской хрестоматии, — сказал доктор Мидлтон.

— Согласитесь, сударь, что театр как-никак — детище климата.

— Да, сударь, если считать, что и остроумие тоже продукт климата.

— Вы не находите, что у нас остроумие выращивается как бы искусственно, и то не всегда удачно? — спросила мисс Дейл, обращаясь к доктору Мидлтону и игнорируя сэра Уиллоби, словно тот был всего лишь помехой, па время прервавшей плавное течение их диалога.

Мисс Эленор и мисс Изабелл, прилежно внимавшие ученой беседе, решили прийти на помощь к сэру Уиллоби, но их усилия только усугубили его раздражение — разве можно вести разговор на общие темы с тетушками, проживающими с вами под одной кровлей? Сэру Уиллоби пришло в голову, что ему не слишком повезло с будущим тестем, что ученые — вообще народ невежливый, что молодые и не совсем молодые женщины рады преклоняться перед авторитетами, на каком бы попроще эти авторитеты ни подвизались, и готовы, на худой конец, увлечься даже ученым — для разнообразия. И он подумал, что было бы не худо, пока у него гостит доктор, задать серию званых обедов, пригласив друзей — предпочтительно дам, умеющих цепить по достоинству его самого. Наверху Клара с ее мигренью, внизу доктор с его бестактностью — все это вызывало у него инстинк-

тивную тревогу, предчувствие надвигающейся беды. В воздухе пахло грозой. Сэру Уилоби, впрочем, удалось почерпнуть кое-какие сведения, которые обещали пригодиться ему в будущем: вино оказалось магической темой, способной отвлекать доктора даже от его древних портов. Между гостем и хозяином обнаружилась поразительная общность вкусов и взглядов на вина различных марок. Они разжигали друг друга, называя то один, то другой год, славный особенно ценным сбором. Сэр Уилоби был даже вынужден задержаться вдали от дам дольше обычного, о чем он искренне сожалел. Вот уж не чаял он попасть в такое положение, при котором придется жертвовать своей галантностью, — и все ради того, чтобы получше разведать слабости некоего ученого старика!

Было уже поздно, когда, услышав звонок Вернопа, сэр Уилоби спустился к нему и попросил его зайти в лабораторию, поделиться самым свежим анекдотом доктора Корни. Но Вернон не был расположен к беседе. Сообщив, что Корни не рассказал ни одного анекдота, он зажег свечу и собрался было идти к себе. Но Уилоби остановил его вопросом.

— Да, кстати, Вернон, вы, кажется, о чем-то говорили с мисс Мидлтон? — спросил он.

— Она вам все расскажет сама — завтра в двенадцать часов пополудни.

— Почему непременно в двенадцать?

— Эти двадцать четыре часа ей нужны на размышление.

Сэр Уилоби, мимикой и жестами изобразив всю меру своего недоумения, готовился перейти от пантомимы к монологу, но Вернон был уже на лестнице и на ходу пожелал своему кузену покойной ночи.

Да, готовилась гроза, и вот-вот должен был грянуть гром. Недремлющий инстинкт сэра Уилоби точно улавливал многочисленные приметы надвигающейся катастрофы. И сколько бы ни твердил он себе о диковинных выходках, на какие способны женщины под воздействием ревности, он не мог до конца заглушить внутреннего голоса, который подсказывал ему, что дело все же не в этом. Ему нетрудно было уверовать в Кларину ревность, он ведь и задался целью вызвать в ней это чувство, — правда, в самой легкой степени, ровно настолько, чтобы пробудить в ней дух благородного соревнования! Вместе с тем весьма сомнительно,

чтобы она стала делиться переживаниями подобного рода о Верноном. И уже совсем маловероятно, чтобы она всерьез желала расторгнуть их помолвку. Впрочем, то обстоятельство, что она выговорила себе двадцать четыре часа сроку до того, как приступить к объяснению с ним, открывало доступ маловероятному и, уж во всяком случае, прибавляло кое-что к общей массе подозрительных симптомов. Кто бы мог подумать, однако, что Клара Миддлтон до такой степени способна сделаться жертвой этой безрассудной страсти! Он припомнил было несколько авторитетных высказываний, извиняющих девушку, впавшую в это полубезумное состояние. Но тут же их отверг: слишком уж нелепыми казались они применительно к Кларе. Чтобы заглушить тоску, не дававшую ему уснуть, он принялся корить себя — нежно, тоном историка, влюбленного в свою героиню и описывающего ее милые шалости, — за ту небольшую долю вины, которую за собой признавал. Ведь он старался для ее же пользы! Но рассуждения не помогли — Уиллоби не мог уснуть. Не является ли непомерная ревность, говорил он себе, свидетельством сильного чувства? Но при всей убедительности такой теории, она разлеталась в прах, чуть только он пытался применить ее к Кларе. Он не мог обнаружить в пей никаких признаков знойного, южного темперамента. А последнее время, о приближении счастливого дня, она вся как бы сжалась и сделалась холоднее обычного. Нет, он решительно отказывался понять эту девушку и разгадать ее тайну!

Утром, за столом, все жаловались на бессонницу. Кроме мисс Дейл и доктора Миддлтона, никто не сомкнул глаз.

— Сударь, я спал так же крепко, — ответил доктор Миддлтон на вопрос своего любезного хозяина, — как словарь в вашей библиотеке, когда в пей нет ни меня, ни мистера Уитфорда.

Вернон вскользь заметил, что он всю ночь напролет писал.

— Ваш брат учепый не умеет себя щадить, — сказал сэр Уиллоби с укором. — А я так взял за правило не изнурять себя работой.

Клара украдкой взглянула на отца, в надежде уловить на его лице хотя бы тень усмешки. Но тот спокойно смотрел в лицо сторонника размеренного труда. Она безуспешно пыталась угадать, кого она найдет в отце: союзника или судью? «Боюсь, что судью», — решила она. Окинув мысленно

ным взором поле предстоящего боя, она поняла, что находится по ту сторону демаркационной черты, вне зоны, определенной светом для девиц, готовящихся вступить в брак. Нет, разумеется, отец не возьмет ее сторону — слишком далеко зашло дело! И несмотря на всю свою любовь к ней, он решит, что ею просто-напросто владеет слепой каприз, и даже не попытается вникнуть в ее переживания. Отвращение ученого к беспорядку в житейских делах, которые каким-то чудом так великолепно наладились, — уже одно это помешает ему сочувствовать ей; да и общественное мнение будет, безусловно, на его стороне и поддержит его, если он решится выступить в роли отца-деспота. Что могла бы она сказать отцу в свою защиту? Когда она думала о сэре Уилоби, слова так и теснились в ее мозгу, и женский инстинкт помогал ей отбирать самые подходящие. Но отцу она не могла противопоставить ничего, кроме своего тупого упорства.

— Работа, которую имеете в виду-вы, посит несколько иной характер, — сказала она.

Из-под косматых бровей доктора Мидлтона выбился вдруг луч насмешки и на миг задержался на Кларе, показав ей, что отец разделяет ее взгляд на аристократические представления ее жениха о работе.

Чтобы обнадежить ее, требовалась такая малость! Клара грелась в этом единственном луче, как на солнце, пытаясь возможно дольше удержать взгляд отца: у нее даже блеснула надежда, что ей удастся перетянуть его на свою сторону, стоит лишь признать за собой вину большую, нежели она чувствует на самом деле. Иначе говоря, признать свою ошибку, заключавшуюся в том, что она не хотела прежде времени смущать его покой.

— Я и не утверждаю, что это одно и то же, — сказал сэр Уилоби, чувствуя, что общее мнение не на его стороне. — В то время как моя скромная работа рассчитана лишь на потребу дня, труд Вернопа, несомненно, предназначен для будущих поколений. Но тем не менее я утверждаю, что главное условие всякой работы — здоровье.

— Да, вы правы, — поддержал его доктор Мидлтон, — для систематической работы оно необходимо.

У Клары упало сердце: чтобы обескуражить ее, требовалась такая малость!

Нам могут сказать, что в Клариной неприязни к жениху была какая-то предрасположенность — ведь он не произнес ни-

чего такого, что оправдывало бы подобное ее отношение; не надо, однако, забывать, что люди читают друг у друга в душе и что для этого им не нужно слов. Узника можно лишить всего — кроме его способности судить о своем тиране; не забывайте также, что во многом она была виновата сама и прекрасно это сознавала, а следовательно, и ярость ее была направлена не только на жениха, но и на себя.

Завтрак подходил к концу, и, когда мать вышла из-за стола, Клара, чтобы сэр Уиллоби, потянулась вслед за .

— Сидеть в лаборатории? В такой комнате? Ведь вы сейчас отправитесь проведать, не правда ли? — щебетала она. — Сегодня утром чувствуешь, что вбираешь в себя и земное это лето, пронизанное веселыми ветрами торопить вас несколько — пока вы будете в саду я поброжу по вашему саду.

— Я была бы рада вашему обществу, но, не знаю... Я ведь тороплюсь, — ответила Летиция, заметив, что сэр Уиллоби кружит, как ястреб, над своей невестой, чтобы схватить ее в когти и унести.

— Я знаю, — сказала Клара, — я только сбсгаю за шляпой. Я не задержу вас ничуть, вот увидите!

— Я буду ждать вас на террасе.

— Вам не придется ждать.

— Пять минут — самое большее, — сказал сэр Уиллоби вслед Летиции, которая вышла, чтобы оставить их вдвоем.

— Наконец-то, любовь моя! — воскликнул он голосом страстным, как объятия. — Ну, что же вы можете мне сообщить? Добились ли вы какого-нибудь толка от Вернона? Я его знаю, он, конечно, не сказал вам ни «да», ни «нет». В делах такого рода он хуже барышни. Но вот чего я ему никогда не прощу, это того, что у вас из-за него разболелась головка! Говорят, вы даже плакали!

— Да, я плакала.

— Ну, расскажите же мне все по порядку! Ведь для нас, мой друг, как вы знаете, независимо от того, женится он или нет, главное — удержать его где-нибудь поблизости — пусть даже не в Большом доме. В наше время не пристало навязывать человеку супружество. Страна и без того

страдает от пере... Словом, большинство свадеб следовало бы справлять под погребальный звон!

— Я совершенно с вами согласна! — с живостью подхватила Клара.

— Дойдет до того, что только высшие классы будут венчаться под радостный перезвон колоколов.

— Пожалуйста, Уилоби, не произносите таких вещей во всеуслышание.

— Только с вами, только с вами! Неужели вы думаете, что я стану обнажать душу перед светом? Ну вот, я позондировал почву у мисс Дейл, и, насколько я понимаю, с ее стороны можно не опасаться сопротивления. Как же все-таки обстоит дело с Верноном?

— Уилоби, я вам все расскажу, когда вернусь с прогулки, — в двенадцать часов.

— В двенадцать?!

— Ах, я и сама понимаю, каким ребячеством это должно вам казаться — назначать час для нашей беседы. Но я вам все объясню. Да, да, я, верпо, не совсем еще взрослый человек. Мне посоветовали отложить разговор с вами на определенный срок. Впрочем, я могу уже сейчас сказать вам, что даже расторжение нашей помолвки не побудило бы мистера Уитфорда здесь остаться.

— Вернон выразился именно так?

— Нет, слова мои.

— Расторжение помолвки! Друг мой, пойдете в лабораторию!

— Ах, но ведь времени мало.

— Скорее время остановится, нежели мы прервем наш разговор. Расторжение! Но ведь это же кощунство так говорить!

— Я и сама понимаю. Но рано или поздно сказать это необходимо.

— Необходимо? Рано или поздно? Но почему? Я не могу представить себе обстоятельств, при которых могла бы возникнуть такая необходимость. Вы меня знаете, Клара, знаете мое отношение к таким вещам: слово, данное друг другу двумя любящими сердцами, для меня святыня. Я чту его наравне с брачной клятвой, даже выше! Не знаю, право, как вам это объяснить, — попробуйте понять меня сердцем! Мы равнодушно читаем в газетах о том, что такой-то и такая-то разводятся; к тому времени, как дело

доходит до развода, от романтики любви обычно ничего уже не остается.

Клара в своем нынешнем настроении холодной иронии была уже готова спросить в ответ на его неосторожный вызов, не считает ли он и романтику любви святыней.

Но следующая его реплика разбудила в ее груди менее воинственные эмоции.

— Несчастные! — сказал он. — Оставим их в покое. Супруги, переставшие любить друг друга, недостойны того, чтобы о них говорили! Но как могли вы — хотя бы на короткий миг! — представить себе расторгнутым паш договор? Ах!

То же самое междометие вырвалось из ее груди скорбным лебединым стоном.

— Ах! — выдохнула она. — Пусть же, пусть это будет сейчас! Только не перебивайте меня, дайте мне высказаться до конца. Иначе я могу сбиться и уже не скажу того, что нужно. Да и повторить подобную спелу мне будет не по силам. Я полна раскаяния за все то зло, что вам причинила. Мне самой за вас больно, и я знаю, как я перед вами виновата. Отпустите меня, Уиллоби! И не произносите больше слова — «ревность»; мне это чувство незнакомо... О, как счастлива была бы я назвать вас своим другом, увидеть вас с той, что достойнее меня, и надеяться, что и она со временем научится смотреть на меня, как на друга! Да, я дала вам слово... в полном неведении собственного сердца. Вините в этом невежество слабодушной и глупой девчонки. Я все обдумала и вижу теперь, что хоть я поступила дурно и хоть вина моя велика, а все же ничего злонамеренного в моих поступках нет. Вы не виноваты ни в чем, и, следовательно, вам совсем не придется страдать от укоров совести. Но вы будете великодушны, я знаю. Я понимаю сама, как это недостойно — звать к вашему великодушию и просить вас возратить мне мое слово.

— И об этом-то вы... — Сэр Уиллоби пытался казаться невозмутимым. — Итак, это и было темой вашего разговора с Вернопом?

— Да, я говорила с ним. Сперва я исполнила ваше поручение, а потом мы с ним говорили...

— Обо мне?

— Нет, обо мне. Я понимаю, как это должно быть вам неприятно, но иначе было нельзя, — да, мы говорили и о вас тоже, поскольку разговор касался моих отношений с вами.

Я высказала уверенность в том, что вы освободите меня от моего обязательства. Разумеется, сказала я ему, если бы это потребовалось, я бы сдержала свое слово, но я убеждена, что вы не будете настаивать. Я не представляю себе джентльмена, который в подобных обстоятельствах продолжал бы настаивать на своих правах. Ведь он знал бы, что я выполняю свою часть обязательств без любви, единственно из чувства долга. Ах, Уиллоби, я совершенное ничтожество! Год назад я должна была понять то, что поняла только теперь: без любви нельзя.

— Без любви?! — Тон сэра Уиллоби достаточно выразительно говорил за себя.

— И вот я обнаружила, что любви-то у меня и нет. Должно быть, я вообще не способна любить. Ничего из того, что рассказывают, описывая это чувство, я не испытывала. Я совершила ошибку. Это легко сказать, но — как больно! Поймите меня правильно, я молю о свободе, о том, чтобы не быть больше связанной словом. Освободите меня и, если можете, простите или хоть обещайте, что простите меня со временем. Скажите мне одно доброе слово, и я пойму, что только оттого не могла отдать вам всю любовь, которую вы вправе ожидать от жены, что стою неизмеримо ниже вас. Отпустите меня! Не я, а вы расторгаете наши узы, обнаружив, что у меня нет сердца. Мне все равно, что подумают люди. Я хотела бы доставить вам как можно меньше неприятностей.

Она остановилась: ей показалось, что он собирается что-то сказать.

Он видел, что она ждет, чтобы он заговорил, но в душе его царили смятение и хаос, и ради спасения собственного достоинства он решил обмануть ее ожидания.

Голова его покачивалась, как верхушка пальмы, которая дарует благодатную тень разгоряченному путнику пустыни, на лице блуждала сдержанная улыбка; он вопрошал себя, как, не уронив себя, высказать этой полубезумной молодой женщине в достаточно внушительной форме свой горестный укор. Он не ставил перед собою вопроса — *что думать?* Главным для него сейчас было — *что делать?*

Он стиснул обе ее руки в своих, затем раскрыл дверь настежь и, часто-часто мигая, сказал:

— Идемте в лабораторию. Там мы можем говорить без помех. Я полагаю, что это остатки завтрака так неприятно действуют на обоняние. Теперь я пощимаю, отчего наши за-

океанские кузены вечно «полагают» и говорят при этом в нос. Впрочем, я, вероятно, чрезмерно жестоко с ними обошелся — вы ведь знакомы с моими письмами? Они вечно либо «полагают», либо «считают». Слов нет, поездка в Америку поучительна, но не столь романтична. Не столь романтична, как поездка в Италию, хочу я сказать. Бежимте же от этих остатков лукуллова пира!

Она уклонилась от подставленной руки. Несчастный, видно, он совсем лишился рассудка! Ей было искренне его жаль, по подхвативший ее бурный поток нес ее неудержимо вперед, и она не могла ни остановиться, ни изменить направления.

— Ах, нет, здесь, сию минуту! — сказала она. — Я никуда отсюда не пойду — там пришлось бы начинать все с начала. Отвечайте здесь: намерены вы исполнить мою просьбу? Одно слово! Если же вы найдете в себе силы также и простить меня, это будет верхом человечности. Во всяком случае — отпустите меня!

— Но, право же! — возразил он. — Все эти чашки, хлебные крошки, яичная скорлупа, остатки икры, масло, говядина, бекон! Разве можно? И этот ужасный воздух!

— Хорошо. Я покуда пройду с мисс Дейл. А когда я вернусь, мы еще поговорим, да?

— Я всегда к вашим услугам. Да, да, идите гулять с мисс Дейл. Но, дорогая моя! Моя радость! Что же это такое? Ссоры между влюбленными в порядке вещей, я знаю. Но дело в том, что я никогда не ссорюсь. Это моя особенность. И вдруг вы начинаете обсуждать меня с моим кузенком Верноном! Право же, слово есть слово, оно как стальной трос — его нельзя порвать! Здесь какой-то выверт ума! И из всех людей — избрать в наперсники Вернона. Что за дичь! Моя милая намечтала себе идеального героя, и ее бедный Уиллоби не выдержал сравнения с ним. Но, Клара, поймите — невеста есть невеста, и вы принадлежите мне, мне, мне!

— Уиллоби, вы упомянули тех... кто разводится. Вы сказали, если они не любят друг друга... Ах, ну скажите, разве не лучше так, чем... потом?

Он воспользовался ее застенчивостью, помешавшей ей назвать вещи своими именами.

— О чем мы с вами говорим? Разумеется, невеста есть невеста, жена — жена, но человек чести чувствует себя связанным после помолвки, как если бы брак его уже свершился. Я не могу вас отпустить. Мы с вами связаны

вечными узами. Поймите: связаны! Как можно отпустить жену?

— А если она сбежит?..

Это было сказано так прямолинейно, что ее собеседник не мог больше прикидываться непонимающим. Доведенная им до крайности, Клара впервые явственно представила себе то, о чем до сих пор говорила, не вникая как следует в смысл своих слов; теперь же, прозрев, она в азарте отчаяния выпустила этот могучий снаряд, который неминуемо должен был разбить броню непонимания — подлинного или напускного, защищавшую этого человека.

Но уже в следующую минуту она залилась краской. Неподдельный ужас, который она прочитала на лице сэра Уиллоби, передался и ей. Но одновременно в ее душе поднялась и радость — она радовалась тому, что в ней еще не вовсе, оказывается, умер стыд.

— Сбежит? Сбежит? Сбежит? — произнес он скороговоркой и часто-часто заморгал в такт своим словам. — Как? Куда? Что за мысль!..

Он с трудом удержался от того, чтобы не выпалить такое, что навеки разрушило бы его собственное представление о девственном неведении, в коем, по его мнению, пребывали юные представительницы прекрасного пола.

Как могло случиться, что Клара, находясь еще в столь нежном возрасте и воспитанная в строжайших правилах, знала уже о том, что жены сбегают от мужей, и знала это не от него? А она, оказывается, понимала даже и то, что муж вынужден отказать от потони и от всех своих притязаний на беглянку. И как могла она хоть на минуту представить себя на месте подобной жены? Как только у нее язык повернулся выговорить это слово: «Сбежит»!

Подобно всякому мужчине-эгоисту, Уиллоби представлял себе прекрасный пол в виде восковых обитательниц паноптикума. И если бы Клара развила мысль, прорвавшуюся в ее кратком возгласе, этот идеал рассыпался бы в прах.

Отчаяние открыло Кларе глаза на то, что еще минуту назад было для нее далеким и смутным, как льды Заполярья. Ведь если, собравшись с духом и преодолев стыд, она покажет, будто знакома с изнанкой жизни, он наверняка отвернется от столь развращенной особы! Соблазн был пелик. И все же Клара удержалась: ей претило подобное унижение женского достоинства — даже перед ним!

Дверь была открыта — а что, если заключить короткое перемирие и выбежать на воздух?

Но беглым взглядом, как бы со стороны, окинув свое положение, она подумала: «Как, оказывается, мучительно расторгать помолвку, предварительный сговор! Каково же приходится бедняжкам, пытающимся выпутаться из брачных уз?»

Выскажи она эту мысль вслух, сэр Уилоби, быть может, убедился бы, что она менее искушена в житейских делах, чем это могло показаться. Он понял бы, что она действовала вслепую, инстинктивно, как зверек, что пытается перегрызть свои цепи; понял бы и то, что это он сам указал ей оружие, за которое она ухватилась.

Повторив про себя сакраментальную для всех женщин и постоянно ими нарушаемую клятву: «Все равно я не буду принадлежать никому», она произнесла вслух:

— Вот и все, что я имела вам сказать. Мне нечего к этому прибавить.

В коридоре послышались шаги. Вошел Вернон. Он извинился и объяснил причину своего появления:

— Доктор Мидлтон оставил здесь книгу — томик Гепзуса. Да вот она!

— Книгу? — повторил сэр Уилоби. — Ха! Засвидетельствуйте мое почтение доктору Мидлтону и передайте ему, что если бы люди не уносили книг из библиотеки, их бы не пришлось искать в столовой. Он волен поступать, как ему заблагорассудится, конечно, однако порядок есть порядок. Идемте же в лабораторию, Клара! Извольте полюбоваться, господа поклонники человечества, — где бы ни побывал человек, он неизменно оставляет за собою беспорядок! — Сэр Уилоби слегка кивнул то ли Вернону, то ли цеубранному столу. — Клара, я вас жду!

Клара возразила, что она условилась идти гулять с мисс Дейл.

— Мисс Дейл ожидает вас в вестибюле, — сказал Вернон.

— Мисс Дейл меня ждет! — сказала Клара.

— Да, да, идите гулять с мисс Дейл, идите с мисс Дейл, — настойчиво сказал сэр Уилоби. — Я попрошу ее подождать вас еще две минуты. Вы найдете ее в вестибюле, она вас будет ожидать там.

Он позвонил в звоночек и вышел.

— Откройтесь во всем мисс Дейл; вы можете быть с нею откровенны, — сказал Вернон.

— Я не продвинулась ни на шаг,— пожаловалась Клара.

— Не забывайте, что вы сами избрали для себя то положение, в котором находитесь сейчас, и что если вы хотите его изменить, вам предстоит борьба не на жизнь, а на смерть. В этой борьбе надо быть готовой и к поражениям, они не должны вас обескураживать.

— Не сама, не сама! Не говорите, что я сама избрала это положение, мистер Уитфорд! Я не выбирала. У меня не было выбора. Я просто дала согласие.

— В конечном счете это одно и то же. Главное — знать, чего вы хотите.

— Да, вы правы,— согласилась она, принимая как справедливое возмездие обвинение в том, что она якобы не знала, чего хочет.— Ваш совет мне сегодня помог.

— Разве я что-нибудь советовал?

— А вы уже жалеете?

— Я был бы очень недоволен собою, если бы хоть единственным словом вмешался в ваши отношения с сэром Уилоби.

— Но вы еще не покинете Паттерн-холл, правда? Вы не оставите меня одну, без дружеской поддержки? Если бы мы с отцом и съехали завтра, началась бы бесконечная переписка! Видно, надо будет задержаться здесь хотя бы на несколько дней. Это будет нелегко. К тому же вы можете себе представить, как все это отразится на моем бедном отце, которому мне еще предстоит объявить о своем решении.

Сэр Уилоби быстрыми шагами вернулся в комнату, как бы торопясь исправить ошибку, которую он допустил, покинув ее.

— Мисс Дейл вас ожидает, моя дорогая. Где ваша шляпа? Вы еще за ней не ходили? Но ведь вы уговорились гулять с мисс Дейл!

— Я готова,— сказала Клара, выходя.

Уилоби и Вернон вышли следом и тотчас, не проронив ни слова, разошлись в разные стороны.

Кларе случалось читать о том, как женщина становится причиной разрыва между старинными друзьями, и вот она неожиданно для себя оказалась в положении такой женщины. Но что ей было делать? Она вела борьбу не на живот, а на смерть и была вынуждена лавировать между скалой и открытым морем. Неужели, однако, она уподобилась тем, о ком пишут в романах? Это было ужасно!

ровать себя неосторожным словом, за весь его тон, говорящий без слов: «Обо всем этом я догадывался и сам — но зачем вы обращаетесь ко мне? При чем здесь я?» И, наконец, было даже нечто оскорбительное в его совете — уяснить себе до конца, чего она хочет! О, она понимала, что он не имел намерения ее обидеть! Он просто-напросто обошелся с нею, как с девочкой. А из того, что он говорил о мисс Дейл, явствовало, что он ставит эту особу ей в пример.

«Я буду верна себе во что бы то ни стало, — твердила она в душе, обсуждая с Летицией маршрут предстоящей прогулки и восхищаясь изящным фасоном ее шляпы. — Если я изменю себе и примусь лицемерить, я погибла».

Сэр Уиллоби рассыпался в сожалениях по поводу того, что деловая переписка лишает его удовольствия сопровождать дам. Услышав, какой дорогой они вознамерились пойти, он сказал:

— В таком случае вам придется взять с собой лакея.

— В таком случае мы пойдем другой дорогой, — сказала Клара, и девушки отправились в путь.

— Сэра Уиллоби всегда тревожит мысль о нашей беззащитности, — заметила мисс Дейл.

Клара взглянула на небо, по которому проплывали редкие тучи, и закрыла зонт.

— И тем самым он вселяет в нас робость, — сказала она.

Летиция насторожилась — тон, которым ее спутница произнесла последнюю реплику, отнюдь не предвещал уютной беседы о пустяках.

— Вы любите ходить пешком? — спросила она.

Казалось, ей удалось набрести на безобидную тему.

— Люблю, — ответила Клара. — И пешком, и верхом ездить. Впрочем, я, пожалуй, предпочитаю ходить пешком. Только не всегда удается найти спутника.

— Через неделю мы потеряем мистера Уитфорда.

— А он уезжает? — небрежно отозвалась Клара.

— Да, и для меня это будет большой потерей, я ведь совсем не езжу верхом.

— А-а...

Нельзя сказать, чтобы реплики мисс Мидлтон оживляли беседу.

Летиция решила попытать какую-нибудь другую нейтральную тему.

— Вы не находите, что наша природа особенно выигрывает в такие дни, как сегодняшний? — спросила она,

— Вы имеете в виду английскую природу вообще или природу Паттерн-холла? Признаться, сама я так люблю горы, что плоские равнины меня мало трогают.

— Неужели вы назвали бы нашу местность плоской, мисс Мидлтон? Ведь здесь кругом холмы и пригорки и сколько угодно разнообразия: тут вам и лужайка, и речка, и рошица, удобные проезжие дороги и живописные проселки.

— Уж слишком все это живописно, на мой вкус. Конечно, смотреть на все это приятно, но жить я предпочла бы в более суровом краю. Я представляю себе, что можно очень даже привязаться к местности, лишенной красот, в пей есть что-то честное, и, как бы молоды вы ни были, она вас не обманет. А эти усадьбы и парки... Нет, мне больше по душе поля и луга.

— Да, но где еще можно совершать такие восхитительные прогулки? Эти зеленые тропинки, эти могучие деревья...

— Да, кабы в парки был открыт доступ всем!

— Разумеется,— произнесла мисс Дейл с некоторым удивлением в голосе.

— Всякие ограничения меня выводят из себя. Здесь, куда ни пойдешь,— заборы, ограды, изгороди. Мне пришлось бы лет десять попутешествовать по свету, прежде чем успокоиться и осесть в подобной крепости. Разумеется, я с удовольствием читаю поэтов, воспевающих роскошную английскую природу. Но я не уверена, что можно полюбить эту природу, не прибегая к помощи поэзии. Что бы вы сказали о человеке, если бы его нельзя было полюбить иначе, как вдохновившись поэтическим описанием его качеств?

— Сказала бы, что такой человек, как ни приятен он в близком общении, должно быть, выигрывает на расстоянии.

— Вот видите — вы сами знаете, насколько вы мудрее нас всех! Я так и думала.

Темные ресницы Летиции дрогнули — что хотела Клара этим сказать? Насколько она понимала, мисс Мидлтон усматривает ее мудрость в том, что она не выходит замуж.

У Клары между тем шевельнулось мрачное подозрение: должно быть, мисс Дейл был сделан соответствующий намек о ее, Клариной, «ревности».

— Вы знали мисс Дарэм? — спросила она.

— Не очень коротко, но знала.

— Как меня?

— Нет, меньше.

— Но вы с ней больше встречались, чем со мной.

— Да, но она держалась скрытно и замкнуто.

— Ах, мисс Дейл, мне так не хочется скрытничать с вами!

Легкая дрожь в голосе, которым Клара произнесла эти слова, заставила Летицию взглянуть на нее украдкой. По блеску ее глаз чувствовалось, что ей хочется выговориться до конца.

— Мисс Мидлтон, надеюсь, вы не дадите срубить хоть одно из этих благородных деревьев.

— А вы не считаете, что иной раз лучше прибегнуть к топору лесника, чем терпеть сухостой?

— Я не сомневаюсь, что ваше влияние будет огромно и что вы всегда будете его употреблять во благо.

— Мое влияние? Ах, мисс Дейл, не далее как сегодня я обратилась с просьбой, в которой мне отказали.

Выражение Кларино лица противоречило небрежному тону, каким она произнесла эти слова.

— С какой просьбой? — невольно вылетело у Летиции. И, прежде чем она успела извиниться за свой вопрос, Клара на него ответила:

— С просьбой о свободе.

— О чем?! — повторила Летиция, тоном выше и уже совсем с другим выражением. Она смотрела в упор на Клару, и та видела, как недоумение в ее глазах постепенно уступило место печальной уверенности и как ее лицо, на миг лишившись всякого выражения, вдруг как бы до краев переполнилось грустью.

— Да, мисс Дейл, я просила его освободить меня от юего слова.

— Вы?.. Сэра Уилоби?!

— Да, да, вам это кажется невероятным? Он мне отказал! Как видите, мое влияние равно нулю.

— Ах, мисс Мидлтон, это ужасно!

— Разумеется, ужасно, — когда тебя тащат к алтарю против воли!

— Ах, мисс Мидлтон!

— Что? Вы не согласны?

— Мне просто не верится, что вы это говорите всерьез.

— Неужели вы считаете меня способной шутить такими вещами? Для меня это не менее серьезно, чем для мыши, попавшей в мышеловку: я должна выбраться из нее во что бы то ни стало.

— Мы, очевидно, говорим о разных вещах, мисс Мидлтон. Я хочу сказать, что это был бы слишком чудовищный,

слишком жестокий удар для сэра Уиллоби. Ведь он вам предан всей душой.

— Он и мисс Дарэм был предан всей душой.

— То было другое: не так глубоко, и вообще совсем иначе.

— Да, я понимаю. В ту пору за ним все охотились. Впрочем, и сейчас за ним усиленно ухаживают — разве что чуть помельше; он уже не так молод. Но я не потому вспомнила о мисс Дарэм. В этой истории меня удивляет то, что, раз вырвавшись на свободу, она очертя голову бросилась в другой брак! Вы способны это понять? Из тюрьмы — в тюрьму! Недаром мужчины удивляются нам, смеются над нами и даже, я бы сказала, нас презирают.

— Но, мисс Мидлтон, как это можно? Чтобы сэр Уиллоби согласился на такую просьбу — да неужели вы в самом деле к нему обратились с такой просьбой?

— О да! Обратилась и еще раз обращусь! Я беру вину на себя, я просто его не стою, мисс Дейл. Так все и скажут, я знаю, и будут совершенно правы. Я и сама целиком на его стороне. Ему нужна совсем не такая жена, как я. Я в этом убедилась — к сожалению, слишком поздно. Следовательно, я и виновата во всем. И все, что обо мне станут говорить, будет истинной правдой. Но чтобы сохранить доброжелательный и непредубежденный взгляд на людей, а тем более на человека, которому я причинила столько горя, мне необходимо быть свободной.

— Покинуть человека такого благородства! — вздохнула Летиция.

— О, я готова подписаться под любым похвальным словом ему, — сказала Клара, в душе дивясь тому, как можно, зная сэра Уиллоби так близко, как знала его Летиция, считать его благородным человеком. — Да, да, он держится с редким благородством, а ваше высокое мнение о нем — поверьте, я это говорю со всей искренностью и серьезностью, — доказывает, что он и в самом деле благородный человек.

Странная тирада рта, немалая озадачившая Летицию, была вызвана все тем же духом противоречия, который возбуждал в Кларе сэр Уиллоби.

— Ваше мнение должно служить мне укором, — продолжала она, развивая свою мысль, — но ведь я знаю его не так хорошо, как вы, — во всяком случае, не так давно.

Летиция ломала голову, пытаясь разгадать темный смысл Клариных слов и кляня свою тупость, как вдруг она вспом-

— Да, но она держалась скрытно и замкнуто.

— Ах, мисс Дейл, мне так не хочется скрытничать с вами!

Легкая дрожь в голосе, которым Клара произнесла эти слова, заставила Летицию взглянуть на нее украдкой. По блеску ее глаз чувствовалось, что ей хочется выговориться до конца.

— Мисс Мидлтон, надеюсь, вы не дадите срубить хоть одно из этих благородных деревьев.

— А вы не считаете, что иной раз лучше прибегнуть к топору лесника, чем терпеть сухостой?

— Я не сомневаюсь, что ваше влияние будет огромно и что вы всегда будете его употреблять во благо.

— Мое влияние? Ах, мисс Дейл, не далее как сегодня я обратилась с просьбой, в которой мне отказали.

Выражение Клариного лица противоречило небрежному тону, каким она произнесла эти слова.

— С какой просьбой? — невольно вылетело у Летиции. И, прежде чем она успела извиниться за свой вопрос, Клара на него ответила:

— С просьбой о свободе.

— О чем?! — повторила Летиция, тоном выше и уже совсем с другим выражением. Она смотрела в упор на Клару, и та видела, как недоумение в ее глазах постепенно уступило место печальной уверенности и как ее лицо, на миг лишившись всякого выражения, вдруг как бы до краев наполнилось грустью.

— Да, мисс Дейл, я просила его освободить меня от этого слова.

— Вы?.. Сэра Уилоби?!

— Да, да, вам это кажется невероятным? Он мне отказал! Как видите, мое влияние равно нулю.

— Ах, мисс Мидлтон, это ужасно!

— Разумеется, ужасно, — когда тебя тащат к алтарю против воли!

— Ах, мисс Мидлтон!

— Что? Вы не согласны?

— Мне просто не верится, что вы это говорите всерьез.

— Неужели вы считаете меня способной шутить такими вещами? Для меня это не менее серьезно, чем для мыши, попавшей в мышеловку: я должна выбраться из нее во что бы то ни стало.

— Мы, очевидно, говорим о разных вещах, мисс Мидлтон. Я хочу сказать, что это был бы слишком чудовищный,

слишком жестокий удар для сэра Уилоби. Ведь он вам предан всей душой.

— Он и мисс Дарэм был предан всей душой.

— То было другое: не так глубоко, и вообще совсем иначе.

— Да, я понимаю. В ту пору за ним все охотились. Впрочем, и сейчас за ним усиленно ухаживают — разве что чуть поменьше; он уже не так молод. Но я не потому вспомнила о мисс Дарэм. В этой истории меня удивляет то, что, раз вырвавшись на свободу, она очертя голову бросилась в другой брак! Вы способны это понять? Из тюрьмы — в тюрьму! Недаром мужчины удивляются нам, смеются над нами и даже, я бы сказала, нас презирают.

— Но, мисс Мидлтон, как это можно? Чтобы сэр Уилоби согласился на такую просьбу — да неужели вы в самом деле к нему обратились с такой просьбой?

— О да! Обратилась и еще раз обращусь! Я беру вину на себя, я просто его не стою, мисс Дейл. Так все и скажут, я знаю, и будут совершенно правы. Я и сама целиком на его стороне. Ему нужна совсем не такая жена, как я. Я в этом убедилась — к сожалению, слишком поздно. Следовательно, я и виновата во всем. И все, что обо мне станут говорить, будет истинной правдой. Но чтобы сохранить доброжелательный и непредубежденный взгляд на людей, а тем более на человека, которому я причинила столько горя, мне необходимо быть свободной.

— Покинуть человека такого благородства! — вздохнула Летиция.

— О, я готова подписаться под любым похвальным словом ему, — сказала Клара, в душе дивясь тому, как можно, зная сэра Уилоби так близко, как знала его Летиция, считать его благородным человеком. — Да, да, он держится с редким благородством, а ваше высокое мнение о нем — поверьте, я это говорю со всей искренностью и серьезностью, — доказывает, что он и в самом деле благородный человек.

Странная тирада эта, немало озадачившая Летицию, была вызвана все тем же духом противоречия, который возбуждал в Кларе сэр Уилоби.

— Ваше мнение должно служить мне укором, — продолжала она, развивая свою мысль, — но ведь я знаю его не так хорошо, как вы, — во всяком случае, не так давно.

Летиция ломала голову, пытаясь разгадать темный смысл Клариных слов и кляня свою тупость, как вдруг она вспом-

вила еще более загадочную реплику сэра Уилоби, оброненную им незадолго до прогулки. Должно быть, все дело и в самом деле в... — она с трудом решилась признаться в этом самой себе, — в ревности! В ничтожной дозе ревности, па что, как она теперь поняла, и намекал сэр Уилоби, когда они ждали Клары в вестибюле. «Совершенный пустяк — душевный недуг, свойственный нежному полу, непонимание, что представляет собой идеальная дружба...» — в таких выражениях обрисовал положение дел сэр Уилоби. И тут же намекнул, чтобы Летиция, говоря о нем с его невестой, несколько умерила свою восторженность.

Летиция решила объясниться.

— Не подумайте, мисс Мидлтон, будто я считаю его выше критики, — сказала она.

— Но все же он вам кажется благородным человеком, не так ли?

— У него есть недостатки. Но когда знаешь человека давно, долголетняя привычка как бы сглаживает их, хоть, казалось бы, с годами они должны проступать все яснее. Впрочем, всякая малость тешит самолюбие, и, быть может, нам даже лестно чувствовать, что мы видим то, что, по правде говоря, не заметил бы разве слепой! Но взгляните туда: вот самый мой любимый вид — неужели вас не трогает эта картина?

Клара окинула взглядом пышные кущи деревьев, лес, реку, церковный шпиль, городок вдаль, холмы на горизонте и парящего над ними с громкою песнею жаворонка.

— Ничуть. Ни даже эта птица, что не желает отсюда улетать, — ответила она. Клара хотела сказать, что не может сочувствовать птице, которая довольствуется жизнью в этих краях.

Медленно, постепенно Летиция начала постигать размеры и глубину почти болезненного отвращения, испытываемого мисс Мидлтон. Но она всеми силами души сопротивлялась открывшейся ей истине из боязни потерять то единственное, что у нее оставалось, — свою неуязвимую любовь к родным местам. Впрочем, Клара тотчас растопила ее сердце, сказав:

— Мне кажется, я полюблю этот ландшафт... ради вас... со временем, как полюблю вообще нашу милую английскую природу. Но с той поры, как я... как во мне совершилась эта перемена, я не в силах отделить место, где мне довелось пережить так много неприятного, от самих переживаний. Те-

перь я знаю, как человек стареет. За последнюю неделю я состарилась на несколько лет. Ах, мисс Дейл, что бы вы сказали, если бы он вернул мне свободу, отказался от меня?

— Мне было бы его очень жаль.

— Его, вы сказали? Стало быть, не меня, а его! Так. Я надеялась, что вы именно это скажете. Я была уверена.

Разговор мисс Мидлтон растекался на множество ручьев, и Летиции никак не удавалось направить его в одно русло. Подчас ей и в самом деле казалось, будто она улавливает струйку ревности в словах своей собеседницы. Подумать только — ревновать к мей, к старенькой Летти Дейл! А за минуту до того она была бы готова поклясться, что в топе мисс Мидлтон нет и оттенка этого чувства.

— Разуместся, его, — сказала она. — Но я все еще блуждаю в потемках, а в таких случаях я привыкла прибегать к тому слабому источнику света, каким располагаю. Позвольте же мне рассказать о себе, как я себя понимаю. Прежде всего — и не думайте, что я отклонюсь от темы нашего разговора, — здоровье мое ненадежно. Врачи находят у меня малокровие. А так как кровь есть жизнь, то следовательно, во мне и жизни не очень много. Лет десять назад или, если уж быть точной, одиннадцать я рассчитывала покорить свет своим пером! А теперь радуюсь тому, что у меня есть крыша над головой, и забочусь лишь о том, чтобы ее сохранить. Вот и все мои достижения! Дни мои проходят однообразно, и, однако, единственное, чего я опасуюсь, это как бы их течение не было нарушено. Денег у моего отца мало. Живем мы на его пенсию (он армейский лекарь в отставке) да на небольшой годовой доход. Быть может, со временем я буду вынуждена переехать в город, чтобы давать уроки. Всякий, кто пожелал бы избавить меня от этой участи, мог бы рассчитывать на мою признательность. Но если бы этот человек захотел обременить себя в придачу моей особой, я была бы самым искренним образом удивлена. Все это я вам рассказываю, чтобы помочь вам понять характер жалости, которую я только что высказала по отношению к сэру Уиллоби. Жалость эта основана на человеческом сочувствии, а оно апемично и почти бесплотное, как я сама! Нельзя сплести красивую гирлянду из прошлогодних листьев. Они на это не претендуют — и в этом их единственное достоинство. Я подобна им, этим опавшим листьям. Ну вот, мисс Мидлтон, я вам и открылась, как могла. Надеюсь, вы не сомневаетесь в моей искренности.

— Ни на минуту! — сказала Клара.

И от всей души прибавила:

— Не сомневаюсь и завидую вашему смирению! Как бы я хотела быть такой, как вы! Как бы хотела обладать вашим искусством говорить правду с такой правдивостью! Но вы бы не заговорили со мною так, я знаю, если бы в груди у вас не шевелилось доброе чувство ко мне, чувство, которое может служить основой для настоящей дружбы. Только питая к человеку симпатию, можно быть с ним по-настоящему откровенной. Я сужу по себе. Или это с моей стороны самонадеянность?

На лице мисс Дейл и в самом деле было написано сердечное расположение.

— А сейчас,— продолжала Клара, на гребне все той же волны,— сейчас позвольте мне уличить вас в нелепейшем подозрении, какое когда-либо закрадывалось в такую душу, как ваша! Признайтесь, сударыня, вы сочли меня способной питать самое низменное из чувств, на какие только способна наша сестра! Возьмите мою руку, друг мой, Летиция,— со мною что-то происходит!

Летиция взяла ее руку в свою и убедилась, что с Кларой и в самом деле «что-то происходит».

— Я женщина,— сказала Клара, как бы оправдываясь.

На какой-то сверкающий миг глаза ее переполнились слезами, в следующую минуту она дала им волю, и они хлынули по ее щекам.

Как только ливень прекратился и она могла наконец вздохнуть, она произнесла довольно хладнокровно:

— Хорош бунтарь, нечего сказать!

Ее спутница пролепетала что-то утешительное.

— Это пустяки, это пройдет,— сказала Клара, слясь унять подергивание рта.

Они шли, держась за руки, и души их были открыты друг другу.

— Кажется, я уже начинаю любить эти края,— продолжала Клара, справившись наконец с собой.— Я хотела бы растянуться на этой земле с одним-единственным желанием: уснуть. И как приятно мне было бы думать, что вы здесь! Каким, однако, огромным чувством собственного достоинства надо обладать, чтобы так рассказать о себе, как рассказали вы! По сравнению с действительностью наши представления о героях и героинях — холодный блеск мишуры. Я уже привыкла ощущать себя отверженной, недостойной звания жен-

щины, и вдруг оказывается, что женщина вашего благородства способна так хорошо ко мне отнестись и, как знать, быть может, даже полюбить меня? Ах, Летиция, друг мой, вместо этой сцены я должна бы просто-напросто вас расцеловать! И не вздумайте, пожалуйста, принять все это за истерику. Уверю вас, это не так. Правда, была минута, когда мне казалось, я вот-вот ей поддамся, но я взяла себя в руки. И если бы вы не вообразили, будто я ревную, я бы всего этого вам не наговорила. Не сомневаюсь, впрочем, что это он подкинул вам такую мысль.

— Я, кажется, ни разу не помянула ревность.

— Ну, конечно, он. Ведь только этим он и может объяснить себе мою просьбу. Я заметила, что он инстинктивно рассчитывает на постоянство женской природы. Женщина в его представлении — стрелка компаса, меж тем как сам он — магнит. Ревновать к вам, мисс Дейл! Можно сказать вам одну вещь, Летиция?

— Говорите все, что хотите!

— Больше всего на свете мне бы хотелось... Вы знаете, как меня зовут по имени?

— Клара.

— Наконец-то! Так вот, больше всего на свете мне бы хотелось... Разумеется, если бы это отвечало вашим мечтам... Да, да, я радовалась бы этому больше всего на свете — кроме собственной свободы... Но я боюсь, что вы оскорбитесь... Я знаю вашу скромность — да не восстанет же она против меня! Я хотела бы видеть его счастливым тем единственным счастьем, которое для него возможно. Вот вам и вся моя ревность!

— Это вы и собирались мне сказать?

— Н-нет.

— Я так и подумала.

— Я собиралась сказать вам... Но только боюсь, что и на дыбе я не могла бы говорить с вашей откровенностью! Ну, да ладно. Скажите, вам никогда не казалось, что... только не подумайте, что я не ценю его достоинств, я знаю, что говорю с самым его верным другом, я признаю обаяние его личности, он настоящий мужчина во всех своих вкусах и привычках... но вам никогда не казалось... впрочем, какое право имею я задавать вам такой вопрос? Разумеется, у всякого человека есть недостатки, и я не требую от людей, чтобы они были святыми, я и сама далеко не праведница... увы!

— Итак, не казалось ли мне...? — напомнила Летиция.

— ...что лишь очель немногим женщинам дано говорить с той совершенной искренностью и откровенностью, с какой бы им хотелось?

— Нас не так воспитывают. Откровенность дается нам ценою страдания.

— Должно быть, вы правы. Встречалась ли вам когда-нибудь женщина, которая была бы совершенной эгоисткой, до конца?

— Встречалась ли мне такая женщина? Мы нисколько не лучше мужчин.

— Я и не говорю, что лучше. Я сама сделалась эгоисткой, я думаю только о себе и каждую живую душу, какая попадает на моем пути, стремлюсь использовать себе во благо. Но ведь женщина — существо подчиненное. Едва успеет она выйти из детской, как над ее головой раздается свист закинутого лассо. Не удивительно, что она использует свою красоту как оружие и с помощью этого оружия стремится взять в плен как можно больше противников. Еще бы! Да я сама, чтобы отомстить за свою постыдную слабость и наказать мужчин за их самоуверенность, была бы готова брать пленников сотнями — и пусть меня обвиняет в кокетстве кто хочет! О, я не стала бы щадить этих гордых соколов! Как забавно выглядели бы они с опиданными перышками! А иначе как их накажешь?

— Но вы не думаете об уроне, который нанесли бы себе самой.

— Я думаю об их торжестве, когда они остаются безнаказанными.

Летиции начало уже казаться, будто ей предлагается отвлеченное рассуждение на тему о неравенстве в отношениях между полами. Промелькнувшее было вначале подозрение, что разговор их имеет какую-то более конкретную основу, совершенно рассеялось. Зато следующая Кларина тирада заставила кровь прилить к ее щекам.

— Наконец-то я поняла, в чем разница! — воскликнула Клара. — Да, да, все дело именно в этом, я ни на минуту не сомневаюсь! Женщины, которых именуют кокетками, покоряют отнюдь не лучших представителей мужского пола, зато мужчина-эгоист непременно вербует свою жертву из числа лучших — утром, днем и вечером питается он ее преданностью и, как кровь, пьет ее верность. Я сейчас говорю не с позиций женской выгоды. Ведь, проходя мимо единственной женщины, которая для него создана, пренебрегая единственной

женщиной, которая могла бы дать ему то, чего жаждет его душа, эгоист в первую очередь наказывает самого себя. Он ищет ее там, где...— Клара запнулась и прибавила:— К сожалению, я не обладаю вашим даром слова.

— Напротив, мисс Мидлтон, у вас могучий и опасный дар,— возразила Летиция.

Клара ласково ей улыбнулась.

— Вы находите? Чей это коттедж?

— Моего отца. Может быть, зайдете? Хотя бы в сад.

Клара оглядела заросшее плющом крылечко и растущие возле кусты роз и сказала:

— Я приду за вами через час.

— Неужели вы пойдете по дороге одна?— спросила Летиция с изумлением, ибо ей живо представилось педовольство сэра Уилоби.

— Я доверюсь большой дороге,— ответила Клара и уже повернулась, чтобы идти, но спохватилась, подошла к Летиции и подставила ей щеку для поцелуя.

Летиция, только что испытывавшая на себе воздействие «могучего и опасного дара» этой девушки, подивилась, как с этим даром уживается столько нежности и детского простодушия.

Клара меж тем шагала по дороге, меньше всего ощущая в себе какое бы то ни было могущество.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Фарфоровая ваза

Пока Клара гуляла с Летицией, сэр Уилоби развесил свое самолюбие сушиться; оно, как это случается с иной материей в непогоду, немного село. Вскоре, однако, в обществе миссис Маунтстюарт-Дженкинсон, представительницы того самого света, которого он так страшился и который вместе с тем так стремился покорить с помощью всех имевшихся в его распоряжении средств, бархатистый ворс его самолюбия вновь обрел свойственную ему мягкость и блеск. Взгляд миссис Маунтстюарт-Дженкинсон действовал на него одновременно как заклинание и приказ, моментально преображая его в того самого повесу, какого ей угодно было в нем видеть,— в веселого, беспечного сэра Уилоби, остротой парирующего остро-

ту. Учтивый джентльмен признает королеву своим единственным законодателем. Мужское одобрение, хоть оно и помогает завоевать благосклонность дам, все же не так высоко расценивается джентльменом с болезненно развитой мнительностью, готовым всюду видеть афронт своему самолюбию, ущерб своему благополучию и угрозу своему владычеству. Мужчины к тому же продажны в самом элементарном смысле этого слова: их можно купить хорошим вином, задобрить дорогими сигарами, пленить неприпущенной фамильярностью обращения. А впрочем, их особенно и покупать не стоит. Ведь оттого, что на вас косо посмотрит мужчина, вы не умрете. Зато один взгляд женщины способен превратить вас из гордого своим опереньем петуха в жалкого, облезлого цыпленка. К счастью, для того чтобы заручиться благосклонностью дам, тоже существуют средства. Достаточно обладать острым языком или — еще проще — стройной ногой. Если на вашей стороне окажется сама природа, если вы изящны и к тому же скромны, если вы прочно заняли свое место на солнечной стороне бытия, то и женщины будут поддерживать вас. А заручившись их благосклонностью, вы можете быть спокойны: вы обрстете в каждой из них зеркало, которое до конца дней ваших будет отражать ваш облик. Все, что говорится о женском непостоянстве, вздор. Затроньте ее воображение однажды, и она ваша пожизненная раба. От вас ничего не требуется взамен, ничего, кроме самой обычной любезности придворного кавалера. Она будет отрицать, что вы стареете, будет ограждать вас от сплетен, откажется видеть вас в смешном свете. Инстинктом ли, кожей или невидимыми щупальцами сэр Уиллоби, не хуже записной кокетки, ощущал таинственную силу женского могущества.

Без этого знания ему бы недобровать. Нужда, необходимость защищать свою персону заставляла его находить и средства для защиты. По части самосохранения это был сущий маг и волшебник, чуткий, дальновидный, знающий точно, без указки, какой именно травой лечиться от укуса змеи. Болезненное самолюбие мешало ему подчас разглядеть, что делается в душе у противника, но оно же и побуждало его к безостановочной деятельности. Вот и теперь, еще не догадываясь о размерах грозившей ему опасности, он решил, по стратегическим соображениям, обольстить миссис Маунтстюарт и, прибегнув к тактике топких намеков, предвосхитить чудовищную случайность, которая, быть может, его подстерегает. Разумеется, он не стал намекать на Кларину непо-

стоянство. Нет, он всего лишь посетовал на собственную переменчивость, точнее, на некоторые перемены, происшедшие в его восприятии Клары. Легко, тоном человека, умеющего оценить шутку, он снова затронул тему фарфоровой плутовки.

— Я, кажется, начинаю постигать смысл вашего определения,— сказал он.

— Только не забывайте, пожалуйста, что я в нее влюблена,— сказала миссис Маунтстюарт.

— Разуместся. Это наша общая участь.

— Которую, я полагаю, вы довольны.

Этого сэр Уилоби не отрицал.

— Как вам кажется — можно ли будет со временем отбросить вторую часть вашего определения?

— Спросите после того, как она станет матерью, мой дорогой сэр Уилоби!

— Ваши слова я понимаю в том смысле, что...

— Понимайте их как хотите — лишь бы ваше толкование воздавало должное той, о ком мы толкуем.

— О, в этом смысле ни одно из моих толкований не может удовлетворить меня до конца. Предоставлю заполнить недостающие штрихи оригиналу.

— Вот и хорошо. К чему спешить? И пусть вас не тревожит слово «плутовка». Ваше беспокойство было бы попятно, если б вы, скажем, еще не связали ее с собою окончательно.

Это замечание внезапно распахнуло дверь в гулкую пустоту, зияющую в его душе.

Он пытался отшутиться, говоря, что пылкое восхищение, быть может, не наилучший способ привязать к себе «плутовку», но, оглушенный громовыми раскатами, к которым втайне прислушивался, смешался и умолк. Миссис Маунтстюарт улыбнулась при виде того, как одно упоминание об огромном счастье, выпавшем на долю влюбленного, совершенно его сбilo, выбросив из плавного течения диалога и ввергнув в бурную стремнину. Оборвавшись, разговор, как это обычно бывает, возобновился уже на более легкой ноте.

— Как хорошо выглядит мисс Дейл!

— Да, неплохо. Ей пора замуж,— сказала миссис Маунтстюарт.

Сэр Уилоби покачал головой.

— Если б ее можно было уговорить! — сказал он.

Она сочувственно кивнула.

— Быть может, чужой пример на нее подействует?

Он изобразил на своем лице крайнюю рассеянность.

— Да, конечно, пора. Но где найти партнера, который был бы ее достоин? За последние годы она приобрела еще одно качество: зрелость ума, и оно прекрасно гармонирует с великолепными свойствами ее характера, быть может, несколько романтического. Впрочем, небольшая доля романтики, на мой взгляд, женщине не вредит.

— Совсем небольшая — пожалуй.

— Она называет ее своей листвой.

— Очень мило. Ну так как же вы решили относительно Ахмета? Вы его не уступите?

— Меньше, чем за четыреста, — никогда!

— Бедный Джопни Буш! Вы забываете, что жена выдает ему деньги на карманные расходы. Вы бессердечный делец, сэр Уилоби!

— Нет. Я просто не хочу расставаться с конем.

— Ну и прекрасно. «Листва» — это прелестно, в особенности для игры в прятки... тем более что в этой листве не таится никаких плутовок. Это единственное, что я имею против Летиции Дейл. Чрезмерная преданность бросает тень на весь наш пол. Видно, не зря вас считают деловым человеком: в каждой сделке вы стремитесь извлечь максимальную выгоду для себя. Как видите, у меня никакой «листвы» нет, я изъясняюсь самым облаженным, прозанческим языком.

— И тем не менее, дорогая миссис Маунтстюарт, смею вас уверить, разговор с вами оказывает на меня не менее окрыляющее действие, нежели беседа с мисс Дейл.

— Ах, но листва, листва! Где уж вашему брату сжалиться над бедной, одинокой и беззаветно преданной женщиной!

— Но ведь я высказал вам свое восхищение без утайки!

— А я в большой степени утаила свое.

Тут миссис Маунтстюарт вспомнила о цели своего утреннего визита, которая заключалась в том, чтобы пригласить доктора Мидлтона к себе обедать. Сэр Уилоби довел ее до дверей библиотеки. «Будьте настойчивы!» — напутствовал он ее.

Разговор с миссис Маунтстюарт, который, как ему казалось, достиг цели, не только восстановил душевные силы сэра Уилоби, но и помог ему увидеть вину своей невесты во всей ее чудовищной наготе.

Дожидааясь выхода миссис Маунтстюарт из библиотеки, он

представил себе эту вину в виде сферического тела, дерзновенно вращающегося вокруг собственной оси. Для того чтобы всесторонне охватить эту шарообразную массу и при этом испытывать меньше боли, он постарался отвлечься от образа Клары, отодвигая его от себя все дальше и дальше.

Подобное умение абстрагировать боль, вынести ее за пределы собственной личности, измерить ее и взвесить с точностью математика, дается не каждому. Это настоящее искусство. А быть может, одна из форм, в какую облекается инстинкт самосохранения: человек с душой легкоранимой непременно должен обладать этим инстинктом, иначе он, подобно деревушке у подножья скалы, что грозит обвалиться всякую минуту, подвергается постоянному риску быть раздавленным людской несправедливостью и жестокостью. Если же смотреть на это умение абстрагироваться как на искусство, то — да будет известно всем, кто желает в нем преуспеть, — необходимо, чтобы оно имело также поддержку извне. Даже у сэра Уиллоби этот его инстинкт самосохранения несколько померк и поувял и ожил только под влиянием беседы с миссис Маунтстюарт. Это она помогла ему воспарить и приблизиться к одному из идеальных образов сэра Уиллоби Паттерна, какие лелеяло его воображение. С джентльменами он был заправским британским джентльменом, с дамами — культивировал в себе галльский дух кавалера при дворе одного из Людовиков, начиная с Тринадцатого и кончая Пятнадцатым, и всей душой привязывался к тем, ктоощрял его выступать в этом обличье. Разумеется, галльский дух сдабривался британской степенностью: за суфле и шампанским ощущался солидный английский ростбиф. Как истый британский джентльмен, гарцевал он па своем резвом скакупе, изящный и неустрашимый. А в гостиных умел нашептывать любезные пустячки не хуже любого француза и поддерживать оживленный диалог, доводя его до сущей оргии остроумия. Дерзость, впрочем, он парировал не одними островами — его рапира всегда была к услугам того, кто позволял себе перейти границы. Таков был идеальный образ сэра Уиллоби Паттерна, созданный им самим. Клара же несколько не способствовала выявлению этого образа и выказывала полнейшее к нему равнодушие; мало того, в ее присутствии образ этот как бы съеживался и увядал. В обычных своих размышлениях сэр Уиллоби великодушно закрывал на это глаза: он — воплощение мужского благородства, она — жемской красоты. Но когда беседа с миссис Маунтстюарт неожиданно

воскресила этот идеальный образ, засиявший тем ярче, что сэр Уиллоби еще не оправился от обиды, причиненной ему Кларой, он вырвал ее из сердца и предался созерцанию медленно вращающейся перед его взором сферической проекции ее вины перед ним.

Прилежный читатель Книги Эгоизма, он полностью оценил мудрость почерпнутого в ней изречения: «Если раннее самолюбие не ответит ударом обидчику, оно неизменно нанесет удар самому себе». Но как здесь ответишь? Будь Летиция лет на десять моложе, можно было бы избрать ее орудием мести. Сейчас такая мысль представлялась нелепой. Летиция рядом с Кларой казалась олицетворением Зимы. В целях самозащиты он должен покарать Клару, это верно. Но сопоставить это цветущее существо с такой картиной увядания было слишком оскорбительно, и он с негодованием отверг мысль о Летиции.

Миссис Маунтстюарт уже занесла ногу на подножку своей кареты, когда в пижней части парка, там, где майская, еще желтоватая зелень буков светлела на фоне бурого покрова прошлогодней листвы, показались шелковые зонтики мисс Дейл и мисс Мидлтон.

— А что за кавалер с ними? — спросила миссис Маунтстюарт.

В самом деле, рядом с дамами шел какой-то господин.

— Неужели Вернон? — удивился Уиллоби. — Навряд ли. Он сейчас терзает Кросджея.

В ту же минуту Вернон вышел с Кросджеем — дать ему размяться перед обедом. Увидев мисс Мидлтон, Кросджей понесся ей навстречу. Вернон спокойно зашагал ему вслед.

— У нашей плутовки, случайно, нет кузена? — спросила миссис Маунтстюарт.

— Нет, у них в роду бывало только по одному ребенку в каждом поколении.

— А у Летти Дейл?

— Кузен?! — воскликнул он таким тоном, словно мисс Дейл приписали огромное состояние. И прибавил: — По мужской линии — никого.

В это время из аллеи, ведущей к круглой площадке перед порталом Большого дома, вынырнула стационарная коляска. На козлах сидел Флитч. Он не должен был здесь быть, он нарушил запрет, он это знал, но оправданием ему служило то, что он трудится ради поддержания жизни семьи. Жалкое, почти собачье выражение, с каким он то и дело подно-

сил руку к шляпе, как бы умоляя о снисхождении, было поистине трогательно.

Сэр Уилоби сделал рукой знак, чтобы он приблизился.

— Итак, вы здесь,— сказал он.— И даже с багажом.

Флитч соскочил с козел и прочитал вслух то, что было написано на одном из ярлычков: «Полковник де Крей».

— Полковник повстречался с дамами? Или он обогнал их на дороге?

Но повесть, которую Флитчу предстояло поведать, была весьма печального свойства.

Он начал издали: после того как он потерял место у сэра Уилоби, он был вынужден брать всякую работу, какая подвернется, и хоть знал, что не имеет права появляться здесь, надеялся, что его простят, приняв во внимание рты, которые он кормит, работая кучером при железнодорожной станции, где его и нанял господин полковник, и он надеется, что сэр Уилоби простит, что он доставил сюда его друга, а он, Флитч, прекрасно помнил, что господин полковник — друг сэра Уилоби, и господин полковник тотчас его, Флитча, узнал и сразу его приветствовал, не заметив, что на нем не было паттерновской ливреи. «Э, да это Флитч,— сказал господин полковник.— Опять на старом месте. И тебя за мной прислали?» И тогда он, Флитч, рассказал господину полковнику о своем плачевном положении. «Увы, сэр,— сказал он,— нет, я не на старом месте: куда мне!» А полковник — все такой же добрый и сердечный, как всегда,— с участием расспросил Флитча о его семействе. А теперь может случиться, что он и этого жалкого места лишится, ибо если уж прилепится к человеку беда, то не отстанет,— хоть ты в воду ныряй, хоть по воздуху лети — она все равно с тобой! Раз в жизни допусти глупость — и все: ты копченый человек.

— А теперь, сэр Уилоби, я покорно прошу вашего снисхождения.— И с этими словами Флитч перешел к вещественным доказательствам последней стряпшей с ним беды. Он открыл дверцу коляски, на дне которой лежала груда осколков.

— Как, как, как?! — вскричал сэр Уилоби.— Что такое? Как это случилось?

— Что это у вас? — спросила миссис Маунтстюарт, насторожив уши.

— Это была ва-аза,— элегически протянул Флитч.

— Фарфоровая ваза! — поправил сэр Уилоби,

— Китайский фарфор! — чуть не закричала миссис Маунтстюарт.

Сэр Уиллоби протянул ей осколок для обозрения.

Она поднесла его к самым глазам, потом отставила руку и осмотрела его на расстоянии. Из груди ее вырвался душе-раздирающий вздох.

— Уж лучше бы бедняга повесился, — сказала она.

Скорбное лицо Флитча снова задергалось, он судорожно задвигал руками, знаменуя этим намерение продолжать свою печальную повесть.

— Как же это случилось? — властно спросил сэр Уиллоби.

Флитч в ответ призвал своего бывшего хозяина и свидетели того, что он всегда был осторожным и искусным кучером.

— Я приказываю вам сейчас же рассказать, как это случилось! — прогремел сэр Уиллоби.

— Ни капли, сударыня! Со вчерашнего ужина ни одного глотка — истинная правда! — обратился Флитч за поддержкой к миссис Маунтстюарт.

— Не сворачивайте в сторону, — подбодрила она его.

И он повел свой дальнейший рассказ по прямой.

Флитч не спеша спускался под гору и, не доезжая мельницы Пайпера, там, где река Уикер пересекает дорогу на Рэбдон, увидел, как навстречу ему поднимается воз. Воз принадлежал Хоппнеру и был, как всегда, перегружен, так что лошади с трудом тащились в гору. В том же направлении в гору шагала какая-то молодая дама. Воз застрял, и Хоппнер со всей мочи хлестнул по лошадям. Лошади понесли как безумные, молодая дама отскочила в сторону. Полковник выпрыгнул из коляски, а Флитч — чтобы не задавить даму — свернул на обочину, и дама, благодарение богу, была спасена, а когда он узнал, кто была эта дама, он еще раз вознес хвалу небесам.

— Она была одна? — спросил сэр Уиллоби, уставившись на Флитча с трагическим изумлением во взоре.

— Итак, — вставила миссис Маунтстюарт, побуждая Флитча продолжать свой рассказ, — спасая даму, вы опрокинули экипаж.

— Спросите Бартлета, сударыня, нашего бывшего лесничего; он свидетель, мне пришлось въехать на обочину, и... коляска, разумеется, перевернулась. А ваза, она — бац об столб, как раз на двенадцатой миле, словно только и ждала

случая! Потому что ведь никто другой не пострадал, а если бы ваза эта не ударилась, она бы не разлетелась на мелкие кусочки, мы с Бартлетом собирали их целых десять минут и собрали-то все — до мельчайшего осколка! И Бартлет сказал, да и я так думаю, сэр, что во всем этом чувствуется рука провидения — потому что в самом деле, сэр, все мы очутились там разом, словно так было кем-то задумано.

— После чего Гораций, благоразумно решив не доверять больше свои драгоценные члены этой неустойчивой колымаге, присоединился к дамам и совершал свой дальнейший путь пешком, — сказал сэр Уиллоби, обращаясь к миссис Маунтстюарт.

— И все, слава богу, целы и невредимы, — заключила та.

Собеседники, не сговариваясь, взглянули на нос бедяги Флитча и многозначительно хмыкнули.

Миссис Маунтстюарт протянула несчастному полкроны, а сэр Уиллоби, приказав лакею взять вещи из коляски и осторожно собрать осколки, велел Флитчу убраться как можно скорее.

— Вот вам и свадебный подарок полковника! — сказала миссис Маунтстюарт, уже сидя в карете. — Я навещу вас завтра.

— Милости просим, сударыня, — каждый день! Да, вы, пожалуй, угадали назначение бывшей вазы, — сказал сэр Уиллоби и отвесил госте прощальный поклон.

— Ну что ж, теперь вам будет легче поделить подарок, если вздумате расхотеться! — крикнула миссис Маунтстюарт и сделала прощальный знак рукой. Стук колес удаляющегося экипажа не заглушил последнюю ее реплику. — Как хотите, а в этот фарфор наверняка вселилась какая-нибудь плутовка, — донеслось до ушей сэра Уиллоби.

Беспечный и равнодушный свет отвешивает нам время от времени подобные оплеухи.

Бог с ней, с вазой. Горацию придется раскошелиться на другой свадебный подарок, вот и все — не дарить же осколки! Судя по ним, ваза была драгоценной, — ну, да сейчас не до этого. Но что означала одинокая прогулка Клары по проселочной дороге? И как сэра Уиллоби Паттерна угораздило попасть в эту бесовскую западню, вверив свою честь такой особе, как Клара Мидлтон!

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Полковник де Крей

Клара шла, оживленно смеясь и болтая с полковником де Креём; ее зонтик сверкал на солнце, а юный Кроссджей вис у нее на руке. Преступница была ослепительно хороша! Грациозная, великолепно сложенная, с пышными волнистыми волосами, с яркими устами и белоснежной кожей, она, казалось, задалась целью заставить всякого, кто на нее взглянет, узнать в ней изящную фарфоровую плутовку. От одного ее вида, казалось, леса и доли должны были пуститься в пляс, а городские улицы и площади — потерять голову. Строгий критик, быть может, назвал бы ее черты неправильными, зато к сложению Клары он бы никак не мог придраться. Фигура и походка ее вызвали бы восхищение каждого. Платье сидело на ней с необыкновенной ловкостью, то облекая стан и подчеркивая формы, то вилась и волнуясь вокруг нее трепетными, как летний ветерок, складками. «Калипсоподобно», как не преминул бы сказать доктор Мидлтон. Взгляните на серебристую березку на ветру: она то надуется, как парус, то рассыплется, то округлится шаром, то взвоется, как вымпел; мгновенье — и мы видим белую сверкающую полосу ствола, но нет, это нам показалось, этого не могло быть, как бы стремятся нас уверить хлопотливые волнистые складки, сквозь которые — все-таки! — нет-нет да просвечивает его изумительная белизна. Мисс Мидлтон обладала редким даром одеваться в соответствии с природой, ее окружающей, и с простертым над ней небом. В этот день платье ее необыкновенно гармонировало с одухотворенной прелестью лица, слишком прелестного, слишком выразительного, чтобы заслужить название «хорошенького», и, быть может, недостаточно строгого, чтобы называться «красивым». Модистка объяснила бы нам, что на ней была косынка белого муслина, накинутая на платье с темно-розовой отделкой, из этой же воздушной материи. В руке она держала зонтик из серебристого шелка, с зеленым бордюром; через другую ее руку — ту, которою завладел Кроссджей, — была перекинута ветка вьющегося плюща, а в пальцах — зажат букетик первой майской зелени. Все эти оттенки — темно-розового, зеленого и светло-оливкового — проходили легкой зыбью по белым волнам ее платья, которое вздувалось и опадало, как яхта, перед тем как убе-

рут паруса. Но нет, она не походила на гонимую ветром яхту — она напоминала скорее дельфин, когда послушные юго-западному ветру облака в самом движении своем сохраняют невозмутимость; и, как в ясном небе, что высятся над облаками и ветром, краски в ее лице переходили одна в другую, а черты складывались то в безмятежную радость.

Сэр Уиллоби не был поэтом, овал Кларе. В откровенности, с киванием к вздорной болтовне и лести, он превосходил большинства поэтов, и, несмотря на свистопляску этой братии, не пожелал про себя. Сэр Уиллоби пена... с ними боролся. Но там, где дело касалось женской красоты и очарования — этого извечного предмета поэзии, — сэр Уиллоби был с поэтами заодно. На свою беду, он был до крайности впечатлителен, и, когда видел, что женщина, которая правится ему, вызывает также восхищение других, его чувство разрасталось в безудержную страсть. Он сразу заметил, что де Крей очарован Кларой. Разумеется, иначе и быть не могло. Такой тонкий ценитель женской красоты, как Гораций, не мог не плениться Кларой. Удивительно было не это, а то, что Уиллоби, когда мысленно сравнивал Клару и мисс Дейл, так небрежно, вскользь, останавливался на внешности своей невесты. С недавних пор эта сторона почти перестала для него существовать.

Ее поведение — особенно ее последний проступок, заключавшийся в том, что она дерзнула одна, без прислуги или какой-либо другой спутницы, выйти на проезжую дорогу, а главное — то, что ее там обнаружил его друг Гораций, — причинило ему такую сильную и непривычную боль, что он имел все основания чувствовать себя оскорбленным. И при этом — испытывать прилив страсти к той, что его так глубоко уязвила! Что может быть горше подобной участи? Досада, которую он, в силу своего характера, не мог в себе подавить, придавала его чувству горечь полыни. Страсть его ничуть не утихла и тогда, когда он решил покарать Клару изъявлением своего недовольства. Ее веселость казалась ему неуместной, как смех в церквях.

— Итак, вы целы и невредимы! — воскликнул он, обращаясь к ней и одновременно подавая руку своему другу Горацию.

ибо Уиллоби, я полагаю, разделяет новомодное увлечение проводить медовый месяц на железной дороге. В мое время мы сидели на месте, боясь спугнуть наше счастье: пам и в голову не приходило гонять по всей Европе, принимая всю эту суету и клубы дорожной пыли за райские кущи. Нынче человеческая порода измельчала и жертвует всем ради шумных утех, получая в награду — пыль и суету. Это и есть сегодняшний мир. А засим, моя дорогая, пойдем мыть руки. Обеденным колокольчиком макировать нельзя. Он требует беспрекословного повиновения.

Клара была в отчаянии от упущенной возможности. Ее удрученная поза и выражение глаз с самого начала насторожили доктора Мидлтона; поняв, что эти симптомы таят в себе смутную угрозу его спокойствию, он пустил в ход все свое красноречие, чтобы тут же, на корню, задушить готовящуюся неприятность.

— Ты не презираешь свою девочку, отец?

— Что за вопрос! Я ведь люблю свою девочку. Но, милая, зачем же зудить над ухом, как комар, и задавать подобные вопросы?

— Хорошо, отец. В таком случае объяви Уиллоби, что мы завтра уезжаем. Ты успеешь вернуться к обеду у миссис Маунтстюарт. Почему бы нам не остановиться у друзей, у Дарлтонов или Эргингэмов, например? Или, наконец, поехать в Оксфорд, где ты можешь всегда рассчитывать на радушный прием. У меня, понимаешь, разыгрались нервы. Мне самой стыдно. Я достаточно здорова, чтобы смеяться над своей болезнью, но не настолько, чтобы ее превозмочь. День-два — и я поправлюсь. Ну, скажи, что ты согласен! Только скажи просто-просто, как в хрестоматиях для первого класса, потому что всякое выражение, которое хоть сколько-нибудь сложнее школьного учебника, заставляет мою бедную голову раскаливаться на части.

Доктор Мидлтон развел руками.

— Ты аккредитуешь меня послом к Уиллоби, Клара? Предназначаешь мне роль мячика меж двух ракеток? Ну, да ладно. Была бы пьеса, пролог — дело второстепенное. Насколько я понимаю, меня посвящают в одну из многочисленных тайн любви, но, честное слово, я так ничего и не понял. Если у тебя есть что-то такое, что нужно сообщить Уиллоби, пусть он это услышит из твоих уст.

— Да, да, отец. Мы с ним кое в чем расходимся, а я сейчас не в состоянии вести споры. У меня головокружения, и я

боюсь, как бы совсем не расхвораться. Мы с ним... это я виновата, я!

— А вот и звонок! — воскликнул доктор Мидлтон. — Я поговорю с Уилоби.

— Прямо сейчас?

— Ну, не знаю точно. Во всяком случае, до обеда. Я не могу привязать себя к часовой стрелке. И позволь мне тебе сказать, что я не ожидал от своей дочери такого вульгаризма. «Прямо сейчас!» Нет, моя девочка должна следить за своей речью. — И чтобы смягчить суровость своих слов, доктор Мидлтон улыбнулся и поцеловал Клару в лоб.

Она объявила, что не в состоянии есть, и поднялась к себе, заклиная отца послать ей весточку тотчас после того, как у него состоится беседа с Уилоби. Гордая своим самообладанием — она ведь не пролила ни единой слезинки, говоря с отцом, — Клара начинала верить в собственное мужество наперекор всем прежним свидетельствам ее малодушия.

Погода менялась каждые полчаса: ливни чередовались с яркими проблесками солнца, и казалось, будто это проходят, взявшись за руки, прелестные девушки, то темноволосые, то русые. Вот тучи обложили небо, и Клара ежится от холода; но стоит солнцу пробиться сквозь капли дождя, и она прячет лицо в ладони, чтобы не поддаться радостному чувству. Решив, что у нее мигрень, она и в самом деле начала ощущать симптомы этого тягостного состояния и совсем пала духом. Она растравляла себя, вспоминая скромную восторженность, с какой Летиция говорила о радостях сельского житья и, главное, о здешних местах с их роскошными лесами и живописными лужайками, где все дышит миром и покоем. Как только у Клары появился проблеск надежды вырваться из предуготовленного ей будущего, ее воображение принялось рисовать его в самых заманчивых красках. Ей представилась жизнь, какую бы она вела в этом краю, где солнце не раскаленный огненный шар, а друг, улыбающийся сквозь лесную листву, где всюду, куда ни кинешь взор, виднеются привычные очертания парка и лугов, где все такое знакомое и такое родное — и холмы, амфитеатром раскинувшиеся в отдалении, и сердца бедных поселян... (Ведь вот же — сочувствует она этим бедным поселянам всей душой, следовательно, не такой уж она испорченный человек!) Как все это должно стать близко и мило тому, кто проводит здесь каждый день своей жизни, с утра до ночи и с ночи до утра! А Клара к тому же любит цветы, душа ее живо

совершеннейший трезвенник. Он пьет лишь затем, чтобы отвести душу, а следовательно, у него таковая имеется. Позвольте же мне быть ходатаем за беднягу Флитча!

— Я не желаю больше слышать его имени. Я его не гнал, он ушел своей волей.

— Да, чтобы понюхать счастья, как то делают лучшие из нас. Но паша лиерея все равно следует за нами по пятам, напоминая, что нам никогда не избавиться от своей зависимости. И впрямь, при первом дуновении зимнего ветра мы, побряхтывая, снова облачаемся в курточку с металлическими пуговицами. Простите его, Уилоби, и народ на вас будет молиться! Вот и мисс Мидлтон присоединится к моей просьбе!

— Никаких просьб!

— Но, Уилоби, я поклялся своим красноречием, что добьюсь у вас прощения для бедняги!

— Ни слова больше!

— Только одно!

Сэр Уилоби не мог справиться со своим раздражением, хоть и понимал, что оно выставляет его в невыгодном свете рядом с его другом Горацием, который, как нарочно, был в ударе. Обычно он любил в Горации эти взрывы ирландского темперамента, делавшие его таким забавным, когда его не слишком заносило. Собственно говоря, де Крей, как ему о том не раз напоминал сэр Уилоби, был происхождения норманского, и в жилах его струилось не так уж много ирландской крови. Надо полагать, однако, что и этих скудных капель было довольно, и пусть тонкий профиль де Крея свидетельствовал о более суровой расе, глаза, подвижный рот, да и весь его душевный склад не давали забыть о бабках и прабабках, вывезенных его предками из Ирландии.

— Я сказал о нем свое последнее слово,— ответил Уилоби.

— Ах, но ведь я ставил на доброту вашего сердца, и если ваше слово окажется сильнее доброты, я проиграл! А мне это совсем не по карману. Вот вам целых две причины отступить от вашего слова.

— И обе равно неосновательны. А вот и дамы!

— Но вы еще подумаете о бедняге, Уилоби?

— Надеюсь, у меня найдется занятие поинтересней.

— Дайте ему катать тачку в Паттерн-холле, и он будет счастливее, чем на козлах самого пышного экипажа. У него сердце разбито.

— У него много чего перебито, мой дорогой Гораций!

— Ах, вы о вазе! О фарфоровой безделке! — протянул де Крей. — Ну, ничего, мы еще о нем поговорим.

— Сколько вам угодно, но только мои правила нерушимы.

— Нерушимы? Как у некоего древнего народа, который хвастал тем же, — что ж, много радостей дала им их непреклонность! Это все равно что ходить облаченным в железные доспехи. Ведь вся прелесть человеческих законов в их гибкости, в том, что их можно перекраивать применительно к новым правам.

Полковник де Крей последовал за Улоби, чтобы засвидетельствовать свое почтение дамам — мисс Эленор и мисс Изабел.

Сэр Улоби прекрасно понимал, кто вдохновил его друга Горация так настойчиво и даже назойливо просить за Флитча, и эта догадка отнюдь не способствовала ни улучшению его настроения, ни изяществу его ответов. Он мучительно сознавал контраст, который его чопорность составляла с легкой, исполненной грации манерой де Крея; к тому же по Клариному лицу он видел, что контраст этот не ускользнул и от нее; а между тем какой-то рок заставлял его все сильнее растравлять свою досаду, что, в свою очередь, не помогало восстановлению душевного равновесия. Он бы повял и еще кое-что, если бы в эту минуту не отвернулся от обоих ходатаев за Флитча: он бы увидел, как, повинувшись необъяснимому инстинкту, мисс Мидлтон и де Крей обменялись взглядом. Его взгляд сказал: «Вы были правы», ее — ответил: «Я говорила!» Ее глаза были спокойны, но как бы затуманены облачком привычной усталости. В сверкающих глазах Горация де Крея сэр Улоби прочитал бы изумление, задумчивость, восторг и, наконец, жалость. Взгляд их словно парил над внезапно разверзшейся бездной, дивясь и отказываясь верить.

Но сэр Улоби ничего не видел. Зато этот таинственный немой разговор не ускользнул от внимания той, что владела ключом к нему. Полчаса назад мисс Дейл застала полковника де Крея с мисс Мидлтон у ворот своего дома. Они болтали и смеялись, как давние знакомцы. Де Крей выступал во всем блеске своего ирландского красноречия. В сочетании с изысканными манерами оно, как известно, неотразимо и сразу погружает собеседника в атмосферу непринуж-

денности — а тут еще случай помог разбить лед в самом начале. Темой разговора служил Флитч.

— А если мы, взявшись за руки, предстанем пред светлые очи Уиллоби, низко ему поклонимся и будем молить о помиловании — неужели при виде таких заступников сердце его не смягчится?

Мисс Мидлтон выразила сомнение. Полковник де Крей был готов побиться об заклад: кто-кто, а уж он-то Уиллоби знает!

Мисс Мидлтон взглянула на него без улыбки, как бы давая понять, что ее особое мнение есть результат печального опыта.

— Вот увидите, — сказал полковник.

Они болтали, как люди, которым неожиданно открылось, что они говорят на одном наречии среди толпы чужаков. Когда такая парочка повстречается, разговор не умолкает ни на минуту, собеседники словно боятся, что их вот-вот разведут и они не успеют выговориться; это встреча двух горных ручьев, игра в пятнашки, при которой не скажешь, кто кого стремится догнать, не поймешь, о чем идет речь, даже не различишь, кто что сказал, — так переплетаются реплики говорящих. Летиция не могла удивиться душевной легкости мисс Мидлтон — ведь после их объяснения не прошло и часу, а Клара уже купалась в безмятежном веселье, блаженствуя, словно мальчишка, дорвавшийся до речки в знойный летний день. Летиция начинала понимать, что имел в виду Уитфорд, когда превозносил остроумие мисс Мидлтон.

Когда разговор зашел об Ирландии, оказалось, что в жилах мисс Мидлтон тоже течет ирландская кровь и что у нее даже имеются там двоюродные братья и сестры.

— Я это понял по вашему смеху, — сказал де Крей.

Сейчас, однако, полковник беседовал с мисс Эленор и мисс Изабел с солидностью истого англичанина. Клара побрела куда-то с юным Кросджем, а Летиция и Вернон прохаживались вдоль газона.

— Если бы я смела давать вам советы, — говорила Летиция, — я бы сказала: не покидайте Паттерп-холла, повремените немного.

— Следовательно, вам уже известно?..

— Да, но я не могу понять, зачем она избрала своей наперсницей меня?

— Это я ей посоветовал.

- Но я не понимаю цели.
- Ей было необходимо выговориться.
- Она так капризна, так переменчива!
- Лучше теперь, покуда не поздно.
- Достаточно попросить, и ее освободят от слова! Попросить всерьез — если она в самом деле этого хочет.
- Вы ошибаетесь.
- Почему же она не поговорит с отцом?
- Видно, придется. До сих пор она его щадила.
- Если она в самом деле намерена рвать с женихом, ей не удастся пощадить отца.
- Она рассчитывала избавить его от излишних неприятностей. Но поскольку предстоит борьба, ему придется принять в ней участие.
- А может, она просто боялась, что он не поддержит ее в этой борьбе?
- Нет, нет, она ничуть не хитрит. Вы судите о ней слишком сурово.
- По дороге туда ей удалось тронуть мое сердце. На обратном пути она вызвала у меня несколько иное чувство. Вернон взглянул на полковника де Крея.
- Ей нужна твердая рука, — продолжала Летиция.
- В пей нет ни капли лукавства.
- Вы так думаете? Возможно, вы и правы. Но мне она представляется опрометчивой и нетерпеливой по натуре.
- В ней есть что-то необузданное... Я сужу по ее манере говорить, заставляющей верить в ее искренность. Трудно заподозрить ее в скрытности. Он, разумеется, ушам своим не поверит. Эта перемена в ней так внезапна, так своевольна, что я просто отказываюсь ее понять. Ее поведение необъяснимо, и он имел бы все основания настаивать на том, чтобы она сдержала слово.
- Не завидую ему, если он в этом преуспеет!
- Вы не находите, что в вашем замечании гораздо больше осуждения, чем во всем, что говорила я?
- А я и не собираюсь ее хвалить. Но мне кажется, что я понимаю, в чем дело. Здесь просто-напросто несоответствие темпераментов. Заранее не скажешь, подходит тебе человек или нет. Это осеняет вдруг, вот и все.
- По-вашему, вдруг? О нет, по-моему это постигается постепенно.
- Да, но когда мы накопим достаточно впечатлений

или, если угодно, ощущений, возникает опасность взрыва; когда именно вспыхнет искра, зависит не от нас: она может и запоздать. Ваша мысль — аргумент в ее пользу. Это натура благородная, порывистая, она просто в конце концов не выдержала.

— Не выдержала чего?

— Да всего. Хотя бы его величия. Скажем так: он слишком высоко для нее летает.

— Сэр Уилоби — орел?

— Да, и быть может, ей неуютно в его высоком гнездовье.

Нечто в тоне Вернона разбудило дотоле смутно дремавшее в ней подозрение, что он полностью раскусил сэра Уилоби, а заодно и ее собственные робкие догадки о нем.

— Но я не понимаю, — продолжала Летиция, — чего она ждет от меня? Зачем ей попадобилось делиться своими соображениями со мной?

— Никто из нас не знает, чем все это кончится. Мы зависим от Уилоби, который, в свою очередь, зависит от каких-то нам неизвестных сил. Вот мы и варимся все в одном котле.

— Итак, вы сами видите, мистер Уитфорд, что вам лучше повременить с отъездом.

— Все это должно разрешиться в течение ближайших двух-трех дней. Да, я подожду.

— Она склонна слушаться вас.

— Я бы не стал слишком полагаться на ее покорность. Пора, однако, решать с Кросджем: если нам в самом деле собираются дать деньги на репетитора, надо их скорее брать. Если нет, я постараюсь их раздобыть взаймы. Так или иначе, мальчишку я отсюда увезу. Уилоби уже прожужжал ему все уши своими планами сделать из него джентльмена, и Кросджей начинает к ним прислушиваться. Говоря о ее «покорности», я хотел сказать, что она не только не может, но и не должна слепо следовать чьим бы то ни было советам. Она должна полагаться на одну себя. Этот узел может разрубить только она сама, и никто другой.

— Боюсь, что...

— И совершенно напрасно боитесь.

— Но если он откажется наотрез?

— Тогда ему самому придется все расхлебывать.

— Но вы не думаете о пей!

В ответ Вернон молча взглянул на свою собеседницу.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Полковник де Крей и Клара Мидлтон

Мисс Мидлтон обвела шляпу Кросджея побегом плюща и воткнула в этот венчик свой букетик из диких трав. Затем, оставив его подле большой клумбы рододендронов, велела ему никуда не уходить, пока она не вернется. Она слышала, что Кросджей собирался отправиться с ватагой мальчишек в поход за птичьими гнездами и заодно произвести рекогносцировку осипых и пчелных гнезд, каковые предстояло атаковать в конце лета. Не сомневаясь в том, что они полезут непременно на самые высокие деревья, она считала это предприятие рискованным. А потому, зная, что Кросджей в пылу азарта обычно глух к призыву обеденного колокольчика, она хотела удержать его с помощью власти, которую — плутовка знала и это! — она имела над юношескими сердцами.

— Обещай, что не сдвинешься с места, пока я не вернусь, — сказала она, — и тогда я тебя поцелую.

Кросджей обещал, Клара оставила его и тотчас о нем забыла.

Увидев по часам, что до обеда оставалось еще пятнадцать минут, и подчиняясь какой-то неведомой силе, толкавшей ее на решительные действия, вместо бесцельного следования по течению, она устремилась вдруг к отцу. Ей необходимо с ним поговорить — сей же час, немедленно! Она знала, чего хочет, знала отчетливее, чем утром: уехать отсюда как можно скорее! С сомнениями было покончено. Но разве она сомневалась раньше? Разумеется, нет. Правда, утром она еще не подозревала в себе тех дурных склонностей, какие обнаружились сегодня, не знала о необходимости спасаться от самой себя. Итак, естественной, врожденной добродетелью она не обладает, — быть может, в природе и встречаются святые души, которые такими и родились, но она не из их числа: ее добродетель — порождение пламенной воли, а не ледяной невозмутимости. Взором беспощадным и пытливым заглянула она в свою душу, в каждый ее закоулок. Признавая за собой известную силу, она видела, что слабости в ней было еще больше. На какое-то мгновение она осмелилась заглянуть в самую бездну своей души, и то, что она там увидела, заставило ее ринуться к отцу.

Как бы ни хотелось ей щадить его, она не могла больше себя обманывать. И, как ни тяжело ей было признаться

отцу в том, что ее чувства по отношению к сэру Уиллоби претерпели изменения, даже наедине с собой она не позволяла себе лукавить и приписывать свое охлаждение к жепиху дочерней привязанности. Какое-то время она тешила себя этим самообманом. Теперь же, когда ей стало ясно, что откладывать разговор больше нельзя, она поняла, что ее удерживало до сих пор нелепое желание сохранить за собой репутацию последовательного человека. Поддавшись ему, она дошла до того, что сетовала на свою судьбу перед посторонними. При ней так часто упрекали женщин в легкомыслии, в отсутствии глубины, отец так часто сравнивал их с флюгером, послушным воле ветра, так часто повторял свое *quid femina possit*¹, что этой умнице хотелось — ради поддержания чести всего женского сословия, а также чтобы показаться среди него исключением, — заявить себя человеком последовательным.

Она уже открыла было рот, чтобы произнести: «Отец», но тут же спохватилась — такое торжественное обращение заставило бы его насторожиться, меж тем как время высказаться до конца еще не наступило.

— Папа, увези меня отсюда, — сказала она.

— Куда? — спросил доктор Мидлтон. — В Лондон? Но у кого же мы остановимся?

— А если во Францию, папа?

— Мотаться по отелям!

— Всего две-три недели!

— Две-три недели?! Но ведь на той неделе — а именно в четверг — я приглашен к миссис Маунтстюарт-Дженкинсон на обед.

— А нельзя найти какой-нибудь предлог и извиниться?

— Нарушить слово?! Нет, милая, этого я себе позволить не могу, хоть мне самому не улыбается перспектива пить вино, подаваемое к столу у вдовы.

— Неужели слово так связывает человека?

— А что же еще его связывает, если не слово?

— Видишь ли, папа, мне немного нездоровится.

— В таком случае надо позвать того человека, который здесь обедал, помнишь? Как его? Корни. Он превосходный врач, настоящий старомодный врач с анекдотами. Но отчего же тебе нездоровится, дружок? Выглядишь ты прелестно, и мне даже трудно поверить, что ты нездорова.

¹ На что только не способна женщина (лат.).

— Я думаю, мне будет полезна перемена обстановки.

— Так вот оно что! Жажда перемен! *Semper cadem!*¹ Женщины и в раю захотят перемены обстановки. И чтобы ангелов тоже непременно заменили другими. Предпочтенью этому дому французскую гостиницу! С неба — на землю! «Ужели эта область, мрак плачевный заменит нам сияние небес?» Я пользуюсь здешней библиотекой, как своею собственной. Потом этот славный малый Уитфорд — с ним можно говорить. И мне нравится, что он не дает потачки своему кузену и шефу.

— Уитфорд скоро уедет.

— Мне об этом ничего не известно, и покуда мне самому не скажут наверное, я не поверю слухам. Он упрям, я знаю. Но его всегда можно образумить.

Грудь у Клары высоко вздымалась, и невысказанный мятеж грозил вылиться слезами.

По окнам вдруг захлестал косой дождь, принесенный юго-западным ветром, и перед духовным взором доктора Мидлтона возникла безрадостная картина морского путешествия.

— Нет, нет, мы тебя покажем доктору Корпи. Он не очень приятен, не спорю, и, вероятно, не обременен знаниями, если судить по реплике, которой он прервал меня в самой середине моего рассуждения. Впрочем, он, верно, грамотен ровно настолько, чтобы уважать Ученость и выписывать свои рецепты. Большого я не требую ни от лекарей, ни от простых смертных.

Мистер Мидлтон поднялся с кресла и взглянул на стальные часы.

— *Quod autem secundum litteras difficillimum esse artificium?* — продолжал он. — Какое искусство следует за искусством писателя по трудности? *Ego puto medicum.* Я полагаю, что искусство врачевания. Медика сажайте рядом с ученым. Впрочем, насколько помнится, мне ни разу не доводилось просить о подобном соседстве, и уж никак я не ожидал, что моей родной дочери потребуется общество лекаря. Впрочем, дочь есть дочь, существо, принадлежащее к загадочному полу. Итак, мы пошлем за Корпи. А что до перемены мест, моя дорогая, то и этого в самое ближайшее время будет довольно даже для несытнейшей из женщин,

¹ Всегда одно и то же! (лат.)

ибо Уиллоби, я полагаю, разделяет новомодное увлечение проводить медовый месяц на железной дороге. В мое время мы сидели на месте, боясь спугнуть наше счастье: пав и в голову не приходило гонять по всей Европе, припимая всю эту суету и клубы дорожной пыли за райские куши. Нынче человеческая порода измельчала и жертвует всем ради шумных утех, получая в награду — пыль и суету. Это и есть сегодняшний мир. А засим, моя дорогая, пойдем мыть руки. Обеденным колокольчиком манкировать нельзя. Он требует беспрекословного повиновения.

Клара была в отчаянии от упущенной возможности. Ее удрученная поза и выражение глаз с самого начала насторожили доктора Мидлтона; поняв, что эти симптомы таят в себе смутную угрозу его спокойствию, он пустил в ход все свое красноречие, чтобы тут же, на корню, задуть готовящуюся неприятность.

— Ты не презираешь свою девочку, отец?

— Что за вопрос! Я ведь люблю свою девочку. Но, милая, зачем же зудить над ухом, как комар, и задавать подобные вопросы?

— Хорошо, отец. В таком случае объяви Уиллоби, что мы завтра уезжаем. Ты успеешь вернуться к обеду у миссис Маунтстюарт. Почему бы нам не остановиться у друзей, у Дарлтонов или Эрпингэмов, например? Или, наконец, поехать в Оксфорд, где ты можешь всегда рассчитывать на радужный прием. У меня, понимаешь, разыгрались нервы. Мне самой стыдно. Я достаточно здорова, чтобы смеяться над своей болезнью, но не настолько, чтобы се превозмочь. День-два — и я поправлюсь. Ну, скажи, что ты согласен! Только скажи просто-просто, как в хрестоматиях для первого класса, потому что всякое выражение, которое хоть сколько-нибудь сложнее школьного учебника, заставляет мою бедную голову раскалываться на части.

Доктор Мидлтон развел руками.

— Ты аккредитуешь меня послом к Уиллоби, Клара? Предназначаешь мне роль мячика меж двух ракеток? Ну, да ладно. Была бы пьеса, пролог — дело второстепенное. Насколько я понимаю, меня посвящают в одну из многочисленных тайн любви, но, честное слово, я так ничего и не понял. Если у тебя есть что-то такое, что нужно сообщить Уиллоби, пусть он это услышит из твоих уст.

— Да, да, отец. Мы с ним кое в чем расходимся, а я сейчас не в состоянии вести споры. У меня головокружения, и я

боюсь, как бы совсем не расхвораться. Мы с ним... это я виновата, я!

— А вот и звонок! — воскликнул доктор Мидлтон. — Я поговорю с Уиллоби.

— Прямо сейчас?

— Ну, не знаю точно. Во всяком случае, до обеда. Я не могу привязать себя к часовой стрелке. И позволь мне тебе сказать, что я не ожидал от своей дочери такого вульгаризма. «Прямо сейчас!» Нет, моя девочка должна следить за своей речью. — И чтобы смягчить суровость своих слов, доктор Мидлтон улыбнулся и поцеловал Клару в лоб.

Она объявила, что не в состоянии есть, и поднялась к себе, заклиная отца послать ей весточку тотчас после того, как у него состоится беседа с Уиллоби. Гордая своим самообладанием — она ведь не пролила ни единой слезинки, говоря с отцом, — Клара начинала верить в собственное мужество наперекор всем прежним свидетельствам ее малодушия.

Погода менялась каждые полчаса: ливни чередовались с яркими проблесками солнца, и казалось, будто это проходят, взявшись за руки, прелестные девушки, то темноволосые, то русые. Вот тучи обложили небо, и Клара ежится от холода; но стоит солнцу пробиться сквозь капли дождя, и она прячет лицо в ладони, чтобы не поддаться радостному чувству. Решив, что у нее мигрень, она и в самом деле начала ощущать симптомы этого тягостного состояния и совсем пала духом. Она растравляла себя, вспоминая скромную восторженность, с какой Летиция говорила о радостях сельского житья и, главное, о здешних местах с их роскошными лесами и живописными лужайками, где все дышит миром и покоем. Как только у Клары появился проблеск надежды вырваться из предуготовленного ей будущего, ее воображение принялось рисовать его в самых заманчивых красках. Ей представилась жизнь, какую бы она вела в этом краю, где солнце не раскаленный огненный шар, а друг, улыбающийся сквозь лесную листву, где всюду, куда ни кинешь взор, виднеются привычные очертания парка и лугов, где все такое знакомое и такое родное — и холмы, амфитеатром раскинувшиеся в отдалении, и сердца бедных поселян... (Ведь вот же — сочувствует она этим бедным поселянам всей душой, следовательно, не такой уж она испорченный человек!) Как все это должно стать близко и мило тому, кто проводит здесь каждый день своей жизни, с утра до ночи и с ночи до утра! А Клара к тому же любит цветы, душа ее живо

отзывается на радости, которые приносит с собой каждая смена года, умеет наслаждаться стихами, погружаться с головой в книгу. Глубоко заглянув в себя, она убедилась в искренности всех этих чувств: они коренились в почве, ее возраставшей. Эта вера была особенно нужна Кларе сейчас, когда, прикрыв ладонью глаза, она сознавала, что болезнь ее — в некотором роде симуляция, несмотря на то что причины, которые могли бы вызвать у нее мигрень, были настолько основательными, что ее собственный мозг отказывался уличить ее в обмане и даже наградил ее некоторым подобием боли. Иначе — как бы она посмела запереться у себя в комнате? Вернон Уитфорд, разумеется, примет весть о ее нездоровье скептически. А что подумает полковник де Крей, независимо от того — настоящая у нее мигрень или выдуманная? Ведь до этой минуты она не проявляла ни малейших признаков недомогания. Клара вспомнила смех и беспечную болтовню де Крея, и мигрень, которую она так старательно себе внушала, как рукой сняло; полковник действовал на расстроенные нервы подобно освежающему морскому ветерку. Она принялась было думать о сэре Уиллоби, но тут мысли ее смешались, в них было не больше логики, чем в пенящемся водопаде.

Вскоре, однако, чувства ее устремились по новому руслу. Ее камеристка Баркли принесла ей записку от отца, на которой карандашом было начертано: «Factum est; beatus est; amantium irae, etc.»¹.

В первую минуту ей показалось удивительным все: и что отец поговорил с Уиллоби, и что тот изъявил готовность пойти навстречу ее желанию, и что отец ее подумал, будто между ними произошло то, что принято называть «милые бражки». Но уже в следующую минуту она решила, что иначе и быть не могло. Ну, конечно же, Уиллоби и сам ею тяготеет и рад разрыву. Он-то понимает, что она уезжает навсегда. И Клара в душе поблагодарила его за намек на «amantium irae», который — теперь она в этом не сомневалась — исходил именно от него, хоть самый смысл стиха она и отвергала применительно к их положению. Она снова загляделась в окно на эту милую скромную природу. Как счастлива будет хозяйка Паттерн-холла, если только ей удастся быть счастливой с его хозяином! Клара Миддлтон завидовала ей лишь в одном: она будет обладательницей мах-

¹ Сделано; он доволен; ссоры влюбленных и т. д. (лат.).

ровой вишни. Если бы можно было увезти с собой цветущую веточку этого дерева, она бы рассталась с этими краями, унося в памяти одно только хорошее. Но увы, цветы увянут и сделаются седыми, как пыль, как снежная корка в альпийских ущельях. Призрак мигрени отступил. Клара сняла кисейное платье и переделалась в шелковое, схватила, не выбирая, первую же шляпку, которую подала ей Баркли, и с душой, открытой всем и каждому, не исключая Уилоби, подошла к окну, растворила его, вдохнула воздух всей грудью и благословила весь мир. «Если бы Уилоби только захотел раскрыть душу природе, он бы избавился от своего ужасного мнения о мире, его окружающем!..» А природа и в самом деле благоприятствовала новоявленному оптимизму Клары — кругом все сияло и искрилось после только что отшуршавшей завесы ливня. Клара даже испытывала нечто вроде голода, — да, да, настоящего голода! Ощущение это давно уже ее не посещало, и ей стало еще радостнее. Впрочем, она не стремилась тут же его утолить. Напротив, ей захотелось дать своему аппетиту разыграться как следует, ибо она чувствовала, как под его воздействием в ней оживает каждая мышца. Со свойственной только очень безмятежным женщинам стремительностью Клара метеором спустилась с лестницы, промчалась по вестибюлю мимо полковника де Крея и исчезла в дверях одной из комнат.

Полковник де Крей глядел, прищурясь, на полуотворенную дверь. Не следует забывать, что де Крей принадлежал к беспечному племени светских охотников и в качестве такового — чтобы не дать прекрасному, но лукавому полу с помощью всех имеющихся в его распоряжении ухищрений и тонкостей сбить себя со следа — стремился всякий раз определить заранее, с каким видом дичи ему приходится иметь дело: принадлежит ли птица, на которую он охотится, к разряду летающих или бегающих по земле? Одна вспорхнет, — только ее и видели! — другая сама подставляет грудь меткому стрелку. Для охотника не существует индивидуальной женщины. Ее характер интересует его лишь постольку, поскольку он позволяет отнести ее к тому или иному виду. Что касается умения отличать ее, как индивидуальную особь, как организм, наделенный одному ему присущими свойствами, то здесь наш охотник пасует, как последний ту-пца.

Прищуренный глаз де Крея, глядящий на полупритворенную дверь, говорил о том, что за этой дверью скрылась

отъявленная кокетка. Для такого суждения у него было достаточно оснований. Она как-то странно высказалась по поводу разбитого свадебного подарка, странно говорила об Уиллоби,— во всяком случае, тон, каким она о нем говорила, звучал по меньшей мере странно. Странно приветствовала она своего жениха при встрече с ним. А как она отозвалась обо всей этой истории с Флитчем! Как поглядела при этом! И как тотчас сделалась любезна и внимательна к другу своего жениха! И, наконец, после очаровательного разговора, такого сверкающего и легкого,— полковнику в жизни еще не доводилось так упиваться непринужденной беседой с девушкой! — у нее ни с того ни с сего объявляется мигрень! Ясно, вся эта мигрень ей понадобилась для того, чтобы высказать ему свое пренебрежение, равно как и ее внезапная слепота: она его, видите ли, не заметила.

Он чувствовал себя обиженным, однако предпочел написать ее поведение женскому кокетству.

Мисс Мидлтон вышла из других дверей. Проходя мимо него в первый раз, она просто не успела приветствовать его и теперь обратилась к нему без церемоний, как будто они уже обменялись поклонами.

— Никого нет? — спросила она. — И я одна во всем доме?

— Есть некий нуль,— отвечал полковник. — А впрочем, от вас зависит придать ему значение или оставить прозябать в ничтожестве. Все зависит от того, с какой стороны вам будет угодно к нему подойти.

— А где Уиллоби?

— Уехал по делам.

— Верхом?

— Да, и притом на Ахмете. Умоляю вас, мисс Мидлтон, не допустите продажи Ахмета! Мне поручено составить вам компанию.

— Я бы не прочь прогуляться.

— Вы вполне оправившись?

— Вполне.

— И чувствуете в себе силы?

— Никогда не чувствовала себя лучше.

— Как ответила тень жены старого безбожника,— подхватил де Крей,— явившись ему, чтобы убедить его в существовании бога. «Ну, хорошо,— сказал он,— я поверю в небесные силы, если попаду в тебя вот этой бутылкой»,— и со всей мочи запустил ею в жену. Бутылка разбилась о

привидение, и старик повесился. Впрочем, он до последней минуты пребывал в убеждении, что жена устроила ему какой-то подвох... Ах, мисс Мидлтон, как хороши эти короткие ливни, которые тут же проходят, оставляя после себя дивное благоухание! Смотрите, в день свадьбы я воспользуюсь своим правом и назову вас по имени. Этот парк, принадлежащий Уплови,— едва ли не лучшее, чем может похвастать Англия. А пруд в конце парка совсем как наше Килерни. Я хочу сказать, там так же хорошо мечтается.— Де Крей неопределенно помахал рукой в воздухе.— Вы любите ирландскую природу?

— Ирландскую, английскую, шотландскую — всякую.

— Красота всюду одна, вы правы. Я сам точно такого же мнения. Иное дело — космополитизм в отношении людской породы. Я позволю себе усомниться в возможности удачного союза между представителями некоторых рас, например, ирландской и саксонской, пусть церемониймейстером будет сам Эрот, а счастливая пара поселится у самого раструба рога изобилия. Впрочем, мне довелось видеть саксонского джептльмена, женатого на ирландской красавице,— он гордился ею, словно цветком в петлице. Видел также ирландского джептльмена, успешно ухаживающего за Ровеллой! Нет, нет, беру свои слова назад! Считайте, что я их не произносил.

— Вы принадлежите к партии мятежников, полковник?

— Я протестапт и консерватор, мисс Мидлтон.

— Я ничего не смыслю в политике.

— Оно и лучше. Я посмотрелся па тех, кто в ней смыслит.

— Уплови не говорил, когда вернется?

— Нет, он не назначил определенного часа. Доктор Мидлтон и мистер Уитфорд в библиотеке; у них идет битва книг.

— Такой битве можно только позавидовать.

— Ну да, вы привыкли к обществу ученых. Они довольно нетерпимы к нашему брату — невеждам.

— К невежеству, может быть, но не к самим невеждам.

— Насколько я понимаю, образование вам дал ваш собственный отец?

— Он снабдил меня кое-какими познаниями в латыни, и не его вина, если познания эти невелики,

— Вы и греческий знаете?

— Немножко.

— И вы несете весь этот груз, как перышко.

— Он и в самом деле почти невесом.

— Мисс Мидлтон, несмотря на мой преклонный возраст, я готов хоть сейчас усесться за учебники! Когда нас побивают женщины, мы самые битые собаки на свете. Вы любите театр?

— Наш театр?

— Ну хорошо, игру.

— Хорошую игру — конечно.

— Позвольте вам сообщить, что, по моему мнению, из вас получилась бы превосходная актриса.

— Предположение несколько рискованное, ибо я ни разу не пробовала свои силы на сцене.

— Постойте — у нас имеются мисс Дейл, мистер Уитфорд, вы и я. Достаточно для пьесы в двух действиях. Можно сыграть «Ирландца в Испании».

Клара занесла ногу на газон. Де Крей пощупал траву рукой.

— Трава сырая, — сказал он.

— Если англичанки начнут бояться сырости, — сказала Клара, — им лучше носа не показывать на улицу.

— Итак, — продолжал де Крей, — некий Патрик О'Нил попадает из Ирландии в Испанию. Отец Патрика угодил в лапы к стряпчим и под их нажимом лишил сына наследства. Патрик всоружен рекомендательным письмом к славному испанскому гранду дону Белтрану Арагонскому, отцу первой красавицы Испании, доньи Серафимы, сиречь мисс Мидлтон. Донья Серафима помолвлена с доном Фернандо из рода Гонсалесов (мистер Уитфорд). К ней приставлена дуэнья, она же мисс Дейл. Вот вам и все действующие лица.

— Патрик, конечно, — вы?

— Разумеется. Я теряю письмо и стою один на Прадо, зажав в ладони последнее изображение Британии, выгравированное на меди, и на чистейшем наречии моей родины проклиная свою участь. Подбрасывая в руке эту свою последнюю монетку, я никак не могу решиться позволить ей совершить самоубийство ради того, чтобы накормить меня ужином. И в эту самую минуту я вдруг вижу пару испанских глаз, похожих на две фиолетовые молнии, что перерезают черные небеса этого благодатного края. Вы согласны, что глаза должны быть фиолетовыми?

— Пожалуй, но в таком случае эта роль мне не подходит.

— Отчего же? Черное всегда имеет темно-сиреневый отблеск.

— Да, но нет никаких оснований считать мои глаза черными.

Полковник де Крей позволил себе бегло взглянуть Кларе в глаза.

— Цвета каштана,— заключил он.— Ну что ж, ведь Испания — страна каштанов.

— Из чего следует, что я дочь Испании?

— Разумеется.

— Как логично!

— Дедуктивный метод.

— Понятно. А как следует мне смотреть на Патрика?

— Так, словно перед вами осел.

— Ах!

Восклицание мисс Мидлтон казалось неоправданно громким. Она всплеснула руками.

На траве, скрытый от дома клумбой рододендронов, на том самом месте, где ему велено было ее дожидаться, спал юный Кросджей, положив голову на согнутую руку. Щеку его прикрывала шляпа, увенчанная плющом. Клара устремилась к нему. Полковник де Крей шел за нею вслед, тербя копчик уса.

Кросджей вскочил на ноги.

— Милый, милый Кросджей! — воскликнула она с нежным укором.— Как же так можно? Ты, должно быть, голоден и промок до нитки!

— Вы ведь сказали мне ждать,— застенчиво оправдывался Кросджей.

— Да, да, но ты не должен был меня слушать, глупенький! Ах, полковник, я велела ему ждать меня здесь еще до завтрака, а он,— глупый мальчик! — он ничего не ел и, должно быть, промок насквозь — и все из-за меня!

— Правильно! Он, видно, из того же теста, что и помпейский часовой, который не захотел покинуть свой пост во время извержения вулкана и навеки запечатлелся в лаве.

— Но он же мог простудиться, заболеть!

— Приказ есть приказ.

— Я никогда себе этого не прошу. Беги же в дом, Кросджей, и перемени одежду! Беги скорее к миссис Монтегю,

пусть она посадит тебя в теплую ванну, и скажи, что я прошу ее накормить тебя обедом. Да смотри же, сними с себя все до последней нитки. Ах, это непростительно с моей стороны! Я сказала, что у меня голова не годится для политики. Теперь я вижу, что она вообще никуда не годится. Но кто бы мог подумать, что призывный звон обеденного колокольчика не соблазнит Кросджей. Да еще под проливным дождем! Я совсем о тебе позабыла, Кросджей. Прости меня, пожалуйста, прости! Ты можешь потребовать у меня любой штраф. Помни, что я — твоя должница. А теперь беги как можно скорее. Сегодня тебе разрешат спуститься вниз к десерту.

Кросджей, однако, не двинулся.

— А то, что вы тогда сказали? — спросил он, робко притронувшись к ее руке.

— Я? Что такое?

— Вы обещали.

— Что я обещала?

— Одну вещь.

— Ну, скажи же, что?

— Поцелуй, — пробормотал он еле слышно.

Клара подхватила его в свои объятия, прижала к груди и поцеловала.

В порыве нежности и раскаяния она забыла о правилах приличия и тут же, при постороннем, заплатила свой долг. Мальчик понесся со всех ног к миссис Монтегю, а Клара выпрыгнулась, розовая от смущения.

— Милый, милый Кросджей! — произнесла она со вздохом.

— Да, славный паренек, — заметил полковник. — Впрочем, нетрудно быть верным солдатом и оставаться на посту, если знаешь, какая тебя ждет награда. Он, я вижу, ваш любимец.

— О да. И вы оказали бы Кросджею большую услугу, если бы уговорили Уиллоби поместить его к репетитору, который готовит к экзаменам мальчиков, желающих поступить во флот. И еще, полковник, если вам нетрудно, замолвите за него словечко, чтобы ему позволили спуститься к гостям во время десерта.

— Почту за счастье, — сказал несколько озадаченный полковник.

— И еще просьба: пока вы здесь, присмотрите немного за мальчиком. Чтобы его не слишком баловали. А если

вы добьетесь, чтобы его отправили еще при вас, вы окажете ему большую услугу. Он рожден для флота, и ему пора начать готовиться к этому поприщу.

— Разумеется,— повторил де Крей, дивясь еще больше прежнего.

— Позвольте вас поблагодарить вперед.

— Но разве вы?..

— Дело в том, что мы завтра уезжаем.

— На целый день?

— На дольше.

— На два дня?

— Подольше.

— Неужто на неделю? И я вас больше не увижу?

— Боюсь, что нет.

Полковник де Крей не выдал своего изумления и, подавив в себе чувство, похожее на подлинную боль, галантно произнес:

— Это настоящий удар, но, разумеется, не преднамеренный. Вы нас всех чрезвычайно огорчите.

Сославшись на необходимость тотчас переговорить с мисс Монтегю относительно вапны для Кросджея, мисс Мидлтон покинула полковника. Тот поклонился и, глядя ей вслед, подумал с сочувствием о своем друге Уиллоби. Его сочувствие направилось по двум различным траекториям, устремленным, однако, на одну и ту же мишень. Потеряет ли Уиллоби эту девицу, или ему удастся ее удержать, в обоих случаях, решил полковник, он достоин сожаления.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Выдержанное вино великолепной марки

Неспешная вечерняя прогулка вдоль газона с дамами и почтительно слушавшими его джентльменами в ожидании призывного звука колокольчика, возвещающего об обеде, составляла одну из отрад доктора Мидлтона. Его походка выдавала человека, который некогда (во дни Аполлона и юного Эрота) был не прочь потанцевать: мышцы его ног и донныне сохранили упругость, и он величаво нес свое высокое, осененное стальной седью чело. После дневных тру-

дов он с наслаждением предавался освежающему моциону, которому предстояло увенчаться чарами французской кухни, призыванной, так же как и вина известных марок, подкрепить его силы. В этот час он охотно дарил собеседников разменной монетой своей мудрости, подобно тому как солнце, склоняясь в погожий вечер к закату, щедро разливает кругом свое тихое великолепие, не опасаясь истощить основной сокровищницы. Ибо поистине блажен тот, кто может сказать себе под вечер, что лучшая часть дня еще впереди и что она скоро наступит. Такой человек выше обыкновенных смертных настолько, насколько парящий в предзакатном небе орел выше воробья, поклевывающего что-то на земле. Подобное состояние — достойная награда человеку, чья юность и зрелые годы были проведены в трудах праведных. Доктор Мидлтон ставил под сомнение не только прошлое, но и будущее человека, который не испытывал восторга — сдерживаемого, разумеется, рамками воспитания — при мысли о предстоящем обеде. Такому человеку, по мнению доктора, нечего делать ни на этом свете, ни на том.

Наглядный пример благотворного влияния воздержности, он имел все основания гордиться своим пищеварением; свою веру в торжество добродетели он переносил также и в область политики, склоняясь к консерваторам: ведь только в устойчивом обществе можно рассчитывать, что добродетель увенчается наградой.

Достопочтенный доктор богословия являл собой великолепный портрет кисти старого мастера, разумеется, английской школы. В своем характере он сочетал благочестие с эпикурейством, ученость с хорошим тоном, и эти свойства прекрасно уживались в его душе, непринужденно общаясь друг с другом, как люди, знакомые домами. Он был крепкого сложения, в юности даже — атлет; прекрасно разбирался в фактах и прескверно — в людях; человек благодушный от природы, неутомимый и прилежный труженик, он тем не менее легко падал духом и выбивался из колен. Дочь свою он и любил и боялся. Как бы он ни восхищался ею, страх, который ему внушали ее возраст и пол, ни на минуту его не покидал, не давая забыть, что, покуда мисс Клара не замужем, он связан с существом не вполне вменяемым. Покойная матушка ее была прекрасной женщиной, но обладала темпераментом поэтическим, несколько экзальтированным и порывистым, и для степенного ученого была наделена излишней долей воображения. Достойная женщина, но все-таки жен-

щина, ипаче говоря — фейерверк. Клара походила на мать. Ну к чему ей, скажите на милость, покидать Паттерн-холл хотя бы на час? Очевидно, затем лишь, что она принадлежит к переменчивому и легковоспламеняющемуся женскому сословию. Муж — вот самый подходящий для нее опекун, ему, по всей справедливости, и следует освободить от этой обязанности отца. В самом деле, когда на свете торжествуют демагоги, а дома у вас на руках дочь, только и спасения что в философии! Сам Цицерон не был застрахован от подобных капризов: казалось бы, свет не знал более примерной дочери, чем его Туллия. И вот, подите же, взяла и умерла! Нет, от этого народа можно ожидать чего угодно!

Доктор Миддлтон прохаживался с мисс Дейл. Клара присоединилась к ним и взяла отца под руку.

— А я только что говорил мисс Дейл, что день твоего закрепощения знаменует для меня свободу, — произнес доктор Миддлтон, комически вздыхая. — Главное — число назначено. А если точно известно, когда должно произойти определенное событие, начинаешь думать о нем уже с уверенностью, как о факте, на который можно полностью рассчитывать.

— Тебе так не терпится со мной расстаться? — пролепетала Клара.

— Да пет же, дитя мое, просто я, по твоей милости, пребываю в состоянии человека, ожидающего трубного гласа, — и только когда я его наконец услышу, я обрету покой.

Клара не знала, к чему придаться в этих словах и как на них ответить. Молчание Летиции ее озадачивало.

Подошел сэр Уиллоби. Он, казалось, был в духе.

— Можно не спрашивать, как вы себя чувствуете, — сказал оп Кларе. Затем, озарив взглядом Летицию, помахал перед доктором Миддлтоном каким-то ключом и сказал: — Я сейчас спущусь во внутренний подвальныйчик.

— Внутренний подвальныйчик! — воскликнул доктор.

— Святыня, куда сам дворецкий не имеет доступа. Не хотите ли мне сопутствовать? Мои погреба стоят посмотреть.

— Погреб ведь это не катакомбы. Это, скорее, нечто вроде монастырских келий, но только вместо скорби о грешной плоти отшельницы-бутылки могут сосредоточить свои мысли на радости, кою им предстоит одарить смертного. У вас там есть что-нибудь незаурядное?

— Есть вино, которому девяносто лет.

— Оно, видно, связано с историей вашего рода, коль скоро вы так уверенно объявляете его возраст?

— Мой дед получил его в наследство.

— Вашему деду повезло, сэр Уиллоби, не только с предками, но и с потомками. Страшно подумать, что было бы, если бы вино попало в руки наследниц, а не наследников! Я с радостью буду вам соучастником. Что же у вас там? Портвейн? Или эрмитаж?

— Портвейн.

— А! Мы поистине в Англии.

— Мы как раз успеем до обеда, — сказал сэр Уиллоби, приглашая доктора Мидлтона следовать за собой.

— Рейнские вина тоже достигают подчас порядочного возраста, — зашебетал доктор. — Мне доводилось отведывать старинного рейнвейна. Его букет разнообразен, в нем разноголосица горных ручьев, ему нельзя отказать и в глубине. Но портвейн — настоящий сановник среди вин. Сенатор! Этим словом не назовешь ни одно другое вино. Портвейн обладает океанской глубиной. Самый его букет — глубина. В этом его основное отличие. Он, подобно классической трагедии, органичен в самом своем замысле. Старинный эрмитаж озарен светом античности, его заслуга в том, что он сохраняется долгие годы. Заслуга немалая, не спорю. Но ни эрмитаж, ни рейнское не уподобишь живительной кровью, что, приобретая с годами мудрость патриарха, сохраняет вместе с тем юношескую силу. Нет, для этого подавай портвейн! Он — ваше благороднейшее наследие. Заметьте, я не сравниваю вина между собою. Я лишь определяю их различные свойства. Пусть они живут бок о бок друг с другом, на благо человечества. Они не соперничают, как те трое, на горе Иде. Если бы они соперничали, то нашлось бы и четвертое, чтобы вступить в спор. Разве я умаляю величие бургонского? Оно творит чудеса — во лишь в пределах известного срока. Оно может все, кроме одного: оно не способно на длительное состязание. Увы, оно недолговечно! Многолетнее бургонское стоит не больше, чем безусый портвейн. Я бы сказал, что портвейн изрекает мудрые истины, в то время как бургонское поет вдохновенные оды. Или, если угодно: портвейн — гомеровский гекзаметр, бургонское — дифирамбы Пиндара. Что вы скажете, а?

— Отличное сравнение, сэр.

— Вы хотите сказать, определение. Пиндар нас поражает. Но влага, которую нам предлагает его предшественник, жи-

вительнее. Первый — бьющий ввысь фонтан. Второй — пурпурное море, полное волнения и неизведанной глубины.

— Отличное определение.

— На этот раз вы, по всей вероятности, имели намерение похвалить мое сравнение. Оно принадлежит ранним критикам, изучавшим этих поэтов. Приобщитесь к грекам, и вы увидите, что ничего нового после них не возможно. Все сказано: «Gravis... praeter laudem, nullius avaris»¹. Геній, когда он посвящает себя Славе, бессмертен. Наш современный геній посвящает себя клоаке и зовет не к богам с их бессмертной памятью, а к желудку толпы.

Сэр Уилби проявил неистощимое терпение. Его дует о доктором Мидлтоном был дуэтом барабана с виолойчелью. Всякий раз, как он вступал со своей партией, его поправлял дидактический смычок доктора. Его удары всегда оказывались невпопад: он выбивал «да», когда надо было ударить «нет», и «нет» вместо «да». Впрочем, он и раньше знал, что люди ученые не отличаются изысканными манерами, и утешался тем, что ученость доктора будет впоследствии хорошей темой для застольного разговора.

В погребе роли переменялись. Началась сольная партия барабана. Здесь доктору Мидлтону пришлось умолкнуть. Сэр Уилби преподавал ему краткую историю вина по рубрикам: каким образом каждое попало в фамильный погреб Паттернов и как сохранилось до сей поры.

— Любопытно, что дед мой, получивший этот погреб в наследство, сам в рот не брал вина, — заметил сэр Уилби. — А отец умер молодым.

— Что вы говорите! Какая жалость! — воскликнул доктор, выражая одновременно изумление и скорбь: изумление относилось к причудливости человеческих вкусов, скорбь — к печальному уделу всех смертных.

Он проникся глубоким уважением к роду Паттернов. Этот прохладный подвал со сводами и с центральным квадратным отсеком — таким темным, что фонарь не мог осветить его своим лучом, а, подобно глазу, выхватывал в нем то одну, то другую деталь, — говорил о дальновидной практичности и основательности человека, воздвигнувшего свой дом на столь солидном фундаменте. Дом, где подвалы изобилуют вином, рисуется нашему воображению счастливым домом, пустившим в землю глубокие и крепкие корни. В воображении

¹ Грекам... кроме славы ни к чему не стремившимся (лат.).

нашем есть место также и для счастливица, унаследовавшего этот дом. Дед — трезвенник, отец — жертва преждевременной могилы, — как не уверовать в блестящую будущность их потомка, выпешнего владельца Паттерн-холла? Мысли доктора Мидлтона были окрашены радужным видением бокалов, наполненных великолепным вином, и он с удовольствием предался прихотливо сверкающему, празднично-торжественному течению своих мыслей. А в праздничном состоянии духа человек склонен к некоторой игривости ума. Предвкушение, как известно, вызывает благодарность, и тот, кто подпадает под влияние этого чувства, становится мягким как воск. Доктор Мидлтон был из тех джентльменов, что любят потакать своим склонностям.

Ему понравился топ, каким сэр Уиллоби приказал лакею, следовавшему за ним по пятам, взять «вот те две бутылки»; это был тон в меру бережливого хозяина, да и число «два» было вполне утешительно.

Не в силах оторвать взгляда от бутылок, которые держал слуга, доктор сказал:

— Одна беда с предметами столь высокого качества: лишь один человек из двадцати способен оценить их превосходство.

— Верно, сэр, — ответил сэр Уиллоби. — И поэтому остальных девятнадцать можно будет обнести!

— Женщин, например. Да и большую часть мужчин.

— Да, для них это вино — книга за семью печатями.

— Боюсь, что так. Не следует разбазаривать драгоценную влагу попусту.

— Верно, тот привык к кларету. Гораций де Крей тоже. Ни тот, ни другой не достойны такого вина. Они сразу же после обеда присоединятся к дамам. А вы, сэр, быть может, составите мне компанию.

— С превеликим удовольствием!

— Мне хочется знать ваше мнение.

— Я его непременно вам сообщу. Не думаю, чтобы оно оказалось в разладе с хором голосов моих предшественников. Прохладно, но не холодно, — прибавил доктор Мидлтон, подытоживая все достоинства погреба, перед тем как его покинуть. — Стены выходят и на север и на юг. Ни сырости, ни плесени. Чистый, сухой воздух! Все необходимое. Тут и человека положи — он сохранит свою свежесть.

Никто — ни адвокат, ни врач, ни помещик, ни розовощекий адмирал, ни даже негодник из Сити — ни один из этих

почтенных британцев, населяющих оба острова, как бы громко ни заявляли они о своей любви к выдержанному портвейну,— никто из них не может равняться с ученым филологом в страсти к бутылке, опутанной паутиной. Происходит это, должно быть, оттого, что голова его начинена древними поэтами. Он проникся их духом и поэтому воспекает вино; а дух их за все века, отделяющие древних поэтов от филолога нашего времени, не только не выветрился, но и укрепился. Быть может, его прельщает сходство между вином и собственным мозгом, который, вопреки общим законам тления, очищается с годами от кислот и осадков и достигает к старости сверкающей ясности кристалла. Портвейн — это гимн консерватизму филолога-классика. Он обладает магическим свойством: одного глотка его довольно, чтобы поплыть по пурпурным водам вечно юной античности.

Наслаждение, которое вкушают прочие смертные,— всего лишь животные радости по сравнению с тем душевным трепетом, что ощущает филолог. Он, и он один, достоин этого превосходного вина, подобно тому как Красоты достойны одни лишь поэты. Собственно, следовало бы все вино мира отдать ученым, а всю красоту — поэтам. Да будет так!

Сэр Уиллоби, едва удалились дамы, пододвинул Вернону и Горацию графиня.

— Вы, я знаю, пьете кларет,— сказал он, обращаясь к ним нарочито бесцеремонным и фамильярным тоном.— А вам, доктор Мидлтон, как будто портвейн? Пусть это вино послужит вам предисловием. *Ваше* будет доставлено через пять минут.

Когда графиня с кларетом был выпит, сэр Уиллоби предложил послать за следующим. Де Крей, однако, не изъявил большой радости, а Вернон встал из-за стола.

— Куда же вы? — сказал сэр Уиллоби, обращаясь к Вернону.— Сейчас принесут портвейн доктора Мидлтона.

— *Мой* портвейн?! — вскричал доктор.

— Это королевское вино, его нельзя делить с недостойными,— сказал Вернон.

— Мы скоро к вам присоединимся, Вернон,— вы будете в бильярдной?

— Что касается меня, то нет такого человека, ради которого я поспешил бы разлучиться с бутылкой хорошего вина,— объявил достопочтенный доктор.

— А вы, Горацій?

— О, я его не достоин, Уиллоби. Я недостаточно серьезен для такого вина. Я лучше присоединюсь к дамам.

Итак, вино прибыло. Вернон и де Крей ретировались, а доктор Мидлтон сделал первый глоток. Глотнул и посмотрел на своего радушного хозяина.

— Дюжин тридцать? — спросил он.

— Пятьдесят.

Доктор смиренно склонил голову.

— Считайте меня сторожем погреба, где хранится ваше вино, сэр,— обратился к нему хозяин.— Всякий раз, что вы почтите меня своим присутствием, оно будет подано к столу.

Достопочтенный доктор поставил свой бокал.

— Вы занимаете в некотором смысле завидный пост, сэр. К тому же ответственный. Ведь на вас лежит священная обязанность задержать день, когда наступит очередь последней дюжины.

-- Итак, сэр, вы одобряете это вино?

— Вот что, сэр: предоставим заниматься славословием мелким душонок. Я же скажу только то, что этот единственный бокал вашего фамильного вина мирит меня с тем, что я не родился на девяносто лет раньше или в еще более отдаленную эпоху.

— Я обращаюсь с ним бережно,— скромно заметил сэр Уиллоби.— Но, конечно же, его прямое назначение достаться тому, кто способен оценить его по достоинству. В вас, сэр, я вижу такого ценителя.

— И все-таки, мой друг, и все-таки! На вас большая ответственность: спору нет, это ваша собственность, но это также и вверенная вам драгоценность. И долг повелевает вам вручить этот клад вашим наследникам не слишком ошипанным.

— Надеюсь, сэр, вы не откажетесь выпить немного этого портвейна за здоровье ваших будущих внуков! И дай вам бог отпраздновать их свадьбу этим же вином!

— Как соблазнительно звучит в ваших устах долголетие! От такого вина сам дряхлый Титон поспешил бы в объятия розоперстой зари.

— Я готов просидеть с вами за этой бутылкой до самой зари,— простодушно ответил сэр Уиллоби, не слишком осведомленный в любовных интригах древних небожителей.

Доктор Мидлтон взглянул на графин. Всякая радость таит в себе печаль, как напоминание о бренности всего земного. С тем количеством вина, которое содержалось в графине, нельзя было надеяться проводить звезды и встретить зарю.

— Увы, мой друг, бутылка старого вина никогда не бывает полной!

— За ней последует другая,

— Не может быть!

— Она уже заказана.

— Нет, я не могу этого допустить,

— Она уже раскупорена.

— Умоляю вас!

— Вино уже перелито в графин.

— В таком случае сдаюсь. Смотрите же, я настаиваю на вашем честном сотрудничестве. Только с этим условием соглашусь я воспользоваться вашей щедростью. Однако вот наглядное доказательство превосходства Бахуса над Афродитой. Насколько первый великодушнее! Поклоняясь ему, мы не ведаем ревности — пусть, кто хочет, делит с нами наслаждение. Но пробки, пробки, Уиллоби! Это поразительно!

— Их состояние время от времени проверяется. Я помню такую проверку еще при отце. А однажды, уже после его смерти, я сам за этим проследил.

— Это, должно быть, не менее рискованная операция, чем трахеотомия. Я полагаю, здесь требуется не меньше хирургического искусства и такая же твердая рука. Да и пациенты, я думаю, в обоих случаях вздыхают одинаковым образом.

Перед носом у гостя снова возник полный графин.

Доктор совершенно растаял.

— Дочь — вот все, что я могу вам предложить, — сказал оп.

— И я принимаю ее, как самое большое сокровище, какое можно найти на этом свете.

— Мне удалось заронить в ее головку немного латыни и начатки древнегреческого. Так что она имеет некоторое представление о классиках. Одно время я строил кое-какие надежды... впрочем, она всего лишь девушка. В ней есть что-то от лесной нимфы. И все же вы найдете в чашечке этого цветка капли священной влаги Иппокрены. Она обладает аристократизмом духа — единственным видом аристократизма, который чего-то стоит. Она хороша — иные, те, кто не придает значения правильности черт, называют ее даже красавицей. Для меня, Уиллоби, она прекрасна. Она — мое небо! Ее руки помогали многие. Но просители — это было в Италии — обращались всегда ко мне. У нее нет собственной истории.

Вами начинается первая глава ее книги. И с вами она напишет эту свою единственную повесть. Так тому и следует быть. *Mulier tum bene olet*, — помните? «Отсутствие аромата у женщины — вот лучший аромат». Она переходит к вам от меня, от одного меня, от отца к мужу. *Ut flos in septis secretus nascitur hortis*, — про... он, доведя цитату до слов: *Sic virgo, dum...*¹ — М... ею расстаться. Но она пока как я, и даже больше: истер Уитфорд на- писал для

Бедный же... для доктора Мидлтона, и сердце его то за... всю. Забыв свою досаду, он снова уви... жкой она появилась утром, рядом с де Кре... ерпимо хороша! Обаяние английского лет... ного солнцем и ветром, с четалось в ней с... ю наливающейся соком мо- лодой веточки. Ее... платье, с материнской неж- ностью обнимающее... материнской гордостью на ко- роткий миг показывающ... материнской гордостью на ко- рткий миг показывающ... сквозь кисею своих близнецов, ее смех, ее стройный стан, бесподобная осанка — все ее несказанное очарование полоснуло его, словно ножом по открытой ране.

Ее желание расстаться с ним было для него сущей пыткой. Острая боль вынуждала его быть искренним с самим собой. Но стоило боли этой отпустить на минуту, как он начинал, точно в плащ, кутаться в собственную выдумку о Кларинной ревности к Летиции Дейл и уверять себя, что ее желание норвать с ним не больше как блажь. И тем не менее такое желание было ею высказано. Вот эту-то рану он и пытался залечить, придумывая наказание для Клары. Его мечты несли двойную службу: во-первых, наказав ее должным образом, он мог позволить себе полюбить ее сильнее прежнего, и во-вторых, сосредоточившись на мысли о наказании, отодвигал от себя страх ее потерять. Страх этот разверзся перед ним бездной, Клара подвела его к самому ее краю и, не смотря на его высокоразвитый инстинкт самосохранения, заставила туда заглянуть.

— Что я буду делать завтра? — воскликнул он. — Мне не хочется выбрасывать бутылку полковнику де Крею и Верно-

¹ Как цветок, затанцующий в обнесенном стеною саду... так и невинная дева, пока... (лат.)

² Свадебный гимн (лат.).

пу. Я не могу выпить целую бутылку один. Сидеть с дамами в гостиной — занятие для меня не столь увлекательное. Когда вы привезете мне обратно мою невесту, сэр?

— Дражайший Уилоби!

Достопочтенный доктор с шумом выдохнул воздух, затем, отпив глоток вина, несколько успокоился и продолжал:

— Вся эта поездка — сущий вздор. Я не вижу в ней никакого смысла. У Клары была мигрень, приступ ипохондрии. Теперь все это прошло, и она, верно, уже образумилась. Я всегда держался того мнения, что не следует потакать девицам в их капризах. Я могу запретить, и все. Я построился погостить у вас еще десять дней, согласно вашему любезному приглашению. И посему я остаюсь.

— Похвальная решимость, сэр. Вы будете тверды до конца?

— Сэр Уилоби, я человек слова.

— А если будет оказано давление?

— Никакого давления!

— Я хотел сказать, уговоры...

— Нет, нет и нет! Всякий, кто поддается давлению или уговорам, проявляет слабость. В первом случае нас пытаются подавить своим весом, во втором — воспользоваться нашей легковесностью.

— Вы доставляете мне большую радость, доктор Мидлтон. Радость и облегчение.

— Мне ненавистно всяческое нарушение хороших привычек, Уилоби. Однако я, помнится, — или это мне показалось? — извещал Клару о том, что вы без особого сожаления восприняли наше намерение прервать визит; признаться, я даже был несколько огорчен этим.

— Ну что вы, дорогой доктор, просто всякое ваше желание тотчас же становится моим. Но если вы захотите сделать мои желания вашими, то оставайтесь с вашим зятем, и мы с вами разопьем еще не одну бутылочку.

— Прекрасно выраженная мысль. Вы говорите как придворный пельможа, Уилоби. Представляю себе, как вы держитесь во время любовной ссоры, — должно быть, с вежливостью профессора, готовящегося прочитать лекцию благовоспитанным барышням. Что, не угадал?

— Ах, я предпочел бы обойтись без этих ненужных ссор!

— Ну а теперь все хорошо?

— Клара, — ответил сэр Уилоби, по-театральному отчеканивая каждый слог, — совершенство,

— И прекрасно, — сказал достопочтенный доктор, которому таким образом дали понять, что ссора между его дочерью и их гостеприимным хозяином пришла к концу.

Доктор Мидлтон встал из-за стола в двенадцатом часу. Последовал короткий диалог о дамах. Они, верно, уже отправились спать? Ну, конечно же. Им следует рано ложиться, чтобы радовать нас своим цветом лица. Спору нет, женщина — вещь творения. Но после часа, посвященного старому, выдержанному вину, ее общество совершенно некстати. Некстати, неуместно и не гармонирует с душевным состоянием человека. В такую минуту дамы вызывают в нашей душе раскаяние, желание загладить свою вину, они как мороз, охватывающий бурные почки, которые вот-вот готовы раскрыться во всей своей зелени. Разве способны они оценить чуткость дегустатора, трезвый разгул чувств, сдержанную экзальтацию — словом, опьянение в том смысле, в каком его понимали древние? И способны ли они, наши очаровательные, наши милые дамы, зажечь в нашем мозгу те многочисленные люстры, что озаряют для нас историю человечества и помогают проникнуть в таинственное предназначение человека? Разумеется, нет. Они даже не способны понять тех, кто на это способен. И посему, хоть мы и не носим тюрбанов и не запираем их в гаремах, нам приходится часть нашего послеобеденного досуга проводить раздельно. Нет, нет, мы не мусульмане. Взгляните на графинчик на столе, и вы в этом убедитесь.

— А раз так, — заключил доктор Мидлтон, — я отправляюсь спать.

— Я провожу вас до дверей спальни, сэр, — сказал любезный хозяин.

Послышались звуки рояля. Доктор Мидлтон, положив одну руку на перила лестницы, пролепетал:

— Я думал, что дамы отравились спать.

Из двери в библиотеку вышел Вернон.

— Коллега! — приветствовал его доктор.

Вернон жестом ответил на приветствие и обратился к Уиллоби.

— Дамы в гостиной, — сказал он.

— Я иду наверх, — послышалось в ответ.

— Одиночество и сон после такого вина, и да хранят нас боги от общества смертных! — вскричал доктор. — Э-э, Уиллоби, послушайте!

— Да, сэр?

— Завтра только одну!

— Вы распоряжались погребом, сэр.

— Лучше бы мне доверили править солнечной колесницей! Я решительно настаиваю на том, чтобы была одна, не больше! Мы уже раскупорили одну из пятидесяти дюжин. Если распивать по бутылке в день, мы не так катастрофически быстро доберемся до остальных сорока. Две бутылки per diem¹ сулят полнейший распад и безответственность. Что касается моего собственного организма, да будет вам известно, я легко переношу три бутылки зараз. Однако я блюду интересы грядущих поколений.

Во время монолога доктора Мидлтона дамы одна за другой выплыли из гостиной. Услышав голос отца, Клара вышла первой — ей не терпелось справиться у него относительно предстоящего отъезда.

— Папа, во сколько мы завтра уезжаем? — крикнула она и, взбежав на лестницу, чтобы его поцеловать на ночь, повторила вопрос: — Когда ты будешь завтра готов?

Доктор Мидлтон несколько раз звонко откашлялся в знак своей неуклонной решимости. Затем он вздумал пуститься в ученые разглагольствования. Но полное нетерпеливого ожидания лицо Клары взывало к краткости; осунувшееся и как-то вдруг потускневшее, оно так не вязалось с теснившимися в голове доктора видениями гуржий, ожидавших в своем заветном подвале отважных рыцарей, что он почувствовал прилив досады. Брови его соединились над перепосницей, и он произнес:

— Завтра утром я ехать не могу.

— А днем?

— И днем не могу.

— Когда же?

— Дорогая моя, единственное, на что я сейчас способен, — это лечь в постель. Все остальное выше моих возможностей. Любезные дамы, — поклонился он группе, стоявшей внизу, в холле, — да будут сладостны ваши свидения!

Сэр Уиллоби поспешно спустился, пожал руки дамам, направил де Крея в лабораторию курить и снова присоединился к доктору Мидлтону. Он был раздосадован происшедшей сценой и не хотел оставаться с Кларой в том душевном расположении, в каком пребывал сейчас, предпочитая, чтобы она узнала об ожидавшем ее разочаровании на следующий день, когда его не будет дома.

¹ В день (лат.).

— Покойной ночи, покойной ночи,— сказал он ей с подобающей печалью и на мгновение склонился над ее безжизненной рукой. Затем подставил доктору свою.

— Хорошо, сынок Уилби, я принимаю вашу дружескую поддержку, хоть и в состоянии справиться сам,— произнес отец ошеломленной девушки.— Свечи, насколько я помню, на первой площадке. Покойной ночи, Клара, покойной ночи, дружок!

— Папа!

— Покойной ночи!

— Ах! — Кларина грудь высоко вздымалась. Ей было стыдно всей этой закулисной интриги, стыдно жалкой роли, которую ей приходилось играть.— Покойной ночи.

Отец ее стал подниматься по лестнице. Она спустилась вниз, к дамам.

— Мы с отцом собирались завтра с утра поехать в Лондон,— сказала она. В голосе ее не слышно было ни малейшей дрожи, но выражение лица не оставляло места для сомнений. Де Кресь оно огорчило весьма и весьма.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Кларины раздумья

Этой ночью в доме не спали двое: мисс Мидлтон и полковник де Крей.

Клара лежала пластом, голова ее горела, как в огне. Живым натурам свойственно бежать навстречу беде, едва они завидят тень, отбрасываемую ею впереди себя. Предчувствие беды лишь подхлестывает их, страх окрыляет, и нет такой крайности, перед которой бы они остановились. Нахмуренные брови для них равносильны буре, поднявшийся ветер — кораблекрушению. Один вид огня — и они загораются. При одном приближении того, кто вызывает у них отвращение, им уже чудятся постылые ласки. И тогда начинается борьба: борьба с тем, что составляет ужас их жизни, а также с недостойным соблазном, сулящим избавление от этого ужаса; борьба с собственной слабостью, зовущей поддаться соблазну, — и с лучшими силами своей души, призывающей ему не поддаваться.

Клара была в отчаянье оттого, что, вняв софизмам малодушия, ступила на ложный путь. Она погибла! Теперь нравственная сила была на стороне Уилоби, и он не преминул этим воспользоваться, тогда как Клара чувствовала себя совершенно раздавленной. Она погибла, она не могла больше сопротивляться подхватившему ее могучему потоку. Уилоби обрел союзника в лице ее отца. Странным, непонятным для нее образом ему удалось склонить того на свою сторону. До сих пор доктор Мидлтон не питал особенной нежности к тому, кого ожидал увидеть своим зятем. И вдруг: «Сынок, Уилоби!» Отец ее не имел обыкновения бросаться такими словами. Сколько изнурительных сцен потребуется, прежде чем, наконец вымотав и отца и себя, удастся ей зачеркнуть страшный смысл этих слов. «Сынок, Уилоби», — повторяла она про себя то недоуменно, то презрительно, то негодуя, то как бы с отчаянной покорностью судьбе. Слова эти означали, что она разбита наголову; слова эти означали также, что она лишена уважения родного отца. И перед Клариным мысленным взором вместо отца возник гигантский образ родительского порицания.

Сознание собственной слабости и малодушия вызвало в ней нечто похожее на фатализм. Какое право имело такое ничтожество, как она, беспокоить других своей особой? Кому какое дело до ее счастья или несчастья? Плыть по течению — насколько это проще для нее самой, насколько спокойнее для окружающих! А там, глядишь, небеса в своем милосердии даруют ей короткую жизнь. Раз уж попал в капкан, предаваться отчаянию бессмысленно: ведь как бы схожа ни была наша земная доля с долей животного, все же мы — люди, существа, одаренные разумом, и бремя свое должны нести по-человечески.

Она предалась всей роскоши пассивности, какая овладевает нами, едва мы перевалим свою ношу на небесные силы. Да, но мы тотчас перестаем их любить! А потребность любить эти силы, любить их во что бы то ни стало, тут же вывела Клару из оцепенения и заставила ее вновь вступить в борьбу с тем, что ей было так ненавистно. И пусть на нее еще не снизошла благодать, — вступая в борьбу, она вновь обретала способность смиренно любить эти высшие силы. Здесь-то и сказываются уроки добра, еще в детстве запавшие нам в душу. Если бы мы составили карту нашего душевного состояния, то увидели бы четкую демаркационную черту на том самом месте, где восточный фатализм нашептывает

нам закрыть глаза на мир, а полученное с детских лет воспитание заставляет возвести их к небу.

Клара понимала всю целепость своего поведения, но у нее не хватало решимости его изменить. А теперь, в наказание за свою нерешительность, говорила она себе, ей должно перебороть себя, подчиниться. Она приняла предложение Уилоби: следовательно, это дело решенное и не подлежит обсуждению.

Отвлеченные доводы разума были неоспоримы. Да, да, теперь она ясно видит, в чем состоит ее долг! Она стала думать о Верноне, о том, как выгодно отличается он от нее, Клары. Годами мирился он с тем, что было ему не по нраву, лишь бы иметь возможность заниматься наукой и из скудных своих доходов поддерживать тех, кто еще беднее его. Она думала о нем со смешанным чувством жалости и зависти. Он здесь ужил, уживется и она; в его смирении не было ничего позорного, он умел властвовать собою, оттого что у него была своя, внутренняя жизнь. Ей уже начало представляться, что она могла бы исследовать его примеру, как вдруг с остротой физической пронзила мысль: «Но разница! Разница!» Она рождалась, и, следовательно, не может быть и речи. Возможна ли для женщины, отдельная от того, с кем она связана, попытка уйти от этого вопроса, найти выход, в котором можно было бы тешишь себя, заглушив свою женскую сущность. Тщетно, в этой ужасающей разнице, в силу которой слезы и чувство долга совместимы? В этой ужасающей разнице, в силу которой слезы и чувство долга совместимы? В этой ужасающей разнице, в силу которой слезы и чувство долга совместимы?

Но мозг ее должен был гореть, сжигая все, что попадало в его орбиту, и Клара разглядывала себя в беспощадном свете этого пламени. Есть ли у нее хотя бы какое-то подобие воли? Или она принимает за волю вереницу порхающих мечтаний, сменяющих одно другое? Ей ли, с ее легкомыслием, отстаивать свое физическое достоинство? И если она оказалась способной обещать кому-либо свою руку, не задумываясь (ибо невозможно представить, чтобы она совершила такой поступок по зрелом размышлении), чем отличается она от товара, который можно купить и продать, и имеет ли она в таком случае голос в этой сделке?

К тому же, нашептываял ее воспламененный рассудок, она ведь и не подозревала такой изощренной хитрости в Уиллоби, — быть может, она ошибается и в другом, и все ее суждения о нем — ошибка? Если он оказался сильнее, нежели она предполагала, быть может, он и вообще более достойная личность, чем ей представлялось? Свет к нему благоволит. Друзья его ценят.

Она снова окинула его мысленным взором. В сущности, ее оценка почти не расходится с оценкой света и друзей, и даже если она менее благоприятна, то ненамного и непреднамеренно. Но вот беда: при мысли об этих друзьях она тотчас вспомнила — явственно услышала — голос Уиллоби, рассуждающего о свете и о друзьях, в частности, о тех же Верноне Уитфорде и полковнике де Крее. А коли уж она взялась смотреть на него теми же глазами, какими на него смотрят друзья, то надо предположить, что она отстоит от него на том же расстоянии, что и они. Но в таком случае как же можно было ей видеть в Уиллоби близкого человека? Все это рассуждение длилось минуту, не больше, и за короткую эту минуту в ее голове пронеслась вереница картин, одна другой ярче, но фоном для каждой и как бы комментарием к ней неизменно проступало угрюмо-непреклонное лицо Уиллоби, каким оно было, когда она попросила его освободить ее от слова.

— Нет, нет, не могу! — произнесла она вслух. И тут же подумала, что отвращение, которое он ей внушает, должно быть знаком свыше. Пусть она непостоянная, скверная женщина — все лучше, чем быть женой постылого мужа! Пусть люди увидят, что она ветрена и переменчива. Зачем таить от них свою подлинную сущность?

Зачем? Такой вопрос обычно вызывает раздражение, ибо втайне каждый из нас убежден, что обладает некими высокими достоинствами и благородными качествами; и пусть небрежный свет не замечает их, пусть мы и сами едва их в себе подозреваем, они тем не менее служат нам оплотом: на этой убежденности зиждется наше чувство собственного достоинства, одинокое и неуязвимое, как восьмидесятилетний консерватор. Но когда мозг полыхает, как факел, и всепоглощающий пламень не оставляет ни одного закоулка души в темноте, человеку не до чувства собственного достоинства. Клара не могла выбраться из заколдованного круга, она видела свое бессилие, оно ее страшило. Она призывала на

помощь все свое отращение к Уиллоби и... вновь возвращалась к сознанию своего бессилия.

Да, она неблагодарна, непоследовательна, непостоянна, безынициативна, она способна поддаться соблазну, больше того — только и ждет, чтобы ее соблазнили! Так вот оно что! При одной этой мысли она ощутила приятную слабость: ведь это конец боренью с собой, конец мучительным попыткам оторваться от своих корней. Она будет беспечно колышаться по воле волн, подобно водорослям в океане! Да, она будет чем-то вроде Констанции — по судьбе, но, увы, не по отваге.

Констанция по судьбе?

С Кларой произошло то, что бывает с человеком, очнувшимся внезапно среди ночи от тревожного сна: с минуту лежит он с открытыми глазами, пытаясь вникнуть в смутное видение, порожденное таинственной механикой его души; но едва ему это удастся, он с проворством рыбы, устремляющейся в глубь пучины, ныряет в простыни и укутывается в них с головой. Как только случайно возникшая у Клары мысль дошла до ее сознания во всей своей полноте, она словно вся окунулась в багровый румянец стыда.

Надо полагать, однако, что ей было даровано отпущение грехов или, во всяком случае, забвение их, ибо, когда она вынырнула вновь на поверхность, мысли ее остановились на полковнике де Крее. Она думала о нем совершенно спокойно, это был отдых для души. Он был очень мил, настоящий праздничный гость. Его гибкая фигура, четкая, легкая поступь оленя, живая, смышленная физиономия, его юмор, душевная веселость, неизменная приветливость и, наконец, — ирландский темперамент, которым он пользовался, как инструментом, как арфой, что служит эмблемой его зеленой родины, — обо всем этом думалось легко и приятно. У нее зашевелилось было подозрение, будто она обманывает себя нарочитым спокойствием, но она тут же это подозрение отменила. Юная душа, устав терзаться, бежала от ярких лучей разума и искала отдохновения. Думать о де Крее было роскошным пиршеством. Он был как долгожданный дождь в засушливую пору. От него веяло свежим воздухом. Она не имела оснований усомниться в его порядочности и могла спокойно предаваться думам о нем. Да и разве характер услуги, какую ожидал от него в скором будущем его друг Уиллоби, не являлся сам по себе гарантией? К тому же (впрочем, не ищите здесь логики!) ведь оттого-то так легко и дышится Кларе, когда она останавливает свои мысли на де Крее, что — как ей ка-

залось — ему вряд ли придется выступить в ненавистой роли, которую ему предназначал Уилби. И так, она позволяла себе отдыхать душой, думая о де Крее.

Он послал то же имя, что и великий поэт, со стихами которого Клару познакомил отец. Она знала большую часть его од, а также несколько сатир и посланий. Человек, носящий имя этого поэта, светился для нее отраженным светом его славы. Как и тот, он был весел, остроумен, исполнен изящества и здравого смысла; он говорил, что любит деревню, вздыхал по сельской жизни, мечтал осесть в Канаде и возделывать свой клочок земли: «*Modus agri non ita magnus*»¹. Не прелестно ли? И так же, как тот, попав в деревню, принимался вздыхать по городу. Он шутливо намекал на свою бедность: «*Quae virtus et quanta, boni, sit vivere parvo*»². Эта цитата, впрочем, больше подходила к Вернону Уитфорду. Как ни странно, последнее соображение спутало весь дальнейший ход ее мыслей.

Если бы она послушалась своего инстинкта самосохранения, она бы давно обратилась мыслями к Вернопу. Но он был так требователен, так суров! Ничем, кроме совета, он не обещал ей помочь. Она должна была взять на себя все — сама должна была решать, сама действовать. Он так и сказал, что это — единственный способ для нее разобраться в самой себе и что это ее епитимья. Тем, что, не выдержав муки, она излила перед ним душу, она ровно ничего не выиграла. Вернон считал, что ей следует добиваться разговора между Уилби и ее отцом и, больше того, присутствовать во время этого разговора, предметом которого будет она сама! Либо это, либо оставаться верной слову, которое она дала Уилби. Иной альтернативы нет. Терпение, честность с самой собой, и еще раз терпение, — призывал Вернон, между тем как все в ней кричало: «Теперь или никогда!» Дом, где она сейчас обреталась, был ей тюрьмой, весь белый свет был тюрьмой, собственные мысли были тюрьмой, и, покуда она не добьется уверенности в своем освобождении, стены этой тюрьмы не расступятся.

Самый дом, впрочем, она вольна покинуть хоть сейчас.

Она подошла к окну и взглянула на подернувшееся первым робким румянцем зари серое небо, затем скользнула взором по зеркалу. Ни вид из окна, ни собственное отражение не доставили ей никакого удовольствия. Куда бы она ни

¹ Клочок земли небольшой (лат.).

² Какая великая добродетель, друзья, довольствоваться немногим! (лат.)

взглянула, все ей напоминало о ее неволе: там — оконный переплет, похожий на прутья клетки, здесь — рама. Ей казалось, будто она так давно живет в этом доме, что ей уже отсюда не выбраться никогда; отныне это ее мир, и представить себе какую-нибудь альпийскую вершину так же невозможно, как вернуться в детство. Она обречена оставаться здесь до конца своих дней, если только не случится чудо. Но в наше время рыцари перевелись, и чудес не бывает. Следовательно, участь ее решена.

Она взяла в руки перо и начала письмо к Люси Дарлтон, любимой подруге, которая должна была присхать на свадьбу. Она писала, чтобы та не шила себе свадебного наряда, а готовилась к путешествию по Швейцарии. И покуда, отдавшись фантазии, Клара писала об этом горном крае, ей казалось, что онашла лазейку из своей тюрьмы. Она встала и накинула на плечи поверх пеньюара шаль, так как повеяло утренней прохладой, затем снова села за стол, но уже не могла написать ни одного слова. Все написанное подлежало уничтожению — что ни строка, то нелепость. Она порвала письмо на клочки. Все ясно: участь ее решена.

Поплакав над обрывками письма, она оделась, села у окошка и стала следить за прыжками черного дрозда по росистому газону; он то и дело перескакивал из полосок света в более длинные полосы теней, отбрасываемые деревьями. Насколько значимее, думала она, насколько милее эти темные владения росы, нежели яркий блеск ее на солнечной лужайке.

Словом, Клара успокоилась. В душе она уже пережила кризис, которому еще только предстояло наступить, — так оно обычно и бывает с живыми, нервными натурами. В минуту настоящего кризиса они оказываются тверды и невозмутимы и даже производят впечатление равнодушных. Поэтому-то они и способны на головокружительные переходы, минуя те самые ступени, благодаря которым их поступки могли бы заслужить в глазах общественного мнения если не оправдания, то хотя бы некоторого снисхождения.

Дрозд закинул голову, поклевал что-то в одном месте, в другом и замотал из стороны в сторону своим ярко-желтым клювом, из которого свешивался червяк. Заступила на работу пятнистая дроздиха; быстро, Кларинной походкой, засемила трясогузка, затем оба дрозда поднялись в воздух и разлетелись по гнездам. У них были крылья! В раскрытое окно ворвалось великолепное утро, напитанное упоительным

ароматом земли. Слушал дружный хор, в котором сливались щебет, чириканье, посвист и нежная песенка ветра, трудно было не поддаться невинному опьянению утра. Любить! Этого слова она не произносила, но если бы она запела, — а душа ее так и рвалась в песню! — она пропела бы именно его. Ведь вся ее война с Уиллоби и возникла оттого, что желание любить патолкнулось на преграду отвращения. Жажда свободы была жаждой свободы любить. И, поняв это, она не могла не содрогнуться. Любить! Но не какого-нибудь определенного мужчину. Ни даже необъятную природу. Любить самоотверженность, чуткость, душевную силу. И тогда, если бы она любила и могла хоть немного чувствовать себя любимой, сколько это придало бы ей сил! Любовь служила бы ей щитом, она нашла бы все нужные слова, какими говорить и с Уиллоби и с отцом: она бы двигалась в их мире, а жила в своем.

Ей уже однажды случилось воскликнуть с отчаянием: если б только меня любили! Но тогда в ней говорила зависть — она завидовала счастью, которое выпало на долю Констанции Дарэм, завидовала ее чудесному избавлению. Сейчас она вспомнила это восклицание, но уже была менее откровенна с собой. Она пыталась себя убедить, будто теперешний ее возглас означал: «Если бы Уиллоби был способен любить по-настоящему!» Ибо от пламени, охватившего ее мозг, остались лишь пепел да зола, и в наступившем полумраке было где укрыться полуправде. Она думала о любви — так, во всяком случае, она себя уверяла — лишь как о средстве пробиться к свободе. Правда, минуту назад она думала нечто совершенно противоположное, а именно: что свобода нужна ей для любви, но сейчас такая мысль казалась ей неприемлемой. Впрочем, представление о свободе было у нее и в самом деле более отчетливым, чем представление о любви.

Не всякий ли мужчина, когда его узнаешь как следует, окажется подобным тому, которого она знала слишком хорошо?

Но нет, это вопрос от лукавого.

Клара отгоняла его. Да не тут-то было! Вопрос этот всюду ее подстерегал. В самом деле, ведь она знала так много об одном представителе мужского пола и так мало — об остальных! Как же было не задаваться таким вопросом? Она могла бы поклясться, что Вернон на него не похож. Впрочем, он был исключением, его нельзя было равнять ни с кем. А тот, другой, живущий сейчас под одним с нею кровом?

Обычно девице, чтобы разгадать, каков человек, которому суждено сделаться господином ее судьбы, остается одно: положиться на собственное чутье. Если же это чутье от чрезмерной нагрузки притупилось, девицы вынуждены пренебречь своею девичьей щепетильностью и призвать на помощь рассудок. Но тут сызнова начинается игра в прятки, на этот раз с рассудком: ведь мужчина не должен знать, что его невеста способна здраво о нем судить! Полное невежество — вот единственный залог ее певинности в глазах мужчины. А посему — извольте стереть все, что занесено на скрижали вашей девичьей памяти, извольте забыть все, что знаете. Это сочетание инстинктивной пытливости с необходимостью скрывать свою осведомленность и создаст ту смесь искусственности, из которой рождается пресловутое женское лицемерие, столь осуждаемое мужчинами, — право же, на них не угодишь! Не удивляйтесь же, если девушки спускаются к вашему желанию видеть в них дурочек и с вашей легкой руки соглашаются играть эту роль, и не торопитесь презирать их за отсутствие умственного развития. Вы сами воспитали их такими. Они же, достигнув показанного им уровня, принимаются соответственно воспитывать вас. И вполне в этом преуспевают. Если же вам угодно, чтобы процесс взаимного воспитания был довершен, откажитесь хотя бы от части требований, которые вы предъявляете к женщине, дайте достойную пищу ее уму, способствуйте ее духовному развитию. Вот тогда вы можете вступить с ней в единоборство, и это будет справедливый, мужественный бой равных. Да и исход его будет плодотворнее.

Внезапно, внутренним чутьем, Клара разгадала де Крея. Для этого ей пришлось перечеркнуть привидевшийся ей в нем образ капитана Оксфорда, забыть его насмешливое презрение к Уиллоби, гибкость его принципов и печать легких любовных побед.

Все это она перечеркнула, попросту выкинула из головы. Да, она знала, что он собою представляет, знала, что это просто более приятный, более богатый нюансами Уиллоби; Уиллоби-мотылек, наделенный, быть может, несколько большей душевной широтой. Но ей не хватало внутренней свободы в этом себе признаться, воспринять это, как предостережение. Чутьем она угадывала отдельные черточки, но, не обобщенные рассудком, они не производили на нее достаточно отчетливого впечатления. К тому же ее утомленный ум отказывался воспринимать новые впечатления,

В неподвижном утреннем воздухе раздался голос юного Кросджея. Милая, бесхитростная мальчишеская болтовня! Вот кого она действительно любит! И он ведь ее любит. Вот он, ее идеал, человек, на которого можно положиться всецело, — самоотверженный, мужественный и благородный! Ах, этот милый голос! В нем слышится попеременно то дрозд, то дятел. Легкий, нескованный, шагал он рядом с Верноном Уитфордом к пруду, куда они ходили каждое утро купаться. Счастливицы! Они шли, освещенные святостью и свежестью раннего утра, и казались какими-то бесплотными существами, сотканными из предрассветного воздуха и прозрачных вод пруда. Голос Кросджея то поднимался, то падал, пробегая всю диатоническую гамму, время от времени обрываясь вопросом или звонкой нотой смеха. Интересно, о чем он говорит так безостановочно? Клара приглялась сочинять в уме диалог. Он болтал о вчерашнем дне, о сегодняшнем, о завтрашнем, для него не существовало ни прошлого, ни будущего, а одно лишь сплошное лучезарное настоящее. Слушая его голос, она чувствовала себя птицей, которая тщетно машет крыльями, пытаясь взлететь. Как она стара! Чтобы хоть немного утешиться, она стала с материнской нежностью думать о мальчишке. Ей хотелось прижать его к груди.

Так они шли, эти двое, один шагом, другой вприпрыжку, не обращая внимания на мокрую от росы траву, и, войдя в парк, ни разу не оглянулись на Большой дом. Кросджей то и дело забегал вперед, срывал цветок и возвращался, чтобы показать его своему наставнику. Кларе почудилось, будто было упомянуто ее имя, и у нее забилося сердце. Ах, если цветы предназначаются ей, каким драгоценным будет для нее этот букет!

Купальщики скрылись за небольшим холмом.

С их исчезновением Клара вновь явственно услышала звон своих цепей.

В молодости, когда начинаешь слишком уж углубляться в свои невзгоды, на выручку приходит спасительное забвение. Ибо молодая мысль — наполовину мечтания, а молодые мечты пронизаны радостью, и в результате столкновения этих двух начал, хоть грусть и не подменить весельем, образуется род наркотика.

«Неужто я навеки связана словом?» — спросила себя Клара вдруг, словно только что очнулась.

Она взглянула на постель, в которой провела ночь, бесплодно сетуя на свою судьбу; затем перевела взгляд на высо-

кую волнующуюся траву на холме, за которым исчезли Кросджей и его добрый друг.

Неужели всю эту борьбу придется вести запово?

Постепенно истинное положение дел представилось ей со всей ясностью, сердце ее словно оборвалось.

«И я живу у него в доме, в *его* доме!» — воскликнула она. Эта мысль была равносильна открытию — так велико было действие упомянутого наркотика, этой способности мечтать, несмотря ни на какие мучения. Клара вздрогнула, произнеся эти слова. Она в его доме, его гостья, его невеста, суженая. В беспощадном свете дня этот факт предстал перед ней с отчетливостью гравюры на меди.

Она почувствовала, что не может больше оставаться в комнате ни минуты, и побрела по направлению к пруду.

Она остановилась среди буков, мимо которых должен был пройти мальчик на обратном пути. Необычность ситуации, в которой она сейчас оказалась, — она, привыкшая быть дичью, вдруг выступает в роли охотника! — внезапно открыла ей глаза на нечто такое, чего она предпочла бы не замечать. Впрочем, почему бы ей не сознаться себе, что она поджидает именно Вернона — ей ведь нужно с ним поговорить, как с советчиком, жестким, суховатым, но для нее полезным.

На поросшем травой холме появились две фигуры. Размахивая мокрыми полотенцами, они бежали наперегонки.

Кто-то их окликнул. Раздался топот копыт. Клара повернула голову и увидела, как Уиллоби пронесся верхом по аллее, крикнул что-то Вернону на ходу и ускакал. Только тогда она решила показаться.

Кросджей закричал. Уиллоби повернул голову, не поворачивая, однако, копы. Мальчик в один скачок очутился подле Клары. Он переплыл пруд — туда и обратно! Они бежали с мистером Уитфордом наперегонки, и он вышел победителем! Ах, как жаль, что мисс Мидлтон не было с ними!

Клара слушала его с завистью. «Как, однако, мы, женщины, скованы в своем поведении», — подумала она.

— Вы только что говорили с сэром Уиллоби, — сказала она вслух.

Кросджей вытянулся в струнку и, комически утрируя, изобразил прощальное приветствие баронета.

Он бы не осмелился на такое, если бы не угадывал чутьем настроение аудитории.

Клара, однако, не позволила себе улыбнуться, Кросджей

со смехом повторил свою выходку. Между тем к ним присоединился Вернон.

— Послушайте, мистер Уитфорд,— воскликнул Кросджей,— кто это? — и повторил свою буффонаду в третий раз, еще выразительнее, чем прежде.

Вернон наклонился, чтобы его схватить. Кросджей увернулся, отбежал и повторил жест, исполненный величия.

— Доброе утро, мисс Мидлтон, как вы рано сегодня поднялись! — сказал Вернон. Его мокрые волосы свисали на лоб, а лицо побледнело после купания в холодном пруду. В глазах еще не погас жестковатый блеск, вызванный состязанием и беге.

Она ожидала встретить в нем немного той нежности, которую намеревалась отклонить, ибо знала, что он мог быть очень ласков, и смотрела на него, как на своего врача, который делает хотя бы попытку предложить ей бесполезное лекарство.

— Доброе утро,— ответила она.

— Уилоби уехал на весь день и вернется только к вечеру.

— Какое прекрасное утро для купания!

— Да.

— Я могу шагать очень быстро, если хотите.

— Спасибо, я согрелся.

— Но вы предпочитаете быструю ходьбу, я знаю.

— Когда иду туда.

— Понимаю. Ах, этот обратный путь домой! А почему Уилоби вздумалось уехать на весь день?

— У него дела.

Пройдя несколько шагов в молчании, она сказала:

— Он, кажется, очень уверен в папе.

— И, как увидите, не без оснований,— сказал Вернон.

— Но отчего же? Я не понимаю. Ведь папа дал мне слово...

— Ну да, уехать с вами на два дня.

— Но даже это было бы...

— Возможно. Но другие тоже не дремали. Если ваши намерения были серьезны, вам следовало бы поговорить с отцом начистоту, без проволочек. Это я и позволил себе вам посоветовать — полагая, что вы не шутите.

— Шучу?! Вы прекрасно знаете, что это не так. Я просто хотела пощадить отца.

— В данном случае это невозможно.

— Ах, если бы человек, с которым я себя связала, был

иним! Я еще не знала своего тюремщика. Я думала, довольно объясниться с ним, и он меня отпустит.

— Таких мужчин, которые согласились бы отказаться от завоеванного сокровища — только оттого, что с ними поговорили, — мало. Уиллоби не из их числа.

«Сокровища»! Это слово в устах Вернона отдалось в ее душе радостью, которая немного утешила ее в ее унижении.

Она хотела бы возразить. Какое она сокровище? Никто ее так не воспринимает, кроме человека, который считает ее своей собственностью. На самом же деле никакое она не сокровище.

Впрочем, ей было не до тонкостей.

— Неужели он думает, что я могу вновь переметнуться? Или я приз, который можно выиграть в лотерею? Право же, я не в силах больше здесь оставаться. А если он рассчитывает... Мистер Уитфорд, если он в самом деле считает, что я могу снова перемениться, одуматься, то держать меня здесь хитростью не только жестоко, но и неумно. Еще в разлуке, быть может, и могло бы что-нибудь измениться, но здесь...

— Умно или нет, но он вправе пускаться на любые уловки, вправе считать вас во власти заблуждения и полагать, что, если вы побудете здесь, вы постройтесь на лучший лад, — лучший с его точки зрения, разумеется. Это его полное право. Не забывайте также, что вы кругом перед ним виноваты. Вы сами это признаете, коли взываете к его великодушию. И всякий человек вправе пытаться удержать то, что ему дорого. Взгляните трезво на факты.

— Вы требуете, чтобы я была вся — рассудок?

— Попробуйте. Это единственный способ разобраться в себе до конца.

— Я попытаюсь. Но будет еще хуже, вот увидите!

— Не лукавьте. Я бы посоветовал вам покуда оставаться здесь. Я это говорю в качестве того лица, в котором, по вашим словам, вы нуждаетесь. Итак, вот вам совет друга. Вы чуть было не уехали с отцом. Но поскольку это не удалось, дальнейшие ваши попытки только встревожат его и вызовут раздражение. Скорее всего, он откажется ехать.

— Судите сами, кто переменчивее — женщина или мужчина? Папа ведь согласился, сказал, что поедет: он отчасти догадывался о моем душевном состоянии — я это видела. Но то было днем. А вечером! Его словно подменили. Он со всеми говорил не так, как обычно. Даже со мной был не-

ласков. Однако, мистер Уитфорд, советуя мне здесь оставаться, вы тем самым предлагаете мне поступиться своей искренностью.

— Смотрите на это, как на испытательный срок.

— Мне он уже не пужен. Я слишком далеко зашла.

— Пусть окончательный суд свершится не в сердце вашем, а в голове.

— Вы со мной говорите так, словно я соткана из одного интеллекта.

В голосе ее появились звенящие нотки, указывающие на близость слез.

Вернон еле приметно вздрогнул.

— У вас достаточно интеллекта, — кинул он на прощание и, наклонив голову, зашагал по газону прочь. Ему было пора одеваться.

Клара недолго оставалась одна — полковник де Крей уже направлялся к буковой роще.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Кавалькада

Кросджей, однако, ринулся наперерез полковнику и обогнал его на полномздри.

— Мисс Мидлтон! — кричал он. — Я сегодня свободен весь день после уроков. Пойдемте со мной удить рыбу, я вам потом покажу кое-какие гнезда.

— Нет, нет, сынок, не выйдет, — перебил полковник. — Хоть и соблазнительно увидеть, как ты себе раскроешь черепушку, но мисс Мидлтон, — и полковник отвесил ей поклон, — вверена лично мне на весь день, — если только она согласна?

— Право, не знаю, — сказала она, внезапно ощутив знакомую слабость. — Я еще сама не знаю, остаюсь ли я здесь. Отец как будто колебался. Мне нужно с ним поговорить. Если окажется, что мы не едем, быть может, Кросджей захочет прокатиться с нами верхом?

— Да, да! — вскричал мальчик. — Перевалим через Борнден, оттуда к Клошамскому маяку через Мюси и авиз, к Аспенуэду. Там есть выгон, на котором можно устроить бега. А затем переправимся через реку вброд.

— Видите, сколько соблазнов,—сказал полковник, обращаясь к Кларе.

Она улыбнулась и стиснула руку мальчика.

— Не бойся, милый, мы без тебя никуда не поедем,—сказала она.

— Вы не имеете обыкновения носить с собою гребешок, когда ходите кунаться, молодой человек?

Замечание полковника заставило мальчика увидеть себя со стороны: до чего же он, должно быть, смешон с мокрыми, растрепанными волосами в глазах той, которую он так обожает! Он залился румянцем и, метнув на нее смущенный взгляд, пустился бежать со всех ног.

— Хороший мальчишка,—сказал де Крей.

— Я очень его люблю,—сказала Клара.

Она чувствовала, что долго будет помнить эти полуутоленные от смущения веки и открытую мальчишескую физиономию.

— В конце концов, мисс Мидлтон, в вашем лице мальчик обретает любящую мать, и я нахожу, что Уилоби не так уж плохо распорядился его судьбой.

— По-моему, плохо.

— Вы не хотите принять в расчет, что сухопутная карьера позволит мальчику пользоваться вашим обществом гораздо больше, чем если он наденет бушлат с медными пуговицами.

— Итак, вы говорили о нем с Уилоби.

— Да, вчера вечером мы толковали с ним о всякой всячине.

«О всякой всячине?» — подумала Клара про себя.

— Уилоби сегодня же и вернется? — спросила она вслух.

— Я знаю, что он намерен обедать дома, ибо он хранит ключ от погреба у себя, а доктор Мидлтон соблаговолил одобрить его портвейн. Уилоби любезно поручил мне немного вас развлечь.

Вся душа Клары пришла в смятение при этом упоминании имени ее отца в связи с вином. Вслух же она только повторила де Крею свою просьбу — употребить все свое влияние на Уилоби и заставить его подумать о будущем Кросджей всерьез.

— Он как будто и сам привязан к мальчику,—сказал де Крей раздумчиво.

— Но вы, кажется, склонны в этом сомневаться?

— Вовсе нет. Но он... впрочем... мы, мужчины, народ со всячипкой, с этим нельзя не считаться,— вы не находите, что Уиллоби несколько деспотичен — о, любя, любя, конечно! — с теми, к кому он привержен душой?

— Ипаче говоря, он не терпит, чтобы ему противоречили...

Клара хотела произнести последнюю фразу в виде вопроса, но интонация у нее получилась отнюдь не вопросительной.

— Бедняга Кросджей! — вздохнула она. — Я бы с радостью заплатила за его учение из своего кармана, и если понадобится, я это непременно сделаю,— лишь бы мальчишка не упустил возможность стать па ноги. Но я еще не собралась с духом, чтобы предложить такую меру.

— Не знаю, мисс Мидлтон, может, я ничего не понимаю, но Уиллоби как будто считает, что и мальчик к нему привязан.

— Несомненно, считает.

— Впрочем, желание служить путеводной звездой для своих близких — явление довольно распространяемое.

— Вероятно.

— Во всем остальном, разумеется, ваше влияние всемогуще?

— Оно равно пулю.

Де Крей рассеянно оглядел небосклон.

— Деть обещает быть великолепным. Удивительное дело, стоит у нас установиться хорошей погоде, как все мы мчимся за море! Вот и я зачем-то уговорился отправиться на Средиземное море — и только немного отложил поездку, чтобы присутствовать на вашем бракосочетании.

— Ради этого?..

Голос выдавал ее с головой.

— Вы можете назвать более достойный повод?

Она не нашлась, что ответить, и де Крей сам решил прервать неловкое молчание.

— Представьте, мисс Мидлтон, я задумал написать статейку о медовом месяце,— сказал он,— и даже написал половину.

— Половина статьи — это, верно, все равно что целая статья, но только написанная наполовину?

— Вы совершенно правы. Собственно, это целая статья, но только написанная с одной лишь точки зрения,

— С какой же?

— С точки зрения холостяка.
— Зачем же холостяку понадобился такой сюжет?
— Ему холодно от одиночества, и он хочет согреться.
— Неужели он завидует?
— Увы!
— Но он обладает свободой.
— Пока он не найдет покупателя на этот товар, он не может знать ему цены.

— Зачем же он стремится продать его?

— Он хочет окончить статью.

— Чтобы сделать ее окончательно скучной?

— Вот мы и подошли к самой сути вопроса. Как спасти нашу пару от скуки, помноженной на двоих? Наш холостяк рекомендует, как только каждый найдет себе подходящего партнера для скуки, тотчас после венчания ринуться в круговорот приключений, в которых непременно в качестве острой приправы присутствовал бы некоторый риск для жизни. С первого же или, на худой конец, со второго дня им следует подвергнуть свою жизнь опасности. Скука холостяка — его частное дело; ему не приходится стыдиться того, что он испытывает это чувство и даже внушает его другому. Одиночество служит ему чем-то вроде подушки; он может взбивать эту подушку, сколько ему заблагорассудится, может даже перевернуть ее, коль скоро он ощутит надобность в радикальных переменах, а может просто на ней уснуть и видеть сны. Между тем у нашей бедной пары — сна ни в одном глазу. Покончено и со сновидениями. Свой флакон о волшебным эликсиром они уже выпили или разбили. У нее появляется желание почесать язык, у него — позевать с приятелем. Разговор друг с другом уже не утоляет их жажду общения; это все равно что дождь, пролившийся над пустыней. Поэтому при первой возможности она устремляется к подружкам, он — в клуб. Таков результат наблюдений нашего холостяка, желающего уберечь молодоженов от подобной участи. И если бы не эти наблюдения, он давно подставил бы под ярмо собственную шею и бросился на колени среди увлажненной утренней росой лужайки перед какой-нибудь прекрасной коровницей.

— Ну что ж, — сказала Клара, — холостяк предупрежден об ожидающих его опасностях, и будем надеяться, что уберется от них.

Де Крею, как он и рассчитывал, удалось немного ее развлечь,

— Какие же приключения вы предложили бы молодой паре?

— Один мой приятель, например, сел со своей невестой в лодку возле парламента, и они поплыли вверх по Темзе, а затем по Сэверну до самого Уэльса. Можете себе представить, сколько им пришлось преодолеть порогов и водопадов!

— Что ж, очень мило.

— Всех их приключений не перечесть. И лучшим доказательством, что они пошли на пользу, может служить то, что молодые ни одного из них не запомнили. Помнят только, что приключения были, а какие — рассказать не могут.

— Эта пара, во всяком случае, должна была вас поразить.

— Еще как! Оба, возвратившись, сияли так, что я им радовался, как матрос свету маяка в ненастную ночь. Видите ли, мисс Мидлтон, к их услугам было все: живописный ландшафт, движение на свежем воздухе, а время от времени — и опасность. Их метод я бы смело рекомендовал всем. Ландшафт меняется беспрестанно, по и без резких переходов. Природа не подавляет своим величием — здесь нет эффектных горных вершин, требующих постоянных охов и ахов. Вас не кидает с волны на волну, вы мирно скользите по воде, сопровождаемые ласковым зефиром. Свежий воздух и движение — причем, не в купе железнодорожного вагона. Нет, здесь в самом деле успеваешь наслаждаться тем, что проплывает перед твоим взором. К тому же у руля — она, как тому и следует быть с самого начала. Она имеет возможность любоваться крепостью мышц своего господина и повелителя; раз десять в минуту он ей кланяется, на что она время от времени вольна отвечать ему легким склопением головки. Они сидят друг против друга, но заняты делом, от них не требуется, чтобы взгляд их все время выражал неизъяснимые чувства. Да и лодка представляет собой идеальное третье лицо — ни во что не вмешиваясь, она требует к себе постоянного внимания. Каждый из партнеров трудится в меру своих возможностей, дабы продвигаться вперед, и даже если жениху не предстоит добывать средства к существованию, он доказывает, что на это способен. Что вы думаете о моем плане, мисс Мидлтон?

— Я думаю, полковник де Крей, что вам остается только предложить его на рассмотрение партнеру,

— Ну, а если лодка и перевернется, что ж, они искупаются, только и всего.

— Вы забываете сундучок повобрачной с ее нарядами!

— Небольшое пятнышко ржавчины на сундучке будет служить напоминанием о ловкости, с какой молодой супруг выудил его из пучины. А вот, если угодно, другой вариант, быть может еще лучший: пусть новобрачные, вместо того чтобы повторять все время одно и то же, покуда их барабанные перепонки в самом деле не превратятся в барабан, пусть они вместо этого читают друг другу вслух какие-нибудь пьесы; а незадолго до того, как поставить свои подписи в роковой Книге Записей, хранящейся у причетника, им следует договориться с какой-нибудь труппой провинциальных актеров и в день бракосочетания к ней примкнуть. И вот они садятся в карету четверней, она — в качестве мадам Пируэт, он — мосье Папильопа. И — пошел крутиться медовый месяц! Просто удивительно, что еще ни одна нарочка до этого не додумалась! Чем томиться в своей пустыне, не населенной даже дикарями, они могли бы наслаждаться жизнью, людей посмотреть, себя показать, а затем, сбросив личину, вернуться к той роли, которая им положена в жизни. Говорят, мало кому удается забыть гнетущее впечатление, которое обычно оставляет по себе медовый месяц. Даже самый счастливый брак не в силах вытравить его из памяти. Что до меня, я, пожалуй, предпочел бы второй вариант.

Пора было и Кларе вставить слово.

— Вы, верно, говорите так оттого, что любите играть на сцене, — сказала она, — но ведь нужно, чтобы обе стороны имели к этому склонность.

— Мисс Мидлтон, ручаюсь, что я мог бы внушить любовь к сцене и к приключениям кому угодно.

— Вы считаете, что ваш метод хорош во всех случаях?

— Был бы энтузиазм у милорда. Миледи загорится непременно. Стоит лишь забросить искру.

— А если у милорда этой искры нет?

— В таком случае обоих ожидает скука смертная.

Вполне сознавая, что молчание красноречивее слов оттеняет ее последнюю реплику, Клара тем не менее не раскрыла рта. Весь ее вид выражал упомянутую ее собеседником «скуку смертную».

Она была исполнена мятежных и гневных чувств, ее сжигало желание как можно скорее покончить со своим це-

выносимым положением. Ей было не до того, чтобы следить за тем, что творится у нее в душе. Если она и испытывала стыд за свое поведение, он тотчас уступал место ненависти — ненависти к человеку, который довел ее до отчаяния: во всем виноват был он один. Сейчас не время предаваться самобичеванию, это от нее не уйдет, куда же у нее одна цель — свобода. Пусть у нее и не было иллюзий относительно личности полковника, она тем не менее не могла не испытывать к нему признательности за его бесхитростные — и притом небезуспешные — старания немного ее развлечь. И она с удовольствием думала о предстоящей верховой прогулке.

Кларин тет-а-тет с полковником де Креем прервала подошедшая к ним Летиция. Доктор Мидлтон появился только к завтраку. Его ученое чело походило на рельефную карту, выдавая беспокойство, которое он, по-видимому, ощущал в присутствии дочери. Нет более печального зрелища, нежели физиономия порядочного человека, которого терзают угрызения совести!

Смятенное состояние distinguished доктора не прошло незамеченным. Поняв, что причиной этого смятения являлась его собственная дочь, мисс Эленор и мисс Изабел не замедлили ее осудить и были готовы помочь ему скрыться; однако мисс Дейл, к которой доктор Мидлтон обратился в надежде избежать беседы с Кларой, принадлежала к другой фракции. Она сманеврировала и пропустила Клару вперед, так что та вышла вместе с отцом. Он окликнул было Вернона, но тот ограничился поклоном и вышел с Кросджем через стеклянную дверь на террасу.

Полковнику де Крею достаточно было беглого взгляда на жалкую фигуру пленного доктора Мидлтона, чтобы увидеть, что дом раскололся на партии. Перспектива лишиться общества мисс Мидлтон на два, а то и на целых три дня казалась ему такой грустной, что он не мог понять, почему Вернон Уитфорд и Летиция Дейл как будто поддерживают Клару в ее намерении уехать. Де Крей принадлежал к разряду джентльменов ума острого, пропитательного и вместе с тем как бы отуманенного предвзятостью, с какою они следят за сложной человеческой игрой, сводя ее к примитивной партии в шахматы; для людей этого толка мужчины и женщины — лишь фигурки в игре, и каждый ход такой фигурки продиктован единственно соображениями личного интереса. Привыкнув вращаться среди известного слоя общества, пол-

ковник де Крей, славный, прямой и мужественный по натуре, усвоил взгляд на жизнь, принятый в этом обществе.

Впрочем, он тут же отказался от бесплодных догадок, которые только мешают добраться до истины, подобно тому как, встряхивая барометр, мы только мешаем стрелке установиться и предсказать погоду. Итак, положившись на собственное чутье, он направил свое внимание на главные действующие лица. Известно, что когда общество распадается на партии, виновника раскола следует искать среди представительниц наиболее обворожительной части этого общества и что во все времена подобная честь выпадает на долю Елены Прекрасной. Полковник этой истины не забывал, а мисс Мидлтон была божественно прекрасна: смех ее пронизан солнцем, улыбки полны таинственных тепей,— словом, это девушка, созданная для счастья и любви.

И нет такого мужчины на свете, кто бы мог думать иначе. Воспитание и хорошие манеры не заморозили ее милой девической непосредственности. Зато Уиллоби действовал на нее как дыхание зимы. Эта мысль, заслонив собой ряд восхитительных картин, возникших было в воображении де Крея, таила в себе известную сладость: он перебрал в памяти все те сцены, свидетелем которых ему довелось быть,— сцены, которые красноречиво говорили о полнейшей дисгармонии, царившей между Уиллоби и мисс Мидлтон.

А коли так, долг джентльмена предписывал де Крею, хотя бы мысленно, изругать последними словами чудака, не умевшего оценить по достоинству доставшееся ему сокровище. Ну и осел же этот Уиллоби! Де Крей и раньше знал — от женщин, с которыми в свое время его приятель имел дело,— что это человек вздорный, придиричивый и взбалмошный; знал также и то, что одна из них, блистательная Констанция, сбежала от него чуть ли не из-под венца, а другую,— ту, что пожертвовала ему гораздо большим, чем Констанция,— он довел до гробовой доски. И все же Гораций не мог допустить, что Уиллоби окажется таким ничтожеством, что он так дурачки себя поведет и, завоевав девушку, подобную Кларе Мидлтон, пойдет на подобный риск, да еще в начальной поре, будучи только женихом этой девушки! Глядя на Уиллоби, можно было подумать, что они уже по меньшей мере лет десять как женаты.

Дав волю своему воображению, де Крей мысленно набросал ее портрет — такой, какой она будет лет через десять: все еще юная, но уже по-женски умудренная и еще бо-

лее женственная, чем в пору девичества; быть может, к коленям ее жмутся два-три малыша, которым она, не изведавшая любви к мужчине, отдаст всю силу любящего сердца.

Но мысль о Кларе Мидлтон, матери двух прелестных малюток, в свои двадцать девять лет так и не изведавшей ни любви к мужчине, ни, быть может, настоящей любви мужчины, была для полковника невыносима.

Чтобы успокоиться, он напомнил себе, что ей покуда всего лишь девятнадцать и что она еще не замужем.

Да, но она помолвлена и нелюбима! Он готов об заклад побиться, что она нелюбима. А она не из тех девиц, что удовлетворяются большим домом и мужем с аристократическим профилем.

Но вот в туманном зеркале будущего на смену печальной картине, рисующей Клару, которая материнством утешает свою сердечную тоску, его глазам представилась другая картина: Клара бездетная, любящая и любимая роковой, трагической любовью.

Так или иначе, удел ее был жесток.

В какую, однако, трясину увлекло его необузданное воображение! Он не знал, как из нее выбраться: вперед ли идти или назад? Чувство подсказывало, что вперед. Но воображение уже не освещало ему пути, поэтический ореол, окружавший мисс Мидлтон, растворился в тумане, и Крей увяз в своей трясине по колено, с каждой минутой она его затгивала все глубже, и он испытывал одно-единственное желание — вновь увидеть Кларино лицо и глядеть, глядеть на ее черты! Ни о чем другом он уже не мог думать.

Рассудок его оказался в полном подчинении у сердца — а это ли не доказательство, что сердце его пленено?

Де Крей не переставал изумляться. Ведь до сих пор это он безнаказанно смущал сердца! Что же было в лице, во всем облике мисс Мидлтон такого, что заставило красивого светского сердееда, насчитывающего тридцать лет и примерно столько же романов, попасться в ее сети? «У каждой пули — свое назначение». И вот предназначенная ему пуля наконец его настигла. Несчастный случай, приключившийся с Флитчем, сыграл роль спускового курка. Лишь после того как раненное навывлет сердце пытается возобновить свое биение, обнаруживаются истинные размеры катастрофы. Сердце полковника, едва он позволил себе вспомнить мисс Мидлтон, склонившуюся над его поверженным телом и за-

тем шагающую с ним по дороге к Большому дому, разделило судьбу злополучной фарфоровой вазы. Быть может, все дело в ее речах? Да, но о чем же она говорила? Разве это обычная речь? Нет, это, скорее, мысли, оброченные невзначай. Де Крей пи на минуту не тешил себя надеждой, будто ему удалось ее обворожить; напротив, чары, под которые он подпал, были слишком полнующими, чтобы позволить фатовству поднять голову. Впрочем, его болтовня, видно, пришлось ей по душе. Слов нет, это она заставила забыть фонтаном его ирландское красноречие, однако живительные струи этого фонтана заметно освежили и ее душу. Иначе и быть не могло: рядом с таким сухарем, как Уилоби, Клара с ее живым нравом должна была неминуемо спикинуть. А она приметно синела: ведь она ничем не откликнулась на его попытку поправить ее с предстоящим бракосочетанием. При одном памеке на это событие улыбка угасла на ее лице. Случай с мистером Флитчем, их полуспор относительно возможности его возвращения на службу в Паттерн-холле, недвусмысленно выдавал ее мнение об Уилоби.

Де Крей вновь ощутил потребность ругнуть своего приятеля. За что он ее терзает? А он, несомненно, ее терзал.

А что, если Уилоби и сам мечтает о разрыве?

При этой мысли в де Крее на секунду проснулся красавец офицер, избалованный вниманием дам, и ему показалось, что сердцу его нанесен не такой уж непоправимый урон; однако, вместо того чтобы забиться сильнее, сердце почему-то слегка сжалось.

Не надо забывать, что в нашем полковнике билось не просто мужское сердце, а сердце мужчины-победителя. Он принадлежал к породе романтических героев, которые упиваются погоней, пленением жертвы и подчинением ее воли своей; отбить ее у соперника, быть свидетелем сомнений и колебаний свежей юной души и в конце концов добрым старым способом сломить ее сопротивление, словом, поймать красотку во всей ее трепетной прелести... А теперь, когда де Крею показалось, что сердце его лишь слегка задето, он мог судить о Кларе хладнокровно: ведь он стремился ее завоевать, во-первых, потому, что свет с восхищением глядит на завоевателя, и, во-вторых, оттого, что самая борьба обычно повышает цену трофея, а победа освежающим образом действует на тщеславие.

Вступать в единоборство с Уилоби ему было не впервой. Бывало, победителем выходил он, бывало — Уилоби,

Огромное состояние и широкий образ жизни давали его приятно преимущество у самого старта. А с женщинами старт зачастую решает дело. Ну, и, разумеется, удача.

Скачущее сердце полковника де Крей сжалось не более чем на секунду, — это был всего лишь взгляд через плечо на полном галопе. Очарование, которое представляла Клара для человека его темперамента, точнее говоря, именно для него, де Крей, — хотя бы потому, что на собственном примере он убедился в ее власти над мужским сердцем, — это очарование было залогом того, что она достойна домогательства, даже в том случае, если соперник проявляет готовность ее выпустить.

Он вдвойне удивлялся безумию Уилоби. Его обращение с невестой могло означать только две вещи: либо досаду, либо полное охлаждение. Тщеславие, да и здравый смысл подсказывали, что первое предположение вероятнее. Относительно чувств, которые она питала к Уилоби, де Крей тоже пришел к кое-каким заключениям и решил, что так же точно разгадал и Кларин характер: это был ангел, но ангел, не лишенный лукавства; небожительница, заимствовавшая кое-какие земные повадки. В лексике полковника имелось такое определение, как «резвая кобылка», но было в Кларе — в ее манере держаться, во взгляде — нечто такое, что не позволяло опустить кисть в водосточную канаву, из которой де Крей привык черпать краски для своих повседневных этюдов.

Итак, предстоит выяснить, ошибся ли он на этот раз — впервые в жизни! — или нет. Если не ошибся, у него есть шанс на успех.

Нет ничего бесчестного в том, чтобы спасти девушку от постылого брака. Де Крей попытался было убедить себя, что он оказал бы услугу и Уилоби, да устыдился такого жульничества с самим собой. В конечном результате Уилоби был бы безусловно в выигрыше. Но этой мыслью можно успокоить щепетильное чувство чести лишь задним числом, после совершившегося факта. Покуда же де Крею придется выступить противником Уилоби и вынести косые взгляды света, который обвинит его в вероломстве.

Полковник вновь с нежностью обратился к образу мисс Мидлтон. Надо, впрочем, признать, что предположение, будто обе стороны в равной степени тяготятся предстоящим браком, несколько охладило его пыл. Как ни желательно, чтобы стороны в этом сошлись, все же это снижает роман-

тику и отводит третьему лицу этой драмы роль простого статиста. Пет мужнины, которого бы порадовала такая роль. Если бы те смертные, коих богини Олимпа удостоили своей любовью, оставили по себе мемуары, мы имели бы лишний случай убедиться в этой особенности мужского тщеславия. Даже любовь небожительницы не утешала избранников: всем известно, что за роль выпадала на их долю.

Де Крей вышел из лаборатории и, направляясь к конюшням, увидел Клару. Она в это время выходила из библиотеки. Бросив ей на ходу какую-то забавную реплику, он едва позволил своему взгляду скользнуть по тому самому лицу, по которому всего минуту назад так страстно тосковал.

Но и беглого взгляда было довольно, чтобы вселить в полковника беспокойство, как бы не сорвалась задуманная прогулка. Вскоре, однако, Клара вышла, одетая в амазонку, и его опасения рассеялись: черты ее выражали полнейшую безмятежность. Полковник приказал себе держаться того тона, какой изберет она сама.

Де Крей не уступал Кларе в живости характера. И если житейский опыт и позволял ему в мечтах заходить дальше, чем позволяла себе Клара, то этот же опыт служил для него уздой; он понимал, что инициатива должна исходить от нее. А Клара или молчала, или говорила о Кросджее, галопом мчавшемся впереди. Она очень переменилась по сравнению с тем, какой была утром. Он попробовал было рассмешить ее, но безуспешно. На этот раз степенная английская беседа, казалось, была ей больше по нраву. От серьезности к грусти — один шаг. Клара выразила сожаление, что в протестантских странах женщине заказан путь в монастырь. Де Крей был так занят своими мыслями, что ему вместо монастыря почувдилось слово «сераль». У него хватило ума промолчать, а когда он понял свою ошибку, он вынужден был про себя отметить, что чрезмерное увлечение беседой с очаровательной девушкой ведет к притуплению умственных способностей у мужчины.

Когда доехали до деревни Аспенуэл, Клара извлекла из-за корсажа письмо и попросила Кросджея опустить его в ящик.

— «Мисс Люси Дарлтон!» — прочитал мальчик нараспев. — Какое прелестное имя!

Клара ничем не выдала своего отношения к этому имени.

— Вот вам лишнее доказательство того, что ему здесь только и дела, что размышлять о прелестных именах! — сказала она.

— Возможно, вы правы, — сказал ее спутник. — Впрочем, все мальчики думают об этом! — прибавил он, дабы не показаться подобострастным.

— Да, если у них нет строгих учителей, которые бы задавали им урок на каждый день и преподавали им, кроме того, некоторые житейские уроки.

— Разве мистер Уитфорд недостаточно строг?

— Мистеру Уитфорду приходится сталкиваться с другими влияниями.

— Углоби?

— Я этого не сказала.

Он понял ее. Она отважно коснулась щекотливой темы. Де Крей проникся к ней глубоким уважением: не всякая девушка отнеслась бы к этому вопросу с такой вдумчивостью и прямоотой. По глубокой серьезности, с какой она говорила о мальчике, он понял, что любовь ее к нему — не девичья прихоть, а чувство и в самом деле близкое к материнскому.

То, что она пожелала отправить письмо из отдаленной деревушки, а не вверила его почтовому ящику Большого дома, представлялось ему исполненным глубокого значения. Опасаться домашней цензуры у нее, разумется, не могло быть оснований, но все мы предпочитаем лично удостовериться в том, что важное для нас письмо попало на почту.

Итак, письмо чем-то для нее важно и указывает на некую последовательность в поведении девицы, весьма, казалось бы, непоследовательной. Об этом можно было заключить и по обропленному ею замечанию о монастыре, и по всему ее настроению, выразившемуся не только в словах, но и во взглядах, жестах, в различных мелочах, которым трудно подобрать названия. Да, Клара на самом деле, должно быть, особа весьма и весьма последовательная. Если бы найти к ней ключ!

Она опять заговорила о поездке в Лондон, которую намеревалась предпринять, как только ей удастся убедить отца. Де Крей вспомнил вечернюю сцену в вестибюле и выражение отчаяния на ее лице.

Наездники проскочили аспенуэлский выгон и очутились у брода, к живейшему огорчению Кросджея довольно мелкого. Де Крей и Клара пропустили мальчика вперед, чтобы он мог на споем коне без помехи шлепать по ручью и чувствовать себя его безраздельным властителем.

От быстрого движения кровь приливает к мозгу и мысли становятся молниями, послушными велению сердца.

Галоп разгорячил де Крея настолько, что он рискнул закинуть удочку:

— Нельзя ли мне узнать имена подружек, которые придут к вашему венчанию?

Ответ Клары был, очевидно, также обусловлен стремительностью галопа.

— В этом нет необходимости, — отрезала она.

— Разве я не имею права?

Она промолчала.

— Например, мисс Люси Дарлтон; у меня, как и у Кросджея, при одном звуке ее имени забилось сердце.

— Она не будет присутствовать при бракосочетании.

— Неужели отказалась? Присоедините мою просьбу к вашей.

— Просить ее? Или всех?

— А разве отказались все подружки?

— Это слишком мрачное зрелище.

— Венчанье?

— Девушкам оно приелось.

— Приелись венчания? Но мы их уломаем.

— Всех не уломать.

— Неужели мисс Дарлтон не поддастся моему красноречию?

— А вы так жаждете...?

— Добиться ее согласия? Еще бы!

— Нет, этого события.

— Какого события?

— Венчания! — воскликнула Клара и, в ужасе от собственного порыва и возможных его последствий, прищипнув лошадь, врезалась в воду. «Это все ты, — мысленно зывала она к отцу, — ты повинен в том, что я забыла всякий стыд!» В своем гневе на отца, не пожелавшего расстаться с комфортом, несмотря на ее почти коленопреклоненные мольбы, она забыла об Уиллоби. Отец не хотел ее выслушать и, словно колокол, оглушенный собственным звоном, отвечал ей пудным, тупым повторением одного и того же.

Полковник дал Кларе присоединиться к Кросджею и не стал ее вагонять. Они въехали в узкую аллею, полную таинственных примет, говорящих о яличии птичьих гнезд в майской зелени кустов. Втроем ехать было тесно, и полковник держался в арьергарде, утешался возможностью любо-

ваться фигурой мисс Мидлтон. Впрочем, в ее готовности принять участие в охоте за птичьими гнездами было мало утешительного для человека, доведенного ею до крайней степени волнения. В его ушах все еще звучал презрительный тон, каким она произнесла «венчание». Очевидно, она уже вертит им, как хочет, ничуть при этом не связывая себя.

Она не отпускала от себя Кросджея, пока не спешила, и полковник был предоставлен собственным мыслям, неуклюжим и тяжелым, точно стадо слонов. Нет, безнаказанно выпускать инициативу из своих рук нельзя — тотчас попадешь в положение кавалерийского эскадрона, выпущенного перейти из наступления в оборону: самый незначительный отряд может его смять с одного удара.

Необходимость отвоевать потерянные позиции вернула его к действительности.

Клара то удивляла де Крея, подтверждая догадку, мелькнувшую у него в первые же минуты знакомства, относительно ее чувств к Уиллоби; то ему казалось, что она — завязтая кокетка, которая может преподать не один урок замужней даме или вдове. В голове полковника эти две мысли противостояли друг другу, как на поединке: противники обменялись выстрелами, но остались каждый на ногах. Исход дуэли был неясен. Зато одно было несомненно, — это что Клара Мидлтон — самое очаровательное существо, какое де Крею когда-либо приходилось встретить. Отвращение, с каким она выкрикнула «венчание!», напоминало древний клич амазонок; в нем слышался призыв к избавлению от цепей, холодная, свирепая гордость. И жажда победы пад такой девушкой, не теряя своей остроты, обрела для де Крея новое, более благородное качество; она как бы перешла в иную, высшую сферу.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Увлеченное самолюбие и стратегия

Сэр Уиллоби между тем по-прежнему придерживался линии поведения, продиктованной ему чувством долга по отношению к своей особе. Он исходил из распространенного и несколько наивного предположения, будто от союза страте-

гни с уязвленным самолюбием можно ожидать полезных плодов.

Это одно из самых древних и самых естественных заблуждений, свойственных человеку,— ведь обе стороны и впрямь жаждут такого союза.

Однако люди, посвятившие себя изучению человеческой природы, настаивают на полном несоответствии характеров у партнеров. И они правы, поскольку и та и другая сторона отказывается подчиниться ярму, которое накладывает всякий узаконенный союз. Едва свершив темное дело, ради которого они сошлись, партнеры начинают тянуть в разные стороны, изо всех сил добиваясь развода. При всем том взаимное влечение, которое они испытывают, так сильно, что всякий раз, как им доводится повстречаться в чьей-нибудь душе, они устремляются в объятия друг к другу и выражают страстное желание тут же идти под венец. Объясняется это вот чем: уязвленному самолюбию хотелось бы выступать с трезвой обдуманностью стратега, тогда как стратегия, со своей стороны, рада воспользоваться пылкой нетерпеливостью уязвленного самолюбия.

При первых же признаках сближения, каким бы случайным и временным оно ни казалось, эту влюбленную, но непостоянную парочку рекомендуется разлучать самым решительным образом. Ибо союз этот заманчив лишь в мечтах; как только мечта осуществляется и союз становится реальностью, он пачинает туманить голову не хуже перебродившего виноградного сока или какого-нибудь ведьмовского отвара. Под видом домыслов изворотливого ума новобрачные выкинут такое, по сравнению с чем языческие сатурналии покажутся вам тихими и разумными забавами. Нас могут упрекнуть в преувеличении — но как избежать пафоса моралиста, если берешься проследить чей-нибудь жизненный путь? Такова уж избранная нами тема; и всякий мало-мальски развитой человек, поразмыслив, найдет наш пафос оправданным.

Главное — с самого начала понять, что самолюбие лютый враг стратегии, и постараться, чтобы эти двое не соприкасались. Я рекомендовал бы всем и всегда, во-первых — подвергать сомнению разумность избранной стратегии, во-вторых — подавлять свое самолюбие. Иными словами — вести себя, как подобает человеку с головой на плечах. Обуздать себя, впрочем, под силу каждому, следует лишь призвать на помощь две-три избитые истины из великой армии трюиз-

мов, завещанных нам мудростью веков, и поставить этих ветеранов во главе своих войск. Они свое дело знают: апеллируя к Разуму, они заставят к нему прислушаться и своевольного юнца, именуемого Поведением. Как правило, сей отрок научится ходить по-человечески лишь под ударами дубинки по черепу. Но, приставив к нему в дядьки наших командиров, мы можем хотя бы указать на опасности, подстерегающие его из-за угла.

Уилоби, собственно, знал, что уязвленное самолюбие плохой советчик стратегу. Более того, он понимал, что ярость, которую он в себе разжигает, в корне противоречит избранной им стратегии. И хотя его утренний отъезд, предпринятый после того, как накануне он изъясил Кларе свое неудовольствие, можно было истолковать как хитроумный стратегический маневр, Уилоби уже сетовал на рок, заставлявший его в погоне за недостижимым все больше и больше отдаляться от Клары.

Уже одно то, что она вынуждала его прибегать к стратегии, вызывало в нем ярость. Он был глубоко оскорблен.

Мало того что она причинила ему страдание, она к тому же узурпировала роль, которая должна была по справедливости принадлежать ему: ведь это он был вправе требовать от всех — и от нее в первую очередь — особенной чуткости по отношению к себе.

Вверенное ему прадедами обостренное чувство собственника восставало против Клары, обвиняя ее в непозволительной дерзости. И, зная себя, — по свидетельству домочадцев, фермеров и соседей, — как человека покладистого (когда ему воздают должное), сэр Уилоби почитал себя обиженным и даже некоторым образом окруженным ореолом мученичества.

Злейший враг и тот вряд ли пазвал бы его виновной стороной.

Даже у Клары не хватало дерзости это утверждать. Но представить себе, чтобы он, всеобщий баловень и любимец, мог просто-напросто ей не нравиться, тоже было невозможно. Капризницу следовало отхлестать, чтобы внушить ей основную истину, а именно: что глава всему — мужчина.

Да, но удастся ли преподать ей этот урок? Если она все еще ему принадлежит — безусловно; можно не спеша избрать тот или иной род наказания: игнорировать ее, заморозить холодностью, а затем слегка согреть, чтобы тут же сра-

зять сарказмом; дарить ее улыбками сожаления, насмешкой, оказывать подчеркнутое внимание другой. Все это годится, если она еще ему принадлежит. И он тем успешнее справился бы со своей задачей, что знает себя как человека по сути кроткого. Подвергая ее всем этим казням, он бы не забывал, что на самом деле он не тот, каким представляется, и мысль об истинном своем добросердечии служила бы ему утешением в его вынужденной жестокости. О, у него-то доброе сердце, это он страдает от холодности других! Сэр Уиллоби всецело поверил этому вымыслу, вымыслу, коим, кстати сказать, тешится едва ли не половина человечества. Казнь, которой он намеревался подвергнуть невесту, была всего лишь справедливым возмездием за боль, причиненную сердцу, исполненному добра. Только бы поставить Клару на колени — в переносном смысле (а впрочем, не худо бы и в прямом!), — и тогда он сам поднимет ее и простит.

Вот чего он жаждал, вот чего добивался... Пусть она убедится, как мало она его еще знает! Сладость возобновленных излияний искупила бы всю боль, которую ему пришлось претерпеть по ее вине. Он нарисовал бы для нее одной свой портрет, нарисовал себя таким, каков он есть на деле, а не таким, каким представляется свету. Впрочем, уважение, которым он пользуется в свете, тоже что-нибудь да значит.

Но прежде надо ее усмирить.

Внутренний голос нашептывал ему, что он утратил над ней власть.

Если это и в самом деле так, то с каждым ударом, какой она ей нанесет, она будет все больше от него удаляться, и в конце концов между ними разверзнется пропасть, через которую уже не перекинуть мост.

Всякий раз, как он вспоминал свою обиду, мысли его, подобно лопастям старого мельничного колеса, шли по одному и тому же кругу, вновь возвращаясь к решению ни под каким видом не отпускать Клару. С этой мысли он начал, к этой мысли пришел. Вот в чем будет заключаться его месть! Как она, однако, хороша! Она была как сияющий летний день, когда легкий ветерок едва рябит водную гладь. У него дух захватывало, когда он о ней думал.

Эта отчаянная девица вызывала чувство более острое, чем какая-нибудь венценосная красавица.

Отпустить ее было бы безумием.

Она действовала на Уиллоби, как вид паттерновских вла-

дений после долгих страстней, когда флаг, поднятый в его честь над Большим домом, казалось, плакал от гордости.

Отпустить ее было бы предательством.

Жестокостью по отношению к пей самой.

Он не должен забывать о нежном возрасте своей мучительницы, о том, что безрассудство ее объясняется крайней молодостью.

Когда нам надоеет вдыхать аромат цветка и не хочется больше держать его в руке, мы его бросаем. Но молодая женщина — не просто цветок, это драгоценная роза, и ее нельзя безнаказанно от себя отбросить. Ибо за нами по пятам неизбежно следует чудовище, именуемое мужчиной. Всякий, кто притронется к этой покинутой и, казалось бы, ненужной нам вещи, воспринимается нами как похититель. Так было с Летицией, и теперь он испытывал такое же чувство, но только гораздо более сильное, ибо Кларино очарование было во много раз сильнее бледных чар его подруги детства. Стоило ему себе представить Клару выброшенной, словно сорванный цветок, на обочину и склонившееся с любопытством над этим растоптанным, но еще не утратившим своего аромата и прелести цветком чудовище в мужском обличье, — стоило ему представить такую картину, как на него налетала стая фурий и начинала нещадно его терзать.

Зато как сладко было мечтать, что, отвергнутая всеми, она так и останется там, на обочине, что до конца века пребудет старой девой! Вот когда он может предаться роскоши запоздалых сожалений! При виде иссохшей от раскаяния девушки, которую он подверг, быть может, чересчур строгому наказанию, он ощутит легкие уколы совести, но эти уколы будут, вероятно, таить в себе неизъяснимую сладость. О, разумеется, при виде ее непритворного раскаяния он будет рад подбодрить ее кое-какими знаками внимания — не слишком серьезными и ни к чему не обязывающими. Много будет зависеть от возраста, в котором безумная придет к раскаянию. Предположим, что она еще не вовсе утратила свою молодость. Тогда между ними возможны прелестные сценки, вроде следующей:

— Бедная моя, кто же виноват в том, что ваша молодость прошла в одиночестве, без любви? Неужели я?

— Нет, пет, Уилоби! Я одна виновата по всем. Это я совершила непоправимую ошибку. И я оплакиваю ее всю жизнь. Я не прошу вашего прощенья. Я его не заслуживаю.

Даже если бы вы даровали мне прощение, я не дерзнула бы прижать его к сердцу, вовек недостойному вас.

— Быть может, Клара, я не проявил достаточного терпения. Все мы люди.

— Никогда, никогда не позволю себе обвинить того, кто был столь безмерно ко мненисходителен!

— И все же, моя некогда любимая,— ибо называть вас своей любимой я могу лишь в прошедшем времени,— все же, должно быть, я и сам был не без греха.

— Вы в моих глазах — совершенство.

— Клара!

— Уиллоби!

— Итак, я должен примириться с горькой мыслью, что мы, двое,— а ведь мы чуть не составили с вами одно! — разлучены навеки!

— Да, мой друг, я с этой мыслью смирилась давно. Я могу называть вас другом, не правда ли? Вы всегда были мне другом, лучшим моим другом! Ах, зачем я была так слепа! В темные почные часы и на протяжении многих дней, которые для моей души были темнее ночи, я видела перед собой указующий перст и следовала своим одиноким путем по пустыне — путем, ведущим прочь из рая, того самого рая, из которого я сама себя изгнала, допустив столь непростительное легкомыслие. И вот мы вновь повстречались! Я не достойна и этого счастья. Теперь мы расстаемся. И на этот раз — я взываю к вашему милосердию! — пусть это будет навсегда. Навсегда! О, роковое слово! Порожденное заблуждениями молодости, оно одно только нам и остается, когда мы приходим к полному банкротству, к отказу от себя и мечтаем лишь о том, как бы скорее покинуть эту обитель печали. Итак, прощайте, Уиллоби. Нам лучше расстаться.

— Клара! Один... всего лишь один... последний... святой поцелуй!

— Если эти бедные уста, некогда вам милые...

И поцелуй,— говоря все тем же высоким стилем современных романов, избранные места из которых и вдохновили сэра Уиллоби на сей полет фантазии,— поцелуй был запечатлен.

О, это был настоящий, полнокровный поцелуй! Поцелуй, который должен был выпить всю ее угасающую прелесть до конца и оставить ее раздавленной, а ее образ — «божественным воспоминанием, погребенным в памяти навеки», как

сказали бы авторы излюбленных романов сэра Уиллоби и как они, собственно, говорили уже не раз.

Но воображаемое прикосновение Клариных уст, как на беду, обдало его живым Клариным дыханием. Оно обрушилось па него ветром, словно нарочно вызванным из пещер, чтобы сокрушить величественный корабль воображения.

Грезы, которым он предался, подняли целую бурю в его душе. Когда человек попадает в плен страсти, мысли его начинают кружить, подобно спугнутому зайцу, и неизменно возвращаются в исходное положение. Кларино очарование породило его грезы, а грезы вновь повергли его в плен этого очарования. Оно было безгранично, а он — депасытед; прибавьте, что Кларино поведение тучей застало его небо-склон, и вы получите закопченную картину его мучительно-го состояния.

Конь со своим седоком трусил неспешной рысдой, словно возвращаясь с охоты. Вдруг Ахмет насторожил уши, и Уиллоби, скользнув взглядом вдоль холмов, спускающихся к аспенуэлскому выгону, узрел уже описанные нами конные состязания: впереди, приближаясь к переправе, скакал юный Кросджей. Несмотря на то что между сэром Уиллоби и всадниками было не меньше мили, он тотчас их узнал.

Он отметил, что двое оставших как будто и не стремились нагнать мальчика: подъехав к переправе, они натянули поводья, придержали лошадей и продолжали разговаривать — их головы почти соприкасались! Новое чувство, еще не изведенное Уиллоби, сделало то, что он этих всадников видел, словно они находились не на отдаленной равнине, а совсем рядом, в нескольких шагах от него. Он явственно представлял себе, как они смотрят друг на друга — глаза в глаза. Но вот она вдруг прищипорила лошадь и поскакала через ручей. Гораций последовал за Кларой. Почему они больше не едут рядом? Что заставило де Крея держаться на расстоянии? Разгоряченная ездой, Клара, верно, отбрила его каким-нибудь острым и дерзким словцом, — о, Уиллоби знал эту ее манеру! Так она могла говорить только с человеком, с которым была в коротких отношениях.

Он сам накануне предложил де Крею совершить с Кларой прогулку верхом, совершенно позабыв в ту минуту, что им с Горацием не раз доводилось выступать в роли соперников. Ему просто хотелось, чтобы Клара не скучала. Будучи ловким стратегом, он решил пустить в ход все средства, чтобы привязать Клару к Паттерн-холлу, а тем временем

надеялся привести свой дух в равновесие и сломить сопротивление девушки — задача, казалось бы, несложная, посильная всякому мужчине, обладающему энергией и выдержкой и к тому же занимающему выгодную позицию. Ведь это стратегия — пусть не без примеси самолюбия, по все же стратегия — побудила его сесть спозаранку в седло и отправиться на поиски какого-нибудь дома с усадьбой в радиусе пяти — семи миль от Паттерн-холла, который мог бы служить жилищем для доктора Мидлтона.

Если достопочтенному доктору понравится дом и он согласится его занять (а Уиллоби видел дом, который, по его расчетам, должен был ему подойти), это будет еще одним звеном в цепи, удерживающей Клару; если же дом не удовлетворяет взыскательного джентльмена (а ему угодить трудно — разве что выдержанным вином), у Уиллоби будет предлог просить доктора погостить в Паттерн-холле, покуда не подвернется нечто более подходящее. А его неугомонной дочери можно будет сказать, что у него есть кое-что на примете. Самого доктора сэр Уиллоби уже подготовил, как бы невзначай проговорившись, что Клара склонна слишком близко к сердцу принимать обыкновенную ссору влюбленных. Словом, маневр Уиллоби обещал окончиться удачей.

Однако страшная боль, внезапно пронизавшая все его существо, говорила о том, что примесь любовной досады в его стратегических планах была большей, чем могло показаться. Понятие о лояльности по отношению к приятелю там, где дело касалось женщины, было у де Крея весьма растяжимо, и расправлялся он с этим понятием точно так же, как расправлялись с логикой античные софисты. То, что Уиллоби не взял в расчет особый характер лояльности своего друга, лишней раз свидетельствует об ослепляющем действии уязвленного самолюбия.

К тому же у де Крея, как у настоящего ирландца, язык, что называется, без костей. Послушный воле своего хозяина, он то мелет вздор, то произносит слова, полные здравого смысла. И как бы английское пуританство ни клеймило болтуна, женщины всегда будут упиваться его болтовней. Видно, и Кларе она пришлась по сердцу. Уиллоби принялся метать громы и молнии по адресу слабого пола. И — такова ирония судьбы — этим-то безмозглым существам мы вынуждены верить нашу честь!

Уиллоби не был болтуном. В юные годы он, впрочем, мог трещать без умолку — не хуже всякого другого. Но он тре-

шал с определенной целью, чтобы сойти за беспечного, веселого, славного малого, каким оно и подобает быть молодому джентльмену, осененному золотым нимбом в пятьдесят тысяч фунтов годового дохода. Со временем, однако, когда в нем развился критический дух, он понял, что основой его трескотни был мальчишеский жаргон, и справедливо решил, что подобное искусство ниже его личного и родового достоинства. Наступила пора сдержанности и варочито пренебрежительных зевков, на смену которой пришло его теперешнее свинцово-пуританское презрение к болтунам.

Они расставляют свои ловушки женщинам и даже не щадят девиц! О, недостойная порода! Или, во всяком случае, о, недостойная девица — та, что там, внизу, скачет через ручей!

Замужние дамы, те его понимали. Или, например, вдовы. Он невольно представил себе рядом с Кларой леди Мери Люисоп, чрезвычайно красивую и обольстительную молодую вдову, но в ту же минуту, словно нарочно (ведь он рассчитывал на противоположный эффект), несмотря на благородное происхождение и связи леди Мери, серббристый блеск юной девушки затмил бедную вдову.

Это неудачное сравнение, заставив Кларины черты выступить во всей их несравненной прелести, нанесло ему последний сокрушительный удар: ревность завладела всем его существом.

До сих пор он не знал ревности и считал, что этот вульгарный медун никогда не посмеет к нему подступиться; ревность, по его мнению, была болезнью, которой подвержены незадачливые, пошлые людишки — кто угодно, словом, только не он. Ни капитану Оксфорду, ни Вернону, ни де Крею, никому из них не удалось сколько-нибудь ощутимо задеть его самолюбие. Женщинам еще подчас удавалось, мужчинам — никогда. Да и ни одна женщина до сих пор не приводила его в состояние этой постыдной агонии, когда человек готов от ревности биться головой об стену. Он считал себя выше этой унижительной напасти.

Если бы так оно и было, мы не стали бы особенно им заниматься: две-три притравки со стаей бесенят полностью бы нас удовлетворили. Но сэр Уиллоби, что бы он о себе ни думал, был самый обыкновенный мужчина, он был влюблен в Клару Мидлтон и, как все мужчины, при первом же намеке на соперника испытал приступ самой обыкновенной ревности.

Вульгарная ревность овладела им, и он мигом вспыхнул, вспыхнул зеленым пламенем, цвета ярь-медянки, как хоте-

лось бы сказать для точности, ибо именно таков был цвет этого пламени.

Вспомним, что говорят поэты о ревности. Испытывать ее — это в раю, предназначенном для двоих, постоянно ощущать присутствие третьего, ощущать, что этот проклятый третий, — будь то предшественник ваш или преемник, — все время с вами, не отступает от вас ни на шаг, сжимает вас в своих предательских объятиях; испытывать ревность — это значит лежать на ложе негашепой извести; в сладости поцелуя чувствовать привкус золь; взирая на пройденный путь, убеждаться, что ваш недавний рай отдает серным запахом преисподней; заглядывая в ворота будущего, видеть впереди вместо блаженства кровавые муки. Испытывать ревность — это значит втрое больше прежнего обожать ту, что сделалась вам ненавистной, и с утросной яростью мечтать схватить ее за горло; это значит — быть обманутым, осмеянным, опозоренным, просить и пресмыкаться и, добываясь сладкой мести, не останавливаться перед коварством, достойным самого сатаны. В человеческих чувствованиях пока еще не заметно никаких перемен, разве что поступки современных людей стали несколько сообразнее с требованиями разума.

Кто из нас не видел картин, где изображен человек, который веком проклятьем превращен в дикого зверя? Такому же раздвоению был подвергнут наш Эгоист: одна часть его сохраняла человеческий облик и с пристальным изумлением взглядывалась в другую. Эта, другая часть, тоже была саром Уилоби, по она лязгала зубами, широко разевала пасть, и, глядя на Уилоби-зверя, Уилоби-человек мог судить о ненасытной силе своей ревности.

Предавшись непривычной для него работе воображения, Уилоби вызвал перед собой образ Клары — яркий до рези в глазах. Он видел, ненавидел, обожал только ее одну, невозможную Клару Мидлтон. Не вовсе лишенный способности логически мыслить, он понимал, что Клара, как таковая, — одно, а Клара, как женщина, впервые вызвавшая в нем муки ревности, — другое и что в этом последнем обстоятельстве личность ее ни при чем. Почва для этих терзаний, впрочем, как мы знаем, была подготовлена ею самой. Мелькнувшее было подозрение о тайном сговоре, якобы существовавшем между Klarой и де Креем уже в день его прибытия, на какой-то короткий миг направило внимание Уилоби на де Крея — но только на миг: Клара вовлекла его в свой магический круг, и он мог думать лишь о ней одной. Любовь и ненависть

к ней достигли такого накала, что исключали мысль о чем-либо другом. Он то пресмыкался перед ней в пыли, то с безоглядной свирепостью разрывал ее на части. Он чувствовал, как добыча ускользает из его рук, как его собственность уплывает к Другому.

Впрочем, этот Другой тоже выпьет свою чашу до дна! Стоять подле алтаря и видеть, как нерасторжимая цепь приковывает его возлюбленную душой и телом к сопернику, — вот пытка, вот огонь, на котором предстоит изжариться Другому!

Да и для нее самой, коли ей так уж противен этот брак, алтарь превратится в раскаленные уголья. Да, да, на уголья ее, раз она испытывает к нему отвращение! Изжарить и проглотить! Вот когда она будет принадлежать ему по-настоящему, — испепеленная, проглоченная им! И — конец всем соперникам! От ее нежелания соединиться с тем, кому она дала слово, не останется и следа: она об этом не посмеет и заикнуться, даже подумать не посмеет.

Итак, он наконец уверовал, что Кларе и в самом деле претит мысль о браке с ним. Для того чтобы в этом убедиться, видно, не хватало как раз сценки на выгоне — этой малой искры, к тому же, быть может, воображаемой! Другой, впрочем, был необходим: иначе пришлось бы признать, что в основе Кларинаго нежелания вступить в брак лежало отвращение к нему самому, к сэру Уилоби Паттерну.

Женщины либо отбрасывают нас назад, в состояние дикости, либо возносят к самой высокой звезде небосвода. Все дело в нас самих. Чем бы мы ни были для них, для нас они могут стать либо самым низменным в жизни, либо самым высоким: Лесбией Катулла или Дантовой Беатриче. Выбор целиком в нашей воле. Даже если б можно было установить, что иные прекрасные создания и в самом деле несут службу у Князя Тьмы и что на их белых ручках — след его огненного клейма, меж тем как другие являются ангелами небесными, о которых поется в гимнах, то и тогда удел наш определялся бы нашими склонностями; кому быть нашей владычицей — ангелу или исчадию ада, — зависит от нас самих. В обоих случаях похитительница нашего сердца отражает то лучшее — или худшее, — что в нас заключено. Это по ним, по женщинам, следует судить об уровне цивилизации, которого мы достигли. Если они покуда стоят на низшей ступени развития, то это лишь оттого, что по свету бродят стаи дикарей в поисках новых пастбищ. Ведь вожаком стаи всегда

бывает самец, а судят о стае по вожаку. Ревность — это первобытный эгоизм, пробуждающийся в мужчине при мысли о возможном посягательстве на его права; это — тигр, под дулом охотника заносающий лапу над жертвой: в ярости па смельчака, дерзнувшего ему помешать, он вонзает в нее когти и рвет ее на части. Наш Эгоист, который является всего лишь обычной мужской особью, но только выросшей до гигантских размеров, еще не сподобился держать свою жертву в когтях. Зато в мыслях он уже терзал все женское сословие. И как бы он ни благоволил к преданным, кротким и подобострастным женщинам, готовым перед ним трепетать, в своем теперешнем настроении он и в божественной Беатриче увидел бы грошовую Лесбию.

Но пусть лучше женщины сами расскажут нам о своем участии в этом единоборстве. Ведь это они обычно пробуждают в нас Эгоиста, а не мы в них. Правда, в тех исключительных случаях, когда женщине — в силу ли ее высокого титула или просто независимого характера — выпадает роль охотника, она выказывает способности, ничуть не уступающие мужским. Но это — исключение. Как правило, женщина не охотник, а дичь и судит о своем преследователе по тому, в какую форму облекается его преследование.

Несмотря на то что молодые девичьи имеют лишь смутное представление о мужчинах, свойственная молодости нетерпимость помогает им угадывать Эгоиста и судить его значительно строже, нежели их старшие, умудренные опытом, сестры. А уж раз составив мнение, девушка цепко за него держится. Эта-то девичья проницательность и определяла поведение Клары, казалось бы столь непростительное. Итак, проникнув в сущность своего жениха, она решительно от него отвернулась и хотела бежать из его дома, словно то была пещера, где обитает кровожадное чудовище. К сожалению, она уже опустила свое письмо к Люси Дарлтон. А то она, быть может, нашла бы способ избавиться от полковника де Крея и, нежно поцеловав на прощание питомца мистера Уитфорда, ускакала бы на станцию и умчалась к своей подруге на поезде, призывный гудок которого раздавался где-то вдали, за холмами — так претила ей мысль о возвращении в Большой дом! Пользоваться его гостеприимством день, сутки, больше — целых сорок часов, а то и все сорок шесть! И никакой надежды на сон, который один был бы в состоянии придать этим часам крылья!

Бедный Уиллоби меж тем выжигал свое сердце ядовитой

медной ярью ревности, и теперь оно походило на освещенную фонарем кладбищенского вора старую, ржавую кирасу, валяющуюся в луже, затянутой зеленой тиной. С чем еще сравнишь несчастного? В груди его тяжело ныла образовавшаяся пустота; чувство жжения и усталости от вековой гибельной борьбы, глубокая вмятина — на месте, где «звезда спалила душу». И как же саднила эта рана! Жертва рокового сражения и одновременно пример того, чем кончаются подобные сражения, он выдохся совсем и впал в состояние вялой агонии.

Даже безграничная ненависть не в состоянии избавить от боли. Он это познал. Точно так же обстояло и с презрением: он и это чувство исчерпал до дна. Подобно телу утопленника, которое отказывается тонуть, на поверхность его сознания вновь и вновь всплывала мысль о Клариной молодости, о ее цветущем здоровье. Благородное намерение — передать свои угодья, богатства и имя надежному потомству — укрепляло сэра Уилоби в его презрении и ненависти к натуре настолько низменной и ничтожной по сравнению с его собственной, но оно же роковым образом привязывало его к ней, как к воплощению здоровья. Совет старейшин, чьим потомком он являлся, предписывал ему сделать эту женщину своей женой. И, чуя их благословение, он к ней посватался. Что и говорить — в здоровье ей не откажешь! Да и сам он в этом ей не уступал. Казалось, в их лице скрестились в поединке две породы — те самые две породы, которым следовало бы слиться в одну, дабы придать прочность его древнему дому. Это благодаря ей, Кларе, он впервые почувствовал свою уязвимость.

Нет, он не мог ее простить. И хоть он горел желанием стиснуть ее в своих объятиях, соображения стратегии предписывали ему держаться с прежней холодностью, дабы Клара вкусила всю горечь его неудовольствия.

— Вы сегодня катались? — спросил он учтиво, подойдя к ней, когда все собрались на газоне перед домом.

— Я? Да, — ответила Клара.

— Надеюсь, вы довольны прогулкой?

— О да, очень.

Оно и видно было. Бесстыдница, хоть бы покраснела!

Сэр Уилоби с подчеркнутым участием обратился к Летиции, спросив, отчего у нее такие грустные глаза.

— Должно быть, от врожденной меланхолии, — сказала она.

— Я полагаю, что можно найти средство от всех педуг, кроме тех, от которых мы страдаем по чужой вине,— вполголоса проговорил он.

Летиция ничего не возразила.

Де Крею хотелось уверить себя, что Уилоби так же равнодушен к мисс Мидлтон, как та равнодушна к Уилоби; глядя на обрученных, он утвердился в своем убеждении и принялся рассказывать о прогулке, с восхищением отзываясь об искусстве верховой езды, проявленном его спутницей.

— Вам бы следовало сколотить труппу странствующих циркачей,— отозвался Уилоби.

— Отличная мысль! Вот, мисс Мидлтон, еще один способ провести нашу экспедицию,— подхватил де Крей.— А мне в этом цирке, видно, выпадет роль клоуна? Ну что ж, не возражаю. Надо только заглянуть в какой-нибудь сборник остро.

— Вам это ни к чему,— сказал Уилоби.

— Вы боитесь, как бы я не испортил свою роль? Видите ли, ни один дилетант не в состоянии поддерживать клоунаду в течение целого месяца — а мы говорили именно о таком сроке. Он в первый же день исчерпает свои ресурсы, и самый тупой профессионал с размалеванной физиономией и хохолком на макушке заткнет его за пояс.

— О какой такой «нашей экспедиции» идет речь, позволите спросить?

Де Крей сердцем понял, что следует избавить мисс Мидлтон от лишнего намека на медовый месяц.

— Так, игра, средство от скуки.

— Так,— сказал Уилоби,— игра на месяц, говорите?

— Ах, если бы ее можно было продлить на годы!

— Ну вот, Горадий, я вижу, вы уже начинаете меня морочить, как завзятый клоун. Извините, но я туп.

С этими словами Уилоби поклонился доктору Мидлтону и, оторвав его от Вернона, взял его по-сыновнему под руку и отвел в сторону.

Клара посмотрела им вслед. Де Крей перехватил ее взгляд, и необходимость для успокоения совести прибегнуть к казуистике отпала сама собой: в этом взгляде было довольно пороку, чтобы заставить боевого копя вздрогнуть и захрапеть в ожидании призывной трубы.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ,

в которой приводится пример великодушия сэра Уиллоби

Сторонний наблюдатель надвигающихся событий, ожидающий развязки какой-либо жизненной ситуации или решительного шага одной из центральных фигур, подобен тому, кто вслед за жнецом подбирает оставшиеся на поле колосья. Увлеченный стремлением — корыстным или бескорыстным, в данном случае это все равно — собрать их как можно больше, он сосредоточивает внимание на каждом колоске. Между тем наблюдателю следует помнить, что не все, попадающее к нему на пути, заслуживает коллекционирования и что ценность всякого нового наблюдения можно определить, лишь сопоставив его с теми фактами, которыми он уже располагает. Точность наблюдения к тому же не есть гарантия верности суждения. Но наблюдатели этого не понимают, они спешат собрать свои колоски и, вместо того чтобы кропотливо рассортировать всю коллекцию, торопятся со своими заключениями.

И мисс Дейл и Вернон Уитфорд, оба, занимались подсчетом интонаций, взглядов и собирали обрывки разговоров. Добросовестность наблюдателей не подлежала сомнению, поскольку Летиция была и в самом деле лицом незаинтересованным, а Вернон искренне почитал себя таковым. И уж конечно, ни тот, ни другая не подозревали, что все эти эпизоды и пассажи, за которыми они следят с таким пристальным вниманием, имеют непосредственное отношение к их собственной судьбе. Они были всего лишь старательными наблюдателями, прилежно подбирающими колоски. Летиция полагала, что Вернон имеет влияние на Клару; в свое время Вернон и сам так думал, но теперь решил, что то была пустая, самонадеянная мечта. Оба сопоставляли внезапное доверие, которым их одарила Клара, со столь же внезапно сменившей его сдержанностью, как только на сцене появился полковник де Крей. Сэр Уиллоби просил Летицию уделять мисс Мидлтон как можно больше времени — признак того, что и он был настороже. Казалось, еще одна Констанция Дарэм бьет крылами, пробуя их силу перед отлетом.

Летицию поразила молниеносность, с какой Клара оказалась на короткой ноге с полковником де Креем: ведь все их знакомство исчислялось часами! Впрочем, подозрения,

запавшие было в душу Летиции, когда она впервые увидела обоих вместе, и заставившие ее просить Вернона помедлить о отъезде, сейчас несколько поутихли. Искрящаяся весельем, непринужденная, дружеская беседа, за которой Летиция застала тогда Клару и полковника де Крея у калитки своего дома, и удивила и испугала ее. Она не понимала, что поразившая ее фамильярность их отношений была неизбежна, что когда жизнь сталкивает две столь живые и непосредственные натуры — да притом еще таким необычным образом, — иначе и быть не может; не понимала, что Клара все это время задыхалась в окружавшей ее атмосфере чопорной сдержанности. Не понимала, наконец, и того, что фамильярность эта была условной, как бы наигранной и отнюдь не означала подлинной близости.

Летиции довелось краем уха слышать их бессвязный спор о Флитче.

— Уиллоби его ни за что не простит, — утверждала Клара.

— Ну что вы, — возражал полковник, — не каменный же он, в самом деле?

Клара промолчала.

Когда же, в ответ на уверенное заявление де Крея: «Вот увидите, Флитч еще воцарится на паттерновских козлах, — или я утерял свой дар красноречия!» — Клара лишь покачала головой, Летицию вдруг осенило: эта девушка, еще час назад не признававшая господина пад своим холодным сердцем, несмотря на то что была просватанной невестой, нашла наконец достойного партнера или, как говорится — свою судьбу. С тех пор как Летиции открылся характер мисс Мидлтон, особенно после того, как она узнала, что Клара еще прежде, чем довериться ей, излила свою душу мужчине, такой грозный исход представлялся ей вполне возможным. Летиции казалось невероятным, чтобы юная девушка решилась коснуться своей святой святых в разговоре с мужчиной, пусть даже таким, как Вернон Уитфорд. Впрочем, разве жизнь не вереница чудовищных и необъяснимых фактов, неумолимо увлекающих нас за собой и не дающих нам опомниться? Что же, если Клара могла открыться Вернону — поступок, немислимый для Летиции ни при каких обстоятельствах, — следовательно, ей ничто не мешало точно так же поделиться и с де Креем.

Как все люди, не имеющие навыка мыслить логически, Летиция обратилась к дедуктивному методу, забывая при этом, что и заключения свои, и приговор она строит на осно-

вании собственных, априорных предпосылок. Ну, конечно же, Клара призналась во всем де Крею!

Вспомнив покоряющую силу Клариной искренности, Летиция подумала, что под обаянием ее речей всякий мужчина способен забыть о своем долге джентльмена и друга. Да разве и сама она не поддавалась этому обаянию? Клара посеяла в ней мысли о саре Уиллоби, которые, как казалось Летиции, никогда раньше не приходили ей в голову; она бы очень удивилась, если б ей сказали, что эти мысли давно уже незаметно прозябали в глубинах ее сознания и что Кларина бесстрашная пытливость всего лишь вызвала их к жизни. У женщин с повышенной чувствительностью обычно так и бывает: где-то, на дне своей уязвимой души, они, сами того не ведая, хранят верное представление о человеке, который причиняет им боль, — особенно если человек этот им бесконечно дорог; они, эти женщины нежной души, подобны только что возведенным укреплениям: убийственные снаряды падают в еще рыхлую землю, не причиняя вреда, и лежат там, пока их не извлечет лопатка сапера. Быть может, поэтому женщины такого склада, как Летиция Дейл, менее уязвимы под ураганным огнем, нежели, например, такие, как Клара Мидлтон.

Если Летиция не понимала, что на Клару следует смотреть, как на человека, охваченного горячкой, почти невменяемого и недоступного доводам разума, то Вернон и по давню этого не понимал. То, что она открылась ему, он считал — в ее обстоятельствах — извинительным. Существо того, что она ему открыла, не явилось для него совершенной неожиданностью. Он видел, что она страдает и мечется, и мало того что оправдывал ее всей душой, готов был чуть ли не перевозить ее за это: то, что она пришла к нему, было вполне естественным, то, что говорила так откровенно, свидетельствовало о ее отваге, а то, что обращалась с ним, как с другом, было лестным знаком ее доверия. Словом, обстоятельства, в каких очутилась Клара, извиняли многое. Но никакого оправдания не было тому, что таким же дружеским доверием она дарила полковника де Крея. Это — совсем другое дело!

Другое хотя бы потому, что де Крей в своем отношении с женщинами не отличался тем щепетильным чувством чести, какое было присуще Вернону. Итак, разницу между собою и полковником он определял правильно, со всем беспристрастием ученого; дальше, однако, чувство в нем взяло верх над

рассудком, и он привялся в душе упрекать Клару в том, что она этой разницы не ощущает. А отсюда само собой напрашивался вывод, что она всеми обстоятельствами своего положения поделилась с полковником де Креем. Да и могло ли быть иначе? Если она отважилась открыть свою душу однажды, рассуждал ее обиженный друг, стало быть, она могла поступить так и во второй раз. Вот вам и доказательство!

Пусть те дамы, которые покидают предписанный им путь и с роковой непоследовательностью идут защиты там, где их подстерегает наибольшая опасность, пусть они не рассчитывают на снисхождение — справедливого суда им не дожидаться. Мужской рассудок иной раз способен на справедливость, мужское сердце — никогда. Конечно, если вы заморозите мужчину до мозга костей, быть может, вы и добьетесь от него справедливого суждения. Но тем, кто ищет справедливости во имя тепла, а не во имя холода, подобный способ не даст ожидаемых результатов.

Вечером мисс Мидлтон и полковник исполнили вместе дуэт. Последнее время она отказывалась петь. Сейчас, как же преминул заметить Уиллоби, голос ее звучал в полную силу. «Вы снова обрели свой голос, Клара, — сказал он, — во всем его великолепии». Она улыбнулась и казалась довольной, что ему угодила. Он упомянул какой-то французский романс, и она тотчас разыскала его среди нот и, не дожидаясь его просьбы, спела. Казалось, сэр Уиллоби должен был быть доволен, тем более что, спев романс, Клара обратилась к нему и спросила, понравилось ли ему ее исполнение. Оторвавшись от беседы, которую он вел вполголоса с мисс Дейл, он произнес: «Отличное исполнение». Кто-то вспомнил какую-то тосканскую песенку. Клара вопросительно взглянула на Уиллоби и, привяв небрежный кивок, которым он ее удостоил, за одобрение, пропела и тосканскую песенку.

О, коварная! Уиллоби готов был рычать от негодования.

Где-то он вычитал, что подобная кротость у женщины — верный признак, что она замышляет измену. Было время, когда и сам он терпеливо выжидал появления этого благоприятного симптома!

— Любопытно бы узнать, отчего наши соседи по ту сторону Ла-Манша так превосходят нас в понимании прекрасного пола? — вопрошал сэр Уиллоби свою собеседницу, в то время как Клара мелодично зывала к пресвятой деве Марии. — Что это — интуиция или знание, приобретенное опытом?

Уилоби все еще казалось политичным делать вид, будто он сердит на Клару. Но его пресловутая стратегия по-прежнему не оказывала на нее никакого действия, и это, в свою очередь, наводило на тягостные, ревнивые размышления. Любовник, утративший способность ранить любимую, потерял все: его ладья плывет по воле волн. Кинжал его воззается в пустоту, и несчастный ранит им лишь самого себя. А неуязвимость брони его возлюбленной говорит о том, что другой владеет ее сердцем.

К концу вечера, когда пение сменилось общим разговором и дамы уже подумывали о том, чтобы удалиться на покой, мисс Эленор упомянула предстоящее бракосочетание, а мисс Изабел подхватила эту тему и обратилась с каким-то вопросом к Кларе. Де Крей ловко отпарировал удар. Клара не проронила ни звука. Грудь ее высоко вздымалась, выдавая волнение. Она взглянула на де Крея — это был пустой, ничего не выражающий взгляд, какой бывает у человека, только что очнувшегося ото сна. Но пусть взгляд этот был холодным, рассеянным и безучастным, пусть в нем нельзя было прочесть признательного восхищения, все же адресован этот взгляд был именно Горацию. А с Уилоби и этого было довольно. «Фарфор!» — произнес он и, не вставая с места, слегка переменил положение ног. Мисс Изабел и мисс Эленор, как по сигналу, стали прощаться на ночь. Клара поднялась со стула, и Вернон отвесил ей поклон. За весь вечер она ни разу не взглянула в его сторону, и он надеялся, что она хотя бы на прощание удостоит его каким-нибудь знаком приветия. Но, пожелав ему «покойной ночи», Клара сразу обратилась к мисс Изабел; та же, решив, что возглас Уилоби относится к фарфоровой вазе, возобновила свои сетования по поводу разбитого свадебного подарка. Вернон побрел к себе. Словно человеку, пораженному внезапной слепотой, ему показалось, будто все кругом погрузилось во мрак: «Vile tuncet jesig...»¹ Удар, который ему нанесла Клара своим небрежным отношением, был из тех, что затуманивают не только зрение, но и мозг.

Клара видела, что причинила ему боль, и пожалела об этом, когда они расстались. Ведь он ее истинный друг! Однако он задал ей непосильный урок. К тому же разве она не сделала все, что он от нее требовал? Все, кроме одного: она не могла здесь оставаться дольше; взять Уилоби измо-

¹ У меня от желчи печень пухнет (лат.).

ром было ей не под силу. Изворотливость этого человека истощила ее и без того небольшой запас терпения. Разве она не пыталась объяснить с отцом? Но гостеприимный их хозяин каким-то непонятным образом обвел его вокруг пальца. Неужели все дело в вине? Такая мысль была слишком невыносима. А между тем мечты об избавлении всякий раз невольно подводили ее к этой мысли. Если Люси Дарлтон окажется дома, если Люси пригласит ее к себе, если можно будет бежать к пей... Но тогда у отца будут все основания сердиться. А все из-за этого ненавистного вина!..

Должно быть, в выдержанном вине заключена какая-то таинственная сила, побеждающая и доводы разума, и отцовскую любовь. Ведь он — ее отец, она — его дочь, они нежно любят друг друга, и, однако, есть нечто, что их разделяет, отчуждает друг от друга; нечто такое, что делает его глухим к ее мольбам. Неужто это соблазнительное нечто — всего лишь бутылка-другая старого вина? Дочерние чувства восставали против такого объяснения. Она была ошеломлена, подавлена, и минутами доводы отца казались ей неоспоримыми; но мятежный рассудок не мог их принять, и ей вновь и вновь приходили на ум все те многочисленные и убедительные причины, по которым им следовало немедленно покинуть Паттерн-холл.

Она дивилась загадке, какую являет собой мужчина — молодой ли, старый, все равно, — дивилась власти, какую над ними имеют пустяки (в своей наивности она почитала первоклассное вино пустяком!). И они еще смеют женщину обвинять в переменчивости! Но ведь только очень серьезная, очень значительная причина, рассуждала Клара, может побудить женщину перемениться. Море вина не заставит ее причинить страдание тому, кто ей дорог!

И тем не менее женщине положено уважать мужчину. Да и как же дочери не уважать отца? «Милый, милый папа!» — повторяла Клара, сидя одна в своей комнатке. Она заставляла себя думать о его нежности и доброте, стараясь примирить дочернее почтение с мятежными чувствами, вызванными отчаянием. Она заранее, на себе, испытывала всю тяжесть удара, который готовилась нанести отцу. «Мне нет оправдания!» — восклицала она, между тем как в голове у нее проносилось их великое множество — не говоря уже о единственном, главном оправдании. Мысль о боли, которую она причинит отцу, пересиливала желание оправдаться в собственных глазах. Нельзя ли как-нибудь пощадить его,

не причинять ему такого страдания? Но нет, это невозможно!

В белой целомудренной комнатке, в этом убежище, столь гармонизировавшем с ее девическими чувствами, все, казалось, шептывало: «Мир, покой...» Но тут же раздавался другой голос, звучавший грозным ревом и заставлявший ее трепетать, как струна, задетая грубой рукой. Если она останется здесь, эта комнатка перестанет служить ей убежищем. О, горький плен! Нет, лучше дерзкие объятия смерти! Могильный червь неотвратим, но к тому времени, как он завладеет нашей плотью, мы уже охвачены спасительным бесчувствием.

Наконец молодость взяла свое, веки ее смежились, и, несмотря на смятение, Клара уснула. С тем же смятением в душе она проснулась, оттого что услышала, как кто-то ее зовет. «Нет, я еще не совсем утратила способность любить», — подумала она, упиваясь звуками мальчишеского голоса, и снова позавидовала утренним купаниям Кросджея, которые в ее представлении способны были смыть все — и сердечные горести, и позор цепей. Она решила, что Кросджей будет последним, кто ее здесь увидит. Да, она доставит ему эту радость и позволит оказать ей последнюю услугу — проводить ее на другое утро до станции железной дороги. Она даст ему записку, в которой попросит учителя извинить ученика за долгое отсутствие. Эту записку Кросджей должен будет вручить Вернону не раньше вечера.

Позавтракав с миссис Монтегю, Кросджей прибежал к Кларе и радостно объявил ей, что это он ее разбудил.

— Зато завтра не разбудишь, — сказала Клара. — Я проснусь намного раньше тебя.

Продолжая думать о своем под протестующие заверения Кросджея, она решила, что долг велит ей сделать еще одну попытку объясниться с отцом.

У Уилоби было какое-то дело к Вернону, а доктор Мидлтон, по своему обыкновению, отправился после завтрака в библиотеку. «Смотрите, как бы я вас не разорил!» — бросил он на ходу в ответ на предложение сэра Уилоби выписать из Лондона любую книгу, какая ему только понадобится.

Чело доктора было ясно и невозмутимо, как горная вершина в лучах утреннего солнца. У Клары защемило сердце — она охотно начала бы с Уилоби, лишь бы отложить беседу с отцом. Но ей не удалось перехватить своего жениха, когда он выходил из столовой, как и не удалось привлечь его внимание в коридоре, когда он стоял, придерживая Вернона

же наконец, что возраст усугубляет всякую невзгоду. Неужели моя Клара не пожалеет старика?

— Мы можем погостить у генерала Дарлтопа, папа.

— У него отвратительный стол. Но об этом уж я молчу. Его вино — сущий яд. Ну, да пусть его — хоть это далеко не безделка. Но мы с ним кардинально расходимся во взглядах на политику. Ты скажешь, что нам нет нужды говорить о политике — да, но о чем нам говорить, когда мы с ним не сходимся ни в чем? Спору нет — среди военных, особенно отставных, подчас и встретишь человека, понимающего толк в хорошей кухне и вине не хуже завязатого эпикурейца. Но это, скорее, исключение из правила. Многим из этой среды нельзя также отказать в истинном благочестии; попадаются среди них и начитанные люди. Разумеется, все они настоящие джентльмены, и почет, которым они у нас пользуются, вполне заслужен. При всем том, однако, я отклоняю предложение ехать к генералу Дарлтону. Слез не будет?

— Нет, папа.

— Ну, и отлично. Мы гостим у превосходного человека, и к нашим услугам все, о чем только можно мечтать! А что до происходящих между вами бурь в стакане воды, которым, верная заветам Купидона, ты склонна придавать значение вселенских ураганов, то они неизбежны. Тем лучше, говорю я: лучше пройти через эти бури теперь, на заре вашего союза, нежели позже. Войдите! — бодрым голосом крикнул доктор Мидлтон в ответ на стук в дверь.

Он подозревал, что дверь все же заперта и что дочь его не намерена ее отворить.

— Клара! — приказал он.

Клара неохотно повернула ручку и впустила мисс Эленор и мисс Изабел, которые вошли, бормоча извинения — бессвязные, как и все, что, по мнению доктора Мидлтона, исходит из уст представительниц слабого пола. Ах, они хотели бы поговорить с Кларой, но нет, нет, они ни за что не соглашались быть причиной хотя бы временной разлуки ее с отцом! Напрасно уверял их достопочтенный доктор, что готов предоставить дочь в полное их распоряжение; они уверили в ответ, что им нужно сказать всего лишь два слова и что они не задержатся ни на минуту после того, как их произнесут.

Но, как это бывает со студентами, растерявшимися перед профессором, именно эти два слова точно застряли в горле непрошенных гостей, и в библиотеке воцарилась тягостная пауза. Доктор Мидлтон, впрочем, рассчитывал, что ему удаст-

ся уговорить дам, как только они произнесут свои два слова, забрать Клару с собой.

— Быть может, манера наша покажется вам несколько торжественной,— начала мисс Изабел и повернулась к сестре.

— Но мы вовсе не имеем намерения придавать нашему посольству (если можно так выразиться) чрезмерное значение,— сказала мисс Эленор.

— Вы ко мне с поручением от Уилоби? — спросила Клара.

— Дитя мое, именно затем, чтобы вы убедились, что мы всецело разделяем пожелание Уилоби, больше того, что мы ничего так не хотим, как вашего счастья,— для этого Уилоби и посылает нас поведать вам о его намерении.

Сестры обрашались к Кларе по очереди, и она поворачивала голову то к одной, то к другой, пытаясь из обрывков их маловразумительных речей извлечь какое-то подобие смысла.

— ...а говоря о вашем счастье, дорогая Клара, мы разумею, конечно, счастье нашего Уилоби, которое всецело зависит от вашего...

— ...и мы не потерпели бы, чтобы наши личные склонности оказались помехой...

— ...ну, конечно же, нет. Это правда, что мы всем сердцем привязаны к Паттерн-холлу. Но даже если бы не было никаких иных причин, мы бы покинули его безропотно, приняв это, как справедливую кару за то, что мы сотворили себе кумир из старинной усадьбы...

— ...и мы не сочли бы это за лишение, право же, нет...

— ...и естественно, что всякая молодая жена хочет царить безраздельно в своем королевстве.

— ...молодость и старость несовместимы!

— Но ведь я никогда,— вставила Клара,— никогда не говорила и не думала, что...

— Да, милое дитя, на то у вас любящий жених, он печется о вашем счастье и предугадывает все ваши желания, он не потерпит ни малейшего ущемления ваших прав.

— ...а для нас, милая Клара, ваши права — закон.

— ...не говоря уже о том, что поселиться в коттедже на берегу моря — наша давнишняя мечта.

— ...мы прекрасно понимаем, что две старые девы — совсем неподходящее общество для молодой хозяйки.

— ...с нашими устарелыми взглядами, между нами и вами могли бы возникнуть трения... всякие там хозяйственные вопросы... и при всем желании жить в мире...

— ...так что, милая Клара, считайте вопрос решенным.

— ...разумеется, мы будем рады время от времени приезжать к вам гостить...

— ...да, дитя мое, мы будем только гостями, а отнюдь не старые бабки, сующиеся всюду со своими советами.

— Неужто вы считаете меня такой жестокосердой эгоисткой! — воскликнула Клара. — Милые мои! Я ни за что не хотела бы, чтобы вы покинули Большой дом! Одно предположение о такой возможности причиняет мне боль. Мне ваше общество приятно, и я уважаю вас всей душой. Если бы я и вздумала на что жаловаться, так это на то, что вы слишком деликатны. Вы служили бы мне образцом для подражания. Нет, я не позволила бы вам уехать! За кого, однако, он меня принимает? Он, верно, говорил с вами об этом сегодня?

Каждый из двух голосов казался отголоском другого, и Клара не могла решить, которой из сестер отдать пальму первенства: которую из них считать наиболее убежденной идолопоклонницей.

— Уилоби, — произнесла мисс Эленор, тем самым заявив притязание на этот титул, которым Клара про себя решила наградить ту, что первая откроет рот, — наш Уилоби чрезвычайно наблюдателен... великодушен... и притом обладает мудрым предвидением. То, что он придумал, послужит к общему благу.

— Для нас достаточно одного его намека, — вставила мисс Изабел, как бы оспаривая у сестры право на почетное звание.

— Но вам не придется покидать этот дом, мои дорогие! Если б я и сделалась его хозяйкой, я бы не допустила этого.

— Уилоби сокрушается, что вовремя не дал вам это понять.

— А мы казним себя за то, что не догадались сами.

— Следовательно, он заговорил об этом только сегодня? — спросила Клара, но так и не добилась ответа. Сестры возобновили свой дуэт, и Клара покорно подставляла то одно, то другое ухо для очередной порции бессмыслицы.

— Итак, мы договорились, не правда ли? — сказала мисс Эленор.

— Вы очень, очень добры.

— И я снова буду для вас «тетушкой Эленор»?

— А я — «тетушкой Изабел»?

Клара была в отчаянии; деликатность не позволяла ей объявить им истинную причину, по которой она больше не могла называть сестер так, как называла их вначале, когда еще верила, что ей суждено стать женою Уиллоби. Стыдясь того, что делает, она с чувством поцеловала каждую; впрочем, к ним она испытывала неподдельную нежность.

Сестры попятились к дверям, волоча за собой длинный шлейф извинений, обращенных к доктору Мидлтону за причиненное беспокойство. Он проводил их до двери и, раскланявшись с ними, продолжал держать ее открытой, рассчитывая, что и Клара последует за ними. Но та оказалась в противоположном углу комнаты и, по-видимому, не была намерена двинуться с места.

Доктор Мидлтон уже подумывал, не выйти ли самому, как увидел в коридоре Вернопа Уитфорда. Тот только что закрыл за собой дверь лаборатории и направлялся в библиотеку. Лицо его могло бы служить зеркалом для доктора Мидлтона: оно выражало такую же растерянность.

Доктор был ему рад, как помехе, избавляющей его от необходимости продолжать тягостное объяснение с Кларой, и, только когда, отчаявшись в возможности довести свое дело до конца, та двинулась к двери, он с ужасом спохватился, что человек, с которым она его оставляет, по-видимому, тоже выведен из душевного равновесия.

— Вы как будто чем-то озабочены? — спросил он. — Состояние, отнюдь не способствующее занятиям. Где вы были? Я подозреваю, что вы не обладаете умением заковаться в тройную броню от житейских невзгод, между тем как для плодотворной работы это необходимо. Вы, насколько я понимаю, только что из лаборатории?

— Да, сэр... Вам нужна какая-нибудь книжка? — обратился Вернон к Кларе. — Позвольте, я вам помогу ее достать.

Она поблагодарила и сказала, что сейчас уйдет.

— Ты стоишь у полки с итальянской литературой, моя дорогая, — сказал доктор Мидлтон. — Ох, уж эта мне лаборатория, мистер Уитфорд! Если измерить количество работы, которая в ней производится за год, вряд ли ее хватит, чтобы провести электрический провод отсюда до железнодорожной станции — расстояние, равное четырем милям, если не ошибаюсь. Что ж, сэр, дилетантизм, сопряженный с большой затратой времени и аппаратуры, неплохое украшение для джентльмена со средствами — это ничем не хуже лисьих хвостов и оленьих рогов, которыми довольствуются его соседи. Надо

признать, что Уилоби оказал моей дочери чрезвычайную любезность. Насколько я мог уловить из разговора наших дам, он показал себя столь же великодушным, сколь мудрым. Есть сражения, в которых почетнее сдаться, нежели победить, но женщины этого упорно не желают понять. Они не способны оценить славу, какую в этих случаях покрывает себя побежденный.

— Да, я слышал,— поспешил вставить Уитфорд, желая оградить Клару от витиеватых выпадов ее отца.— Я был сейчас у Уилоби.— Вернон хотел бы намекнуть Кларе, что в аудиенции с Уилоби ему не удалось продвинуть ее дело и что ей следует сейчас же, пользуясь его присутствием, объясниться с отцом. Но как ей это сообщить, когда она избегает его взгляда, между тем как, не искушенный в интригах, он не находил нужных слов, смысл которых был бы ясен ей одной?

— Мне было бы жаль услышать, что Уилоби вас огорчил, я о нем очень высокого мнения,— сказал доктор Мидлтон.

Клара выронила книгу из рук. Ее отец преувеличенно высоко подскочил в кресле. Вернон — она это чувствовала — пытался поймать ее взгляд, но досада и сознание своей вины побуждали ее упорствовать и не поднимать на него глаз.

— Меня Уилоби огорчить не может,— сказал он.— Я здесь для того, чтобы помогать ему советом, и не вправе огорчаться, когда он моих советов не принимает. Это Уилоби как будто огорчен, узнав, что полковник де Крей на днях уезжает.

— Да, он любит окружать себя друзьями. Можно обойти полсвета и не найти человека такого радушия, как сэр Уилоби. Впрочем, мистер Уитфорд, ваше лицо вас выдает: вы чем-то озабочены.

— Да нет же, сэр!

— А это что? — И доктор Мидлтон провел пальцем над своими бровями.

Вернон пощупал свой лоб. Не в силах отвлечь мысли от Клары, он с досадой пустился на неуклюжую хитрость.

— Откровенно говоря,— сказал он,— я и впрямь в некотором затруднении, сэр, и хотел бы с вами посоветоваться. Я тут сочинил один стих и не уверен, правильно ли он построен с точки зрения просодии. Как вы думаете, годится такое? *«Ослиными ушами он предст»*. Я хочу этим сказать, что некто уперся, как осел, и стоит на своем.

Выдержав глубокомысленную паузу, доктор Мидлтон пахмурил чело и изрек со всей тяжеловесной игривостью ученого филолога:

— Нет, сэр, ваш стих никуда не годится. Чередование ударных слогов совершенно искусственное. Сотрите-ка вашу строку, да поскорее, покуда учитель не извлек свою грозную ферулу. Впрочем, может быть, вы хотели сказать так...? — И доктор Мидлтон собрался было предложить свой вариант, но тут Клара не выдержала и удалилась, двинувшись больше прежнего мужской породе. Господи, да они способны упражняться в своей нелепой просодии, когда кругом пожар! И это ученые, люди, которым, казалось бы, дано все понимать! И ведь обоим известно, что рядом с ними душа, изнывающая в трагической борьбе!

Не прошло и минуты, как за ней закрылась дверь, а наши ученые уже погрузились в работу. Доктор Мидлтон позабыл о варианте, который хотел предложить.

— Надеюсь, у вас в самом деле ничего серьезного? — спросил он, как бы пеняя Вернону за отсутствие ученой ясности на его челе.

— Думаю, что нет, сэр. Речь идет всего лишь о здравом смысле.

— И вы называете это несерьезным?

— На мой взгляд, похвала, которую Герман достаивает *versus dochmiacus*¹, не только весьма серьезна, но и ничуть не преувеличена, — сказал Вернон.

Доктор Мидлтон с ним согласился и, отряхнув от ног своих прах мирских забот, ступил на благодатную почву классического стихосложения.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

В бурю и дождь

В день, когда, по Клариным расчетам, должен был прийти ответ от мисс Люси Дарлтон, заря занялась рано. Окинув глазом роскошный пурпур, разлившийся в небе по всему его восточному краю, хлебопашец сказал бы: «Быть дождю».

¹ Дохмий (лат.).

Но Кларе было не до погоды, не было также в ее душе места для любования красотой. Запявшееся утро распахнуло перед ней ворота на обетованную волю, и она трепетала от радости, что может вновь, как прежде, когда мир представлял ей в лучезарном сиянии зари, отозваться на его яркие краски. Но этот же сердечный трепет возвращал ее к настоящему, и, собравшись с мыслями, она принялась обдумывать план своих будущих действий. Подобно магнитной стрелке, Клара устремлялась к одной-единственной цели. Для достижения этой цели она не гнушалась ничем: уловки, хитрости, вымыслы — все это невозмутимое полчище благовоспитанных отклонений от истины бодро вышагивало рядом со стройными батальонами лукавых и, как фарфор, хрупких недомолок. Еще накануне, обдумывая свой план, она бестрепетно бросила эти резервы в бой. В ответ на всевозможные проекты развлечений, которые ей назойливо предлагали, пытаясь связать ее обещанием, она ловко лавировала этой армией, внутренне оправдывая свои маневры бесцеремонностью давления, которое на нее оказывали.

— Мне не хотелось бы занимать раннее утро, — отговаривалась она. — Всю остальную часть дня я свободна.

Эту фразу ей пришлось повторить трижды: один раз — сэру Уилоби, второй — Летиции Дейл, а в третий — полковнику де Крею. И только на третий раз ей открылось истинное значение этих слов, произнесенных, казалось бы, без всякой задней мысли и исполнивших ее душу ликованием. И должно быть, оттого, что последний раз она обратила слова: «Я свободна», к полковнику де Крею, они в ее памяти так и остались связанными с его образом.

Когда мы даем волю своему негодованию на того или на ту, кто нарушил общепринятое правило, мы обычно возмущаемся не столько самим проступком, сколько сопутствующими ему или связанными с ним прегрешениями. Мы клянемся, что готовы извинить основной проступок, если бы не эти прегрешения. «Как только у человека хватило совести, — восклицаем мы, — на такую отъявленную ложь, а главное — лгать с таким бесстыдным хладнокровием?» Как будто всему миру не известно, что человек — существо, не ведающее дисциплины, что все его действия подчинены желаниям, желания продиктованы страстями, а те, в свою очередь, — положением, в какое он попадает. Иначе говоря, желание — капитан, экипаж корабля — страсти, которые поведут себя в зависимости от положения, в какое по воле волн попадает

корабль. И даже если на борту окажется Совесть, то стремительность, с какой несется корабль, заставит этого пассажира молчать, подобно пленнику на пиратском судне, которое, разрезая волну и лавируя между подводными рифами, спасается от погони. Итак, остерегайтесь ложных положений!

Впрочем, легко советовать. Бывает, что вся эта неразбериха обрушится на вас вдруг, как тля на розовый куст, и вы поставлены в необходимость сделать мгновенный выбор: либо, набравшись мужества, порвать сети, либо предаться отчаянию. Но мужество — добродетель, которую мы и в мужчипах воспитываем редко. О женщинах и говорить не приходится: им с детства прививают малодушие. Ту, что отважится открыто выступить против зла, непременно обвинят в нескромности, она тотчас утратит нежную дымку святого неведения, а следовательно, и обесценится на ярмарке девичьей чистоты. Женщину с детства приучают угождать мужскому вкусу, приучают смотреть на себя глазами мужчины и так же мало, как те, заботиться о неизведанной стороне своей личности. А совесть, не поддержанная мужеством, — жалкий пассажир! И если капитану пиратов будет сопутствовать удача и он спасет свое черное знамя, то совесть — за то, что она не сумела угодить ни той, ни другой стороне, — выкинут за борт.

В это утро Клару меньше всего тяготила мысль о мелких обманах и недомолвках, к которым она была вынуждена прибегнуть накануне. Из двух возможностей избрав отчаяние, она отважилась бежать от человека, который внушал ей отвращение. На душе у нее было легко, но то была легкость, какую дарует хмель. При мысли о предстоящей свободе она воспрянула духом, воспрянула с той же стремительностью, с какой было сникла под свинцовым гнетом неволи. На миг перед ней мелькнул образ Вернона. «Вот настоящий друг! — подумала она. — Друг и руководитель». Да, по он не одобрил бы ее замысла, а поскольку он мог бы оказаться препятствием на ее пути к священной свободе, следовало отвергнуть и его.

Что он о ней подумает? Быть может, они никогда больше не увидятся. Или встретятся где-нибудь в Альпах, когда молодость у обоих будет уже за плечами. Он к тому времени сделается известным ученым, а она будет сожалеть лишь о том, что не сумела подняться до уровня его нравственных требований.

— Поверьте, мистер Уитфорд, — скажет она ему со всей искренностью, — я ведь очень хотела тогда заслужить ваше одобрение!

Но брови воображаемого Вернона нахмурятся, как вчера, в библиотеке.

Клара попеняла себе за то, что думает о Вернопе, когда следовало сосредоточиться на исполнении того самого замысла, который он бы осудил.

Она позволила себе отдохнуть на мысли о юном Кросджей: то-то он смутится, когда обнаружит, что проспал, а она уже давно гуляет по утренней росе! Клара даже засмеялась, представив себе его физиономию. Но в эту же минуту из-за дерева выскочил Кросджей, и от неожиданности Клара схватилась за сердце: заговорщики плохо переносят сюрпризы! Кросджей был в отчаянии, что так ее напугал, и со всей солидностью взрослого мужчины старался ее успокоить. Он уже «вечность» на ногах, сказал он, и видел, как она идет по аллее; он вовсе не хотел ее напугать — это у них с мальчишками такая игра, — но если он причинил ей боль, пусть она с ним сделает что хочет — он даже не пикнет. Кросджей умолял ее подвергнуть его какому-нибудь телесному наказанию.

— Этим пусть занимается боцман, когда ты попадешь во флот, — сказала Клара.

— Много вы знаете о флоте, — возразил Кросджей. — Боцман не смеет офицера и пальцем тронуть.

— А все-таки не может быть, чтобы ты вышел раньше меня, негодный ты мальчишка! — сказала Клара. — Когда я выходила, двери были заперты изнутри.

— А вы не пробовали заднюю дверь и ту, через которую ходит сэр Уиллоби! Вы шли через парадный вход. Я знаю, к чему вы клоните, мисс Мидлтон, вы не хотите платить штраф, вот и все!

— Какой еще штраф, Кросджей?

— А за что мы спорили — забыли?

— На что же?

— Сами знаете, на что.

— Да ну, говори же!

— На поцелуй.

— Ничего подобного. Но, милый мой мальчик, я ведь тебя и так люблю, без поцелуев. Все это вздор, ты должен думать об одном лишь учении и всегда быть правдивым. Никогда не сочиняй — иди на любую муку, только не лги, слышишь?

И она прибавила еще несколько слов, которые должны были убедить его в неразумности и безнравственности лганья.

— Но поделовали же вы меня тогда, когда я уснул под дождем!

— Да, потому что обещала.

— Ну вот, мисс Мидлтон, а вчера вы поспорили со мной на поделуй.

— Я уверена... впрочем, нет. Кросджей, я не могу поклясться, что этого не было. Но так ли ты уверен, что в самом деле встал сегодня раньше меня? Можешь ли ты, положив руку на сердце, сказать, что, когда ты выходил из дома, меня еще не было в саду? Ага, не можешь!

— Правда, правда, мисс Мидлтон, по-моему, я был одет прежде, чем вы!

— Будь всегда правдив, мой мальчик, и Клара Мидлтон будет всегда тебя любить.

— Но, мисс Мидлтон, когда вы выйдете замуж, вы уже не будете больше Кларой Мидлтон.

— Буду, буду, Кросджей.

— Нет, не будете... а я так люблю ваше имя!

Она задумалась на минуту и сказала:

— Хорошо, что ты меня предупредил, Кросджей. Раз так, я не выйду замуж. Я подожду.— Она хотела прибавить: «тебя», но вовремя поставила точку.— А что, если я тебе предложу пройтись со мной до поселка, куда мы третьего дня ездили верхом? Ты не усташешь?

Кросджей даже вскрикнул от негодования.

— После имени «Клара» мое любимое имя «Люси»,— сказал он.

— А я думала — Нельсон. Вот имя, которое должно быть твоим любимым, если ты, конечно, не собираешься сделаться сухопутной крысой.

— Нет, мисс Мидлтон, я ни за что не сделаюсь сухопутной крысой, верьте моему слову!

— Иногда ты позволяешь себе говорить, как сухопутная крыса,— сказала Клара.

— Тогда я буду молчать.

И на протяжении целой минуты Кросджей в самом деле не открывал рта.

Кларе нравилось думать, что в это утро, утро своего вступления на рискованный, но неизбежный путь, ей удалось сделать хотя бы одно доброе дело.

Они прибавили шагу, чтобы успеть дойти до почты и вер-

нуться к завтраку; в результате они прибыли в поселок еще до того, как почта открылась. Кросджей уже приплясывал от голода и был отправлен Кларой в булочную. Одна, на пустынной улице, среди домов с закрытыми ставнями, Клара немного оробела — и была очень рада, когда ее спутник опять к ней присоединился.

На почте, после того как почтальон засвидетельствовал, что Клара и есть адресат, ей наконец вручили письмо, и они с Кросджем быстро зашагали домой. Первую страничку письма от подруги Клара проглотила залпом.

«Пришли телеграмму,— писала та,— и я тебя встречу. Я спажу тебя всем необходимым на те две ночи, что ты собираешься у меня провести,— а почему бы тебе не побыть дольше?»

К этому, собственно, и сводилась деловая часть письма. Второй, уже несколько менее жадный глоток, сделанный па ходу, принес душевное утешение:

«Люблю ли я тебя по-прежнему? Дорогой мой друг, чтобы испытать меня, тебе только остается попасть в беду».

Клара заговорила первой.

— Да, да; милый Кросджей,— сказала она,— если хочешь, мы с тобой совершим еще одну прогулку после завтрака. Но помни, ты никому не должен говорить, куда мы ходили. Я дам тебе двадцать шиллингов на твою коллекцию бабочек и птичьих яиц, а ты обещаешь мне, что больше никогда не будешь сбегать с уроков. А мистеру Уитфорду скажи, что понимаешь, как нехорошо, как неблагодарно ты поступил. А то он совсем на тебя махнет рукой... Ты знаешь, как идти на станцию полев?

— Да, это на целую милю короче. У мельницы Комблайна выходишь на проселок, потом еще пять минут прямоком, а дальше уже по шоссеиной дороге.

— Хорошо. Сразу после завтрака беги на птичий двор, к фазанам, я тебя там найду. А если кто-нибудь тебя увидит до того, как я приду, скажи, что любишь оперением гималайского петуха. Если же нас застанут вместе — сделаем вид, будто мы бегаем наперсгонки. И ты, конечно, меня нагонишь — только потом, когда нас уже не будет видно. А вечером скажи мистеру Вернону, то есть мистеру Уитфорду, скажи ему, что эти деньги — часть карманных денег, которые я буду тебе посылать. Я знаю по себе, как это приятно иметь карманные деньги, Кросджей. Скажи ему, что это я позволила тебе не заниматься сегодня — да я, может, сама

ему напишу,— и он тебя простит, если не слишком рассердится. Он ведь бывает очень строг.

— А вы смотрите ему прямо в глаза, мисс Мидлтон. Я и сам его знаете как боялся! Это он научил меня смотреть ему в глаза. Он говорит: кабы люди всегда смотрели друг другу в глаза,— как когда он дает мне уроки бокса,— на свете было бы гораздо меньше ссор. Только вот я не помню всего, что он говорил.

— Но ты и не обязан запоминать все, Кросджей.

— Да, но вы любите, когда я вам про него рассказываю.

— Мальчик мой, право же, я не помню, чтобы когда-нибудь тебе это говорила!

— Говорить не говорили, а любите, я знаю. А он любит слушать, когда вы поете или играете на рояле. И вообще любит на вас смотреть.

— Как бы нам не опоздать,— сказала Клара и прибавила шагу.

Они почти бежали, и когда дошли до парка, оказалось, что у них еще есть время в запасе. Они решили сделать круг и взглянуть на уже отцветающую махровую вишню. Клара закинула голову, чтобы вновь увидеть те миры, которые недавно показались ей волшебными, исполненными райской прелести. Тогда под сенью этой вишни лежал Вернон. Впрочем, это не имеет значения: ведь она смотрела вверх, на крону дерева, а не на него! Теперь это дерево с его поблекшими соцветиями, напоминавшими истоптанный снег, казалось печальным.

— Он говорит, что не умест нравиться дамам,— продолжал Кросджей.

— Кто говорит?

— Мистер Уитфорд.

— Он так и сказал?

— Я не запомнил точно слов, но только он сказал, что дамы не желают слушать его наставления — совсем как я — с тех пор, как вы сюда приехали. А знаете, с тех пор, как вы здесь, я полюбил его в десять раз больше.

— Чем больше ты будешь его любить, Кросджей, тем больше я буду любить тебя.

Мальчик вдруг вскрикнул и понесся навстречу сэру Уиллоби, от одного вида которого Клару покорило, как осенний лист. Кросджей бежал к нему, всем своим существом изваявая радость. А ведь он ни разу за всю прогулку не упомянул его имени! Должно быть, мальчик заметил, что сэру Уиллоби

доставляют удовольствие внешние проявления привязанности, сказала себе Клара, вот он и подлаживается к нему. Она не думала осуждать за это Кросджея и только взирала критическим оком на сцену его встречи с сэром Уиллоби. В молодости, когда нам доводится в ком-либо разочароваться, мы жаждем все новых свидетельств, подтверждающих справедливость наших претензий к развенчанному кумиру, — иначе мы склонны упрекать себя в чрезмерной суровости; неопытному сердцу невдомек, что чувство это складывается из множества разнообразных элементов. Невысказанное, оно тяжелым грузом ложится на душу, и всякое новое, даже самое малое подтверждение справедливости этой неприязни принимается с радостью, как еще один свидетель обвинения! Вот и сейчас, готовясь совершить поступок, который она в глубине души осуждала, Клара с жадностью ухватилась за это новое доказательство: как все в этом человеке фальшиво и мелко, подумала она, и как он калечит детскую душу! Тем не менее, инстинктивно подражая Кросджею, она встретила Уиллоби приветливой улыбкой. Она так и сияла радостью!

— Добрый день, Уиллоби, — сказала она. — В такое утро невозможно усидеть дома. Вы давно встали?

— Дорогая моя Клара! — воскликнул он, задерживая ее руку в своей. — Не утомились ли вы? Где вы были?

— Где я только не была! И ничуть не устала.

— Одни с Кросджем? Что же вы не спустили собак?

— Я боялась, как бы они кого-нибудь не побеспокоили своим лаем.

— Меня в сто раз больше беспокоит мысль, что вы подвергаете себя риску.

Он поцеловал кончики ее пальцев. Его слова дышали нежностью.

— Да, но другие... — начала было Клара и не стала продолжать: какой смысл обвинять человека в том, чего он все равно понять не может?

— Когда вы в следующий раз опередите меня, Клара, обещайте взять с собой собак — очень вас прошу!

— Хорошо.

— Сегодня — я ваш на весь день.

— Право?

— С первого и до последнего часа! Итак, веселый нрав Горация пришелся вам по душе?

— Он очень забавен.

— О да, его хоть за деньги показывай!

— А вот и полковник де Крей!

— Можно подумать, что он и в самом деле к нам на-
влялся!

Горечь, с какой он произнес эти слова, не ускользнула от Клары. Уиллоби пожелал полковнику доброго утра и ушел, за-
метив, что ему пора наведаться в конюшни.

Де Крей поклонился Кларе.

— Дарлтон, — начал он с места в карьер. — Ее фамилия Дарлтон? Уж не дочь ли она генерала Дарлтона? Если так, то я имел честь танцевать с нею в паре. Верно, и вы тоже... то есть дома, разучивая па, или, как это водится у барышень, в избытке чувств, после очередного триумфа. И вы, конечно, знаете, какой она прекрасный партнер!

— О, удивительный! — воскликнула Клара, в приливе благодарности к подруге, согласившейся поддержать ее в не-
счастье. Письмо мисс Люси бесценным сокровищем покои-
лось у нее на груди.

— Как вы странно, мисс Мидлтон, вчера это имя мне ни-
чего не сказала. И вдруг, среди ночи, в ушах моих словно
зазвенел серебристый колокольчик: я вспомнил особу, в ко-
торую был почти влюблен — во всяком случае, я был поло-
жительно влюблен в ее манеру танцевать! Черненькая такая,
вашего роста и столь же легкая в движениях — словом, ваша
сестрица, но другой масти. А уж теперь, узнав, что она ваша
подруга, я...

— Да вы се, может, еще и повстречаете, полковник
де Крей!

— Увы, я буду в состоянии предложить ей всего лишь
отвергнутое сердце. К тому же, стоит познакомиться с оча-
ровательной девицей, как узнаешь, что она уже сговорена!
Право, мисс Мидлтон, это не слова из романса, а крик души.

— Так вот, Люси Дарлтон... Вы хотели, чтобы я говори-
ла с вами серьезно, полковник де Крей?

— И вы в самом деле готовы снизойти? И перестанете
видеть во мне вечного шута? Вам, верно, известно, что су-
ществует порода печальных клоунов. О, если б вы могли раз-
глядеть под гримом мое истинное лицо, оно вам не показа-
лось бы смешным! Тринадцать лет назад я был любим, но
моя милая почилла в могиле. С тех пор я никак не могу найти
своего места в жизни. Должно быть, оттого, что не могу най-
ти другую, которая бы сжалилась надо мной. Добиться жен-
ской улыбки нетрудно, нетрудно даже добиться от женщины

се руки, но как завоевать сердце женщины, на которую можно положиться, как на самого себя? Я был беден. «Как только мне исполнится двадцать один», — сказала она. Я дождался этого дня и пришел за ней. К моему удивлению, меня пропустили в дом и провели прямо к ней в комнату. Я увидел ее, и рядом с нею — смерть. Она хотела обвенчаться со мной, чтобы завещать мне свое состояние!

— О, тогда не женитесь ни на ком! — вырвалось у Клары, как вздох.

Она обернулась. По газону, в нескольких шагах от них, прохаживался сэр Уиллоби.

«Надо как-нибудь изловчиться и улизнуть сразу после завтрака», — подумала она.

Но Уиллоби уже отказался от своего целепого поведения и мог бы мысленно ответить ей: «Я не такой дурак, чтобы выпустить тебя из моего поля зрения».

Появился Вернон, корректный и сдержанный, как всегда. Клара попросила прощения за то, что по ее вине Кросджей пропустил утреннее купанье. Вернон молча наклонил голову.

Де Крей спросил у Уиллоби, нет ли в доме расписания поездов.

— Оно висит в курительной, — сказал Уиллоби. — Одинадцать, час и четыре, если вам так уж необходимо уезжать.

— Вы покидаете Большой дом, полковник де Крей?

— Да, мисс Мидлтон, дня через два-три.

Клара не выказала ни малейшего желания удержать его; его заявление, казалось, оставило ее равнодушной. Следовательно, подумал полковник, следовательно... Но нет, вздор!.. А впрочем, не следует ли отсюда, что и сама она не намерена здесь задерживаться? Иначе ей все же было бы жаль потерять занятого собеседника.

Как видите, полковник не обольщался на свой счет. Скромность и тщеславие прекрасно уживаются в одной и той же груди, и при этом на равных правах. Ибо в присутствии дамы мужское тщеславие подвержено приступам застенчивости. Он ей нравится... Ей до него дела нет... Да и как могло быть иначе? И все же он ей нравится! О, если бы ему было дано оказать ей какую-нибудь услугу, чтобы вызвать в ней более нежное чувство!

Таково было логическое заключение мыслей, которые, одна за другой, пронеслись в его голове; а за всеми этими мыслями скрывалась уверенность в том, что Клара не любит Уиллоби и только ждет избавителя. Вопрос о расписании был

чистейшей импровизацией, удивившей его самого. Но мысли и догадки, которым он предавался все предыдущие дни, незаметно подвели его к этому экспромту: ведь нынешним утром Клара должна была получить ответ от своей подруги Люси Дарлтон, хорошенькой брюнетки, на которую он, к своей досаде, не обратил достаточного внимания, когда танцевал с ней в паре. Несмотря на ее миловидность, де Крей и теперь вспомнил ее лишь благодаря имени и чипу ее отца, известного генерала от кавалерии. Полковник проклинал себя за то, что в свое время не взял на себя труда поухаживать за подругой Клары Миддлтон.

Утренняя почта была, как всегда, сложена на бронзовом подносе, в прихожей. Клара прошла мимо, даже не взглянув на поднос. Де Крей взял письмо, адресованное ему, вскрыл конверт и поднялся к себе, чтобы написать ответ. Сэр Уиллоби, который, по своему обыкновению, читал перед завтраком домочадцам главу из Библии, не преминул отметить отсутствие обоих. Собственно, за столом пустовало три стула. Ну, да Вернон придерживался особого мнения относительно такого рутинного благочестия — далеко же он уехал со своим мнением! Но те два стула — как дерзко отражали их спинки гневный взгляд Уиллоби! Они словно повторяли недавнюю сценку, когда его друг Гораций потребовал расписание и тут же, через минуту, объявил, что остается еще на два-три дня. Человек, одержимый ревностью, всегда найдет ей пищу. Все в его глазах обретает гиперболические размеры: трава превращается в джунгли, неровности почвы — в горные вершины.

Ноги, которым сэр Уиллоби, казалось, никак не мог найти места под столом, судорожно скрещенные на груди руки, минутное откашливание — все это были лишь слабые проявления того, что творилось у него на душе.

— Вы вполне здоровы, Уиллоби? — спросил доктор Миддлтон, как только глава дома закрыл свой фолиант.

— Никому из тех, кто меня знает, не пришло бы в голову задать мне подобный вопрос, — ответил тот.

— Уиллоби — и нездоровье!

— Уиллоби — воплощенное здоровье! — в один голос воскликнули мисс Эленор и мисс Изабел.

Летиция сочувствовала сэру Уиллоби всей душой. Его вымученная улыбка казалась ей солнечным лучом, упавшим на зачумленный город. Он любит Клару, любит безгранично, думала она, и, видно, только сейчас начал постигать всю меру ее отчуждения,

Снедаемый тайным пламенем, сэр Уиллоби вышел в вестибюль взглянуть на лестницу, по которой должны были спуститься нечестивцы.

Из комнаты экономки раздавались голоса полковника и юного Кросджей. Миссис Монтегю только что поднялась к себе, чтобы позавтракать с мальчиком. Проходя мимо, де Крей услышал его болтовню, просунул голову в открытую дверь и получил приглашение войти. Миссис Монтегю любила с ним поболтать: он усвоил по отношению к ней ту фамильярно-почтительную манеру, которая так безошибочно действует на женщин, делющих память о лучших днях; дни эти уже давно отодвинулись в прошлое, и обращение полковника представляло как бы скорбный сувенир ее бывшего величия, меж тем как корректная почтительность сэра Уиллоби обдавала ее холодом.

Миссис Монтегю пожаловалась, что мальчик подрывает себе здоровье слишком долгими прогулками натошак.

— Куда же вас носило этим утром, молодой человек?

— Да все туда же, полковник, куда мы с вами ездили, — сказал Кросджей. — Ну и проголодался же я! Я съем яичницу из трех яиц с беконом, кусище пирога с маслом и с вареньем, а потом, со второй чашкой кофе, начну все сначала.

— Не подумайте, что он хвастает, — заметила миссис Монтегю. — Он вскакивает в пять и постится до девяти, а потом вваливается полумертвый от голода и наедается, как удав.

— А вот и пет, миссис Монтегю! Правда, правда, полковник де Крей, я в семь часов съел булочку! Мисс Мидлтон заставила меня пойти и купить себе булочку в семь утра.

— Булочка была, верно, черствая?

— Вчерашняя. Конечно, это не то что свежая булка, ею не наешься.

— Где же ты оставил мисс Мидлтон, когда пошел покупать себе булку? Нельзя ведь оставлять даму одну, а в этот ранний час сельские улицы пустынные. Этого, Кросджей, я от тебя не ожидал.

— Но раз она меня заставила, полковник? Право же! Как будто я не мог прожить без этой булки? Только опасности не было никакой. На почте уже начали шевелиться, и я встречал нашего почтальона, который шел туда за своей сумкой. Я и не подумал бы уйти — очень она мне была нужна, эта булка! Но попробуйте не послушаться мисс Мидлтон, Мне всегда хочется делать все, о чем она ни попросит,

— Вот тут я с тобой спорить не стану,— сказал полковник.

Кросджей вскрикнул, потому что дама, которой они оба так дружно присягали, появилась в дверях.

— Вы, должно быть, утомились,— сказал де Крей, спускаясь с ней по лестнице,— и не захотите сегодня ехать верхом?

— А я и не собираюсь сегодня кататься,— сказала она, помахивая шляпкой.

— Почему вы не поручили вашего дела мне?

— Я предпочитаю, по возможности, обходиться без услуг.

— Мисс Дарлтон здорова?

— Надо полагать.

— Сделайте милость, попытайтесь у нее выведать, помнит ли она меня?

— Уж верно, так же прекрасно, как вы ее.

— Вы ее скоро увидите?

— Надеюсь.

— Сегодня мы вместе весь день,— объявил сэр Уиллоби, подойдя к Кларе у подножия лестницы, но не решаясь подать ей руку — так она дрожала.

Клара наклонила голову.

Она уселась на свое место за столом, против стенных часов.

— Ваши часы отстают на пять с половиной минут, Уиллоби,— сказал де Крей, справившись со своими.

— Вы правы, Гораций. Человек, который приходит из Рендона их заводить, так и не явился па той неделе. Ну что ж, если он теперь и появится, он увидит, что опоздал, и безнадёжно.

Одна из тетюшек сверила свои часы с часами де Крея, а Клара, взглянув на свои, обнаружила, что они отстают на четыре минуты, и, мысленно поблагодарив полковника, переставила стрелки.

Ровно без четверти десять Клара поцеловала отца и покинула столовую. Уиллоби тем временем, взвесив все свои преимущества перед де Креем, успел приободриться и проследовал за Кларой. Только бы остаться наедине с этой эксцентричной особой, думал он, и, презрев обиду, вовлечь ее в свою атмосферу, и он вновь сделается тем, чем был для нее всего несколько дней назад. Два-три дня — неужели эта перемена произошла в такой короткий срок? Сэр Уиллоби почувствовал, как в нем вновь закипает обида, но усилием воли ее подавил,

Нагнав их в прихожей, де Крей, однако, не застал между ними стройного согласия.

— Подарок, смею вас уверить, заслуживающий внимания,— говорил Уилоби.— И притом весьма ценный — ну, да не в этом дело. Приходите же поскорей! Я в вашем распоряжении весь день. Под вечер мы с вами подем к леди Буш, и вы сможете выразить ей вашу благодарность, но раньше, конечно, вам следует посмотреть ее подарок. Я приказал расставить сервиз в лаборатории.

— До вечера еще есть время,— сказала Клара.

— Свадебные подарки? — вмешался де Крей.

— Да, Гораций, фарфоровый сервиз от леди Буш.

— И он цел? Я непременно должен его видеть! Меня преследует мысль, что все фарфоровое неминуемо разбивается. Я хочу взглянуть на сервиз, чтобы набраться ума-разума. Итак, мисс Мидлтон, мы вас ждем в лаборатории.

С этими словами он подхватил Уилоби под руку. Уилоби хотел было воспротивиться, но тут же сообразил, что, удерживая де Крея подле себя, он тем самым помешает ему быть с Кларой; увидев, что та отдает какие-то распоряжения камеристке, он решил предоставить ее самой себе,— разумеется, ненадолго.

Между тем де Крею удалось задержать его в лаборатории. Отдав дань восхищения фарфору, он перешел на последние лондонские сплетни о проделках сорванца Купидона, пересыпая свою повесть именами и титулами, которые, подобно факелам, освещали эти сомнительные похождения. Уилоби с удовольствием слушал его рассказы, не отличающиеся по чести говоря, хорошим тоном. В этих скандальных историях Уилоби привлекало помимо прочего и то, что в них развешивались люди, стоявшие выше его на общественной лестнице. Правственный кодекс Уилоби позволял ему, осуждая знатную грешницу, упиваться подробностями ее падения. Но, как он ни был увлечен рассказом, а все же не удержался и перебил рассказчика, чтобы показать в окно на мечущуюся из стороны в сторону фигуру Вернона, который, по-видимому, силился разыскать юного Кросджея.

— Никто, кроме меня, не умеет с ним справиться,— сказал он с презрительной усмешкой.— Ну, да продолжай, Гораций!

Вернон, искавший своего ученика под проливным дождем, и в самом деле выглядел смешным. Видно было, однако, что отступать он не намерен, так как, решительно свернув

на аллею, он яшагал по ней своим энергичным и быстрым шагом.

— Достаточно нелепое зрелище, когда игрок в крикет бежит за мячом,— не удержался снова Уилоби.— Но разводить пары в дождь, чтобы поймать негодника, которого и след простыл,— это уже сверхнелепо.

Де Крей присвистнул.

— Да, пожалуй, можно найти занятие повеселей,— сказал он.

Так как Гораций накурил в лаборатории, Уилоби приказал слуге перенести сервиз в одну из гостиных.

— Вы смелый человек,— заметил при этом де Крей.— А может,— просто счастливый, и вам везет. Я уже и прикоснуться не смею к такому хрупкому сокровищу.

— О да, я верю в свое счастье,— сказал Уилоби.

Он послал за Кларой и с нетерпением стал ее ждать. Внизу ее не нашли, камеристка Баркли засвидетельствовала, что ее нет и наверху. Уилоби резко повернулся к де Крею: тот был на месте.

Обратились к мисс Изабел, мисс Эленор и мисс Дейл, по пикто из дам не видел Клары, и они только могли подивиться ее непоседливости. Погода меж тем испортилась не на шутку. Небо почернело, грохотал гром, багровые зарницы освещали сплошную пелену дождя. Всех переполошила мысль, что Клара, быть может, находится под открытым небом. Во все концы парка были разосланы слуги, снаряженные зонтами, шальями и плащами.

— Я тоже пойду,— вызвался де Крей.

— Нет! — воскликнул Уилоби и вскочил, преграждая ему дорогу.— Я не допущу этого.

— У меня чутье охотничьей собаки, Уилоби, я непременно наскочу на след.

— Дорогой мой Гораций, я не могу вас пустить.

— Адье, мой милый! Если кому и суждено разыскать прекрасную даму, то это мне!

Он подошел к стойке для зонтов. Все принялись гадать, взяла ли с собой Клара зонт. Баркли утверждала, что взяла. А это значило, что Клара задумала прогуляться за пределы парка. Кросджея также обнаружить не удалось. Полковник многозначительно покачал головой.

Уилоби с силой щелкнул по барометру.

— Поллингтон! — крикнул он камердинера и приказал подать дождевик и сапоги для рыбной ловли,

В душе его происходил экстренный совет.

Идти ли ему одному — в надежде обнаружить Клару и под плащом и зонтиком подвергнуть ее своему прощению? Или все свои силы бросить на то, чтобы помешать де Крею в его одинокой погоне — на случай если он в самом деле добьется удачи, которою заранее так дерзко похвалялся.

— Горадий, если вы будете упорствовать, я не на шутку обижусь, — сказал Уилоби.

— Смотрите на меня, как на орудие судьбы, — ответил де Крей.

— В таком случае я иду с вами.

— Но это ведь тот случай, когда сумма двух слагаемых равна нулю. Видите ли, я могу полагаться на свой нюх только когда я один.

— Сказать по чести, Горадий, вы иногда несете такой вздор, что уши вянут. Попробуйте говорить по-английски!

— Должно быть, то, что я хотел сказать, попросту не в духе этого языка — мне казалось, что я говорю по-английски.

— И на английском языке можно нести чужь с немалым успехом, чем на ирландском.

— Да, но на английском она выглядит куда нелепее — с английским языком нельзя обращаться так безбожно, как с нашим.

— Но где же она, где? — восклицали дамы. — В такую непогоду!

Летиция предложила посмотреть, нет ли Клары в лодочном сарае.

— Ах да, ведь Кросджей сегодня пропустил свое утреннее купанье! — воскликнул полковник.

Никого не остановила нелепость предположения, будто Кларе могло прийти в голову повести Кросджея купаться, да еще тотчас после завтрака! Мало ли что — быть может, ей вздумалось покататься с ним на лодке, рассуждали они.

Увлеченный новой надеждой, Уилоби решился отпустить полковника одного и уже мысленно потирал руки. Обдумав, как он избавится от Кросджея и останется в лодочном сарае наедине с Кларой, он заранее упивался победой: ведь это он ее нашел! Но черные мысли снова его одолели. Он их отогнал: как бы то ни было, можно было рассчитывать, что он останется с нею наедине, — и уж на этот раз ей не дожидаться пощады!

Когда перед джентльменами распахнулись парадные двери, глазам их предстала картина всемирного потопы. Мокрая

молодая листва, потеряв всякий оттенок зелени, сверкала, как темная сталь. Песня дождя слилась в сплошное журчание.

Дамы принялись громко порицать Клару, обращая к ней риторические упреки, ибо неблагоприятные обстоятельства обладают свойством превращать самый ничтожный проступок в тягчайшее преступление. Нет, надо быть безумной, чтобы в такую погоду искушать судьбу! Как она, однако, легкомысленна, как непоседлива! Клара, Клара, разве можно быть такой неразумной? Не известить ли доктора Мидлтона?

Летиция, однако, уговорила их пощадить старика.

— Вы в какую сторону? — спросил Уилоби. Он уже сам мечтал избавиться от спутника.

— В какую угодно, — ответил де Крей. — Я подброшу свою башку, как монету: орел или решка!

Уилоби был не в состоянии больше сносить эту дикую белиберду. Де Крей заметил, как его приятель украдкой обернулся — проверить, не следуют ли за ним по пятам, и подумал: «Черт побери, а ведь этот чудаковитый и в самом деле влюблен! Только не там он ее ищет. Эта девица, насколько я понимаю, особа решительная. Таких, как она, — одна на тысячу. Впрочем, из них получаются превосходные жены. Лишь бы они попали в хорошие руки. Такую встретишь — и в самом деле захочешь нацепить ярмо. Дайте мне только случай! Такая, если полюбит, будет верна до гроба».

Он вдруг вспомнил ее всю: ее лицо и ее платье — легкое, прозрачное, словно сотканное из лепестков цветка. Только бы она успела вовремя укрыться от ненастья!

У сторожки возле Западных ворот парка ему сказали, что мисс Мидлтон проходила здесь вместе с Кросджем и обратно не возвращалась. А полчаса спустя через эти же ворота прошел мистер Уитфорд.

— Верно, в погоне за своим молодым? — спросил полковник.

Жена и дочь сторожа знали о проделках Кросджей; да, мистер Уитфорд справлялся о нем и, должно быть, его постиг и погнался домой сменить одежду; Кросджей вернулся и на предложение отдохнуть и обсохнуть в сторожке ответил отказом (обитателям сторожки даже почудилось, что он плачет) и пошел по мокрому газону, понуря голову, — видно, на душе у бедняги было не слишком весело!

— Должно быть, мистер Уитфорд дал ему хороший нагоняй, — сказал полковник де Крей. — И поделом!

Обе согласились. Да, да, похоже, что полковник прав. А услышав, что Кросджей так и не пошел в Большой дом переодеться, весьма осудили его своеволие — ведь па нем ничточки сухой не было!

Де Крей взглянул на часы: десять минут двенадцатого. Если его смутная догадка о намерениях мисс Мидлтон верна, буря должна была ее застигнуть на полпути к цели. И, насколько он представлял себе (или, как сказал бы он сам, изучил) Кларин характер, никакая непогода не могла сбить ее с намеченного пути. Вследствие чего полковник пришел к заключению, что поезд, должно быть, уже мчит ее в объятия очаровательной черненькой Люси Дарлтон.

Впрочем, дождь — это де Крей допускал — мог ее задержать, и так как никакой другой маршрут не приходил ему в голову, он решил отправиться в Рендон, на станцию, заглядывая по дороге в окна всех встречных коттеджей и ферм.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Вернон в погоне

У сторожа был сын, приятель юного Кросджея, разделявший многие его шалости и приключения. Сей отрок страстно мечтал стать лесничим и вместе с Кросджеем и неким юнцом из выводка вынешнего лесничего имел обыкновение бродить по окрестностям, готовясь к профессии, вполне отвечающей также и вкусам его товарищей. Предначертанная Кросджею судьба, связывавшая его с таинственными просторами морей, снискала ему у приятелей звание капитана, и с их согласия он являлся предводителем этого отряда из трех. Когда ему удавалось улизнуть с урока, его почти всегда можно было обнаружить в обществе Джейкоба Крума и Джонатана Фэрневея. Вернон, увидев в сторожке Джейкоба Крума, восседающего на табурете и уткнувшегося в книжку — ту самую, что он же ему некогда и подарил, — уже не сомневался, что набрел на след. Одна эта поза прилежного ученика служила достаточно прозрачным намеком на то, что здесь что-то нечисто. Каково же было его удивление, когда и мать и сестра Джейкоба подтвердили его рассказ; еще не пробило десяти, поведал сей отрок, когда мисс Мидлтон вышла через

эти ворота в сопровождении Кросджея, причем последний так торопился, что даже не кивнул своему приятелю!

Вернон никак не ожидал, что мисс Мидлтон станет поощрять мальчика макировать занятиями; чтобы в это поверить, ему пришлось призвать на помощь ряд афоризмов, посвященных слабому полу древними авторами.

Дождь хозяйничал повсюду, широким пологом растилаясь от холма к холму; в отдалении слышался гром, а в перерывах между его глухими раскатами ливень бил по земле с жадным урчанием, словно кто-то до краев наполнил свиное корыто, и огромное голодное сборище с громким чавканьем набросилось на еду.

Какие только сравнения и образы не придут человеку на ум во время быстрой ходьбы, особенно если человек этот от природы наделен поэтической душой и чувством юмора! А проливной дождь — веселый попутчик тому, кто, не обращая внимания на промокшую одежду и на жалобный визг, издаваемый его башмаками, бодро шагает вперед. К тому же дождевые тучи, что идут с юго-запада, хмурятся недолго; они прижимают землю к своей груди и в избытке чувств покрывают ее сочными поцелуями, а затем, подобно закинувшему голову соколу, к клюву которого пристали перья зажатой в когтях жертвы, водянисто-туманным силуэтом поднимаются ввысь. В любую минуту пелена эта готова прорваться, обпахив пронизанную солнцем верхнюю гряду облаков да кусочек неба, по краям зеленый, как лужайка, омытая предрасветной росой. Или вдруг, подпираемые белыми плечами титана, небеса разверзаются лазоревым смехом. Смех этот может обернуться долгой, ясной улыбкой, а может в тот же час оборваться. Впрочем, водянистые силуэты, бег облаков, погоня их друг за другом, их крутые подъемы, смутная лепка светом и тенью, взбудораженная листва деревьев, машущая им вдогонку, треск ломающихся сучьев, победные крики упрямых придорожных кустов, воюющих с ветром и уступающих его порывам один или, самое большее, два листочка, и то с боем, — вся эта упорительная борьба, вся эта картина разбушевавшейся стихии не нуждается в ярких красках, чтобы зажечь восторгом сердце того, кто издавна привык к большой дороге и к пустынным, поросшим вереском холмам. И пусть он вымок до нитки, душа его поет.

А ты, насмешливый столичный щеголь, как бы выглядел ты, если бы дождь и буря застigli тебя в поле, под открытым небом? Посмотрел бы я, какие бы откалывал ты антраша в

тщетном стремлении сохранить сухим хоть клочок своей одежды — несчастный, загнанный мышонок, жалкая игрушка стихий! Нет, под нашим небом человек должен уметь равно переносить и дождь и солнце. Тот, кто хочет испить таинственный эликсир, кружащий голову и дарующий силу мышцам, пусть влюбится в тучи, бегущие с юго-запада, пусть влюбится в них со всей страстью любовника!

Если бы не тревога за мисс Мидлтон, ничто не омрачало бы безмятежного упоения Вернона. Но, даже испытывая эту тревогу, он наслаждался, как чайка, кружащая над пенистыми валами океана. Пусть Швейцарские и Тирольские Альпы на долгие месяцы спрятали от него свои снежные вершины, никто не отнимет у него залихватского пения юго-западного ветра, скачущего во весь опор! Ливень сменился кратким дождем, под колышущимся пологом которого проступил темный рельеф раскинувшейся кругом земли. Облака начали свое столь милое сердцу Вернона восхождение, волоча за собой, однако, длинный шлейф, предвещающий новый ливень. Это было плавное движение по диагонали, а не крутой, орлиный полет ввысь, сулящий ясную погоду, да и отдаленные холмы не были опоясаны туманной лентой.

На ступеньке перелаза, ведущего в поле, через которое пролегла тропинка, сокращавшая дорогу на станцию, сидел юный Кросджей. Рядом с ним, на верхней жерди, примостился какой-то бродяга.

— Вот ты где! — сказал Вернон. — Что ты здесь делаешь? Где мисс Мидлтон? Подумай, прежде чем отвечать.

Кросджей, только было открывший рот, снова его захлопнул.

— Барышня пошла на станцию, сэр, — сообщил бродяга.

— Ах ты, болван! — зарычал Кросджей и чуть не набросился на него с кулаками.

— А что, разве я соврал, молодой человек? Скажешь, неправда?

— Я же дал тебе шиллинг, осел!

— Вы дали мне шиллинг, молодой человек, чтобы я побыл с вами и за вами присмотрел. Вот я и сижу здесь подле вас.

— Мистер Уитфорд! — воззвал Кросджей к своему наставнику, но тут же не выдержал и вскинулся на бродягу: — Присмотреть за мной! Как будто я шуждаюсь в присмотре! Экал же ты скотина!

— Как вам угодно, молодой человек! А только я пропел вам все свои песни, чтобы поддержать вас и утешить. А вы нуждались в утешении. Еще как нуждались! Вы плакали, словно младенец.

— Я не мешал вам петь, потому что, когда вы не поете, вы бранитесь дурными словами.

— А с чего я, по-вашему, бранюсь? Да оттого, что куртка мне карябает кожу, когда намокнет,— прокладочки-то, сорочки, у меня нет. Да и шуточное ли дело — этакая непогода да на голодное брюхо! До чего я дожил! Я живое правоучение, вот я кто. Оттого-то я и бранюсь, когда не пою.

— Ты что здесь расселся, Кросджей? Ведь ты насквозь промок. Отправляйся сейчас же домой, переоденься и жди меня.

— Мистер Уитфорд, я дал слово, а этому негодяю я кинул шиллинг, чтобы он не приставал к мисс Мидлтоп.

— Барышня все отсылала молодого человека, сэр. Не хотела, чтобы он с пей шел. Вот я и предложил свои услуги — проводить ее до станции,— я бы шел себе позади на почтительном расстоянии.

— Ах ты, предатель! Собака! — Кросджей заскрипел зубами.— Ну, а я ему не доверяю, мистер Уитфорд, я от него — ни на шаг, чтобы он не тащился за ней следом и не выл, что промок, что не ел с утра и что он живое правоучение. Он ко всем с этим пристаёт.

— Так она пошла на станцию? — переспросил Вернон.

Но из Кросджея нельзя было выудить больше ни слова.

— Давно ли? — обратился Вернон — не столько к Кросджею, сколько к джентльмену, именовавшему себя живым правоученнем.

Последний, трясясь от холода, сообщил, что тому прошло минут пятнадцать, а то и все двадцать.

— Ах, да что мне время, сэр? — воскликнул он.— Питался бы я как следует, так у меня были бы часы в путре. А у меня там один ревматизм.

— А ну-ка, пропусти! — крикнул Вернон и перемахнул через изгородь.

— Вот они как умеют, эти господа,— высыпаются в своих теплых постельках,— просто так бродяга.— У них и костей-то нет.

Вернон протянул ему полкроны: как-никак, а бродяга оказался полезен.

— Мистер Уитфорд, можно, я с вами? Ну, позвольте! Ну, можно? — взмолился Кросджей. — Теперь я ее до-о-олго не увижу...

— Сейчас же домой! — перебил его Вернон и пошел дальше.

Он слышал, как позади перебранивались Кросджей и бродяга и как Кросджей отказывался принимать утешения профессионального горемыки.

Вернон быстро шагал по полю. Он поставил себе целью, — для чего, он не задумывался, — достичь станции не позже, чем без десяти минут одиннадцать. Выйдя вновь на мошную дорогу, дававшую ногам большую опору, чем пролегающая через поле скользкая тропинка, он пустился бегом. Вся его надежда была на то, что Клара не найдет дороги. Дождь снова яростно захлестал, и Вернона снова охватила тревога. А может быть — пусть себе едет? Как? Чтобы она целых три часа тряслась в поезде с мокрыми ногами? Невозможно!

Он мысленно прижал к груди эти ножки, чтобы согреть их своим теплом. А все же — поделом Уилоби за его дурацкую самонадеянность! Да, по ни Клара, ни ее отец не заслужили такого позора. А если она доведена до отчаяния, если она уже недоступна доводам разума? Как воздействовать на нее тогда? Он не мог ничего придумать. Накануне у него был крупный разговор с Уилоби; он убеждал своего кузена отпустить мисс Мидлтон, дать ей время поразмыслить ведине с собой. Но разговор этот только убедил Вернона в том, что единственное спасение Клары — в бегстве. Такого человека, как Уилоби, человека, который напускает на себя притворную тупость, опирается на безрассудную спесь и прибегает ко всем уловкам трусливого и изощренного деспота, способно отрезать лишь одно: совершившийся факт.

Все это так, но чем объяснить странную перемену в обращении Клары с ним, Верноном? Он и не подумал, что прежде всего ему следовало разобраться в себе самом и попытаться, как могло случиться, что на основании одной этой перемены он был готов заподозрить ее в самых черных грехах? Де Крей оповестил обитателей Большого дома о своем намерении вскорости его покинуть, рассуждал Вернон. Следовательно, де Крей и Клара в стачке! Мысль эта обдала Вернона холодом, словно к его сердцу и в самом деле прикоснулись озлявшие ножки Клары.

Пусть он не видел ничего дурного в том, что она доверилась ему, по то, что она открылась другому, не заслужи-

вало никакого снисхождения, и Вернон был готов предположить что угодно — вплоть до того, что встретит на станции де Крея.

Мысль рта заставила его задуматься над ролью, которая в таком случае выпала бы ему самому. Он даже на мгновение остановился. И в ту же минуту с ним поравнялась пролетка доктора Корпи, державшего путь в Рендон. Кругленький доктор крепкому под зонтом — Вернона и — что было равносильно объятию — предложил ему сухое место емым фартуком.

— В «Дельфриячей» в предписании не

мало толку, если вы не зайдете в гор.— Смотрите же, выполните мое I направляюсь в Рендон помочь од-

Чем очевиднее бесполезных цепляются бедняги. Пиконвоём опи безбоязненно пускали путь. «Скажи, Пат, что у тебя на душе?» —

«Ше преподобие, я все думаю, как бы вы не отказали мне в благословении, если я выпью еще одну каплю?» — «Не откажу, сын мой, запрягай телегу и поезжай с богом!» Вы, кажется, сказали, что вам надо на станцию? Ну, что же, коли вам так некогда, предъявите мой рецепт в привокзальной гостинице. Но вы, я вижу, чем-то встревожены. Я не могу вам помочь?

— Нет. И пожалуйста, не спрашивайте меня ни о чем.

— Как сказал ирландский гренадер, получив пулю в место, о котором он не хотел распространяться. Вот, однако, и Рендон. Сейчас мы лихо загремим по его булыжнику. Доктор Корпи несется на всех парах в своей тележке, ибо кто нынче отважится помереть без него? Несчастных терзает на смертном одре раскаяние в том, что они не обратились ко мне вовремя. Хорошая доза самообмана никому не повредит. И обращаться с нею надо бережно, — особенно когда имеешь дело с дамой. И вот, пожалуйста, ваш доктор несется метеором в своей колыхаге, а к окнам коттеджей, следя за его полетом, прилипли носы и носики! Кстати, как поживает прелестнейшая из девиц, какую мне когда-либо довелось видеть, а также — счастливейший из смертных? Когда она отправляется за своими свадебными нарядами? И когда нити их судеб сплетутся воедино? Я не стану говорить, что она совершенство, ибо совершенство — нечто неподвижное, как столб. Она же — развевающаяся веточка на

дереве, которое растет где-то совсем рядом, в двух шагах от совершенства. О ней можно говорить только стихами. Вы скажете, что у меня легко воспламеняющееся ирландское сердце, но, право же, я впервые вижу девушку, при взгляде на которую всякому вдруг откроется значение священного слова «восхитительная». Ну, да разве она для нашего брата? Миг — и ее подхватили. Но — ни звука больше! А все же, дружище Вернон, — на вас ведь почиет дух античности, — скажите по чести: когда вы на нее глядите, у вас не возникает мысль, что перед вами дочь одной из богинь Олимпа, согрешившей со смертным?

— Черт бы вас побрал, Корни, остановитесь же здесь, а то я опоздаю к поезду! — воскликнул Вернон, дергая его за рукав, хоть они еще не подъехали к станции.

Достойный потомок кельтов, доктор Корни понял, что за этим нелогичным возгласом кроется какой-то другой смысл.

— Ну что ж, вам не вредно пробежаться, — сказал он, натягивая вожжи.

Несмотря на то что Вернон на прощание крепко пожал руку доктору Корни, у того осталось смутное опасение — не обидел ли он чем своего старого приятеля.

Если говорить начистоту, все дело было в том, что Вернон в эту минуту меньше всего был расположен смаковать ирландское красноречие доктора Корни. Оно как бы оправдывало предпочтение, которое Клара Мидлтон оказывала соотечественнику доктора, полковнику де Крею.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

На станции

Клара стояла в зале для ожидания и смотрела в окно на побелевшие от дождя рельсы. Завидев Вернона, она от изумления приоткрыла рот.

— Вы уже взяли билет? — спросил он.

Она кивнула и стала дышать ровнее. Деловитый тон его вопроса успокоил ее.

— Вы промокли, — продолжал он.

Этого она отрицать не могла.

— Немного, — сказала она. — Но я этого не чувствую.

— Привокзальная гостиница совсем рядом. Мы по семафору узнаем о приближении вашего поезда. Вам там будет лучше. Идемте.

Властный тон Вернона несколько удивил Клару, но она не могла не признать его правоты: она порядком вымокла и — поскольку он как будто не собирался покушаться на ее независимость — была готова внять голосу рассудка. Итак, подчинившись ему внешне, она продолжала сопротивляться в душе, готовясь пресечь малейшее посягательство на ее свободу.

— Вы уверены, что мы увидим семафор, мистер Уитфорд?

— Ручаюсь.

Сказав несколько слов дежурному по станции, он вместе с Кларой перешел дорогу.

— Мисс Мидлтон, вы одни?

— Да. Я не взяла с собой камеристку.

— Вам надо сейчас же снять туфли и чулки и высушить их. Я поручу вас заботам хозяйки.

— А я не опоздаю?

— У вас целых пятнадцать минут впереди, не говоря уже о том, что поезд, скорее всего, придет с опозданием.

Слова Вернона были разумны, в тоне его не слышалось ничего враждебного, а некоторая его категоричность была скорее приятна, ибо говорила о сочувствии. Клара последовала за хозяйкой гостиницы, ноги ее и в самом деле промокли и прозябли, а полы платья были забрызганы грязью. Взглянув в зеркало, она мысленно себя поздравила с тем, что Вернон не обратил внимания на ее плачевный вид.

Вернон заказал лекарство доктора Корпи и проследовал за слугой наверх, в комнату, увешанную портретами родни и предков трактирщика. Распластанные на стене, как растения в гербарии, несмотря на полноту мужчин и на округлые формы дам, все они дышали британской энергией, преодолевающей любое препятствие для достижения своего идеала. И все глядели на гостя в упор. «Пейте,— казалось, призывали они,— и станете, как мы!» Вернон попал в своего рода фамильную Валгаллу, где целая плеяда его соотечественников пользовалась заслуженным бессмертием. В самом центре, свежераспластанный и довольный, красовался ныне здравствующий хозяин, который, очевидно, решил занять свое место заблаговременно, еще в расцвете сил, С годами сын за-

ставит его потесниться; пока же, верный энергичной традици предков, он сдвинул своего родителя в угол.

Впрочем, человек, промокнувший до мозга костей,— плохой ценитель живописи. Оторвав взор от портретной галереи, Вернов принялся разглядывать чучело шуки, выставленное в стеклянном ящике. Рыба вызывала у него гораздо больше сочувствия, нежели экспонаты человеческого гербария, размещенные на стенах.

Вскоре к нему присоединилась Клара.

— Но вы сами, наверное, ужасно промокли! — воскликнула она. — У вас даже зонта нет! Вы, должно быть, промокли до нитки, мистер Уитфорд!

— Мы все сегодня промокли до нитки,— сказал Вернов. — И Кросджей промок, и бродяга, что с ним.

— Ах, этот противный человек! Но я велела Кросджею идти домой. А вам хозяин гостиницы ничем не может помочь? Вы ведь не связаны временем. Я умоляла Кросджея вернуться, как только начался дождь. Когда же полило как из ведра, я его наконец заставила уйти. Итак, вы встретили бедняжку Кросджея?

— Он вас не предавал, будьте покойны. Выдал бродяга. Я совершенно случайно набрел на ваш след. Простите, что я позволяю себе вами командовать. Не опасайтесь меня, мисс Мидлтон, вы вольны поступать, как вам заблагорассудится. Но только я не могу допустить, чтобы вы рисковали своим здоровьем. По дороге сюда я встретил доктора Корни, и он прописал мне коньяк с горячей водой. Вот это снадобье на столе. Вы, вероятно, уже почувствовали странный запах. Пожалуйста, отпейте немного — как лекарство, просто чтобы согреться!

— Невозможно, мистер Уитфорд! Не могу! А вы следуйте предписанию доктора Корни, раз он так велел.

— Я не стану без вас.

— Хорошо. Я попробую.

Она поднесла стакан ко рту и тут же отпрянула: запах был ужасен.

— Сделайте усилие! Ведь для вас нет ничего невозможного,— сказал Вернов.

— Вы вправе так говорить, мистер Уитфорд, после того как застали меня здесь! Я способна на что угодно, это верно — но только, как оказывается, ради собственного спасения; увы, для спасения друга я, выходит, ни на что не способна. Впрочем, попробую.

— Только смотрите же — настоящий глоток!

— Сейчас. А вы потом допьете?

— С вашего разрешения. Если вы не оставите мне слишком много.

Им предстояло пить из одного стакана! Ей придется проглотить эту невозможную смесь. Они одни, в гостинице, без посторонних! Рискуя здоровьем, он бросился за ней! Вот к чему привел ее рывок на свободу! И все это случилось так стремительно — в какой-то час!

— Ну, не досадно ли, мистер Уитфорд, что день выдался такой ужасный?

— Разве вы не сами выбрали день?

— Да, но не погоду.

— Хуже всего то, что Уилоби наскочит на мальчишку, промокшего до костей, начнет выпытывать, а тот будет влять и сочинять небылицы. Кончится тем, что Уилоби уличит его во лжи и выгонит из дому.

Клара собралась с духом и сделала глоток — причем больший, чем намеревалась. Она отставила руку со стаканом, словно отстраняясь от противника. У нее захватило дыхание.

— Да не потребуют от меня такой жертвы во второй раз!

— Вряд ли вам придется второй раз убегать от отца и друзей.

Все еще задыхаясь от обжигающей влаги, Клара подивилась тому, что вопреки репутации этого напитка он ее ничуть не взбодрил — напротив, она чувствовала себя еще уязвимее, и резкости Вернона ранили ее сильнее, чем обычно.

— Мистер Уитфорд, мне даже спрашивать не нужно, какого вы обо мне теперь мнения.

— Мнения? А у меня никаких мнений нет. Я просто хочу быть вам полезным, по мере возможности.

— А мне почему-то кажется, что вы меня побаиваетесь. Право же, напрасно! Я никого не обманывала. Я открыла вам душу и ничуть этого не стыжусь.

— Что ж, похвальная привычка.

— У меня такой привычки нет.

Он был невольно тронут, и именно поэтому, от недовольства собой, ему захотелось причинить ей боль.

— Каждому свой черед, мисс Мидлтон. Я не герой, в разговорчики не гожусь и поспеваю вам бесполезен.

— Вы очень сдержанны... Впрочем, я уезжаю, и вслкому

вольпо думать обо мне, как ему угодно. Однако вы приговорили меня к этому яду, а сами к нему не прикоснулись.

— *In vino veritas*¹. Боюсь, как бы не выболтать того, что у меня на уме.

— Коли так, вам непременно следует выпить — в интересах здоровья, не только телесного, но и душевного.

— Комплиментов вы от меня не услышите.

— Вы можете быть суровым, я знаю. Но так и быть, скажите все.

— У нас еще есть время?

Оба сверились со своими часами.

— Шесть минут,— сказала Клара.

У Верноиа часы остановились, так они вымокли под дождем.

Клара стала корить себя за это. Чтобы ее успокоить, Вернон принялся шутить:

— Мои *dies solemnes*² всегда кончаются холодным душем. Я к этому привык. Что до часов, они помогут мне помнить время, когда вы нас покинули.

Она протянула ему стакан. У нее вдруг прояснилось па душе, появилась надежда увезти с собой воспоминание о добром и суровом друге.

Пришимая стакан из ее рук, он едва уловимым движением повернул его, прежде чем поднести к губам. Клара и не заметила бы этого маневра, если бы нарочно не подала ему стакан краем, которого не касались ее губы.

Будем считать, что это у него получилось непроизвольно. Но даже так, даже не предполагая злонамеренности, Клара внутренне съежилась и покраснела.

Беглецы подвержены всяким случайностям — это вам не суда, стоящие на якоре в тихой гавани. Клара плотно стиснула губы, словно ее ужалли. Да и как было такой чуткой, отзывчивой натуре не ощутить этого недозволенного прикосновения? А между тем человек, который нанес этот удар ее девичьей чувствительности, хранил невозмутимую корректность железнодорожного чиновника.

— Ну вот, оба мы испили из фиала с ядом,— сказал он.— И надо признаться, вкус у него в самом деле преотвратительный. Впрочем, таково предписание врача, а уж коли вышел в море, будь матросом. Итак, мисс Мидлтон, вре-

¹ Истина в вине (лат.).

² Торжественные дни (лат.).

— Только смотрите же — настоящий глоток!

— Сейчас. А вы потом дольете?

— С вашего разрешения. Если вы не оставите мне слишком много.

Им предстояло пить из одного стакана! Ей придется проглотить эту невозможную смесь. Они одни, в гостинице, без посторонних! Рискуя здоровьем, он бросился за ней! Вот к чему привел ее рывок на свободу! И все это случилось так стремительно — в какой-то час!

— Ну, не досадно ли, мистер Уитфорд, что день выдался такой ужасный?

— Разве вы не сами выбрали день?

— Да, но не погоду.

— Хуже всего то, что Уилоби наскочит на мальчишку, промокшего до костей, начнет выпытывать, а тот будет врать и сочинять небылицы. Кончится тем, что Уилоби уличит его во лжи и выгонит из дому.

Клара собралась с духом и сделала глоток — причем больший, чем намеревалась. Она отставила руку со стаканом, словно отстраняясь от противника. У нее захватило дыхание.

— Да не потребуют от меня такой жертвы во второй раз!

— Вряд ли вам придется второй раз убегать от отца и друзей.

Все еще задыхаясь от обжигающей влаги, Клара подивилась тому, что вопреки репутации этого напитка он ее ничуть не взбудрил — напротив, она чувствовала себя еще уязвимее, и резкости Вернона ранили ее сильнее, чем обычно.

— Мистер Уитфорд, мне даже спрашивать не нужно, каково вы обо мне теперь мнения.

— Мнения? А у меня никаких мнений нет. Я просто хочу быть вам полезным, по мере возможности.

— А мне почему-то кажется, что вы меня побаиваетесь. Право же, напрасно! Я никого не обманывала. Я открыла вам душу и ничуть этого не стыжусь.

— Что ж, похвальная привычка.

— У меня такой привычки нет.

Он был неволью тронут, и именно поэтому, от недовольства собой, ему захотелось причинить ей боль.

— Каждому свой черед, мисс Мидлтон. Я не герой, в разговорчики не гожусь и поспею вам бесполезен.

— Вы очень сдержанны. Впрочем, я уезжаю, и всякому

волью думать обо мне, как ему угодно. Однако вы приговорили меня к этому яду, а сами к нему не прикоснулись.

— *In vino veritas*¹. Боюсь, как бы не выболтать того, что у меня на уме.

— Коли так, вам непременно следует выпить — в интересах здоровья, не только телесного, но и душевного.

— Complimentов вы от меня не услышите.

— Вы можете быть суровым, я знаю. Но так и быть, скажите все.

— У нас еще есть время?

Оба свернулись со своими часами.

— Шесть минут, — сказала Клара.

У Вернона часы остановились, так они вымокли под дождем.

Клара стала корить себя за это. Чтобы ее успокоить, Вернон принялся шутить:

— Мои *dies solemnes*² всегда кончаются холодным душем. Я к этому привык. Что до часов, они помогут мне помнить время, когда вы нас покинули.

Она протянула ему стакан. У нее вдруг прояснилось на душе, появилась надежда увезти с собой воспоминание о добром и суровом друге.

Принимая стакан из ее рук, он едва уловимым движением повернул его, прежде чем поднести к губам. Клара и не заметила бы этого маневра, если бы нарочно не подала ему стакан краем, которого не касались ее губы.

Будем считать, что это у него получилось произвольное. Но даже так, даже не предполагая злонамеренности, Клара внутренне съежилась и покраснела.

Беглецы подвержены всяким случайностям — это вам не суда, стоящие на якоре в тихой гавани. Клара плотно стиснула губы, словно ее ужалили. Да и как было такой чуткой, отзывчивой натуре не ощутить этого недозволенного прикосновения? А между тем человек, который нанес этот удар ее девичьей чувствительности, хранил невозмутимую корректность железноподорожного чиновника.

— Ну вот, оба мы испили из фиала с ядом, — сказал он. — И надо признаться, вкус у него в самом деле преотвратительный. Впрочем, таково предписание врача, а уж коли вышел в море, будь матросом. Итак, мисс Мидлтон, вре-

¹ Истина в вине (лат.).

² Торжественные дни (лат.).

мя не терпит, а посему отвечайте мне прямо: намерены вы со мной возвратиться или нет?

— Ах, нет, нет!

— Куда вы едете?

— К подруге, в Лондон. К мисс Дарлтон.

— Что прикажете передать вашему отцу?

— Скажите, что я оставила ему письмо в конверте, адресованном вам.

— Так. А сэр Уилоби?

— Моя камеристка Баркли ровно в полдень вручит ему письмо.

— Итак, вы решили участь Кросджея.

— Каким же это образом?

— Он, должно быть, в эту самую минуту подвергается допросу. Как он будет отвечать, догадаться нетрудно. Ваше письмо разоблачит мальчика, а Уилоби не из тех, кто прощает.

— Это ужасно! Но что делать? Бедный мальчик! Я не подумала о том, как его может наказать Уилоби. Это с моей стороны непростительное легкомыслие. Мистер Уитфорд, все мои карманные деньги пойдут на его образование. А позже, когда я достигну совершеннолетия, я целиком возьму на себя его содержание.

— Это большая обуза, вам не следует себя так связывать. Сами вы, конечно, не переменитесь, я знаю, но обстоятельства меняются, а женщины еще больше подвержены их влиянию, нежели ваш брат.

— Я не позволю каким бы то ни было обстоятельствам мне помешать!

— Что вы и доказали сегодня.

— Разве я не доказала свою решимость быть свободной?

— Ничуть. Напротив — вы ничего не доказали, вы просто убегаете от трудностей и предоставляете их расхлебывать друзьям и близким. Что касается Кросджея, вы сами убедились, что одного шанса он, по вашей милости, лишился. Я бы давно увез его отсюда, если бы не считал целесообразным заручиться для него расположением Уилоби. Но оставим Кросджея. Он будет держаться, как человек чести, подражая всем тем, кто готов принести себя в жертву ради дамы.

— То есть всем тем, кто готов лгать, лишь бы выручить малодушных? Вы это хотели сказать, мистер Уитфорд! Ах, я знаю... Осталось две минуты. Жребий брошен! Возврата

нет! Пора собираться. Вы проводите меня на платформу? Впрочем, я предпочла бы, чтобы вы поспешили домой.

— Я вас провожу. Я буду здесь, пока вы не уедете. До вашего поезда должен пройти экспресс. Дежурный обещал дать мне знать, когда он пройдет. Я все время гляжу в окно.

— Все же, мистер Уитфорд, вы остаетесь моим лучшим другом.

— Несмотря на...?

— Несмотря на то, если вам угодно, что вы не совсем понимаете, какие муки вынудили меня решиться на подобный шаг.

— Вынудили вас мчаться сломя голову по воле ветра и валов?

— Ах, вы ничего не понимаете!

— Здесь кроется тайна?

— Не тайна, а страдания. И самые настоящие.

— Ну, значит, я в самом деле ничего не понимаю. Но решайте сейчас. И помните — вы совершенно вольны в своих решениях.

Она вышла.

Слов нет, в сухих чулках и обуви путешествовать куда приятнее, чем в мокрых, однако, натягивая их, Клара почувствовала, что сбита со своих позиций. Она не отказалась от цели, но пыл ее несколько поугас. Предложение Вернона руководствоваться собственными желаниями заставило ее их пересмотреть: больше всего ей, разумеется, хотелось уехать, вырваться, освободиться от кошмара, — но причинить боль отцу? Повредить Кроссджею? Огорчить друзей? Нет, сто раз — нет!

Она поспешила назад к Вернону, чтобы покончить со своими колебаниями.

Он стоял у окна и смотрел на подъезжавшую закрытую карету.

— Не нора ли бежать на стапцию, мистер Уитфорд?

— Сигнала еще не было. Здесь теплее.

— Я решила вложить письмо к отцу в письмо, адресованное вам, где прошу вас как можно мягче сообщить ему обо всем и молить его о снисхождении.

— Ваши друзья сделают все, что возможно.

— Видно, мне суждено огорчать тех, кому я дорога. Я пыталась следовать вашему совету.

— Сперва вы говорили со мной, затем с мисс Дейл; у вас, во всяком случае, совесть чиста.

— Ах, пет!

— Что же ее отягощает?

— Я ничего не совершила против своей совести.

— В таком случае она чиста?

— Нет.

Вернон пожал плечами. Наше отношение к невинному лукавству женщины определяется тем, какую роль эта женщина предназначает нам, а какую — другому. Вернон имел все основания возразить: «Пусть вы формально и не совершили ничего против вашей совести, однако такие намерения у вас, по-видимому, были». И то, что она заговорила на эту тему сама, означало желание объясниться начистоту, подтверждая его предположение. Но он не пошел ей навстречу. Инстинкт, подсказывающий мужчине, стать ли ему на сторону женщины или против нее возмутиться, на этот раз его подвел. И он вторично пожал плечами, когда она заявила:

— Оставаться значило бы для меня — потерять к себе уважение. Неужели вы посоветовали бы мне такое?

— Разумеется, я не советовал бы вам терять к себе уважение, — мрачно сказал он.

Его все еще мучила мысль о де Крее, а Кларин вопрос напомнил ему о его собственном положении на хлебника, которое он собирался променять на немногим более почтенное положение писаки-поденщика.

— Почему вы бросились за мной, мистер Уитфорд, и пытаетесь меня остановить? — спросила Клара, задев его тоном.

— Должно быть, я люблю совать свой нос, куда не следует, — ответил он. — До сих пор я этого за собой не знал.

— Нет, пет, вы мой друг! Но эта ваша постоянная ирония... Вот и о чистой совести вы говорили иронически. Да, я открылась вам и мисс Дейл. А затем — поплыла по течению. Неужели вы не понимаете, что всякое упоминание об этом обжигает, как раскаленная печь? Уиллоби опутал моего отца. Он все время что-то замышляет, чтобы опутать и меня. Я бегу от его коварства. Я боюсь его. Я как-то говорила вам, что чувствую себя более виноватой, чем Уиллоби, но все же не могу не винить и его. А свадебные подарки! Поздравления! И все это время пользоваться его гостеприимством!

— Конечно, здесь есть смягчающие обстоятельства, — сказал Вернон.

— Но вас они не смягчают, — робко возразила Клара.

У
в
вы будете
тием отца.

— Но
Уилоби егс

— Поро

— И вер

К тому же этс

отив нее не имею, но предпочитаю ее избегать. Она боготворит Уилоби... И потом — что я ей скажу? Я смотрю на нее с мольбой, она это видит, но мои старания скрыть боль, которую я чувствую, производят на нее комическое впечатление, и вот я — «плутовка», и она заговаривает со мной о том, что, по ее мнению, должно интересовать меня больше всего на свете. Нет, я должна избежать встречи с ней! При одной мысли о миссис Маунтстюарт я чувствую, что у меня нет выбора. Она умна. Она способна засыпать меня эпиграммами, так что на мне живого места не останется!

— Ну, уж тут вы ей не уступите!

— Ах да, она говорила, что вы находите меня остроумной. Не могу сказать, чтобы я ощущала в себе этот дар. Мы с ней именуем это вашим заблуждением. Миссис Маунтстюарт угодно считать меня красивой. Это — ее заблуждение.

— Ни то, ни другое не заблуждение: вы и красивы и остроумны, а свет еще прибавит, что у вас взбалмошный характер; вас обвинят в том, что вы не дорожите своей репутацией, и вашим друзьям придется согласиться с таким приговором. Впрочем, из этой истории вы так или иначе выпутаетесь.

— Затем лишь, чтобы впутаться в другую?

— Трудно сказать — пока мы не увидим, как вы разделаетесь с первой. Больше мне, собственно, нечего прибавить. Я люблю вашего отца. Его дидактический тон и педагогство — всего лишь маска, в которую он рядится, — но вы-то уж должны бы его знать и не пугаться этой маски. Если бы вы посидели с ним часок за латынью, а затем, взяв его за руку, сказали, что не в силах с ним расстаться, — только не вздумайте плакать! — он бы тотчас отозвался. Вам бы пришлось потерпеть еще два-три дня — томительных, не спорю, — и все же, на мой взгляд, это лучше, чем такое бег-

у вас мужской ум. Не
двадет, что, обратившись
щества? Еще три дня, и
...овалпо отступить под прикры-

ня слушать! Я не понимаю его:

его заставляю вас выслушать!

за что! Нет, в Лондон, в Лондон!

миссис Маунтстюарт! Я ничего про-

ство. Впрочем, я не умею уговаривать. Я не владею языком гостинных. Я могу лишь взывать к человеческому разуму.

— Что для меня весьма лестно. Терпеть не могу этот язык гостинных.

— И напрасно. Это — великий дар, и я хотел бы им обладать. Тогда, быть может, мне удалось бы не только польстить вашему самолюбию, но и убедить вас.

— Вам не кажется, мистер Уитфорд, что экспресс опаздывает?

— Он уже прошел.

— Так пойдемте же на станцию!

— Вряд ли вы захотите встретиться с миссис Маунтстюарт. Видите: к вокзалу подъехал экипаж — это ее карета. Клара выглянула в окно и сказала упавшим голосом:

— Придется рискнуть!

— В таком случае, мисс Мидлтон, вам лучше расстаться здесь.

Она подала ему руку.

— Но зачем сюда приехала миссис Маунтстюарт?

— Должно быть, встречает кого-нибудь из гостей, прибывающих к пей на обед. Вашему отцу посулили профессора Круклина; возможно, это он и едет из Лондона.

— Вернуться в Большой дом?! — воскликнула Клара. — Невозможно! У меня больше нет никаких сил. Добро бы, у меня была хоть какая-то поддержка! Или если бы я чувствовала, что иду наперекор собственной совести, сознавала бы за собой какую-нибудь вину... быть может, я выдержала бы... Но я запуталась в паутине. Что бы я ни сделала, я окажусь виновата. Вот только мысль, что я гублю Кросджея, не щажу отца... Прощайте, мистер Уитфорд! Я не забуду вашей доброты, но вернуться не могу.

Вернион сделал еще одну попытку поколебать Кларину решимость:

— А может, все-таки вернетесь?

— Нет!

— Если миссис Маунтстюарт вас заметит, вам придется вернуться. Я постараюсь ее увезти. Если же вы попадетесь ей на глаза, придумайте наспех какую-нибудь историю и попроситесь к ней в карету. Это я вам говорю категорически. Тут уж не может быть двух мнений.

— Не нахожу, — сказала Клара.

Вернион поспешно поклонился ей и вышел. После столь своеобразного заявления, что она была бы способна почерп-

путь силы в тайном сознании своей вины, он уже не знал, которое из двух зол считать за меньшее — ее побег из Большого дома или пребывание в нем? А когда она с таким искренним недоумением старалась разгадать мотивы, побудившие его отправиться за ней вдогонку, — а мотивы эти не были ясны и ему самому, — он со стыдом вспомнил свои подозрения. Впрочем, — и это была единственная утешительная мысль, — ему, быть может, удалось спасти ее от насморка. К тому же он держал себя, как человек чести, и не извлек ни малейшей личной выгоды из ситуации, в которой очутился, — ах, он и сам поражался собственной холодности! Но такова уж роль человека строгих правил, и, если он не хочет показаться самому себе смешным, ему лучше не задумываться ни о чем, покуда не упадет занавес.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Возвращение

Заняв наблюдательный пост у окна, Клара смотрела, как Вернон переходит улицу и направляется к экипажу миссис Маунтстюарт-Дженкинсон; он, казалось, существовал лишь в двух измерениях — так сжал он плечи, так высоко поднял ворот пальто. От всей его фигуры так и веяло «бедным Томом». Глядя на него, Кларе самой стало холодно, и она поежилась.

Затем она увидела, как он прошел в здание вокзала. Зазвонил станционный колокол. Неужели это ее поезд? Он одобряет ее отъезд, иначе зачем бы он — в противовес всем своим словам — стал ей помогать? Впрочем, сегодня он казался сотканным из противоречий — совсем как женщина в представлении мужчин! Подошел поезд. Клара вздрогнула: никто ей не подал сигнала, — неужели Вернон ее обманул?

Но вот он снова вышел, сел в карету, и — завертелись колеса! В ту же минуту мимо нее промчалась коляска Флитча, в которой сидел полковник де Крей.

Вернон его заметил — это вне сомнения!

Да, но что принесло сюда полковника?

Кларе не в чем было себя упрекнуть: ни взглядом, ни намеком она не дала понять полковнику де Крею о своих

намерениях. Однако мысль, что должен был подумать Вернон, увидев его, так ее угнетала, что она невольно чувствовала себя виноватой. Меж тем полковник де Крей был последний человек — за исключением Уилоби, — которого бы ей хотелось сейчас видеть.

Она уже боялась услышать стапционный колокол, который должен был возвестить, что Вернон ее не обманул и она не опоздала на поезд, а главное, что она больше уже не в его руках, что она уже попала в другие руки.

Первно покусывая перчатки, она окинула взглядом все эти взирающие на нее со стен фамильные портреты, похожие друг на друга как две капли воды, затем перевела глаза на пустой стакан и, подойдя к столу, потрогала и самый стакан, и торчавшую из него нелепую ложку.

Куда только не заведет нас тоскующий дух под впечатлением минутного отчаяния!

Вернон спросил ее, одна ли она. И вот теперь, уставившись на пустой стакан, Клара вспомнила и его странный вопрос, и тон, каким он был задаи. Она не могла уловить связи между стаканом, из которого они оба пили обжигающую жидкость, и этим вопросом и только еще раз повторила: «Ах, он, наверное, заметил полковника де Крея!» Пустой стакан представлялся ей исмым свидетелем чего-то такого, что она сама затрудчилась бы определить. Ведь Вернон не принадлежал к разряду любезных кавалеров, которые вводят в самые обыденные поступки оттенок галантности. У всякой девушки имеются в душе тайники, куда и ей самой — каким бы живым умом она ни обладала — не дано проникнуть: от одних ключ утерян, к другим он еще не подобран, третьи охраняются призрачной стражей изнутри. Итак, Клара не могла бы сказать, о чем, собственно, свидетельствует пустой стакан. А если мы с вами случайно знаем больше, чем она, то мы не вправе навязывать кому-либо свои догадки. Самый запах, исходивший от стакана, был ей отвратителен, в нем было что-то постыдное. В каком-то необъяснимом порыве она чуть было не схватила ложку — на память? Да нет же, в предостережение впускам. «Взгляните, дети, на эту ложку, — сказала бы она им, — вы, наверное, когнушались бы размешивать ею чай в своей чашке; между тем в некоторую пору моей жизни она была мне дороже золота и серебра, потому что благодаря ей я поняла...» — и так далее и так далее... мораль ее наставления была так же

туманна, как мысль, его породившая. Впрочем, Клара уже знала, что ей делать.

Она сбежала вниз и столкнулась с полковником де Кре-ем на ступенях, ведущих на платформу.

— Мисс Мидлтон!

В голосе полковника радостное изумление смешалось с торжеством самонадеянного человека, выигравшего рискованное пари.

— Я не опоздал, чтобы предложить свои услуги?

Она поблагодарила его.

— Вы отпустили коляску, полковник де Крей?

— Нет еще, я как раз шел разменять деньги, чтобы расплатиться с мистером Флитчем. Он меня нагнал на дороге. В той роли, какую ему приходится всякий раз играть в нашей судьбе, есть нечто фатальное, вы не находите? Мне оставалось одно — вскочить в коляску и покатить в ней с уверенностью волшебника, в распоряжении которого имеется собственный джинн.

— Обо мне тревожатся...?

— Немного... Впрочем, все уверены, что вы нашли где-нибудь пристанище от непогоды. Вы позволите мне вас сопровождать? Я весь к вашим услугам.

— Я думала было слетать к моей подружке мисс Дарлтон.

— Вы разрешите?... Я так и подумал, что вы именно сегодня вознамерились повидаться с подружкой. Но вам нельзя ехать одной.

— Пожалуйста, задержите коляску. Где Уиллоби?

— В ботфортах! Но позвольте же, мисс Мидлтон! Мне не простят, если я отпущу вас одну.

— Меня искали?

— Так, немного поукали. Но почему вы мне отказываете? Да и не нуждаюсь я в коляске, так или иначе. Если вы меня прогоните, я отправлюсь пешком. Флитч превосходный джинн, но на ближайшие сутки он, видно, потерял свои волшебные качества. К тому же я горю желанием вновь представиться мисс Дарлтон!

— Мисс Дарлтон — сторонница пунктуальнейшего соблюдения этикета, полковник де Крей.

— Тогда я предстану пред ней либо в качестве пезежды, либо — бунтаря, как ей заблагорассудится. Я ее помню. Она произвела на меня огромное впечатление.

— Задним числом?

— Нет, просто при первом упоминании имени этой дамы память моя была в отлучке. Как у некоего генерала, сказавшего о своем обозе с амуницией: «А вот и моя армия!» — в то время как та плелась где-то в тылу. Или, если хотите, я был как слуга, уснувший во время пожара и сказавший в свое оправдание: «Я думал о другом». Если я позабыт — так мне и надо! Однако меня разбирает любопытство, вы скажете — остатки бывшего фатовства. По правде же говоря, мне просто не терпится проверить, какое впечатление я тогда произвел на вашу подругу — неужели никакого? Ведь и самый малый камешек воду рябит.

— Если вы это называете впечатлением, — парировала Клара, стремясь светской болтовней заглушить внутренние колебания.

— С меня и такого впечатления было бы довольно! Итак, если позволите, я пойду купить себе билет.

— Не надо, — сказала Клара.

— Ваш слуга умоляет вас!

Клара решительно мотнула головой, однако в глазах ее появилось мечтательное выражение. Она глубоко вздохнула: одним ударом она могла бы отрезать все! Как тогда, во время ее ночных размышлений, на нее нахлынула сладкая истома.

В это время к де Крею подошел носильщик: какому-то приезжему требовалась коляска Флитча. На платформе оказался грузный старик, обремененный багажом.

— Джентльмен может занять коляску, — сказал де Крей и полез в карман, чтобы расплатиться с Флитчем.

— Откройте дверцу, — приказала Клара.

Флитч радостно дернул ручку. Дверца распахнулась. Клара уселась в коляску.

— Ну что ж, забирайся на козлы! — крикнул де Крей, еще не оправившись от постигшего его разочарования. — Я сяду с тобой.

Клара, однако, указала ему на место против себя. Де Крей возразил было, что теперь ему и непогода нипочем, но Клара продолжала держать дверцу открытой. В досаде на свою неудачу, де Крей предпочел бы отдаться на волю разъяренных стихий. Однако приглашение было слишком заманчиво.

Зазвонил стационарный колокол, и, проезжая вдоль насыпи, Клара увидела, как мимо промчался поезд, извергая фонтаны пара наподобие кита. Она взглянула на часы: по-

езд опоздал на восемнадцать минут. Клара затруднилась бы объяснить, почему она сидит в коляске Флитча, а не там, в вагоне. Одно она знала наверное — что поступила так по собственной воле. Возвратиться ее заставил не мистер Улфорд и, уж во всяком случае, не теперешний ее попутчик; да, она рвалась уехать всей душой, и, однако, вот как ни в чем не бывало возвращается в Паттерн-холл. Успокоившись на том, что поведение ее необъяснимо, она стала обдумывать свое предстоящее объяснение с Уилоби.

— В такую погоду нет смысла ехать в Лондон, — произнесла она.

Де Крей поклонился, не отрывая глаз от ее лица.

— Мисс Мидлтон, вы мне не доверяете.

— Из чего это следует? По-моему, доверяю, — ответила она.

— Сказать? Можно говорить откровенно?

— Если на это требуется мое разрешение, извольте.

— Совсем откровенно?

— Говорите. Но только, пожалуйста, не так торжественно. Этот дождь и без того нагоняет уныние.

— Флитч снова наш возникший, мисс Мидлтон. Вдумайтесь в это! Волна вновь и вновь выбрасывает его на тот самый берег, откуда он был изгнан, и какая-то невидимая нить связывает нас с его судьбой. Не имея счастья претепловать на вашу дружбу, сославшись на давность знакомства, единственное, на что я уповаю, это на мою преданность — а она зародилась в моей душе с самой первой минуты нашей встречи. Тому виною Флитч — если уж непременно искать виновного. Как знать, быть может, эти чары распались бы, если бы он водворился на своем прежнем месте?

— Как знать? — повторила Клара, улыбувшись через силу. Непреклонность, которою так гордился Уилоби, обращившаяся против него самого, и это ей казалось высшей справедливостью.

— Боюсь, впрочем, что вы были правы и что у бедняги нет ни малейшего шанса, — продолжал де Крей. И, выдержав паузу, которую требовало приличие перед лицом чужого несчастья, он весело засмеялся. — Разве что мне взять его к себе на службу или сделать вид, будто беру! — сказал он. — Впрочем, унылая физиономия Флитча, маячащая на границе владений Большого дома, только оттеняет картину рая, раскинувшегося в гределах этих владений, не правда

ли? Мисс Мидлтон, почему бы вам не довериться мне, хоть немного?

— В самом деле, почему бы вам не прикинуться, будто вы берете Флитча к себе?

— Мы могли бы с вами разработать этот план, если вам угодно. Настолько-то вы мне доверяете, я надеюсь?

— Я верю, что вы способны на любой поступок, продиктованный бескорыстной добротой.

— Вы это серьезно?

— Вполне серьезно. Вы могли бы объявить во всеуслышание, что берете Флитча с собой в Лондон.

— Мисс Мидлтон, вот вы сейчас собирались уезжать. Мое появление заставило вас изменить свое намерение. Следовательно, вы мне не доверяете. Оно и естественно. Было бы куда удивительнее, если бы вы мне доверяли. Все, что вы обо мне слышали, говорит о том, что мне доверять не следует — даже в минуту крайности. Я догадался, что вы собирались уезжать. Вы спросите, каким образом? Право, не знаю. Здесь, должно быть, действуют пресловутые силы симпатии, но это — явление необъяснимое. Существует естественная симпатия, также как и естественная антипатия. И только когда поживешь с человеком рядом, обнаруживаешь, какая же это сила!

Клара вздохнула, без слов согласившись со справедливостью этого замечания.

Коляску вдруг подбросило, — казалось, еще немного, и она опрокинется.

— Ах, Флитч! Пощади! — воззвал де Крей.

Клара улыбнулась.

— Нет, право же, — продолжал он, — с ним мы не можем считать себя в безопасности, как бы мы ни бодрились. Он вытряхнет из меня душу, вот увидите!.. Не все, однако, потеряно, если антипатия обнаружится вовремя, прежде, чем те, кто ее испытывает, соединят свои жизни — лишь бы у одной стороны хватило мужества в этом признаться, а у другой — ума! Иначе им вопреки собственному желанию пришлось бы надеть на себя ярмо. Тут самый опасный противник — Гордость, она-то и усадит обоих в карету и повежет их к роковым дверям. Единственный выход — пока не поздно, столкнуть этого возничего с козел. Высшая гордость на свете — это гордость обладания, и существует только один способ нанести ей смертельный удар: посеять сомне-

ние. Иного способа научить Гордость уму-разуму нет. Надо только запастись мужеством.

Де Крей принялся опускать окно кареты, чтобы дать Кларе время обдумать его слова.

Кого же он разумел под Гордостью? Ну конечно, Уиллоби! И разве сама она, поддавшись минутной слабости, не мечтала заставить его отказаться от нее тем самым способом, какой предлагал полковник?

— Вы знаете, мисс Мидлтон, я ведь шепчому разбираюсь в людях, — сказал он.

— Я это вижу.

— Итак, вы решили вернуться?

— О да.

— В самом деле, погода не располагает к путешествиям.

— Совсем не располагает!

— Вы можете полностью рассчитывать на мою скромность. Будьте великодушны — поверьте, что сюда меня привело не желание застигнуть вас врасплох и подглядеть вашу тайну. Я догадался, что вы поехали на станцию, и просто хотел предложить свою помощь.

— Скажите, вам не повстречалась карета миссис Маунтстюарт-Дженкинсон, когда вы подъезжали к станции? — спросила Клара, чуть краснея.

Де Крей вспомнил, что точно, какую-то карету он видел.

— Но самой миссис Маунтстюарт я не заметил — так это она была в карете?

— Да. Поэтому ваша скромность делу не поможет. Уж она-то вас заметила наверное.

— И вас тоже, мисс Мидлтон?

— Я предпочитаю думать, что меня видели. Когда иного выхода нет, я могу быть храброй, полковник де Крей.

— Я в этом не сомневался. Но только храбрость, как и прочие способности, нуждается в постоянной тренировке. Моя часто ржавеет и страдает ревматизмом.

— Мысль о тайных заговорах мне претит.

— Сделайте, пожалуйста, исключение для бедняги Флитча!

— Для него — так и быть.

Полковник высунул голову в окно и взглянул на спину своего будущего кучера.

— Сегодня на него можно положиться, — сказал он. — Разбушевавшиеся стихии отрезвляюще действуют на наше-

...вспомнил, что в этот вечер в ясную погоду. Через пять ми-

...бы изложить на изгороди по
...и Большому дому, как бы возоб-
...и были по-
...прибитый дождем и ветром
...женской привычке склывать свое
...растерянности
...она ощущала. Она была готова
...что он предоставлял ей самой решать

...из ее груди.

... в три часа. — с великолепной па-

... в пять. Сегодня мы обедаем у миссис
... для
... я начинаю

— Когда дима жаждает подобное, мисс Мидтон...

— То что?

— То это значит, что она тяготеет одиночеством.

Кларе почему было возражать: увы, она знала, что сло-
... Нет свободы для
... Так ей сказал когда-то Вернон. И вот первая же ее
... показала ей всю меру ее

Как знать — будь это получасом раньше, в присутствии
... был подковник де Крей.
... могли бы ока-
... уже пол-
... к воротам парка.

— Прикажете мне удалиться? — спросил де Крей.

— Нет, отчего же? — возразила она.

Подковник поблагодарил ее изысканно выжидательным
... в его манере было столько обезоруживающей покорности,
... Клара почувствовала себя совершенно застигнутой.

— Заранее придуманная история — защита для разговора,
... сказал он.

— Это верно, — с готовностью согласилась Клара, не за-
... что тем самым иступает с нам в тайный стовес.

Окинув голову, он комически заморгал в знак того, что
... свои умственные способности.

— Вы правы, мисс Мидтон, — когда заранее придумы-

ваешь, что сказать, ничего путного не выходит: сам же и увязнешь в собственных хитросплетениях. Правдивость и врожденная сообразительность — лучшие советчики. Поскольку вы олицетворяете собой правдивость, мне придется взять па себя второе.

Клара смутно чувствовала, что впереди ее ожидает еще большая путаница, но была благодарна своему собеседнику уже за то, что он не старается поколебать ее намерения объясниться с сэром Уиллоби начистоту. В умелии полковника изящно манипулировать фактами она не сомневалась — последнее время она и сама ощущала в себе не только некоторые способности в этой области, но и искушение их применить; избавляя ее от этой необходимости, де Крей как бы спасал ее от самой себя.

Каким образом его природная сообразительность должна будет поддержать Клариноу правдивость, оставалось не совсем ясно, а поскольку она совершенно забыла о Кросджее, то и не подумала, как привести собственный правдивый рассказ в соответствие с отчетом мальчика об их утренней прогулке.

Пока коляска катила по парку, Клару больше всего занимала мысль, как примет ее возвращение Вернон. Ведь это он, собственно, и был его причиной, несмотря на то что сам приложил к тому так мало усилий, так мало, что она даже сомневалась, доставит ли оно ему радость.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ,

*в которой делается попытка объяснить характер
чувствительности сэра Уиллоби, а ему самому
преподносится урок*

Башенные часы над конюшней пробили двенадцать — время, когда, по Клариному замыслу, должно было раскрыться ее бегство. В том состоянии смятения и смутных предчувствий, в каком она пребывала, совет де Крея сверить свои часы с башенными, вызвал ла ее щеки румянец стыда. Разумеется, он уже тогда, за утренним завтраком, видел ее насквозь, — теперь ей это было ясно. Да и не он ли помог ей избавиться от общества Уиллоби? Жестокая мысль! Такая прощупательность и смущала и страшила ее; однако де Крей, —

надо отдать ему справедливость, — не преступил границ скромности, ни в чем не злоупотребил своим положением и во всех отношениях проявил себя истинным джентльменом. Тем не менее факт оставался фактом: Клара поставила себя в такое положение, когда честь ее зависела от благородства мужчины.

Она выпрыгнула из коляски с ощущением челопека, избавившегося от опасности. Повстречайся ей Уиллоби в эту минуту, она приветствовала бы его дружеской улыбкой. Двери Большого дома растворились, и Кросджей пулей вылетел к ней навстречу. Он так и припал к ее руке и, не выпуская ее, прыгал от восторга. Он словно не верил своему счастью; захлебываясь, заикаясь, перемежая свою речь междометиями, он рассказал, как сэр Уиллоби обнаружил его в лодочном сарае и пытался выведать у него все и как он отослал своего покровителя на ферму к Хоппиеру, сказав, что мисс Мидлтон пошла проведать больного ребенка, а оттуда дальше, в лачугу поденщика.

— «Мисс Мидлтон любит помогать бедным», — сказал я ему. И ведь это правда, ведь это-то уж сушая правда! И я сказал, что вы меня услали из боязни, как бы я не заразился!

Итак, худшие опасения Клары подтвердились.

Полковник расплатился с Флитчем и прислушался к рассказу Кросджея.

— О, да я вижу, весь арсенал мальчишеского красноречия был пущен в ход, — заметил он.

Флитч между тем стоял перед ними, подпяв руку к полям шляпы, пытаюсь этим жестом привлечь к себе внимание.

— Миледи! Полковник! — меланхолично воскликнул он; впрочем, сквозь меланхолию пробивался розовый луч надежды. — Если только мне доведется на рождество пить старый портвейн Большого дома!..

Возглас этот надлежало понять в том смысле, что, если его мечта осуществится, он непременно выпьет за здоровье своих пассажиров. Обратив прощальный взор на окна, он по-нуру отъехал прочь.

— Значит, мистер Уитфорд еще не вернулся? — спросила Клара.

— Нет. А сэр Уиллоби наверху, переодевается.

— Ты видел Баркли?

— Она только что пошла в лабораторию. Я ей сказал, что сэра Уиллоби там нет.

— Скажи, Кросджей, не было ли у нее в руках конверта?

— Она что-то держала в руке, это точно. Но только — что, не знаю.

— Беги к ней! Скажи, что я здесь и чтобы она вернула мне письмо.

Кросджей кинулся бежать и попал прямехонько в объятия сэра Уилоби.

— Этого постреленка приходится ловить, как футбольный мяч! — воскликнул тот, крепко обхватив мальчика. — Клара, вас дождь не застиг? — спросил он и, чтобы скрыть свое замешательство, продолжал энергичную борьбу с извивавшимся в его руках Кросджем.

— Самую малость.

— Я счастлив это слышать. Вы нашли, где укрыться?

— Да.

— В одном из коттеджей?

— Нет, не в коттедже, но меня ничуть не намочило. Полковнику де Крею посчастливилось встретить коляску еще до того, как он меня нагнал, и...

— И снова Флитч! — подсказал полковник.

— Да, да, вам везет, вам везет, — бормотал Уилоби, все еще сжимая Кросджея в своих объятиях и делая вид, будто отчаянные попытки мальчишки вырваться — всего лишь игра. Мертвенная бледность, однако, выдавала его волнение. — Да стой же ты, непоседа! — прикрикнул он вдруг на Кросджел. Клара ласково коснулась плеча мальчика, и тот мигом успокоился.

Все поднялись в дом.

— Я не успела вас поблагодарить, полковник де Крей, — сказала Клара, на мгновение задержавшись в дверях. И, понизив голос почти до шепота, прибавила: — Конверт, написанный моей рукой. В лаборатории.

Кросджей вскрикнул от боли.

— Ага, попался! — поддразнил его Уилоби и залился смехом, который звучал пенямого веселее, чем писк его жертвы.

— Вы очень больно щиплетесь, сэр!

— Эх ты, девчонка!

— Я не девчонка! Мне просто нужно достать книжку.

— Где же твоя книжка?

— В лаборатории.

Меж тем полковник де Крей уже подходил к дверям лаборатории.

— Я принесу тебе твою книжку! — крикнул он нараспев. — Какая тебе нужна? «Мореплаватели древности»? «Детские гимны»? Я, кажется, оставил здесь свой портсигар.

— Баркли говорит, что у нее для меня письмо, — сказал Уилоби, обращаясь к Кларе, — будто бы вы поручили ей доставить его мне в полдень!

— Ну да, на случай, если бы я не вернулась к тому времени: чтобы не причинить вам беспокойства.

— Ваша внимательность делает вам честь.

— Ах, нет! Не хвалите меня, Уилоби! Не говорите мне о чести. А вот и ваши тетюшки. Дорогие мои!

Клара грациозно двинулась им навстречу, и приходяжая огласилась восклицаниями.

Уилоби отпустил наконец Кросджей, который тотчас же кинулся к лаборатории. Его мучитель пошел за ним следом и, подойдя к дверям, молча посторонился, чтобы пропустить вышедшего оттуда де Крея.

Кросджей рыскал глазами по всей комнате, Уилоби подошел сперва к письменному столу, затем к электрической батарее и, наконец, к каминной полке: письма не было нигде. А ведь Баркли сказала — он это точно помнил, — что еще утром, после завтрака, мисс Мидлтон велела ей отнести к нему в лабораторию письмо и что она выполнила распоряжение своей госпожи.

Уилоби бросился вон из лаборатории, взбежал наверх и увидел Кларину камеристку и спину удаляющегося де Крея.

Он подозвал Баркли. Та выпятила верхнюю губу и стала оправлять на себе платье — пантомима, свидетельствующая о готовности принять бой.

— Простите, сэр Уилоби, меня зовет госпожа.

— У вас было ко мне письмо.

— Я сказала, что...

— Вы мне сказали, когда я встретил вас внизу, у лестницы, что оставили в лаборатории письмо, адресованное мне.

— Оно лежит на туалетном столике в комнате госпожи.

— Принесите его сюда.

Баркли плавно повернулась, еще раз скорчив свою ханжескую гримаску — эти ужимки должны были, очевидно, означать, что на все случаи жизни у нее имеется свое особое мнение.

Уилоби остался на лестнице; служанка больше не появлялась.

Появ всю нелепость своего ожидания, да и всего своего

поведения вообще, он поднялся к себе и стал шагать из комнаты в комнату. Он себя не узнавал: страдать и волноваться, как те жалкие людишки, которых он презирает! Потерять над собой всякую власть, уронить свое достоинство! Он, привыкший вертеть другими по собственному усмотрению, вдруг превратился в марионетку, в доверчивую игрушку в руках ловкой интриганки! Улоби даже почудилось, будто он сделался меньше ростом. Правда, зеркало этого не подтвердило, это сказало его собственное, болезненно сжавшееся сердце. «Не говорите мне о чести!» Покаянные слова, произнесенные Кларой после ее возвращения в обществе де Крея, с которым она к тому же перед самым носом у Улоби вела какой-то таинственный разговор, прозвучали как исповедь; они опалили ему лицо, словно пламя, вырвавшееся из горнила. Боль — а что может быть эгоистичнее боли? — исторгла из его души беззвучный вопль: «Нет, только не это! Пусть лучше обман!» Да, он предпочитал быть обманутым.

Впрочем, это было лишь временное помрачение разума, вызванное отчаянием. Мысль, что и другим станет известно, что он обманут, была все же нестерпимее всякой другой муки. Ведь если он согласится быть обманутым, об этом будут знать и обманщица, и ее сообщник, а следовательно, и весь свет. Против молвы он был бессилен. Тень, которую он от себя отбрасывал, сковывала общественное мнение, подобно тому как сильный мороз сковывает ручьи, но за пределами этой тени он был беспомощен, и его чувствительность трепетно сжималась от страха, как бы ее не обнажили на зимнем ветру. В этом страхе за своего нагого кумпра, за нежного младенца «я», которого он, как пеленкой, укрывал от холодного дуновения громким именем сэра Улоби Паттерна, — в этом смертельном страхе и таился источник его ненависти к свету. Любовь и нежность к этому младенцу достигали в нем той остроты, какую они достигают лишь у людей, стоящих на самой высокой ступени цивилизации. Он чувствовал, что бессилен его оградить, что всякий может обдать своим ледяным дыханием это милое, незащищенное существо! Окоченевшее от холода, покрытое сыпьями и ссадинами, оно напрасно взывало к нему о помощи. Ну, как после этого не вознепавидеть свет!

Сэр Улоби был некогда юным принцем, окруженным поклонением подданных, ему принадлежал весь мир. По рабам, что пресмыкались у его ног, он судил весь род людской, и

чем тот был в его глазах презреннее, тем больше он его ненавидел.

Кларно обращение с ним было равносильно грабежу, захвату его владений. В его величавых мечтаниях небывалая преданность и победоносная красота той, которой он отдаст свою руку и сердце, должны были свидетельствовать о его собственном совершенстве, заставить умолкнуть голос осуждения и подавить ропот зависти — совсем его заглушить было бы, разумеется, нежелательно.

И вот коварная природа женщины воспрепятствовала этой мечте осуществиться. Сэр Уилоби не мог унизиться до того, чтобы винить в этом судьбу. О, с какой болью обратился он к Горацио де Крсю слова: «Вам везет!» Ведь он вырос в убеждении, что фортуна приберегает свои улыбки для маленького Уилоби, и ему оставалось одно — обрушить проклятия на женщину. Иначе ему пришлось бы отказаться от последнего покрова, согревающего зябкие плечи всякого мечтателя и поэта.

Но если Клара его обманывает, не следует ли из этого, что она все же робеет перед ним? Что ж, это еще одна причина, заставляющая его желать обмана. Он вспомнил, как она тогда стояла, потупившись, не решаясь встретиться с ним глазами и только из гордости не опуская головы. Эта поза была не лишена своеобразной прелести: горделивая дева, не желающая склониться под бременем, отягощающим ее совесть! Да, в этом было демоническое очарование, вызывающее одновременно и ненависть, и жажду прижать преступную к груди. Как и всегда, когда на него находили эти припадки любовной тоски, он старался вызвать в себе другой образ Клары — тот, который он создал в своем воображении.

Но оттого, что ненавистную нельзя прижать к груди, ненависть к ней отнюдь не возрастает. Напротив, предписанное этикетом почтительное расстояние (в два фута десять дюймов) оказывает — за редким исключением — удивительное воздействие на его величество Мужчину.

(Подробные сведения о сих таинствах можно почерпнуть в Великой Книге — смотри главу Семьдесят Первую, раздел, посвященный любви. Вооружив читателя пороховницей, шахтерской киркой и фонарем, его снаряжают в путь по смутно освещенным тропам, пролегающим среди кучек земли, оставшихся от предыдущих землекопов в этом пустынном карьере. Это гораздо поучительнее, нежели вся Семидесятая глава, или

французский раздел, куда до настоящего времени люди из порядочного общества остерегались заглядывать.)

Однако герой и нас заразил своей спешкой, и нам недосуг заниматься археологическими раскопками. Сэр Уиллоби торопится поймать свою жертву, захватить ее, пока она одна, под видом страстного обожания подвергнуть ее мукам,— сколько горечи в этом притворстве! — а затем, насытившись, отбросить ее от себя.

Он настиг Клару на лестнице. Общество ее камеристки Баркли служило ей падежным прикрытием.

— Мое письмо? — спросил он.

— Ах да, я ведь говорила, что оставила Баркли записку для вас, с тем чтобы она ее вручила, на случай если я задержусь, а вы будете беспокоиться,— сказала Клара.— Но, как видите, все обошлось.

— Вот как! Но любое ваше словечко! От вас — ко мне! Ваш почерк! Вы его сохранили, конечно?

— Нет, порвала.

— Напрасно.

— Оно бы не доставило вам радости.

— Возлюбленная моя Клара! Всякая строчка из-под нашего пера...!

— Их всего-то было три.

Баркли стояла, поджав губы. Служанку, владеющую тайной своей госпожи, всегда можно купить, ибо если правая рука берет взятку, то возьмет и левая. Надо лишь сообразить характер и размеры взятки. Так размышлял сэр Уиллоби — и одновременно отгонял от себя эти мысли. Он не хотел знать больше того, что знал, а именно — что он стоит на склоне вулкана и что всего лишь тонкий пласт земли отделяет его от кипящей лавы. Эта новая ситуация давала Кларе некоторый перевес: она меньше боялась его расспросов, чем он — ее откровенных ответов.

Но робели оба, и, разумеется, оба соблюдали все формы, которых требовали приличия; да и без слов понятно, что каждый занял оборонительную позицию. Клара была вынуждена лгать — у нее не было иного выхода; она была связана по рукам и ногам. Сэру Уиллоби оставалось только попросить — не прибегая, конечно, к слишком категорическому тону, — и она с готовностью преподнесла бы ему желанную ложь.

Ты сам виноват, мысленно обращалась она к нему, ты же знаешь жалости и готов раздавить Кросджея, чтобы наказать

этого бедного глупенького мальчика за его преданность мне! Честь обязывает меня отградить его любым способом.

Привязанность к мальчику и чувство ответственности за его судьбу сослужили Кларе двойную службу: отвлекли ее от унижительной мысли о ее несостоявшемся побеге и заглушили тайное недовольство собой — за то, что она так неожиданно оказалась в столь коротких отношениях с полковником де Креем. Разумеется, во всем была виновата непреклонность Уиллоби, которую тот так бахвалится. Этот человек не умеет прощать. Надо было во что бы то ни стало отградить Кросджей от его гнева; поэтому ей и пришлось обратиться к услугам полковника, изворотливость и ловкость которого не так пугала, как восхищала ее. Ведь Клара находилась в состоянии войны, Уиллоби был противник, и, следовательно, только так и можно было смотреть на дело.

При всем этом на прямо поставленный вопрос она бы ответила правдой. Она могла себе позволить уклончивые ответы, отговорки, но прямую ложь — никогда. Одно неосторожное слово с его стороны, и она отбросит всякое лукавство. Уиллоби прекрасно это понимал. Итак, Клара написала ему записку в три строчки («Их всего-то было три»). А затем эту записку уничтожила. Следовательно, одумалась, раскаялась, значит — она и в самом деле чувствовала себя пред ним виноватой? Поколебавшись между яростью и благоразумием, которое диктовала ему малодушная страсть, он решил во имя будущей мести не давать покуда воли своим подозрениям.

— Ну, и слава богу, — произнес он галантно. — Вы в безопасности и снова со мной! Это даже лучше, чем ваш драгоценный почерк. Я обрыскал всю округу, чтобы вас найти.

— Зачем же? Мы ведь живем не среди дикарей, — сказала Клара.

— Кросджей говорил о каком-то большом ребенке. Надеюсь, душа моя, вы переменили платье?

— Как видите.

— Кросджей сказал мне, будто вы направились к Хопперам и еще дальше, в какую-то лачугу. Но у ворот парка мне повстречался бродяга, который божился, будто видел, как вы пошли совсем в другую сторону.

— Вы, должно быть, дали ему денег.

— По правде сказать, да.

— Следовательно, вы заплатили ему за то, что он меня видел.

Уилоби тряхнул головой. Быть может, так оно и было — пишие ведь всегда лгут.

— Где же вы, однако, спасались, мой друг? У Холпперов о вас и не слышали.

— Не беспокойтесь. Тем, кто дал мне прибежище, заплачено. Дать им еще денег было бы сущим баловством. Вы слишком щедро бросаетесь деньгами. Оказалось, что болезнь прошла стороной. Каков потоп, однако! Я хочу зайти к мисс Дейл, посоветоваться с ней о своем туалете для вечера у миссис Маунтстюарт.

— Да, да, у нее отменный вкус.

— Безукоризненный.

— Несмотря на то что сама она одевается чрезвычайно просто.

— И всегда притом к лицу. Летидия — одна из немногих женщин, которым не хочется посоветовать убрать лишний бантик на лифе или прибавить еще одну складку на юбке.

— У нее верный глаз, — сказал Уилоби и, помолчав, еще раз повторил свою похвалу: — Да, глаз у нее верный.

Едва обозначившаяся у Клары ямочка на щеке показала, что Уилоби попался. Он понял, что ему уже не удастся возродить версию о Клариной ревности. Но если так, что же дало этой девице повод молить его вернуть ей свободу? Вопрос показался ему униженным, и он не стремился пайтти на него ответ.

Уилоби отправился разыскивать де Крея. Сей беспечный заговорщик, однако, не пожелал встретиться с ним с глаз на глаз. Он объявился лишь тогда, когда прозвенел колокольчик, призывающий к трапезе. За столом Клара обронила два-три словечка, которые послужили де Крею камертоном. После завтрака он провел с Уилоби час в бильярдной и умудрился проиграть ему несколько партий.

Весть о прибытии миссис Маунтстюарт заставила джентльменов вернуться в гостиную. Все решили, что она по какой-нибудь причине собирается отменить сегодняшний банкет. Но миссис Маунтстюарт приехала всего лишь посетовать на то, что им, быть может, предстоит лишиться одного из лучших украшений ее вечера — великого профессора Круэлина, которого она пригласила нарочно для доктора Мидлтона. Она поехала, как было у них условлено, встречать его на станцию, так как профессор славился своей беспомощностью — о чем, собственно, и свидетельствовало его отсутствие. Оп,

верно, опоздал на поезд — во всяком случае, о нем нет ни слуху ни духу. Миссис Маунтстюарт сослалась на Вернона, который по ее просьбе обыскал все вагоны; он исходил также всю платформу вдоль и поперек, но так и не обнаружил профессора.

— И вот, — заключила она свой рассказ, — пришлось мне отвезти вашего водолаза домой, чтобы он мог скорее обсушиться: бедняга промок насквозь и стучал зубами. Он был похож на завернутый в губку скелет, и если не схватил простуду, значит, он и в самом деле неуязвим, и это не пустое бахвальство с его стороны. Ведь все эти спортсмены ужасные хвастуны.

— Да, да, они взбираются на Альпы, только для того чтобы прокричать об этом на весь свет, — подхватила Клара, испугавшись, как бы миссис Маунтстюарт не заговорила о том, что видела на станции полковника.

Все рассмеялись, и всех громче полковник де Крей. «Бедная мисс Мидятон!» — подумал он. Быть может, до его собственного появления в Большом доме она останавливалась мыслью на мистере Уитфорде. И полковнику представилась досада, которую должна была испытать живая и впечатлительная девушка при встрече с этим ученым сухарем. И вдруг, повернув голову, он увидел Вернона, уставившего неподвижный взгляд на Клару.

— Что, Уитфорд, получили? — сказал он и, заметив на лице у Клары преувеличенное, как ему казалось, выражение раскаяния, продолжал высмеивать альпинистов, называя их «синьорами Эксельснорами» и описывая комический вид этих покорителей вершин: покрытые глиной с головы до ног, обгорелые, обветренные, исцарапанные в кровь, они отчаянно цепляются за выступы скал, — и все для того, чтобы похвастать, что побывали «на такой-то высоте» и покорили еще один пик! Полковник острит напрадую и был чрезвычайно доволен собой — ведь покорителей дамских сердец ожидают награды куда более лестные, чем те, что выпадают па долю альпинистов.

Вернон меж тем оправился от удивления и добродушно высказывал сыздавшиеся на него остроты.

— Карабкание по горам — ничто в сравнении с ловлей угрей, — сказал он.

Все поняли, что он имеет в виду свои постоянные заботы по водворению юного Кросджея в классной.

От Клары не ускользнул взгляд Вернопа, тонкой ниточкой связавший ее с полковником де Креем. Что же, если ему угодно судить о ней столь превратно... Зато полковник де Крей, тот ее понимает!

Кросджей имел несчастье появиться в гостиной в ту самую минуту, когда миссис Маунтстюарт выражала сочувствие Вернопу в его «ловле угрей», за которыми, по словам полковника, приходилось нырять на дно реки. Де Крей и Уиллоби не замедлили открыть по мальчишке перекрестный огонь, спрашивая, где он на этот раз прятался от своего наставника, и пытаясь уличить его во лжи. Они совсем уже было преуспели в этом занятии, когда Вернон прервал потеху и увел слушника, чтобы задать ему штрафной урок. Миссис Маунтстюарт повели осматривать великолепный фарфоровый сервиз — подарок леди Буш.

— Опять фарфор! — воскликнула миссис Маунтстюарт, обращаясь к Уиллоби, и собралась было поманить «плутовку» с собой, но Клара в эту минуту с непередаваемой грацией склонилась к мисс Дейл. Миссис Маунтстюарт не захотелось прервать оживленный разговор подруг. Ее немного удивил жест досадливого нетерпения, вырвавшийся у Уиллоби, когда она попыталась обратить его внимание на грациозную позу его невесты. Она начала прощаться, объявив, что намерена еще раз наведаться на станцию, в надежде встретить профессора — быть может, он прибудет со следующим поездом. — Передайте все же доктору Мидлтоу мои опасения, — сказала она, уходя, — что у него не будет достойного собеседника. Смотрите же, — прибавила она, обращаясь к сэру Уиллоби, провожавшему ее до кареты, — я рассчитываю на вас: весь огонь тяжелой артиллерии вам придется принять на себя.

— Лучше всех справляется с ним мисс Дейл, — сказал Уиллоби.

— Она все делает лучше всех! Но это мой банкет, и я не могу все бремя застольной беседы возложить на молодую женщину. Нет, я предпочла бы взять напрокат настоящего льва из зверинца, чем видеть у себя за столом ученое светило, которому не могу противопоставить другое ученое светило. Посадите доктора Мидлтона за стол с герцогом — он заговорит и герцога! Боюсь, как бы он не навел тоску на мою бедную паству. И откровенно говоря, нам его нечем сдобрить. Я так и вижу большие комки непереваренного разговора, — словом, вся надежда на вас!

— Постараюсь ее оправдать! — сказал Уиллоби.

— По части блеска я рассчитываю на полковника де Крея и на нашу фарфоровую куколку. Они хорошо сыгрались. Для вас же я сегодня готовлю другую роль. Вам предстоит быть не богом, а как бы виночерпнем при Юпитере или — если угодно — при Юнопе. Леди Буш, леди Калмер и все прочие ваши поклонницы будут извещены о вашем подвиге. Вы видите, в какой я тревоге. Я никак не предполагала, что профессор Круклин способен меня подвести, а то ни за что бы не рискнула пригласить доктора Мидлтона. Не удивляйтесь, что я так волнуюсь. До сих пор мои обеды всегда проходили с успехом. Тем ошутимее будет неудача. Об исключительных случаях говорят больше всего! Да и не в том дело, что скажут другие, а в том, что буду чувствовать я сама. Мне так не хочется ударить лицом в грязь! Впрочем, если я могу рассчитывать на вашу верность, все, быть может, и сойдет, как следует.

— Всякий раз, как пушка выпустит свой заряд, сударыня, я даю вам слово падать спиц!

— Вот-вот, нечто в этом роде и требуется, — с улыбкой сказала его старая приятельница и покатила на стапцию, оставив Уиллоби размышлять о женском эгоизме. Ради того, чтобы ее обед прошел успешно, он должен смириться с ролью полного ничтожества при докторе Мидлтоне, предоставив Кларе блистать в дуэте с де Креем! Между тем на этот раз ему особенно необходимо было блистать. Успех, которым он всегда пользовался в обществе, внушал ему мысль, что его невеста еще не имела случая оценить всю силу его обаяния, и вот, в угоду миссис Маунтстюарт, он должен отказаться от такого случая! Если бы она была подкуплена его соперником, она не могла бы причинить ему большего зла.

О, Уиллоби не был тупицей! Для него не прошло незамеченным, как мгновенно — после легкого прикосновения Кларининой руки — успокоился юный Кросджей, изо всех сил перед тем равнившийся из его объятий. Этот небольшой штрих показал ему, что мальчик почувал размолвку между женихом и невестой и что отныне он всю свою преданность перенес на Клару. Она блистала красотой, на ее стороне были преимущества женского очарования, и мальчик подпал под это очарование. Надо будет проучить его за измену. Но сейчас для Уиллоби главное было не это. Надо, чтобы Клара увидела своего жениха во всем блеске, — а в лучах поклонения он и в самом деле начинал светиться, — и тогда она, осознав свое

ничтожество, быть может, снова захочет вернуть его расположение. Вот когда наступит сладкий час возмездия!

Наведавшись к доктору Мидлтоу в библиотеку, он удостоверился, что Клара не говорила больше о своем желании покинуть Паттерн-холл. Нет, нет, несчастная кокетка нашла себе развлечение здесь и успокоилась! Весь воздух был напитан изменой. Уилоби ее чуял, слышал, как она вьется вокруг него и летит с легким свистом, словно волап, посланный невидимой ракеткой.

При всем том, сопоставляя действительность с теми опасениями, которые он питал во время исчезновения Клары, он был даже склонен толковать все в лестном для себя смысле — правда, лестный этот смысл таил в себе также немало и горечи. Спрашивается, чего же опасался Уилоби? Он боялся, как бы не оказалось, что Клара сбскала. Ох, уж эти страхи влюбленных! И, однако, в своей мнительности он зашел так далеко, что, расставшись с де Креем в парке, готов был заподозрить приятеля в заговоре со своей певестой и поверить, что он никогда больше не увидит ни ту, ни другого; оставшись один на один с дождем, он даже издал театральный возглас: «Одурачен!» Подобные возгласы, несмотря на их театральность, подчас являются подлинным криком души.

Констанция Дарэм в свое время научила его, что женское коварство может проявиться внезапным взрывом, без всякого предупреждения. И, удивительное дело, словно затем, чтобы доказать, что все женщины — одной породы, Констанция за день до своего побега казалась воплощением безмятежного спокойствия — точно такого же, какое он наблюдал последние два дня у Клары: ни перевозности, ни лихорадочного румянца, ни подергивания бровей! Напротив, она держалась с ним ровно и непринужденно, с изящной невозмутимостью сестры. Казалось, она нащупала грань между жестокостью и добротой и идет по ней, не отступаясь, не отталкивая его от себя, по и не привлекая. Весь ее вид как бы говорил: подходите, но только не ближе, чем на расстояние вдоха — еще шаг, и вы натолкнетесь на броню холодного безразличия. Она вас отбросит бесстрастно, словно не замечая. И вам только останется, последовав ее примеру, держаться с такой же невозмутимостью где-то на соседней параллели. Вся страстность ее натуры, казалось, испарилась, оставив по себе, словно волны прибой, лишь полоску застывшей соли на берегу. В этом сходстве между Klarой и Констанцией крылось что-то зловещее, и оно было поистине мучительным для Уило-

би, которому досталось трагическое счастье держать и ту и другую в своих объятиях, целовать веки обем и видеть, как тают таинственные туманности в глубине их глаз. Невольное сравнение повлекло за собой новую пытку для Уилоби. У него были основания винить Констандию в некотором отсутствии девичьей скромности — она чуть ли не шла ему навстречу. Разумеется, такая ее готовность была лестной, и, однако, он подчас невольно задумывался над тем, кому из них выпала роль охотника, а кому — дичи. А для его чувства мужского достоинства вопрос этот был далеко не маловажным. Клара, напротив, была застенчива и робка, как лань, что прячется в ущельях, освещенных розовым светом зари. Она пробуждала и страсть влюбленного, и азарт охотника, за ее опущенными ресницами мелькали видения райского блаженства. Таким образом, разница между этими чаровницами лишь усугубляла терзания Уилоби. Ибо, если Констанция походила на некоторых дам, которых ему удавалось сделать несчастными или, как почему-то принято говорить, одержать над ними победу, то Клара никак не принадлежала к их числу. Ему оставалось только склониться перед цельностью этой женской натуры. Ее нельзя было смешать в кучу со всем женским сословием и разделаться с ней раз и навсегда. Несмотря на муки, которые она ему причиняла, он не мог ее не любить, не мог не чувствовать себя несчастным. И если бы не всеильная его вера в свое «я», которое он любил еще больше, он бы окончательно пал духом.

А тут еще де Крей! Горделивые воспоминания Уилоби о собственных победах давно уже подорвали его веру в мужскую лояльность, и если бы роковая мысль — сочетать уязвленное самолюбие со стратегией — временно не вытеснила присущую ему бдительность, он бы и на час не оставил этого малого вдвоем со своей невестой. Но ему представлялось необходимым занять ее, покуда он плел свои хитроумные силки, призванные удержать ее в Большом доме. Безумец, он рассчитывал ранить ее напускной небрежностью! На самом деле нужно было совсем не то, нужно было давать один за другим банкеты, на которых он сиял бы, как солнце, ослепляя ее своими лучами. Едва оправившись от громовых раскатов, рожденных его собственным возгласом: «Одурачен!» — он был на волосок от того, чтобы пазвать себя дураком.

Как же ему себя с ней держать? Уж одно то, что он вынужден задаваться таким вопросом, было пощечиной его гордости. Всякая попытка объясниться с этой девицей привела

бы лишь к тому, что она снова повторила свою просьбу. Он чувствовал, что где-то, за прозрачным покровом спокойствия, просьба эта трепещет в ней, готовая вырваться наружу. Мраморно-мертвенная белизна этого спокойствия говорила об усилении, которого оно ей стоило. Настолько-то он ее понимал. Понимал также и себя, понимал, что может не выдержать и что, если она снова повторит свою кощунственную просьбу, его снова подведет либо уязвленное самолюбие, либо пресловутая стратегия.

Он подавил в себе желание завести с Верноном шуточный разговор о детской причуде некоей молодой особы, которая — быть может, под впечатлением минутной ревности — пытается выскользнуть из-под брачного ига. Он слишком привык подчеркивать свое превосходство над Верноном, чтобы хотя бы на миг от этого превосходства отказаться — да еще в таком вопросе! К тому же Вернон принадлежал к разряду людей, которые держатся самых фантастических представлений о женщинах, — быть может, оттого, что не имеют за душой ни одной победы. Одну победу, правда, Вернон — как о том было известно узкому кругу посвященных — в своей жизни одержал, но это была не из тех побед, что приносят лавры. Непроходимое невежество Вернона и его романтические взгляды, нелепые во всякое время, сейчас были бы просто невыносимы. Он, пожалуй, использовал бы непростительное легкомыслие Клары как повод прочитать своему господину нотацию, да еще разразился бы тирадой на тему о женском равноправии! Ведь этот человек считал возможным разговаривать с женщинами, как с разумными существами. Ну, да он сам — прекрасный пример того, к чему приводит такое заблуждение!

Быть может, в силу этого заблуждения в разговорах о мужчинами Вернон подчас бывает и вовсе невразумителен. Помимо всего прочего, Уиллоби бесило то, что Клара посмела обсуждать его собственную персону с Верноном. Нет, нет, подобная беседа ни к чему бы не привела; она бы только унизила его несравненное превосходство. Итак, не желая ни с кем делиться своими страданиями, он пребывал в полной изоляции и вместе с тем чувствовал, что вокруг него вершится какие-то таинственные дела и что в этот круг включены все, начиная от Клары с полковником, Летиции с юным Кросджем и кончая Клариной камеристкой Баркли. Подобно пауку, которого перенесли в чужую паутину, он мог лишь руководствоваться слепым инстинктом. Летиция всем своим

видом выдавала причастность к тайне: тайпа эта трепетала на кончиках ее ресниц. Каким образом ей стали известны некоторые обстоятельства, Уилоби понять не мог — разве что, в силу глубокого ее пропикновения во все, что касалось ее кумира, здесь действовало шестое чувство? Он думал о ней с нежной жалостью, с почти отеческой снисходительностью. Велением Венеры она его обожала, но богиня не распорядилась вложить в его сердце ответное чувство. И, как ни соблазнительно было бы обратиться за советом к мудрому другу, он не мог поддасться этому соблазну, ибо сделаться объектом жалости в глазах Летиции означало бы полный переворот в их отношениях. Так что и этот порыв он подавил в себе еще более категорически, чем первый. Допустить, чтобы Летиция стала его жалеть, казалось ему равносильным вмешательству в планы самого провидения. Ведь провидение, иначе говоря — разумное распределение благ в этом мире, предназначило ему быть маяком, а ей — птицей, устремляющейся на свет этого маяка. Нет, конечно, она последний человек, которому он мог бы открыть душу. Уже одна мысль, что подобное желание могло у него возникнуть, — хотя бы на миг, — приводила его в ярость, более того — в ужас. Очевидно, здесь действовала еще какая-то другая сила, та самая, что уже однажды так жестоко его унизил. Провидением он эту силу признать не мог, ибо привык, что оно неизменно было на его стороне. Когда ядро нашей религии составляет эгоизм, как же обойтись без посторонних сил? Надо же чем-то объяснить наши неудачи! Силы добра избрали Уилоби объектом своих неисчислимых даров. Силы зла — сиречь общество, свет — стараются у него эти дары отнять. Можно ли после этого быть хорошего мнения о свете?

Уилоби был вынужден отождествлять Клару с этими темными силами, направившими острие своего ножа на самую чувствительную точку его самолюбия. И все же он был готов поднять ее, рыдающую у его ног, готов остановить ток крови, хлынувший из ее ран. Он желал ей несчастья, дабы излить на нее свое милосердие. Или — пусть она разоблачит себя, покажет себя в своем истинном свете, и тогда он ее отрищет! Но только разоблачение это должно быть публичным, скандальным, чтобы и свет ее отринул тоже. Он попробовал представить себе Клару в виде безжалостно выполотого сорняка, и чуть не задохнулся: она была так прекрасна!.. Только бы Клариным избранником не оказался Гораций де Крей! Да и так ли непременно нужно вмешательство муж-

чипы? Болезнь, горячка, дорожная катастрофа, физическое увечье, хромота — самый заурядный несчастный случай вполне его удовлетворит. А затем — его благородное заявление: он готов выполнить свое обязательство и, если она будет настаивать, повести хромоножку к венцу. Да, он мог представить себе эту картину, при условии что аккомпанементом к ней будет восхищенный ропот толпы.

Впрочем, безразличие вместе с сознанием своего долга по отношению к роду заставили его тут же отказаться от столь неприглядного образа подруги, предназначенной ему судьбой. Из всей картины, начертанной его воображением, он оставил собственный портрет: рыцарь, сохраняющий верность своему слову, и этот лестный автопортрет прочно укоренился в сознании Уиллоби.

В конечном счете можно было надеяться, что, унизив Клару, он пробудит в ней восхищение его особой. Одеваясь, он выпил бокал шампанского — несвойственная ему вольность, но, как он объяснил своему камердинеру Поллингтону, которому и досталась оставшая часть бутылки, ведь в этот день он пренебрег своей прогулкой верхом.

Вспомнив, что у него какое-то дело к Вернону, он направился в классную и застал там Клару. Она сидела во всем великолепии вечернего туалета рядом с юльем Кросджейем, положив руку ему на плечо. Вернон, как выяснилось, отказался от приглашения миссис Маунтстюарт и был намерен посвятить это время муштровке своего ученика. Искрясь остроумием, Уиллоби, как всегда, вступился за мальчика. Клара глядела на него с удивлением. Оживленно подтрунивая над Верноном, он поставил его в тупик, залвив:

— Я свидетель, что в назначенный час Кросджей был на месте. Можете ли вы, сэр, сказать то же самое о себе?

Уиллоби опустил руку на плечо мальчика, пытаясь коснуться Кларинной руки.

— Помни, что я тебе говорила, Кросджей,— сказала она, легко поднимаясь со скамьи и таким образом избежав прикосновения своего жениха.— Это приказ.

Кросджей насутился и запыхтел.

— Только если меня спросят,— сказал он.

— Разумеется,— ответила она.

— В таком случае позвольте мне задать негодяику вопрос,— неожиданно вмешался Уиллоби.— Как вы находите, сэр, мисс Мидлтон в парадном туалете?

— Правду, только правду, Кросджей! — воскликнула Кла-

ра, подняв палец. Кросджей прекрасно понимал, что кокетство ее наигривное, но Уилоби решил принять его за чистую монету.

— В данном случае правда навряд ли окажется оскорбительной как для вашего слуха, так и для моего, — вполголоса произнес он.

— Я хочу, чтобы он никогда и ни под каким предлогом не говорил неправды.

— Мне она всегда кажется красивой, — нехотя пробурчал Кросджей.

— Ну, вот! — воскликнул сэр Уилоби и, наклонившись, предложил Кларе руку. — Я говорил, что правда вам не страшна, что вы не можете от нее пострадать!

— Я думала не о себе, а о том, как пострадал бы Кросджей, если б ему внушили говорить неправду, — ответила она.

— Ну, ради прекрасной дамы!..

— Это самое вредное учение, Уилоби!

— Положимся на инстинкт этого молодого человека. В конце концов в его жилах течет кровь моего рода. Впрочем, я мог бы убедить вас в два счета, если бы только посмел привести кое-какие примеры. Да, да, и еще раз — да! Я утверждаю, что бывают обстоятельства, когда сказать всю правду невозможно.

— А сами вы простили бы ложь во имя «прекрасной дамы»?

— Не только простил бы, моя дорогая, но и одобрил бы от всего сердца.

Он прижал ее руку к себе и оглядел ее с головы до ног.

В голубом шелковом платье, виспадающем широкими складками и отделанном прозрачным газом того же оттенка, столь идущего к ее русым волосам и нежному цвету лица, она могла бы свести с ума и менее пылкого кавалера, чем Уилоби.

— Ах, Клара! — выдохнул он.

— Это было бы более чем великодушно, — сказала она. — Но самый принцип все равно предосудителен.

— Я умею быть великодушным.

— Кто из нас знает самого себя?

Повернувшись к Вернону, Уилоби в коротких, отрывистых фразах отдал распоряжения касательно своей корреспонденции и, увлекая за собою Клару, вышел в коридор.

— Кто? — повторил он. — Это верно. Есть люди, и таких большинство, которым так никогда и не удастся достигнуть

самопознания; они-то и придумывают подобные афоризмы, преподнося их нам в качестве аксиом. Однако, смею заметить, сам я себя знаю. Я отказываюсь причислять себя к ипертной массе, именуемой большинством. «И хоть среди них, не с ними». Так вот, о себе я знаю одно, а именно, что цель моей жизни — быть великодушным.

— Разве это — не врожденное качество, не сердечная склонность и разве надо ставить себе такую цель?

— Да, настолько-то я себя знаю,— продолжал Уиллоби, предпочитая пропустить мимо ушей ее вопрос, который тем не менее поразил его слух диссонирующей ноткой: его сентенции о великодушии не встретили сочувственного отклика.— Я не раз давал тому доказательства,— коротко заключил он, убедившись, что ему не предоставят возможности дальше распространяться на эту тему, и, уже вполголоса, словно укоряя ее за то, что она вынуждает его хвастать своими подвигами великодушия, промямлил: — Те, кто знают меня... с детства...

«Отпусти меня, и я всему поверю!» — мысленно ответила она.

Бедняга Уиллоби жестоко страдал: беседуя с мужчинами, да и с женщинами, к которым был равнодушен, он никогда не опускался до такого бессвязного лепета, никогда не сбиваясь со свойственного ему тона внутреннего превосходства и чеканной точности формулировок. Но в Кларином присутствии — он и сам не знал, чем это объяснить, — он неизбежно впадал в состояние жалкой растерянности, и лишь подавшись порыву гнева, ему удавалось выйти из этого состояния. Сегодня же, когда ему предстояло блистать на вечере, он должен был сохранить спокойствие — и не мог ради одного лишь удовольствия услышать собственный повелительный голос позволить себе подобную вспышку. Правда, он упомянул о подарке леди Буш, на который Клара так и не удосужилась взглянуть, но лишь затем, чтобы потешить свою желчь. Он прекрасно знал, что Клара от него вновь ускользнет, и заранее смирился с ее ответом, в котором она сослалась на недосуг.

— Ну, хорошо, потом,— сказал он.

Его покорность вызвала в ней прилив раскаяния.

— Понимаете, Уиллоби, я просто боюсь, что не успею,— сказала она.

— Милая, но ведь нам придется выразить ей свою благодарность.

— Не могу.

Он судорожно прижал к себе локоть, на котором покоилась ее рука. Однако промолчал.

Присоединившимся к ним доктору Мидлтоу, Летиции и тетушкам Изабел и Эленор предстали два смутных силуэта, две распавшиеся половинки целого, которые едва удерживала вместе последняя тоненькая пить. Улоби сгибом локтя прижимал к себе Кларину руку, судорожно цепляясь за этот символ их нераздельности, меж тем как каждый перв у девушки бунтовал против навязанной ей неволи. Де Крей смотрел на них с лестничной площадки.

К крыльцу пачали съезжаться кареты.

— Где же Гораций? — спросил Улоби. — Верно, выжимает последние капли из своего сборника ирландских анекдотов?

— Ну, нет, — сказал де Крей, спускаясь по ступеням, — этот ключ не иссякает никогда — он, как вечный двигатель, работает бесперебойно! Это явление можно даже рассматривать как вклад в науку.

И де Крей добродушно рассмеялся.

— Хорошо, что вы всегда готовы смеяться собственным шуткам, де Крей, а то ведь без такого комментария не всякий бы понял их соль.

В реплике Улоби слышался свист плетки, опустившейся на спину обидчика.

— Я почитаю за долг облегчить эту задачу для прекрасных слушательниц, — обратился де Крей к дамам, еще раз выказав свое искусство грациозно принимать поражение и тем самым одерживать победу над нежными сердцами.

Улоби несколько приободрился. Правда, где-то в глубине сознания у него мелькнуло подозрение, что противник не признал бы себя побежденным с такой готовностью, если бы не имел основания втайне ощущать себя победителем. Но это подозрение только подхлестнуло в саре Улоби желание при первом же случае сцепиться с ним вновь; к тому же он был рад, что ему удалось продемонстрировать жало своего сарказма перед Кларой, в присутствии которой он почему-то терялся, лепетал жалкий любовный вздор, издавал бессвязные междометия или беспомощно в чем-то оправдывался. Улоби, разделявший мнение своих соотечественников, которые в личных выпадах и кулачных ударах склонны видеть проявления мужской доблести и могущества, чувствовал себя сейчас сильным и неуязвимым и рвался к лаврам, которые

должен был ему доставить предстоящий вечер. Де Крей уселся в первой карете, сопровождая тетюшек Изабел и Эленор, а во второй разместились Уиллоби с Кларой, Летиция и доктор Миддлтон. Последний казался погруженным в свои мысли, и все хранили почтительное молчание. Тирада, которою наконец разразился учепый богослов, несколько обескуражила Уиллоби.

— Позвольте вам заметить, сэр,— начал доктор,— я не вижу оснований уподобить полковника де Крея кельтибериту Эгнацию и не считаю поэтому, что он заслуживает осмеяния; он не ищет предлога показать белизну своих зубов. «*Quicquid est, ubicumque est, quodcumque agit, renidet*»¹,— так, кажется? Подобная склонность к зубоскальству — сушая болезнь: для постороннего глаза в ней нет никакой прелести и страдающий ею, какой бы приятной она ни казалась ему самому, нарушает элементарные требования вежливости. Но, насколько мне кажется, упомянутый джентльмен этой болезнью не страдает ни в какой мере,— впрочем, я, быть может, слишком к нему пристрастен, чтобы выступать в роли свидетеля.

Постоянные обращения доктора к собеседнику, все эти «не так ли?» и «правда ведь?», которыми он пересыпал свою речь, и паузы, во время которых он поворачивал к нему свое лицо с вопросительно поднятой бровью, вынудили Уиллоби наконец на ответ. Под немигающим взглядом доктора он очень скоро сбился с легкой, небрежной насмешки на тон человека, который пытается оправдаться.

— Эти прландцы,— сказал он,— непременно хотят играть роль профессиональных шутов, словно они для нее рождены. И время от времени кому-то приходится выступать в роли сурового критика.

Достопочтенный доктор, однако, не был еще умиротворен.

— К тому же,— продолжал он,— ваш афоризм о смехе, как комментарий к шутке, не отличается новизной. Вы и сами, вероятно, припоминаете речения, которые можно считать дальними родственниками вашему. Между тем он носил характер настоящего выпада: вы открыли огонь по противнику. Да, мой друг, среди избранных, к числу которых вы питаете благородное стремление принадлежать, насмешка над ближним,— по роковой легкости, с какой всякий может к ней прибегнуть,— приравнивается к покушению на жизнь:

¹ Что бы ни было, где бы он ни был, что бы ни сделал, он улыбается (*лат.*).

в обоих случаях требуется лишь снизить до выбора оружия, и чем оружие обыденнее, тем оно вернее разит. А надо сказать, что люди, стоящие на определенной ступени развития, стараются в первую очередь избегать обыденных, избитых средств, которые в силу своей общедоступности обеспечивают легкую победу над жертвой; так же исключаются общие места, трюизмы и натяжки, ибо они отдают дурным тоном, а для того, кто ими пользуется, оборачиваются орудием публичного самоубийства. Итак, исходя из предпосылки, что целью вашей было убийство, а отнюдь не харакири, то — оставив лексикон криминалистики — афоризм ваш *ex improviso*¹, предназначенный вами для вашей жертвы, со всей силой обрушится на вас самих. Быть может, я ошибаюсь?

— Сударь, я привык считать, что вы никогда не ошибаетесь, — сказал Уилоби.

Доктор Мидлтон не прибавил ни слова к своей нотации, чем придал ей еще больший вес.

Его дочь и мисс Дейл, которые обе с неодобрением отнеслись к злобной выходке Уилоби против полковника де Крея, могли только подивиться искусству и такту, с какими ученый дал джентльмену понять, что считает его поступок неджентльменским.

Некоторое время Уилоби чувствовал себя подавленным докторской тирадой — по крайней мере, той частью ее, которая оказалась доступной его пониманию. Но, вспомнив, что ему предстоит вечер в кругу старящихся его поклонников и поклонниц, он воспрянул духом. Как, однако, глупо было с его стороны, подумал он, замкнуться со своей невестой в одиночестве, вместо того чтобы непрерывно задавать балы и банкеты! Уединение, рассуждал он, годится для мужчины, ибо мужчина — существо, одержимое страстью; женская любовь, напротив, питается отраженным светом, который она обнаруживает в глазах окружающих, ибо сама она бесстрастна и послушна лишь велениям инстинкта, побуждающего ее привязываться ко всему, что вызывает наибольшее восхищение света. Придя к этому заключению и решившись впредь изменить свою линию, Уилоби даже повеселел. Первые глотки мудрости, почерпнутой из опыта, умеют, заставляя нас отречься от привычных взглядов и уверовать в возможность новой жизни. В своем счастливом опьянении мы только забываем спросить себя: не поздно ли?

¹ Экспромтом (лат.).

Обед у миссис Маунтстюарт-Дженкинсон

Вернон и юный Кросджей довольно прилежно поработали два часа, почти без перерыва, если не считать появления слуги с тарелкой жаркого для учителя да неоднократных попыток ученика завести разговор о мисс Мидлтон. Кросджей открыл, что ее именем можно безнаказанно увлажнить пыльную дорогу учения. Но только не следовало говорить о ее красоте — малейшее упоминание об этом качестве мисс Мидлтон тотчас вызывало строгое замечание мистера Уитфорда. Когда Кросджей первый раз воскликнул: «Какая она красавица!» — ему показалось, что лицо учителя приняло мягкое, мечтательное выражение. Столь благосклонный прием, казалось, открывал дорогу для серии лирических отступлений. Но когда он повторил свой маневр, над его головой разразилась педагогическая гроза.

— Я только хотел сказать, мистер Уитфорд, что я не всегда ее понимаю, — оправдывался Кросджей. — Сперва она велела мне не рассказывать — ну да же, она сама мне сказала! Или почти так и сказала. Ее последние слова были: «Смотри же, Кросджей, ты ничего не знаешь». Это — когда мне пришлось остаться с тем проклятым бродягой, который называет себя «живым правоучением» и канючит у всех деньги.

— Если будешь все время отвлекаться, ты и сам сделаешься «живым правоучением», — оборвал его Вернон.

— Я понимаю, мистер Уитфорд, но теперь выходит, я, если меня будут спрашивать, должен рассказать все, как было.

— Мисс Мидлтон хочет, чтобы ты говорил правду.

— Да, но утром она мне велела не говорить!

— Она очень торопилась. И теперь боится, как бы ты не понял ее превратно, и хочет, чтобы ты никогда не отступался от истины, тем более — ради нее.

У Кросджея было свое мнение, которое он и выразил бурным вздохом.

— Ах, если б я точно знал, чего она хочет! — сказал он.

— Поступай так, как она тебе велит, мой мальчик.

— Но я не всегда понимаю, что она велит.

— Делай так, как она говорит, вот и все.

— Разумеется. Если бы она велела мне бежать, пока я не свалюсь замертво, я бы побежал.

— Опа тебе велела заниматься, вот и слумайся.

Подкрепившись мыслью, что образ его прекрасной дамы осеняет страницы учебника, Кросджей прилжно над ним склонился.

Однако после нескольких минут штудировки образ этот померк, и он продолжал:

— Она такая странная! Соесем как девочка, и притом настоящая леда. Я такими как раз и представлял себе принцесс! А полковник де Крей! Так и видно, что он тапцор! Скажет что-нибудь забавное, поклопится и станет в позицию — словно сейчас пустится в пляс. А знаете, я хотел бы быть таким же умным, как ее отец. Вот голова! Верно, полковник де Крей будет сегодня танцевать с нею в паре. Ах, как бы мне хотелось быть там!

— У них обед, а не танцы, — принудил себя ответить Вернон, чтобы отогнать невыносимое видение.

— Правда? А я думал, после обеда танцуют. Мистер Уитфорд, а вы видели, как она бегаает?

Вернон постучал пальцем по странице учебника.

Воцарилось долгое молчание.

— Ну, хорошо, а если сэр Уилоби начнет меня обо всем допрашивать, мисс Мидлтон в самом деле хочет, чтобы я отвечал правду?

— Разумется. Да и что ж тут особенного? Все совершенно просто.

— И все-таки, мистер Уитфорд, я уверен, ей не хотелось, чтобы он узнал про то, как мы с ней утром ходили па почту. А молодчина этот полковник де Крей! Как только ему удалось настичнуть ее и привезти назад в коляске старинны Флитча? Ну, да он взрослый, куда вздумается, туда и пойдет... Я бы и сам ее нашел, если бы меня всюду пускали. Вы знаете, я люблю мисс Дейл, но она... она очень хорошая... Но разве ее примешь за девочку? Потом с мисс Дейл, если опа что скажет, все ясно. Как она сказала, так и есть. А у мисс Мидлтон — попробуй-ка разберись! Ну, да ладно, — поступай, как самому кажется правильным, и тогда наверняка ей угодишь.

— Не подпирай голову рукой, свини локоть с книги и не отвлекайся! — скомандовал Вернон.

Мисс Мидлтон была и в самом деле ослепительно хороша в своем вечернем наряде, и, лишенный блаженства любоваться ею воочно, Вернон был бы не прочь утешиться гимнами ее красоте, льющимися из груди пылкою молодого поэта.

— Она прежде всего хочет, чтобы ты говорил правду, —

прибавил Вернон, дав таким образом своему ученику возможность открыть дискуссию, в ходе которой, со смешанным чувством зависти и одобрения, он убедился, что представления о правде у мальчика почти полностью совпадали с его представлениями о том, что было бы приятно мисс Мидятон.

Когда он уложил юного барда в постель и остался один, его охватила тоска. Читать он не мог, одолевали тревожные мысли. Он пошел в библиотеку, усеялся в кресло и, тупо уставившись в одну точку, с грехом пополам скоротал два-три часа. Если бы не глубокая печаль, заставлявшая мысль Вернона работать, несмотря на все его попытки ни о чем не думать, он бы походил на блаженного идиота, греющегося на солнце. Ах, он ничего не мог с собой поделать! Она была слишком хороша. Как бы она ни поступала, она была права. Таков был рефрен неумолчно звучащей в нем песни — песни о ее капризах, непостоянстве, непоследовательности, лукавых уловках, о ее колебаниях между добродетелью и пороком, между благородством и вероломством, о ее искренности и коварстве, ее мужестве и малодушии, о том, что она равно способна подняться до высот героизма и опуститься до бездны предательства. По мере того как он внимал этой песне, образ девушки вырастал до гигантских размеров. Разум говорил ему, что характер ее еще пребывает в расплавленном состоянии, не вылился еще в определенную форму и что причудливость ее поступков — всего лишь результат воздействия обстоятельств на порывистую молодую натуру: ведь она очутилась едва ли не в самом затруднительном положении, в каком может очутиться женщина в наш просвещенный век!

Но, думая о ней, он невольно впадал в преувеличения и, чтобы сохранить остатки трезвости, нарочно выискивал в ней отрицательные черты. А когда, осудив ее в уме, он мысленно прибавлял: «Она слишком хороша, и, как бы она ни поступала, она права», он тем самым смывал несправедливость, в которой был повинен минуту назад. Из этой стадии, казалось бы, логически вытекала следующая — стадия полного беспристрастия. Но на это он был неспособен, и попытка оценить Клару объективно тотчас терпела крах.

Да и какой философ мог бы смотреть на это лицо, в котором то проглядывал солнечный луч, то проносилось легкое дуновение зефира, то проскальзывала лукавая нимфа лесов, какой философ мог бы смотреть на него и видеть в нем всего лишь условие задачи? Сам Аристотель навряд ли бы в этом преуспел.

Ровно в полночь дверь библиотеки приоткрылась, и в нее просунулось лицо мисс Дейл.

— Я вам не помешаю, мистер Уитфорд? — спросила она, входя и тихонько притворяя за собою дверь. — Я подумала, что вам, быть может, интересно, как прошел вечер. Представьте себе, профессор Круклип в конце концов явился! Кстати, миссис Маунтстюарт полна недоумения: она говорит, что ожидала видеть вас у себя, что вы ей ничего не говорили, что она ровно ничего не понимает, и так далее, и так далее. Словом, она дала полную волю своей страсти к восклицаниям. Можно себе представить ее огорчение! Ведь профессор прибыл тем самым поездом, который она встретила!

— Я так и предполагал, — сказал Вернон.

— Бедняге пришлось часа два провести в станционной гостинице — не было ни одного экипажа. Он уверен, что схватил простуду, и не в силах подавить свое раздражение по этому поводу. О его учености я судить не берусь, но ему далеко до благодушия нашего доктора Мидлтона. Словом, вышло крайне неудачно — он испортил весь вечер! Миссис Маунтстюарт стала было за ним усиленно ухаживать, но этим лишь привлекла к нему общее внимание, и раздражение профессора передалось остальным. Она совсем потеряла голову: она была непохожа на себя. Вы скажете, не мне бы выступать в роли критика, но я всегда считала, что хозяйке следует смотреть на свой стол, как на поле сражения, предоставляя павших собственной судьбе и не допуская, чтобы командовал кто-либо, кроме нее, будь то самый прославленный генерал. Конечно, все эти мысли возникают лишь при виде чужой неудачи, и тогда мне кажется, что я на месте хозяйки с честью выдержала бы этот бой. Да я, верно, и критиковать-то отваживаюсь лишь от сознания, что самой мне никогда не придется испытать свои силы на этом поприще, которое, по правде сказать, не представляется мне особенно привлекательным.

И, не обратив внимания на улыбку, промелькнувшую на лице Вернона, Летиция продолжала:

— Миссис Маунтстюарт предоставила выбор темы профессору, а он только и говорил что о какой-то молодой особе, которая, как ему доложили, незадолго до него сидела в этой же гостинице и вдвоем с каким-то джентльменом потягивала горячую воду с коньяком.

— Откуда он об этом узнал? — воскликнул Верноп, пораженный коварством судьбы.

— От хозяйки гостиницы, которая пыталась его утешить. Да, и еще он рассказывал, со слов все той же хозяйки, будто та снабдила эту особу своими чулками и башмаками, покуда сушилась ее собственная обувь. Профессор неплохой рассказчик, и его язвительная манера производит впечатление. Весь стол принялся гадать, откуда появилась эта эксцентричная особа, живет ли она где-нибудь по соседству и как могло случиться, что она рискнула отправиться в такую погоду пешком. Я слушала с болью. Увы, я не могла сомневаться в личности дамы, о которой шла речь!

— А она?

— И глазом не моргнула!

— А Уилоби — он на нее смотрел?

— Да, по без тени подозрения сначала.

— Сначала?

— Полковник де Крей всячески старался нас отвлечь и был чрезвычайно забавен. Миссис Маунтстюарт под конец даже сказала, что ему следовало бы выплатить премию за спасательные работы. Сэр Уилоби тоже говорил неплохо, но в его речах слишком уж чувствовалась горечь. Он говорил умно, но со злостью. Ему не хватает беспечности полковника де Крея, позволяющей тому молоть всякий вздор ради увеселения общества. А когда мы перешли в гостиную, даже полковник растерял последние остатки своей безмятежности. Я сидела подле миссис Маунтстюарт, когда к ней подошел профессор Круклин, и слышала, как он заговорил с ней о «вот этом джентльмене» и об «этой молодой даме», кивая в сторону полковника де Крея и мисс Мидлтоп, так что уже нельзя было сомневаться, кого он имел в виду.

— И что же, она тотчас сообщила это Уилоби?

— Ну, нет! Полковник де Крей не отпускал ее ни на шаг. Он неустанно за ней ухаживал. У него трезвая голова, хоть он и кажется болтуном. Он изо всех сил занимал своей болтовней миссис Маунтстюарт и ее гостей.

— Следовательно, Уилоби не знает?

— Трудно сказать. Когда мы прощались, он задержался на минуту возле миссис Маунтстюарт. У нее было странное выражение лица, и я слышала, как она произнесла слово «плутовка». Он засмеялся. Она пожала плечами. По дороге домой он ни разу не раскрыл рта.

— Ну, что ж, предоставим дальнейшее естественному

ходу событий,— сказал Верноп с тем философским видом, за которым так часто прячется отчаяние.— Уиллоби получил по заслугам. Взрослый человек должен понимать, что нельзя искушать судьбу, связывая молодую женщину словом, наперекор ее желаниям. А эти двое... они испытывают взаимное влечение... Оба опи... Словом, они встретились, и этим все сказано. Ни ему, ни ей не откажешь в блеске. Он обладает даром убеждения. Другой, будь у него ангельское красноречие, ничего бы не добился на его месте. Я сказал ей все, что мог,— и безуспешно. Что поделаешь — такова природа сердечных влечений! Уиллоби, напротив, действует на нее отталкивающим образом. Я примерно в таком же положении или, вернее, был бы в таком положении, если бы она связала себя словом со мною. Впрочем, я бы находился в нем ровно пять минут — срок, потребный для того, чтобы объявить ей по всей форме отказ от всяких притязаний на ее свободу. Надо быть безумцем, чтобы вообразить, что такая девушка... Если она разлюбила, значит, разлюбила — и все тут! Угасшего чувства не оживить. Все эти уловки, попытки ее удерживать, нежелание выслушать — лишь увеличивают ее отвращение, и она, в свою очередь, учится лукавить. Вот и сейчас, разве не хитростью удержали ее в Большом доме, нарочно так подстроив, чтобы доктор Миддлтон не захотел его покинуть? Разве я не прав?

Заручившись молчаливым согласием собеседницы, Верноп продолжал:

— Нет, она ни в чем не виновата. Она была с ним откровенна, а он не захотел ее выслушать. Остается лишь вопрос: будет ли она верна своему слову или нарушит его? Поступится ли условным попятнем чести или пойдет против своей природы? Где больше истинного бесчестья? Разве нам с вами не ясно, что ей следует прислушаться к велению своего сердца? Это один из тех редких случаев, когда единственным оракулом может служить природа.

— Да, но знает ли она, чего хочет ее сердце?

— Для меня это не подлежит сомнению. Я удивляюсь только одному — что она вернулась. Должно быть, по совету де Крея—он как-никак обладает житейским опытом. Он... Впрочем, у меня никогда не было дара убеждения, и моя неудача, конечно, не в счет.

— Но такая внезапная близость!

— Это и есть пресловутое — «с первого взгляда». Он появился на сцене в счастливую минуту — счастливую, ра-

зумеется, для псго. Пигмей может показаться великаном, если он правильно рассчитывает свой выход. А вы сами — разве вы не почуяли опасность со второго или с третьего взгляда, которыми они обменялись? Ведь это вы советовали мне здесь задержаться, хоть доля пользы, которую принесло мое пребывание, микроскопически мала по сравнению с неприятностями, какие я здесь терплю.

— Это было противно вашим желаниям, я знаю, — произнесла Летиция, тут же испугавшись собственной бестактности: одна мысль, что Верпоп мог подумать, будто она пытается зондировать его в столь деликатном вопросе, заставила деликатную мисс Дейл внутренне сжаться.

Верпоп и в самом деле насторожился.

— Да, это отчасти шло вразрез с моими планами, — ответил он. — Впрочем, мы оба, — и вы и я, — кое-что предвидели, не правда ли? Это и не удивительно, ибо, подобно большинству пророков, мы основывали свои предчувствия на фактах, о которых догадаться не составляло особого труда. Для уготованной роли, как мы уже говорили, годился бы и пигмей, а полковник отнюдь не пигмей — он хорош собою, симпатичен и умен.

— Но ведь он — друг сэра Уиллоби!

— Дружба в делах такого рода!.. В подобных случаях принято сваливать вину на Певорожденную.

— Вы исповедуете языческий фатализм?

— Нынче это называют Природой. Ученым угодно ссылаться на естественный отбор. Взгляните на нашу парочку! Оба изящны, обаятельны и остроумны, оба радуют сердце и глаз, — словом, эти двое, что называется, созданы друг для друга. Его можно поить. К тому же его вина еще не установлена. Мы знаем лишь одно: к чему это ведет. Если у вас подвернется случай дать Уиллоби дружеский совет, — а вам это более с руки, чем мне, ибо уже одно то, что я слишком много знаю, должно его раздражать, — наемните ему, что у вас тоже открылись глаза. Его безрассудный страх перед общественным мнением мешает ему видеть вещи в их истинном свете. Едва Уиллоби почудится, что ему грозит разоблачение, он начинает плести паутину и уже ничего кругом себя не видит. Хитроумная эта паутина застилает ему глаза, и он первый в ней запутывается. Он сам себе роет яму, он торопит события! Скажите ему, что ее желание уехать непереложно. Назовите ее безумной, чтобы его успокоить. Иначе в одно прекрасное утро он проснется — и тогда

слова... еще раз!.. А ведь это непременно случится! И ему уже не на кого будет пенять, кроме как на себя. Впустите ему каплю вашего философского отношения к жизни.

— А если у меня самой нет ни капли философии?

— Позвольте вам не поверить. Но, так или иначе, у вас есть нечто большее. Философия бывает двоякого рода. Моя философия — плод безразличия, ваша — преданности.

— Сомневаюсь, чтобы сэр Уиллоби избрал меня своей наперсницей.

Вернон задумался.

— Никогда не знаешь, чего от него ожидать, — сказал он после паузы, — ибо не знаешь, какова температура той центральной точки его души, от которой исходят импульсы его поступков. Он очень скрытен. Я, как видите, чересчур философ, и поэтому от меня толк небольшой. Если я кого и осуждаю, то тех, кто стоит за сохранение оков во что бы то ни стало. И чем скорее я уеду... Словом, я не могу здесь долгие оставаться. Значит, не удалось, говорите, столкнуть доктора Мидлтона с профессором так, чтобы от этого столкновения зажглась искра?

— Доктор Мидлтон был во всеоружии и с места в карьер предпринял атаку, но профессор Круклин только дрожал да пожевивался. Он повторял на все лады один и тот же усеченный гекзаметр: «О, эта станция, эта гостиница!» Всех разжалобил. Бедняге, видно, и в самом деле досталось.

— Должен же кто-то страдать!

— Да, но почему это должен быть ни в чем не повинный человек?

— Да просто потому, что он вовремя подвернулся. Впрочем, бывает и так, что Фридолину удастся избежать огненной печи и в нее в конце концов попадает виновный. Профессору не пришлось бы претерпеть все эти страдания, если бы он не изменил себе и, против обыкновения, не поспел бы на поезд. Потому-то и получилось, что его случайная удача так неудачно для него обернулась.

— И вы не заметили его на платформе?

— Я не знаю профессора Круклина в лицо, к тому же я думал только о том, как бы поскорее увезти миссис Маунтстюарт.

— Она утверждает, что нарисовала вам его портрет: «Лицо цвета коровьего вымени, рыхлое, как тефтелька, а общий облик — святого без нимба».

— Сравнения миссис Маунтстюарт отличаются поразитель-

тельной меткостью, но она забыла описать мне его со сна, а я видел всего лишь узкие покатые плечи и покоившуюся на них широкополую шляпу. Я ей сообщил, что, кроме какого-то старого джентльмена в черном, я больше никого не встретил. Она так верит в свой дар портретиста, что тотчас захотела уехать... Мисс Мидлтон собиралась в Лондон. Но тут подоспел полковник де Крей и за пять минут добился того, чего я не мог добиться за полчаса.

— И вы не заметили, как мимо вас проехал полковник де Крей?

— Я свое дело сделал и не хотел быть лишним. К тому же я боялся, как бы миссис Маунтстюарт не вздумала отправиться на розыски своего профессора сама, и хотел заставить ее покинуть станцию как можно скорее. Я дал ей понять, что погибаю от холода.

— Да, да, она рассказывала, что вы ходили на виллы, между зубьями которых так и свистел ветер.

— Видите, как легко провести человека, который упирается фразой. Берегитесь фразы, мисс Дейл! Она ослепляет, мешая проникнуть в суть явления. Потому-то людям типа миссис Маунтстюарт так мало дано увидеть: они слишком увлечены подбором блестящих эпитетов. Впрочем, это добрая душа, и я как раз нынче вечером подумал, что было бы неплохо, если бы мисс Мидлтон поговорила с миссис Маунтстюарт начистоту. Как знать, не помог ли бы такой разговор разрубить этот узел? Никто не имеет такого влияния на Уиллоби, как миссис Маунтстюарт. Уже одно то, что она будет в курсе событий, может сыграть решающую роль. Впрочем, чтобы сделать такое признание, мисс Мидлтон потребовалось бы немало мужества. Покойной ночи, мисс Дейл!

— Покойной ночи, мистер Уитфорд! Вы не сердитесь, что я вам помешала?

Вместо ответа Вернон пожал ей руку. Провожая мисс Дейл взгляду, он вспомнил всю ее историю и подумал, что кузена Уиллоби постигла заслуженная кара.

Да, да, друзья мои, рано или поздно всем вам, если вы не вовсе лишены здравого смысла, придется убедиться, что всякий, кто обидит малютку Купидона,— будь то мужчина или женщина,— понесет за это примерное наказание.

Мисс Дейл меж тем, расставшись с Верноном, думала о схожести его судьбы со своею: они оба как бы потускнели от горестных переживаний, выпавших на их долю. Смат-

ние, в какое ее повергло все происходящее, мешало ей заглянуть под маску невозмутимости, за которой прятался Вернон. Она сетовала, что не обладает его холодным чувством долга, и хоть и не могла понять, как Вернон мог оставить мисс Мидлтон в жертву блистательному полковнику, не решалась допытываться о его мотивах. Они, должно быть, находились в полном соответствии с философией, которую он исповедовал.

Поравнявшись со спальней юного Кросджея, она вдруг увидела, как дверь из этой комнаты открылась и из нее высунулась голова сэра Уилоби.

— Не пугайтесь, — сказал он, выходя из спальни и прикрыв за собой дверь. — Это я.

Однако приглушенный голос, каким он произнес эти слова, и выражение его лица были таковы, что не испугаться было мудрено.

— Вы устали? Хотите спать? — спросил он.

Она уверила его, что не собиралась спать, а что, напротив, хотела еще почитать часок.

Он попросил ее подарить этот часок ему.

— Дружеская беседа принесла бы мне облегчение, — сказал он.

Ей и в голову не пришло, что Уилоби ее подстерегал. Было что-то бесконечно трогательное в том, что он заглянул к мальчику среди ночи; сердце ее сжималось от жалости к Уилоби, и она уступила его странной просьбе. Старухам не пристало жеманиться, подумала Летиция, и даже если ее полночная беседа с Уилоби сделается достоянием молвы, не беда: ведь он обратился к ней, как к старому другу — и старому другу и старой-престарой женщине. Она твердо решила тотчас же пресечь всякую его попытку намеками (а она слишком хорошо знала, сколь он искусен в такого рода разговоре, слишком часто доводилось ей трепетать от его обиняков и недомолвок!) возвратиться к некоему старинному проекту, о котором она и сама, наедине с собой, позволяла себе думать одними намеками.

Они прошли несколько шагов по коридору, откуда он провел ее в гостиную мисс Эленор и мисс Изабел.

— Обманут! — воскликнул он, зажигая свечи на камине, и сердце Летиции исполнилось сострадания.

Произнесенное им слово не имело ни малейшего отношения к ее собственной судьбе и позволяло, откинув всякую настороженность, пожалеть его от всей души,

Сэр Уиллоби прибегает к пафосу, и безуспешно

Оба уселись. Он не спешил нарушить молчание, предпочитая, по-видимому, с меланхолической задумчивостью любоваться ее темными опущенными ресницами. На щеках ее проступил румянец, черты лица еще хранили оживление, вызванное застойной беседой. Как знать — быть может, общество, отсутствие материальных забот и счастливая жизнь вернули бы ей краски молодости? Сейчас, глядя на ее румянец, такое предположение не казалось Уиллоби невероятным.

Но вот она подняла глаза. Дольше молчать становилось неловко.

— Вы были бы способны простить обман? — начал он.

— Боюсь, сэр Уиллоби, что это было бы свыше моих сил. Я всей душой стою за прощение. Но не знаю, способна ли я сама прощать. Хотелось бы сказать: да.

— И вы могли бы жить с тем, кто вас обманул?

— Нет.

— Разумеется, нет. Я мог бы сам за вас ответить. Нет, с тем, кто нас обманывает, союз невозможен... Летиция!

— Сэр Уиллоби?..

— Неужели я не вправе называть вас по имени?

— Если вам угодно...

— Я говорю все, что приходит мне в голову, а в голову мне приходит то, что я меньше знаю некую мисс Дейл, нежели мою дорогую Летицию, — ах, вернейший мой друг! Вы говорили с Кларой Миддлтон?

— Да.

Было что-то злое в лаконичности ее ответов, и он снова спрятался в клубы туманностей.

— Так вот, возвращаясь к вопросу об обманщиках. Не кажется ли вам, что, прощая и попустительствуя им, мы тем самым способствуем разращению общества, ибо ложь выдает за правду? Ведь это все равно; Летиция, — на устах Уиллоби блуждала вымученная улыбка ребенка, еще не оправившегося от тяжелой болезни, но возвратившегося к своим игрушкам, — все равно что пускать в обращение фальшивую монету!

— Да, но был ли обман?

— Помимо инстинктивного отвращения, какое вызывают у меня обман и фальшь в любом обличье, я считаю своим непременным долгом разоблачать ложь, карать ее, гнать без оглядки. Да, гражданский долг честного человека — с корнем истреблять этот омерзительнейший из пороков. Должен признаться, впрочем, что собственная моя гражданственность не простирается дальше пассивного отвращения. Но прощать я не прощаю: в душе я отношусь к этому всерьез и не могу простить обмана... Между двумя враждующими силами, разделяющими общество, возможно одно лишь показное перемирие. Подлинного мира между ними я не допускаю!

Она метнула в него быстрый взгляд.

— Силы добра и зла! — выкрикнул он.

Лицо ее выражало недоумение и глубокую тоску.

— Но ведь всякая вера зиждется на разграничении добра и зла, — продолжал он, приписывая набегавшие на ее чело морщинки тому, что она осуждает нехристианский дух его речей. — Такое разграничение вы найдете и у христиан, и у индусов, и у персов — повсюду. Оно основано на общечеловеческом опыте. Обман и искренность несовместимы. Правда должна убить ложь, иначе ложь убьет правду. Нет, я не прощаю. Единственное, на что я способен, это сказать обманщику: изыди!

— Но так оно и следует! Это великодушно! — воскликнула Летиция, радуясь, что может одобрить его и заглушить ропот, поднявшийся было в ее строгой душе. К тому же и участь Клары таким образом решалась благополучно.

— Быть может, я и способен к великодушию, не знаю... — как бы вслух подумал он — и остановился, чтобы дать ей возможность торжественно и с жаром подтвердить, что все его поступки носят на себе печать великодушия и благородства.

Летиция этой паузой не воспользовалась.

— Впрочем, — продолжал он, задетый ее молчанием, — свет признает только то, что на потребу дня. Люди, видно, меняются: с годами мы перестаем быть героями. Сам я, например, не замечаю в себе перемены: нет, я этого обвинения не приемлю. Единственное, в чем я изменился, это в своих честолюбивых — назовем это так — стремлениях. Их я начисто лишился. Да и что такое честолюбие? Призвание собственного несовершенства, не более! Желание выделиться говорит лишь о сознании своей посредственности. Зато я

по-прежнему дорожу мнением тех, кто дорог моему сердцу. Вы скажете — это слабость? Допустим — но, во всяком случае, не постыдная.

Летиция ломала голову, пытаясь сообразовать эту тираду со всем предшествующим разговором. Она терялась в догадках, ибо не знала «температуры центральной точки его души», как, шадя ее кумира, туманно выразился Верноп.

— Ну что ж, — продолжал он, снова не дождавшись ее реплики, — быть может, я изменился не только в том, что утратил страсть первенствовать повсюду, быть может, во мне несколько ослабла жажда всех тех развлечений, которые свойственны джентльменам моего круга. Меня уже не увлекает мысль о чистокровном жеребце... хотя когда-то, признаться... Да и охотничья свора — тоже. А ведь было время, когда я поставил себе целью сделаться обладателем самой лучшей псарни и самых резвых скакунов в королевстве. Какое ребячество! Много ли чести от того, что обладаешь чем-то таким, чего нет у других, или от того, что сам в чем-то искусен, чем другие? Ведь, по существу, от этого не становишься выше. Гоняясь за превосходством такого рода, мы лишь признаем собственное ничтожество. Да и что с того, что мы достигнем этой цели? Положим, кони мои хороши, все ими восхищаются, во всем графстве нет им равных. А дальше что? Ведь это всего лишь лошади, ведь все хвалы расточаются не мне, а моей конюшне. По правде сказать, такая слава меня не прельщает. Меж тем я знаю людей, которые с жадностью глотают комплименты, предназначенные четвероногим, и таким образом признают себя чем-то вроде кентавров. Поистине, удивления достойно ничтожество тех, с кем трешься бок о бок на житейском торжище! И можно только позавидовать простодушию наших предков, которые тешились этими пустяками и даже гордились ими. Я, например, считаюсь метким стрелком. По этому поводу я могу сказать одно: «Адресуйте ваше восхищение, господа, моим предкам, от которых я унаследовал твердость руки и остроту зрения. Меня эти восторги ни в коей мере не касаются». Я равнодушен к любой хвале, если она относится не ко мне, не к моей личности, сути моего «я». С вами, Летиция, я могу говорить, как не говорю ни с кем, и вы можете мне поверить, если я вам скажу, что восхищение, — а в молодости, как вам известно, я буквально плавал в лести, да и что было делать: если бы я не научился плавать, я бы утонул! — восхищение, говорю я, преимуще-

ствами, коими одарила меня природа, потеряло для меня свою сладость. Итак, если я переменеюся, припишите это росту во мне духовного начала. Все мы смертны, все подвержены земным законам, а стало быть, и перемене. Могу прибавить, что среди помещиков не принято посвящать себя науке. Но таково уж веяние времени, и я, должно быть, почувствовал его инстинктивно, когда еще студентом покинул классическую филологию ради естественных наук. Таким образом, мне удалось избежать свойственной классикам самонадеянно-властной манеры, забавный образец которой вам довелось наблюдать сегодня в карете, когда мы с вами ехали к миссис Маунтстюарт. Точные науки — занятие более скромное и, если угодно, более кропотливое. Они имеют дело с фактами, а овладев фактами, вы овладеваете умами, и вам незачем прибегать к надменному краснобайству филологов, щеголяющих красивыми оборотами, пестрыми и нарядными, словно личная охрана папы римского! Разумеется, нельзя не склонить голову перед Непогрешимым — да и как же иначе, когда штыки его наемных великанов упираются вам в грудь!

Сэр Уиллоби сделал здесь передышку, чтобы дать мисс Дейл возможность — с присущей ей женской деликатностью — выразить свое согласие с его завуалированным выпадом по адресу доктора Мидлтона в отместку за его неблаговидное поведение в карете.

Мисс Дейл, однако, промолчала.

Она мысленно корила Клару за непоправимый урон, который та нанесла ее сердцу: слушая разглагольствования сэра Уиллоби, она чувствовала, что оправдывает ее в душе. Собственная застарелая боль заговорила в ней, и она взглянула на сэра Уиллоби новыми глазами: такого человека можно простить, можно даже пожалеть, но удивить ее он уже ничем не может.

«Центральная точка» в душе сэра Уиллоби меж тем достигла полного накала, и он немного воспрянул духом; однако тех заключительных нот, которые он так любил слышать из женских уст, этой подчиненной гармонии, которую ждешь после того, как солирующий инструмент исполнит свою партию, не последовало. Хоть бы два-три такта! Летиция молчала. Бедняжка, должно быть, — как это с ней бывает, — слишком подавлена его вниманием. В ней дрожит каждый нерв, и она не в силах выказать ни умственных, ни музыкальных своих способностей. Впрочем, до сих пор он

всегда мог рассчитывать на ее музыкальность... Или уж слишком она ему соболезняет? Но разве есть для этого основание? Неужели эта отчаянная, безрассудная девица сделала ее своей наперсницей? О, бесстыжая дочь высокомерного родителя! Быть может...? Но нет, это было бы слишком ужасно (мысль эта, ударив его по сердцу, тотчас со звоном от него отскочила)... Неужели Летиция полагает, что здесь крестя нечто большее, нежели обычная любовная размолвка... Измена?! Или она слышала о сопернике? Быть может, ей известно нечто такое, чего еще не знает он сам? Стоило задеть пресловутую центральную точку, как Уиллоби становился ясновидящим. Итак, Летиция знает все. Следовательно, ему остается прибегнуть к пафосу.

— Ну, так вот, — продолжал оп, — я остановил свой выбор на Науке. Пусть я кажусь среди моих соседей белой вороной, это объединяет меня со всеми, кто стремится вперед, кто ступил на путь прогресса, — о, я знаю, что самое слово «прогресс» является для некоторых едва ли не бранимым! Как вам поправился вечер у миссис Маунтстюарт?

— Чрезвычайно.

— Послезавтра миссис Маунтстюарт обедает у нас со своим профессором. Вы удивлены? Вы как будто вздрогнули.

— Я не слышала приглашения.

— Мы договорились за столом. Нас ведь с вами разлучили; когда я пожаловался хозяйке на ее жестокость, она сказала, что мы и так слишком много бываем вместе и что мне полезно иногда с вами разлучаться. Ни с тем, ни с другим я, разумеется, не согласился. Я могу ошибаться, не знать своего сердца, но о том, что мне вредно, а что — полезно, позвольте мне судить самому. И пусть я в молодые годы совершил вопиющую ошибку, уже одно это, — если вы, конечно, признаете во мне наличие ума и сердца, — уже одно это должно служить доказательством, что теперь я стал мудрее. Увы, я убедился на собственном опыте, что мудрость есть боль! Но пусть, пусть, говорю я, если нельзя достигнуть мудрости иначе, как через страдание, я готов страдать! Вы со мной не согласны, Летиция?

— Это хорошо сказано.

— Сказано от души. И оценить это может лишь тот, кто сам страдал.

— Бывает, что человек страдал так долго, что уже не в силах мечтать ни о чем, кроме покоя.

— Верно. Но вы... вы сами?

— Из всех земных даров я молила бы о покое.

Сэр Уиллоби удостоил ее улыбкой.

— Я недаром сейчас вспомнил гвардейцев папы в их разноцветных камзолах. Когда я был молод, их наряд меня порастил. Говорят, у них теперь другая форма. А жаль! Это одно из самых ярких моих воспоминаний о Вечном Городе. Они действовали на мое чувство юмора, которое, как вы знаете, у меня развито до чрезвычайности. Мы, англичане, обладаем чувством юмора. Оно первым отзывается на все, что мы видим, когда попадаем в Европу, и не покидает нас все время путешествия. Юмор, иначе говоря, реакция здравого смысла на всякую нелепость — характернейшая наша черта. Я, однако, не позволяю себе слишком бурных проявлений этой национальной особенности, а просто беру на заметку все комичное, что вижу в людях, и впоследствии запечатлеваю это в своих письмах. Ну, да вы их читали — большую часть, если не все.

— Да, я читала ваши письма.

— О, я был с вами все время! Но я хотел сказать — и эти телохранители напомнили мне, — что вы ведь не бывали в Италии. Как я об этом всегда жалел! Уж кому-кому, а вам следовало бы побывать в Италии, вы созданы для Италии. Я не знаю никого, ни одной женщины, о ком бы я мог это сказать. Никого, с кем я чувствовал бы себя там в столь полной гармонии. Италия и Летиция! Как часто в мыслях своих произносил я рядом эти два слова! Впрочем, я не оставляю надежды. Ведь вы тут совсем закисло. Даже небольшой вечер, как сегодняшней, вас оживляет. А как бы на вас подействовало путешествие и этот благодатный климат! Вы любите историю и стихи. Что касается стихов... Я еще не набрел на ту строку, которая выразила бы и десятую долю того, что я испытываю при лицезрении красоты и величия, — десятую долю тех глубоких мыслей, что приходят в голову, когда мне случается погрузиться в задумчивость. Вы скажете, у меня слишком прозаический ум. Но нет, я способен чувствовать, только чувства мои так интенсивны, что я не нахожу им соответствия в поэзии. Поэзия, по самой природе своей, не может быть искренней. А я стою за искренность. Все, что трогает наше чувство, должно возникать стихийно, а не через посредство ремесла. Вы сторонница поэзии, я знаю, и только вы одна и могли бы обратить меня в свою веру. Зато история! Тут уж я с вами, целиком. Бродить среди развалин — ночь, сквозь арки черной

громады амфитеатра струит свое сияние лунный свет. Лунный свет Италии!

— Там вы, надеюсь, не стали бы смеяться, сэр Уилоби? — произнесла Летиция, пытаясь вернуться к действительности и выйти из одупления, в которое ее погрузили его бессвязные речи.

— Мне кажется, что и вы, если я в вас не ошибся... — Сэр Уилоби сбился с тона... — Вы ведь не из тех, кто поддается неуместным ассоциациям, как другие, и чувство нелепого вас...

— О, я понимаю, как оно может действовать! Во всяком случае, я способна понять, что может показаться забавным иному. Но в римском Колизее мне было бы не до смеха. Ах, нет, сэр Уилоби, я бы не вынесла насмешки в Колизее!

Летиция, по-видимому, приняла его слова всерьез, раз она так настойчиво призывала его не смеяться в Колизее.

— К тому же, — продолжал он, — вы бы прекрасно ужились с моими тетушками. Ах, Летиция, это замечательные женщины. Ни в Италии, ни дома я не мог бы себе представить, что они de trop, лишние. Впрочем, здесь, быть может, я недостаточно беспристрастный судья.

— Это прелестные, приятнейшие дамы, — сказала Летиция с жаром, — и я очень их люблю.

Ее энтузиазм был вызван отчасти тем, что она, как ей казалось, поняла, наконец, к чему клонит сэр Уилоби: он, должно быть, намерен повезти ее и тетушек в Италию — разумеется, после того, как возвратит мисс Мидлтон свободу. Это было по-настоящему великодушно с его стороны. Да он и был великодушен — Летиция помнила, каким он был в юности, помнила щедрость, с какой он разбрасывал золото и серебро! В последующие годы, должно быть, произошло какое-то недоразумение, и он нечаянно дал повод к неверному толкованию своих поступков.

Летиция вспомнила рассказ Клары о посольстве тетушек в библиотеку, и ее осенила дерзкая мысль: ну, конечно же, сэр Уилоби хотел этими словами дать понять, что считает ее способной оценить общество тетушек — дома ли, за морем ли, все равно, — в то время как мисс Мидлтон, по его предположениям, должна была ими тяготиться.

— Ведь вы согласились бы с ними путешествовать, правда?

— Разумеется, согласилась бы!

— Честно?

эти-то флейтовые нотки и погубили его в глазах мисс Мидлтон.

Интуиция подсказывала ему, что единственный способ растопить сердце Летиции — это разжалобить ее. Но в том-то и заключалась трудность: он видел, что ей кое-что известно о его плачевном положении, но не думал, чтобы она была посвящена в истинные размеры катастрофы. С одной стороны — ему хотелось ее растрогать, с другой — не хотелось себя выдавать, поэтому свою роль мученика любви ему пришлось играть как бы в рыцарских доспехах, а они мешали увидеть, как вздымается его грудь от любовных вздохов.

У жалости свои приливы и отливы, и того, кто пытается ее пробудить в другом, волна подчас сбивает с ног, крутит по своему произволу и шваркает о берег вместе с его броней и латами, вынуждая принимать позы настолько мало героические, что впоследствии стыдно вспомнить. Да, когда хочешь выжать слезу у другого, трудно сохранить достоинство! Надо полагать, что и Моисею, этому почтенному законодателю, пришлось ловким прыжком отпрянуть от скалы, из которой он исторгнул воду.

Как бы то ни было, сейчас сэр Уиллоби представлялось необходимым утвердиться в своей власти источать слезы из глаз Летиции.

Он приступил к делу поначалу несколько неуклюже и неуверенно — мешали все те же рыцарские доспехи: руке, облаченной в железную рукавицу, нелегко поднести к глазам платок!

— Что такое человек? Как кратковременно пребывание его на земле! — воскликнул он. — Казалось бы, живи в свое удовольствие, утоляй свои аппетиты, — чего же больше? Право, я сам порою задумываюсь — почему бы и мне так не жить? Ведь к моим услугам все. И вот, подите, я почему-то должен стремиться к какому-то высокому идеалу — вернее, к тому, что в слепоте своей я припал за идеал. Вы, верно, слышали об инстинкте охотника: неподвижная цель не привлекает его. Таковы и мы в наши молодые лета — мы играем счастьем, пренебрегаем им и стремимся к тому, что слепит нас своим сиянием.

— Мы становимся мудрее, — сказала Летиция.

— Да, но какой ценой!

С этим возгласом он ощутил новый прилив жалости к себе.

— Ценою половины жизни, ценою всех наших надежд и

упований! — произнес он с неподдельным пафосом. — Да, мы станем мудрее, и личность моя, пожалуй, теперь содержательнее, нежели тогда, когда я был счастлив. Но сколько я потерял! Душевная свежесть — то же здоровье. Утратив ее, мы превращаемся в калек. Ах, нет, мой друг, бесценный друг, не отнимайте у меня ваши пальчики! Они для меня что обломок корабля для потерпевшего кораблекрушение. Я их отпущу, не бойтесь. Но, поверьте, Летиция, они — все, что у меня осталось!.. Мы говорили об обмане. А каково узнать правду! Когда та, которую ты боготворишь, стоит перед тобой развенчанной, и ты даже лишен жалкого утешения — знать, что кумир твой был достоин обожания!.. Что может быть горше этого? Если бы та, на кого мы молились, умерла, можно было бы, по крайней мере, боготворить ее память. О, лучше смерть! Какое счастье, что вам не дано испытать такого — знать, что вам предпочли человека, который неизмеримо ниже вас... А все из-за того, что вы вверили ваше сердце пустой, ветреной эгои... Впрочем, к чему эпитеты? Змея останется змеей, и даже если подобрать для нее столько же бранных слов, сколько на ее коже пятен, она от этого не сделается ни лучше, ни хуже... Но одиночество! Но мрак! Светоч погас. Чувство собственного достоинства запрещает любить, но упрямое сердце не желает повиноваться. Мы унижаемся, пресмыкаемся в пыли, отказываемся от чувства собственного достоинства, готовы подражать жалкому образу, которому нас предпочли, идем на все — и взываем к справедливости, словно молим о прощении...

— О прощении! Когда это вас должны о нем молить, когда перед вами так виноваты... — пролепетала Летиция, еле владея собою. Она вспомнила, как некогда и сама, подавленная горем, в своем стремлении обелить того, кто ей это горе причинил, пыталась во всем винить себя и в тайных своих молитвах просила о прощении: и, вспомнив это благородное чувство, прониклась жалостью к душе, изнывающей под таким же бременем. И хоть на самом деле между тем ее чувством и теперешним состоянием сэра Уиллоби не было ни малейшего сходства, одно слово «прощение», произнесенное им, всколыхнуло в ней все пережитое. Губы ее дрожали, глаза увлажнились, и слезы брызнули из них.

Он не мог разобрать ее слов, но понимал, что они выражали сочувствие; ее волнение было в том порукой. Он нашел то, что искал: женщину, готовую преклониться перед ним во веки веков. Да, такая женщина существует, он получил

этому неопровержимое доказательство. Женщина, которой ему удалось внушить самозабвенную жертвенную страсть! В любую минуту, когда ему заблагорассудится, он может обратиться к ней, в уверенности, что встретит горячее, восторженное сочувствие.

В Летиции и в самом деле — должно быть, по закону симпатии — забили ключом те чувства, которые Уилоби безуспешно стремился вызвать в себе.

Он поцеловал ей руку.

— Не плачьте, Летиция, — сказал он, поднявшись с кресла и склонившись над нею в позе утешителя. — Вы видите, я не плачу. Помогите же мне справиться с собой, не лишайте меня остатков мужества.

Тщетно старалась она унять слезы; разбуженная жалостью память о долгих годах собственных страданий должна была излиться дождем.

— Я не могу больше оставаться... я должна идти... покойной ночи, сэр Уилоби, — пролепетала она.

Испугавшись, что он слишком унизился перед ней и позволил пафосу увлечь его дальше, чем входило в его расчеты, он сказал:

— О Кросджее поговорим завтра. Он оказался наглым лгунишкой. А всякая ложь, как я уже говорил, оскорбляет меня до глубины души. Но вы устали. Покойной ночи, дорогой друг!

— Покойной ночи, сэр Уилоби!

Летиции наконец удалось покинуть гостиную.

Поднимаясь к себе из курительной, полковник де Крей встретил ее и пожелал ей доброй ночи; ее покрасневшие веки не ускользнули от его внимания. Затем, проходя мимо комнаты, из которой она вышла, он заметил сэра Уилоби, но почему-то — не отдавая себе отчета в причине своей сдержанности — предпочел с ним не заговаривать.

Перебирая в памяти разыгравшуюся сцену, наш герой остался собой доволен; он уверился в своей власти хотя бы над одной женской душой. А ведь Клара так его истерзала, что он начал уже сомневаться и в этом. Разумеется, одна женщина — не бог весть что, но голод, который ему довелось испытать в течение последних нескольких дней и — в особенности — часов, заставил его наброситься и на это скромное пиршество с жадностью, не лишеной, правда, оттенка пренебрежения. Эта победа, пусть и ничтожная, была его крепостью, оплотом, одновременно копьем и щитом, при-

крытием и источником силы. Теперь он мог смело предстать перед Кларой. Если она будет упорствовать в своей дерзости и непокорстве, он не одинок, не беззащитен. Он уже предвидел комбинацию, которая поможет ему, — разумеется, только на худой конец, — с честью выйти из положения в глазах света. А покуда его патетические эзерсисы вызвали у него приятную сонливость. Итак, Уилоби был доволен.

Довольны были и бесенята, к нему приставленные: и еще долго после того, как наш осторожный джентльмен вверил себя Морфею, так и не решив, заслуживает ли Летиция прощения в будущем за то, что он вывернулся перед ней наизнанку, отплясывали они свой лихой танец вокруг его изголовья.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

*Летиция Дейл замечает в себе душевную перемену,
а доктор Мидлтон в себе — физическую*

На следующий день, рано поутру, Клара, едва увидев Летицию, оставила полковника де Крея, с которым болтала под окнами сэра Уилоби, и двинулась через газон навстречу подруге. Полковник только что вернулся с утреннего купанья и пощелкивал мокрым полотенцем на манер дрессировщика, меж тем как Кросджей резвился вокруг него, как цирковая лошадка.

— Милая, я в таком горе! — воскликнула Клара.

— Милая, у меня для вас новости, — ответила Летиция.

— Правда? Но вы знаете, что бедного мальчика изгоняют отсюда? Этой ночью Уилоби ворвался к Кросджею, вытащил его сонного из постели и принялся допрашивать, пока тот не рассказал ему всей правды. Я рада, конечно, что Кросджей сказал правду, но он будет изгнан из Большого дома за то, что прежде лгал — а лгал он, чтобы выгородить меня и, откровенно говоря, по моему приказанию. Мы тут сейчас решили, что Кросджею следует весь день держаться подальше от дома, и взяли с него обещание, что вечером он явится и попробует испросить себе прощения. Вы должны мне помочь, Летиция.

— Вы свободны, Клара! Вам остается только сказать, что вы хотите свободы, и вы ее получите.

— Как это понять?

- Он вас отпустит.
- Вы уверены?
- Этой ночью мы с ним долго беседовали.
- И этим я обязана вам?
- Вы мне ничем не обязаны. Он сам вызвался вернуть вам слово.

Клара воздела очи к небу.

— Профессор Круклин. Понимаю. Я об этом не подумала!

— Зачем вы отказываете ему в великодушии, Клара! Вы несправедливы.

— Дайте срок, милая Летиция. Я стану более чем справедлива — со временем. Я научусь трубить ему хвалу, читать лекции о величии мужской души, которое постигается по мере того, как мы ее узнаем. Покуда же мы постигли ее лишь наполовину и еще несправедливы в своих суждениях. Но не обманываетесь ли вы, Летиция? И он не собирается говорить с отцом? Вы уверены, что тут нет ошибки? Я так взволнована! Я чувствую себя полным ничтожеством. Я начинаю понимать тех, кто так им восхищается. И он просто возвращает мне свободу, без всяких условий? И не будет этих ужасных проволочек, сцен и писем? И мы с отцом можем завтра же уехать? Но как же могла я так запутаться? Мне этого ни за что не понять! Когда подумаю обо всем, мне становится страшно. Конечно, я кругом виновата, я вела себя непростительно. А вы, дорогая Летиция, вы так рано встали ради меня?

— Я хотела дать вам знать.

— Возьмите мое сердце — оно ваше всецело!

— Лучше подарите мне частицу, но только — навсегда.

— Фи! Впрочем, вы вправе так говорить.

— Я не хотела вас задеть, но согласитесь, что сердце, о котором идет речь, и в самом деле несколько переменчиво.

— О, оно очень эгоистично, ведь вот же я сразу и позабыла о Кросджейе! Но если сегодняшнему дню суждено пройти под знаком великодушия, то, быть может, и он получит прощение? Ведь мальчик заслуживает чуткости, хотя бы из уважения к его отцу, который изо дня в день рискует жизнью ради отечества, получая за это гроши, на которые нельзя прокормить семью. Бедный глупый мальчонка! Ах, это его: «Послушайте, мисс Мидлтон, почему... некто... не припял моего отца, когда он сюда приезжал, и ему пришлось десять миль тащиться под дождем?» Право, быть может, это и за-

ставило меня впервые... Однако какое великолепное утро после вчерашнего дождя! Будем же великодушны! Согласитесь, Летиция, что самый прекрасный день можно позолотить и заставить сиять еще ярче!

— Разумеется, можно. Дух наш способен заставить этот день навсегда сохранить свои радужные краски.

— Вот и я так говорю. Вы можете озарить сегодняшний день золотым сиянием для меня, я — для вас, сэр Уиллоби — для нас обоих. А раз так, то день этот останется в памяти поистине райским на всю жизнь. Впрочем, испытательный срок еще не прошел: солнце едва взошло.

— Вы видели сегодня мистера Уитфорда?

— Я видела, как он проходил мимо.

— И, конечно, решили, что он не в духе. Но, право, это не так.

— У меня была гувернантка, весьма ученая дама, и я изучила сварливый менторский нрав во всем его живописном многообразии. Про нее никогда нельзя было сказать, что она не в духе! У нее всегда было ровное настроение. Просто она была всегда права, а я — всегда виновата. Поэтому она вечно хмурилась. Мои прегрешения вечно стояли у нее перед глазами, и она смотрела на меня сквозь них, как сквозь очки. Впрочем, я была довольно трудным ребенком.

Летиция засмеялась.

— В этом я не сомневаюсь, — сказала она.

— Вместе с тем мы прекрасно ладили. Мы с ней как бы составляли задний и передний план одной и той же картины.

— Я так и вижу ее, — сказала Летиция.

— Теперь она даже говорит, будто одну меня и любила в жизни. Как знать, быть может, на старости лет мне придется сказать то же самое о ней?

— Я думаю, вы и теперь доставили бы ей немало хлопот и терзаний.

— Вы хотите сказать, что я доставила мистеру Уитфорду много хлопот и терзаний?

— Вы хотите сказать, что он вам ее напоминает?

— Вы же сами говорите, что видите ее портрет.

— Ах, не смейтесь над ним! Это верный друг.

— Всякий мужчина, который провозглашает себя нашим другом, непременно выступает в роли нашего судьи.

— Не слишком сурового, надеюсь?

— Я не знаю, каков будет его окончательный приговор, но его грозное чело достойно самого Радаманта,

— Мне слышится голос доктора Мидлтона!

Клара оглянулась.

— Как? Где? Понимаю! Это вам в моих словах послышался отзвук его речей? Впрочем, он никогда не поставил бы Радаманта судьей над европейцами, тот ведь как будто судил одни азиатские души. Так что вы не правы, мисс Дейл. К тому же отец очарован мистером Уитфордом. Интересно, что он в нем увидел? Таинственные глубины этих ученых джентльменов недоступны для женщин. Должно быть, оттого, что сокровища, которые там таятся, не котированы на нашем рынке. Правда, ученые мужи порою снисходят до нас, грешных, — но лишь затем, чтобы поставить дерзкую на место. Мистер Уитфорд не любит расходовать свое внимание на мелюзгу. Он сосредоточен, глубокомыслен, прилежен, он — совершенство. И если бы он спустился к нам на землю, он уподобился бы Тритону, выброшенному на сушу, — вы не согласны?

— Вы полагаете, что в обществе он должен чувствовать себя, как в чуждой стихии? — робко спросила Летиция.

Острый ум, которым ее наделила природа, пугал ее. Не изведавшая полноты ощущения жизни, страдающая от раны, которая еще не затянулась, и скованная предрассудками, она поддалась своей кроткой привычке к подчинению и ответила так, что могло показаться, будто она соглашается с собеседницей. Привычка эта зиждилась на идеале женственности, некогда воспринятом Летицией. Ей хотелось бы решительнее встать на защиту друга, но тогда пришлось бы поступиться своим идеалом. А это было для нее так непривычно, так ново, что мысли ее сейчас же потеряли форму и стройность. Такова расплата, ожидающая всех, кто отказывается от своей подлинной сущности и берет на себя роль, какую бы естественной эта роль ему ни казалась: обманывая свой ум, мы неизбежно его притупляем. Всякий представитель рода людского найдет подтверждение этому правилу, заглянув в собственную биографию.

— Вам кажется, что он лишен дара сочувствия? Но это не так, — отважилась все же Летиция. — Вы находите его суровым и мрачным? Опять ошибка. Он веселый человек и никогда не падает духом, какие бы невзгоды на него ни обрушивала судьба. Доктор Корни утверждает, что никто не умеет так заразительно смеяться, как Вернон Уитфорд, никто не обладает таким чувством юмора. Последнее время он, правда, немного... но ваше жестокое «сварливый» к нему неприложимо. Дело в том, что он очень озабочен судьбой Крос-

джея и кое-какими другими обстоятельствами. Он собирается покинуть Паттерн-холл. Быть может, он и проигрывает рядом с теми, кто, не имея его теперешних забот, в состоянии безмятежно отдаться своему веселому нраву, но ваше определение: «Тритон, выброшенный на сушу», столь же не точно, сколь несправедливо. Я не знаю более превосходного человека, чем мистер Уитфорд.

— Я не сомневаюсь в его достоинствах, Летиция.

— Да, но ваш тон...

— Неужели? Должно быть, я вроде Кросджея, который утверждает, что он больше всего любит, чтобы было весело.

— Кому-кому, а Кросджею должно быть известно, каков мистер Уитфорд на самом деле. Мистер Уитфорд всегда, — с тех пор как я начала называть вас «Кларой», — защищал вас в разговоре со мной. И быть может, в те минуты, когда он больше всего напоминал вам вашу старую гувернантку, он размышлял о том, как бы вам помочь. Не далее как вчера вечером он говорил мне, что вам следовало бы довериться миссис Маунтстюарт. Теперь это уже не нужно. Я это вам просто так говорю. Он преданный друг.

— И неутомимый ходок.

— Ах!

Полковник де Крей, который все это время молчал поодаль, тщетно дожидаясь, чтобы девушки расстались, решил присоединиться к ним, в надежде образовать трио и впоследствии расщепить его на дуэт и на соло.

Клара зарделась, как невеста. Летиция бросила на нее быстрый, тревожный взгляд.

Подозрение, которое младенцем покоилось у ее груди, точно выпрыгнуло у нее из рук и крепко стало на мускулистые ножки.

— Где мой дружок? — спросила Клара.

— Празднует свободу, — в тон ей ответил полковник.

— Летиция, посоветуйте мистеру Уитфорду не тратить времени на поиски Кросджея. Мальчику лучше сегодня не мозолить кое-кому глаза. Во всяком случае, мне так кажется. Ах, по есть ли у него карманные деньги, полковник де Крей?

— Милорд располагает собственным казначеем.

— Как вы внимательны!

Грудь у Летиции вздымалась в лад произнесенному восклицанию, которое звучало бы примерно так: «О, женщина, женщина! Вечно ты попадаешься на приманку лож-

ного блеска и мишуры. А того, кто верен, скромн и добр, не замечаешь!»

Да, театральная риторика эта еще бытует в тайных моголах строгих моралистов.

Летиция и сама не могла бы сказать, почему ей в голову пришло сравнивать этих двоих: не могла же она думать о Верноне как о сопернике де Крея,— не говоря уже о неуместности самой мысли о подобном соперничестве в сердце девушки, связанной словом с третьим! Как бы то ни было, Летиция чувствовала себя оскорбленной за весь свой пол: легкомысленное предпочтение, которое Клара оказывала человеку, безусловно менее достойному, словно набрасывало тень на всех женщин, заставляя усомниться в их нравственной чистоте. Клара, когда она так беспечно, мимоходом, сравнивала себя с Кросджем, по всей вероятности, и представления не имела о том, что между молодыми женщинами и мальчишками давно уже установлено сходство и что считается, будто их роднят пылкость, влюбчивость и общие вкусы. Летицию сравнение это всегда корбило, и она решительно его отвергала; лишь изредка, когда ей попадалась какая-нибудь очень уже ветреная девица (и то среди совсем молоденьких), соглашалась она признать его справедливость. Не обладая философским равнодушием Вернона, она с тревогой внимала дуэту, который Клара Мидлтон исполняла с полковником де Креем: гармония этой музыки резала Летиции слух.

Оставить их, однако, она не могла: Клара держала ее под руку и не отпускала. Временами голос полковника понижался почти до шепота. Кларины ответы, впрочем, звучали отчетливо и громко. Сметливый полковник понял намек и, следуя лучшим традициям опытного интригана, привялся усиленно ухаживать за мисс Дейл, но и тут получил нечто вроде отповеди.

— Мы говорили с полковником о том, как бы нам вылечить профессора Круклина от его насморка,— сказала Клара.

Де Крей спохватился, что сделал ложный шаг; вот уж не ожидал он, что его, такого завязатого интригана, будут учить такту. Впрочем, смелость мисс Мидлтон его уже удивляла: он догадывался, что в этой молодой особе таятся недюжинные силы. Опасаясь, как бы она не пошла дальше и не лишила его преимуществ, какие ему давало наличие общей с ней тайны, он ловко, с подчеркнутой покорностью, переменял тему разговора.

Когда к ним присоединился сэр Уилоби, на Кларинном лице можно было прочесть робкое дружелюбие и скрытый вопрос, понятный, впрочем, одной Летиции, которая изо всех сил уверяла себя, что правильно истолковала его ночные речи. Но какие же тут могли быть сомнения? Ну, конечно же, ей удалось убедить сэра Уилоби даровать Кларе свободу. Законное ли это было заключение или нет, оно зиждилось на прочном фундаменте. Еще вчера утром она не могла бы себе представить подобное. Теперь же она уверовала в то, что может влиять на сэра Уилоби, ибо после полуночной беседы впервые почувствовала, что начинает освобождаться от почти физического ощущения его превосходства. Ее словно расколдовали. Он не казался ей другим, это сама она стала сильнее. Он не нависал над нею больше, как туча, не манил, как магнит: туча, которая, как ей некогда казалось, вобрала в себя все сияние небес, рассеялась; магнит был бессилев вертеть ею, как стрелкой компаса. Она и сейчас видела в шем человека, достойного восхищения; его благородная осанка, прекрасное сложение, изящество, с каким он склонился к Кларе, легко касаясь ее руки, — все это оправдывало фанатический восторг, испытываемый ею в ранней юности, когда она еще не была способна подвергнуть очарование своего героя строгому анализу. Зато теперь, отдавая должное отдельным его качествам, она была в состоянии хладнокровно слагать их в целое. Самое большее, что она могла чувствовать к нему, — это жалость. Она не видела в нем чудовища, каким он предстал перед пробудившимся сознанием мисс Мидлтон. Она просто отнесла его к разряду прочих мужчин; он сделался в ее глазах «одним из них». Свое разочарование она не ставила ему в укор. Напротив, она винила одну себя, объясняя происшедшую в ней перемену тем, что молодость ее ушла — иначе разве воля жалости, подвигавшаяся в ее душе, не увлекла бы ее дальше на своем гребне? Но Летиция в самом деле испытывала жалость — жгучую жалость, и больше ничего. «Должно быть, все еще надеется уговорить Клару», — подумала она, взглянув на Уилоби. Клара же — Летиции было ясно и это — была с ним мила постольку, поскольку рассчитывала на его великодушие. Летиция вздохнула. Почерпнув силы в печальном взгляде, которым она их проводила, сэр Уилоби взял Клару под руку и повел ее в лабораторию.

Летиции нужно было передать Вернону, чтобы он не искал Кросдженя понапрасну ни в доме, ни где-нибудь в пре-

делах усадьбы. Но доктор Мидлтон ухватился за него, чтобы поведать о своем споре с профессором Круклином по поводу писателей античности — профессор обещался прийти и продолжить этот спор.

— Превосходный ученый, — заметил о нем достопочтенный доктор, — но капризный, как, впрочем, все люди, не умеющие пить.

— Он, кажется, простудился? — спросил Вернон. — Надеюсь, сэр, вино пришлось вам по вкусу?

Представьте себе старшину присяжных, которому его товарищи поручили в точных и недвусмысленных выражениях доложить суровому судье их заключение относительно виновности подсудимого. Он знает, что от него зависит судьба человека, и хоть злодеяние преступника не подлежит сомнению, сентиментальный старшина хотел бы как-нибудь смягчить роковой вывод; он удручен и подавлен, на языке его вертятся, по крайней мере, три взаимоисключающих друг друга ответа, он сам на время становится подсудимым и понимает, что искушенный в нюансах казуистики судья выудит у него точный смысл его словесных нагромождений; бедяга начинает заикаться, он вновь и вновь возвращается к сказанному и, от одной боязни запутаться, запутывается безнадежно; он уже не о преступнике печется, а о себе самом и дошел до того, что готов взывать о пощаде, молить, чтобы его невнятное бормотание и нелепые доводы были приняты, как нечто разумное и окончательное, — ах, если бы судья отпустил его с богом, позволил бы ему смешаться с толпой и избежать незабываемого и постыдного мига, когда он будет всенародно болтаться в петле судейского презрения! В таком-то жалком состоянии и застиг доктора Мидлтона вопрос Вернона: связанный двойным долгом, долгом джентльмена по отношению к даме, и гостя — к хозяйке, подавленный сознанием, что его собеседник с холодной непреклонностью ожидает ответа, проникнутого великодушием, он не сразу нашелся: сказал два-три слова, умолк, еще слово — и вновь запнулся. Всю свою речь он произнес, заикаясь. Дамы, сказал он, еще в средние века прославились как отравительницы. По его мнению, в Англии существует целый разряд виноторговцев, которые только и делают, что подстерегают доверчивых вдов. Впрочем, справедливость требует отметить, что он проснулся паутро в обычное время, минута в минуту, и без головной боли. С другой стороны, состояние, в каком он лег спать накануне, не предве-

щало, казалось, столь блаженного пробуждения. Но мистер Уитфорд отнюдь не должен отсюда вывести, будто доктор питает хоть малейшее чувство досады по отношению к вышеупомянутому вину. Он не сомневается, что хозяйка чистосердечно видела в своем вине средство для увеселения гостей. И если по вкусовым своим качествам оно и должно быть отнесено к самому низшему разряду, то по конечному воздействию его следует считать вполне безобидным.

— Окончательным критерием, впрочем, будет служить состояние профессора Круклина и то, появится он или нет. Он обещал приехать утром, — сказал доктор Мидтон в заключение своей тирады, исполненной виртуозной эквилибристики. — Если я еще раз услышу о дюжине ветров, спущенных разом на железнодорожную платформу, или о девице, обсыхавшей после дождя в обществе молодого человека и кувшина горячей воды с коньяком, я попрошу вашего разрешения заклеить вино, о котором идет речь, как антивакхический подлог. Не поймите меня превратно. Я не думаю осуждать любезную хозяйку. Но я рекомендую бы вдовам выходить замуж.

— Надо пресечь дальнейшие поползновения профессора, если ему вздумается и в дальнейшем тиранить хозяйку подобными разговорами.

— Вдовам следует выходить замуж, — повторил доктор и проворчал что-то о том, как тяжело зависеть от вкуса дворецкого. — Если только, — поспешил он прибавить, — последний не может похвастать университетским образованием. А впрочем, и этого недостаточно, — заключил он. — Воспитание вкуса — дело нескольких поколений.

Достопочтенный доктор подавил эвонк. Но это насилие над природой породило второй — настоящее чудовище, размером с морского монстра, выходящего из океана, чтобы поглотить прикованную Андромеду.

Обескураженный ритм явным признаком несварения желудка, он всеми чертами лица выразил раскаяние по поводу своего слишком спешительного заключения относительно вина, поданного к столу вдовы мистера Маунтстюарта-Джонкинсона. Гроза казалась неминуемой.

Воспользовавшись паузой, Летиция наспех сообщила Вернону об исчезновении Кросджея и попросила наставника извинить своего ученика; вдаваться в причины было некогда. Впрочем, Вернон и сам о них догадывался,

Доктор Мидлтон взял его под руку и, разразившись гневной филиппикой против заумных теорий профессора Круклина, повел своего друга в библиотеку, дабы, вооружась книгами, окончательно разбить оппонента. Чувствуя себя жертвой диспепсии, доктор дал волю своему раздражению. Он обрушился на обычай обедать в гостях, принялся восхвалять Паттерн-холл, словно это было его собственное родовое поместье, и вспомнил, что ночью ему приснился сон, — а уж это самый унижительный признак физического недомогания!

— Но погодите, дайте мне найти для себя жилье поблизости от Паттерн-холла (а меня обнадеживают, что такое найти можно), — и вот увидите, что, кроме этого дома, я отсюда ни ногой! — заключил он.

Летиция прошла к себе. Она волновалась, но в меру, ровно настолько, чтобы предпочесть книгу общению с живыми людьми. Ее тревожила судьба Кросджея. За Клару она была более или менее спокойна. Та была исполнена решимости, а раз так, то какой джентльмен станет ей перечить? Разумеется, он будет уговаривать, но девушка, которая способна пренебречь сэрром Уилоби, вряд ли поддастся на уговоры. Люди менее достойные скорее могут рассчитывать у нее на успех. При всех своих недостатках, сэр Уилоби обладал известным величием, величием того типа, которое исключает апелляцию к жалости. Просьба в его устах прозвучала бы, как снисхождение, ибо гордость сэра Уилоби носила характер монументальный, негибаемый — таков, во всяком случае, был образ, который Летиция сохранила, как реликвию, как обломок разбитого кумира. Подобными мыслями заполняла Летиция промежутки между строк и наконец, заметив стравиду, отложила книгу и выглянула в окно. По загону, заложив руки за спину и склонив голову на грудь, прохаживался доктор Мидлтон. Его задумчивая походка и взор, против обыкновения устремленный под ноги, говорили о том, что заседающие в его душе присяжные сейчас настроены отнюдь не на сентиментальный лад и что приговор, вынесенный ими напитку, которым угощала вдова, формулирован в выражениях самых недвусмысленных. Летиция поспешно вышла из своей комнаты в надежде разыскать Вернона.

Он был внизу, в прихожей. В ту минуту, когда Летиция к нему приблизилась, дверь в лабораторию открылась и вновь захлопнулась.

— Сейчас решается ее судьба, — сказала Летиция,

Побледневшее лицо Вернона отнюдь не свидетельствовало о философическом спокойствии.

— Мне, вероятно, было бы лучше последовать примеру Кросджея,— сказал он,— и пуститься в бега, чтобы не попадаться на глаза профессору.

Они говорили вполголоса, украдкой поглядывая на дверь.

— Конечно, я хочу, чтобы все кончилось так, как хочет она,— сказала Летиция.— Но боюсь, что мальчику не поздоровится.

— В таком случае я возьму его к себе,— сказал Вернон,— это будет, пожалуй, лучше. Думаю, что справлюсь.

Дверь в лабораторию вновь открылась и захлопнулась. На этот раз она выпустила мисс Мидлтон. Лицо ее горело. Увидев своих друзей, она попыталась скрыть бурю, бушевавшую в каждой черточке ее лица, и явила им мертвенную улыбку,— на большее она была неспособна.

Перед тем как сделать шаг от двери, она вздохнула всей грудью.

Вернон вышел в сад.

Клара устремилась к Летиции.

— Вы обманулись! — сказала она.

Из ее горла вырвалось гневное жесткое всхлипывание, и она не могла продолжать.

Летиция принялась упрашивать ее подняться к пей в комнату.

— Мне нужно на воздух, я должна быть одна,— сказала Клара, схватила шляпу и, сбежав по ступеням каменного крыльца, повернула направо, чтобы не проходить под окнами лаборатории.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ,

в которой муза Комедии берет на мушку парочку прекраснодушных простаков

Клара дошла до лужайки для игры в шары. Там, возле лаврового куста, она увидела Вернопа и спросила, где ее отец.

— Не советую говорить с ним сейчас,— сказал Вернон.

— Мистер Уитфорд, быть может, вы возьмете это на себя?

— Сейчас это было бы неразумно. Надо подождать,

— Ждать? Но почему?

— Он не в подходящем настроении.

Она чуть не задохнулась. Бывают минуты, когда мы идем в друге не мудрого советчика, а покорного раба. В такие минуты доводы благоразумия нам ни к чему. Мы идем напролом. Клара стремительно покинула Вернопа, словно обнаружила, что заговорила по ошибке с дорожным столбом.

Сцепя с Уилоби оставила в ее сознании густое облако тумана, сквозь которое явственно проступало лишь одно: что он будет держаться за нее до последнего и не намерен вернуть ей свободу или хотя бы позволить ей уехать на время.

О, мужчины! Клара, с ее неискушенной девичьей душой, решительно отказывалась их понять. Таинственные мотивы, которые ими движут, их необъяснимые пристрастия, тщеславие, которое они стыдливо облачают в маскарадное домино, и, с другой стороны, деспотизм, который бесстыдно выставляют напоказ,— все это ее отталкивало, и ее женская натура восставала против грубой силы, лежащей в основе их могущества. Разумеется, она признает справедливость упреков, которые можно адресовать ей. Но это ничуть не меняет существа дела. На все упреки у нее был один-единственный ответ: «Что угодно, только не быть его женой!» Исчерпав все средства защиты, она вверилась инстинкту, который со стремительностью горного потока низвергает нас с невоистовенных нам высот, возвращая к естественному уровню, а подчас — если в русле потока повстречается омут,— то и ниже этого уровня. Хорошо, рассуждаем мы, пусть мы совершили проступок,— по разве тем, что мы пойдем наперекор собственной природе, мы его искупим? И, успокоив таким рассуждением совесть, мы блаженно отдаемся несущей нас волпе. Инстинкт наш изощряется в уловках, проникает в замыслы противника и, ссылаясь на его козни, охотно оправдывает не только наши проказы, но даже проступки менее невинного свойства. Клара знала, что есть способ получить свободу. Но она умышленно закрывала глаза: слишком ликовало ее сердце при одной мысли о таком способе! Прижать руки к груди, возвести очи к небу и воскликнуть: «Мое сердце принадлежит другому!» О, как билось оно, как все в ней взывало к такому безоглядному решению! Неужто, доведенная до отчаяния, она не вправе ска-

зять, что обращалась к небу и что оно не удержало ее от такого шага?

К счастью для мисс Мидлтон, ястребиный взор полковника де Крея разыскал ее среди буковой роши на холме уже после того, как пыл ее раздражения несколько поугас.

Вернон между тем пребывал в нерешительности. И в самом деле, рассуждал он, трудно было бы избрать более неподходящую минуту для разговора с доктором Мидлтоном. Быть может, еще раз дружески поговорить с Уиллоби? И тут же увидел обоих: Уиллоби шел по газону к доктору Мидлтону, а тот остановился, готовый подарить гостеприимному хозяину все свое внимание. Его они то ли не заметили, то ли не пожелали заметить. И он повернул назад к Летиции и зашагал с ней рядом. Вскоре, однако, ему стало невозможно слушать славословия его самоотверженности и великодушия. Правда, похвалы ее свидетельствовали о том, что ему удалось скрыть свою сердечную тайну, и все же было в этих комплиментах нечто неприятное. Наделенный юмором и незаурядным знанием человеческого сердца, он сравнивал себя с игроком; провозгласив азартное: «Все — или ничего!» — тот отвергает с презрением мелкий выигрыш, раз крупный не дается в руки: лучше горделиво покинуть стол, оставив на нем последний грош, нежели увести жалкие крохи того умопомрачительного выигрыша, на который он рассчитывал. Если нам не повезло в любви, то избави нас бог от разменной монеты комплиментов нашей добродетели! В особенности, когда мы знаем, что она чисто внешняя. Добро бы Летиция похвалила его за стоицизм, с каким он переносит свой проигрыш! Но как раз этого она не была в состоянии оценить, ибо даже не подозревала о его фантастической ставке.

— Уиллоби согласен простить Кросджея на известных условиях, — сказал он, — и требует от тех, кто за него хлопочет, гарантий, что они будут выполнены... Но неужели вы предполагали, что Уиллоби добровольно от нее откажется? Разве он может? Да и всякий на его месте... Конечно, ему следует отказаться. Но это легко сказать! Хоть я и не присутствовала при их беседе, я ни минуты не сомневался, чем она кончится. Я даже представляю себе, что говорилось каждым из них. Теперь все зависит от того, насколько у нее хватит мужества. Доктор Мидлтон не захочет сейчас покинуть Паттерн-холл. И нет никакого смысла говорить с ним об этом

сегодня. Она же нетерпелива от природы, а сейчас доведена до отчаяния.

— Почему нет смысла говорить с доктором Мидлтоном сегодня? — спросила Летиция.

— Потому что вчера ему подали вино, которое пришлось ему не по вкусу. Он не в форме и не в состоянии заниматься. Единственное, что его утешает, это мысль о предстоящем обеде с паттерновским портвейном. Так что никакие силы не заставят его сегодня покинуть Большой дом.

— Господи!

— Я прекрасно понимаю, что кроется за этим возгласом!

— Я не вас имею в виду, мистер Уитфорд. Вы — исключение.

— Отнюдь нет, я такой же, как все. Ну, хорошо — мужчины вызывают законное недоумение. Допустим. Но, если женщина сделала выбор — разве мужчина не вправе требовать, чтобы она от него уже не отступалась? Правда, женщины плохо знают жизнь, да и себя тоже. И все же не следует забывать, что исходную ошибку совершила она. Ведь это из-за нее доктор Мидлтон очутился здесь, и вот он успел он освоиться и привыкнуть к чрезвычайно удобному для него образу жизни, как его хотят сорвать с места.

— Тут я ничего не понимаю и ничего не могу объяснить, — сказала Летиция.

— Это оттого, что сами вы — олицетворенное постоянство.

На щеках ее выступил румянец.

— Нет, я тоже «как все». Не скажу, что на ее месте я поступила бы, как она. Впрочем, не мне бросать в нее камень. Я и сама не чужда колебаний.

Летиция вновь покраснела. Она хотела дать ему понять, что вовсе не представляет собою нелепую статую Постоянства, с обожанием устремившую свой каменный взор на фигура, имя которому Обман. После вчерашней полночной беседы Летиции было неприятно, что о ней до сих пор думают как о магнитной стрелке, неизменно устремленной к полюсу. Чувство собственной индивидуальности, столь недавно ею обретенное, настоятельно требовало признания. Между тем Вернон, не подозревая о происшедшей в пей перемене, к величайшему ее смущению, продолжал хвалить прежнюю Летицию, к которой нынешняя уже не имела никакого отношения. Зато ему удалось остановить поток ее комплимен-

тов. Он, словно нарочно, проникся внезапной завистью к ее пожизненному, безропотному и, можно сказать, самозабвенному постоянству чувств.

Люди, страдающие от неразделенной любви, как известно, склонны к подобному завистливому восхищению и готовы болтать всякий безотчетный вздор. К тому же, воздавая хвалу постоянству Летиции, Вернон ощущал смутную сладость от того, что таким образом как бы наказывает — слегка, не причиняя боли, но все же немного ее задевая — некую непостоянную особу. Так он тешил себя, терзая бедную Летицию. Далекая от мстительного умысла, Летиция инстинктивно нащупала орудие защиты и принялась превозносить его преданность, а он, мысленно взывая к небесам, чтобы его собеседница хотя бы частично прозрела, продолжал вопреки своей обычной сдержанности без умолку болтать. Летиция смутно чувствовала, что гимны ее постоянству неспроста, что за ними что-то кроется. Она вскинула на него глаза, и, уловив в ее взгляде сомнение, Вернон разразился торжественными заверениями в искренности своих слов. Летиция не знала, куда деваться. Она бы охотно убежала, но как могла она объяснить свое бегство? Вместе с тем подвергаться незаслуженным похвалам, которые уже не казались ей лестными, было для нее сущей пыткой.

— Ах, мистер Уитфорд, если б вы знали, как мне далеко до вас! — сказала она.

— Напротив, мисс Дейл, это я смотрю на вас, как на образец для подражания.

— Вы ошибаетесь, уверяю вас. Вы меня не знаете.

— Я могу лишь повторить ваши слова. Однако хранить... все эти долгие годы...

— Пожалуйста, мистер Уитфорд!..

— Да, я восхищен. Вы являете пример того, как человек может полностью от себя отрешиться.

— Эхо ответило бы вам лучше меня.

— Но ведь я только и думаю что о себе!

— Я могу лишь повторить ваши слова.

— Но ведь вы сами знаете свою непоколебимость!

— Это не так, уверяю вас. Я только и делаю, что колеблюсь. Я и двух дней подряд не бываю одинаковой.

— Нет, вы всегда одна и та же, разве только с «чарующими вариациями».

— А вы — даже без «вариаций», Глядя на вас, я черпаю силы,

— Глядя на какое-то сомнительное подобие меня, должно быть. Это лишь доказывает, что все свои силы вы черпаете в самой себе и не нуждаетесь ни в каких иных источниках.

— Но мое мнение о вас разделяют и другие.

— Кто же?

— Ну, мало ли кто.

— Позвольте мне повторить: я хотел бы быть таким, как вы!

— Тогда позвольте мне прибавить: я бы охотно поменялась с вами!

— О, результаты подобной сделки вас бы чрезвычайно удивили.

— И вас, и вас!

— Я бы обрел качества, которых мне очень недостает.

— В лучшем случае негативные, мистер Уитфорд. Зато я...

— Простите, но вы заставляете меня чувствовать себя школьником, которого награждают призом, заработанным им с помощью шпаргалки.

— А как, по-вашему, должна чувствовать себя та, которую венчают Королевою Мая, когда она стоит в преддверье ноября?

Он отверг ее сравнение, она — его. Ни Летиция, ни Вернон не могли объявить причину, благодаря которой каждому из них было нестерпимо выслушивать незаслуженную хвалу. Прославляя с таким жаром ее постоянство, он вынуждал ее с еще большим пристрастием устремлять свой критический взор на того, кто якобы внушал ей это постоянство; а чем больше хвалила она Вернона за истинный дух дружбы, которым он якобы руководился, тем свирепее отказывался он от приписываемой ему доблести: это было невыносимо — нет, уж лучше бы предстать перед нею во всей нелепости своих пустых мечтаний! И Вернон шипел, как раскаленный утюг, отталкивающий от себя капли влаги, которые тут же превращаются в пар.

Как ни расположены они были друг к другу, как ни сильна была их взаимная приязнь, они вдруг замедлили шаг и остановились, желая разойтись и не зная, как это сделать; они закидывали друг друга похвалами, словно камнями, и чувствовали себя безнадежно запутавшимися.

— Мне бы следовало отлучиться на часок проведать отца, — проговорила Летиция.

— А мне бы следовало позаниматься, — сказал Вернон,

Казалось, мелькнула надежда, что они выпутаются из гирлянды, которою сами же себя оплели, но чувствительность, обостренная воспитанием, не могла допустить такого резкого перехода к обыденному после столь цветистых словосплетений. Особенно шокировал этот переход Летицию, которая внесла поправку, сказав:

— В одном я и в самом деле воплощенное постоянство: это в моем мнении о вас.

— Я мог бы предложить другое слово для обозначения негибкости раз установившегося мнения. Со временем, когда вы поймете, сколь оно ошибочно, вы сами это слово подберете.

— Каким образом? — возразила она. — Что же я должна понять?

— Хотя бы то, что я — отъявленный эгоист.

— Вы? Но какой же это эгоизм?

Реплика эта вырвалась у нее против воли и смутила ее не меньше, чем самого Вернопа; осепившая ее внезапная догадка не успела еще полностью дойти до ее сознания.

— Мистер Уитфорд, вы совсем не желаете нас слушать!

Вернон слышал голос, ворвавшийся в их беседу, по сему во что бы то ни стало надо было стереть туманные начертания слов, которые Летиция с трудом, по складам, начала было разбирать.

— Нет, нет, уверяю вас, — пробормотал он таким тоном, словно разговор у них шел о самых обыкновенных вещах и только тогда повернулся к миссис Маунтстюарт-Джепкинсон.

— Или вы дали себе зарок не узнавать профессора Круклипа? — продолжала сия величественная дама.

Вернон поклонился профессору и принялся лепетать извинения. Миссис Маунтстюарт перевела испытующий взгляд с его смущенного лица на Летицию.

Затем, прочитав Вернону нотацию за вчерашнее дезертирство и не приняв его оправданий, она перешла к сегодняшним делам.

— Мы остановили карету у ворот, чтобы пройтись по парку и подготовиться к встрече с доктором Мидлтоном. Мы расстались с ним ночью в самый разгар спора и теперь рвемся возобновить его. Где же наш грозный противник?

И миссис Маунтстюарт круто повернула профессора, чтобы продолжать прогулку в обществе Вернопа и Летиции,

— Итак, мы стоим за современную английскую науку, — произнесла она, — и оспариваем сторонников германской.

— Только наоборот, — заметил профессор Круклин.

— Ну да, — поправилась она, нимало не смущаясь, — мы за германскую науку, против английской.

— Речь идет всего лишь об отдельных ученых трудах.

— Итак, мы выступаем в защиту отдельных ученых трудов.

— Слово «защита», сударыня, не совсем точно определяет мою позицию.

— Мой дорогой профессор, в лице доктора Мидлтона вы найдете достойного соперника по части скрупулезной точности формулировок, и вам не следует расходовать ваше искусство на меня. А вот и они! Вот наш доктор! Мистер Уитфорд вас к нему проводит. Позвольте мне уклониться от первого залпа.

И миссис Маунтстюарт взяла под руку Летицию.

— Он похож на обитателя птичьего двора: разгребет землю в поисках неточных формулировок и — давай клевать.

Летиция едва удержалась от смеха — сравнение как нельзя лучше подходило профессору Круклину.

— Впрочем, эти ученые обладают особым, им одним свойственным достоинством, — поспешила прибавить миссис Маунтстюарт, опасаясь, как бы Летиция не усомнилась в том, что ученые мужи служат украшением стола. — Как ни смешны их призрачные сражения, они приносят в застольную беседу свой особый аромат. Вчерашний вечер не в счет: забудем о нем — раз и навсегда. Мы с треском провалились. Это был блистательный провал, не спорю; никто у нас в округе не способен на такой провал, и все же это был провал. Но если среди нас вдруг объявляется таинственная дева, с неутолимой жадной поглощающая — хм! — все запасы горячей воды с коньяком, имеющиеся на постоялом дворе, и похищающая местные коляски, посудите сами, в какое положение это ставит всех нас! Провал почти неминуем. Мы пострахованы от непредвиденных обстоятельств. Удивительно, как это мистер Уитфорд умудрился не заметить профессора Круклина! А кстати, мисс Дейл, сам-то он каким образом попал на станцию?

— Его, по-видимому, ослепил блеск, с каким вы обрисовали ему профессора Круклина. К тому же он видел лишь обратную сторону портрета, ту, на которой не было изображения.

— Вот оно что! Как он, однако, предан своему кузену!

— Он верный друг.

Миссис Маунтстюарт переменяла тему.

— Что касается доктора Мидлтона, — сказала она, — то если я буду часто с ним общаться, мой лексикон распухнет до гигантских размеров. Я нахожу его манеру заразной.

— Это лишь форма, в которую облачается его чувство юмора.

— Вчера, когда, сидя за собственным столом, я чуть было не впала в отчаяние, эта форма, как видно, передалась и мне, и я до сих пор не могу от этой формы отделаться. Чуть ли не всю ночь — о, что это была за ночь! — я обращалась к собственной подушке с монологами а-ля доктор Мидлтон. Как вам показался вечер, моя милая? Но только правду! У меня у самой сложилось совершенно определенное мнение: это был концерт для соло на контрабасе. Аудитория напоминала собрание насекомых, оглушенных грозою. Я испытывала живейшую признательность к полковнику де Крею за его интерлюдии, но слышала одного доктора Мидлтона. Все мои гости, казалось, оцепенели от шума, — словно кто-то катал шары у них над головою.

— А мне было занятно.

— В самом деле? Вы меня радуете. Как знать, быть может, мои гости были искренни, когда поздравляли меня с исключительно удачным вечером? Видите, до чего я докатилась! Как будто я не знаю, что эти бессовестные люди избрали такую форму, чтобы выразить мне свое соболезнование! Я и сама так поступаю, когда вижу, что хозяйка приложила все силы, а вечер все равно не удался. Но дожить до того, чтобы самой услышать подобные утешения!.. А, вот и преступник номер один! Доброе утро, сэр Уиллоби! Вот кем я особенно недовольна, — шепнула она Летиции, которая тотчас ретировалась.

Сэр Уиллоби сделал шаг, другой и остановился, чтобы посмотреть вслед Летиции, плавно удалявшейся в направлении к дому.

Так мы порою останавливаемся на берегу ручья и, забывшись в созерцании природы, любуемся тем, как, распластав свои лепестки, цветок погружается в прозрачную воду.

Сэр Уиллоби, как бы в блаженном забытии, стоял и чему-то улыбался.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Миссис Маунтстюарт и сэр Уиллоби

— Доброе утро, дорогая миссис Маунтстюарт! — словно очнувшись, приветствовал сэр Уиллоби почтенную гостью. — Отчего она убежала?

— Кто убежал?

— Летиция Дейл.

— Ах, Летти Дейл? Если у вас это называется убежать... Вероятно, она хочет продолжить интимную беседу с Верноном Уитфордом, которую я прервала. Ваш эгегический тон, признаться, меня напугал. Пойдемте, сядемте на какой-нибудь скамейке, подальше от доктора Мидлтона. А то его присутствие оказывает на меня гипнотическое действие, и я сама начинаю говорить по-латыни. Вчера я совсем поддалась его влиянию. Отныне и во веки веков имя доктора Мидлтона будет связано для меня с воспоминанием о неудавшемся вечере и соло на контрабасе. Мы не спелись.

— Зато Гораций был в ударе.

— Чего нельзя сказать о вас, дорогой сэр Уиллоби.

— Да и Летиция... то бишь мисс Дейл, говорила, как мне показалось, чрезвычайно хорошо.

— Она разговаривала с вами, а следовательно, хорошо. Но тесто не поднялось — дрожжи оказались пегодными. Вы пускали шпильки по адресу полковника де Крея и навлекли на себя неудовольствие доктора Мидлтона. У меня до сих пор гудит голова от звуков его голоса, право! Но где же ваша повелительница?

— Которая?

— Неужели нужно называть ее по имени?

— Ах, вы о Кларе? Верно, где-нибудь бродит. Вот уже час, как она мне не попадалась.

— Какая славная беседа, — сказала миссис Маунтстюарт, усаживаясь. — Наши вкусы и пристрастия, дорогой мой сэр Уиллоби, — кто может дать себе в них отчет? Никогда не знаешь, радоваться ли тому, что должно произойти, или сожалеть. Я хотела бы поговорить с мисс Мидлтон.

— Фарфоровая плутовка будет к вашим услугам — ведь вы с нами завтракаете, надеюсь?

— О, да вы, я вижу, привялись меня цитировать!

— Я вас цитирую во всех случаях жизни. Впрочем, ваше

определение: «Целый роман на кончиках ресниц», пожалуй, уже пескoлько устарело.

— Роман? Ах, вы о Летиции Дейл!

— Разумеется, о ней. Вы не находите, что в ее чертах появилось нечто более серьезное?

— Еще бы!

— Но я не хочу этим сказать, что роман совсем улетучился с ее ресниц.

— Разумеется, нет. Он просто уже вышел из печати.

— Вы, как всегда, попали в точку, сударыня.

Сэр Уилби погружился в задумчивость. Затем, подобно музыканту в оркестре, он взмахнул смычком и вновь подхватил мелодию.

— Мне показалось, что Летиция Дейл была вчера в необыкновенном ударе,— исполнил он свою партию.

— Летиция? — с некоторым недоумением переспросила его собеседница.

— Найдите для нее новое определение. Я, да будет вам известно, коллекционирую ваши афоризмы.

— Я бы сказала, что она уже па три четверти выползла из своей раковины и носит ее, как капюшон.

— И готова скинуть его по первому знаку? — подхватил он.— Великолепно! И какая точность!

— Да, все это хорошо, любезнейший сэр Уилби, но сами-то мы так ли уж великолепно себя ведем? Когда же мы будем точно знать, чего хочет наше сердце?

Сэр Уилби ответил протяжным многосложным вздохом, напоминающим составные слова, столь излюбленные поэтами, пишущими па тех трижды благословенных языках, которые позволяют выразить так много в едином слове.

— Что касается меня, то я всегда знал, чего хочу. Ум живой и острый не такая уж редкость среди женщин. Зато подлинный интеллект — это перл. Женщина, обладающая интеллектом, прекрасна, как греческая статуя. Это божественный дар, редкий, как все, что нам ниспосылает небо.

Миссис Мауптстюарт хмыкнула, как бы адресуясь к кому-то невидимому.

— Продолжайте, я вас слушаю,— сказала она.

— Редкость этого явления,— заметьте, я имею в виду не просто интеллект, а интеллект чуткий, иначе говоря, гармонически сочетающийся с отзывчивым сердцем,— итак, уже одно то, что явление это столь редкостно, заставляет нас крайне неохотно отказываться от него, если нам посчастли-

видеть его встретить. С каждым годом я ценю его все больше и больше.

— Я что-то не пойму: это исповедь или философский трактат?

— Простите?

— Это рассуждение общего порядка или имеется в виду некая определенная особа?

Он пожал плечами.

— Душевное сродство может существовать совершенно независимо от прочих наших отношений, связей и привязанностей — как материальных, так и духовных.

— Ну что ж, все это, пожалуй, не отдает голосом страсти, — заметила миссис Маунтстюарт, — и к тому же весьма удобная доктрина для мужчин. Согласно ей, всякий вправе запастись своей Аспазией и одновременно наслаждаться радостями законного брака. У входа в парк мы видели краем глаза прекрасную Мидлтон с полковником де Креем. Профессор Круклин все еще под впечатлением странной галлюцинации.

— Меня это ничуть не удивляет.

Готовность, с какой была произнесена последняя реплика, и двойной смысл, который можно было в ней усмотреть, заставили миссис Маунтстюарт, несмотря на весь ее юмор, насторожиться.

— Жаль, что профессор Круклин вас не слышит, — сказала она, — он продолжает настаивать на своем: на коляске, на гостинице, на промокших башмаках, согревательном декоте, свидетельствах хозяйки гостиницы и носильщика — словом, на всем.

— Повторяю: меня это ничуть не удивляет.

— То есть вас не удивляет, что он настаивает на своем?

— Ну да, коль скоро он страдает галлюцинациями!

— Как бы и другие не поддались его галлюцинации!

— Мне остается только сказать еще раз...

— Что вас это несколько не удивит? Чрезвычайно философично с вашей стороны. И прекрасно сочетается с вашей проповедью о сродстве душ.

— Полагаю, что профессор Круклин не спустится со своих классических высот и не станет делиться своими галлюцинациями с доктором Мидлтоном.

— Сэр Уиллоби, вы — настоящий рыцарь!

Его разглагольствования о совершенствах Летиции придали миссис Маунтстюарт смелость намекнуть на его отно-

шения с Кларой. Как это ни уязвляло его гордость, интересы самосохранения вынуждали его смириться.

— При чем тут рыцарство! Мне просто хотелось бы оградить тех, кто пользуется моим гостеприимством, от неприятностей какого бы то ни было рода, — сказал он. — А доктор Миддлтон умеет, по выражению Вернона, принимать облик Зевса-громовержца.

— Я так и вижу его в этом качестве. Ходячая энциклопедия во образе разъяренного быка! Ночной кошмар школьника, не приготовившего урока!

— Да, чего не сделаешь, чтобы избежать такого видения!

— Он должен быть страшен во гневе! Как хотите, вы все же великодушнейший из рыцарей, раз вы печетесь о том, чтобы оградить ее от родительских громов. Но скажите мне откровенно, почему вы отказываетесь снизойти к некоторым тактическим тонкостям? Послушайте вашего старого друга! Вы чересчур высокомерны. Ни одна женщина не простит своему возлюбленному, если он позволит себе быть таинственным и непостижимым больше тридцати минут подряд. Спуститесь с вашего пьедестала хотя бы на ступеньку. Только не издумайте читать нотации. Властвуйте, если угодно, но незаметно! Сказать по правде, я не признаю философской невозмутимости в любви. Все это, разумеется, выглядит достойно, да только не верю я в искренность тех, кто надевает на себя личину философического равнодушия. Я ничего не имею против любовных ссор: они придают влюбленной паре живописность и нарушают однообразие. Я сразу заприметила в ней мятежную жилку. И конечно, желательно, чтобы она исчерпала свое бунтарство до брака.

— Кларино бунтарство? Пустое ребячество! — произнес Уиллоби, пытаясь покровительственно-отеческим тоном скрыть внутреннее содрогание. — Когда вы входили в парк, вы видели ее только издали, а то наверняка услышали бы ее се-ребристый смех. Гораций ее чрезвычайно забавляет.

— Да, я благодарна ему по гроб за вчерашний вечер. Ее веселое личико озарило мой стол. Смех ее был дождем в пустыне! Вы поймете всю тяжесть бремени, которое меня придавило, если я вам скажу, что буквально упивалась этой парочкой, — это было единственное очко в мою пользу в партии, которую я безнадежно проиграла. Хотя я и не могла слышать их слов, по уверена, что они были остроумны.

— О да, в остроумии им не откажешь — ни ей, ни ему, — согласился Уиллоби. — В остроумии известного рода.

— Разговор их был слажен, как чистый и звонкий звук, издаваемый кимвалами.

— Я бы не сказал, что кимвалы — самый изысканный музыкальный инструмент. Впрочем, я нахожу их болтовню забавной и сам не прочь послушать ее, когда бываю в настроении.

— Вам следует почаще бывать в настроении, мой друг. Вы умеете быть образцовым собеседником, когда захотите.

— Под вашим руководством, сударыня!

Уилоби томпо склонился перед ней. Ему стало немного легче оттого, что удалось провести миссис Маунтстюарт, которая олицетворяла для него общество: она задавала тон светским пересудам и могла предписать свету, кого из них двоих жалеть — его или Клару. И если уж на то пошло, он не собирался брать на себя роль жертвы.

Впрочем, до этого еще было далеко.

— В искусстве скрывать свои чувства мужчинам не угнаться за девицей, — продолжал он. — И терпеть не могу мелких свар, и на моем лице, должно быть, отражаются все огорчения, какие я испытываю. Кларины вспышки подозрительности раздражают меня. Я знаю, что это слабость — мое неумение преодолеть минутную досаду. Но мужчине приходится учиться тонкостям и уловкам, в которых женщины искушены от колыбели. Подозрительность и недоверие настолько мне несвойственны, что я не в состоянии сочувствовать им в других.

Внезапно брови сэра Уилоби стрельнули вверх. Из кустов в нескольких шагах от скамьи, на которой сидели собеседники, вынырнул Флитч.

Злополучный кучер начал с того, что отвел обвинение, будто это он спьяна нарушил запрет и дерзнул появиться на территории усадьбы. Дело обстояло совсем не так: он почувствовал неудержимое желание посетить места, где некогда был так счастлив, и потому, да и то лишь для бодрости, хлебнул малую толику. А как он бывал здесь счастлив! На рождестве, например, когда все слуги усядутся за стол под председательством седовласого дворецкого, мистера Чесиптова, и пьют старинный портвейн за здоровье молодого наследника старинного рода! То была блаженная пора, когда бесчестолюбия еще не завел его в трясины, впусив ему желание сделаться собственным господином и завести собственную лавку! Увы, он готов завидовать последней собаке в Паттерн-холле и вздыхает по запаху паттерновских коню-

шеп, который ему теперь представляется слаще аравийских благовоний.

Произнося свою тираду, Флитч все время держал в поднятой руке некий предмет, один вид которого заставил сэра Уиллоби молчать. Флитч в данном случае поступал как опытный оратор, который с помощью хитроумного вступления заставляет толпу безропотно выслушивать самые нелестные для нее истины. Итак, Флитч беспрепятственно произнес свою жалкую, исполненную слюнявой патетики речь, держа перед носом предмет, в котором сэр Уиллоби безошибочно признал Кларин кошелек. Он без труда сообразил, каким образом кошелек этот попал к Флитчу, но не сразу нашелся, как пресечь рассказ кучера на корню.

— Что это у вас такое? — строго спросил он, на что Флитч вынужденно ответил:

— В целости и сохранности.

Фраза эта, по-видимому, так ему понравилась, что он произнес ее дважды:

— В целости и сохранности.

Затем, повернувшись к миссис Маунтстюарт, он заговорил об изгнании Адама, в судьбе которого, должно быть, видел некоторую аналогию с собственной судьбой, а также о евреях в плену египетском, о которых рассказывал в церкви священник, — Флитч, по-видимому, приравнивал себя также и к ним.

— Невзгоды пошли на пользу моей душе, сударыня, — продолжал он, — я не переехал в Лондон, в это пристанище кучеров, которые (если верить тому, что рассказывают об этом городе) развозят знатных вельмож в каретах, рискуя своим душевным спасением; вместо этого я обратился к церкви и прилежно слушаю наставления своего пастыря. И уж поверьте, сударыня, кабы пашей барышне случилось обронить кошелек в какой-нибудь лондонской карете, вряд ли она получила бы его обратно — в целости и сохранности!

— Положите его воп на то кресло, — сказала миссис Маунтстюарт. — Мы поведем справки, и сэр Уиллоби вас вызовет. В целости и сохранности кошелек никто не сомневается.

И мановением пальчика показала Флитчу, что он свободен и может идти. Флитч, однако, мешкал: он еще не наслаждался произведенным впечатлением, и, кроме того, ему не терпелось обстоятельно поведать о том, как он нашел кошелек. Не смея, однако, встретиться глазами с величественным взглядом миссис Маунтстюарт, он понуро удалился, всей

своей фигурой и в самом деле напоминал Адама, покидающего райские кущи, — каким его рисуют в детских книжках.

— Нынче у нас в народе днем с огнем не сыщешь человека, который бы изъяснялся просто, без вычур, — обратилась она к Уиллоби.

Тот был весь снисхождение.

— Бедняга пьян, — сказал оп.

Он был потрясен быстротой и ловкостью, с какою миссис Маунтстюарт разделалась с Флитчем. Это могло означать лишь одно: она его шадит, а следовательно, ей известно истинное положение вещей! Он был уязвлен также и тем, что она оказалась настолько находчивее его и так властно распорядилась в Паттерн-холле.

— Пожалуй, это и в самом деле Кларин кошелек, — важно признал он, как бы взвешивая его на ладони. Он был не в силах подавить дрожь в уголках губ и, чувствуя, что его остекленевший взгляд не может ускользнуть от внимания проницательной миссис Маунтстюарт, собрался с духом и продолжал: — Во всяком случае, это не кошелек Летиции. Это-то я знаю наверно: оп у нее совсем старенький.

— И верно, ваш подарок!

— Как вы догадались, дражайшая миссис Маунтстюарт?

— Чисто умозрительно.

— Впрочем, ее кошелек совсем как новый — он сохранился не хуже его хозяйки.

— Бедняжке не слишком часто приходится им пользоваться?

— Смею вас разуверить, сударыня, вы ошибаетесь. Она пользуется им еже-то.

— Если бы
ринный проек
ни другая ст
нить препятс
повстречали
плох. Правс
и в глазах

бит потуже, сэр Уиллоби, ваш стар-
приведен в исполнение. Ни та,
я могу судить, не стали бы чи-
ессором Круклином только что
показалось, застигли их врас-
лизко склонясь друг к другу,
тательное.

вы

едва доходит до дела,
и эгоизм!

— Пса,
чайно оживился.

миссис Маунтстюарт.

вы убедитесь, что я возобновляю свои

Клару. — Сэр Уиллоби чрезвычай-
сите ее хорошенько, моя дорогая
попытки еще совсем недавно — наперекор собственному серд-

пу, если угодно. Я просил ее помочь мне в этом, снабдил ее подробнейшими инструкциями, предоставил ей *carte blanche*¹. Кто-кто, а Клара не имела оснований сомневаться в моей искренности! Вот увидите, она поможет развеять последние сомнения, которые как будто еще гнездятся в вашей душе. Я предлагал, я уговаривал, я настаивал, но, поверьте, ничего из этого дела не выходит. Но если вы считаете, что я должен еще и сокрушаться по этому поводу, то могу ответить вам лишь одно: поступки мои мне подвластны, сердце — нет. Я намерен сделать все, что требуется от меня, как от человека чести, иначе говоря — от человека, обреченного совершать одну ошибку за другой, в наказание за то, что он в свое время не послушал велений своего сердца. Заставить это сердце молчать я способен, но повелевать им — столь же бессилец, как повелевать собственной судьбой. Свои чувства я давно поборол, и не надо ворошить прошлого. Итак, не станем говорить о чувствах, хоть они, как вы знаете, играют известную роль в жизни общества или, говоря на современном жаргоне, являются ее факторами. О чувствах я привык молчать. Я мог бы говорить о них только с вами. Впрочем, к чему? Если бы старина Вернон, вместо того чтобы корпеть над рукописями, ощутил в себе честолюбие настоящего мужчины и захотел принять участие в общественной жизни, он нашел бы в ее лице достойную подругу. Я называл ее своей Эгерией. Для него она сделалась бы Корнелией. И я готов поклясться, что дети, которых она принесла бы супругу, оказали бы ему честь!.. Ну, да старина Вернон не таков — беднягу в свое время постигло большое разочарование, и он будет носиться с ним до конца своих дней. А она? Похоже, что и она также. Я старался — о да, я говорил с ней сам! Но все напрасно. В чем другом я, быть может, имею на нее влияние, в этом — никакого. Отказ, и все! Говорит, что намерена умереть, как жила, — Летицией Дейл. Мы с вами сейчас одни, и вам я могу признаться, что мне сладок звук этого имени. Сладок, как старинная песня, к которой привык с детства. Но не спешите меня осуждать. Поверьте, над делами подобного рода — я утверждаю это на основании опыта — тяготеет некий фатум. И я не могу скрыть от бедняжки существование этого фатума...

— Позвольте, которую из бедняжек вы имеете в виду сейчас? — спросила миссис Маунтстюарт с холодным недоумением.

¹ Свободу действий (*франц.*).

— И она вам сама скажет... Как — которую? Клару Мидлтон, разумеется... она сама признает, что хоть я и сделал все, что можно, дабы способствовать этому союзу, тут, видно, мы имеем дело с противодействием, — за неимением лучшего определения, я вновь вынужден прибегнуть к этому слову, — да, с противодействием некоего тяготеющего над нами фатума. Это он тянет нас в противоположные стороны, вернее, тянул бы, если бы я поддался. Она не первая; другие тоже были вынуждены признать существование этих роковых сил.

— А сейчас, если не ошибаюсь, мы, кажется, имеем в виду уже третью «бедняжку»? — спросила миссис Маунтстюарт. — Как же, я не забыла! Правда, тогда мы это как будто называли не фатумом, а просто капризом. До чего же все это странно! В ту пору, впрочем, за вами ухаживали без зазрения совести, и это вас до некоторой степени извняло. Помню, мы все думали, что... Но вы внезапно отправились путешествовать.

— Да, по рецепту моей матушки. И, надо признаться, рекомендованное ею средство отчасти помогло. Она мечтала для меня о блестящей, аристократической партии. Я не разделял ее честолюбивых планов. Своим чувством я еще способен жертвовать, но приносить в жертву себя самого, свою личность — увольте! А затем я уже сам обратился прямо к доктору Купидону... Она обладает обаянием того рода, который... Но человек переменчив! Он revient toujours...¹ Начинается с необъяснимого влечения... Затем тебя воспламеняет красота. Наконец, задаешь себе серьезный вопрос: подходит ли тебе эта девушка, как подруга жизни, — и вот тут-то, быть может, обнаруживаешь, что в ранней юности ты лучше, нежели в последующие годы, понимал, что тебе нужно. Впрочем, она ведь и в самом деле красива. Это неоспоримо. Она вас восхищает, миссис Маунтстюарт, не отрицайте! Выкиньте из головы придуманную вами формулу: «Фарфоровая плутовка», и вы увидите, что просто-напросто очарованы ею. Она прелестна. У нее особое, своеобразное очарование. Да что там говорить — это настоящая красавица.

— Такая красавица, мой дорогой сэр Уиллоби, — сказала миссис Маунтстюарт, глядя на него в упор, — что клянусь, я не представляю себе мужчину, который бы мог перед нею устоять! Это ружье, которое стреляет без промаха: прямо в

¹ Мы всегда возвращаемся... (франц.)

сердце. Не знаю, чем берут женщины этого типа — разговором ли, или взглядом, или дело в атмосфере, которую они распространяют вокруг, но только это колдовство или, если хотите, — тот же ваш фатум!

— Да, но тут больше животной прелести, нежели духовного обаяния.

— Конечно, ей далеко до серьезности Летти Дейл.

Миссис Маунтстюарт задумалась, и Уилоби не стал перебивать течение ее мыслей.

— А знаете, — воскликнула она, помолчав, — наша Летти Дейл очень переменялась! Я это еще вчера заметила. Да и сегодня тоже. Она удивительно посвежела, помолодела — она чудесно выглядит! Чего не скажешь о вас, дорогой друг. Видно, «фатум» не способствует хорошему цвету лица.

— Как, вы мне отказываете уже и в здоровье! — воскликнул Уилоби со смехом, в котором, однако, слышались какие-то скулящие потки.

— Берегитесь! — сказала миссис Маунтстюарт. — Вы впадаете в сентиментальный топ. Упоминаете какие-то «давние чувства», «прошлое, которого не следует ворошить». Правда, вы говорите с женщиной, а не с мужчиной, но все же такие разговоры — скользкая почва. Я прислушиваюсь к вашим речам и тщетно пытаюсь уловить в них естественную интонацию. Когда же я не нахожу естественности, я обычно подозреваю, что со мною хитрят. К тому же вы подчас как-то странно скалите зубы, напоминая мне индуса из калькутской тюрьмы, которого меня водил смотреть покойный муж, чтобы рассеять мою тоску по Англии. Несчастный с каждым вздохом оскаливал зубы. Вы точь-в-точь так же скалились вчера вечером, да и сейчас — словно вам больно дышать. Вы очень избалованы. Вас слишком долго умащали елеем. Зато в нынешнем вашем состоянии я узнаю все признаки человека, что-то в себе затаившего.

— Затаившего? — повторил Уилоби и нахмурил брови.

— Да, да, вы слишком кисло улыбаетесь, — сказала она. — Покойный Маунтстюарт меня учил, что когда на душе у мужчины тревога, его выдают не столько глаза, сколько выражение рта.

— Нет, нет, сударыня, я не нарушу слова. Ни в коем случае. Я намерен, я твердо решил его сдержать. Никаким фатумам я не позволю себе поддаться. И пусть я похож на вашего смуглого преступника из калькутской тюрьмы...

— Ах, мой друг! Вы же знаете: язык мой — враг мой!

Он наклонился и поцеловал кончики ее пальцев.

— Итак, несмотря на мой страшный «оскал», вы увидите, что я пойду на казнь, и покорность судьбе заменит мне счастье.

— Подобно лорду, приверженцу якобитов, когда водарилась Ганноверская династия?

— Да, да, я помню, вы рассказывали, что проливали слезы, читая об одном из этих несчастных. Хорошо: подобно ему, если вам угодно. И пусть я переменялся, устои мои тверды, как всегда. В молодые годы я делал мечту о жене, которая разделяла бы все мои мысли и чаяния, о женщине романтической души и трезвого ума. Рано или поздно я намерен посвятить себя общественной деятельности и тогда, быть может, обнаружу, что мне недостает советчика и утешителя, которого так необходимо иметь у домашнего очага. Беда моя, должно быть, в том, что я ношу в душе идеальный образ такого друга. Впрочем, я никогда не стал бы настаивать на тех или иных качествах. Нет ничего более жестокого, нежели указать супруге живой образец и требовать, чтобы она ему следовала. Как бы то ни было, мы сами избрали свой путь. Жребий брошен. Я не дам поблажки себе и ее не освобожу от данного ею слова. Брак — это реальность; все, что до венца, — мечты. Со временем она излечится от своего жадного стремления разделить со мной все мои действия, чувства, помыслы, грезы и мечты... И так далее, и так далее, до бесконечности. Я пригласил Летицию, с тем чтобы показать Кларе, что такое твердый, сложившийся характер, прочный, как цементный фундамент, и ничуть от этого не потерявший своей жепственности.

— И так далее, и так далее, до бесконечности. Можете мне не рассказывать — я и так знаю: все, что вы ни предпринимаете, есть результат тщательно продуманного плана.

— Вы почували во мне самодержца? Что ж, он может лепить из своих подданных все, что ему пужно. Единственный мятежник в его государстве — он сам! Если вы будете говорить с Кларой... Ведь вы, кажется, изъявляли желание ее видеть?

— Признаться, меня несколько удивило то, как она вчера держалась с леди Буш.

— Понимаю. Она дуется ша фарфор. *Toujours la porcelaine!*¹ Но, сказать по правде, ее капризы составляют для

¹ И вечно этот фарфор! (франц.)

меня часть ее очарования. Впрочем, десять лет назад я бы и не подумал их сравнивать.

— Сравнивать? Кого?

— Летицию и Клару.

— Путь избран, сэр Уиллоби, говоря вашими же словами. Будем же исходить из предположения, что вы намерены следовать по этому пути. Я хочу просить мисс Мидлтон помочь мне в выборе свадебного подарка, ибо не желаю, в качестве благодарности, получить одну из ее гримасок — хоть она и очень мила, признаться, когда надувает свои пухлые губки.

— Итак, еще одно подношение «плутовке», говорит она, завидя фарфор.

— Ну, так фарфора не будет. Я хочу посоветоваться с ней самой и прибыла сюда с твердым намерением с ней переговорить. Мне кажется, что я ее понимаю. Но она производит ложное впечатление на тех, кто не знает вас обоих так хорошо, как я. «Боюсь, как бы мне не вернули мой сервиз», — заявила мне вчера леди Буш, прощаясь. И прибавила, — я привожу ее слова в точности: «Как бы и эта певичка не сбежала от него перед вендом!»

Сэр Уиллоби чуть не подскочил на месте. В висках у него нестерпимо стучало.

— Вот у кого поистине фарфоровые мозги! — воскликнул он, стараясь совладать со своим калькуттским оскалом.

— Ну, да вы знаете леди Буш, — продолжала миссис Маунтстюарт, искренне желая утешить своего самолюбивого друга. Ибо, как бы ловко, прибегая к виртуознейшим ухищрениям гордости, ни удавалось ему скрывать от нее то, что делается в глубинах его сердца, взор ее все же проникал сквозь тонкую кожу его чувствительности. — Это известная фантасзерка, голова ее вечно забита всевозможными причудами. Так, например, она всегда утверждала, что у вас пезадачливый нос. Я помню, в день вашего совершеннолетия она сказала, что это нос монарха, обреченного потерять престол.

— Боюсь, что, сам того не подозревая, я чем-то сильно обидел леди Буш?

— Что вы! Она только и знает, что трубить вам хвалу. А леди Калмер ей подпевает. Погодите, она еще сюда нагрянет, будет загадочно кивать головой, туманно намекать на что-то и подарит какую-нибудь вазу из алебаstra. Они вас обе боготворят. Вы в их глазах — надежда Англии, и нет такой женщины, которую бы они почитали достойной вас.

Но они фаталистки, видите ли, и если вы вздумаете при них заикнуться о Летти Дейл, то лучше уж прямо объявите о расторжении вашей помолвки с мисс Мидлтон. Толкам о предопределении, о том, что браки совершаются на небесах, и всякому прочему вздору конца не будет.

— А вот и Клара! И с нею доктор Мидлтон! — воскликнул сэр Уилоби.

Из-за кустов и клумб показались фигуры доктора Мидлтона и его дочери. Доктор о чем-то увлеченно разглагольствовал, тогда как Клара шла молча, понурив голову.

— Приведите мне ее сюда, по, ради бога, увольте от общества этого полиглота! — воскликнула миссис Маунтстюарт, которую представшая перед ними картина повергла в ужас.

Уилоби любил, прежде чем предпринять какой-либо шаг, взвесить его и обсудить с самим собой на досуге; но на этот раз досуга не было, и оставалось лишь положиться на мастерство, с каким ему удалось подготовить миссис Маунтстюарт перед ее встречей с Кларой — такой красивой и такой коварной! О, милая, о, пенавистная! Стиснуть бы ее в своих объятиях, задушить и отбросить на пыльную дорогу, а потом горько оплакивать!

Пришлось идти на риск, и, главное, в ту самую минуту, когда прогноз леди Буш так больно отозвался в его душе, и без того исполненной болезненных предчувствий.

Поскольку в представлении доктора Мидлтона разговор на неприятную тему сводился к тому, чтобы высказать все, что надо, и не дать высказаться оппоненту, появление Уилоби, пришедшего за Кларой, оказалось для него весьма своевременным.

— Миссис Маунтстюарт хочет вас видеть, Клара.

— Я к ее услугам, — сказала Клара, мгновенно просияв.

Хоть она и испытывала легкий трепет, в ее груди поднялась другая, более могучая сила, которая заставляла ее идти вперед напролом, не выказывая ни малейшего колебания. Лицо ее светилось чистой радостью.

Сэр Уилоби подвел ее к миссис Маунтстюарт.

Отвесив поклон величественной миссис Маунтстюарт, доктор Мидлтон ретировался вместе с Уилоби, положив руку ему на плечо.

— Уф! — выдохнул доктор. — Когда женский инстинкт восстает против мужского интеллекта, антагонистическая реакция интеллекта неизбежна.

— Что она сказала, сэр? Ее доводы? Она их привела?

— Надо полагать,— начал доктор Мидлтон и вобрал в легкие воздуху для последующего монолога,— надо полагать, что кошка, изогнувшая спину в форме буквы h или китайского мостика, привела свои доводы собаке, в объяснение принятой ею позы. Но тот, кто захотел бы перевести ее объяснения на человеческий язык, с таким же успехом мог бы придумать еще одну букву алфавита или написать продолжение «Одиссеи» Гомера. Оба эти предприятия равно фантастичны. Ох, уж эти мне дочери, Уиллоби! Нарушить слово! Я не знаю другого проступка, который был бы мне так непавиствен! Нет, нет, я не допущу, чтобы моя дочь его совершила! Радостное исполнение своего обязательства — долг всякого человека. Но я с грустью предвижу, что мне придется прочитать ей лекцию на эту тему.

— Скоро, сэр, я сниму с вас все заботы, связанные с вашей дочерью.

— Да, да, не сомпеваюсь. Собственно, вы и сейчас вправе требовать от нее повиновения, как если бы она уже была вашей супругой. Она стоит в преддверии алтаря. Она живет в доме, который уже является ее домом... Она.. да что там говорить? Она уже покинула ярмарку и вошла в святилище. Где-нибудь в парижской толпе, охваченной революцией, этот ее вакхический вопль о свободе удостоил бы ее республиканского колпака, фригийской шапки. Для меня же это пустой звук. И если б я мог сомневаться в душевном здоровье собственной дочери, я бы, право, подумал, не имеем ли мы дело с какой-нибудь машиной.

Страхи сэра Уиллоби несколько рассеялись, когда он узнал, что дальше «вопля» Клара не пошла. Раза два-три ей случалось приводить его в недоумение, и он чувствовал, что должен либо пересмотреть свое отношение к женскому полу, либо решить, что его невеста недостойна представлять этот пол. Несмотря на кое-какие выходки, он все же не считал Клару способной высказаться с полной откровенностью — даже перед ним, даже в пылу досады. Его твердое убеждение, что девушки — народ малодушный, в сочетании с незыблемым взглядом на все женское сословие, как на собрание восковых фигур, поддерживало его уверенность, что есть вещи, которые розовая печать благопристойности не позволит женщине высказать словами, а какие бы отчаянные поступки она ни отважилась (а на какие поступки способна женщина, он знал по опыту). Обстоятельство утешительное. Ибо,

если Клара предстанет перед миссис Маунтстюарт растерянной и бессловесной, та с нею ловко разделается; подобно кузнецу, имеющему дело с куском раскаленного железа, она придаст Кларе любую форму, какую ей вздумается, и будет ее презирать, а его по-прежнему считать безупречнейшим джентльменом из всех, кто населяет христианский мир.

Миссис Маунтстюарт сама заполнит красками контуры автопортрета, набросанные его небрежной кистью. Слов нет, полученное изображение безукоризненного джентльмена, нуждающегося в доброжелательном комментаторе, будет не совсем выгодно отличаться от его прежнего образа — баловня судьбы, феодала, триумфально, как солнце, шествующего по своей орбите. Однако выбора не было. К тому же этот новый образ представлял собой одно неоспоримое удобство — он допускал вариации. Безукоризненный джентльмен добрейшей миссис Маунтстюарт мог жениться на любой из этих женщин и любую из них пренебречь. Так или иначе, он женится — не на той, так на другой, — и в обоих случаях вырвется из когтей леди Буш, избавится от вороньего карканья этой Сивиллы. И тогда над маленьким, незащищенным, бесплотным и вездесущим «я» сэра Уиллоби (о котором не столько думалось умом, сколько болелось сердцем) — над этим Уиллоби никто уже не будет смеяться, как над неудачником в любви. И пусть он и упадет с высоты, которую завоевал его имя, — Уиллоби мог черпать благородное утешение в мысли, что другим доводилось падать еще ниже. Когда нас очень прижмет, мы готовы утешаться судьбой самого Люцифера.

Если вы и страждете, — читаем мы в великой Книге Утешения, — то другой страждет вдеслтеро сильнее.

Предаваясь этим тонким расчетам, Уиллоби откуда-то сверху взирал на работу своей душевной механики, которую он мог частично критиковать, но остановить был не в силах. Дико было ему наблюдать стремления, планы и страхи того, кто в глазах света пребывал таким красивым, мужественным и желанным! Если бы любовь к своей личности не была в нем столь всепоглощающей, он бы раздвоился и осудил ту часть ее, которая суетилась и хлопотала, своими то ропливыми движениями напоминая насекомых, без конца воздвигающих и возобновляющих постоянно разрушаемое здание, размеры которого поражают своею малостью. Но он слишком любил себя и не мог допустить такого раздвоения своей личности. Призрак этого раздвоения, однако, на какой-

то миг и — насколько он себя помнил, впервые — перед ним промелькнул. И отныне глубокая печаль и горечь примешались к страсти, которую он питал к женщине, повинной в этом мимолетном видении.

Шагая рядом с доктором Миддлтоном, он обернулся и увидел, как его коварная Клара беспечно и грациозно опутывает миссис Маунтстюарт своими гибельными чарами.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Мисс Мидлтон и миссис Маунтстюарт

— Посидите со мною, прекрасная Мидлтон,— приказала миссис Маунтстюарт.

— С удовольствием,— сказала Клара, с поклоном припавшая титул, которым сей влиятельной даме угодно было ее наградить.

— Я вас хочу кое о чем порасспросить, моя дорогая.

Клара обратила к ней ясный взор и, наморщив лоб, кротко переспросила:

— Меня?

— Вчерашний вечер ваше оживленное личико было для меня лучом света. Я положительно в вас влюбилась. Вы как тончайший хрусталь: к нему только притронься погтем, и он издает музыкальный звук. Так и вы отзываетесь на подлинное остроумие. Это я понимаю, это мне по душе. А то обычно собираешь у себя за столом одни барабаны. Как по ним ни стучи, они знают только одно: тра-та-та да тра-та-та. И это барабанная дробь имеется у них застольной беседой!

— Полковник де Крей был очень забавен.

— И забавен, и по-настоящему остроумен.

— Да, и остроумие его никогда не переходило в злость.

— Мне самой по душе эти ирландцы или полуирландцы — разумеется, я имею в виду джентльменов, а не каких-нибудь там политиканов. Отныне я твердо решила не устраивать званных обедов, не заручившись заранее хотя бы одним ирландцем. На наших мужчин нельзя положиться. Они всегда полны собой. Вино пробуждает в них воинственный пыл, начинаются политические дебаты, и — прощай гармония! На совести моего покойного супруга, к сожалению, не один

такой загубленный банкет. Его лицо становилось то красным, как ростбиф, то бледным, как вареная говядина,— в такую ярость приводил его очередной модный вопрос, который сам по себе лица выеденного не стоил. Да и дружки его были ничуть не лучше. И это — в Лондоне! — воскликнула миссис Мауптстюарт с возмущением, словно одно название этого города усугубляло вину ее господина и повелителя, отошедшего в царство теней.— Ну, да все равно,— в городе ли или в деревне,— продолжала она,— обеденный стол — святыня. Есть женщины, которые подозревают мужчин в заговоре, утверждая, будто те хотят таким образом подчеркнуть наше ничтожество. Я этому не верю. Никакого заговора у них нет — много чести! Просто-напросто — заедятся до отвала и давай бросаться друг на друга, от сытости. У англичанина сытость, как известно, пробуждает воинственный пыл. Он не может есть в мире и согласии. Вы обратили внимание на этого ужасного мистера Кейпса?

— Вы имеете в виду джентльмена, который все время возражал моему отцу? Зато наш любезный полковник де Крей заставил его умолкнуть.

— Каким образом, мой друг?

— Ах, вы не слышали? Когда мистер Кейпс посреди очередного дифирамба во славу своего друга, губернатора одной из индийских провинций, остановился, чтобы передохнуть, полковник де Крей, воспользовавшись паузой, сказал своей соседке: «Это был замечательный правитель и к тому же человек железной логики: вскоре после того, как он женился на некой вдове, он опубликовал брошюру, в которой восхвалял обычай «сатти» — сожжения вдов».

— А что сказала на это соседка полковника де Крей?

— Она сказала: «О!»

— Вот как! И все слышали?

— Мистер Кейпс не отрицал брака со вдовой, но заявил, что никакой брошюры не видел и не верит в ее существование. К тому же он наставлял, и притом с необычайной горячностью, что следует говорить не «сатти», а «сэти».

— Да, да, помню. Полковник, я думаю, был в восторге. Мистер Кейпс вышел из линии огня, бормоча себе под нос: «In toto, in toto...»¹ Тоже мне застольная беседа: «In toto!» Ах, эти мужчины — что они понимают? Или в самом деле пригласить сюда джентльменов из-за Ла-Манша, чтобы те

¹ Полностью, полностью... (лат.)

научили нас разговаривать, подобно тому как паши деда выписывали маркизов, дабы научиться у них приготовлению салатов. А паша молодежь! Чтобы говорить с нынешними молодыми людьми на языке грумов — единственном, какой они признают, — женщины остается одно: посвятить себя охоте. Взять хотя бы Уилоби Паттерпа — было время, когда он возвышался над нами всеми, как какой-нибудь принц крови. А как он вел себя вчера? Вместо того чтобы поддерживать беседу и всячески меня выручать — это был его долг вдвойне — из-за дезертирства Вернона Уитфорда (должна сказать, для меня непостижимого), — вместо этого он сидел и точил зубы. И на кого же? На самого драгоценного для меня гостя, на полковника де Крея! Добро бы он папал на мистера Кейнса с его губернатором «Бомби» (вы заметили, как он произносит Бомбей?), или на полковника Уайлджопа с его кличем: «Протестаптская церковь в опасности!», или на сэра Уильяма Петтифера с его «мопархической республикой», или еще на кого-нибудь! Нет, ему, видите ли, вздумалось померяться силами со своим другом Горацием! Ну, и конечно, потерпел поражение. Что может быть глупее подобных перепалок! Ну, скажите, чего добился наш Уилоби своими сарказмами? Эпиграммы его завтра же будут забыты, и в памяти у всех останется лишь добродушие того, против кого они были направлены. Да, да, моя милая, вы должны быть готовы к тому, что на подобных ристалищах «друг мой Гораций» всегда будет выходить победителем. У меня свои пристрастия и предубеждения, но я обожаю добродушие и острый ум, и когда я встречаю человека, наделенного этими качествами, я готова отдать ему свое сердце. Вот вам моя исповедь, и вы скажете, что она не делает жепдине чести.

— Ах, что вы! — воскликнула Клара.

— Значит, мы с вами заодно.

Одним движением губ, без слов, Клара подтвердила: о да, они заодно! Миссис Мауптстюарт пожала ей руку.

— Вот к чему приводит общение с плутовкой! — сказала она. — Я вижу, вы мне прощаете «плутовку», — а ведь, признайтесь, Уилоби меня выдал. Я готова поклясться, что это так!

Кларино лицо просияло ласковым лукавством, но при следующих словах миссис Мауптстюарт подернулось тенью.

— Если бы вы только знали, какое это будет для меня счастье — иметь у себя под боком такого дружка, прелестную молодую женщину! — говорила та. — Я понимаю, что для нас дружба старухи не представляется такой заманчивой,

понимаю и охотно прощаю. Но я вам еще пригожусь, вот увидите. Во-первых, я не из тех, что стремятся во что бы то ни стало выведать чужие тайны. Во-вторых, я умею их хранить. В-третьих, я пользуюсь здесь некоторым влиянием. И в-четвертых, молодая замужняя женщина нуждается в таком друге, как я, — не забывайте этого. Да, да, положешне леди Паттерн, первой дамы в графстве, может с моей поддержкой сделаться еще блистательней. Но вы, я вижу, не в восторге. В чем дело, мой друг?

— Дорогая миссис Мауптстюарт!

— Послушайте, я очень люблю Уиллоби, но я видела его недостатки и тогда, когда он еще был ребенком; вижу их и сейчас. У него самолюбие венценосца, и не дай бог его задеть. Великодушные его неенсякаемо, по прощать он не умест. Что до его собственных ошибок, вам следует быть ангелом и закрывать на них глаза. Это одна из тех высокоразвитых натур, что претендуют на совершенство. И всем нам, по-моему, следует поддерживать его в этом заблуждении, ибо чем больше таких мужчин, как он, тем соответственно сильнее наше влияние на них. Во всем, что составляет мужскую доблесть, он, конечно, непревзойден, ибо не потерпел бы чьего-либо превосходства. Однако всех его совершенств мужчинам не постичь — за этим он обращается к вам. Вот ключ, который поможет вам управлять своим мужем. Вам эта идея, разумеется, претит. Но мужьями необходимо управлять. В одном можете не сомневаться: он будет гордиться вами. И если, сделавшись его женой, вы не почувствуете себя счастливейшей женщиной на свете, значит, вы себя не любите. У вас будут самые породистые лошади, самые нарядные туалеты, самые дорогие брильянты во всей Англии. И уж разумеется, ни у кого не будет такого повара, как у вас. Дом Паттернов, как только вы вступите в него полновластной госпожой, весь преобразится. К тому же ваше обаяние, моя дорогая, восполнит те недостатки, которых, при всех своих прекрасных качествах, Уиллоби не лишен. Не берусь сказать, какой бы из него получился Отелло или Леонтес — да и никто из вас никогда этого не узнает. Насколько я понимаю его характер, допустив в свое сердце хотя бы тень подозрения, он — ради того, чтобы отомстить воображаемую обиду, — не погнушался бы выставить себя самого перед светом в роли коварного изменника. Впрочем, мужчины нередко прибегают к такому приему. О, я слышалась подобных историй! Со временем услышите их и вы — но только не от меня. Я бы никогда не

стала рассказывать молодой женщине того, что ей не подобает слушать. Но раз уж мы заговорили об этом, то я позволю себе дать вам один-единственный совет: не пытайтесь ударом отвечать на удар. В этой игре он даст вам сто очков вперед, между тем как вас она заведет дальше, чем вы рассчитываете. И сколько бы ни говорили, будто победительницами выходим мы, в конечном счете цена нашей победы — собственная гибель. Беговая дорожка, на которую мы ступаем, кончается обрывом — миг, и победительница летит в бездну! Если вы хотите занимать подобающее вам высокое положение в глазах света, вы должны до некоторой степени смириться с домашним рабством. Вы скажете, что это высокое положение — одна видимость, но разве видимость не составляет большую, и притом приятнейшую часть нашей жизни? Соблюдайте такт, остерегайтесь ложного шага, и вы будете спокойно царствовать. Но избави вас боже задеть его гордость! Такой человек ни перед чем не остановится, он скорее сам толкнет жену на гибельный путь, нежели согласится потерпеть afront. Если бы он женился на вдове, а та проявила бы норов, он, не мешкая, выпустил бы свою брошюрку в защиту «сатти»: при первом же дуновении мороза Вернон Уитфорд получил бы соответственные указания. Как вам правится мисс Дейл?

— Боюсь, она мне нравится больше, чем я ей, — ответила Клара.

— Вам не удалось побеседовать с ней по душам?

— Я пыталась, но безуспешно. И я ее не виню. Я сама вижу, что мои поступки дают повод к неправильному толкованию или, если угодно — к справедливому осуждению.

— Ну, да известное дело, женщины способны оценить друг дружку по достоинству не раньше, чем умрет их общий кумир и они вместе его оплачут. Вам холодно?

— Нет.

— Но вы как будто поежились, моя дорогая?

— Разве?

— Со мной это тоже бывает. Где бы ни была паша могила, кто-то по ней нет-нет да и пройдет. В одном вы можете быть уверены: Уиллоби Паттерн — человек безукоризненной чести.

— Я в этом не сомневаюсь.

— Он стремится быть предашним кавалером. Но он так привык, что женщины готовы принести себя ему за заклятие...

— А я...

— Вы так не можете. Еще бы! Это ясно всякому с первого взгляда. Тем-то вы мне и нравитесь, что вы не ручное животное. Но брак излечивает от множества недугов.

— Ах, миссис Маунтстюарт! Если б вы меня выслушали...

— Все в свое время. И не грозите мне, пожалуйста, исповедью. Женщине не следует пускаться в красноречие. Я подозреваю, мой друг, что нам обем все ясно и без слов.

— Боюсь, что истинного положения вы все же не подозреваете.

— Позвольте сообщить вам кое-что о ревнивцах — речь идет, разумется, не о маврах, что женятся на непокорных дочерях венецианских патрициев, — я имею в виду цивилизованных посетителей наших гостиных. И притом, заметьте, не мужей, а влюбленных: женатый человек и холостой — это две совершенно разные породы. Ревности бывает подвержен только тот влюбленный, кто сам склонен к непостоянству. Зато, испытав на себе жало ревности, он обычно остепеняется: стоит такому молодцу себе представить, что и нам может прийти в голову порезвиться, и он становится почтительным, как мой дворецкий, и безобидным, как охотник, у которого поломано ружье. Ах, прекрасная Мидлтон, мне ли вас учить? Вы преподнесли ему хороший урок, за что я вчера и была наказана. Но я на вас не в обиде.

— Я не понимаю, о чем вы говорите, миссис Маунтстюарт!

— А если я вам скажу, что вы довели беднягу до того, что он даже задумался, не отказаться ли ему от вас?

— Правда?

— Да, да, вы одержали победу.

— Что вы говорите?

— Пляшите, моя дорогая!

— Он откажется?

— Так он вас и отпустил! Неужели он предпочтет черствую корку свежему хлебу, увядший цветок — бутону, абстрактное совершенство — совершенству осязаемому? Все эти разговоры о женском интеллекте, о нимфе, обитающей в уединенном гроте, или о Корнелии с ее Гракхами — пустая болтовня и не больше. Он, должно быть, думает, что мое восхищение совсем меня ослепило, если решается нести эту чушь при мне. Но он умеет заставить себя слушать. Его слушаешь невольно, в каком-то оцепенении, и только потом, когда принимаешься обсуждать его речи с кем-нибудь другим, выходишь из этого состояния и вникаешь в их истинный

смысл. Не знаю, быть может, иные и способны видеть, что творится в душе у собеседника — тут же, пока он с тобой говорит. Я о таких умниках читала только в романах. Нет, пет, мол дорогая, вы как нельзя лучше доказали ему, что он отпустить вас не в силах. Единственно, чего я в своем скромном разумении опасаясь, это как бы милый проказник, которого вы избрали своим орудием, не поддался на удочку и не принял вашей безобидной уловки за чистую монету. Это было бы весьма неразумно с его стороны, но мужчинам и в голову не приходит, что мы на них смотрим лишь как на послушное орудие, которое бросаешь, едва в нем минует надобность. Их проучить может только опыт. Ну, да я приведу его в чувство — предоставьте это мне. Нет, Уиллоби не в силах от вас отказаться! А что он всерьез об этом подумывал, я не сомневаюсь: ведь вы больно ранили его самолюбие. Что ж, вы умница, и он получил хороший урок. Все эти шероховатости, даже если их удастся избежать до вепца, все равно дают о себе знать впоследствии. Так что ни о чем не жалейте. Зато как вам будет приятно, когда все это окажется уже позади! Но вы побледили, дитя мое!

— Ах, миссис Маунтстюарт, неужели вы могли подумать, что я способна на такую бессердечную игру?

— Не лукавьте со мной, прекрасная мисс Мидлтон, и отвечайте по чести: можете ли вы положить руку на сердце сказать, что не задавались целью помучить сэра Уиллоби — самую малость?

Краска залила Кларины щеки, ей казалось, что она куда-то проваливается. Она хотела бы возразить, словами опровергнуть то, о чем как будто так красноречиво говорил ее румянец, но дружба миссис Маунтстюарт и в самом деле была ей необходима, и ей оставалось одно: молча, с пылающими щеками, ее выслушать.

Миссис Маунтстюарт окинула ее испытующим взглядом.

— Прекрасно, — заключила она. — Итак, совесть нас немного жжет — об этом говорят наши зардевшиеся щечки. Но вот вы и ударились в другую крайность: не надо быть к себе чересчур суровой. Этот румянец для меня убедительнее любых доказательств — убедительнее всех Круклинов на свете. Итак, вы потеряли кошелек.

— Да, я его хватилась нынче утром.

— Флитч его доставил. Он — у Уиллоби. Вы попросите его вернуть вам кошелек; он потребует вознаграждения; вы залетесь румянцем — и дело с концом. Убитых пет, один

раженный — и то всего лишь меланхолией. Что ж — в утешение я предложу пострадавшему свою руку и сердце и постараюсь, чтобы он не вздыхал по старинному обычаю «сатти». Но к делу. Я ведь сказала, что хочу у вас кое-что выпытать. Фарфор, я вижу, навяз у вас в зубах. Бедная леди Буш в отчаянье оттого, что вы недовольны ее подарком. Я же твердо решила, что мой подарок должен прийтись вам по вкусу.

— Сударыня!

— Что это еще за «сударыня»?

— Моя дорогая миссис Маунтстюарт!

— Продолжайте, я вас слушаю.

— Я рискую потерять ваше уважение. Но никто, кроме вас, не в состоянии мне помочь. Я в плену, я играю роль, которая навязана мне против воли. Ах! Я не собираюсь изливать вам душу — вы этого не любите, да и я тоже. Но мне необходимо, чтобы вы поняли, насколько я недостойна занять положение, которое вам представляется столь почтенным.

— Ну, ну, ну! Все мы недостойны. А посему — сложим ручки на груди, склоним головку и примем предложенную нам честь. Итак, вы решили взять на себя роль смиренной судомойки. Старая песня! Ну? Ваши мотивы?

— Я не хочу замуж.

— Но это же лучшая партия в графстве!

— Я не могу стать его женой.

— Как? В преддверье алтаря — и не можете стать женой?

— Я еще не связана.

— Преддверье алтаря связывает девушку не меньше, нежели алтарь. Что вы там затеяли? Раз уж на то пошло и я взялась быть вашим исповедником, я не могу довольствоваться частичной исповедью. Девушка обязана быть человеком чести и держать слово так же, как мужчина. Неужели вы считаете возможным сейчас, в последнюю минуту, бросить сэра Уилби? Но что вы против него имеете? Говорите!

— Я обнаружила, что...

— Вы обнаружили...?

— Что я его не люблю.

Миссис Маунтстюарт скорчила гримаску.

— Это не ответ, — сказала она. — Причина? Что он сделал?

— Ничего.

— И когда же вы обнаружили это «ничего»?
— Постепенно. Сама того не зная. Вдруг.
— Так: «Постепенно и вдруг». Докапываться до смысла этих слов нет, вероятно, никакого смысла. Но если все это правда, то вам здесь не место.

— Я очень хочу уехать.

— Вы сделали ему сцену?

— Я высказала ему свое желание.

— На девичьем языке намеков и недомолвок?

— Нет, совершенно ясными словами. Ах, очень ясными!

— А с отцом вы говорили?

— Говорила.

— Что же сказал доктор Миддлтон?

— Он отказывается меня понять.

— Я тоже! Недоразумения, маленькие ссоры, каприз, причуда — все это я прекрасно понимаю. Чтобы убедить девушку надеть ярмо, недостаточно поставить ее на одно колено и коснуться ее плеча, словно речь идет о посвящении в рыцарское звание. Но вырваться из-под венца и бросить несчастного жениха чуть ли не накануне свадьбы! Это либо безумие, либо — я не знаю, какое тут можно подобрать слово. И вы уверены в своих чувствах?

— Так уверена, что с раскаянием оглядываюсь на то время, когда у меня еще этой уверенности не было.

— Но ведь вы были в него влюблены?

— Я ошиблась.

— И в вашем сердце нет ни капли любви?

— У меня нет сердца.

— Вот оно что! Впрочем, этот смиренно-скорбный тон может ровно ничего не значить. Сколько раз я наблюдала, что за подобной мнимой трезвостью скрывается самый нелепый вздор.

И миссис Маунтстюарт хлопнула себя по колену.

— Та-ак,— протянула она.— Но я все ломаю голову: в чем же дело? Девичий стыд? Или вы узнали что-нибудь о его прошлом? Какое-нибудь пятно на его репутации? Нет? В известных обстоятельствах он мог быть жестоким, но непорядочным — никогда. Что касается прошлого мужчины, у нас нет на него никаких прав, а хоть бы и были, уже поздно на них настаивать. В чем же дело?

— Мы слишком разные люди.

— Быть может, все дело в чудовище с зелеными глазами?

— Ах, пет!

— Что же?

— Мы расходимся во взглядах.

— Но сколько раз бывало, что такое несогласие оказывалось прочным фундаментом для согласия. Как жаль, что вы не бесприданница. Если бы у вас не было приданого, вас бы не смущало несходство во взглядах, уверяю вас. Но долг чести обязывает вас ощущать себя связанной с ним не меньше, как если бы на вашем пальце уже красовалось кольцо.

— Долг чести?! Но я взываю к *его* чести. Я не могу быть его женой.

— А если он будет настаивать?

— Я взываю к рассудку. Неужели, сударыня...

— Если он будет настаивать, повторяю, вы должны подчиниться!

— В таком случае он будет настаивать не только на моем несчастье, но и на своем собственном.

— Бедный, бедный сэр Уилоби! — воскликнула миссис Маунтстюарт, раскачиваясь из стороны в сторону. — Ну и судьба! Да и я хороша! Вот, думала, какая она умница! Я восхищалась тем, как вы им вертите! А теперь выходит, что леди Буш преподнесла мне урок. Дорогая моя, добрая Мидлтон, неужели вы допустите, чтобы люди говорили, будто леди Буш оказалась проищательнее, чем я? Для меня это вопрос самолюбия, не скрою. Она уверяет — только я все равно не верю, — будто, посылая вам подарок, она уже почувствовала, что он к ней вернется. И этой-то сумасбродке, для которой нет ничего святого, вы дадите восторжествовать? Но ведь сколько бы мы с вами ни перемывали ему косточки, — а я начала с этого, лишь чтобы вызвать вас на разговор, — он все равно остается превосходным человеком. Где еще вы увидите такую осанку? А какой он прекрасный собеседник, когда чувствует себя в своей тарелке! Образец английского джентльмена! Он должен жениться — это необходимо для блага всего графства! И вот объявляется женщина, которая утверждает, будто такому джентльмену могут натянуть нос — да еще дважды! Вас это коробит, я вижу. Еще бы! Такое никому и в голову не взбрдет — разве что леди Буш, которая бог весть как пришла к этому дикому заключению и нечаянно оказалась проищательницей. Нет, но какова женщина — представить себе, что такое несчастье может постигнуть человека дважды! Ну, да это леди Буш —

и этим все сказано. Как знать, быть может, она и впрямь прислала вам тот самый подарок, что уже раз к ней возвращался,— вы понимаете, что я имею в виду? Его первую помолвку с мисс Дарэм! Не далее как вчера она сама рассказывала, что в тот раз ей вернули ее подарок. Надо было видеть, как жадно прислушивалась она к рассказу профессора Круклина! У нее просто страсть, мой друг, сушая страсть — предсказывать несчастья! И разумеется, она торжествует, когда предсказания ее сбываются. Вот когда она задерет нос! Чуть что, приметя многозначительно покачивать головой. Теперь от нее житья не будет! Возьмите свои слова обратно, моя Мидлтон! И пусть я разболталась — это не значит, что вы должны отвечать мне односложно, как оракул. Нет, нет, попробуйте излить мне душу, пожалуйста! Вот увидите, ничего у вас не получится, вы исчерпаете ваши доводы в одну минуту. Дайте-ка мне на вас взглянуть как следует! Нет, нет,— произнесла миссис Маунтстюарт, всматриваясь в Кларино лицо.— Нет, вы не лишены ума. Это видно по очертаниям вашего носа, по изгибу губ. Я готова поклясться, что вы именно та, за кого я вас принимала: голова у вас на месте. Но вот как обстоит с сердцем?

— Ах, никак,— сказала Клара со вздохом — не то чтобы наигранным, но и не совсем невольным. Так бывает с человеком, когда он искренне входит в избранную им роль.

Все эти нюансы не ускользнули от внимания миссис Маунтстюарт. Итак, сердце у девушки спободно, а она почему-то сопровождает такое признание вздохом! Если Клара и в самом деле не любит своего жениха и вместе с тем находит нужным так тяжело вздыхать по этому поводу, значит, тут что-то неладно и мы имеем дело с притворством, а притворство, как известно,— мантия, в которую облачается тайна. Девушки не вздыхают так от жалости к человеку, которому не принадлежит их сердце, а если уж вздыхают, то лишь оттого, что их мучит сознание или опасение, что оно принадлежит другому. Как правило, у них нет жалости — с таким же успехом можно ожидать, чтобы солдат в пылу сражения оплакивал убитого им противника. И если девица выказывает подобную жалость, когда никто ее об этом не просит, надо полагать, что это неспроста: под маской притворной скорби о несчастном она скрывает жалость к самой себе.

Мысли эти, равно как и лежавшее в их основе подозрение, хоть и не были далеки от истины, не отличались тон-

костью, а главное — били мимо цели. Даже те, кто считает проицательность своим призванием, вынуждены долго выстукивать молоточком темные недра чужой души, прежде чем нащупают булавочную головку истины, и этот процесс, именуемый удачной догадкой, все равно не доставляет нам истины в чистом виде — к пей всегда пристают чуждые наслоения. А все, что больше истины, тем самым меньше ее. В чистом виде истина достается либо тому, кто верит в нее непреложно, либо тому, кто готов терпеливо выжидать, чтобы она раскрылась сама.

«Другой!» — решила наша умудренная жизнью дама. А между тем другого не было; было лишь зарождающееся чувство, вернее, для такого чувства готовилось место, но светильник еще не был зажжен.

— И вы решительно утверждаете, что не жаждете занять положение первой дамы в графстве?

— Решительно утверждаю.

— Дитя мое, я вам поверю при одном условии. Ну-ка, взгляните на меня. Вот у вас какие глаза! Если вы рождены для каверз, то лучшего оснащения и не нужно. Впрочем, я не понимаю, почему бы вам, завоевав приз, не успокоиться на этом и не вступить во владение им? Положение леди Паттерн, первой дамы в графстве, даст вам неограниченный простор... ведь вы поведете за собой все общество и можете делать, что только не взбредет в вашу взбалмошную головку. Уиллоби дурно вел себя вчера, не спорю, но с такой красотой, — и миссис Маунтстюарт нежно коснулась Кларинной щеки, — с такой красотой можно укротить любого монстра. А наш Уиллоби так же легко управляем, как хорош собою. У вас красота такого рода, которую французы называют... Впрочем, нет, у вас красота королевы эльфов: они так и вьются вокруг вас. Улыбнетесь — и они начинают плясать, затоскуете — повесят голову. Нет, нет, в вас нет ничего inferнального — или, во всяком случае, пока нет. И, послушайте, милая Мидлтон, таким человеком, как он, можно ведь и в самом деле гордиться! Отправьте его в парламент, пусть себе там изливает свою желчь! На мой взгляд, у него великолепные манеры — чуть скованные, вы скажете? Возможно. До вчерашнего вечера, впрочем, я этого не замечала. Не понимаю, что с ним сделалось? Он обычно величав, как священносец! Словом, образцовый английский джентльмен. Уж не обидели ли вы его чем?

— Да, мне пришлось его обидеть — такова моя печальная участь, — сказала Клара.

— И напрасно, дитя мое, ибо все равно вам придется сделаться его женой.

Клара выпрямилась, потом сжалась вся и слегка откинула голову назад.

— Подумайте, какой бы это был скандал! — воскликнула миссис Маунтстюарт. — Не захотите же вы последовать примеру девицы Дарэм? Я не знаю, чем было вызвано ее поведение — то ли ревностью, то ли еще чем. Вы же, по-видимому, успели зайти так далеко и в такой поразительно короткий срок, что, право, страшно подумать, где вы намерены остановиться. На вашем лице непритворное отращение!

— Боюсь, что так оно и есть. Я ничего не могу с собой поделаться. Нет, дорогая миссис Маунтстюарт, ничего я не совершу недостойного и бесчестного — это я вам обещаю. А вас я хотела бы молить о помощи. У меня много недостатков, я знаю. Я ужасно нетерпелива. Я не могу быть хорошей женой. Чувства, которые я испытываю, открыли мне глаза на скверные стороны моего характера.

— Богатство, красота, аристократизм, влияние, отличное здоровье, прекрасные угодья, — сварливым голосом перечисляла миссис Маунтстюарт все эти столь соблазнительные для женского сердца качества, которыми сэр Уиллоби был так щедро одарен. — И вы хотите, чтобы я приняла ваши слова всерьез?

— Я прошу вас помочь мне.

— Чем?

— Убедите его освободить меня от слова. Заставьте его понять, что все остальное — бессмысленно.

— Лишь при одном условии, моя дорогая Мидлтон, соглашусь я вам поверить. Все эти разговоры о том, что у вас якобы нет сердца, разумеется, вздор. Такой перемене, если верить, что она и в самом деле произошла, вы обязаны именно сердцу, а не отсутствию его. Неужели вы сами этого не понимаете? Но если вы хотите, чтобы я была вам другом, не притворяйтесь дурочкой. Достаточно плохо быть дурочкой, а уж притворяться ею — совсем не годится. Вы должны быть со мной откровенны до конца и отвечать на мои вопросы, не увиливая. Итак, вы сюда прибыли с намерением выйти замуж за Уиллоби?

— Да.

— А затем, уже после того, как приехали, *постепенно и вдруг* обнаружили, что выходить за него не намерены.

— Ах, сударыня! Да, это так.

— А теперь перейдем к главному. И на этот раз, прекраснейшая моя Миддлтоц, вы не отделаетесь нылающими щечками. Даже змей-соблазнитель и тот может при случае краснеть, как девушка. Вы должны объяснить мне, как все это получилось. Даю вам на это шесть слов, не больше. И без всяких «сударыней» и «ах, миссис Маунтстюарт!». Итак — чем объясняется перемена в ваших чувствах?

— Я приехала... когда я приехала, у меня уже были некоторые колебания. Право же, я не выдумываю. Я обнаружила, что не испытываю к нему тех чувств, каких он, вероятно, заслуживает. Я перевернулась... я сама была поражена, я не перестаю удивляться и сейчас. Ну, совсем, совсем перевернулась! Так что думать о том, чтобы быть его женой, для меня все равно что...

— Только без сравнений... — перебила ее миссис Маунтстюарт. — А то, если оно окажется удачным, оно так и застрянет в вашей памяти навсегда. И позвольте вас заверить, что вы, мало того что превысили количество отпущенных вам слов, еще и лукавите со мной.

— Я готова поклясться, что нет!

— И окажетесь клятвopеступницей.

— А вы мне поможете?

— Если вы расскажете мне все пачистоту, может, и попытаюсь.

— Милая миссис Маунтстюарт, что я еще могу сказать?

— Вам трудно, я понимаю. Но отвечайте хотя бы на вопросы.

— И тогда вы мне поможете?

— Ну, хорошо. Хоть не в моих правилах торговаться с друзьями. Итак, существует ли человек, которому бы вы были готовы отдать свою руку и сердце? Вот мой вопрос. Пока я не получу на него ответа, я не могу сделать и шагу. Отвечайте: существует такой человек — да или нет?

У Клары захватило дыхание: броситься очертя голову в бездну, всю глубину которой она измерила, отдаться упоению полной исповеди или прислушаться к трезвому голосу благоразумия? Существует ли такой человек? Одна мысль, что он существует, была почти равносильна свободе; признаться в том, что он существует, было бы гарантией ее.

— Ах, миссис Маунтстюарт!

— Ну?

— И вы мне поможете?

— Право, я начинаю сомневаться в том, что вы заинтересованы в моей помощи!

— Которому я была бы готова отдать руку и сердце?

— Постыдитесь! С вашим умом не понимать, в какое положение вы себя ставите, отлынивая от ответа!

— Дорогая миссис Маунтстюарт! Дайте мне вашу руку! Можно, я скажу шепотом?

— Зачем шепотом? Я отвернусь.

— Такой человек существует... — произнесла Клара дрожащим голосом. — Я чувствую себя ничтожеством по сравнению с ним. Если бы я могла быть ему полезной...

— Незачем продолжать. И так, такой человек налицо.

— Ах, сударыня, дело не в этом! Это не то, что вы думаете. Вы требуете, чтобы я была скрупулезно правдивой. Вот я и хочу... Я хочу, чтобы вы поняли, что это чувство совсем не того порядка, какое имеют в виду, когда речь идет об... исповеди. Стать женой этого человека... я не позволяю себе об этом мечтать. Если бы вы спросили, есть ли человек, который вызывает у меня восхищение, я бы ответила: да, есть. Я не могу не восхищаться прекрасной, мужественной и самоотверженной душой этого человека. Его удел вызывает невольную жалость, но, жалея его, чувствуешь, насколько неизмеримо он вас выше, ибо виною его несчастий одно лишь собственное его благородство. Он живет ради других.

В низком, приглушенном голосе ее слышалась волнуемая музыка сердца, не допускающая насмешки или недоверия.

Голова миссис Маунтстюарт покачивалась, как на пружинах.

— Он умен?

— Очень.

— Хороший собеседник?

— Да.

— Красив?

— Пожалуй.

— Остроумен?

— По-моему, да.

— Веселого, беспечного нрава?

— По-своему.

— Разумеется, по-своему. Иначе он был бы фигляром. И беден?

— Он небогат.

Миссис Маунтстюарт задумалась на несколько минут: не выпуская из рук Клариных пальцев, она раза два слегка их сдвинула, дабы, не выражая одобрения, все же немного ее подбодрить.

— Ну, конечно же, беден, — произнесла она наконец. — Ведь вам требуется прямая противоположность тому, что было. Что ж, моя прекрасная Мидлтон, я не могу пожаловаться на недостаток откровенности с вашей стороны. И постараюсь вам помочь по мере своих сил. Каким образом, предсказать не берусь. Сейчас мы с вами увязли в тряси-не. Лучше бы всего, на мой взгляд, чтобы этот ваш горемычный ангел выкинул какую-нибудь дурацкую штуку, и вы получили бы возможность увидеть его в несколько ином свете. Я что-то не очень верю в его непогрешимость. Ведь он знал, что вы помолвлены с другим.

— С его стороны не было ни слова, ни намека, ни взгляда...

— В таком случае откуда вы знаете, что...

— А я и не знаю.

— Следовательно, не он является причиной, по которой вы решили порвать с женихом?

— Нет.

— В таком случае вы мне ровно ничего не объяснили. В чем же причина?

— Ах, сударыня!

— Вы готовы отказаться от своего слова оттого, что на свете существует столь достойная восхищения личность?

Клара только мотнула головой. Она не могла отвечать. Все было как в тумане. Так откровенна она не была еще и сама с собой и теперь, высказавшись, чувствовала, что переступила некую черту, за которую прежде не решалась и заглядывать.

— Ну, что ж, не буду вас дольше задерживать, — сказала миссис Маунтстюарт. — Чем больше мы узнаём, тем больше убеждаемся, что мы отнюдь не так умны, как думали. Видно, придется мне идти на выучку к леди Буш! А я-то и в самом деле приняла вас за тонкого политика! Если еще раз передумаете, вы, надеюсь, известите меня о столь чрезвычайном происшествии.

— Извещу, — сказала Клара, и этот ее ответ прозвучал

убедительнее, чем если бы она с жаром принялась уверять миссис Маунтстюарт в незыблемости своего решения.

Миссис Маунтстюарт испытующе посмотрела ей в лицо, чтобы в свете последних открытий прочесть его по-новому.

— Вы мне разрешаете распорядиться полученными сведениями по своему усмотрению?

— Я всецело в ваших руках, сударыня.

— Не сердитесь, если я показалась вам черствой.

— Вы ничуть не черствая, я готова вас расцеловать!

— Я совсем расклеилась, и ваши поцелуи меня не починят. А я-то смеялась над леди Буш! Теперь я понимаю, почему, когда я поздравила вас с успехом и сообщила вам, что бедный сэр Уиллоби не в силах от вас отказаться, вы так и спикли, как подмокший фейерверк. Я сразу это заметила. Женщина с нюхом леди Буш, которая во всем ищет подвоха, не нуждалась бы в дальнейших разъяснениях. А у него хороший характер?

Несмотря на внезапный переход, Клара без труда догадалась, кого ее собеседница имеет в виду.

— Он не лишен недостатков, — сказала она.

— Тогда и в самом деле — сэру Уиллоби конец. Впрочем, я не говорю, что он отпустит вас, даже когда узнает все, а узнать он должен, это в его интересах. Да я и сама не считаю, что ему следует вас отпустить: ведь тогда роль горемычного ангела выпадет на его долю. Потому что вы... Впрочем, я не намерена говорить вам комплименты, это было бы безнравственно. Вы себя вели дурно, очень дурно. В жизни не встречала такого внезапного и полного поворота! Вы заслужите всеобщее осуждение — о вас будут говорить, вас назовут «номером вторым». Подумайте только! Вам даже откажут в оригинальности. Впрочем, давайте разойдемся, а то я доболтаюсь до того, что и в самом деле рассыплюсь. Кажется, нас зовут к столу?

— Да, звонят.

— Вы не очень-то годитесь сейчас для общества, но вам все же лучше явиться.

— Я знаю. У меня каждый день так.

— Вы ли в моих руках, я ли в ваших — все равно; теперь мы обе вероломные заговорщицы, покушающиеся на покой того самого дома, гостеприимством которого пользуемся, и чем непринужденнее мы будем болтать за столом, тем непригляднее наша роль. Что делать?

Миссис Маунтстюарт расправила складки своего пышного платья и продолжала:

— Когда достигнешь известного возраста, твоими учителями становится молодежь, и, если хочешь узнать что-нибудь новое, приходится оглядываться на нее. Впрочем, я вменяю себе в заслугу то, что не назвала вас сумасшедшей.

И, выйдя из-за кустарников на газон, почтенная дама остановилась, чтобы полюбоваться фасадом Большого дома, мысленно заключив свой монолог следующими словами: «Не лишен недостатков, довольно хорош собой, неплохой собеседник, веселого нрава и беден — вот что она всему этому предпочла!»

Меж тем ей навстречу шел полковник де Крей — весьма недурной собою, безусловно веселого нрава, безусловно неплохой собеседник, совсем не Крез, и в довершение всего — молодой человек, исполненный всевозможных недостатков.

Миссис Маунтстюарт нахмурилась было, но его улыбка, безмятежная, как ветерок в солнечный день, мигом разогнала тучи. Поддавшись обаянию этой улыбки, миссис Маунтстюарт, однако, вспомнила, что это-то обаяние, должно быть, и возмутило покой невесты сэра Уиллоби, и снова сделала строгое лицо.

— Доброе утро, миссис Маунтстюарт. Кажется, во всем доме один я не имел еще чести приветствовать вас сегодня.

— Вы еще долго намерены обретаться в этом доме, полковник де Крей?

— Подобно Вильгельму Завоевателю, я поцеловал эту землю, едва на нее вступив, — ответил он, — и это привязывает меня к здешним местам, сударыня.

— Уж не намерены ли вы их завоевать?

— О, я бы удовольствовался горсточкой здешней земли.

— Вы, кажется, весьма успешно справляетесь с ролью завоевателя. Но я должна вам напомнить, что в наше время права собственности пользуются большим уважением, чем во времена великого нормандца.

— Кстати, о собственности, мисс Мидлтон. Ваш кошелек нашелся.

— Я знаю, — ответила Клара с невозмутимостью, которая, казалось бы, должна была порадовать сердце миссис Маунтстюарт, но ту даже немного покорило искусство, с каким эта девушка напустила на себя простодушный вид.

Клара прошла вперед.

— Кошельки вы возвращаете, — заметила миссис Маунтстюарт.

Ударение, которое миссис Маунтстюарт сделала на слове «кошельки», вместе с ее взглядом приятно взволновали де Крея: ведь эта дама имела длительную беседу с мисс Мидлтон!

— Кошелек просто упал, он не был похищен, — сказал он.

— И потому эта вещь не стоила того, чтобы ее утаить?

— О, я, верно, расстался бы с этой вещью, испытал колебания не менее мучительные, чем те, что выпали на долю бедняги Флитча!

— Если вы не можете смотреть на чужую собственность, не испытывая искушения, я бы советовала вам немедленно покинуть этот дом.

— Чтобы подвергнуться такому же искушению в другом доме? И это вы называете добродетельным советом!

— Меньше всего я пекусь о вашей добродетели, полковник де Крей.

— А я-то возомнил, будто вам дорого мое спасение, сударыня! — сокрушенно произнес он.

Они подошли к дверям столовой, и миссис Маунтстюарт предпочла прекратить разговор, чувствуя, что ей становится все труднее сохранить на лице выражение непреклонной суровости. Слишком признательна была она ему за вчерашний вечер.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Оживленная застольная беседа

Миссис Маунтстюарт перехватила Вернона на пути в столовую.

— Ну, как наши противники — пришли к согласию? — спросила она.

— До этого еще далеко. Во всяком случае, они согласились встретиться вновь, дабы принести совместную жертву богам, избрав для этого кого-нибудь из современных раздражителей древним.

— Что ж, это вполне безобидно. Профессор не жалуется больше на простуду?

— Так, время от времени вспоминает о своем кашле.

— Приложите все усилия, чтобы он о нем забыл.

— Приехали леди Буш и леди Калмер,— сообщил Вернон очередную новость, которая, к его удивлению, произвела на миссис Маунтстюарт ошеломляющее действие.

— Как только все встанут из-за стола, выведите мою прекрасную Мидлтон прогуляться, не теряя ни минуты,— сказала она, понизив голос.— Ее, быть может, придется выручать. Смотрите же, я не шучу.

— Она неутомимый ходок,— с самым простодушным видом ответил Вернон.

— Я не думаю, что вам с ней придется устанавливать небывалые рекорды,— ответила миссис Маунтстюарт.

Вернон отошел, и она снова обратилась к де Крею и принялась расхваливать молодого ученого.

— Вот открытая душа! — восклицала она.— На него всегда можно положиться и — никаких фокусов. Если б вы все были таковы... вместо того чтобы поддаваться любому соблазну... Да, да, уверяю вас, ваше бескорыстие было бы вознаграждено! И именно таким образом, каким бы вам хотелось. Вот чего мужчине никогда не понять!

— Вы говорите это мне — человеку, который носит вашу ливрею?

— Так ли это? — спросила миссис Маунтстюарт, все еще колеблясь — поговорить ли с полковником начистоту или нет.— Почему-то с вами я всегда изъясняюсь на каком-то эзоповом языке,— продолжала она.— Сама не пойму, что тут за причина.

— Вероятно, та же причина, по какой с собакой непременно говорят на ломаном английском: считается, что иначе она не поймет.

Величественная миссис Маунтстюарт с трудом удержалась от улыбки: нет, этот человек положительно забавен, и в конце концов, как бы ни сокрушались друзья сэра Уиллоби, сумасбродство прекрасной Мидлтон можно понять.

— Какой вздор! Вы могли бы с таким же успехом приравнять себя к младенцу.

— Я не посмел.

— Послушайте, полковник, кончится тем, что я в вас влюблюсь, и, как ни грустно, это будет любовь без уважения.

— Уважение — дело наживное, сударыня, оно как букет вина: его ощущаешь только после того, как сделаешь первый глоток,

— Однако мы, женщины, привыкли думать, что уважение должно предшествовать любви.

— Это все равно что нарушить последовательность времени года, заставить октябрь цвести, а март приносить плоды, и, право же, кислое! Уважение — продукт зрелости, оно наступает после расцвета, после знойного полдня, как вечер у домашнего камелька. Начинать с него значило бы обмануть природу: оно явилось бы на свет сиротою и исчезло, не оставив потомства. Поэтому заклинаю вас, сударыня, придерживайтесь заведенного порядка, и вы покажете себя достойной дочерью природы, а меня сделаете счастливейшим из смертных!

— Право, будь я моложе лет на пятнадцать... я и в самом деле попыталась бы вас укротить.

— Вы и тигра укротите. А я всего лишь овечка: вырвите мне зубы, если угодно, но только приласкайте.

— Полковник, я сама задала этот игривый тон и не вправе жаловаться. Но теперь я прошу вас — отложите на время ваше остроумие и онизойдите со мной до будничной прозы.

— На эзоповом языке?

— Нет, полковник, хоть вам он, верно, дается легче всякого иного.

— При первом же требовании я готов сделаться самым прямолинейным человеком на свете.

— Я хочу шепнуть вам слово: будьте начеку, как вчера. Перетасуйте гостей как следует, расшевелите их, как вы умеете. Я не подозреваю злого умысла, но иной раз любопытство — хуже злости, и его подчас труднее отразить, чем злость. Леди Буш и леди Калмер решили почтить нас своим присутствием.

— Вооружившись метлами — чтобы ни в одном из наших закоулков не осталось паутины?

— Примерно так. Вы когда-нибудь фехтовали на метлах?

— Я имею некоторое знакомство с этим видом оружия.

— Но только помните: эти дамы идут напролом.

— Иначе говоря, следуя завету Наполеона, они собирают всю свою мощь в кулак?

— Да, и вы должны мне помочь отразить их нападение.

— Надо будет почаще менять тему разговора.

— Непрестанно. Вы умны, как ангел; боюсь, что если бы мне было доверено сторожить вход в райскую обитель, я бы

нас туда пропустила беспретятственно — воображаю, какой бы там, наверху, разразился скандал! Итак, вперед!

Де Крей распахнул двери в столовую.

— Правда ли, что мы заполучим вас в соседи, доктор Мидлтон? — послышался оттуда голос леди Буш.

Приветствия по адресу вновь прибывших заглушили ответ преподобного доктора.

— А я уже решил, что вы нас покинули, — сказал сэр Уиллоби, обращаясь к миссис Маунтстюарт.

— И сбежала с полковником де Крeем? Нет, мой друг, я стала тяжела на подъем и уже не гожусь для таких подвигов. К тому же я еще не видела свадебных подарков.

— Вот и мы за этим приехали! — воскликнула леди Калмер.

— Признаться, я порядком трушу за свой подарок, — сказала леди Буш, кивая в сторону Клары, сидевшей против нее за столом. — Нет, нет, моя милая, не качайте головой! Мне вежливых отговорок не надо — мне подавай истину, грубую истину.

— Как бы вы определили грубую истину, доктор Мидлтон? — вступила миссис Маунтстюарт.

Доктор Мидлтон, как завзятый воин, услышавший призывный глас трубы, тотчас на него отозвался.

— Грубая истина, сударыня, по моему разумению, — это истина, замешанная на грубости, присущей лицу, эту истину высказывающему, — произнес он.

Профессор Круклин не замедлил дополнить формулу доктора Мидлтона, который не почел нужным пояснить свое философское обобщение примером.

— Афоризм, гласящий, что мир состоит из дураков и что плуты — всего лишь исключения, подтверждающие общее правило, — образец такой грубой истины, сударыня, — сказал он.

Полковник де Крей внес свою лепту в академическую дискуссию.

— Рискуя быть ввергнутым в часть первого определения, — начал он, — определения счастливого, как кит, заплывший в свою утробу Иову и не столкнувшийся притом с необходимостью переварить ученейшего мужа своего времени, — я бы определил грубую истину как заряд грубости, свойственной человеческой природе в целом, в которой вкраплены дробинки истины.

— Сказать, что Платон — это Моисей на аттический

образец, было бы грубой истиной,— сказал Вернон, обращаясь к доктору Мидлтоу, чтобы не дать разговору угаснуть.

— Или — что весь мир уместился в черепа Аристотеля,— ответил доктор.

— Или — что современные поэты живут за счет древних.

— И что разве лишь одна сотая процента этих хищников в состоянии указать точный адрес ограбленной ими сокровищницы.

— Наше нынешнее искусство — оргия грубых истин,— заметил профессор Круклин.

— Причем, делая ударение на прилагательном «грубая», оно подчас и вовсе упускает из вида существительное «истина»,— подхватил доктор Мидлтон.

— Орсон, явившийся во дворец к своему брату Валентину и насмерть перепугавший фрейлин, воспитанных на благопристойных Адамах с гобеленов,— вот вам грубая истина в чистейшем виде,— вставил де Крей.

Чтобы не отстать от гостей в этой оживленной битве умов, сэр Уиллоби нацелил свою стрелу на всю пятерку.

— Словом, карикатура и есть грубая истина,— изрек он, улыбаясь одной Летиции.

— С одной стороны — карикатура,— сказала та,— а с другой — плоский, прямолинейный реализм.

Сэр Уиллоби отвесил ей полупоклон и воскликнул:

— Вот кому следует вручить пальму первенства!

Миссис Маунтстюарт была довольна. Затея ее удалась на славу: все, за исключением бедной Клары, не искусенной в искусстве светского лицемерия и не понимающей, что все это делается ради ее спасения,— все по очереди продефилировали, как на параде, каждый в своем качестве. Успех был несомненен: своим отважным маневром миссис Маунтстюарт одновременно подала сигнал полковнику и произвела диверсию в рядах противника.

Ей не поправился, однако, тон сэра Уиллоби, это его как бы подытоживающее: «словом». Не поправилась и томная манера а-ля Лотарно, с какой он улыбнулся и поклонился мисс Дейл. Ее недовольство не ускользнуло от сэра Уиллоби, и он, в свою очередь, почувствовал себя обиженным. В самом деле, каково было ему, изнемогающему под тяжким бременем забот, состязаться с беспечными гостями в этом турнире вздора, который миссис Маунтстюарт так любила затевать за столом? Не менее покорбил его стройный дуэт мисс Иза-

бел и мисс Эленор Паттери, которые объявили его определенно наиболее исчерпывающим и удачным: родственникам не пристала роль жюри.

— Та-ак! — протянула леди Буш, ошеломленная клубами пыли, которые она подняла незначай.

— Так что же, мисс Мидлтон, они выставлены для всеобщего обозрения или нет? — спросила леди Калмер.

— Перед вами готов выстроиться целый полк, — заявил ей с поклоном полковник де Крей, но леди Калмер продолжала глядеть в упор на Клару.

— Рыцари мисс Мидлтон всегда на виду, — не унимался полковник.

— Нельзя ли на них взглянуть? — настаивала леди Буш. Клара с завидной невозмутимостью обратила к ней недоуменный взгляд.

— Свадебные подарки, — пояснила леди Калмер.

— Они не выставлены.

— Очень жаль. Понимаете, милая, мы боимся, как бы не вышло так, что все подарят вам одно и то же. А это, признайтесь, было бы досадно.

— Совершенно верно, миледи, но существует другая опасность, еще большая, чем та, о которой говорите вы, — сказал де Крей, — а именно — магнитное притяжение, коим свадебные подарки обладают для вездесущего вора. У него, должно быть, особое чутье к бракосочетаниям: стоит где-нибудь выставить свадебные подарки напоказ, и он тут как тут. Говорят, он и через пятнадцать лет способен узнать нессер, подаренный даме по случаю ее бракосочетания.

— Ну, уж и пятнадцать! — отозвалась миссис Маунтстюарт.

— По данным полиции. И если выставить подарки на всеобщее обозрение, их ничто не спасет: ни замки, ни заборы, ни сторожевые собаки. Вор хуже проказника Эрота. И как ни удивительно, единственное спасение в таких случаях — парочка бутылок самого выдержанного ямайского рома.

— Рома? — воскликнула леди Буш.

— Да, да, миледи, рома, этого благородного напитка, столь излюбленного теми, кто состоит на службе в королевском флоте. Если позволите, я расскажу вам одну историю в подтверждение моих слов. У моего приятеля была невеста. А у невесты был дядюшка, этакий морской волк, капитан старой закалки, школы адмирала Бенбоу — деревянная

нога, косида, все честь честью. Насквозь просоленный моряк. Глядя на него, казалось, что его минуту назад повергла к нашим стопам последняя волна прибой. А уж юмор такой, какой только и встречается среди истинных сынов Нептуна. Ну вот открывает невеста пакет со свадебным подарком от дядюшки и видит две бутылки ямайского рома — самого старого, какой можно достать на Британских островах, старше самого дядюшки и дядюшкина отца в придачу. Умоляю вас, миледи, поверить в эту фантастическую историю, ибо вся прелесть ее в том, что в ней нет ни слова вымысла. Бутылки были связаны вместе, в знак того, что они близнецы, ибо каждая имела право на первородство. На обеих красовался ярлычок, указывающий их возраст. Это были поистине патриархальные бутылки, они могли тягаться древностью с самыми родовитыми фамилиями в королевстве. Буриданов осел, очутись он вместо стогов сена между этими бутылками, не знал бы, к которой из них потянуться, — если только предположить у него благородную страсть к рому. Уникальнейшие бутылки! Ну вот, а на ярлычках, поверх года рождения, было выведено крупными буквами: «Свадебный подарок дяди Бенджамена его любимой племяннице Бесси». Слез, которые бедняжка Бесси пролила в своей обиде и негодовании, хватило бы, чтобы потопить дядюшку вместе с его судном. Она утверждала, что дядюшка прислал ей такой подарок с умыслом, — от скупости, чтобы ей досадить, ибо терпеть не мог этого обычая и только ворчал, разглядывая ее выставку сервизов, чашек с блюдами, вазонов, чернильниц, зеркал, столового серебра, несессеров — словом, всего могучего полчища свадебных подарков. Она была в отчаянье, клялась, что ни за что не поставит эти безобразные бутылки среди подарков, выставленных для обозрения на обеденном столе, — домашние, в скобках сказать, все это время питались, кто как мог, ползая по стенам, точно мухи. Нельзя было, однако, забывать о маячившем в отдаленном будущем наследстве дядюшки Бенджамена — так что в конце концов его две бутылки заняли подобающее им место среди прочих подарков. И вот в одно прекрасное утро в доме поднялся страшный переполох: вопли, визг, стоны, прислуга кричит: «Караул! Убивают!» Бог знает что! Девушка и ее родители спускаются, и что же они видят? На полу растянулись два здоровенных вора, у каждого в руке бутылка дядюшкиного рома, у каждого на физиономии отпечаток ночных кошмаров. Мерзавцы так и не очухались — даже пос-

ле того, как их выбросили на улицу. Беспорядок среди свадебных подарков ужасающий — но ни один же украден! Признайтесь, что в этом был повинен свадебный подарок дялюшки Бенджамена: две бутылки старого ямайского рома!

В заключение рассказа де Крей вновь принялся уверять общество в полнейшей его достоверности.

— Какой, однако, дальновидный старин! — воскликнула со смехом миссис Маунтстюарт, обращаясь к леди Буш и леди Калмер.

Дамы нерешительно захихикали.

— У вас еще много в запасе таких забавных историй, полковник де Крей? — спросила леди Буш.

— Ах, миледи, когда дерево примется перебирать свои золотые листочки, считайте его банкротом.

— Весьма поэтично! — провозгласила леди Калмер, искоса взглянув на подернувшееся зыбью лицо мисс Мидлтон и отметив про себя, что та за весь завтрак не обменялась с сэром Уилоби ни единым словом или взглядом.

— Если бы бутылка вашего паттерновского портвейна, Уилоби, не стоила всех свадебных подарков, вместе взятых, — начал доктор Мидлтон, наливая себе бордо в предвкушении ожидавшей его к вечеру награды за скромность во время полдневной трапезы, — если бы она не была ценнее их всех, говорю я, то я рекомендовал бы расставить подобную стражу среди ваших подарков.

— Что вы, сэр, — этим негодникам понадобилось бы не меньше дюжины паттерновского портвейна, — возразил де Крей.

Доктор Мидлтон пришел в ужас от столь кощунственной мысли.

— В таком случае и думать нечего, — сказал он. — Да тут и одной жаль!

— Однако мы ничуть не продвинулись, — заметила леди Буш.

— Считайте, что мы едем на перекладных, — сказала миссис Маунтстюарт.

— И что лошади скверно подкованы, — прибавил полковник.

— Вам хорошо, — возразила леди Калмер. — Вы имели возможность изучить вкусы мисс Мидлтон и знаете, насколько ей по душе те маленькие сувениры, что все еще сокрыты от постороннего глаза. А мы бредем, как в тумане. Вот и леди Буш в смертельном страхе, Еще не поздно совершить

замену — хоть роковой день и близится, мисс Мидлтон. Он, можно сказать, на носу. Я считаю, что об этих пустяках следует говорить открыто, без неленых мешанских экивоков, так, чтобы уж угодить наверняка. Это ведь дело, как и всякое другое. Мне, например, хотелось бы, чтобы меня вспоминали с добрым чувством. Да и хороший топ, по-моему, требует, чтобы об этих вещах говорили просто. Вы выходите замуж. Я хочу подарить вам какую-нибудь вещицу. Что вы предпочитаете? Вещь, которой можно пользоваться или просто любоваться? Для обычной семьи подобрать подарок нетрудно. Но там, где купаются в роскоши, это настоящая задача.

— В особенности, когда у невесты столь определенные вкусы,— прибавила леди Буш.— Право же, я очень огорчена,— сказала она, обращаясь к Кларе.

Сэр Уиллоби оторвался от Летиции. Спокойная решимость не нарушать молчания, которую он прочитал на Кларином лице, требовала его вмешательства.

— Леди Буш, ваш сервиз превосходен, а я в фарфоре знаю толк,— сказал он.— Со старинным саксонским фарфором, как вам известно, у меня бедновато, зато такого севра, как мой, не найдешь ни у кого в нашем графстве. О китайском фарфоре и говорить нечего — такого вы и во всем королевстве не сыщете.

— Вы можете считать ваши две вазы с драконами подарком юного Кросджея,— сказал де Крей.

— Каким образом?

— Да ведь он воздержался от того, чтобы их разбить! Ну, не молодец ли? А фарфор и мальчонка под одной крышей — ситуация, не менее чреватая катастрофой, чем Флитч и его колымага.

— Надо вам сказать,— обратился сэр Уиллоби к леди Буш,— что друг мой Гораций, чья шутка относится к приключению известной давности, героем которой был Кросджей, привез нам изумительную фарфоровую вазу, разбившуюся вдребезги оттого, что опрокинулась карета, в которой он ехал со станции.

Леди Буш и леди Калмер принялись ахать и охать, меж тем как мисс Эленор и мисс Изабел Паттерн вдались в подробности этого происшествия. Затем обе гостьи устремили сочувственные взгляды на Клару. Наконец, оторвав глаза от мраморного лика, который она им явила, леди Буш отчеканила:

— Ну, да сразу видно, что мисс Мидлтон не охотница до фарфора.

— Хорошо, что я вовремя это узнала,— сказала леди Калмер.

— Ах, как мне знакомо это выражение лица, этот взгляд,— произнесла леди Буш, пытаясь быть игривой.— Мне его видеть не впервой.

Сэр Уиллоби был пронзен до мозга костей.

— Дорогая леди Буш,— сказал он.— Право же, вапа чересчур щелетильная щедрость породила какие-то фантастические предположения, и мы употребим все силы, чтобы их развеять.

Он был обескуражен неслыханной вульгарностью, с какой она позволила себе говорить в обществе о своем подарке, и бестактностью, с какой настаивала на этой теме. В ее словах ему даже почудился намек на несчастную Констанцию Дарэм. Впрочем, быть может, это ему и показалось, быть может, это всего лишь его болезненная мнительность? И однако — чем иначе объяснить поведение дамы, называющей себя его другом и поклонницей, аристократки и по рождению и по воспитанию! Неужели здесь в самом деле заговор? Неужели они что-то заподозрили? Он повернулся к Летиции, чтобы почерпнуть силы в ее взгляде.

— Но вы и мисс Мидлтон еще не сделались плотью единой,— возразила леди Буш, слова кинув взгляд на мраморную статую, какую являла собой Клара.— Мне нужно, чтобы два голоса подтвердили, что я ошибаюсь.

— Леди Буш, прошу вас, не считайте меня неблагодарной,— сказала наконец Клара.

— Благодарность! Вздор! Я хочу угодить вашему вкусу, сделать вам приятное. Благодарность трогает меня так же мало, как лесть.

— Но ведь благодарность бывает лестной,— сказал Вернон.

— Избавьте меня от вашей метафизики, мистер Уитфорд.

— Почему вы так равнодушны к лести, миледи? — спросил де Крей.— Это ведь самое тонкое из искусств. Я назвал бы лесть нравственной скульптурой — тот, кто владеет этим искусством, может придавать своим друзьям любую форму, какая ему понадобится. Мне и самому, хоть я и не очень-то в нем преуспел, довелось однажды заставить своего приятеля вести себя, как Соломон. Я добился этого тем, что посто-

янно восхвалял его мудрость. Уже после первых доз он стал проявлять благоразумие и с истинно восточной предусмотрительностью заранее взвешивать каждый свой шаг. Как знать, быть может, если бы я продолжил над ним работу дальше, он нанял бы младенца и парочку матерей, чтобы сотворить над ними Соломонов суд.

— Я хотела бы провести с вами день в Лондоне,— сказала леди Калмер, обращаясь к Кларе.

— А как бы он обошелся с царицей Савской? — спросила полковника миссис Маунтстюарт.

— С ее появлением дальнейший ход игры уже всецело зависел бы от нее самой,— ответил он.

— Если только вам не скучно ходить по магазинам и лавкам в обществе старухи,— не унималась леди Калмер,— и вы не станете над нею смеяться.

— Смеяться над теми, кого мы стрижем! — воскликнул доктор Мидлтон.— Как можно, леди Калмер? Нет, овечка — животное священное.

— Я в этом не совсем уверен,— отозвался Вернон.

— Обоснуйте свои возражения,— потребовал доктор Мидлтон.

— Инстинкт, побуждающий людей смеяться над теми, кого они стригут, заложен в них самой природой.

— Не могу с этим согласиться. Овечки, скорее, вызывают к себе инстинктивную жалость. В особенности, если они блеют, когда их стригут.

— Но вы исходите из того, что даящие — это овцы, которых стригут. Я протестую,— сказала миссис Маунтстюарт.

— Сударыня, от нас ожидают даров; нас всячески подстрекают к тому, чтобы мы дарили; по милости прекрасного пола, свадебные подарки вошли в обычай. На того, кто не хочет или не может сделать ожидаемое подношение, смотрят с такой же неприязнью, как фермер на овцу со свалывшейся и ободранной шерстью: несчастная тварь только будит в нем воспоминание о соседской собаке, напавшей на его стадо. Даже капитан Бенджамен и тот, как вы видели, не мог противиться этому требованию. Нет, пара, собирающаяся связать себя узами Гименея,— это привилегированные пираты, шаптажирующие нас всех; обычай этот достался нам в наследство от эпохи варварства. Но если и сегодня нас ощипывают столь же беспощадно, как в ту отдаленную пору, то я позволю себе все же сказать, что современные

пираты больше не смеются над нами и не третируют нас, как прежде. Я полагаю, что мистер Уитфорд имел в виду разбойников более низкого пошиба.

— Позвольте заметить, сэр, что вы забывали комический вид жертвы,— возразил Вернон.— Я взываю к дамам: если бы на приеме у королевы им повстречался ошипанный страус, неужели он не показался бы им смешным, несмотря на то что в их плюмаже красуются перья этой бедной птицы?

— Вы избрали несколько экзотический пример,— сказал доктор Мидлтон, насупившись.— А это, на мой взгляд,— педозволенный прием.

— Отчего же, сэр? Мне кажется, что в данном случае мой пример вполне правомочен.

— Да, но возможен ли такой случай, позвольте вас спросить?

— В жизни? Тысячу раз!

— Увы, это так,— подтвердила миссис Маунтстюарт.

Леди Буш уже проявляла симптомы нетерпения: оборот, который принял разговор, ничуть не приближал ее к цели.

Вернон поднялся и взглянул в окно.

— Вы не видели Кросджея? — спросил он Клару.

— Нет, по я непременно хочу его разыскать,— сказала она и вышла из столовой. Вернон последовал за пей. У обоих был уважительный предлог.

— Как вы думаете, где наш бедный мальчик? — спросила она.

— Не имею ни малейшего представления. Но наденьте шляпу и идемте со мной, если хотите избавиться от этой парочки инквизиторов.

— Ах, мистер Уитфорд, какое унижение!

— Я подозреваю, что для вас оно меньше, чем кой для кого. К тому же дело идет к концу.

Таким образом, к тому времени, как леди Буш и леди Калмер покинули столовую, мисс Мидлтон улетучилась. Ее не видно было поблизости, никто не знал, в какую сторону она направилась, так что нельзя было ни позвать ее, ни послать за ней гонца.

Сэр Уиллоби извинился за ее исчезновение.

— Если бы я был доступен ревности,— сказал он,— то ревновал бы к этому мальчишке Кросджею.

— Вы — превосходный человек и великодушнейший из кузенов,— загадочно ответила леди Буш,

Леди Калмер стала изливать свои восторги по поводу необычайного оживления, которое царило за столом.

— Хотя, по правде сказать, я и словечка не поняла изо всего, что тут говорилось! У вас здесь всегда так?

— Да, пожалуй.

— Должно быть, короткие периоды скуки воспринимаются вами, как благодатный отдых.

— Вы совершенно правы. Но только слово «скука» я заменил бы словами «безыскусственность и простота». Всякий раз, что я стоскуюсь по этим качествам, я бросаю якорь подле Летиции Дейл.

— Хм! — произнесла леди Буш и кашлянула. — Зато миссис Маунтстюарт помешана на блеске.

— Я полагаю, миледи, что Летиция Дейл не уступит в блеске ни одной из звезд, которых мы с миссис Маунтстюарт собираем вокруг себя.

— Я имела в виду блеск остроумия, проявляющийся в разговоре.

— О, она не отстанет и по части разговора. Быть может, вы просто не дали ей случая блеснуть.

— Да, да, конечно, бедняжка умна. К тому же она очень похорошела.

— А мне так она сегодня показалась просто красавицей, — сказала леди Калмер.

— У нее день на день не приходится, — заметил сэр Уиллоби.

Едва усевшись в карету, дамы погрузились в одну из тех бесед, при которых соприкасаются шляпки собеседниц. Цель их визита была достигнута, и говорили они отнюдь не о слабых подарках.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ,

демонстрирующая некоторые ловкие приемы фехтовального искусства, а также необходимость в нем

Эта ужасная женщина, леди Буш, в свое время напроочила, — правда, задним числом, — бегство Констанции Дарэм. Она же, после того как Уиллоби отправился в кругосветное путешествие, весьма скептически отозвалась о его

любы глубокой привязанности к Летиции Дейл. Незадачливая соперница миссис Маунтстюарт, претендовавшая на руководство общественным мнением округа, в своей непроходимой вульгарности объявила, будто самая форма его носа говорит о нависшем над ним роке. А теперь, со свойственной ей бестактностью, вынесла ему безапелляционный приговор. Как ни скудны были сведения, коими она располагала, она самым гадким образом толковала все чисто внешние приметы, попадавшие ей на глаза. А ее комплименты! Единственное, что она вменила ему в достоинство, это что он великодушный кузен. Велика заслуга — предоставить Вернону Уитфорду кров и пищу! Да и что еще могла она сказать человеку, которого почитала неудачником? Безмозглая, дурно воспитанная женщина, она тем не менее была богата, мастерица на сплетни — они так и разлетались от нее веером, как искры от наковальни! — и, в довершение всего, полностью подчинила своему влиянию леди Калмер. Обе эти дамы, едва покинув гостеприимный стол, отправились разносить злоедающие слухи по всему графству. Он уже чувствовал, как из их уст на его свежую рану повеяло морозным дыханием света. Они совсем — ни та, ни другая — не походили на миссис Маунтстюарт, на эту умнейшую женщину, которую так легко обвести вокруг пальца! С тупым упорством, раз напад на след, они уже не позволяли себе сбиться с него, и единственный способ с ними разделаться было опередить их, схватить ожидаемое ими событие за рога и вывернуть его наизнанку, поразить их новым, совершенно непредвиденным оборотом дела.

— *Как видите, сударыни, вы заблуждались.*

— *Да, сэр Уилоби, мы заблуждались и пришли с повинной. Но нам и в голову не приходило такое!*

Сэр Уилоби представил себе подобный диалог со своими мучительницами, когда тем наконец откроется истинное положение вещей. Сэр Уилоби был мастер заглядывать вперед.

Все это хорошо, но чтобы перехитрить этих дурочек, надо прежде всего разделаться с фактами, принять самые решительные меры — увы, не в воображении, а в жизни! Тупорылая толпа судит по реальным делам. Воздушные замки, игра в «как будто» не производит на нее впечатления. Искусством фехтовальщика, даже самым виртуозным, ее не возьмешь.

На какой-то миг Уилоби трезвым взором философа окинул это всемогущее торжище тупости, вынуждающее нас, —

если мы намерены вступить в единоборство с толпой и перехитрить ее низменные инстинкты, — совершать поступки, несвойственные и даже противные нашей натуре. В такие минуты, когда острота переживаемого им страдания проливала яркий свет на человеческое общество, он, возможно, и был бы способен подняться до мудрого постижения его. Но в том-то и беда, что источником этого света была та самая нестерпимая боль, пронизывающая все существо Уилоби и заставляющая его поступать наперекор рассудку. Ненависть и гадливость, которые он испытывал от зрелища, представавшего перед ним в эти минуты озарения, ослепляли его разум и только взвинчивали нервы. Каждый делает свой выбор — и сэр Уилоби предпочел извлечь из этой картины лестное представление о своем отличии от остальной части человечества.

Да, но если он не таков, как все, — то откуда эта растерянность и тревога? Отчего он чувствует себя несчастным? Все это противоречило доктрине победителя, в которой он был взращен и соответственно которой привык считать — покуда фортуна ему улыбалась, — что успех венчает достойного и что величие принадлежит тому, кто его заслуживает. Подтверждение этой доктрины мы находим в самой природе — ведь зажечь огонь можно лишь с помощью огня! Воспитание, полученное им с детства, безмятежное начало жизни — все это научило его смотреть на земные радости, как на принадлежащие ему по праву. И вот из-за какой-то девчонки он сделался мишенью злоязычия и дрожит от мысли, что о нем скажут две зловредные ведьмы. Так почему бы ему не прогнать девчонку?

Он бы вновь обрел свободу, вновь мог бы наслаждаться жизнью и от этого внезапно возвратившегося счастья сделался бы беспечнее и моложе, чем даже в годы юности.

Но смрадные миазмы, поднимающиеся от земли, заставляют вздрагивать его чуткие ноздри. Сквозь тлетворный туман он различает мутные, желтые глаза человеческой злобы, и ему некуда податься от этого взгляда: на всей земле нет такого закоулка, где бы его не достигло это болотное дыхание. Ведь сам он дышит тем же воздухом, которым дышит свет, смотрит теми же глазами, какими смотрит на него свет. В наследство от предков нашему страдальцу досталась также и утонченность чувств — это проклятие цивилизованного человека. То ли дело — маленькие эгоисты, обитающие в своем маленьком мире. Им незачем заботиться об общественном мнении, Эти обитатели пещер и хижин почесывают себе на

досуге, зализывают свои расчески и требуют только одного: чтобы им никто не мешал. Тогда как Уилоби был эгоистом большого масштаба, эгоистом в цвету, он был рожден смотреть на общество сверху вниз, слушать его славословия, унижаться его поклонением. Как же после этого удивляться ужасу, который охватил его при первом дуновении мороза? Положение принца крови налагает обязательства, ибо в конечном счете он не отличается от прочих смертных. Тот, кто наследует поклонение общества, связан обязательствами еще большими, чем наследный принц, ибо его связывает нечто нематериальное, не поддающееся определению, и это эфемерное нечто не соберешь с подданных в виде налога, не оградишь от мятежников казнями. Он обязан блистать, обязан ухаживать за своими подданными. Всегда и везде, как бы он ни страдал, он должен являться перед ними с безмятежным лицом, подрагивая своей аристократической ногой, доставшейся ему в наследство от придворных кавалеров времен Карла Первого.

Жестоко страдая от полученных ран, Уилоби заперся в лаборатории и, скрытый от нескромных взоров, ходил из угла в угол, судорожно размахивая руками. Ему казалось, что он занят обдумыванием своего положения, — и в самом деле, нервные вспышки, которыми он отвечал на стоявший в его ушах гул неприятельской артиллерии, можно было принять за стремительную работу мысли. Станные его телодвижения отнюдь не были признаками агонии — нет, он всего лишь испытывая потребность в гимнастике!

В дальнем окне — словно нарочно, чтобы напомнить ему о свете, — мелькнула миссис Маунтстюарт; ее пышные юбки кольхнулись на повороте аллеи, и из-за них показался Гораций с его неизменно самодовольной ухмылкой. Подумать только, что женщина, столь гордящаяся своею пронизательностью не в состоянии проникнуть в сущность того фигляра, разыгрывающего роль неукротимого ирландца! Впрочем, быть может, он ей оттого и мил, что готов, вечно кривляясь и без умолку молоть всяческий вздор. Да и не ей одной! Этот болтун рожден завлекать женские сердца. Уилоби ощутил свежий прилив восхищения перед женским постоянством. Перед его мысленным взором возникла та, что была олицетворением этого божественного достоинства: она была прекрасна.

Страшная, неопишуемая судорога — нечто среднее между зевотой и стоном — свела ему челюсти, и, чтобы не дать этому ужасу повториться, Уилоби поспешно обратился к своим

заброшенным пробиркам и колбочкам. Устанавливая их, он провел выгодное сравнение между собою и такими людьми, как Вернон и де Крей, да и прочими обитателями графства — товарищами по охоте и судейскому креслу, которые не понимали и не ценили Науку, это единственное полезное поприще человеческой деятельности.

Впрочем, ему так и не пришлось предаться своему любимому занятию — слишком тряслись руки.

«Нет, так далеко не уедешь», — произнес он, приписывая и эту свою неудачу вражеским козням.

Он знал, что надо по что бы то ни стало овладеть мускулатурой своего лица, подойти к окну и заговорить с миссис Маунтстюарт. То, что она не подошла сама, казалось зловещим симптомом. Да и все ее поведение за столом было довольно недвусмысленным. Это, несомненно, она вдохновила его гостей на словесный турнир, чтобы не дать леди Буш и леди Калмер раскрыть рта. Да, но с какой целью?

Он вспомнил Клариво лицо во время завтрака: вот где разгадка!

Оно выражало непреклонность. Ну что ж, он тоже может быть непреклонным.

— Я не уступлю ее Горацию де Крею, клянусь! — воскликнул он. — Пусть она почувствует на себе всю силу мук, какие мне причинила, и пусть утешается тем, что сама их на себя навлекла.

От клятвы, произнесенной вслух, не отступаются, даже если ни одно постороннее ухо ее не слышало.

Жажда причинить Кларе несказанную боль достигла в нем экстатического накала. Он еще раз потянулся всем телом. И опять это гимнастическое упражнение закончилось судорогой. В эту-то минуту, когда его била лихорадка отчаянья, миссис Маунтстюарт и заглянула в комнату. Он подошел к окну и со смехом произнес:

— Нет, нет, видно, о работе сегодня не приходится и думать — не идет, и все тут!

— Я хочу увести профессора, — сказала она. — Он что-то опять стал беспокоиться о своей простуде.

Сэр Уилоби вышел к ней в сад.

— Я хотел было поработать часок, — сказал он. — А то целый день прошел в праздности.

— Вы каждый день работаете в своем логове?

— Не меньше часа, когда удастся его выкроить.

— Прекрасная отдушина!

От этого замечания его сердце забилося с такой силой, что он подумал, как бы и в самом деле не разболеться.

— Привычка,— сказал он.— Здесь я забываю все и вся.

— Можно надеяться, что мы со временем увидим результаты ваших трудов?

— Этого я не обещаю; я всего лишь стараюсь не отставать от современной научной мысли.

— И служить примером для соседей!

— В вашем любезном представлении, сударыня. Вообще же говоря, быть может, лучше было бы сделаться болтуном и держать записную книжку, полную анекдотов на случай. Но я на это не способен по той простой причине, что не мог бы существовать один на один с собственной пустотой — лишь ради того, чтобы время от времени пускать фейерверки. Я во всем люблю основательность! Вы упрекнете меня в узости. Быть может, вы и правы. Во всяком случае, мало кто сочувствует моим стремлениям.

— Кроме Летиции Дейл, не так ли?

Меланхолически горестная улыбка, которою сэр Уиллоби отозвался на звук этого имени, напоминала покоробившийся от зноя древесный листок.

Почему она не заговаривает о своей беседе с Кларой?

— Ну что, удалось им поймать Кросджея?

— По-видимому, погоня продолжается.

Клара, должно быть, порядком оробела и не решается показаться ему на глаза.

— Неужели вы нас покидаете?

— Благоразумие требует, чтобы я поскорее увезла отсюда профессора.

— Он все еще...?

— Он поражен сходством!

— Достаточно шепнуть слово доктору Мидлтоу, и все уладится.

— Как вы великодушны!

Столь язвительно прозвучавшее в ее комплименте соболезнование заставило его вздрогнуть. Итак, она знает о его несчастье!

— Скажите лучше: философичен,— ответил он,— и вы будете ближе к истине.

— Между прочим, полковник де Крей обещал погостить у меня после того, как расстанется с вами.

— Когда же это? Завтра?

— Чем раньше он покинет усадьбу Паттерн, тем лучше,

Он прелестен и неотразим. Он в пять минут завоевал мое сердце. Я его не виню. Просто у него природный дар обаяния. Мы, женщины, слабые существа, сэр Уиллоби!

Все знает!

— Подобное к подобному, сударыня, остроумие тянется к остроумию.

— Уж не думаете ли вы подарить меня своею ревностью, сэр? Очень лестно!

— Нет, это было бы слишком лестно для де Крея.

— Ну что ж, будьте философом, если можете.

— Я стараюсь, и — верно, оттого, что у меня нет особой нужды прибегать к философии, — мне кажется, что мне это удастся. Впрочем, всякий человек для самого себя загадка.

Миссис Маунтстюарт потупилась, копнула зонтиком землю и — вскинула на него глаза.

— Итак? — спросил он, в ответ на ее взгляд.

— Итак, где же наша Летиция Дейл?

Он на минуту отвернулся.

Когда он вновь обратил лицо к миссис Маунтстюарт, та пристально на него взглянула и покачала головой.

— Нет, мой дорогой сэр Уиллоби, оставьте.

— Что я должен оставить?

— Вы знаете.

— Я не мастер разгадывать ребусы.

— Это ваше «и так далее, и так далее» до бесконечности... Дело зашло слишком далеко. Небольшая разрядка пошла бы на пользу обеим сторонам. Отослите ее домой.

— Отослать Летицию? Немыслимо. Я не могу с ней расстаться.

Прикусив губу, миссис Маунтстюарт продолжала покачивать головой.

— Но что плохого, сударыня, в том, что она здесь? — продолжал настаивать сэр Уиллоби.

— Подумайте сами.

— Она неприступна.

— *Дважды!*

Это был выстрел из мощного орудия. Взгляд его пытался изобразить тупое недоумение, но трепет его сердца, казалось, можно было увидеть невооруженным глазом. Он скорчил гримаску.

— Она неприступна. Она мой друг. Я ручаюсь за нее честью. О, не тревожьтесь за нее. Я бы скорее согласился умереть. Никто на свете не может с ней сравниться,

— *Дважды!* — повторила миссис Маунтстюарт.

Эти два слога, которые она произнесла тихо, нараспев, тоном благожелательного духа, явившегося предупредить об опасности, оглушили его и одновременно привели в ярость. Но он не смел и вида показать, что понял.

— Уж не тревожитесь ли вы за мепя? — спросил он.

— Сэр Уилоби, вам меня не обмануть!

Он был близок к неистовству.

— Дорогая моя миссис Маунтстюарт, вы, видно, наслушались сказок. Я не деспот, не тиран. Я самый покладистый человек на свете. Давайте соблюдать те условности, каких требует общество, говорю я. Вот и все. Что касается бедняги Вернона, всякий вам скажет, что я к нему отношусь по-братски. Я хотел бы, чтобы он женился — и па этот раз благопристойно. Я обещал помочь с устройством его материальных дел. Говорю вам это лишь затем, чтобы вы поняли, что я все обдумал также и с практической стороны. Он, правда, один раз обжегся, но если взяться за него, как следует, если бы вы, например, согласились помочь, его, вероятно, можно было бы убедить сделать еще одну попытку. Как во всякой лотерее, здесь имеется известный риск. Данная лотерея, впрочем, пользуется покровительством государства.

— Но предположим, сэр Уилоби, что я и попытаюсь взять мистера Уитфорда в оборот! Какой в этом смысл, если, как вы утверждаете, Летиция Дейл не согласна?

— Она не согласна, это верно.

— В таком случае мы ведем бесполезный разговор — разве что вы сами возьметесь растопить ее сердце.

Он позволил затанцевать в углах губ улыбке обозначить чуть явственнее.

— С вашей стороны довольно жестоко поручать мне такую задачу.

— Ах, вы считаете, что это опасно?

Почти нескрываемая насмешка в голосе миссис Маунтстюарт задела его за живое.

— Видите ли, — ответил он, — я слишком уважаю такую черту характера, как постоянство, и не мне бы ратовать против нее. И, если уж на то пошло, ваши опасения, конечно, не лишены оснований. Предприимая эту попытку, я спас свою честь; вот и все, что я могу сказать.

Закинув свою аристократическую голову с тонким, орлиным носом, миссис Маунтстюарт посмотрела на него долгим, испытующим взглядом.

— Нет, мой друг,— подытожила она полученное впечатление,— право же, вы прирожденный мистификатор.

— Забудьте о Летиции Дейл.

— Но ведь мы, кажется, собираемся женить Вернона? На ком же тогда? Что-то я ничего не пойму.

— Как я уже говорил, сударыня, я человек покладистый. Показаться тираном я могу лишь сумасбродке, которая, едва продев голову в ярмо,— причем, заметьте, добровольно! — пытается его скинуть. Но тут я тверд: я самым категорическим образом против скандальных разрывов, против открытого нарушения торжественного обета, против беспардонного манкирования общественным мнением. Даже если считать, что повод дан мною самим, я не допущу нарушения приличий. Надеюсь, это ясно. Впрочем, быть может, еще удастся, не поднимая шума, уладить дело так, чтобы все стороны были довольны. Не забывайте, однако, что инициатива здесь принадлежит не мне. Моя роль — пассивная, вынужденно пассивная. Я всего лишь обязуюсь не чинить препятствий.

Сэр Уиллоби замолк, жестом давая понять всю тщету дальнейших разговоров на эту тему.

Робкая догадка относительно истинной сущности этого человека, догадка, которой она едва решилась поверить, промелькнула в голове его старинной приятельницы.

— Ну и ну! — воскликнула она. — Вы меня завели в какой-то лабиринт. Но оставим покуда этот разговор. Я, должно быть, много моложе, чем думала, ибо мне многому еще предстоит научиться. Но вот застегнутый на все пуговицы профессор Круклиц, а с ним — доктор Мидлтон с развевающимися по ветру полами сюртука. Если нас застанут вдвоем, последует кашель, а затем — подстрочное примечание с ссылкой на некую молодую особу и стационарную гостиницу. Распорядитесь же, чтобы подали карету.

— В каком настроении духа застали вы Клару? Смиренном? Или плутовском?

— Я навещу вас завтра утром. Вы чрезвычайно облегчили мою задачу, сэр Уиллоби,— если только я правильно поняла вас на этот раз. Но покуда я еще бреду на ощупь и вынуждена воскресить в своей памяти высказанное мною некогда предположение, тут же отвергнутое нашим великим скептиком леди Буш. А что, если и в самом деле...? Нет, нет, надо признаться, что романтика еще не исчезла с лица земли. Как вы относитесь к простофилям?

— Мне ненавистен весь их род!

— За такой ответ я готова простить вам многое.

Миссис Маунтстюарт едва удержалась, чтобы не прибавить вслух: «Даже если к этой категории вы причисляете и меня».

Сэр Уиллоби позвонил и распорядился, чтобы подали карету миссис Маунтстюарт.

Она все знает! Это ясно: Клара его предала. «Чем раньше он покинет Паттерн-холл, тем лучше», — сказала миссис Маунтстюарт о де Крее. И еще: «Небольшая разрядка пошла бы на пользу обеим сторонам». Да, кое-что ей известно, а об остальном она догадывается. И, однако, подлинной сущности человека, который упражнялся с ней в фехтовальном искусстве, она все же не знала. Проникнуть в его душу ей не было дано. Он стал размышлять о разнице между людьми острого ума и тупицами. Последние-то и представляют наибольшую опасность. Им подавай факты. Это они и вынудили его вступить в новую область смутных намеков, которыми он прилежно обволакивал миссис Маунтстюарт. Правда, самая распыленность этих намеков давала возможность при случае пойти на попятный, но он чувствовал, что и сам в них запутался, — он не мог отделаться от ощущения свершившегося факта, ощущения, надо сказать, чем-то даже и приятного.

И не просто приятного, но даже очень приятного. Конец его терзаниям. Спокойное плавание по спокойным водам с женщиной твердых правил, отнюдь не «плутовкой». Прелесть твердого характера облекала Летицию красотой, недоступной для Клары. Женщина, чья твердость прошла сквозь все испытания, — ведь это настоящая жемчужина! У такой женщины лицо всегда обращено к мужу, как подсолнух к солнцу, ее любовь озаряет его своим светом. Она дышит им одним, живет ради него одного. Весь мир, благодаря ей, повергнут к его стопам. Она — предводительница стройного хора, поющего ему дифирамбы. Она укрепляет в нем его веру в свое назначение. Что может быть прекраснее этого?

И если для того, чтобы обрести такую драгоценность и насладиться покоем, которым она одаряет душу, пужно пройти через муки мученические, то разве право прижать ее к груди, назвать своей навеки не стоит всех этих мук?

Погруженный в мечты, он рассеянно простился с миссис Маунтстюарт и побрел вслед за ее каретой, предпочитая встрече с самой Летицией сладостную работу воображения, получившего новый толчок.

А что, если в самом деле?..

С его стороны это было бы очень благородно. Репутация его только бы выиграла.

Дом его сделался бы крепостью, куда не достигает зло-рече, и он, как небожитель, наслаждался бы безмятежным покоем.

Та, что читала в его душе, знала все ее изгибы и преклонялась перед ним, светила бы ему, как звезда, как неизменная звезда его небосклона.

Это был бы союз с собственным зеркалом, с собственным эхом; с зеркалом, в котором он всегда встречал бы свое сияющее отражение; с эхом, которое всегда отвечало бы ему ликующим хоралом.

Союз с интеллектом, с утонченным пониманием. В его доме забил бы фонтан неиссякаемого остроумия, и его любимый старый Паттерн-холл сделался бы ярким светочем для всего графства.

Он повторял это про себя, как заклинание, как молитву, в которую лишь изредка вторгались диссонансы проклятий по адресу леди Буш. Приставленные к сэру Уиллоби бесенята не преминули отметить эти гневные нотки.

Наступила очередь живописи. Он принялся расцветивать образ Летиции теми прелестными нежными красками, к которым прибегали миниатюристы минувшего столетия. Духовным ее образом он мог упиваться наедине с собой, обществу же надлежит преклониться перед наружной красотой Летиции, и, не жалея эмали и золота, Уиллоби погрузился в работу; он прибавил ей росту, придал ее движениям величавую плавность, наделил ее непревзойденным очарованием — а все из-за проклятой ведьмы, вынудившей его обратиться к подобным упражнениям!

Занятие это привело к тому, что Летиция сделалась в его глазах и в самом деле прекрасной — не только духовно, но и физически. Темные ресницы, оттеняющие бледность ланит, помогли свершиться этому необходимому преображению: идеальный слепок, снятый с Летиции его деятельной фантазией, заслонил ее прежний образ.

Свита бесенят предалась необузданному веселью. Вечно то мы удивляемся людям, вечно всплескиваем руками! Но все эти чудеса обьяснились бы, и не было бы этого всплескивания руками, если бы обезьянье братство постоянно сопровождало таинственное существо, именуемое человеком, и во всеуслышание докладывало о каждом его шаге. Это племя

прослеживает каждый изгиб человеческой души, оно видит человеческое сердце насквозь.

В сердце, и только в сердце, заключены все чудеса. Ни один представитель упомянутого племени не избрал бы объектом своих наблюдений человека, лишепного сердца. Ибо окружение сердца и составляет основу комедии.

«Любовь к себе — вот ключ к человеческому сердцу», — читаем в Книге.

С этим ключом и надо подходить к изучению вышеупомянутого органа. Не мешает также сравнить его с горным ручейком: здесь та же неистребимая энергия маленькой струйки, стремящейся увеличиться в объеме и причудливо извивающейся в упорном поиске своего русла. Это самая трудолюбивая, самая целеустремленная сила на нашей планете.

Наиболее полезные наблюдения можно делать, сосредоточив внимание на извилинах потока. Беда в том, что как раз эти-то наблюдательные посты почти никто не занимает. Едва взглянув, люди, вместо того чтобы терпеливо изучить проявления этой силы, обращают друг к другу удивленные возгласы и всплескивают руками.

Потому-то нам и представляется невероятным, чтобы человек, влюбленный в одну женщину и находящийся в полном — или почти полном — рассудке, был в состоянии, как бы усилием воли, едва прикрывая свое намерение благовидным предлогом, заставить себя влюбиться в другую. Между тем дело объясняется очень просто: ненасытным голодом могучего и вместе с тем гибкого органа, именуемого сердцем. Узенький горный ручей у нас на глазах превращается в мощный поток; вот он обтекает с двух сторон красивый валун, и если камень не дает себя увлечь, устремляется дальше, дальше — искать себя, искать запруду, которая бы наконец его остановила и успокоила. Такой спокойной запрудой, ожидавшей нашего героя, представлялась ему Летиция.

Летиция Дейл была молодая, но уже увядшая женщина. Он это знал; но, привыкнув смотреть на себя ее воздетыми вверх глазами, он принимал ее со всем доброжелательством божества, признательного за поклонение, и с помощью божественной силы, коею она его наделяла, возвращал ей все краски молодости и утраченную свежесть. Сердце его требовало, чтобы она была такой. Сердце управляет пружинами нашего воображения, а воображение, получив заказ от сердца, действует, как искусный художник,

Настолько искусный, что соблазнительный шедевр, который оно нарисовало, давал возможность сэру Уилоби думать о Летиции даже в присутствии Клары.

Клара появилась в воротах парка вместе с Верноном: блистательная, но пустая девушка; существо, источающее животное здоровье, привлекательное, но капризное, нетерпеливое, коварное и злое; женщина, которой дано втоптывать мужчин в грязь.

Она приближалась.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ,

в которой мы подходим к сердцевине эгоизма

Они встретились. Постояв с ними минуту, Вернон отошел.

— Нашли Кросджея? — спросил Уилоби.

— Нет. Но я хочу повторить свою просьбу: простите его! Бедняга ведь сказал неправду из-за мальчишеского представления о рыцарской чести.

— Рыцарская честь, которая начинается со лжи, приводит к тому, что подобный «рыцарь» становится героем известного толка, столь милого дамскому сердцу и столь распротрапленного в свете, — героем, который подчас кончает скамьей подсудимых.

Он всегда умел заставить ее умолкнуть: она терялась и не знала, как отвечать на подобные тирады.

— Итак, — сказал он, — вы сделали миссис Маунтстюарт своей наперсницей.

— Да.

— Вот ваш кошелек.

— Благодарю вас.

— Профессору Круклину удалось познакомить доктора Мидлтона с вашим неосуществленным намерением. Это, по всей видимости, ваш железнодорожный билет в складке кошелька. На станции профессора Круклина заверили, будто вы взяли билет до Лондона и не нуждается больше в кошельке.

— Это правда. И я жалею об этой глупости.

— А сейчас вы уютно поболтали с Верноном и, надо полагать, вывернули меня нанзанку?

— Мы о вас не говорили. Я понимаю, что вы имеете в виду, но он бы никогда не пошел на такое.

— Да, он славный малый, у него есть понятие о чести, пусть и несколько старомодное. И притом он чрезвычайно скрытен. Кстати, он ничего вам не рассказывал о своей жене?

Кошелек выпал из Кларипых рук, и она наклонилась, чтобы его поднять.

— Я ничего не знаю о личных делах мистера Уитфорда, — сказала она, извлекая из кошелька железподорожный билет и разрывая его на мелкие клочки.

— Его история — лишнее доказательство того, что эти романтические души в жизни весьма неромантичны. Вы любите говорить о «рыцарской чести». Побуждаемый этой самой рыцарской честью, он, верно, и женился на дочери хозяйки меблированных комнат, где проживал, пока я не взял его к себе. О сем благословенном союзе мы узнали из газетной хроники, в которой говорилось о нетрезвом поведении миссис Уитфорд, учинившей дебош на одном из лондонских вокзалов — скорее всего, том самом, на который вы должны были вчера прибыть, — ибо скандал этот произошел, как выяснилось, в день, когда мадам Уитфорд паправлялась сюда за пополнением несколько оскудевшего хозяйства супругов Уитфордов.

— Я очень огорчена. Я ничего не слышала и ничего не знаю, — сказала Клара.

— Все это вызывает у вас понятную брезгливость. Впрочем, добрая половина студентов и писателей именно таким образом и женится. И мало кому из них так везет, как повезло Вернону.

— У нее были какие-то достоинства?

Клара выпятила нижнюю губу, что и в самом деле придало ее лицу брезгливое выражение. Уиллоби стал убеждать ее не предаваться этому чувству.

— Сочинители, даже те из них, кто имеет доступ в общество, славятся полным отсутствием вкуса там, где дело касается женщин. Им нужна хозяйка. Порядочные женщины их отпугивают и, вероятно, были бы для них помехой.

— Вы сказали, что ему повезло.

— Я вижу, он вам не безразличен.

— Я его глубоко уважаю.

— Да, он хоть и чудак, но добрый малый, честный и все такое прочее. Но, конечно, столь малопочтенный союз оставляет на человеке пожизненное клеймо. Свет не заставит

молчать. Да, пока что ему везет. Он шлепнулся в грязь и поднялся из нее. Но если ему доведется жениться во второй раз...

— А разве она...?

— Умерла. Нет, не пугайтесь: своей смертью. Молитвы его близких были услышаны. Он похоронил эту женщину, и я приютил его. Взял с собою, когда отправился в свое знаменитое путешествие. Второй брак, возможно, покрыл бы позор первого. Конечно, люди вспомнили бы ту, прежнюю историю, пошумели бы немного; родные той женщины все еще продолжают ему писать — должно быть, кличат у него деньги. Теперь вы понимаете, отчего он так угрюм. Не думаю, чтобы он слишком сожалел об этой утрате. Разве что вздыхает время от времени — из сентиментальности, как все мужчины, после того как избавятся от тяжелого груза. Но вы не должны думать о нем плохо.

— Я и не думаю,— сказала Клара.

— Всякий раз, как заходит речь об этом эпизоде, я за него вступаюсь.

— Разумеется.

— Но я не оправдываю его глупости. Совсем обелить его я не берусь.

Они подошли к дверям дома. Клара подождала, не захочет ли он сказать ей что-нибудь еще, но он молчал, и она побежала к себе наверх.

Мысленно он уже швырнул ее Вернону, и не только без всякой боли, но с острым чувством удовлетворения. Ну, не чудотворец ли человеческое сердце?

Сэр Уиллоби решительным шагом направился к Летиции.

Впрочем, решительной была только походка; в душе он еще колебался.

Летиция сидела подле открытого окна за вышиванием. По эту сторону окна, опершись о подоконник, стоял де Крей. Уиллоби решил простить ей сдержанное оживление, с каким она слушала своего собеседника.

— Уверяю вас,— говорил полковник,— я провел самые приятные полчаса в моей жизни и предпочитаю бездельничать с вами, если вам угодно называть нашу беседу бездельем, чем болтаться в седле.

— Беседа с мисс Дейл никогда не бывает праздною трапезой времени,— произнес Уиллоби.

Она сидела в лестном для нее полумраке.

Полковник осведомился о Кросджей, Летиция вполголоса

замолвила словечко за мальчика. Уилоби принялся разглядывать ее рукоделье.

Появились тетушки Эленор и Изабел. Они пришли пригласить Летицию на прогулку в карете.

Летиция ответила не сразу, и Уилоби сказал вместо нее:

— Мисс Дейл только что упрекала Горация в безделье, а я предлагаю вам завербовать его к себе на службу, а я сменю его здесь.

Дамы взглянули на полковника — он не заставил себя просить и направился с ними к карете.

— Полковник де Крей говорил со мной о мальчике, — возобновила разговор Летиция, не поднимая головы от рукоделья. — Позвольте надеяться, сэр Уилоби, что вы простите беднягу?

— Что вы можете сказать в его защиту?

— Если бы я обладала даром красноречия!

— По-моему, вы им обладаете.

— Он виноват, безусловно, но побуждения у него были самые благородные. В школе, среди товарищей, он считался бы образцовым мальчиком. А здесь он вечно перевозбужден, его душевные силы в постоянном напряжении.

— Этого не было, когда он жил с вами в вашем доме.

— Я сурова и строга.

— Спартацкая мать!

— Если бы мне пришлось воспитывать мальчика, я бы, верно, придерживалась спартацкой системы — по только не в одном: он всегда чувствовал бы, что может рассчитывать на мое снисхождение.

— Но не за счет правосудия, надеюсь?

— Ах, я не стала бы судить столь юное существо по всей строгости закона! Мне кажется, что, запугивая детей, мы их губим. Ведь мы рискуем вызвать то самое зло, которое хотим искоренить, не правда ли? Дети делят свое время между школой и домом; и, мне кажется, они вправе рассчитывать, что точно так же дисциплина чередуется со снисхождением. Характер у них еще не сложился, и к ним нельзя предъявлять моральные требования, рассчитанные на взрослых. Ведь ожесточить юное сердце ничего не стоит! Вот видите, сэр Уилоби, я и доказала, что не обладаю красноречием. Впрочем, вы сами вызвали меня на этот разговор.

— Все, что вы говорите, Летиция, чрезвычайно разумно.

— Во всяком случае, справедливо. Не поразмыслите ли вы над тем, что я сказала? Я уверена, что, подумав, вы и сами

захотите его простить. Однако я чересчур осмелела, — боюсь, как бы мне не пришлось просить у вас прощения за себя.

— Вы еще пишете? Продолжаете трудиться? — спросил Уилоби.

— Немного, совсем немного.

— Мне не нравится, что вы растрчиваете свои силы на публику. Вы слишком драгоценны, чтобы кормить это чудовище. Постоянное расходование энергии неминуемо ведет к истощению. Лучше поберегите себя для друзей. За что вы их обкрадываете? Разве не резонно полагать, что чем больше вы сэкономите сил, тем больше богатства внесете в свой домашний круг? И я вам честно признаюсь, что, имея я на это право, я бы конфисковала ваше перо. Я бы сказал: «Прочь эту погремушку!» Я не имею обыкновения цитировать Кромвеля, но его слова приложимы к данному случаю. Только вместо «погремушки» я употребил бы слово «ланцет». Право, это было бы точнее. Ваше перо и в самом деле стоит вам крови, изнуряет вас. И ради чего? Ради дуновения славы!

— Я пишу ради денег, сэр Уилоби.

— На это, если бы речь шла не о вас, а о ком-либо другом, я сказал бы, что в конечном счете вам грозит умственная деградация и даже — как знать? — нравственная! Торговля умом не может продолжаться безнаказанно. Она неизбежно низводит его до уровня тех, кто его покупает. Нет, Летиция, я конфискую ваше перо.

— В таком случае, сэр Уилоби, вы конфискуете ваш собственный дар.

— Это только доказывает... постойте, когда же я сделал вам этот подарок?

— Вы прислали мне золотую вставочку для пера к моему шестнадцатилетию.

— Это доказывает полнейшее мое легкомыслие в те годы. Ах, и в более поздние тоже!

Облокотившись о колено, он прикрыл глаза рукою. Откуда-то, словно из бездны, где обитает неумолчный голос прошлого, еще раз глухо раздалось: «И в более поздние тоже!»

Да, в этом не было ничего невозможного, решил он. Правда, попытка привести сидящую перед ним живую девушку в гармонию с художественным произведением, которое он расцветил такими чистыми и яркими красками, стоила ему немало труда. От усилия он даже зажмурился. Впрочем, задача была ему по плечу. Приветливый голос Летиции, ее разумный разговор и милосердный полумрак — все это значительно об-

замолвила словечко за мальчика. Уилоби принялся разглядывать ее рукоделье.

Появились тетушки Эленор и Изабел. Они пришли пригласить Летицию на прогулку в карете.

Летиция ответила не сразу, и Уилоби сказал вместо нее:

— Мисс Дейл только что упрекала Горация в безделье, и я предлагаю вам завербовать его к себе на службу, а я сменю его здесь.

Дамы взглянули на полковника — он не заставил себя просить и направился с ними к карете.

— Полковник де Крей говорил со мной о мальчике, — возобновила разговор Летиция, не поднимая головы от рукоделья. — Позвольте надеяться, сэр Уилоби, что вы простите беднягу?

— Что вы можете сказать в его защиту?

— Если бы я обладала даром красноречия!

— По-моему, вы им обладаете.

— Он виноват, безусловно, но побуждения у него были самые благородные. В школе, среди товарищей, он считался бы образцовым мальчиком. А здесь он вечно перевозбужден, его душевные силы в постоянном напряжении.

— Этого не было, когда он жил с вами в вашем доме.

— Я сурова и строга.

— Спартацкая мать!

— Если бы мне пришлось воспитывать мальчика, я бы, верно, придерживалась спартацкой системы — но только не в одном: он всегда чувствовал бы, что может рассчитывать на мое снисхождение.

— Но не за счет правосудия, надеюсь?

— Ах, я не стала бы судить столь юное существо по всей строгости закона! Мне кажется, что, запугивая детей, мы их губим. Ведь мы рискуем вызвать то самое зло, которое хотим искоренить, не правда ли? Дети делают свое время между школой и домом; и, мне кажется, они вправе рассчитывать, что точно так же дисциплина чередуется со снисхождением. Характер у них еще не сложился, и к ним нельзя предъявлять моральные требования, рассчитанные на взрослых. Ведь ожесточить юное сердце ничего не стоит! Вот видите, сэр Уилоби, я и доказала, что не обладаю красноречием. Впрочем, вы сами вызвали меня на этот разговор.

— Все, что вы говорите, Летиция, чрезвычайно разумно.

— Во всяком случае, справедливо. Не поразмыслите ли вы над тем, что я сказала? Я уверена, что, подумав, вы и сами

захотите его простить. Однако я чересчур осмелела, — боюсь, как бы мне не пришлось просить у вас прощения за себя.

— Вы еще пишете? Продолжаете трудиться? — спросил Уилоби.

— Немного, совсем немного.

— Мне не нравится, что вы растрачиваете свои силы на публику. Вы слишком драгоценны, чтобы кормить это чудовище. Постоянное расходование энергии пеминуемо ведет к истощению. Лучше поберегите себя для друзей. За что вы их обкрадываете? Разве не резонно полагать, что чем больше вы сбережете сил, тем больше богатства внесете в свой домашний круг? И я вам честно признаюсь, что, имея я на это право, я бы конфисковал ваше перо. Я бы сказал: «Прочь эту погремушку!» Я не имею обыкновения цитировать Кромвелля, но его слова приложимы к данному случаю. Только вместо «погремушки» я употребил бы слово «ланцет». Право, это было бы точнее. Ваше перо и в самом деле стоит вам крови, изнуряет вас. И ради чего? Ради дуновения славы!

— Я пишу ради денег, сэр Уилоби.

— На это, если бы речь шла не о вас, а о ком-либо другом, я сказал бы, что в конечном счете вам грозит умственная деградация и даже — как знать? — нравственная! Торговля умом не может продолжаться безнаказанно. Она неизбежно низводит его до уровня тех, кто его покупает. Нет, Летиция, я конфискую ваше перо.

— В таком случае, сэр Уилоби, вы конфискуете ваш собственный дар.

— Это только доказывает... постойте, когда же я сделал вам этот подарок?

— Вы прислали мне золотую вставочку для пера к моему шестнадцатилетию.

— Это доказывает полнейшее мое легкомыслие в те годы. Ах, и в более поздние тоже!

Облокотившись о колено, он прикрыл глаза рукою. Откуда-то, словно из бездны, где обитает неумолчный голос прошлого, еще раз глухо раздалось: «И в более поздние тоже!»

Да, в этом не было ничего невозможного, решил он. Правда, попытка привести сидящую перед ним живую девушку в гармонию с художественным произведением, которое он расцветил такими чистыми и яркими красками, стоила ему немало труда. От усилия он даже зажмурился. Впрочем, задача была ему по плечу. Приветливый голос Летиции, ее разумный разговор и милосердный полумрак — все это значительно об-

легчало дело. Да, это трезвый напиток, трезвый и благотворный. Предоставим безумствовать желторотым юнцам. В зрелые годы тянутся к хмельному — только искушать судьбу.

И в самом деле, человек, женатый на женщине, подобной Летиции, мог бы трубить о ее добродетели и нравственном совершенстве, не стесняясь ничем, в то время как, если бы жена его славилась необыкновенной красотой или незаурядным талантом, он был бы вынужден молчать. Это звучит парадоксально, и тем не менее это так. Сама нейтральность Летиции, ее бесцветность, оборачивалась достоинством, ибо давала возможность наделять ее какими угодно красками.

Летиция прекрасно понимала, что сэр Уиллоби пребывает в расстройстве чувств. И вскоре смутная тревога, которую она поначалу ощутила, уступила место изумлению: он даже не считал нужным притворяться перед нею! Но тревога все же не проходила: Летиция опасалась, как бы он не разразился запоздалыми сожалениями или какой-нибудь страстной тирадой.

— Так можно надеяться, что Кросджей прощеп? — спросила она.

Сэр Уиллоби оторвал ладонь от глаз.

— Друг мой, я всегда руководжусь принципами. Докажите мне, что я ошибаюсь, и я не стану упорствовать. Вы меня знаете. Люди, которые не сообразуют свои поступки с принципами, они... словом, они не достойны провести и получаса в вашем обществе. Мы еще поговорим попозже. Сейчас мне нужно отправить кое-какие письма. Итак, сегодня в полночь. В той самой комнате, где мы с вами беседовали последний раз. Или нет, ждите меня, пожалуй, в гостиной. Ведь мне придется занимать гостей до самой ночи.

Он поклонился. Он спешил.

Да, задача вполне выполнима. Так он решил, так он и сделает. Таково предопределение судьбы.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

В самом сердце эгоиста

Тем не менее в судьбе было нечто от палача. Уиллоби с ужасом думал о предстоящей встрече с Кларой. Зачем только удерживал он ее здесь все это время? Иметь ее перед глазами — и не отступиться от своего благоразумного реше-

ния, когда один ее вид лишает его всякого благоразумия! Если бы ее не было рядом, быть может, поддерживая себя сознанием долга по отношению к самому себе, он и проделал бы все, что от него требовалось, — не без тайной ненависти к несчастной, которую готовился осчастливить, но с чтолным соблюдением приличий: он был бы учтив и по-своему великодушен. Однако мысль о том, что Клара будет здесь все это время до и даже — о, ужас! — после того, как он сделает этот роковой шаг, одна эта мысль выводила его из равновесия. Гордость? Но у него не осталось ее ни капли — всю свою гордость он кинул Кларе на растоптание. Впрочем, нет, его гордость осталась при нем — он успел подхватить ее вовремя, еще до того, как Кларина нога на нее ступила. Да, ему удалось сохранить свою гордость, но лишь затем, чтобы она княжалом вонзилась ему в сердце, по самую рукоятку. Его гордость была его горем, но он был слишком горд, чтобы этому горю поддаться. «Я поступаю правильно». Как только он произнес эти слова, сознание собственной правоты выровняло все ухабы и рытвины на его пути. Но тут же перед ним встал вопрос, требовавший немедленного ответа: одобрит ли свет его выбор, позволит ли ему гордиться Летицией? В свое время он мог бы в этом не сомневаться. Но теперь? Кларина сияющая красота вновь коснулась его сердца своими лучами.

Все мы, люди, находимся на борту корабля, который буря кидает с волны на волну: кругом раздаются крики и вопли, экипаж в замешательстве, инстинкт самосохранения заставляет одних спасать тонущее судно, других — свою жизнь. Клара представляла для него обломки корабля, Летиция — жизнь. Впрочем, как знать, быть может, истинное спасение в том, чтобы изо всех сил цепляться за Клару, а не в том, чтобы отбросить ее ради Летиции? Нет, нет, Клара слишком глубоко уязвила его самолюбие! Ведь она чуть ли не на глазах у него откровеничает с каждым по очереди. Она предала его — сперва Вернону, затем миссис Маунтстюарт, а судя по глазам Горация де Крея, и ему, — словом, всем, кому не лень. Быть может, и стоило держаться за нее, чтобы ей отомстить, но жажда мести, коль скоро ее утоление не сулило реальных выгод, не являлась достаточно побудительной силой для сэра Уиллоби.

«Я не признаю мести», — произнес он, и в душе у него защемило от сладкой боли восхищения перед человеком, спо-

собным на такое великодушие, несмотря на причиненное ему зло.

Но чем больше достоин он был восхищения, тем больше заслуживал и жалости. И он отмерил две-три капли жалости к себе и проглотил их, в качестве противоядия против возможных проявлений общественного соболезнования.

Итак, от Клары следует отказаться. Надо убедить свет в том, в чем был убежден он сам, а именно — что он поступает правильно. Он был Лакооном, но Ласкооном, борющимся со змеями, которых сам же и вызвал, и эта его поза борца, напрягшего все мышцы, была не лишена известного величия. Да, от Клары следует отказаться. О, прекрасная! О, ненавистная! Надо от нее отказаться — но только не уступать ее тому, чьи ласки отравленными стрелами вонзались бы в сердце Уиллоби. Нет, ее следует отдать тому, кто заставил бы померкнуть ее блеск: пусть она делается второй женой старомодного отшельника, опозорившего себя своим первым браком! И если люди узнают, что она отвергнута и брошена старине Вернону и что, движимая досадой, стыдом, отчаянием, под давлением обстоятельств и собственного благоразумия, решила обвенчаться с ним, то в глазах света ее красота утратит свое бывшее значение! Люди поймут все надлежащим образом. Инстинкт самосохранения нашептывал Уиллоби, что, в случае если бы Клару к алтарю повел не Вернон, а Горацій де Крей, свет посмотрел бы на это совсем другими глазами. Нет, не мстительное чувство, а именно инстинкт самосохранения подсказывал ему этот ход. Еще раз окинув мысленным взором ее проступок, он почувствовал себя полностью оправданным — нет, он вовсе не желал ей зла! Уиллоби был джентльменом, и притом джентльменом в высшей степени цивилизованным. Но он был не прочь подвергнуть ее всем прелестям публичного скандала, или если не скандала, то, по крайней мере, светских пересудов.

Итак, он передал ее с рук на руки Вернону Уитфорду, своему кузену, исполнявшему при нем обязанности секретаря, который согласился зажмурить глаза и открыть рот.

Слышите, что говорят в обществе? Разве заставили людей молчать? Довольно уже того, что он не желает ей зла. Но, и не желая ей зла, он, разумеется, не мог не предвидеть, что блеск ее неминуемо потускнеет — такая мысль невольно приходила ему в голову, иначе он не перенес бы утраты Прекрасной и Ненавистной. Без этого он не мог бы уступить ее другому.

Все эти мысли были хороши еще тем, что доставляли ему облегчение уже в настоящем. Представив себе пересуды, какие пойдут в обществе, и недоуменное пожимание плеч, он увидел Кларин образ запятанным и лишенным своего обычного магнетизма. Теперь он может спокойно встретиться с ней лицом к лицу. На нем броня неуязвимости. Нетронутость — основное условие, которое он предъявляет женщине, а женщина, о которой *говорят*, не способна вызвать в нем сердечный трепет.

Будем, однако, снисходительны и постараемся вникнуть в положение Эгонста, в чьем лице нежность родителя сочетается с сыновним почтением, причем объектом и того и другого чувства является он сам. Отец и сын, соединенные в одном лице, связаны теснейшими узами родственной любви. Как же им спокойно взирать на поступки, ранящие одного из них, не испытывая лютой ненависти к обидчику? Нет, они не желают вам зла, но ни один из них не допустит, чтобы другой страдал и понапрасну томился. Взаимное сочувствие, которым так крепко спаяна эта пара, не мешает каждому в отдельности испытывать еще более интенсивную любовь к себе. И пусть даже им случится принести вас в жертву, вас, ни в чем не повинного человека, — это будет жертва, возложенная на алтарь взаимной любви: сыновней почтительности и отцовской нежности... Младший предложил старшему лакомый кусочек или, напротив — старший младшему. Они слишком поглощены своей взаимной преданностью, чтобы думать о вас. Они поистине великолепы!

Однако не следует забывать, что младшему свойственны все страсти юноши, вследствие чего между нашей трогательной парой намечаются разногласия — а это уже составляет трагическое, вызывающее к жалости. В таком-то горестном положении и пребывал сэр Уилоби-младший, когда, вняв совету сэра Уилоби-старшего, он согласился отведать протянутый ему горький плод. Старший при этом старался не замечать сведенных судорогой челюстей младшего. Как бы то ни было, одна часть сэра Уилоби постигла мудрость, заключающуюся в соблюдении собственных интересов, а другой его части, менее зрелой, оставалось только, призвав на помощь сыновнее чувство, этой мудрости покориться. Разумеется, здесь не обошлось без боли, но тот же сыновний долг велел мужественно эту боль превозмочь: сын, ропщущий на судьбу, бросает тень на отца. Итак, Уилоби, исполненный сыновней преданности к Уилоби, покорился Уилоби. Из всего этого мы видим, что

нам, собственно, и незачем было взывать к списхождепню. Жалость здесь ни при чем. Если мы прибегнем к элементарной анатомии и расщепим Эгоиста на две его составные части, то убедимся, что он достоин не то что оправдания, а быть может, даже и восхищения. Все мы ведем свое происхождение от Эгоиста, от первобытного человека. В каждом новом эгоисте возрождается и заново утверждается в своих правах его древний предок. Возрожденный дикарь в условиях современной цивилизации может быть весьма отшлифованным джентльменом, не утратившим от своей самобытности ничего, кроме корявой прямолицейности патриарха, зачинателя рода. Сам себе отец, он также и наш отец, но он же и наш сын. Мы породили его, он — нас. С этого мы некогда начали, к этому мы со временем вернемся. Да, мы всего лишь, как говорит поэт, гребцы, работающие веслом против течения — «*si brachia forte remisit...*»;¹ как бы далеко мы ни заплыли вверх по течению, если мы хоть на минуту прекратим работать веслом, нас отбросит вместе с лодкой назад, к исходным началам нашего существования. Ведь все мы не более как семена, небрежно раскинутые рукою селятеля.

Правда, здесь можно бы процитировать и других поэтов, которые скажут нам, что возвращение к примитиву отнюдь не является признаком вырождения; напротив, оно скорее служит доказательством нерушимости нашей породы, первоначальной энергии, сметающей на своем пути все, что мешает развитию особи; примитивный человек — это образец, и всякий из нас мог бы стать таким, если бы обладал сосредоточенной энергией своего предка. Он сумел сохранить самобытную невинность, простодушие во всей его чистоте. Это мы сами, смешавшись с обществом, растворившись в нем и утратив свою сущность, олицетворяем собой спад, измельчание породы. А он стоит посреди нас, незыблемый, как монумент, как вежа честной и грубой старины, испещренная символами нашего первобытного языка — изображениями ног, устремленных в беге, и могучих рук, разящих противника; славный камень, впервые высекший огонь, и оперенная стрела — вот герб, осеняющий этот памятник. Мусорной кучей истории, этой радостью археолога, высится он среди нас, и быть может, эта мусорная куча и есть венец творения.

Однако общество обступило Эгоиста со всех сторон. Оно

¹ Если дать отдых рукам... (лат.)

напоминает ему о себе, время от времени отрезвляя его зрелищем виселицы, на которой болтается какой-нибудь простодушный сын природы. С содроганием отворачивается он от этого зрелища, но едва ли с меньшим содроганием взирает на казнь, постигающую смельчака, дерзнувшего бросить вызов обществу: эта казнь — полное уничтожение его репутации. Размышляя над контрастами, какие жизнь являет взору, он чувствует, как в нем начинают бродить начатки воображения, и поднимается в новую сферу Эгонизма — духовную. Он становится цивилизованным эгонистом. В нем, разумеется, сохранился прежний дикарь, подобно тому как у современного человека сохранились зубы, хоть пользуется он ими уже иначе, нежели его прародитель.

Словом, являлся ли сэр Уиллоби жертвой вырождения (а у нас нет никаких оснований это утверждать) или нет, он был эгонистом цивилизованным, наделенным могучим воображением, которое начинало работать всякий раз, как затрагивались его коренные интересы. Он открыл для себя область более обширную, чем область чувственных appetitов, и, как новоявленный Александр Македонский, покорил ее. Во время этих горделивых походов он и подхватил к себе в седло — сперва Констанцию, а затем и Клару.

Каким именно образом тайники его души открылись взору мисс Дарэм, мы не беремся объяснить, но в случае с мисс Мидлтон несомненно, что ее прозрению немало способствовали его собственные изнурительные разглагольствования об одной душе. Впрочем, не существо открытия вызвало в ней это чувство пресыщения, — женщины редко возражают против подобных открытий, которые сами по себе подчас даже кажутся им увлекательными, — а монотонность, с какой он внедрял в нее эти открытия. Он убил в ней воображение. А для любви нет страшнее катастрофы, нежели гибель воображения. В своем ненасытном желании заставить ее любить его все больше и больше он протащил ее сквозь дремучие лабиринты мужской души. Он подрезал крылья ее воображению, и когда, обескрыленная, она внимала его речам, они казались ей чудовищными. Да, несомненно, это и было причиной, ибо магическое обаяние дикаря обычно сохраняет свою власть над женщиной до ее окончательного сближения с ним.

Итак, он передал ее с рук на руки Вернону Уитфорду, своему кузену, исполнявшему при нем обязанности секретаря, который согласился зажмурить глаза и открыть рот.

Весь вопрос в том, как это осуществить. Со свойственным ему упорством и сосредоточенностью Уилоби принялся разрабатывать план действий. Он любил говорить, что достиг бы высоких степеней, если бы чувствовал в себе призвание адвоката, дипломата или военного стратега. И это не было пустым бахвальством: если бы к деятельности на любом названном поприще примешался его личный интерес, он и в самом деле мог бы занять выдающееся место, ибо, как никто, владел искусством интриги.

Он мысленно проредетировал предстоящее объяснение. Начав с того, что он всегда принимал живое участие в судьбе Вернона и что будущее бедняги его весьма тревожит, он затем, если Клара будет по-прежнему упорствовать (а при ее характере рассчитывать, что она сойдет с раз занятой ею позиции, не приходилось), скажет: «Хорошо, поскольку вы настаиваете на разрыве, я готов отказаться от своих претензий и вернуть вам свободу — но с условием». Клара вздрагивает всем телом. Он настаивает, чтобы она заранее обещала принять его условие. Она отказывается. Они возвращаются к исходному положению. Она капризничает, требует, чтобы он назвал условие. Он говорит ей, что хотел бы видеть ее членом своей семьи, в том или ином качестве. Она польщена, она недоумевает, любопытство ее достигает предела. Он пускается в философствования о браке. «Что такое человек? Пешка в жизненной игре! Ему дано лишь прожить свою жизнь, как он может, и стараться по мере сил помогать тем, кто ему дорог. А как хотите, старина Вернон дорог моему сердцу. Разве я не даю вам величайшего доказательства моего к нему расположения?» Она все еще не понимает. И тогда он предъявляет ей ультиматум. Без обиняков. «Возьмите Вернона, и я вас освобождаю». Она отказывается. Начинаются дебаты, во время которых ораторствует в основном он. «Быть может, вас отталкивает мысль о его первом браке? Но ведь вы сами сказали, что уважаете его ничуть не меньше» — и так далее, и так далее. Она заявляет, что его предложению для нее неприемлемо. Он не видит ничего оскорбительного в предложении осчастливить его кузена, коль скоро она отказывается осчастливить его самого. Он отводит душу в иронии и сарказмах, но вместе с тем уверяет ее, что действует из лучших побуждений, желая всем добра. Она смущена, по-девичьи жеманится.

Он снова возвращается к неудачному супружеству Вернона. Ей это неприятно. Под конец он советует ей подумать

о его предложении и помнить, что только на таком условии он согласен даровать ей свободу. Затем для беседы с Кларой призывается миссис Маунтстюарт-Дженкинсон, которая к этому времени уже полностью уверилась в его горячем желании быть свободным. Тетушки Изабел и Эленор осаждают ее. Летиция поддерживает его всей душой и тоже не оставляет Клару в покое. Заручаются помощью доктора Мидлтона, И, наконец, Уиллоби и миссис Маунтстюарт вместе принимаются за Вернона. Здесь-то, как угодно было думать Уиллоби, он и встретит основное сопротивление. Но ведь девушка богата, у нее приятные манеры, она симпатична Вернону, любит эти его «Альпы», разделяет его вкусы. Вернон дружит с ее отцом. В конце концов удастся его уломать, и он тоже пачинает осаждать Клару. Сдастся ли она? Де Крей удален со сцены. Ей не на кого опереться в своем необъяснимом и упорном нежелании вступить в предлагаемый брак. Она в западне. Ее отец останется гостить в Паттерн-холле столько времени, сколько угодно хозяйину. Она начинает колебаться, мало-помалу уступает и, несмотря на отвращение, вызванное предыдущим браком Вернона, наконец, сдается.

Уиллоби продолжал мысленно разыгрывать всю эту драму и в присутствии Клары. Это помогало ему сохранить хладнокровие. Подавая ей руку, чтобы повести к столу, он добродушно заговорил о Кросджее. А за столом, довольный своей подспудной работой режиссера, даже воодушевился — отчасти под влиянием вина, отчасти от лицемерия своего друга Горация, которого он всячески подбивал шегольнуть ирландским красноречием. Он позволил себе два-три выпада против него, самого, впрочем, безобидного характера. Впервые за все это время он испытывал к нему такое искреннее расположение. Паттерновский портвейн помог доктору Мидлтону благодушно промолчать, когда Уиллоби, в ответ на какую-то реплику де Крея, показавшуюся ему не слишком свежей, со смехом рекомендовал тому, дабы впредь не повторяться, почаще заглядывать в свою записную книжку. Даже когда Уиллоби прибег к довольно дешевому каламбуру, де Крей не огрызнулся, а доктор Мидлтон опять не проронил ни слова. Достаточно чуть-чуть наострить слух, и при случае всегда можно подставить ножку этим завзятым острякам, а стоит лишь свизойти к этому занятию, как окажется, что мы им ни в чем не уступаем. Так, во всяком случае, приходится рассуждать критику, который позволил себе опуститься до каламбура. Впрочем, судя по улыбкам дам, они разделяли его мнение.

Незадолго до того, как часы показали одиннадцать, доктор Мидлтон стоически отклонил предложение распить третью бутылку знаменитого портвейна и, прикончив вместе со своим гостеприимным хозяином положенные две бутылки, поднялся с ним в гостиную. Дамы, не ожидавшие подобной чести, стояли, склонясь над стеганым шелковым покрывалом для дивана — плодом прилежания и искусства мисс Изабел и мисс Эленор и предметом восторгов мисс Мидлтон и мисс Дейл. Сославшись на желание покурить на свежем воздухе, Вернон с полковником отправились на поиски Кросджея, первый — к коттеджу мистера Дейла, второй — к сторожке лесничего. Уиллоби покинул гостиную и вскоре вернулся с ключом от спальни Кросджея в кармане. Он предвидел, что юный проказник может сослужить ему службу.

Летиция и Клара исполнили долг. У Летиции лицо размякло. Клара была бледна. Ровно в одиннадцать они подошли к тетушкам Изабел и Эленор и обменялись с ними поцелуями. Уиллоби пожелал обеим девушкам покойной ночи, отметив про себя разницу, с какой каждая приняла его прощальный привет: скромно потупленный взгляд Летиции и прямой холодный взор Клары. Он догадывался, что они отправились поговорить на самую для них животрепещущую тему — о Кросджее. Прощаясь с тетушками, он принялся расхваливать их усердие и вкус и, взяв покрывало за уголки, размахивал им перед носом у доктора Мидлтона, как бы приглашая и его выразить свое восхищение мастерицами. Расчет оказался верным — старый ученый пришел в замешательство, пробормотал какой-то витиеватый комплимент и почувствовал острое желание как можно скорее удалиться на покой.

К полуночи гостиная опустела. Но когда, выждав время, Уиллоби вернулся в нее, он не пошел в ней Летиции. Разочарованный в своих ожиданиях, он начал ходить из угла в угол и в рассеянности подхватил край вышитого покрывала — зачем оно ему понадобилось, он и сам затруднился бы сказать: вряд ли ему пришло бы в голову восхищаться рукоделом тетушек в их отсутствие. Но прикосновение мягкого теплого шелка было так жеманно, так нежно! Он взглянул на каминные часы и убедился, что Летиция запаздывала уже на двадцать минут.

Ее неаккуратность рисковала опрокинуть все его планы, изменить весь последующий ход его жизни. Яркие краски, какими он ее наделил, грозили потускнеть. Его безумный по-

рыв мог пройти. И уж во всяком случае, его готовности принести эту жертву не хватило бы еще на сутки.

Часы пробили половину первого. Бросив шелковое покрывало на стоявшую посреди гостиной оттоманку и погасив лампы, он вышел, мысленно предлагая Летиции пенять на себя за ее несостоявшееся счастье.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ

Полночь. Сэр Уиллоби и Летиция, а также юный Кросджей под покрывалом

Юный Кросджей упивался выпавшей ему свободой и, куда не стемнело, даже и не вспоминал о доме. На склоне дня он оказался в нескольких милях от Паттерн-холла и подумывал о том, не завершить ли свои многочисленные приключения ночлегом на постоялом дворе. Денег у него было много, и он с удовольствием представлял себе, каково это было бы — проснуться утром в незнакомом месте! К тому же: разве сам сэр Уиллоби, растолкавший его прошлой ночью, не приказал ему забыть дорогу в Паттерн-холл? Впрочем, мисс Мидлтон велела ему возвратиться, а чтобы решить, кого из них слушать, Кросджею не понадобилось долго размышлять: он следовал велению сердца.

Ужин на постоялом дворе, где он нашел аудиторию, готовую слушать рассказы о его приключениях, несколько его задержал, а избрав для скорости какую-то тропинку вместо дороги, он сбился с пути и окончательно заблудился. Было уже совсем поздно, когда Кросджей подошел к Большому дому, и он со сладким замиранием сердца готовился заночевать в поле под звездами. Однако на кухне горела свеча. Кросджей постучал в окно, и судомойка Мери отперла ему дверь. Она поставила перед ним миску с горячим супом. Кросджей из вежливости попробовал проглотить несколько ложек, но голова его тут же опустилась на миску. Мери подняла его на ноги, он уткнулся ей в плечо. Горячий воздух кухни доконал юнца. Мери с трудом довела его черным ходом до передней и велела тихонько пробираться к себе в комнату. Кросджей с удовольствием растянулся бы на одной из ступенек лестницы, по, понимая, что у него и без того

щекотливое положение, крадучись по-кошачьи, добрался до своей комнаты. Дверь не поддавалась: она была заперта! Кросджей растерялся. Его охватил ужас, словно сам сэр Уиллоби сторожил его здесь. Ноги у него подкашивались. Он опрометью сбежал вниз по лестнице. Где-то наверху скрипнула дверь. Он бросился через коридор и стремглав влетел в гостиную, благо дверь в нее стояла настежь. Там, в темноте, он споткнулся об оттоманку, повалился на нее и укрылся чем-то гладким, теплым и ласковым, как прикосновение женской руки. Ощущение было так восхитительно, что он весь, с головой, завернулся в эту нежную ткань. Он еще пытался сообразить, где он находится, но в ту же минуту глаза его закрылись, он куда-то провалился и вновь попал в самую гущу приключений истекшего дня, готовый к еще более удивительным подвигам.

Но вот кто-то позвал его по имени — и хоть всем своим существом он следовал за своими сновидениями, самыми увлекательными, какие когда-либо являлись смертному, он знал, что его имя было произнесено наяву. Назвавший его голос не сливался со сновидением, он был где-то вне его, возникая то тут, то там. Так в зимнем озере среди льда торчит столбик, предупреждающий конькобежца об опасности. Вот он указывает на конечную точку поворота, вот — вынуждает конькобежца замедлить бег. Кросджей начал делать круги, все ближе и ближе подвигаясь к предостерегающей вехе, как вдруг что-то словно ударило его по сердцу — он подбросился весь, подумал о бегстве и... остался. Сердце его отчаянно билось, уши жадно ловили каждое слово.

— Ах, сэр Уиллоби! — произнес голос. В нем звучала неподдельная тревога.

— Мой друг! Моя дорогая! — послышалось в ответ.

— Я пришла поговорить с вами о Кросджее.

— Присядьте сюда, на оттоманку.

— Нет, нет. У меня нет времени. Я надеялась услышать от вас, что Кросджей вернулся. Нет, право, я не могу сидеть. Позвольте мне обратиться к вам с просьбой: простите Кросджея, когда он вернется!

— Вам позволю, и только вам. Никому другому. Но о Кросджее завтра.

— Он, может быть, лежит в поле, под открытым небом! Мы все очень встревожены.

— Ничего с ним не делается.

— Кросджей вечно попадает в беду.

— Чем сильнее негодник будет наказан, тем больше у него шансов на прощенье.

— Разрешите пожелать вам покойной ночи, сэр Уиллоби.

— Да, но не прежде, чем вы, своею волею и с открытой душой, согласитесь пожаловать мне вашу руку.

Летиция несколько опешила.

— Чтобы пожелать вам покойной ночи, сэр Уиллоби?

— Я прошу вашей руки.

— Покойной ночи, сэр Уиллоби.

— Да, но ваша рука! Вы колеблетесь? Вы все еще можете колебаться? Каким языком прикажете с вами говорить, чтобы убедить вас? Казалось бы, вы должны меня знать. Кто меня знает, если не вы? Вы знаете меня всю мою жизнь. Вы — мой дом, мое святилище. Или вы забыли ваши собственные стихи, посвященные мне в день моего совершеннолетия?

Когда птицы разбудят зарю
И яркое солнце засветит,—

продекламировал он.

— О, не повторяйте их, прошу вас! — воскликнула Летиция.

— Я их повторял про себя тысячу раз — и в Индии, и в Америке, и в Японии. Мне казалось, что я слышу голос пашего родного английского жаворонка.

Мое сердце покинет темницу свою
И лучам его взмоет навстречу.

— Ах, пожалуйста, не заставляйте меня слушать вздорный лепет шестнадцатилетней девочки! Ни одной строчки больше, прошу вас! Если б вы знали, каково писать, презирая собственную писанину, вы не стали бы так терзать меня. Позвольте же мне удалиться, поскольку вам сейчас не угодно говорить о Кросджее.

— Вы меня знаете, Летиция, а следовательно, знаете и о моем пренебрежительном отношении к стихам. Но только не к вашим стихам, обращенным ко мне. Почему вы называете их вздорными? Они выражали ваши чувства и для меня священицы. Они для меня не просто поэзия, я к ним отношусь, как к святыне. Особенно мне по душе, пожалуй, третья строфа...

— Ради бога, избавьте меня — ни строчки больше!

— Но ведь вы писали их искренне?

— Я была молодой, восторженной, глупенькой девочкой.

— Вы всегда были и есть образец постоянства в моих глазах.

— Это ошибка, сэр Уиллоби. Я очень изменилась.

— Мы оба повзрослели и, надо думать, поумнели. Я, во всяком случае. Да, да, я поумнел! Наконец-то! И я предлагаю вам свою руку.

Она молчала.

— Я предлагаю вам свою руку и сердце, Летиция!

Молчание.

— Быть может, вы считаете, что долг чести связывает меня с другой?

Летиция не проронила ни слова.

— Но я свободен. Слава богу! Я волен выбирать себе по-другу — ту, что любил всю жизнь! Своею волей и от всей души я предлагаю вам руку, в надежде что и вы с тем же чувством дадите мне свою. Итак — вы хозяйка Паттерн-холла: моя жена!

Никакого ответа.

— Моя дорогая! Неужели вы все еще меня не понимаете? Рука, которую я вам предлагаю, — свободная рука. Я предлагаю ее той, которую уважаю, как никого на свете. Я убедился, что для меня не может быть любви без уважения. А поскольку я не намерен жениться без любви, я свободен, я — ваш. У вас как будто дрогнули губы? Вы хотели бы сказать «Наконец!» Нет, я вас любил всегда. Знайте это. В вашей груди заключен магнит постоянства, а я... несмотря на все видимые отклонения, я заявляю, что не было минуты, когда бы я не чувствовал притяжения этого магнита. Итак, все препятствия побоку! Мы двое — против всего света! Мы с вами — одно. Позвольте признаться вам в одной слабости — о, это слабость, присущая молодости, и вы так на нее и взгляните, я не сомпеваюсь! Да, было время, когда я мечтал поглотить чужую личность, поработить ее целиком. Я был мнителен, в этом и заключалась моя беда, теперь я это понимаю. Вы показали мне разницу между прежней моей мечтой и союзом с женщиной, которая обладает самостоятельным умом. Бесценное сокровище, которое я приобрету в вашем лице, Летиция, полностью излечит меня от этой безрассудной страсти, — называйте ее ненасытностью, если угодно. Я в ней вижу всего лишь неопытность юноши. Я возвращаюсь к вам как бы из дальних странствий. *Наконец*, хотели вы сказать? Да, чтобы вести с вами достойную жизнь двух равноправных личностей. Итак, пусть будет по-вашему — *наконец!* Но помните,

что, случись это раньше, вы имели бы в моем лице тирана — и, быть может, ревнивого тирана. Молодые люди, да будет вам известно, в вопросах любви разделяют все предрассудки восточных деспотов. Это благодаря им так скомпрометировано самое понятие любви. Но мы с вами, моя дорогая Летиция, не смотрим на любовь, как на выражение себялюбия. Она — суть жизни, ее квиэтэссепция. А если и себялюбие, то облагороженное, сделавшееся прекрасным. Я говорю с вами, как человек, который обрел родную душу на чужбине. Мне кажется, что я вечность не раскрывал рта. Сердца своего я, во всяком случае, не открывал ни перед кем. Теперь я понимаю людей, которые от счастья принимают петь, и если бы я не чувствовал, что есть нечто такое, что должно быть высказано словами, я бы запел. Благодаря вам, Летиция, я готов примириться со всем родом людским. Вы можете ничего не говорить. Я сам скажу за вас. Я ведь знаю вас так же, как знаете вы меня: досконально и...

— Нет! — вырвалось у Летиции.

— Я ли вас не знаю? — спросил он с медоточивой вкрадчивостью.

— Не знаете.

— Как так?

— Я переменилась.

— В чем?

— Кардинально.

— Остепенились?

— Увы!

— Но к вам вернутся ваши краски, ручаюсь! Если вам кажется, что вы нуждаетесь в возрождении, то знайте: средствами для этого владею я, — я, моя любовь, я, я, я!

— Простите меня, сэръ Уилоби... Но... вы порвали с мисс Миддлтон?

— Будьте покойны, дорогая Летиция. Она свободна, как и я. Я не могу сделать большего, нежели требует долг честного человека. Она меня отпускает. Завтра или через день она отсюда уедет. Мы с вами, Летиция, вы и я — птицы, привыкшие к родному гнезду, и нам не пристало связывать свою судьбу с перелетными птицами. Та небольшая, еле заметная перемена, о которой вы говорите, — ничто. Италия возвратит вам молодость. Я готов поклясться собственным здоровьем — а ни одному доктору медицины еще не удалось его поколебать, — я подтверждаю: «медицины», ибо иной доктор богословия способен подорвать здоровье самого Геркулеса, — итак,

клянусь своим здоровьем, что поездка по Италии... что я привезу свою жену из Италии румяной, цветущей и молодой! Вы качаете головкой? Не верите? Любимая моя, я вам ручаюсь! Что? Я не способен вернуть краску на эти щеки? Но взгляните сами! Идите сюда, на свет, взгляните на себя в зеркало!

— Быть может, я и раскраснелась сейчас, — сказала Летиция. — Но это, верно, оттого, что кровь от сердца прилила к щекам. Я не та, что прежде, поверьте. И сердца — в другом значении этого слова — у меня больше нет. Так же, как и вы, сэр Уиллоби, я не могу вступить в брак без любви, а что такое любовь, я не знаю. Для меня она — пустая мечта.

— Супружество, моя дорогая...

— Вы ошибаетесь.

— Я вас вылечу, моя Летиция. Я ваше лекарство. Это не самоуверенность, а полнейшее мое убеждение. Я, любовь моя, я, я, я!

— Увы, сэр Уиллоби, болезнь, от которой я страдаю, не поддается лечению.

— О, зачем этот официальный тон, — оставьте его, молю вас! Дайте вашу ручку и положитесь на меня. Все остальное я беру на себя. Итак, мы пришли к тому, с чего начали. Я прошу вашей руки для вступления с вами в законный брак.

— Я не могу ее вам дать.

— Вы не согласны быть моей женой?!

— Это большая честь, которую я вынуждена отклонить.

— Вы здоровы, Летиция? Я предлагаю вам, в самых ясных выражениях, какие возможно употребить, сделаться моей женой, леди Уиллоби Паттерн!

— Я не могу принять ваше предложение.

— Как? Вы отказываетесь? Но причина?

— Я ее уже назвала.

Он прошелся по комнате, надеясь, что движение взбодрит его, поможет найти новые убедительные доводы.

— На женщин порой находит безумие, я знаю, — сказал он. — Но отвечайте мне, Летиция. Ведь вы меня любили когда-то. Я поклясться готов, что любили: тому было слишком много доказательств.

— Я была глупа и романтична.

— Вы уклоняетесь от ответа. А я не шучу. Ах!

И с этим междометием, которое должно было показать,

что он решительно отменяет ее временное умопомрачение, он отошел от Летиции.

— Но ведь это было ясно всему свету! — продолжал он, стремительно подойдя к ней вновь. — Это сделалось легендой, Любить, как любит Летиция Дейл, — это почти вошло в поговорку. Вы были примером для всех женщин, своего рода путеводной звездой. Никто не мог сравниться с вами в преданности. Вы были как драгоценная камешка, но только с живым взором. И взор этот был устремлен на меня. Вы меня любили. Вы любили меня, принадлежали мне, вы были моею, моею собственностью, моим сокровищем. В жизни я ничем так не гордился, как вашей верностью! Она была частью моего мироздания, которое рухнуло бы в ту самую минуту, в которую я позволил бы себе в ней усомниться. Но что же это такое? Неужто нет ничего прочного на земле? Вы меня любили!

— Это было ребячество.

— Вы любили меня страстно!

— Вы хотите заставить меня провалиться со стыда, сэр Уиллоби? Разве я и без того недостаточно унижена?

— Прошлого не зачеркнуть. Оно занесено в скрижали моей памяти. Вы любили меня беззаветно. Вам не отделаться молчанием. Вы меня любили.

— Любила.

— Нет, вы никогда меня не любили, пустая, легкомысленная женщина! «Любила»! Как будто можно перестать любить! На что же нам остается рассчитывать? Мы ценим женскую любовь, как сокровище: мы бережно ее храним, верим ей, мечтаем о ней — в ней все наше богатство, наш талисман! Мы открываем заветную шкатулку, — и что же: она пуста! И мы беднее бездомной собаки. Скорее можно сохранить драгоценное вино в глиняном черепке гончара, нежели сберечь любовь в женском сердце! Бывают женщины... А впрочем, все они на один образец — ходячая монета! Все это выдумка и самообман — они не способны любить! Женщина — лишь тень человека. В груди у нее лишь тень сердца, Летиция!

— Сэр Уиллоби?

— Вы мне отказываете?

— Я не могу иначе.

— Вы не хотите, чтобы я был вашим мужем?

— Я не могу быть вашей женой.

— Вы ко мне переменились?.. Вы отдали сердце друго-

му?.. Вы могли бы выйти замуж за другого?.. Он существует?.. И вы готовы за него выйти! Отвечайте и перестаньте играть со мной в молчанку! О чем думал создатель, когда сотворил женщину, останется загадкой до конца света! Нет человека, который бы не задавался таким вопросом. Но я имею право знать имя похитителя... Кто только не ломал голову над этой загадкой!.. Недаром сатану изображают смеющимся!.. Я настаиваю на своем праве знать имя того, кто меня ограбил. Отвечайте!

— Я не намерена выходить замуж,

— Это не ответ.

— Я никого не люблю.

— Но вы меня любили... Молчите?.. Вы сами признались.

Следовательно, вы любили меня любовью, которая могла умереть! Но неужели вы не видите, какую это бросает тень на мою репутацию? Вы меня любили и... разлюбили. Тем самым вы как бы утверждаете, что я не способен удержать женскую любовь. Что я гожусь лишь на то, чтобы внушить жалкое, мелкое чувство, которого не может хватить на всю жизнь! Я, видите ли, оказался вашим соседом в том возрасте, когда сердце молодой девушки особенно восприимчиво к впечатлениям! Меня выставляют на позор, делают из меня человека, способного вызывать лишь минутный каприз. Вы считаете, что меня можно любить, когда вздумается, а потом так же внезапно бросить? Представьте, что станут обо мне говорить! Я сказал: тень человека? Да ведь тень ему, по крайней мере, верна! Что же такое женщина? Во всем мироздании нет ничего ее чудовищнее, в природе нет ничего на нее похожего! Я, который всю свою жизнь преклонялся перед женской слабостью, был любезен и почтителен с женщинами, который был счастлив во всем, к чему бы ни прикасался,— и вдруг так несчастлив в любви! Как это может быть? В чем здесь секрет? За этим, должно быть, кроется какая-то страшная тайна. Фортуна улыбается мне с самой колыбели и отворачивается от меня, как только я подхожу к женщине! Быть может, вы объясните мне, в чем дело, хотя бы для того, чтобы оправдать своих сестер? Когда речь идет о любви незаконной, бесчестной, тогда все иначе. Тогда они... Я мог бы рассказать... Но я не стану ссылаться на победы подобного рода. То совсем другое дело! Верно, женщина — это мотылек-однодневка, а я нечто устойчивое, неизменное. Да, все они однодневки. А я смотрю за пределы сегодняшнего дня. У меня есть долг по отношению к моему роду. Они мотыльки, И пока

я не научусь их избегать, меня будут преследовать неудачи — это ясно. Мотыльки! Они живут всего лишь день, и я утверждаю, что и духовная жизнь их не менее эфемерна... Как видите, мое суждение о вашем сословии всецело зависит от вас. В вашей власти изменить это мнение или увеличить число тех, кто его придерживается. Одумайтесь: ведь если в моих глазах навсегда померкнет идеал женщины, в этом будете виноваты вы, и только вы. Еще не поздно, вы можете его восстановить. Я люблю вас. Я внезапно прозреваю и вижу, что только вас и любил всю жизнь. Я иду к вам, прошу вашей руки, и вдруг — вы ко мне переменились! «Я переменилась, я не та, что прежде». Но что это значит? «Я не могу выйти замуж; я никого не люблю». Вы утверждаете, будто вам непонятно самое значение слова «любовь», называете ее «пустой мечтой» и в то же время объявляете, что когда-то меня любили! Значит, это я и есть — «пустая мечта»? Моя рука, мое сердце, мое состояние, имя — все сложено к вашим ногам, и все это вы отвергаете. Я пришел к вам — а вы меня гоните прочь. Но зачем я здесь, какая иная цель могла бы меня сюда привести, если не вера в вашу любовь? Вы меня приманили, а теперь отталкиваете и, верно, наслаждаетесь своею жалкой мстостью.

— Вы знаете, сэр Уиллоби, что это не так.

— Неужели вы не верите мне, когда я говорю, что мое сердце свободно и что я также не нарушаю требований чести?

— Не в этом дело!

— В чем же, скажите! Вы видите, какую имеете надо мною власть. Хотите, сударыня, чтобы я стал перед вами на колени?

— Ах, пет! Мне было бы еще тяжелее.

— Так вам тяжело? Следовательно, вы верите в мою привязанность и отвергаете ее. Вы ведь поэтесса и, несомненно, считаете любовь вечной. И вы меня любили. А теперь говорите, что не любите. Где же тут логика, Летиция Дейл?

— Логика не свойственна поэтессам, если и считать меня за таковую на основании нескольких глупых стихов. Сама я себя поэтессой не считаю — среди прочих иллюзий я отделилась и от этой.

— Не клеветайте, Летиция, на ту святую пору. Я ее помню, словно это было вчера: вот я проезжаю верхом мимо вашего коттеджа, вы сидите возле окна с пером в руке, волосы свесились на лоб. Когда-нибудь я закажу ваш портрет художнику, и он напишет его с моих слов. Да, вы были

романтичны и простодушны, но глупой — никогда. Вы думали обо мне — так ли уж это глупо? Я помню тот день, когда мы с вами впервые шепнули друг другу заветное слово — как вы затрепетали! Вы забыли, я — нет. Я помню, как повстречал вас на тропинке, когда вы шли в церковь. Я помню божественное утро моего возвращения из странствий, помню, как меня встретила прежняя Летиция, неизменная в своем постоянстве. Могу ли я это забыть? Эти картины моей юности я ношу с собою всю жизнь, они никогда не потускнеют. Напротив, чем дальше я от них удаляюсь, тем пристальнее вглядываюсь в них. Скажите, Летиция, разве ваш отец не изрек в свое время некоего пророчества? Сдается мне, я кое-что об этом слышал. Да, да, это точно.

— Он больной и старый человек. А старые люди цепляются за иллюзии.

— Спросите себя, Летиция, кто мешает его пророчеству сбыться? Ведь то, что он предсказывал, правда, если только правде дано восторжествовать в этом мире! Неужели вы переменились настолько, что не захотите порадовать отца? Я пойду к нему завтра, чуть свет.

— В таком случае мне придется пойти вслед за вами и вывести его из заблуждения.

— А я тогда объявлю, что вы питаете недостойное чувство к другому и стыдитесь в этом чувстве признаться.

— Это вам ничуть бы не помогло, хоть и было бы достаточно низко.

— Вот вам доказательство моей любви! Вы одна способны толкнуть меня на такой поступок, и никому, кроме вас, я не позволил бы обвинить меня в низости.

— Сэр Уиллоби, я надеюсь, что вы дадите моему отцу спокойно умереть.

— Мы с ним вместе постараемся убедить вас.

— Можно подумать, что вы решили жепиться во что бы то ни стало, на ком угодно, — лишь бы жениться!

— Только на вас, Летиция, только на вас!

— Я устала, — сказала она. — Сейчас очень поздно, и я предпочла бы закончить нашу беседу. Я не хотела причинить вам боль. Я верю, что вы говорили со мной искренне. Я не стану защищать ни весь женский род, ни себя. Скажу только, что в моем лице вы видите женщину все равно что умершую. Я могу еще быть счастливей по-своему, но во мне так мало жизни, что никакого иного счастья я уже не способна испытать. Что касается любви, я рада, что мне удалось вы-

рваться из этого плена. Вы имеете в виду молодую жепшину, в то время как я — старуха. У меня нет никаких стремлений, никакого тепла. Все, что у меня осталось, — это чисто инстинктивное желание сохранить жизнь, и я молю только о том, чтобы меня пелло по течению, — самой плыть у меня нет сил. Нет, сэра Уилоби, не такая вам нужна жена. Покойной ночи.

— Скажите ваше последнее слово. Взвесьте его как следует. И — никаких условных сожалений. Итак, вы решительно отказываетесь?

— Решительно отказываюсь.

— Отказываетесь?

— Да.

— И для этого я принес в жертву свою гордость! Вы отказываетесь?

— Да.

— Унизился перед вами! И вот ваш ответ! Вы отказываетесь?

— Отказываюсь.

— Покойной ночи, Летиция Дейл.

Он пропустил ее вперед.

— Покойной ночи, сэра Уилоби.

— Я в ваших руках, — сказал он голосом, в котором одновременно слышались и мольба и угроза.

— Я вас не предаю, — сказала Летиция.

— Могу я вам верить?

— Я уеду отсюда утром, до завтрака.

— Позвольте проводить вас наверх.

— Если вам угодно. Но я ни с кем не буду говорить, ни этой ночью, ни завтра утром.

— Я просто хотел продлить наше свидание хоть на миг.

Они покинули гостиную.

Юный Кросджей продолжал лежать, прислушиваясь к невидимому барабапшику, который нещадно выбивал свою дробь — то ли где-то внутри его черепа, то ли извне.

Дверь в лабораторию сэра Уилоби с шумом захлопнулась.

Кросджей кубарем скатился с оттоманки, подкрался к оставшейся открытой двери гостиной и выглянул в коридор. Пробуждение Кросджея было полным! Он решил во что бы то ни стало выбраться из дому и провести остаток ночи не встречаясь ни с одним представителем человеческой породы, ибо нечаянно подслушанная новость превратила его в пороховой склад, который грозил вот-вот взорваться. Он

пошел коридором и возле буфетной наткнулся на полковника де Крея.

— Так вот ты где! — воскликнул полковник. — А я-то за тобой повсюду охочусь.

Кросджей сообщил, что нашел дверь в свою комнату запертой, что он не знает, где ключ, и что сэр Уилоби в лаборатории.

Полковник повел мальчугана к себе в комнату и уложил на диван, укрыв его одеялом и подложив ему под голову подушку. Но мальчик не мог успокоиться. Ему хотелось говорить, плакать, рычать. Он ворочался с боку на бок, не зная, что и думать, и понимая только одно: по отношению к его обожаемой мисс Мидлтон совершенно предательство.

— Послушай, мой милый, этак из тебя никогда не выйдет солдата! — крикнул ему полковник, приписывая беспокойство Кросджея его непривычке спать на узком диване.

Кросджею пришлось проглотить эту горчайшую из пилюль. Безотчетное чувство помешало ему облегчить свою смятенную душу и оправдаться, рассказав полковнику о мисс Мидлтон, и он так и проерзал на диване до рассвета. С первыми же лучами зари, когда его гостеприимный друг покоился на подушке, выставив наружу свой красивый профиль и обнаженные плечи, Кросджей вскочил на ноги и удрал.

«Он говорит, что из меня не выйдет солдата, а я вот поспал два часа, и с меня довольно!» — с гордостью подумал мальчик, вдыхая упругий воздух полей, разбуженных лучами еще неокрепшего солнца. Но, оглянувшись на Большой дом, он пришел в смятение, ибо не знал, как ему быть: он чувствовал, что готов взорваться и что рыцарственное рвение постоять за свою обожаемую мисс Мидлтон не позволит ему держать язык за зубами.

ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ

Достопочтенный доктор Мидлтон, Клара и сэр Уилоби

В то самое время, как юный Кросджей, наткнувшись на запертую дверь, опрометью бежал по лестнице вниз, Летиция сидела у Клары и делилась с нею своими опасениями за этого злополучного отрока, перебирая все бедствия, какие

могли его постичь. Когда после полуночи Летиция вышла, Клара долго вслушивалась в тишину — где-то раздался голос сэра Уиллоби. По его интонациям Клара догадалась, что мальчика в доме нет.

Тщетно прождав возвращения Летиции, она разделась, легла в постель и попыталась уснуть. Она устала от борьбы. Странные мысли завладели ее юной головкой — мысли о том, что сознание исполненного долга может одержать верх над отвращением. Живут же люди внутренней жизнью, не обращая внимания на свои вкусы и пристрастия! Она чувствовала, что пасует перед сэром Уиллоби, перед его необычайным искусством брать человека измором. Много ли она выиграла своим сопротивлением? С каждой попыткой она, казалось, только растрчивала душевные силы, между тем как очертания будущего вырисовывались все туманнее: с каждым шагом, вместо того чтобы приближаться к свободе, она все глубже увязала в неволе. Озираясь на пройденный путь, она поражалась тому, как много ею сделано и как мало от всего этого толку. Впереди было решительное объяснение с отцом, и ей предстояло выступить в качестве непримиримой бунтарки.

Эта мысль больше всего и угнетала ее сейчас. Доктор Мидлтон еще ни разу с ней не заговаривал после того, как упал о ее неудавшейся попытке к бегству. Но тягостное объяснение было неминуемо, как бы ни хотелось Кларе оградить от него отца — да и себя тоже. Главное же, что ее мучило, — это сознание их взаимной отчужденности, того, что они противостоят друг другу, как враги, — а все из-за этой наиболее загадочной из мужских слабостей, мысль о которой она упорно от себя отгоняла, не отваживаясь — даже намеком, даже про себя — назвать ее настоящим именем! Она лишь позволила себе дважды воскликнуть: «Вино, вино!» — дивясь таинственной власти этого зелья над столь почтенными людьми — власти более могущественной, нежели власть здравого смысла. Клара была еще слишком молода, чтобы понять, что ее собственное непростительное поведение придавало такую магнетическую силу этому всеутешающему напитокку в глазах почтенного джентльмена, обманутого в своих законных родительских ожиданиях. Почему он должен соглашаться на разлуку с бесценным портвейном и потакать прихоти каририной дочери, задумавшей совершить клятвопреступление? Он склонял это слово на все лады. Это был тяжкий, непростительный грех. Разумеется, вино по-своему окрашивало ее проступок — ведь двух-трех капель этого напитка довольно,

чтобы изменить цвет воды в какой угодно чаше, — не так или иначе, это был тяжкий грех, недостойный дочери доктора Мидлтона.

Клара была слишком юна, чтобы принять все это в соображение. Она была готова искупить свою вину любой ценой, унизиться, если нужно, лишь бы за этим последовала свобода. Покуда она была скована, она не могла рассуждать ни о чем другом. Она даже не чувствовала всей тяжести своего проступка — быть может, оттого, что Уилоби, заявляя свою претензию, не сумел тронуть ее сердце. Признавая себя виновной в непостоянстве, она успокаивала свою совесть тем, что когда-нибудь, со временем, вникнет в свою вину, покается в ней и сделает все, чтобы ее искупить. Как знать, быть может, в наказание она даже обречет себя на безбрачие! Ну, да какая это казнь!

Утром она постучалась к Летиции. Никто ей не ответил.

Когда она спустилась к завтраку, ей сообщили об отъезде мисс Дейл. Мисс Изабел и мисс Эленор опросили, случилось ли чего у нее дома. Верно Клара попросила полковника и старалась разузнать что-нибудь о нем. Всегда, полковник взялся исполнить ее поручение, и убедить ее, что тревожиться за мальца уже собрался рассказать ей все, что ей нужно. Минуту доктор Мидлтон подошел к дочери в библиотеку.

Сэр Уилоби вынул из кармана часы: минут. Превосходные тетушки робко осведомились о состоянии здоровья драгоценного племянника, и он исподволь выдал, как бы его наружность не выдала катастрофического положения, в каком он очутился. Все свое поведение минувшей ночи он расценивал, как бред, — хорошо еще, что Летиция оказалась просто помешанной. Да, это было великое счастье. Ее отказ принять его до нелепости великодушное предложение был не чем иным, как вмешательством попечительной судьбы, в нужную минуту помрачившей бедняжке рассудок. В скромности Летиции он не сомневался. Однако как она ничтожна: отказаться от последнего шанса, который ей предоставила судьба! Так вот она, хваленая женская преданность!

Время летело. С минуты на минуту можно было ожидать появления миссис Мауятстюарт. Он не мог парировать ее выпады, не имея в голове готового плана действий. Без такого плана он был безоружен. Но как ни напрягал он ум,

в голове его проносились лишь какие-то смутные фантазмагории. Он уже не в состоянии был притворяться, будто сатанинское «*Дважды!*», произнесенное миссис Маунтстюарт, отпосилось к тому, как сам он в свое время дважды обманул ожидания Летиции. Нет, то был безошибочный отголосок речей леди Буш. Если б они знали! Того и гляди, по всему графству громовым раскатом пронесется: «*Трижды!*». Да, три жепщины его обманули, одна за другой. И такое будут говорить о человеке, который мог бы прослыть величайшим ловеласом своего поколения, если бы превыше всего не ставил долг по отношению к своему роду! Вот она, награда добродетели!

Когда, по его часам, прошло пятнадцать минут, он постучался в библиотеку. Доктор Мидлтон распахнул перед ним дверь.

— Я вам не помешал?

— Проповедь идет к завершению, скоро дячок встрепнется и скажет свое «аминь»,— ответил преподобный доктор.

Клара плакала.

Сэр Уиллоби подошел к ней — весь участие.

Проповедь доктора Мидлтона, судя по состоянию его себристой гривы, была бурной.

— Я надеюсь, сэр,— сказал Уиллоби,— вы не придали слишком большое значение пустяку.

— Я полагаю, сэр,— отвечивал доктор,— что мне удалось произвести достаточно внушительное впечатление, а это и входило в мою задачу.

— Клара! Дорогая моя Клара!

Уиллоби коснулся ее плеча.

— Смею вас заверить, сэр,— сказал доктор Мидлтон,— что она искренне раскаявается в своих поступках.

— Любовь моя! — произнес Уиллоби шепотом. — Это всего лишь небольшое недоразумение. Позвольте мне взять всю вину на себя, хоть я и теряюсь в догадках, в чем я мог провиниться. Не плачьте, молю вас! Соболаговолите взглянуть на меня. Я ни за что не стал бы подвергать вас допросу.

— Вы ни в чем не виноваты,— ответила Клара, всхлипывая.

— Разумеется, Уиллоби не виноват. Это не он,— в нарушение всех приличий и долга, совершив попытку к бегству, и не он повинен в том, что мой коллега схватил простуду,— сказал ее отец.

— Дьячок уже произнес слово «аминь», сэр,— напомнил Уиллоби.

— И смею вас уверить, сэр, священник трудился в поте лица своего, покуда не услышал заключительную реплику дьячка,— со стоном изнеможения произнес доктор Мидлтон.— Теперь я имею некоторое представление о том, чего стоил Аврааму его подвиг. Ибо, как бы подобная проповедь ни отозвалась на чаде, для родителя это — сущее жертвоприношение.

Уиллоби принялся утешать свою милую Клару:

— Как мне жаль, что меня не было подле вас и я не мог разделить с вами вашу невзгоду. Быть может, вы не стали бы проливать слезы. Верно, я не проявил достаточного терпения в наших небольших размолвках. Да, да, я должен признаться: я был нетерпелив. Я подчас бываю раздражителем.

— У меня у самого раздражительный характер,— возразил доктор Мидлтон,— что не помешало мне, надеюсь, быть примерным супругом. К тому же я не понимаю, как можно вспышку раздражения, и, по всей вероятности, справедливого, считать за смягчающее вину обстоятельство, когда речь идет о попытке совершить форменное клятвopеступление.

— Проповедь окончена, сэр.

— Это всего лишь эхо! — Доктор Мидлтон добродушно помахал рукой.— Считайте это за дальние раскаты утихающего грома.

— Вашу ручку, любовь моя! — вполголоса проговорил Уиллоби.

Кларина рука не шевельнулась, и доктор Мидлтон не преминул это заметить.

Он отошел к окну и, когда, повернувшись к парочке вновь, обнаружил, что она пребывает все в той же позиции, издал короткий предупредительный кашель.

— Это жестоко! — сказала Клара.

— Жестоко? Жестоко просить тебя подать руку тому, кому она принадлежит по праву? — спросил ее отец.

Она снова заплакала.

Уиллоби склонился над ней в молчании.

— Неужели я должен каждые полчаса выдерживать сцену, какая мало кому из родителей выпадает раз в пять лет? — воскликнул доктор Мидлтон.

У Клары судорожно передернулись плечи. Она опустила голову.

— Дорогая моя — ручку! — флейтой заливался Уиллоби,

Рука поддавалась, словно льдинка, сорвавшаяся с крыши под воздействием внезапной оттепели.

Уилоби прижал ее к груди.

Доктор Мидлтон расхаживал по комнате, заложив руки за спину. Воцарившееся молчание, казалось, говорило, что он здесь лишний.

— Чтобы не мешать распуститься почкам, старик мороз удаляется восвояси,— добродушно проговорил он.— «Jam vergelidos refert tepores»¹. Итак, скажем зимним бурям прощай. Позвольте же мне на время вас покинуть.

Клара и Уилоби, как по сигналу, повернулись к нему — но какая разница была в их лицах!

— Дитя мое?

Доктор Мидлтон подошел к Кларе и мягко положил ей руку на плечо.

— Да, отец, я скоро к тебе выйду,— сказала она и улыбнулась в ответ на его невысказанную просьбу извинить его за словесную бурю, которую он был вынужден на нее обрушить.

— Я попросил бы вас остаться, сэр,— возразил Уилоби.

— Но я чувствую, что мое присутствие вас замораживает.

Клара этого не оспаривала.

Уилоби, напротив, горячо возражал.

Кто же из них в таком случае больше походил на влюбленного? На мгновение доктор Мидлтон решил этот вопрос в пользу дочери.

— Я выйду к тебе в сад,— сказала Клара.

— Пойдите, сэр,— снова вмешался Уилоби.— Дайте нам свое благословение перед тем, как нас покинуть.

— От всей души,— сказал доктор Мидлтон и неопределенно помахал рукой в воздухе.

— Я выйду очень скоро, отец,— сказала Клара.

— Пусть Клара назначит день! — потребовал Уилоби.

— Я не могу! — воскликнула Клара, доведенная до крайности.

— День этот будет безусловно значительным, когда он наступит,— произнес ее отец.— Но, насколько я понимаю, сейчас важнее всего решить, когда ему наступить. Прикиньте это между собою сами.

— Но я уже решил.

¹ Вот повелю вновь теплом весенним (лат.).

— В таком случае я покидаю поле боя. Назначайте, какой вам угодно.

Клара подавила готовый у нее вырваться нетерпеливый возглас. Ей нужно было, чтобы отец поскорее оставил их вдвоем.

От ее предусмотрительной сдержанности веяло чем-то зловещим. Нельзя было терять ни минуты! Уиллоби понимал, что его ожидает, как только он останется наедине с Кларой: доктор Мидлтон был единственным трибуналом, перед которым Клара трепетала, и следовало добиться бесповоротного решения, куда он еще не ушел. Рассчитывая, что в Кларе заговорит инстинкт самосохранения, он вполголоса произнес: «Милая!» — и протянул к ней обе руки, словно вот-вот ее обнимет. Грозный призрачный поцелуй навис над ней.

Увидев, что отец принял эту демонстративную нежность за чистую монету и готов удалиться, она покорно замерла.

Но Уиллоби настиг его в дверях.

— Выслушайте нас, сэр. Не уходите. Оставайтесь, прошу вас. Боюсь, что мы еще не пришли к полному согласию.

— Если вы и в самом деле так считаете, — сказала Клара, — то тем более вам не следовало бы беспокоить моего отца.

— Я люблю вашу дочь, доктор Мидлтон. Я ее добивался и завоевал ее. Я получил ваше согласие на союз с ней и был счастливейшим из смертных. Каким-то необъяснимым для меня образом, — дочь ваша или не хочет, или не может сказать мне, каким именно, — я ее обидел. Можно быть виноватым и не звать за собою вины. Я не претендую на непогрешимость. Я прошу ее либо простить меня, либо объяснить, в чем моя вина. Она не соглашается ни на то, ни на другое. Если бы я был на ее месте, а она на моем, — ах, что бы она ни сделала, пусть даже самое худшее, что только можно себе представить! — я не был бы способен... я надеюсь, что не был бы... разорвать наш союз. Когда я люблю, я люблю. Мы обречены, и это в моих глазах — обязательство, священное и нерушимое. Какие бы у меня ни были недостатки, одно свойство я вменяю себе в заслугу — верность до конца. Каким бы смешным это свойство ни казалось в глазах света! Да, я признаю за собой великое множество недостатков и это единственное достоинство, которое, впрочем, ваша дочь как будто не слишком ценит. Попросту говоря, я, должно быть, принадлежу к той неразумной части человечества, к той собачьей его породе, которую именуют верной, и разделяю

судьбу этой породы. Я знаю, как смешон человек, кричащий, когда ему больно, и не прошу сочувствия. Считайте меня неудачником. Но мне невыносимо нарушение слова. Для меня подобный поступок был бы равносильен самоубийству. Существуют правила, на соблюдении которых цивилизованный человек обязан настаивать. Вся наша общественная структура зиждется на этих правилах. И я считаю всякое обещание священным и пезыблемым как для себя, так и для других. Если бы это было не так, свет давно превратился бы в карнавальную оргию. В данном случае... ах, Клара, любовь моя, ведь и у вас есть принципы, я знаю! Вы унаследовали их от рождения, впитали их с младенческих лет. И неужто я, сам того не ведая, совершил проступок, которому нет прощения? Вы даже не желаете назвать мою вину!.. Не говоря уже о моем горе... С точки зрения простой справедливости... Да, да, откинем на время мою личную заинтересованность, горе, боль и даже мысль о том, на что бы я сам, своею волей ни за что не пошел... Но по справедливости... Боюсь, сэр, что я плохой адвокат, я не владею ораторским искусством...

— Сэр, данные обстоятельства не нуждаются в Цицероновом красноречии. Продолжайте,— сказал доктор Мидлтон, который во все время тирады сэра Уилоби одобрительно кивал головой.

— Итак, я осмеливаюсь заявить со всей беспристрастностью,— как бы неуместно это ни звучало в устах человека, испытавшего столь острую боль,— что нарушение слова мне глубоко ненавистно.

Доктор Мидлтон завершил очередной кивок головой в такт благополучно округлившемуся обороту предыдущего оратора.

— Мне, со своей стороны,— сказал он,— тоже ненавистно нарушение слова. Беспристрастно, говорите вы? Беспристрастно можно судить, можно вынести беспристрастный приговор — но можно ли беспристрастно ненавидеть? Я полагаю, сэр, когда мы говорим, что нам нечто глубоко ненавистно, противно, омерзительно, мы не сидим в судейском кресле. Да, мы этим как бы даем себе отвод, как судьям. И вместе с тем отвращение наше к дурному поступку есть факт. Должно быть, сэр, вы хотели сказать не «беспристрастно», а «независимо от личных интересов». Это вполне достаточно выразило бы ваши чувства.

Взглянув на собеседника из-под бровей, доктор продолжал:

— Ей было выдано все сполна, Уилоби. На самом недвусмысленном английском языке, и притом с олимпийской непреклонностью. Я полагаю, что нет нужды ко всему этому возвращаться.

— Прошу прощения, сэр, но сам я еще не прощен.

— Остальное вы должны пролепетать на ушко друг другу. Когда я оказываюсь наедине с двумя голубками, я чувствую себя неуклюжим старым индюком.

— Да, да, оставь нас, отец,— тихо сказала Клара.

— Сначала соедините наши руки и позвольте мне именовать вас тем же титулом.

— Протяни же руку этому славному человеку, Клара, и крепко ее пожми! Влюбленному нельзя перечить. Он просит только то, что принадлежит ему по праву.

— Это свыше моих сил, отец.

— Но как же свыше твоих сил? Раз ты с ним обручена, раз ты уже ему принадлежишь!

— Я не испытываю склонности к браку.

— Это не причина.

— Я не достойна...

— Чуть и вздор!

— Я прошу его вернуть мне слово.

— Безумие!

— У меня нет к нему любви.

— Стыдись, Клара Мидлтон! Что за ребячество?

— Ах, дорогой отец, оставь нас вдвоем.

— Но что я сделал, Клара? В чем моя вина? Назовите ее!

— Отец, отец, оставь же нас! Вдвоем мы скорее договоримся...

— Разве мы с вами мало говорили, Клара? — перебил ее Уилоби.— И что же? Вы снова скажете, что любили и разлюбили, что ваше сердце принадлежало мне, а теперь больше не принадлежит, что вы его у меня отнимаете. Жертва, которую вы от меня требуете, стоила бы мне моей репутации, жизни! За что? Я тот же, что и был. Я любил и люблю вас. Мое сердце принадлежит вам и будет век вам принадлежать. Вы моя невеста, моя жена. Что я сделал?

— Вы правы,— вздохнула Клара.— Разговоры бесполезны.

— Однако, дитя мое, не бесполезно было бы сообщить джентльмену, которому ты обещалась стать женой, на каком основании ты к нему переменялась, что вызвало твою внезапную антипатию?

— Я не могу этого сказать.

— Но сама ты хоть знаешь, в чем дело?

— Если бы знала, я постаралась бы преодолеть эту апатию.

Доктор Мидлтон обратился к сэру Уиллоби.

— Не кажется ли вам, сэр, что мы стали бы напрасно добиваться от этой особы анатомического обоснования ее каприза? У молодых девиц капризы подчас вырастают до чудовищных размеров, но, лишенные каких бы то ни было органов, артерий, мозга и соединительных тканей, они не поддаются ни скальпелю хирурга, ни микроскопу ученого. Ваше стремление докопаться до истины вполне естественно во влюбленном, который добивается соединить свою жизнь с представительницей этого безрассудного сословия. И чем меньше у него познаний относительно его сущности, с тем большей настойчивостью добивается он своей цели. В молодых особях сущность эта проявляется в капризах да необъяснимых порывах, — я бы их квалифицировал как некий духовный эквивалент истерики, но они все же — если, разумеется, не позволять им заходить слишком далеко, — не носят столь разрушительного характера. История знает немало примеров, когда предпринятая мужчиной контратака вносит прекрасный корректив. Тогда все возведенное девицею здание взлетает в воздух, и она падает к вашим ногам. Ха!

— Да, да, отец, вы вправе меня презирать. Я наказана за то, что считала себя выше других женщин, — сказала Клара.

— Так протяни же ему руку, дитя мое, поскольку он становится на формальном знаке вашего примирения. И, должен признаться, я его понимаю.

— Отец! Я ведь сказала, что я его... что я не могу...

— Боже милостивый! Но в чем дело? Что случилось? Объясни наконец словами!

— Ах, не сердись на свою Клару, отец! Я не могу сделаться его женой. Я не люблю его.

— Позволь тебе напомнить, что в свое время я был тобою извещен, что ты его любишь.

— Я сама тогда не понимала... Я еще не знала себя. Я желаю ему счастья.

— И отказываешь ему в том самом счастье, которого ему желаешь?

— Он не был бы счастлив, если бы женился на мне.

— Ах! — вырвалось у Уиллоби.

— Ей было выдано все сполна, Уиллоби. На самом недвусмысленном английском языке, и притом с олимпийской непреклонностью. Я полагаю, что нет нужды ко всему этому возвращаться.

— Прошу прощения, сэр, но сам я еще не прощен.

— Остальное вы должны пролепетать на ушко друг другу. Когда я оказываюсь наедине с двумя голубками, я чувствую себя неуклюжим старым индюком.

— Да, да, оставь нас, отец,— тихо сказала Клара.

— Сначала соедините наши руки и позвольте мне именовать вас тем же титулом.

— Протяни же руку этому славному человеку, Клара, и крепко ее пожми! Влюбленному нельзя перечить. Он просит только то, что принадлежит ему по праву.

— Это свыше моих сил, отец.

— Но как же свыше твоих сил? Раз ты с ним обручена, раз ты уже ему принадлежишь!

— Я не испытываю склонности к браку.

— Это не причина.

— Я не достойна...

— Чушь и вздор!

— Я прошу его вернуть мне слово.

— Безумие!

— У меня нет к нему любви.

— Стыдись, Клара Мидлтон! Что за ребячество?

— Ах, дорогой отец, оставь нас вдвоем.

— Но что я сделал, Клара? В чем моя вина? Назовите ее!

— Отец, отец, оставь же нас! Вдвоем мы скорее договоримся...

— Разве мы с вами мало говорили, Клара? — перебил ее Уиллоби. — И что же? Вы снова скажете, что любили и разлюбили, что ваше сердце принадлежало мне, а теперь больше не принадлежит, что вы его у меня отнимаете. Жертва, которую вы от меня требуете, стоила бы мне моей репутации, жизни! За что? Я тот же, что и был. Я любил и люблю вас. Мое сердце принадлежит вам и будет век вам принадлежать. Вы моя невеста, моя жена. Что я сделал?

— Вы правы,— вздохнула Клара. — Разговоры бесполезны.

— Однако, дитя мое, не бесполезно было бы сообщить джентльмену, которому ты обещалась стать женой, на каком основании ты к нему переменилась, что вызвало твою внезапную антипатию?

— Я не могу этого сказать.

— Но сама ты хоть знаешь, в чем дело?

— Если бы знала, я постаралась бы преодолеть эту антипатию.

Доктор Мидлтон обратился к сэру Уиллоби.

— Не кажется ли вам, сэр, что мы стали бы напрасно добиваться от этой особы анатомического обоснования ее каприза? У молодых девиц капризы подчас вырастают до чудовищных размеров, но, лишенные каких бы то ни было органов, артерий, мозга и соединительных тканей, они не поддаются ни скальпелю хирурга, ни микроскопу ученого. Ваше стремление докопаться до истины вполне естественно во влюбленном, который добивается соединить свою жизнь с представительницей этого безрассудного сословия. И чем меньше у него познаний относительно его сущности, с тем большей настойчивостью добивается он своей цели. В молодых особях сущность эта проявляется в капризах да необъяснимых порывах,— я бы их квалифицировал как некий духовный эквивалент истерики, но они все же — если, разумеется, не позволять им заходить слишком далеко,— не носят столь разрушительного характера. История знает немало примеров, когда предпринятая мужчиной контратака вносит прекрасный корректив. Тогда все возведенное девицею здание взлетает в воздух, и она падает к нашим ногам. Ха!

— Да, да, отец, вы вправе меня презирать. Я наказана за то, что считала себя выше других женщин,— сказала Клара.

— Так протяни же ему руку, дитя мое, поскольку он настаивает на формальном знаке вашего примирения. И, должен признаться, я его понимаю.

— Отец! Я ведь сказала, что я его... что я не могу...

— Боже милостивый! Но в чем дело? Что случилось? Объясни наконец словами!

— Ах, не сердись на свою Клару, отец! Я не могу сделаться его женой. Я не люблю его.

— Позволь тебе напомнить, что в свое время я был тобою изведен, что ты его любишь.

— Я сама тогда не понимала... Я еще не знала себя. Я желаю ему счастья.

— И отказываешь ему в том самом счастье, которого ему желаешь?

— Он не был бы счастлив, если бы женился на мне.

— Ах! — вырвалось у Уиллоби.

— Ты слышала? Он не согласен с твоим пророчеством, Клара Мидлтон.

Она подвесла к груди стиснутые руки.

— Горе, горе нам обоим!

— Несчастливая! Ведь ты ни в чем не можешь его упрекнуть!

— О да, я несчастная!

— Но ведь это вопль животного, попавшего в неволю!

— Да, отец.

— Итак, ты ощущаешь себя затравленным зверьком. И не можешь сказать ни слова?

— Против себя — сколько угодно. Против него — ни слова.

— О, великодушная! И вы хотите, чтобы я после этого от вас отказался? — вскричал Уилоби. — Ах, любовь моя, Клара, взвалите на меня любое условие, но только не это! На свете нет мужчины, который бы вынес такое, это выше моих сил, клянусь!

— Продолжайте в том же духе, вы нашли верный тон, — сказал доктор, удаляясь.

Одним прыжком Уилоби очутился между ним и дверью.

— Просите вы за меня, сэр! Вы всемогущи. Она должна быть моей. Я сделаю ее счастливой, даже если бы мне пришлось погибнуть. Я не могу ее лишиться. Это невозможно! Лишиться вас, моя любовь? Но это значило бы отказаться от всех радостей, земных и небесных. Это значило бы отказаться от обладания прелестью, красотой, умом, всеми чарами женской души и обречь себя на прозябание в пустыне. Вы моя подруга, венец всего, что я называю своим. Клара, я не был бы мужчиной, если бы согласился отступить от вас. Согласиться? Когда я так вас люблю! Я вас обожаю! Как могу я пойти на такую утрату?..

Глаза его мучительницы из-под опущенных век следили за каждым движением доктора Мидлтона. Тот шагал по комнате, все ближе и ближе подвигаясь к дверям.

— Вы меня ненавидите? — спросил Уилоби вполголоса.

— Я могу дойти и до этого! — пролепетала она.

— До ненависти к собственному мужу?

— Я не ручаюсь ни за что. — Коварная еще больше понизила голос.

— Ненависть? — воскликнул он громко, так, что доктору Мидлтону пришлось остановиться. — Ненависть к собственному мужу? К тому, кого вы поклялись любить и почитать

до гроба? Нет, нет! Как только вы станете мосей, всем тревогам придет конец. Ведь я знаю вас, знаю ваш истинный характер. Я изучил его и верю в него, верю в достоинства, унаследованные вами от предков, верю в ваше воспитание. Но даже если бы я не знал всего этого, ваши глаза были бы мне порукой. Скажу вам откровенно, Клара: я скорее согласен быть предметом вашей ненависти, нежели потерять вас совсем. Ибо, если я вас потеряю, мы окажемся с вами в разных мирах, и я останусь один в ледяной пустыне. А так, даже если вы меня возненавидите, мы все же будем вместе, вдвоем. Любкой союз с вами предпочтительнее разрыва!

Клара слушала, критически взвешивая каждое его слово, и сами слова, и тон, каким он их произносил, звучали для нее непривычно. Понимая, что все это адресовано главным образом ее отцу и что сэр Уилоби коварно играет на непритворном ужасе доктора Мидлтона перед «клятвопреступлением», Клара не выдержала всего этого лицемерия и имела неосторожность сказать, — правда, ледяным голосом:

— Так вы со мною никогда еще не говорили.

— Вот и отлично, прежде не говорил, а теперь говорит, — подытожил доктор Мидлтон. — И я требую, чтобы ты протянула ему руку, дабы скрепить ваш союз. Ты позволила ему пройти весь путь до конца и теперь, на этой конечной станции, должна либо присоединиться к нему, либо предьявить основательные доводы, в силу которых это невозможно.

Голова у нее шла кругом. Суровое бичевание, которому ее подверг отец, истощило ее силы еще до прихода Уилоби. Она не могла подобрать слов, чтобы объяснить причины, заставившие ее отвернуться от жениха. Те доводы, что приходили ей на ум, она тут же отвергала, понимая, что не успеет отец и рта раскрыть, как они разлетятся в прах. К тому же она поняла, что Уилоби готов прибегнуть к ее же оружию — жаловаться, бить себя в грудь и молить о пощаде. И если к ее услугам были слезы, то он располагал не менее красноречивым языком жестов. Вопль отвращения к навязываемому ей союзу вызвал бы у него ответный поток любовных излилий... Что же могла она сказать? Что он эгоист? Но разве такое объяснение убедительно? «Придумай, придумаю что-нибудь!» — кричал ей стоголосый инстинкт отвращения, и будь она пастухом с одним из них — с отцом или с Уилоби, — она придумала бы какой-нибудь убедительный довод и отвела бы несправедливые поклёны на ее сердце, виновное лишь в том, что оно не умело назвать подлинной и чрезвычайно существ-

вешной причины своего охлаждения. Но присутствие обеих вместе парализовало ее. Она заранее представляла себе реплики, какие каждый из них по очереди на нее обрушит. И меж тем как ее живой ум бескорыстно вооружал их аргументами против нее, он не мог подыскать ни одного веского довода в ее пользу. А то, что было у нее на сердце, она высказать не могла, ибо сердце ее пребывало в безнадежном разладе с умом. Сердце отчаянно билось, ум вел себя как посторонний наблюдатель, и когда бедное немотствующее сердце взывало о помощи, Клара мысленно отвечала ему воображаемыми доводами обоих своих оппонентов. Но совсем заглушить внутренний ропот ей не удавалось, и тогда она прибегала к самобичеванию: ведь это она затянула все дело, со дня на день откладывая объяснение с отцом из боязни показаться ему ветреной девчонкой. Она укоряла свое сердце в неискренности. Да и что она собою представляет, в самом деле? Кто ее любит? Разделавшись таким образом с сердцем, она довершила беду, беспощадно задержавшись на истинной причине, перетянувшей ее отца на сторону сэра Уиллоби. А коли так, коли она не может уважать отца всей душой, значит, ей и в самом деле — грош цена!

Но тут же великодушие брало верх и побуждало рассудок выступить на защиту отца: Клара судорожно держалась за свое дочернее уважение к нему, чувствуя, что иначе потопет. Сама этому ужасаясь, она мысленно вторила Уиллоби и посылала проклятия миру, где самые священные чувства подвергаются такому испытанию.

То, что она вторила этому человеку, было ужасно вдвойне — ведь это значило, что сама она ничуть не лучше его. Немного моложе, и только. Но года пройдут, и она уподобится ему во всем.

Ее никто не любит, а раз так, она никому не причинит боли, решив сдержать слово и сделаться его женой. Тогда как, нарушив слово, она нарушит закон чести. Ведь ее никто, никто не любит! Взять хотя бы любовь к ней ее отца. Отплытие его покой — единственная цель ее жизни. Собственное счастье она похоронила и насыпала над ним могильный холм. Отцу здесь хорошо. Здесь он счастлив — зачем же вынуждать его покинуть эту обитель и лишать жалкой радости, которою он так дорожит?

На самом деле за дочерней преданностью скрывались лишь слабость, изнеможение в борьбе. Она явно колебалась и, бросив беглый взгляд на Уиллоби, подумала, — так претнула

ей мысль принадлежать легче смириться с этой бою. Если б он был и со всей экзальтацией доти и совершить этс

На свою беду, сэр поиться. Он зам торым она ускользнул от ние, а также на некая что в силу его физическо окончателью сломено.

быть может, было бы он не так хорош соазия, она могла бы ься от своей молодуюю.

не основания торо туй взгляд, ко также не е самомне книги, он решил, ества сопротивлению сс

В поединках между мужчинами и женщинами афоризмы, почерпнутые из Великой Книги, подчас и в самом деле способны воодушевить нападающую сторону. Написанные кровью побежденных, они звучат как боевая труба, сеющая смерть в рядах противника. Сотни и тысячи раз этот призывный клич не обманывал. Будем же помнить об этих многочисленных победах и в тех редких случаях, когда — к радости какого-нибудь будущего маршала Вобана в юбке, которому вздумается направить весь блеск своего ума на то, чтобы выработать афоризмы в помощь осажденным, — обстоятельства нас вынудят занести в боевые анналы единичные поражения.

Но Уилоби некогда было дожидаться окончательного таяния снегов. С него было довольно, что процесс этот начался. Вооруженный пылом любви и жаждой победы, наш злополучный джентльмен с роковой поспешностью пытался этот процесс ускорить и в результате помешал ему развиваться.

Отсюда вытекает необходимость дополнить афоризм, на который опирался сэр Уилоби, комментарием примерно в следующем духе: *дышанием зимы не отогреть замерзшую любовь.*

— Моя! — воскликнул он. — Она моя! Слова моя! Вся моя! Навеки!

И с этим победным кличем он двинулся к побежденной. Та отступила. Она отступила, как и следует в таких случаях отступать молодым девицам, — всего на два-три шага, и он не заметил, что перед ним разъяренная Диана, оцетишившаяся стрелами. Напротив, он увидел в ее отступлении всего лишь девичью робость и умилился. Схватив прекрасную ручку, но не настаивая на объятии, он воскликнул:

— Вы не услышите больше ни звука, ни слова о мученьях, через которые я прошел! Вам не придется мне

ничего объяснять, моя Клара! Отныне я буду прилежно изучать вас, моя дорогая, и во всем руководствоваться единственно вашими желаниями. И если случится мне вас когда-нибудь обидеть снова, моя жена выскажет мне то, о чем не посмела шепнуть невеста... Быть может, она просто не понимала, к чему приведет такое умолчание, и по молодости и неопытности не сознавала нерушимой святости обручения. Все это в прошлом, дорогой мой и почтенный отец, мы опять — одно. Теперь вы можете нас покинуть.

— Я рад этому от души, — сказал доктор Мидлтон, — аминь!

Клара вырвала плененную руку.

— Нет, нет, отец, прошу, останься! Это ошибка, ошибка! Не покидай меня! И знай, что целиком и навеки я принадлежу одному лишь тебе. Никто не смеет назвать меня своею, кроме тебя.

— Что это, Клара Мидлтон? Что это за трясина, на которой нельзя воздвигнуть ни одного строения? Куда влекут мою девочку ее ветреность и непостоянство?

— Мы с Кларой, сударь, — одно, — сказал Уилоби.

— Да будет так, — сказал доктор и повернулся к дверям.

— Нет, отец, погоди, — сказала Клара, догоняя его.

— Ну, что это такое? Ведь это ты, ты сама мечтала остаться наедине с Уилоби! — закричал на нее отец. — И вот, пожалуйста, — мы возвратились к исходному положению, с той лишь разницей, что теперь ты не хочешь оставаться наедине с Уилоби. То велишь мне уйти, то тлнешь назад. Ты и ангела выведешь из терпения, прежде чем решишь окончательно, куда направить свою ладью. Где твой рассудок?

Клара провела ладонью по лбу.

— Я хочу быть покорной дочерью, отец.

— А я требую от тебя покорности человеку, которому суждено сделаться твоим супругом.

— Я хочу поступить так, как велит мне долг.

— Ну, что же, Уилоби, такое желание должно вас удовлетворить — чего же еще требовать от девицы?

— Сэр, позвольте мне просить об одном: чтобы ваша дочь при вас протянула мне руку.

— Неужели это так трудно, Клара?

— К чему этот пустой ритуал, отец?

— Вот видите, вот видите, Уилоби, она готова к совершению этого ритуала при более торжественных обстоятельствах.

— Я требую, сэр, чтобы она протянула мне руку сейчас. Я хочу получить от нее подтверждение в вашем присутствии. После всего, что я вынес, я как будто вправе требовать знака, который вернул бы мне уверенность.

— Справедливо. Я не говорю, что это так уж обязательно, но понять вас можно. И быть может, когда мы имеем дело со столь непостоянной натурой, такая предосторожность не излишня.

— Итак,— сказал Уиллоби,— вот моя рука.

Клара отпрянула.

Уиллоби наступал. Отец хмурился. Подняв руки и кинув полный отращения взгляд на своего преследователя, она бросилась к отцу.

— Называйте это причудой! — воскликнула она. — Да, я непостоянна, капризна, ветрена и неразумна. Но вы видите, я придаю этому жесту большое значение и сознаю, что он связал бы меня. Нет, отец, в твоём присутствии это не пустой ритуал. Ах, будь снисходителем к твоей девочке с ее нелепыми настроениями! Через час-другой я приду в себя. Мне нужно собраться с мыслями. Я считала себя свободной, я не думала, что он будет вставать. Если я сейчас, впопыхах, дам ему руку, в следующую же минуту я пожалею об этом. Что делать — я такова! Но поверь мне, отец, я попытаюсь себя перебороть, и если мне позволят выйти и побродить наедине с моими мыслями, я успокоюсь и буду в состоянии решить, в чем заключается мой истинный долг...

— В какую сторону вы намереваетесь пойти? — спросил Уиллоби.

— Мудрость не связана с тем или иным направлением дороги,— сказал доктор Мидлтон.

— Да, сударь, но я опасаясь дороги, которая ведет на станцию!

— Увы, у вас есть к тому основания,— произнес доктор Мидлтон со вздохом.

Яркая краска залила Кларе щеки. Впрочем, ей было не до гнева, и она даже радовалась оскорблению, которое исходило от Уиллоби.

— Я обещаю не выходить за пределы паттерновского парка, отец.

— Дитя мое, ты уже доказала, что умеешь нарушать свои обещания.

— Ах! — простонала Клара.— Но я готова поклясться.

— Почему бы тебе не поклясться сейчас, ради спокой-

ствия этого джентльмена, что через некий определенный отрезок времени ты сделаешься его женой?

— Я приду к тебе сама. Но сейчас мне необходимо поразмыслить в одиночестве.

— Я ее потеряю! — воскликнул Уилоби. На этот раз то был крик души.

— Но почему же? — возразил доктор Мидлтон. — Я за нее ручаюсь, сэр, если вы согласитесь оставить ее на некоторое время в покое. Итак, Клара, через час ты сама, своей волей придешь ко мне и либо тотчас протянешь ему руку, либо представишь мне доводы, мешающие тебе это сделать, причем доводы, предупреждаю, должны быть вескими.

— Да, отец.

— Ты обещаешь?

— Обещаю.

— Помни же. Я сказал: *доводы*.

— Да, отец, доводы. Если у меня их не будет...

— Если у тебя не будет доводов, которые бы показались убедительными мне, ты беспрекословно, чистосердечно и незамедлительно исполнишь мою волю.

— Я исполню твою волю.

— Можно ли требовать большего? — обратился торжествующий доктор к сэру Уилоби с поклоном.

— А она не...

— Дорогой сэр Уилоби!

— Она ваша дочь, сэр, этого достаточно.

— Она взбунтовалась против этого союза, подобно тому как поначалу аборигены земли, открытой предприимчивыми колонизаторами, бунтуют против платья, которое им навязывает наша мудрая цивилизация, — только затем, чтобы впоследствии горделиво нахлобучить на голову какую-нибудь измятую треуголку или натянуть панталоны, едва достающие им до колен. Но она не порвала с вами, сударь. Будем надеяться, что, победив в себе дикаря, она, подобно им и с меньшей гордостью и достоинством, покорится своей судьбе.

Уилоби было некогда вникать в несколько двусмысленный характер комплимента, который сделал ему доктор Мидлтон. Он видел, как Клара под разглагольствования отца уходила из комнаты, и прежний страх овладел им снова — страх, что он потерял ее безвозвратно: ведь ему так и не удалось связать ее словом!

— Она ушла, — констатировал ее отец. — Однако она не

теряет времени для выполнения своей задачи — выконать свои легендарные доводы, в силу которых она якобы не может вступить с вами в брак, доводы, для которых, как она сама прекрасно знает, нет никакой почвы. Впрочем, я сомневаюсь, чтобы это было ее действительной целью, ей просто-напросто нужно успокоиться. Никому не нравится, чтобы им вертели другие. Мы хотим чувствовать, что совершаем эти пируэты по собственной воле. Когда стоит вопрос о каком-нибудь серьезном решении, нам хочется, чтобы оно исходило от нас самих. Так устроен каждый из нас, и молодые девушки не составляют исключения. Пройдет час, и ей покажется, что она сама, своей волей, пришла к решению. Мы сегодня обедаем дома, Уиллоби?

— Да, сэр.

— Признаться, я был бы весьма не прочь отведать знаменитого портвейпа — мне кажется, что я его сегодня заслужил.

— Сэр, я распоряжусь, чтобы подали третью бутылку.

— В случае благоприятного исхода, разумеется. Впрочем, я в нем нимало не сомневаюсь, — сказал доктор Мидлтон и не лишенным величия жестом дал понять сэру Уиллоби, что аудиенция окончена.

ГЛАВА СОРОК ВТОРАЯ,

показывающая всю пронизательность впечатлительного ума

Накануне вечером, за несколько минут до того, как доктор Мидлтон и сэр Уиллоби присоединились к дамам в гостиной, Вернон расстался с де Креем у ворот парка и направился к коттеджу мистера Дейла. Там ничего не знали о местопребывании юного странника. Столь же обескураживающий ответ Верпону пришлось услышать от доктора Корни. Добродушный лекарь высунулся в окно и, узнав, что его приятель совершил такой долгий путь в поисках представителя породы не менее живучей, чем кошки, весьма изумился и пригласил его к себе отдохнуть. Когда же тот отказался, он принялся яростно дубасить кулаком по подоконнику: ни дать ни взять — петрушка в кукольном театре! Вернон буркнул, что, кроме этого малого, у него никого нет, и

зашагал дальше, по направлению к ферме, отстоявшей в пяти милях от жилища доктора. Рывкнув ему вслед приглашение завернуть к нему на обратном пути и позавтракать вместе, доктор Корни улегся в постель. Он перебрал всевозможные догадки и, остановившись на том, что его бедный друг выступает в роли рыцаря мисс Мидлтон, пришел в умиление. «А впрочем, — подумал он, — безнадежная любовь не худший аккомпанемент к мелодии жизни, это лошадиная доза неприятностей, по сравнению с которой все меньшие дозы складываются в приятную гармонию, и человек, заглотнувший такую дозу, проковыляет по жизни не хуже иного баловня судьбы!»

Таким баловнем судьбы, в представлении неунывающего доктора являлся сэр Уиллоби, этот заносчивый джентльмен с огромным состоянием, высоким положением в обществе, и в довершение всего прочего — имеющий счастье называть самую обольстительную девушку на свете своей невестой. Но как ни высоко ставил доктор все эти преимущества, он представлял себе, что в конечном счете судьба, быть может, больше благоволит к Вернону. Правда, прежде чем прийти к этому выводу, ему пришлось создать в своем воображении несколько отвлеченную картину, согласно которой его тощему приятелю предстояло в течение ряда лет питаться акридами и диким медом, и наконец, в преддверье бодрой старости (награды за столь гигиенический образ жизни), его дама сердца должна была осчастливить его запоздалым признанием.

Подобная точка зрения была в высшей степени ирландской. Представляя собой человеческую разновидность, прямо противоположную той, к которой принадлежал доктор Корни, сэр Уиллоби вызывал у него инстинктивный антагонизм — но антагонизм отнюдь не национального характера: ведь Верноп был той же породы и даже отчасти той же крови, а Корни любил его всем сердцем. Нет, ему была глубоко чужда самая сущность сэра Уиллоби.

Судьба забросила его в страну, где преуспевали люди этого типа, и, как бы подчиняясь неписаному закону этой страны, он не выказывал своих чувств, меж тем как все так и бурлило в его мятежной кельтской груди. В отношении доктора Корни к сэру Уиллоби было много схожего с чувством, какое, должно быть, испытывал ирландский простолудин и генералу Стронгбоу, поставленному над ним британскими завоевателями. Но, в отличие от средневекового ир-

ландца, Корни мог бы назвать человека, более достойного занять этот высокий пост и, уж во всяком случае, более достойного прекрасной дамы. Когда же наконец эти породистые англичанки поймут, что такое истинное благородство, и перестанут видеть его в спесивом деревянном идоле, которому поклоняются испокон веков!

Доктор Корни позавтракал чуть ли не на рассвете и, так и не дождавшись Вернона, отправился объезжать своих больных. Природа встречала пробуждающийся и еще не омраченный дневными заботами мир свежими красками и ликующими голосами.

Часом позже, свернув с шоссе на зеленый проселок, доктор Корни увидел какого-то юнца, голова и руки которого были скрыты чащей придорожных кустов. По беззаветной целеустремленности видимой половины его тела он безошибочно признал в нем юного Кросджей. Вскоре он и весь появился наружу, держа в ладонях несколько птичьих яиц. Доктор осадил лошадь.

— Что за птица? — прогремел он.

— Овсянка, — отозвался Кросджей.

— Немедленно вернуть два-три яичка в гнездо!

— А ты не командуй, — ответил Кросджей. — Ах, это вы, доктор Корни! Доброе утро. Я вам так ответил оттого, что всегда оставляю в гнезде два-три яичка. Я дал слово мистеру Уитфорду и, кроме того — мисс Мидлтон.

— Завтракал?

— Нет еще.

— Голоден?

— Да не очень.

— Забирайся ко мне!

— Спасибо, доктор Корни, что-то не хочется.

— Слушай доктора Корни, и все тут! Устреми все свои мысли на румяные ломтики жареного бекона и на душистый кофе, горлячие сухари с маслом, пирожки, апельсиновое варенье и сливовый джем. Ага! Наши воздры расширяются, а в уголках рта появились слюнки! Ну, живо, мой друг!

Кросджей вскочил на козлы рядом с доктором. Тот тронул лошадь вожжей и сказал:

— Сегодня мне помощник не нужен, но если когда-нибудь понадобится, я обращусь к тебе. Ты любишь мисс Мидлтон?

Вместо ответа Кросджей издал красноречивый вздох бездонной любви.

— Вот и я тоже,— продолжал доктор.— Так что прими-
рись с мыслью о сопернике. Я не только люблю ее, я влюб-
лен. Как ты на это смотришь?

— Мне все равно, сколько бы народу ее ни любило,—
сказал Кросджей.

— Ты достоин бесплатного завтрака в парадном зале
лучшей гостиницы страны, именуемой Аркадией. Каково
вам спалось этой ночью?

— Средне.

— Что, жестковато без подушек?

— Для меня это ничего не значит. Два часа поспал — и
ладно.

— Ну, конечно, раз ты любишь мисс Мидлтон, тебе боль-
ше ничего не надо.

К великому удивлению доктора Корни, из обоих глаз
юного спартанца выкатилось по большой круглой слезе.
Лицо его, однако, по-прежнему хранило гордое выражение.

Как только Кросджей почувствовал себя в силах раз-
жать губы, он произнес:

— Мне необходимо видеть мистера Уитфорда.

— У тебя к нему важное поручение?

— Мне нужно его кое о чем спросить. Я не знаю, как
мне держаться дальше.

— Так. Адресат тот, а направление взято неверно. Ты
сам обратил к нему спину — он так и не прилег этой ночью,
говнясь за тобой. Почему бы тебе не взять в советчики
меня?

Кросджей тяжело вздохнул.

— Об этом я могу говорить только с мистером Уит-
фордом.

— И непременно сейчас?

— Мне бы очень хотелось.

— А сам от него бегаешь! Вы ведете себя крайне зага-
дочно, мистер Кросджей Паттерн.

— Всякий, кто узнал бы то, что знаю я, вел бы себя так
же,— ответил Кросджей, и в голосе его прозвучала такая не-
притворная печаль, что доктор отбросил шуточный тон.

— Мистер Уитфорд тебя повсюду разыскивает,— сказал
он.— Пожалуй, лучше всего будет подвезти тебя к Большо-
му дому.

— Туда я не хочу,— решительно сказал Кросджей.

— Но только там, в Большом доме, ты и можешь по-
встречать мисс Мидлтон.

— Я не хочу видеть мисс Мидлтон, раз не могу быть сѣй полезеп.

— Надеюсь, этой даме не грозит беда?

Кросджей промолчал, словно не слышал вопроса.

— Ты мне вот что скажи,— продолжал доктор Корни,— как по-твоему, если бы мисс Мидлтон была свободна, имел бы я шанс на победу?

На этот раз Кросджей ответил без малейшего затруднения.

— Никакого,— отрезал он.

— А почему, сэр, вы так уж уверены?

Он не мог объяснить, но доктор не отступался, и Кросджей наконец сказал, что, по его мнению, мисс Мидлтон расположена к мистеру Уитфорду.

Доктор полюбопытствовал, отчего он так полагает, и услышал в ответ, что на всем свете нет никого лучше мистера Уитфорда.

— Аминь,— с чувством произнес доктор.— Впрочем,— прибавил он, помолчав,— я бы полагал, что у полковника де Крея больше шансов: вот кто — настоящий дамский угодник.

Но Кросджею суждено было снова удивить доктора.

— Ах, перестаньте,— досадливо сказал он. И прибавил: — Давайте лучше говорить о птицах, о рыбной ловле... Я видел, как вставало солнце. Сегодня не будет дождя. А вы правы, доктор Корни, я голоден как волк!

Добрый маленький доктор хлестнул по лошадке. Кросджей поведал ему об опале, постигшей его в Большом доме, и обо всех своих приключениях, начиная со встречи с индией и кончая разговором с сэрром Уиллоби, опустив только эскападу мисс Мидлтон и подслушанный ночной разговор в гостиной. Доктор Корни тотчас учуял пробел в его рассказе.

— Ты, конечно, ничего не скажешь мисс Мидлтон о моем чувстве к ней. В конце концов это всего лишь капля любви. Но, как сказал Патрик своей Кэтлин, признавшейся ему в том, что ощущает в себе эту каплю,— «это самая сладкая капля!» — и был прав, так же, как оказался прав я относительно твоего аппетита.

Кросджей считал разговоры о любви ниже своего достоинства.

— Я никогда не говорю мисс Мидлтон о таких вещах,— заявил он,— А мы, оказывается, подъехали к домику мисс Дейл!

— Да, он гораздо ближе к твоему пустому брюху, чем мой владения,— сказал доктор.— Остановимся-ка лучше здесь и спросим, можно ли тебе будет у них переночевать. Если нет, я заберу тебя к себе, посажу в колбу и буду демонстрировать, как редкий экземпляр. На завтрак можешь рассчитывать во всяком случае,— в этом тебе не откажут! Я вижу какого-то джентльмена у калитки.

— Это полковник де Крей.

— Да, верно, пришел узнать, нет ли каких вестей о вашей персоне?

— Не думаю.

— А я не сомневаюсь, что так оно и есть и что его сюда прислала мисс Мидлтон.

Кросджей резко оборотился к доктору.

— Я так давно ее не видел! — вырвалось у него.— Но с полковником мы виделись ночью, и она могла бы его спросить обо мне, если в самом деле беспокоилась. Доброе утро, полковник,— сказал он, соскакивая с козел.— А я уже погулял всласть, и чудесно прокатился, и теперь голодец, как весь экипаж капитана Блая, вместе взятый.

Приветливо улыбаясь друг другу, полковник и доктор поздоровались.

— Я уже позвонил,— сказал де Крей.

К калитке вышла служанка, а вслед за ней — и сама мисс Дейл, которая тут же бросилась к Кросджею и стала осыпать его упреками и поцелуями. На полковника она едва взглянула и, сославшись на необходимость поскорее накормить проголодавшегося мальчика, заторопилась с ним в дом.

— Я подожду,— сказал де Крей. Он заметил, что она бледнее обычного. Доктор Корни справился о здоровье ее отца. Она ответила, что он еще не просыпался, и увела Кросджея к себе.

— Это хорошо,— сказал доктор,— хорошо, когда больные долго спят. Зато дочь его мне сегодня что-то не правится. Ну, да женщины такой народ — у них раз на раз не приходится. Все, что у них па душе, тотчас отражается на цвете лица. Это оттого, что они не привыкли получать от жизни столько щелчков, как наш брат, и не научились скрывать свои чувства. Они — как флагшток на корабле: то на нем траурный флаг, то — праздничный. А мужчина — что носовое украшение корабля: и в штиль и в бурю одинаков и, спасибо волнам, не слишком красяв. Мы с вами вечность не ви-

делись, полковник! Насколько помнится, последний раз мы встречались па борту дублинского судна. Ну и ночка же была!

— Я не забыл ее, как не забыл и того, что это вы меня поставили тогда на ноги, доктор.

— Да, да, вы можете засвидетельствовать, что доктор Корни и на море не шарлатан — слава шартрезским монахам, чей волшебный эликсир имеет власть и над морскою пучиной! А еще говорят, что теперь не бывает чудес!

— Слава монахам и врачевателям!

— Когда их можно объединить в одном лице, это действительно чудо. Впрочем, душевное исцеление часто ведет к полному и окончательному излечению телесного недуга. Злые языки даже уверяют, будто достаточно верить нашему брату тело, как из него и дух воп. Кстати, полковник, у нашего мальчугана на душе кошки скребут.

— Верно, у него произошла какая-нибудь история с фермером или с лесничим.

— Порасспросите-ка его. Он что-то скрывает, вот увидите. Что-то, связанное с мисс Мидлтон. Тут какая-то тайна, и, судя по всему, невеселая.

— Посмотрим.

Доктор Корни кивнул.

— Мне еще надо будет сюда вернуться, к моему пациенту. А пока проведу тех своих подопечных, что уже встали, — сказал он, трогая лошадь.

Де Крей побрел по саду. Он принадлежал к числу людей ума деятельного и острого, которые мыслят скачками и как бы в припляс. Он был способен разгадать любую интригу и тут же разработать план контриптриги. И однако, никогда не действовал опрометчиво. Напротив, долго парил над целью и, не торопясь с окончательными выводами, методично и терпеливо взвешивал все данные, какие доставлял ему его быстрый ум.

Услыхав, что Кросджей озабочен судьбой мисс Мидлтон, он перебрал в памяти все обстоятельства, связанные с мальчиком за последние двое суток, и, не позволяя себе задержаться ни на одном из них, принялся их тасовать. Полковник де Крей обладал не только орлиным профилем, но и повадками этой птицы: выбирая время и место для удара, он всецело полагался на инстинкт. Натуры, склонные к рефлексии, обычно начинают с догадок — с тем чтобы впоследствии их разработать. Преждевременная гипотеза, однако, только заводит в непроходимый лабиринт, меж тем как

у того, кто способен парить в высоте, делая круги и неспешно вбирая в себя впечатления, больше шансов сохранить равновесие, необходимое для раздумья над предлагаемой загадкой. Он либо упадет на след, либо вовсе потеряет его — второе даже чаще. Зато кругозор у него шире, он не рискует запутаться в собственных хитросплетениях и окажется ближе к правде, нежели тот, кто действует путем расчетов и домыслов. Чтобы достигнуть успеха, однако, мало быть невозмутимым созерцателем, надо еще и уметь читать знаки и выбрать минуту для смелого удара.

Де Крею захотелось еще раз взглянуть на мисс Дейл. Ее внезапный отъезд из Большого дома, как видно, не был продиктован болезнью отца. Он вспомнил, как повстречал ее ночью в коридоре и как поразили его ее покрасневшие глаза. Накормив Кросджей до отвала, мисс Дейл выслала его к полковнику. Но тот отправил его назад — сказать, что хотел бы ее видеть. Мисс Дейл не сразу исполнила его просьбу и вышла на крыльцо с явной неохотой. Де Крею вызвался передать мисс Мидлтон какое-нибудь поручение. У мисс Дейл не оказалось никаких поручений. Он настаивал. Но право же, у нее не было сейчас в этом надобности!

— Неужели вы не доверите мне и словечка, чтобы ей передать?

Она как будто заколебалась. Но нет, ей было не до приветов.

— Я на днях увижу ее сама, полковник де Крей.

— Она очень будет без вас скучать.

— Мы скоро увидимся.

— Не говоря уже о бедняге Уилоби!

Летиция покраснела и ничего на это не ответила.

Бабочка необычной расцветки привлекла внимание Кросджей, и он бросился ее ловить.

— Боюсь, не натворил ли он чего, — сказала Летиция. — Он ни разу не взглянул мне в глаза.

— Но аппетит у него хороший?

— Отличный.

Де Крей кивнул. Если у мальчика хороший аппетит, можно не отчаиваться: есть надежда подобрать к нему ключ.

Полковник и Кросджей не спеша прошли по саду.

— Ну, а теперь, — сказал полковник, — мы попробуем устроить вам свидание с мисс Мидлтон. Вы счастливец, ведь она постоянно думает о вас.

— Я-то всегда о ней думаю, — сказал Кросджей.

— И если вы попали в беду, лучше всего вам обратиться к ней.

— Кабы знать, где она!

— Да ведь ее обычно всегда можно застать в Большом доме.

Ответа не последовало. Страшная тайна, которою владел Кросджей, так и рвалась наружу. Теперь, когда он был сыт, к нему и в самом деле было легче подобрать ключ.

— Мне бы так нужно было повидаться с мистером Уитфордом!

— Вы хотите что-то ему сообщить?

— Я не знаю, как мне быть, я ничего не повимаю!

Тайна подступила к самым его устам, но он ее проглотил.

— Да, мне необходимо поговорить с мистером Уитфордом,— повторил он.

— О, это большой друг мисс Мидлтон.

— Я знаю. Самый верный. Из чистейшей стали.

— Но мы все ее друзья, Кросджей. Я льщу себя надеждой, что и я могу быть крепким, как толедская сталь, когда нужно. Сколько времени пробыли вы в доме до того, как чуть не сшибли меня с ног?

— Не знаю, сэр. Я уснул, а потом вдруг проснулся..

— Где же вы проснулись?

— В гостипой.

— Послушайте, Кросджей, неужели вы из тех, кто пугается привидений? А право, у вас был такой вид, когда вы ткнулись мне в живот, словно вам явилось привидение.

— Я не верю в привидения, полковник. А вы? Нет, конечно!

— Как знать? Будем падеяться, что они не существуют, иначе всякий человек, заручившись помощью привидения, мог бы одолеть десяток противников. Это был бы неравный бой. С таким нельзя было бы ни драться, ни в карты играть, ни соперничать, скажем, в любви. Ну так что же — вы увидели привидение?

— Нет, нет, это были не привидения! — убежденно воскликнул Кросджей.

Полковник переменял разговор.

— Сдается мне, будто мисс Мидлтон чем-то огорчена.— сказал он.— Вы спросите: чем. Да разве сами вы, мой друг, не огорчаете ее то и дело?

Мальчик весь напыжился,

— Да я... да я бы... Я бы сделал все, лишь бы она была счастлива... Но в том-то и загвоздка! Вся штука в этом! И я не знаю, как мне быть. Ах, как мне нужен мистер Уитфорд!

— Вечно вы попадаете в какие-то истории, мой друг!

— Ни в какую я историю вчера не попал.

— Итак, вы удобно расположились спать в гостиной? Счастье ваше, что сэр Уиллоби вас не видел.

— А вот и не видел!

— Признайтесь, вы чуть было не попались, а?

— Я накрылся чем-то шелковым.

— И он-то и разбудил вас?

— Должно быть. Я услышал его голос.

— Он разговаривал?

— Ну да.

— Как? Сам с собой?

— Нет.

Кросджей чувствовал, что задыхается. Еще минута, и он откроет свою тайну.

Де Крей переменял тактику.

— Вы ведь любите сэра Уиллоби?

В ответ послышалось мертворожденное: «Да».

— Он к вам очень добр,— сказал полковник.— Он вас поставит на ноги и будет вам помогать.

— Да, я его люблю, конечно,— сказал Кросджей, как всегда скороговоркой, когда речь заходила о его покровителе.— Я его люблю, он очень добр и дарит мне деньги, играет со мной, и все такое. Но я так и не понимаю, отчего он отказался принять моего отца, когда тот прошел десять миль — нарочно, чтобы с ним повидаться? Отцу пришлось шлепать эти десять миль назад под дождем и долго-долго ехать на поезде — до самого Девонпорта. И все оттого, что сэр Уиллоби отказался его принять. А ведь он был дома — отец видел его своими глазами. Нам всем это показалось таким странным. Но только отец не позволял нам много об этом говорить. Мой отец очень храбрый.

— Капитан Паттерн — один из самых храбрых людей на свете,— подтвердил де Крей.

— Он бы вам понравился, полковник, я уверен!

— Я слышал о его подвигах и очень его уважаю. И наверняка полюбил бы его, если бы узнал.

Полковник растравил сыновнюю тоску Кросджея.

— В наших краях говорят: кусок хлеба с сыром, стакан эля да постель — вот все, что нужно бедному человеку,—

продолжал мальчик. — Ни в одном из богатых домов ему бы в этом не отказали — а на большее никто не рассчитывал. Мои сестры говорят, что сэр Уиллоби, должно быть, думает только о себе. Он такой гордый, что ему, быть может, не понравилось, как мой отец был одет. Но что делать? Мы очень бедны, нас много, и все есть хотят. Отец говорит, что правительство не слишком-то высоко ценит его заслуги. Он всего лишь капитан морской пехоты.

— Он герой! — сказал де Крей.

— Он тогда ужасно устал, простудился, и пришлось вызывать врача. Правда, сэр Уиллоби прислал нам денег, и матушка хотела отослать их назад, но отец сказал, какая же она мать в таком случае — ведь у нас огромная семья. Он сказал, что, по его мнению, сэр Уиллоби — большой чудак.

— Никакой он не чудак. Очень даже обыкновенный, распространённый в здешних краях образец человеческой породы, — сказал де Крей. — Искусству отсекать от себя все лишнее придается большое значение при воспитании джентльмена в этой стране. Вам самому, мой друг, придется овладеть этим искусством, если хотите, чтобы на вас смотрели, как на джентльмена и чистокровного Паттерна. Я начинаю понимать, почему мисс Мидлтон так к вам привязана. Поступайте всегда, как велит она. Надеюсь, вы не подслушивали чужой разговор? Этого мисс Мидлтон не одобрила бы ни в коем случае.

— Но что мне было делать, полковник де Крей? Я ведь долго не мог разобраться, в чем дело и где я нахожусь. Они все говорили, говорили... И стихи были!

— Все-таки, Кросджей, если это был серьезный разговор... А ведь он был серьезный, не так ли?

Мальчик снова напыжился.

— Мисс Дейл знает, что вы подслушивали? — продолжал полковник.

— Она?! — воскликнул Кросджей. — Ах, как раз ей-то я не мог бы в этом признаться!

Он засопел и, казалось, вот-вот заплачет.

— Она ни за что не причинит зла мисс Мидлтон, это-то я знаю. Она тут ни при чем... Она... да вот и мистер Уитфорд!

И Кросджей галопом понесся навстречу своему наставнику.

Полковник де Крей не стал дожидаться его возвращения. Он быстро зашагал по дороге, не отдавая себе до конца

отчета в том, что им руководило желание опередить Вернопа Уитфорда. Да и какую пользу мог этот малый извлечь из новости, которую он узнает от Кросджей? Побежит к Уилоби и начнет его корить, зачем тот нарушил слово, данное мисс Мидлтон. Есть люди, размышляя де Крей, которые ничего вокруг себя не видят и не чувствуют.

Он вошел в рошу, окаймлявшую пруд, и неожиданно увидел мисс Мидлтон. Она стояла на самом берегу, опираясь на ветку бука, и глядела на воду. Сама судьба, решил де Крей, привела сюда ту, что впервые заставила его сердце биться быстрее обычного. Да и не удивительно, что она возымела над ним такую власть. Никогда не доводилось ему видеть такого сочетания царственного величия с воздушностью сильфиды!

Клара не слышала, как он подошел, и, подняв голову, слегка покраснела, увидев того, на ком в своих раздумьях неоднократно задерживалась мыслью. Лицо ее, однако, несмотря на проступивший румянец, сохраняло сосредоточенную задумчивость, не выражая ни удивления, ни испуга.

— Узнаю сэра Уилоби! Знакомые повадки! — объявил он, широко улыбаясь.

Клара беззвучно пошевелила губами, решив, что не слышала каких-то слов собеседника, предварявших это странное и внезапное заявление.

Он улыбался той особенной улыбкой, какой улыбается человек, который вдруг сделал чрезвычайно забавное открытие. Поистине орлиная стремительность, с какой он начал разговор, удивила его самого еще больше, чем Клару, хоть та отнюдь не была подготовлена к сюрпризам. Этот внезапный удар был с его стороны чистейшей импровизацией, вызванной неожиданностью встречи. Но, кажется, он попал в точку.

Когда в роли охотника выступает сердце, все инстинкты поспевают ему на помощь. Вот и сейчас он инстинктивно понял, что надобно действовать быстро и прямолинейно.

К Кларе понемногу вернулось самообладание. Еще на ощупь, смутно постигая смысл того, на что намекал полковник, столь внезапно перед нею возникший, она решила предоставить инициативу ему, хоть и предвидела заранее, где их мысли, берущие начало в одном источнике, должны будутделиться на два рукава.

— Мисс Мидлтон, — начал де Крей, — я чувствую некоторое сходство между собою и посланцем могущественного

деспота — отрубите мне голову, если то, что я говорю, неправда! Я поставил на карту все. Скажите, я не отгадал ваше желание? Я прочитал его в полном мраке, при свете собственного сердца. Как бы то ни было, в одном я уверен: Уиллоби освобождает вас, дарует вам свободу.

— Вы сейчас от него?

Клара не сомневалась в утвердительном ответе и была не в силах скрыть свое волнение: она трепетала всем телом,

— От мисс Дейл.

— Ах! — И Клара сникла. — Она уже мне это говорила.

— Да, но сейчас об этом говорят факты.

— Так вы не видели его с утра?

— Смутно, и тем не менее достаточно явственно, как видишь указующий перст судьбы: сквозь дымку тумана. Нынче ночью, в тот самый час, когда ведьмы имеют обыкновение справлять свой шабаш, он предложил мисс Дейл свою руку и сердце.

— А она?..

— Как могло быть иначе? Подумайте сами! Бедняжка чахнет вот уже больше десяти лет. Она — воплощенное женское постоянство.

— Вы не шутите, полковник де Крей?

— Разве я осмелился бы с вами шутить, мисс Мидлтон?

— К сожалению, я знаю наперво, что вы ошибаетесь.

— И тем не менее это истина, неуывадаемая и вечно цветущая! Клянусь головой, что это так... Да что головой — я готов поставить на карту все свое тщеславие!

— Я пойду к ней, — сказала она, порываясь идти.

— Я бы не стал спешить.

— Мы в прекрасных отношениях с мисс Дейл. Ей это не покажется бестактностью. Она испытывает ко мне некоторую нежность — из-за Кросджея. Ах, но возможно ли? Пет, здесь какая-то ошибка. Просто вы видели, что я... Ну, и хотите оказать мне услугу. Я понимаю. Но вы заблуждаетесь. Этой ночью, вы говорите? Он?! Ночью...? Тогда как нынче утром...!

На это полковник лишь повторил слова, которыми он так ошеломил мисс Мидлтон несколько минут назад:

— Узнаю моего друга! Знакомые повадки!

— Но это невероятно... Этой ночью... а наутро, в присутствии моего отца... Он настаивал! И вы видели мисс Дейл? Он способен на все, они были вместе, я знаю. Полковник де Крей, от вас я ничего не могла бы скрыть, если

бы даже и захотела. Это я поняла чуть ли не с самой первой встречи. Скажите же мне, на чем вы основываете свою уверенность?

— Мисс Мидлтон, когда я имел честь вас впервые увидеть, наше взаимное положение было таково, что мне пришлось смотреть на вас снизу вверх. И с самой той поры я продолжаю смотреть на вас так же. Я тотчас понял, что Уиллоби завоевал величайший приз на свете. А вскоре понял и то, что ему суждено этот приз потерять. Насколько это его огорчает, для меня тайна, над которой мне сейчас недосуг ломать голову. Но одно я знаю точно — это что во всех случаях самое для него главное собственная его личность.

— Так вы и это открыли?

— Он сам мне раскрылся, — ответил де Крей. — Каким-то чудом люди этого не замечают. Но ведь люди — те же поросята, толкующиеся у корыта, которое для них наполняет богатч, а у нашего богача всегда хватает ума следить, чтобы корыто не оскудевало. Кроме меня, только женщины угадывали его секрет. Я его никогда не выдавал. Я всего лишь беспристрастный наблюдатель. И если б я не заподозрил еще одной катастрофы — насколько мне известно, четвертой, — правда, широкую огласку получила только одна...

— Вы знали мисс Даррэм?

— И ее, и Гарри Оксфорда. Оба счастливы, как парочка дроздов, поклевывающих вишни на рассвете, пока сторож спит. И оттого что я опасался, как бы дело опять не кончилось катастрофой, я дважды отклонил приглашение Уиллоби быть его шафером и откликнулся только тогда, когда получил от него третье письмо: он настаивал. Я пришел, увидел и был побежден. Я изо всех сил старался не выдать себя. Положение обязывало меня скрывать свои чувства. Но я не ручаюсь, что мне до конца удалось притвориться слепым. Впрочем, пусть мои глаза сами за себя отвечают.

И глаза полковника сделались угрожающе красноречивы.

— Я верю, что вы действовали искренне, от чистого сердца, — сказала Клара. — Пойдемте низом, вдоль пруда.

Спускаясь с пригорка, она доверчиво воспользовалась его поддержкой, но как только необходимость в опоре миновала, он выпустил ее руку из своей: взяв на себя роль человека чести, он решил выдержать ее до конца. К тому же в Кларе Мидлтон было нечто такое, что мешало ему — несмотря на всю его уверенность и вопреки своим правилам — поддаться почти непреодолимому порыву. Он только взглянул

на ее руку, прежде чем ее выпустить, руку свободной женщины. Поскольку с Уилоби все улаживалось, его шансы возрастали. Кто еще мог стоять на его пути? Никого не было! Надо лишь выждать — у нее могли быть свои понятия о деликатности. Лицо ее было озабочено и задумчиво, брови чуть нахмурены, губы сжаты.

— Следовательно, вам это сообщила не сама мисс Дейл?

— Ночное свидание... Бегство на рассвете. Я иду ее проведать утром — она в смятенье. Спрашиваю, что вам от нее передать, — она ни слова. Туманно намекает, что на днях с вами увидится... Да Уилоби и не впервые обращается за утешением к мисс Дейл.

— Это еще не означает формального предложения, — рассудила Клара. — Он слишком осторожен. Нет, нет, он не сделал ей предложения! Вы не думаете, полковник де Крей, что выводы ваши преждевременны?

Тень пробежала по ее челу. Она взглянула в сторону Большого дома и остановилась.

— Мисс Миддтон, во время ночного объяснения присутствовала свидетель.

— Кто?

— Под знаменитым шелковым покрывалом, вышитым тешками Паттера, лежал наш друг Кросджей. Он вернулся поздно, обнаружил дверь своей спальни запертой, ринулся вниз, в гостиную и, завернувшись в это покрывало, уснул. Его разбудили голоса. Бедняга был потрясен — ведь он предал вам беззаветно! Когда те двое покинули комнату, он хотел бежать из дома без оглядки, но наткнулся на меня — я как раз возвращался после своих бесплодных поисков. У него был такой вид, словно он вот-вот лопнет. Я взял его к себе, уложил на диван и еще бранил беднягу за то, что он все время ворочался с боку на бок. Он извивался, как рыба, вытасшенная на берег. Когда я проснулся, его уже след простыл. Доктор Корпи подобрал его где-то на дороге и довез до коттеджа мисс Дейл. К этому времени подошел туда и я. Корпи сообщил мне, что мальчишка полон тревоги за вас и очень томится. Я, конечно, взял его в работу.

— И Кросджей повторил вам подслушанный разговор?

— О нет!

Гордясь своим юным другом, она радостно улыбнулась.

— Надеюсь, вы меня простите, мисс Миддтон, — вы ведь знаете, что я тоже за мальчика горой, — но я все-таки закинул удочку.

— Бедная рыбка!

— Несчастный положительно корчился от обладания тайной. Она выпирала из него и жаждала попасть на крючок. Я пытался его пощадить и два-три раза отступал, ибо у него было какое-то почти религиозное убеждение, что единственным его исповедником должен быть мистер Уитфорд, и я отнесся к этому чувству с уважением.

— Ах, Кросджей! — воскликнула она в избытке любви к этому мальчику.

— Больше всего он опасался, как бы о его тайне не узнала мисс Дейл.

— Он так и сказал?

— Почти что. А она к тому же сообщила мне, что он избегает смотреть ей в глаза.

— Ах, похоже, что вы правы! И Кросджей несчастен, вы говорите? Он очень горюет?

— Он на грани слез, не будь он таким молодчиной, он бы просто расплакался.

— Неужели и впрямь?.. — Кларины мысли вновь обратились к Уилоби. Да, от этого человека можно было ожидать чего угодно!

Это заключение придало ей силы. Она продолжала свой путь к Большому дому, готовая вновь ринуться в бой за свободу. Уилоби казался ей существом другой породы, не имеющей отношения к человеческой. Расшифровать его характер можно было только с помощью того ключа, которым она теперь владела. Клара решила довериться догадке полковника де Крея, на которую тот набрел в потемках, чудом. Когда предстоит сражение с чудовищем, самым верным оружием против него может оказаться именно чудо. Лидо ее прояснилось. Сбросив с себя гнетущую заботу, она с тактом, окончательно очаровавшим полковника, заговорила о светских и политических новостях.

У границы парка, на мосту, переброшенном через овраг, он чуть было снова не поддался порыву тут же потребовать от нее награды или, на худой конец, обещания ее в будущем — какого-нибудь знака, — хотя бы заставить вздрогнуть ее чуткие ресницы. Внутренний голос словно предостерегал его, что надо ловить случай, дарованный ему самим небом. Не будучи уверен, однако, что это голос благоразумия, он и на сей раз сдержался. Меж тем в голове у Клары пронеслось — хоть она ни за что не призналась бы в этой мысли: «Видно, само небо меня бережет!»

ГЛАВА СОРОК ТРЕТЬЯ,

в которой сэру Уиллоби начинает казаться, будто на него ополчились все стихии

Едва вступив в сад, Клара увидела отца и сэра Уиллоби и только тогда поняла, какую огромную услугу оказал ей полковник де Крей. Со своей неизменной способностью оценить обстановку с полувзгляда, тот незаметно свернул в сторону. Клара неторопливо приблизилась.

— Ну-с,— приветствовал доктор Мидлтон свою дочь,— надеюсь, тучи рассеялись?

— Одно только слово, и мы прекратим эту дискуссию, равно неприятную для каждого из нас,— сказал Уиллоби.

— И никаких сцен,— прибавил доктор Мидлтон.— Сообщите нам свое решение, дитя мое, рго форша¹, как того требует тот, кто имеет право требовать. И, ради всего святого, отпусти меня поскорее.

Клара посмотрела на Уиллоби в упор.

— Я решила посоветоваться с мисс Дейл,— сказала она. Сэр Уиллоби отнюдь не походил на человека, сраженно-го неприятельской пулей.

— Советоваться? С мисс Дейл?

Доктор Мидлтон громко воззвал к фурням.

— Что означает сей новый фокус?

— Отец, мне необходимо посоветоваться с мисс Дейл.

— Советоваться с мисс Дейл о том, как тебе распорядиться собственной рукой?

— Да, это необходимо.

— Я не ослышался? Ты сказала — мисс Дейл?

— Да, отец.

Доктор Мидлтон склонился над дочерью в позе ученого, которому предлагается исследовать бесконечно малые величины абсурдного, заключенные в человеческой природе; малые с точки зрения здравого смысла, они приобретают поистине чудовищные размеры там, где царит безумие. Он решительно отказывался понимать свою дочь. Собственный его разум — разум педагога, философа, ученого — не вызывал у него сомнения. Оторвавшись от созерцания этого феномена из мира иррационального, доктор Мидлтон выпрямился,

¹ Для приличия (лат.).

расправил плечи, выкатил грудь и сказал, обращаясь к сэру Уиллоби:

— Меня ничуть не удивляет, мой друг, ужас, который я читаю на вашем лице. Обнаружить, что ты связан с девушкой, равной по своему безумию Кассандре, но не имсющей при этом чести быть пораженной солнечным божеством, — разумеется, открытие не из приятных. Я враг проволочек и не допущу, чтобы моя дочь была повинна в нарушении слова.

— Дерзните ли *вы* обвинить меня в этом? — спросила Клара, обращаясь к Уиллоби.

Он вздрогнул. Видно было, что она явилась во всеоружии. Но как она успела за такой короткий срок? Откуда она знает? В своем смятении он возвел глаза к небу, судорожно вздохнул и воскликнул:

— Ужас, сэр? Не думаю, что лицо мое способно выражать ужас. Я не привык так долго быть просителем. Я не тожусь для этой смиренной роли. Ваша дочь заставляет меня усомниться в гармонии мироздания. Клара, мы связаны словом. Зачем же тратить время на пустые разговоры? К чему это вам понадобилось искать у кого-то совета?

— По-вашему, мой отказ был бы нарушением слова? — спросила она.

— Что за вопрос!

— Твой вопрос, — во всяком случае, нарушение здравого смысла, — поддержал его доктор Мидлтон.

О, какой взгляд направила Клара на Уиллоби!

— Даже теперь? — спросила она.

Он высокомерно пожал плечами.

— После вчерашнего? — не отступалась Клара.

— Вчерашнего?

— Неужели я и теперь не свободна?

— Я вас не освобождал.

— Меня освобождает ваш поступок.

— Дорогая моя Клара!

— Разве вы сами не отказались от брака со мной?

— Я? Я, который настаиваю на том, что вы мне принадлежите!

— И вы продолжаете на этом настаивать?

— Это не только мое право, но и долг.

— После вчерашнего?

— Фокусы! Увертки! Варварский лепет дикарки, шуршанье змеи в кустах! — воскликнул доктор Мидлтон. — Ты

обязана либо капитулировать, либо представить причину, вынуждающую тебя отказаться от своего слова. Причин у тебя нет. Итак, моя девочка, дай ему руку, как мы договорились. А я еще тебя хвалил за то, что ты вернулась в срок. Не позорь же меня и себя.

— А сам он волен распоряжаться своей рукой? Спроси его, отец.

— Исполни свой долг. Мы устали от твоих метаний.

— Волею! Абсолютно! Как в день, когда я впервые ее вам предложил.

И Уилоби широким жестом поднял свою честную руку. Лицо его побелело. Невидимые враги, должно быть, витали в воздухе и что-то успели ей пашептать. Он уже сомневался в лояльности небесных сил.

— Несмотря на вчерашнее? — повторила Клара.

— Ах, если вы так настаиваете, то да: несмотря на вчерашнее.

— Вы знаете, о чем я говорю, сэр Уилоби?

— О да!

— И вы говорите правду?

— Это еще что за тон? — воскликнул ее отец в ярости. — Но объясни же мне, о воплощение непостоянства и всех противоречий, от сотворения мира приписываемых твоему полу, — в чем дело? «Сэр Уилоби», — говорит она ему грозно. «О да», — говорит он в ответ, а сам во всей этой абракадабре понимает, верно, не больше моего. Она отпрашивается на час и возвращается с новой порцией уловов, оскорбляя того, кому уже причинила столько неприятностей. Между тем я вынужден униженно признать, что только благородство твоего жениха помешало нашему вероломству сделаться достойным молвы. Более того, у меня не хватит духу поздравить его от всего сердца, даже если он после всего этого не отступится от своего намерения и поведет тебя к венцу. Ибо вместо той молодой женщины, которою я надеялся его осчастливить, я вижу какую-то восковую куклу, куклу, наделенную капризами девочки, которую нельзя ни на минуту оставлять без присмотра. Единственное объяснение, какое я могу придумать (если уж говорить о смягчающих обстоятельствах), это что в нее вселился бес ревности.

— Могу лишь сказать, что для этого нет никаких оснований, — заявил Уилоби. — Но я готов дать вам удовлетворение, Клара. Назовите мне имя той, что вас беспокоит, — мне трудно допустить такую возможность. Но как знать?

Она не могла назвать никого. Если бы она назвала Летицию, омерзительная версия о ее мнимой ревности получила бы подтверждение. К тому же она не чувствовала себя вправе упоминать ее имя.

Пользуясь ее замешательством, Уилоби продолжал наступать:

— Я не подвержен ревности, сэр,— и, насколько мне известно, в обществе от нее давно отказались. Впрочем, я допускаю возможность такого чувства. Иные даже находят в нем нечто для себя лестное. И часто одного слова довольно, чтобы рассеять сомнения. Вся эта история так бессмысленна и нелепа! Как бы то ни было, я согласен выступить в роли свидетеля или, если понадобится, подсудимого! Я готов на все, лишь бы успокоить уязвленную душу.

— Вами, сударь,— сказал доктор Мидлтон,— мог бы гордиться родитель.

— Да нет же, это не ревность! Я не умею ревновать! — воскликнула Клара и тут же почувствовала острый прилив дочерней ревности. «Ах,— подумала она,— если бы только вернуть себе уважение отца или хотя бы частичку его былой нежности!» У этой девушки был отнюдь не железный характер, она принадлежала к тем нервным натурам, которые живут впечатлениями минуты, но глубокое отвращение — глубочайшее, какое ей когда-либо доводилось испытывать, — заставляло ее сейчас держаться с несвойственной ей твердостью.

— Отец, ты можешь снова гордиться своею дочерью,— сказала она.

Большой тактической ошибки, чем эта, она не могла совершить.

— Optime¹. А теперь к делу, ad rem,— ответил он, повергая Клару в отчаяние своим благодушным тоном.— Firmiter fidei². Подтверди и ты свое слово, и дело с концом. И не путай больше следов, словно затравленный заяц.

— Мне необходимо поговорить с мисс Дейл,— повторила она.

Руки distinguished доктора судорожно взметнулись вверх, словно для проклятия.

— Она у себя в коттедже. Вы имели возможность с ней повидаться,— сказал Уилоби.

Судя по всему, Клара эту возможность не использовала.

¹ Отлично (лат.).

² Он подтвердил (лат.).

— Вчера после полуночи, в гостиной, вы сделали предложение мисс Дейл. Разве не так?

Уилоби мгновенно представил себе, что Клара подкралась ночью к дверям гостиной и подслушала его беседу с Летицией.

— Разумеется, так — от имени старины Вернона, — сказал он с легкой усмешкой. — Ведь это, как вам известно, мое давнее желание. Они очень подходят друг к другу и только не хотят этого понять. Мы говорим, сэр, о Летиции Дейл и моем кузене Верноне Уитфорде.

— Прекрасно задумано, мой друг, и должен вам сказать, Уилоби, ваше терпение сделало бы честь любому супругу.

Уилоби ответил на этот комплимент поклоном и позволил себе выказать некоторые признаки утомления, подавив притворную зевоту.

— Единственная честь, какой я добиваюсь, — это сделаться супругом, — сказал он тоном человека, желающего положить конец утомительным спорам.

Клара была обескуражена: а что, как Кросджей ослышался, или полковник де Крей ошибся в своей догадке и Уилоби и вправду делал Летиции предложение от имени Вернона?

И только изумление и страх, появившиеся на лице Уилоби при каждом упоминании мисс Дейл, поддерживали в ней остатки надежды. Она была готова поклясться, что права в своей догадке, несмотря на то что все, казалось, свидетельствовало против нее. К несчастью, бесчисленные соображения деликатности (эти невидимые духи, витающие в гостиной над благовоспитанной девицей, поддерживающие ее шлейф, вплетающиеся в ее прическу, придающие мягкую гибкость ее голосу и вежливый румянец щекам, вся эта доблестная лейб-гвардия, что служит ей одновременно щитом и стрелами для устрашения мужчины) мешали ей высказать чувства, ее переполнявшие, угрожая, если она откажется внять предостережениям своих хранителей, покинуть ее и оставить беззащитной. Не могла же она, как в благословенной мелодраме, направить указующий перст на Уилоби и, призвав в свидетели интуицию, обличить его в том, что он солгал и словом и действием? Она не могла даже выразить сомнение в его правдивости. А прибегнуть к слезам, надуться или сослаться на дурное настроение не позволяли ей правила хорошего тона, этого надежного укрытия всякой благовоспитанной дамы или девицы.

— Еще одну, последнюю, отсрочку, отец! — взмолилась она, с горечью сознавая, что только усугубляет создавшуюся вокруг нее путаницу. В мыслях ее промелькнуло видение отважного ангела, ниспосланного небом разрубить этот поистине гордиев узел, и — что тут скрывать? — сей ангел имел вполне земной облик. Она ослабла от борьбы и пала духом — а подобное состояние у молодых натур ведет к тому, что они окончательно теряют власть над своим безудержным воображением. Все настоятельнее звучал внутренний голос. «Что угодно, только не быть женой этого человека!» — твердил он.

— Никаких отсрочек! — воскликнул Уиллоби, вкладывая в этот возглас всю душу.

— И я говорю то же самое: никаких отсрочек! — присоединился ее отец. — Вы превысили предоставленные вам полномочия, Клара Мидлтон.

— Ах, отец, мне так тяжело огорчать вас непослушанием!

— Не меня, а его! Ты обязана послушанием ему — у него и проси прощения. Мне надоели эти бесконечные препирательства, надоело вновь и вновь повторять свои приказания.

— А раз так и ваш отец препоручает вас мне, позвольте заявить свои права, — сказал Уиллоби.

— И вы не повинны в вероломстве?

— Разумеется, нет, иначе как бы я смел заявлять свои права?

— Ну да, — подхватил доктор Мидлтон. — Разве сэр Уиллоби осмелился бы протянуть тебе руку? Я не знаю, какого она отведала зелья, но, покуда к ней не возвратится разум, те, кого боги еще не покинули, должны ею руководить. Подумать только, что некогда — но к чему оглядываться на прошлое?.. Или то была симуляция и она только казалась благоразумнейшей из дочерей?.. Однако я счастлив видеть моего друга! Ваше появление, мистер Уитфорд, — что морская ванна и ужин на прибрежных камнях Трои после целого дня сражений и пыли.

Верно присоединился к ним, не ожидая приглашения, — поступок, несвойственный его деликатной патуре, — обычно он никому не навязывал своего общества.

Судя по этому да по вопросительно-насмешливому выражению лица, которое он обратил к Уиллоби, Клара поняла, что он несет ей помощь. На лбу его все время играли склад-

ки, как это бывает, когда человек борется с собственным изумлением и молча, про себя, смакует забавную новость.

— Вы не видели Кросджея, мистер Уитфорд? — спросила Клара.

— Да, я на него набрел. Все его косточки целы,

— Где же он спал?

— Да как будто на диване.

Она улыбнулась с облегчением: итак, Вернон в курсе событий.

Уилби почел себя обязанным оправдать строгие меры, которые он применил к Кросджею.

— Мальчишка лгал: он вел двойную игру.

— За что следовало бы с ним расправиться на манер древних и прибегнуть к помощи розги, — сказал достопочтенный доктор.

— Я придерживаюсь нпой системы, сэр. Я не мог бы подвергнуть другого такому наказанию, какого не в силах вынести сам.

— Вот так-то мы и лишаем молодое поколение преимуществ классического воспитания! Самое в нравственном смысле плодородное поле вы оставляете у юнцов невспаханным. Эх, да что там! Эта наша утонченность не что иное, как возврат к варварству. Бойтесь чрезмерной деликатности, когда сама природа недвусмысленно указывает нам на вторые врата, через которые внедряются знания. Теперь, если не ошибаюсь, я волен наконец удалиться.

— Вернон извинит нас, если мы задержимся еще на две-три минуты.

— Ну нет, раз уж я поймал мистера Уитфорда, я его не выпущу.

— Я приду к вам в лабораторию, Вернон, — сказал Уилби, небрежным кивком отпуская секретаря.

— Да, да, оставим их вдвоем, мистер Уитфорд! Они заняты освященным традицией спором относительно дня, когда должно свершиться таинство, которое, из уважения к стыдливости, мы не смеем назвать.

— Какого дня? — с простодушием деревенского жителя спросил Вернон.

— *Великого дня*, как это приято называть.

Окинув острым взглядом каждого поочередно, Вернон остановил его на Уилби. Глаза его сияли, но от давешнего изумления в них не осталось и следа; они лучились чистым юмором и спокойно впитывали впечатления,

Уилоби сделал ему знак удалиться.

— Мистер Уитфорд, вы не видели мисс Дейл? — спросила Клара.

— Нет, — ответил он. — Она чем-то сильно расстроена.

— Уж не из-за Кросджея ли?

— Ах, — сказал Вернон, обращаясь к Уилоби. — Это был мастерский ход с вашей стороны — спрятать ключ от спальни Кросджея.

О, божественная ирония! Подхваченная ее волной, Клара блаженствовала. Уилоби попал впросак.

— Когда дело касается дисциплины, — сказал он, — я не привык шутить. Я не знал, что мисс Дейл подходила к дверям его комнаты.

— Надеюсь, что мисс Дейл все же меня примет, — сказала Клара. — У нас с ней общие взгляды во всем, что касается мальчика.

— Вы можете проведать мистера Дейла. У них как будто какие-то несогласия с дочерью, — сказал Вернон. — Она заперлась у себя в комнате.

— Увы, мистер Дейл разделяет участь многих отцов, — отозвался доктор Мидлтон.

— Он собирается навеститься к вам, Уилоби.

— Ко мне? — переспросил тот не без раздражения. Однако тут же поправился. — Разумеется, я буду ему рад, — сказал он, — хоть и предпочел бы видеть самого Кросджея.

— Если он может рассчитывать на ваше прощение, — сказала Клара.

— Я просил бы вас, Вернон, передать мистеру Дейлу и его дочери, что я готов выслушать мальчишку и что нет никакой необходимости мистеру Дейлу затрудняться.

— В чем же заключаются разногласия между мистером Дейлом и его дочерью, мистер Уитфорд? — спросила Клара.

Вернон сделал вид, будто вопрос этот его смутил. С рассеянным взглядом, который как бы блуждал вокруг Уилоби, причиняя тому больше неловкости, чем если бы на него смотрели в упор, Вернон ответил:

— Трудно сказать, мисс Мидлтон. Она как будто отказывается посвятить его в свои переживания.

— В таком случае положение мистера Дейла, столь сходное с моим в основных чертах, — заметил доктор Мидлтон, — в этом пункте представляется диаметрально противоположным. Ибо я как раз страдаю от обилия переживаний, коими моя дочь удостаивает со мною делиться,

Клара потупилась.

— Впрочем, мисс Дейл не производит впечатления замкнутой натуры, — заключил доктор.

— Но что нам до семейных тайп мистера и мисс Дейл! — воскликнул Уиллоби и подчеркнуто непринужденным жестом вынул часы из кармана. На самом деле он горел желанием узнать, так же ли хорошо осведомлен Вернон, как Клара, Леденящий холод, сковавший ему душу, подтверждал его худшие опасения, но он отчаянно цеплялся за мысль, что Вернон ничего не знает, — иначе что же это такое? Значит, само небо в заговоре против него? Предательства со стороны Летиции он не допускал — а раз так, в раскрытии его тайпы участвовали сверхъестественные силы. Словом, сэр Уиллоби совсем потерял голову, когда обнаружил, что его тайна сделалась известной Кларе.

— Домашние дела мистера и мисс Дейл не имеют ко мне никакого отношения, — заявил Вернон.

— А между тем, друг мой, — начал доктор Мидлтон с благодушно-лукавой миной, значение которой не сразу открылось сэру Уиллоби, — между тем они могли бы иметь к вам некоторое отношение, и притом довольно близкое. Скажу больше: не исключено, что виновником этой размолвки между отцом и дочерью являетесь именно вы, хоть иные и склонны винить в ней Уиллоби и его вчерашние почные подвиги в гостиной.

— Как это понять, сэр? — спросил Вернон, метнув взгляд на Клару.

Доктор Мидлтон решил предоставить сэру Уиллоби самому ответить на этот вопрос.

Клара послала Вернону один из тех взглядов, которые красноречивее слов говорят: «Думай!»

И еще до того как Уиллоби успел открыть рот, Вернон прозрел. В глазах его пуще прежнего запырпали огоньки. Блеск их напомнил Кларе некую звезду, мигающую от избытка яркого света, который она излучает, и сохраняющую свое сияние даже в ясную лунную ночь. Название этой звезды ускользнуло из Клариной памяти. Внешне, однако, Вернон оставался спокоен, и никто, глядя на него, не догадался бы, что все в нем ликовало и что ему стоило неслыханных усилий не дать этому ликованию прорваться наружу. Безудержная радость охватила Клару, и теперь ее заботило только одно: как же называется эта звезда? В морозную ночь она одна сохраняет свое неугасимое пламя — только это и

припомнила Клара, это—да картину подернутой инеем земли, распростертой под озаренным луною небом, да туманное созвездие Ориона, к востоку от которого, чуть пониже, горела эта звезда. Но как же она называется? Как? Откуда-то издали до Кларинаго слуха доносился голос Уиллоби.

— Ах, это старая история,— говорил он.— Вы знаете мое заветное желание... Еще одна попытка... И разумеется, неудачная, и разумеется, никакой благодарности — ни с той, ни с другой стороны. К тому же, быть может, за все свои труды я еще должен просить у вас прощения... Ах, сэр, они сами не понимают своей пользы.

— Отец, по-видимому, расположен поддерживать предлагаемую кандидатуру,— сказал доктор Миддлтон.— Если позволительно судить на основании дошедших до нас слухов о семейном разладе, царящем сейчас в доме.

— Трудно сказать. Что до моего участия в этом деле, боюсь, что я спутал карты.

Вернон удержался от соблазна подтвердить опасения своего кузена.

— Вы действовали из лучших побуждений, Уиллоби,— сказал он, одарив его лучезарным взглядом.

— Так мне казалось, Вернон.

— Но вы ее только оттолкнули.

— Придется, видимо, смириться с этим.

— Меня это не затронет, я завтра отбываю.

— Вот, сэр, посудите сами — вот и вся благодарность!

— Мистер Уитфорд,— сказал доктор Миддлтон.— Вы можете положиться на отца этой особы как на камешную стену.

— И вы считаете, что я вправе воспользоваться его влиянием на дочь?

— А почему бы и нет?

— И заставить ее вступить в брак из дочерней покорности?

— Эх, мой друг, страстный влюбленный был бы рад принять свою возлюбленную и на таких условиях, зная, что это послужит к ее конечной пользе. Что вы скажете, Уиллоби?

— Что я могу сказать, сэр? Мисс Дейл не связана словом. А коли была бы связана, никакие силы не вынудили бы ее свое слово нарушить.

— О да, мисс Дейл — идеал постоянства. Она бы хранила верность слову, даже если бы другая сторона нарушила свое,— сказал Вернон.

Клара радостно затрепетала.

— Ну нет, сэр, — возразил доктор Мидлтон, — вы уже описываете не живую девушку, а каменное изваяние посто-
яинства, нечто близкое к полнейшему идиотизму.

— Но верность есть верность, сэр!

— А вероломство есть вероломство, сэр! Всякую веру можно разбить, как фарфоровую вазу. И единственное, что остается той стороне, которая решила во что бы то ни стало сберечь свою верность или, вернее, свою тоску по несбывшемуся, это — до конца своих дней подбирать осколки. За-
нятие, которому, на мой взгляд, приличествует предаваться в заведении, специально предназначенном для несчастных, охваченных той или иной магией.

— Но вы разрушаете поэзию чувства, доктор Мидлтон!

— Я утверждаю поэзию природы, мистер Уитфорд.

— Следовательно, сэр, вы полагаете, что если одна сто-
рона нарушит слово, помолвка расторгается и другая сторо-
на вправе чувствовать себя совершенно свободной?

— Безусловно. Я поборник этого триумфа — и аминь са-
нтиментам! А поскольку вы склонны брать их под свою за-
щиту, я обращаюсь к Уилоби. Я полагаю, что вы, сэр, так же как и я, стоите за здравый смысл и согласитесь со мной, что всякий, кто окажется в положении обманутой стороны —
будь то мужчина или девушка, все равно, — прекрасно сде-
лает, если вступит в брак с другим или с другой немедленно, хотя бы и через месяц.

— Что касается поэзии, сэр, — сказал Уилоби, — я ни-
когда не лицемерил и не выдавал себя за поклонника муз.

Доктор Мидлтон засмеялся. Вернон тоже как будто был доволен ответом, меж тем как Кларе казалось, что глупее этого ей ничего не приходилось слышать. Она почувствова-
ла, как у нее холодеют руки. К ней вернулся ее прежний страх перед Уилоби.

Сэру Уилоби меж тем пришлось призвать всю свою лов-
кость, чтобы парировать сыпавшиеся на него удары. Чувст-
вительность его обострилась, как никогда, но он все еще не утратил веры в лояльность небесных сил и в своем ослепле-
нии не заметил, что за этими смертоносными ударами сто-
ял заранее выработанный план. Иначе, положась на дружбу Вернона, который, разумеется, не выдал бы его Клариному отцу, он постарался бы увести свою строптивую невесту, чтобы продолжить спор с нею наедине. Но разговор с Кларой не сулил никаких выгод на ближайшее будущее. Уилоби допускал, что она могла унизиться до подслушивания у

дверей. Но как об этом узнал Вернон? Ведь ночью его дома не было и Клара не могла с ним связаться, а Летицию он не успел еще повидать. К тому же в Летиции Уиллоби не сомневался: при всей ее иррациональности, при всем неумении соблюдать собственную выгоду, это была в высшей степени достойная женщина.

Списав Вернона со счетов, как моралиста прагматической школы, подпавшего под влияние напыщенного трутня, который прожужжал ему уши своими сентенциями, Уиллоби почел нужным удалить его со сцены и сломить сопротивление Клары, покуда она еще не вышла из угнетенного состояния духа, в каковом пребывала до неурочного прихода Вернона.

— Боюсь, мой дорогой, вы слишком разборчивы и требовательны для роли счастливого любовника, — сказал он. — Все эти ваши идеи хороши на бумаге, но в жизни неприменимы. Нам нужно обсудить с доктором Мидлтоном кое-какие вопросы. Прошу вас, сэр. Я задержу вас ненадолго.

Клара прижала к себе локоть отца.

— Как? Еще? — воскликнул он.

— Всего пять минут. Я должен рассеять одно маленькое недоумение, сэр. Дорогая моя Клара, вы все увидите в новом свете!

— Отцу не терпится усесться за работу с мистером Уитфордом.

Услышав ответ отца, Клара снова приуныла.

— Да уж все равно утро пропало, — сказал тот. — Видно, это неизбежный налог, который я обязан платить за то, что дерзнул подарить миру еще одну женщину. Что делать — я отец, и притом отец дочери! Надеюсь, мистер Уитфорд, вы компенсируете мне мою потерю после завтрака. Не падайте духом. Последнее время вы что-то задумчивы, я замечаю. У вас не появится полной ясности в мыслях, покуда вы не избавитесь от всего, что гнетет ваш ум, и я готов быть ходатаем в вашем деле.

Вернон коротко его поблагодарил.

— Уиллоби приложил все свое красноречие, — прибавил он, — и вы видите, к чему это привело: мисс Дейл нас покинула, а я так ее и не завоевал. Он сделал все, что можно сделать для другого в обстоятельствах столь деликатного свойства, он даже процитировал ей ее же стихи, которые она написала в честь его совершеннолетия... — При этом упоминании о его декламации Уиллоби так и отпрянул. —

О, единственно, чтобы польстить тщеславию портессы, разумеется! — продолжал Вернон. — Но все его усилия оказались напрасными, ибо у этой дамы нет сердечного расположения к моей особе.

— Перед вами, — сказал доктор Мидлтон, указывая на Уилоби, — перед вами адвокат, который не отступится после первой неудачи. Я могу засвидетельствовать его редкую настойчивость и упорство. И он прав. Не верить девичьему: «Нет!» — самый надежный способ взять эту крепость, только для того и созданную, чтобы ее брали приступом. Правда, быть может, не совсем желательно, чтобы нашим ходатаем перед дамой был молодой человек, — ну да Уилоби все равно что женат и может рассчитывать на прерогативы, даруемые людям более пожилого возраста.

— О да, сэр Уилоби обручен с другой и может с полным правом домогаться руки мисс Дейл — для меня, разумеется, — подтвердил Вернон.

Уилоби шагал взад и вперед, бормоча себе что-то под нос. Провидение в его глазах приняло какой-то загадочный, чтобы не сказать — зловещий облик. Такова участь всякого, кто считает себя предметом особых попечений высших сил: коль скоро силы эти перестают ему служить, он начинает подозревать их во враждебном умысле.

— Ну что ж, сэр, не пожалуете ли вы со мной в дом? — спросил он.

Приглашение его осталось без ответа. Волна докторского красноречия еще себя не исчерпала.

— В качестве благородного человека, верного своему слову и заинтересованного в счастье своих родственников, Уилоби, как мне кажется, заслуживает всяческого уважения со стороны дамы, а с вашей — самой сердечной благодарности. Временная неудача, которую он потерпел, — поспешное бегство дамы из Паттерн-холла и ее нежелание покинуть свое убежище и выйти к вам, когда вы пытались нанести ей визит, — не должна обескуражить ни его, ни вас.

— А как по-вашему, сэр, если б его посольство оказалось успешным, — спросил Вернон, — был бы я обязан жениться на даме?

Уилоби был вне себя. Доктор Мидлтон задумался.

— Разве вы не уполномочили сэра Уилоби сделать предложение от вашего имени? — спросил он.

— И не думал.

— У вас эта дама вызывает чувство...?

— Огромного уважения.

— Но вы не испытываете желания вступить с нею в брак?

— Ни малейшего.

— Долго нам еще стоять тут и слушать весь этот вздор? — воскликнул Уиллоби.

— Но если вы действовали без ведома мистера Уитфорда... — начал доктор Мидлтон. Уиллоби его перебил.

— Пожалуйста, сэр, — сказал он доктору и, обернувшись к Вернону, широким жестом отстранил его: — Извините нас, мой друг!

Затем подал руку Кларе, чтобы вести ее в дом.

— А вот и миссис Маунтстюарт! — воскликнула она.

Уиллоби так и замер на месте: в каком качестве явилась она — друга или врага?

Клара еще раньше заметила миссис Маунтстюарт, шедшую по саду в сопровождении полковника де Крея. А теперь, отпустив своего кавалера, она плыла по газону, как оснащенное праздничными флагами судно с королевской фамилией на борту.

Выражение лица у нее было самое благодушное, но — и это всегда оказывало замораживающее действие на Уиллоби — благодушие ее в равной степени распространялось на всех. Если оно кого и выделяло, то Клару. Она сразу обратилась к ней.

— Ну и новости! — заговорила она шепотом. — Удивительно! Он мне и вчера намекал, да я не поверила. Вы довольны?

— Миссис Маунтстюарт, умоляю вас: поговорите с отцом! — шепнула Клара в ответ.

Миссис Маунтстюарт поклонилась доктору Мидлтону, кивнула Вернону и подплыла к Уиллоби, восклицая:

— Так это правда? Нет, в самом деле? Могу ли я верить? Вы?! Дорогой мой сэр Уиллоби! Это правда?

Несчастливого джентльмена, которому были адресованы эти восклицания, швыряло с волны на волну, и он судорожно цеплялся за единственную дощечку, оставшуюся ему после кораблекрушения.

Застывшая улыбка — вот все, что он мог противопоставить этому натиску.

Побуждаемый всегдашним своим инстинктом скрытности, он сделал шаг назад, а когда миссис Маунтстюарт, словно погружая лот, дабы измерить глубину его тайны, восклик-

нула: «Ну и ну!» — отступил еще на шаг и тоном, который приглашал ее понизить свой, произнес: «Сударыня?»

Она придвинулась к нему и вполголоса затараторила:

— Мне прямо не верится! Вы всегда были полны неожиданностей, по это! Вы поступили, как мужчина, как настоящий джентльмен! Не знаю никого, кроме вас, кто был бы способен на такой подвиг. Одним ударом вы превращаете невыносимую ситуацию в чрезвычайно удобную и приемлемую для всех. Вот это мне нравится, вот это я люблю! Здравый смысл! Мужчины так эгоистичны, что обычно просто не способны к трезвым поступкам в подобных ситуациях. Но вы, сэр Уиллоби, вы проявили и мудрость и чувствительность — самое редкое сочетание, какое можно встретить у мужчины.

— Откуда вы... — попытался выдать из себя Уиллоби.

— Откуда я слышала? От придорожных кустов, с крыш домов — отовсюду. К вечеру во всем графстве не останется и души, которая бы об этом не знала. Того и гляди, сюда нагрянут леди Буш и леди Калмер с заверениями, что они ничего иного и не ожидали. Вот увидите. Я подобных претензий не имею. Я прошу вас простить мне мое «дважды», которое я позволила себе вчера произнести. Как бы ни страдало мое тщеславие, я счастлива признать, что заблуждалась. Нет, я ни о чем не догадывалась. Понимаете, я не посчиталась с роковой привязанностью, я думала, мужчины не способны на такое, я думала, что только пас, бедняжек, преследует рок. А ведь тут и в самом деле «фатум»! Вы изо всех сил с ним боролись, и как боролись! Но она превратит ваше поражение в победу, мой дорогой друг. Она так нежна и так умна, о, опа очень умна! Она преданна вам всей душой. И опа сумеет приять ваших гостей, как никто. Она представляется мне цветком, который развернется под лучами солнца. Она расцветет в великолепную хозяйку. Паттерн-холл засияет под ее управлением, вот увидите! Да и вы расцветете. Да, да, вы процветаете лучше всего в атмосфере обожания. Вам оно необходимо, как воздух. Последнее время вы были в некотором упадке. Давным-давно я предсказывала вам эту партию — еще тогда, когда никто не верил, что вы можете до нее спизойти. Леди Буш уверяла, что это лишь ширма, и все аплодировали ее высочайшей мудрости. Свет вас поддержит. И все дамы — за исключением, разумеется, леди Буш, которая так кичится своим ясновидением. Но и она вскоре будет рада присоединить

свой голос к хвалебному хору. Ну вот, друг мой, примите же поздравления от самой вашей искренней и давней почитательницы. Я не могла ждать ни минуты — мне нужно было излиться. А теперь я должна подойти к доктору Мидл-тону и выслушать его речения. Как он принял новость? Они уезжают?

— Он чувствует себя превосходно, — отчеканил Уилоби, вне себя от смятения.

В его интонации ей послышалась всего лишь тактичная укоризна; в самом деле, ей не следовало так долго вести с ним беседу вполголоса, тем более что они и так стояли в стороне от других. К той, большей группе присоединился еще полковник де Крей, между ними шел оживленный разговор — о нем, как с ужасом подумал Уилоби.

Итак, Клара потеряна безвозвратно! Ушла! Но он вспомнил свою клятву и вновь ее повторил: только не к Горацию де Крею! Она ушла, потеряна для него, утонула в океане соперников, и он поклялся себе, что употребит все силы, чтобы она не досталась этому человеку, этому коварному другу, вытеснившему его из ее неверного сердечка. Ведь тот, чего доброго, будет хвастать, будто достаточно ему появиться на сцене, и успех обеспечен.

Уилоби задержал миссис Маунтстюарт, устремившуюся было к доктору Мидлтону.

— Дорогая миссис Маунтстюарт! — окликнул он ее. — Уделите мне еще минуту.

Но к ним уже направлялся с дружелюбно-игривой улыбкой де Крей.

— Ну, Уилоби, — заявил он, — по части сюрпризов вы побиваете все рекорды.

— Равно как вы — по части остроумия, — ответил Уилоби, язвливший тем, что и Гораций, как оказывается, посвящен в его проклятую тайну.

Отведя доктора Мидлтона в сторону, он стал торопливо просить его не возобновлять с Кларой разговора на старую тему.

— Оставим нашу капризницу в покое, сэр. Девичья душа — потемки, — сказал он со смехом и отошел от доктора. Тот с недоумением нахмурил свое величавое чело.

Де Крей меж тем стоял перед Кларой, скромно склонив голову и добродушно-лукаво улыбаясь. Наклон головы должен был означать, что он предоставляет себя в ее полное распоряжение, улыбка же как бы предлагала ей оценить

его усилия, которые привели к столь успешным результатам.

Она мило, хоть и несколько рассеянно, улыбнулась ему в ответ. Близость, установившаяся между этими двумя, не подлежала сомнению.

— Сражение окончено, — тихо произнес Вернон, как только Уиллоби отошел с миссис Маунтстюарт несколько поодаль. — С минуты на минуту следует ожидать мистера Дейла. Он уже все знает.

Вернон и Клара обменялись взглядом.

По сравнению с ласковостью, которая светилась в Клариных глазах, взгляд Вернопа мог показаться суровым. Он вошел в дом.

Де Крей последовал за ним, так и не дождавшись от Клары обнадеживающего словечка или взгляда. Впрочем, он не торопился, он был достаточно уверен в себе.

Клара вновь взяла отца под руку и, внезапно просияв, сказала:

— Сириус, папа!

— Сириус? — повторил он с глубоким изумлением. — Скажи на милость, имеется ли в твоем восклицании проблеск здравого смысла, пусть хотя бы жепского?

— Милый папа, просто я забыла название этой звезды и вдруг припомнила.

— Так ты думала о той самой звезде, которую увидел царь Агамемнон перед тем, как принести свою жертву в Авлиде? Но, право же, любовь моя, моя дорогая Ифигения, твой отец не намерен настаивать на этой жертве.

— Я не ослышалась, папа, он, кажется, велел тебе меня щадить?

— Можно подумать, что нынче и в самом деле все помешались; недаром эту звезду называют Большим Псом, — пробурчал он.

ГЛАВА СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ

*Доктор Мидлтон, тетушки Изабел и Эленор,
а также мистер Дейл*

Клара взглянула на плывущие в небе облака. Свободная, как они, она летела вместе с ними... Однако, дабы не раздражать отца, она благоразумно сдержала свое ликование.

В двенадцать часов звонок созвал всех ко второму завтраку.

Разговор не клеился, да и мало у кого был аппетит. Клара вышла к столу, чтобы по выражению лица миссис Маунтстюарт понять, как обстоят дела. Сэра Уилоби присутствовать обязывал долг гостеприимства. Трапеза проходила, как собрание глухонемых, которых зачем-то усадили вокруг накрытого стола; томительная тишина, изредка прерываемая звоном посуды, напоминала церковь, когда, в ответ на увещевания священника, на серебряное блюдо, позвякивая, падают медяки прихожан. Полковника де Крея, попытавшегося разрядить атмосферу очередной остротой, постигла участь приходского мальчишки, некстати распалившегося в божьем храме. Единственный, кто воздал должное искусству повара, был доктор Мидлтон. Он свято чтит часы, отведенные человеку для утоления голода, и не позволял себе отвлекаться посторонними мыслями, несовместимыми с этим процессом.

— Вы говорите, что наступили плохие времена,— возразил он Уилоби, затеявшему разговор о политике,— и что нынешний кабинет вертит нами, как вздумается. Что ж, сэръ, оппозиция своими бурными протестами только придает кабинету стабильность. Умным людям, на мой взгляд, остается лишь уйти в себя, подобно тому как семя уходит в землю — чтобы во благовремени прорасти. Положитесь на природу и прозябайте как зерно, уповая на смену времен года,— таков мой совет.

Совет доктора Мидлтона был превосходен, по он, к сожалению, исключал возможность дальнейших дебатов. Разговор заглох.

Внимание общества было приковано к аппетиту доктора Мидлтона — при первых признаках его утоления все готовились встать из-за стола. Доктор, как и следовало честному человеку с безупречной совестью, который исполняет свой долг по отношению к самому себе, не замечал всеобщего напряжения. Спокойно отведая каждого кушанья, он так же спокойно, обращаясь к мисс Изабел и мисс Элепор, принялся цитировать Мильтона. Но едва доктор проглотил свой последний кусок, все, как по сигналу, поднялись с мест. Уилоби увел Вернона. Миссис Маунтстюарт незаметно помавила Клару. Доктору Мидлтону, правда, казалось, что они с Уилоби чего-то не договорили, что им следовало бы кое-что

уточнить. Впрочем, он не торопился и был вполне доволен положением дел.

— Этот день,— заявил он девиствующим тетушкам, следуя за ними в гостиную,— этот день не будет для меня потеряннм, если мне позволят посвятить его остаток вам.

— Нам кажется, что надвигается гроза,— пролетела одна из них.

— Ах, она неизбежна,— вздохнула другая.

И они принялись за свой дует:

— Мы привыкли читать в нашем Уилоби, как в книге, по малейшей тени угадывать его душевное состояние.

— С его младеических лет, на протяжении его блистательной юности, и теперь, когда он вступил в пору возмужания...

— Он всегда был рыцарем до мозга костей.

— Долг. Долг превыше всего. Счастье родных, благоденствие подчиненных.

— Если он и гордится своим именем, то в этой гордости нет ни капли высокомерия. Он горд сознанием своих превосходных качеств.

— При случае он умеет проявлять смирение.

Доктор Мидлтон почувствовал в этих акафистах призыв к тому, чтобы и сам он проявил смирение.

— Будем надеяться...— начал он в искреннем порыве покаяния за свою неразумную дочь.

Но дамы возобновили службу:

— Он всегда относился к Вернону Уитфорду, как к брату, хоть тот и не Паттерн по рождению!

— Летиция Дейл могла бы привести вам тысячи примеров!

— И чтобы *такого* человека постиг *такой* удар!

— И чтобы вслед за ним готовился еще один — подобный же!

— Возможно ли понять его столь превратно?

— Будем надеяться... — повторил доктор Мидлтон.

— Неужели тот, кто делает столько добра людям, не имеет права ожидать, что и с ним немного посчитаются?

— Помню, Уилоби совсем малюткой как-то забрался на стул и никому не позволял поддержать его — хоть он чуть не упал. Он требовал, чтобы мы восхищались тем, какой он высокий. Помнишь, Эленор? «Я солнце этого дома! Я выше вас всех!» Ах, это было неподражаемо!

— Чувство! Он всегда требовал чувства! Ему было всего четырнадцать лет, когда его кузина Грейс Уитфорд вышла замуж. Он тотчас уехал. Они очень дружили, и он не скоро вновь появился среди нас. С ней он так и не захотел больше встречаться.

— Да, но мужу ее он оказывал неизменное покровительство. Уиллоби всегда был великодушен. Единственный его недостаток...

— ...это избыток чувствительности. В этом...

— ...весь его секрет. Но никто...

— ...не должен этого знать! Он и теперь, взрослый, такой же, каким был в детстве. Никому не пришло бы в голову винить Уиллоби Паттерпа в недостатке мужественности. И однако... отчего это так?.. Он страдает, как никто, если не чувствует себя любимым. Между тем собственные его привязанности незыблемы и неизменны.

— Он непостижим. Мы прожили с ним всю жизнь и знаем его всегдашнюю готовность к самопожертвованию. Но только он требует, чтобы и ему отдавали сердце безраздельно. И если в душу его вкрадывается сомнение, он становится таким, каким мы его видели сегодня.

— Совершенно разбитым. Он просто неузнаваем.

— Будем надеяться,— в третий раз начал доктор Мидлтон. Он так и рвался объяснить дамам, *отчего это так*. Кто-кто, а он мог бы разрешить их недоумение.— Мы, англичане, народ суровый,— продолжал он, отказавшись от своей обычной метафорической манеры, которая, как он чувствовал, была бы неуместна в приложении к данной теме.— Мы, сударыни, суровый народ, и доза суровости в нашем воспитании нам не вредит, а, напротив, закаляет нас. Без подобной закалки мы страдали бы от малейшего дуновения мороза. Но, к сожалению, как раз там, где требовалась бы особая неуязвимость, где мы больше всего подвержены воздействию ураганных ветров, мы изнежены. Я имею в виду наше самолюбие. Мы — варвары, и даже тогда, когда нас выращивают в теплице благополучия, на почве, утучненной богатством, мы все равно остаемся варварами. Поэтому блистать по-настоящему мы можем только на полях сражений, когда вырываемся из теплицы туда, где на нас обрушиваются тяжелые удары неприятеля. Только на войне чувствуем мы себя дома, там мы все,— от Сципионов до рядовых воинов,— отважные солдаты. В мирное время мы не знаем покоя. Паша природная суровость прорывается самым не-

ожиданным образом — мы становимся необузданными тиранами, домашними деспотами. И если мы с детства не получаем суровой закалки — как душевной, так и телесной... с помощью традиционного орудия, принятого на нашем острове для внедрения цивилизующей мудрости, унаследованной нами от древних... если этого нет, говорю я, мы непременно впадаем в эксцентричность и деспотизм. Впрочем...— Здесь достопочтенный доктор кашлянул, отказавшись от своей попытки в завуалированной форме преподать этим старым девам горькую истину, заключающуюся в том, что своим пынешним упадком Англия обязана главным образом обилию старых дев, ее населяющих.— Впрочем, я бы не сказал, что Уиллоби страдает этой преувеличенной чувствительностью. Он вынес столько, сколько я, признаться, вынести бы не мог, хоть и не отличаюсь чрезмерной изнеженностью.

— Он скрывает свое страдание, — сказали тетушки, — но оно очень глубоко.

— Следовательно, это у него нечто вроде болезни?

— Это не поддается объяснению, здесь какая-то мистика.

— Мистика? Нечто оккультное? Уж не культ ли самого себя?

— Себя? — воскликнули тетушки.— Но ведь человек, посвятивший себя служению своей личности, обычно равнодушен к другим. Разве такой человек жаждет сочувствия, любви и преданности?

— Его гостеприимство безупречно, сударыни.

— Он безупречен во всех отношениях.

— Человек, который может внушить подобное мнение о себе жевшицам столь проникательного ума, прожившим с ним бок о бок всю жизнь, должно быть, и в самом деле безупречен. Могу только повторить, что хозяин он безупречный.

— Он будет прекрасным мужем.

— Надо полагать.

— В этом не может быть сомнения! Послушная и любящая жена будет им управлять по своей воле. Вот и все, что надлежит знать той, кого он полюбил столь роковым образом. И если бы мы только смели, мы бы раскрыли ей этот секрет. Она может управлять им посредством своей любви к нему, а управляя им, она будет править всеми вокруг. Ее владычество будет основано на любви, которую она ему подарит. Если бы она захотела это понять!

— Если бы она могла быть философом! — вздохнул доктор Мидлтон,

— Но чувствительность, столь обостренная...
— ...если его подруга не проявит необходимой чуткости...
— ...может в конце концов, ибо и лучшие из нас не более как смертные...

— ...привести к ожесточению!

— И хоть он будет испытывать те же чувства, что и прежде...

— ...даже больше прежнего!..

— ...и останется таким же нежным в душе...

— ...он может зачерстветь снаружи!

Развернув перед доктором столь ужасающую перспективу, обе дамы разом взглянули ему в лицо.

— О, да вы нарисовали горестную картину образования мозоли! — сказал он, в тон их печальным голосам.

Все трое склонились в унынии. Дамы пытались вникнуть в смысл его последнего замечания; distinguished доктор боялся, как бы здравый смысл у него не одержал верх над галантностью.

Спасение пришло неожиданно.

Дверь в гостиную распахнулась, и лакей провозгласил:

— Мистер Дейл!

Мисс Эленор и мисс Изабел обменялись взглядами и всплеснули руками.

Обе направились к гостю с приветственными возгласами.

— Садитесь, садитесь, мистер Дейл! — восклицали они, подвигая ему кресло. — Надеемся, вы не принесли нам худых вестей о нашей дорогой Летиции?

— Нам так редко выпадает счастье видеть вас здесь, что, вместо того чтобы радоваться этому счастью, мы впадаем в тревогу.

— Итак, доктор Корни оказался чудотворцем?

— Да, это он доставил меня к вам, сударыни, — ответил мистер Дейл, худощавый и сдержанный джентльмен, на лице которого сквозь матовую бледность больного, прикованного к постели, все еще проступали следы индийского солнца. — Мне нечасто удается покидать свое жилище.

— Дistinguished доктор Мидлтон.

Мистер Дейл поклонился. Лицо его выражало удивление.

— У вас тут великолепный воздух, сударь, — заметил distinguished доктор.

— Увы, я почти лишен возможности им пользоваться, сэр, — ответил мистер Дейл и, обратившись к дамам, спросил: — Мне удастся поговорить с сэрром Уиллоби?

Госоведавшись между собой, они сказали:

— У него сейчас Вернон. Мы пошлем спросить.

И позвонили в колокольчик.

— Я имел счастье познакомиться с вашей дочерью, мистер Дейл. Весьма достойная особа,— сказал доктор Мидлтон.

Мистер Дейл поклонился.

— Ваши похвалы для нее большая честь, сэр. И насколько я могу судить — а я сужу о ней, как отец,— она их заслуживает. До настоящего времени у меня не было оснований в этом сомневаться.

— Сомневаться в Летиции! — воскликнули дамы и принялись расхваливать ее, как воплощение добродетели и чуткости.

— До последнего времени я и сам свято в это верил,— сказал мистер Дейл.

— Но ведь более преданной дочери и заботливой сиделки невозможно себе представить!

— Это я могу подтвердить, сударыня, как отец.

— Да и во всех прочих отношениях, мистер Дейл, разве она не совершенство?

— Я хотел бы так думать.

Вошел лакей и объявил, что сэр Уиллоби заперся в лаборатории с мистером Уитфордом.

— Хозяйственные дела,— заметили дамы.— Вы ведь знаете, мистер Дейл, как досконален в этом отношении Уиллоби.

— Надеюсь, он здоров? — спросил мистер Дейл.

— Совершенно.

— И телом и душой?

— Мистер Дейл, он никогда не хворает.

— Ах, каково это слышать тому, кто никогда не бывает здоровым! А как здоровье мистера Уитфорда?

— Здоровье мистера Уитфорда? — воскликнул доктор Мидлтон.— Не пугайте меня. Оно неизбежно, как наша конституция, как паша казна, как репутация нашего князя всех поэтов. Не вселяйте в мою душу таких опасений, молю вас!

Мистер Дейл хмыкнул. Недоумение его возрастало с каждой минутой.

— Мистер Уитфорд работает головой, сэр,— сказал он.— А усиленные запятия наукой не всегда способствуют, если

можно так выразиться трезвому взгляду на житейские вопросы.

— Не повторяйте этого поклепа на ученых, мистер Дейл! Поверьте мне, что тот, кто усиленно занят умственным трудом, лучше кого бы то ни было разбирается в делах практических.

— Вот как! И ваша дочь, сэр, тоже здесь?

— О да, сэр, и будет счастлива представиться отцу своей подруги.

— Ах, так они подруги?

— Их связывает самая нежная дружба.

Мистер Дейл еще раз хмыкнул, как бы для собственного успокоения, и глубоко вздохнул.

— Летиция! — вполголоса произнес он и дрожащей рукой провел по лбу.

Дамы участливо осведомились, не душно ли ему, и одна из них предложила ему свой флакончик с нюхательной солью.

Он вежливо отклонил их услуги.

— Благодарю вас, сударыни. Я надеюсь, что у меня хватит сил дождаться сэра Уиллоби.

— Мы не решаемся тревожить его, мистер Дейл, когда он запирается. Но если хотите, мы пошлем ему записку. Вы и вправду не принесли дурных вестей о нашей Летиции? Она покинула нас нынче утром второпях, даже не простившись и только передав через служанку, что состояние вашего здоровья требует ее немедленного присутствия.

— Моего здоровья? А сама заперлась от меня на ключ. Мы с ней переговаривались через запертую дверь. Больной и растерянный, я окружен дверями, запертыми на ключ. Ни одна из этих дверей не желает отомкнуться, чтобы дать мне то, что для меня нужнее всякого лекарства: я хочу наконец понять, что происходит!

— Ах, мистер Дейл! — воскликнул доктор Мидлтон. — Я поражен образностью, с какой вы обрисовали свое положение. Вы дали картину, которая удивительно удачно рисует нынешнее состояние умов. И если бы я все еще читал проповеди, я непременно воспользовался бы вашей метафорой. Что до меня, я никогда не ломлюсь в закрытые двери. Своо душевное равновесие и даже телесное здоровье я приписываю тому, что умею принимать закрытые двери как должное, без лишних расспросов. Я читаю, что мне положено читать, при свете, какой мне для этого предоставлен. Нынешнее общество меж тем стучится изо всех сил в запертые двери,

стремясь постичь скрытую за ними тайну. Большое и растерянное, оно не может достучаться. Почему же, сударь, общество не желает вникнуть в разницу между участью нищего и почтальона? Оба стучатся в дверь, но перед одним она растворяется, тогда как перед другим остается закрытой. Кто стучится в дом с приношением, может рассчитывать, что дверь перед ним распахнется, а кто несет туда только собственную нужду, так и не достучится. Идите к запертой двери с письмом в руке, говорю я вам, и она отверзется, и вам будет обеспечен радушный прием. Но не ждите, чтобы вам оттуда вынесли письмо. А посему...

Смахнув со лба испарину, мистер Дейл умоляюще протянул к собеседнику руку.

— Я больной человек, доктор Мидлтон,— сказал он.— И не в силах следить за аллегориями. Все, на что я способен,— это медленное переваривание фактов.

— Что касается фактов, сэр, то они усваиваются человеческим организмом весьма медленно. Так, например, до сих пор не удалось установить, что представляет собою природа — факт ли или наше усилие его осознать? Как видите, человечество еще не перепарило самого первого факта, с каким ему пришлось столкнуться. Мы все еще не можем полностью принять факт собственного существования.

Прижимая руки к вискам, мистер Дейл протонал:

— Голова кружится! Должно быть, мне не следовало выходить из дому. Я поддался порыву, и мне хочется думать, что порыв мой не делает мне бесчестья. Но я не в силах... Не взыщите, доктор Мидлтон, но я не в состоянии следить за вашей мыслью.

— Что вы, сударь, позвольте вас заверить — и это на основании опыта общения с моими соотечественниками, — вы проявляете небывалое великодушие, ибо, не будучи в состоянии уловить мою мысль, не набрасываетесь на меня с бранью... — ответил преподобный доктор, не желая выпустить из своих объятий человека, благодаря которому он получил возможность вознаградить себя за бессловесную роль, которую из галантности вынужден был взять на себя до его появления. При этом он отлично сознавал, что его полнокровное красноречие должно действовать на слабые нервы с беспощадностью восточного ветра и что сам он, когда его на целый день отрывают от его возлюбленных книг, подобен паровому молоту, словно нарочно изобретенному для наказания человечества.

— Вы ищете разъяснений, мистер Дейл? Быть может, мы в состоянии вам помочь? — спросила мисс Эленор.

— Боюсь, что нет, — ответил тот слабым голосом. — Я, пожалуй, дождусь все же сэра Уиллоби... или мистера Уитфорда. Если только у меня хватит сил. Или, быть может, мне позволят обменяться несколькими словами с молодой особой, которая является... которая была?..

— Вы, вероятно, имеете в виду мою дочь, сэр? Она будет в вашем распоряжении. Я ее к вам приведу.

Доктор Мидлтон подошел к стеклянной двери, открывавшейся в сад.

— Это верно, что она, должно быть, лучше меня осведомлена о состоянии души мисс Дейл, — продолжал он оттуда. — Зато я, смею надеяться, быть может, больше в курсе умонастроения интересующего нас джентльмена. Мистер Дейл, позвольте вам доложить, что я взял бы на себя роль адвоката, горячо отстаивающего интересы упомянутого джентльмена.

Мистер Дейл был в полном смятении. Он сник, подобно молодому, еще не окрепшему деревцу, подхваченному ураганным ветром.

— Адвоката? — переспросил он. На большее у него не хватило дыхания.

— Да, да, пламенного его адвоката. Ибо я самого высокого о нем мнения. Видите ли, сударь, я знаком с обстоятельствами дела. Я полагаю, — доктор Мидлтон сделал полоборота к дамам, — я полагаю, что пока ваши убедительные доводы, мистер Дейл, вместе с теми аргументами, которые приведу я, не опрокинут девичьей шепетильности вашей дочери, все эти обстоятельства не подлежат преждевременной огласке. Наш Стрефон страдает некоторой застенчивостью. Но если из уважения к заинтересованным сторонам и не следует до поры до времени оглашать их имена, это не значит, что мы не вправе высказываться в пределах домашнего круга. Вышеупомянутому джентльмену угодно утверждать, будто он не испытывает склонности связать себя узами Гименея. Я полагаю, что все мы знаем цену этому временному замораживанию чувств. Откровенно сказать, мистер Дейл, я и сам помню свое состояние после того, как некая особа ответила мне отказом. Я ничуть не досадовал, нет, я просто заявил, что брак меня не привлекает.

— Так, значит, сэр, моя дочь ему в самом деле отказала?

— О, временно только, разумеется, временно!

— И он был свободен... Он имел право, как честный человек, сделать это предложение?

— Его лучший друг и ближайший родственник может вам быть в том порукой.

— Я знаю. Я слышал об этом. Мне так и сообщили. Я слышал о его предложении и о том, что, сделав его, он не нарушил долга честного человека. И все же я беспомощен, я не могу и шага ступить, покуда не получу заверений, что доводы моей дочери ни на чем не основаны и что я, как отец, не обязан к ним присоединиться.

— А девица, следовательно, колеблется?

— Я не видел ее нынче утром. Я поздно встаю. Меня извещают о странной причине, побудившей ее поспешно покинуть этот дом, я направляюсь к ней в комнату, наталкиваюсь на запертую дверь, и — никакого ответа!

— Это оттого, что у нее нет никаких доводов и она боятся, что у нее их потребуют.

— Сударыни! — скорбно вздохнул мистер Дейл.

— Теперь мы понимаем! Мы понимаем! — радостно воскликнули тетушки. И, вторя доктору Мидлтоу, заулыбались.

— У нее нет никаких доводов? — с растяжкой повторил мистер Дейл, пытаясь вникнуть в смысл этих слов. — В таком случае ей было известно, что вы, сэр, не имсете возражений?

— Безусловно. Зная, как я высоко ценю этого джентльмена, она могла не сомневаться в моем согласии. Но, разумеется, она не стала бы считаться с моим мнением в первую очередь. И навряд ли предполагала, что я мог служить препятствием. Я всего-навсего друг этого джентльмена. И, позовольте прибавить, друг весьма горячий.

Мистер Дейл протянул руку ладонью вперед, в знак полного изнеможения.

— Поддадите! Моя голова никуда не годится. А ваша дочь, сударь, придерживается того же мнения?

— Не будем слишком подробно доискиваться ее мнения, впрочем, я не сомневаюсь, что оно в общих чертах совпадает с моим. Равно как и — с вашего разрешения, сударыни, — с мнением этих дам.

Мистер Дейл снова жестом взмолился о передышке.

— Что же это такое? И Летиция ему отказала?

— Будем считать, что неокончательно. Ведь отчасти это зависит и от вас, мистер Дейл!

— Однако сколько удивительных происшествий произошло да то время, что моя дочь тут гостит! — воскликнул мистер Дейл, впервые обнаруживая признаки ликования. — Мне хочется смеяться, но я боюсь, что меня примут за безумного. Итак, она отказала ему, несмотря на то что он был волен распорядиться своей рукой! Ах, моя девочка! Мне кажется, что мы все ходим на голове. Сказки оборачиваются былью, а прописные истины — абсурдом. Право же, право, тут есть от чего потерять голову! Больной человек (а я человек больной, и даже эта радость способна лишь оживить меня на время, но не вылечить) неохотно расстаётся с установившимся в его жизни распорядком. Малейшее нарушение привычного уклада его расстраивает... Ведь я уже много лет предсказывал, что именно этим и кончится! И долгие годы все складывалось наперекор моему предсказанию. А теперь, когда оно подтверждается, я не могу поверить, и мне сдается, что я брежу!

— И все эти долгие годы, мистер Дейл, союз этот, несмотря на противодействие людей и судьбы, был предметом неослабных забот нашего Уилби, — сказала мисс Эленор.

— Его заветной мечтой, — прибавила мисс Изабел.

— Не я назвал это имя, — сказал доктор Мидлтон. — Но оно произнесено, и так лучше, во избежание возможных недоразумений. Я полагаю, что мы не нарушили его доверия, хоть, быть может, он предпочел бы открыть свои намерения сам. Сэр Уилби сообщил мне, мистер Дейл, что прошлой ночью он обратился к вашей дочери — и не в первый раз, если я правильно его понял. И снова — безуспешно. Он уже отчаялся, я же все еще надеюсь — разумеется, если вы не откажете нам в поддержке. Я не отчаиваюсь, ибо претендент — человек весьма достойный, и достоинства его общепризнаны. Ну, да вы сами достаточно с ним знакомы, чтобы со мной согласиться. А сейчас я приведу сюда мою дочь, чтобы она помогла мне петь ему хвалу.

И доктор Мидлтон своей упругой походкой прошел через стеклянную дверь на газон. Его лицо сияло сознанием счастья, которое он несет своему другу мистеру Уитфорду.

— Сударины! Это превосходит всякое чудо! — задыхаясь, промолвил мистер Дейл.

— Великодушные Уилби в самом деле превосходит всякое чудо, — хором подтвердили те.

Дверь в гостиную раскрылась, впустив леди Буш и леди Калмер.

Тетушки Паттерн, мистер Дейл, леди Буш и леди Калмер, а также миссис Маунтстюарт-Дженкинсон

Леди Буш и леди Калмер вошли, кидая быстрые взгляды направо и налево. Когда взор леди Буш обнаружил сидящую в кресле фигуру мистера Дейла, она вполголоса бросила своей подруге: «Подтверждение!»

— На Корпи можно положиться,— обронила леди Калмер в ответ.

— Да, лучшее его лекарство — он сам.

— О, это незамеченный человек!

Мисс Изабел и мисс Элепор приветствовали новых гостей.

Тетушки Паттерн были так кротки и непритязательны, так тушевались в тени своего блистательного племянника, что предприимчивые светские дамы позволяли себе не церемониться с ними. А леди Буш и леди Калмер были дамы отнюдь не робкого десятка.

Оголь открыла леди Буш.

— Ну и новости! — пачала она.— В общих чертах мы знаем все. Не удивляйтесь. Мы знаем основное. Мы слышали, как выстрелила пушка. Да я уже вчера могла все предсказать наперед. Я просто видела, к чему идет дело. Догадалась же я обо всем еще третьего дня. Теперь-то я окопчательно уверовала в рок! Мы с леди Калмер так и решили смотреть на это дело, оно и проще. Ну, а вы, мои дорогие, довольны?

— Чем? — с недоуменной grimасой спросили тетушки.

— Да всей этой историей! Ею! Им!

— Довольны ли мы нашим Уиллоби?

— Видно, доктор Корпи еще не прописал своей дозы нашим милым дамам,— заметила леди Буш, обращаясь к леди Калмер.

— Они великолепно разыгрывают скромниц,— сказала леди Калмер.— Милые мои, нам уже все известно.

— Как же она приняла свою отставку? — понизив голос, спросила леди Буш.— Никаких истерик и трагедий, надеюсь? Она как будто из хорошей семьи. Я, впрочем, не очень-то понимаю, когда говорят о нескольких поколениях ученых в роду. Правда, она прехорошенькая. Это, разумеется, прекрасно. Для начала. Но в конечном счете главное — ум. Он имел

возможность их сравнить. И вот вам результат! Когда в доме появляется девушка с головой, она побивает всех красоток! Мы с леди Калмер решили так и смотреть на это дело. Он сперва выбрал прелестную пару для танца, а к концу галопа убедился, что такой партнер слишком утомителен. О, я уже вчера все заметила! Это было ясно как день. Она его не оценила, зато он ее раскусил. Эту версию мы и намерены распространять.

— Она еще молода, научится,— говорили тетушки в замешательстве, все еще не постигая, к чему клопит леди Буш.

— А вы, как всегда, добры и великодушны. Я помню, вы находили хорошие слова даже для той девицы Дарэм.

С этими словами леди Буш покинула тетюшек и уселась рядом с мистером Дейлом, рассеянно листавшим великолепный фолиант — геральдическую книгу, куда были занесены самые знатные фамилии в королевстве.

— Изучайте эту книгу, мой дорогой мистер Дейл, изучайте хорошенько,— сказала она.— Вот вы и сами попали в нее, благодаря уму и способностям вашей дочери. На трехсотой странице вы найдете герб Паттернов. И, помяните мое слово, она и вас втащит в сословие пэров — косвенно, разумеется. Разве сэръ Уиллоби и его супруга успокоятся на том, чтобы управлять своими поместьями? Ведь Летиция честолюбива, не правда ли? А это, на мой взгляд, превосходное качество.

Мистер Дейл пытался что-то возразить. Он захлопнул книгу, стал разглядывать обложку и, проводя пальцем по корешку, выразил надежду, что миледи пребывает в добром здравье, вскользь отозвался о своем и сказал, что чувствует себя неловко, как птица, которую вдруг выпустили из клетки.

— Вы, вероятно, вскоре переселитесь сюда, мистер Дейл, в более просторную и нарядную клетку.

Он покачал головой.

— Вы, должно быть, имеете в виду...? — спросил он.

— Я все знаю,— сказала она.

— Боже мой, неужто и впрямь?..

Мистер Дейл обвел глазами комнату с видом человека, который внезапно пробудился и обнаружил, что кругом уже ярко светит день.

Леди Буш понизила голос. Своим непринужденно-фамильярным тоном она как бы давала мистеру Дейлу понять, что хоть он и стоит неизмеримо ниже ее на общественной лестнице, вскоре ему предстоит подняться на более высокую

стукся. Подобная топкость обхождения свидетельствовала о благородном воспитании леди Буш и, если угодно, о безошибочности ее общественного глазомера.

— Летиция будет счастлива, в этом можете не сомневаться. Меня так радует, когда долгая и постоянная привязанность вознаграждается по достоинству. Я в восторге! Это повесть о торжестве долготерпения. Куда там Гризельде! Всякая женщина будет рада брать пример с леди Паттерн. Вы сомпеаетесь? Вы еще не уверены? Ну, расскажите же — вполголоса, если хотите. Но ведь перемена декораций несомненна? Ведь предложение сделано, и это факт, не правда ли? Ах, мой милый мистер Дейл, чуточку громче, пожалуйста! Вы сюда пришли, потому что...? Но, конечно же, вы хотите переговорить с сэром Уиллоби. А она? Что такое? Я никак не расслышу. Она...? Вы говорите, что она как будто...

В другом углу гостиной леди Калмер держала речь перед тетушками Паттерн.

— Воображаю, что вам пришлось пережить! — говорила она. — Ведь в делах подобного рода только безупречная воспитанность всех участников может предотвратить кризис. Мы-то видели, как надвигаются события. Правда, мы не ожидали такого простого решения, как обмен невестами, — да и кто бы этого мог ожидать? Наверное, если бы я полежала спокойно на спине, я бы и сама до этого додумалась. В таком положении легче трезво размышлять, мысли приходят сами собой, без принуждения. Вот почему я бываю всего пронытательнее в скучные зимние вечера, когда лежу у себя на диване, а рядом — поднос с чаем. Впрочем, ваши заботы благополучно разрешились, и дело с концом. Когда же отбыли Мидлтоны?

— Мидлтоны? Отбыли? — всполошились тетушки.

— Ну да — доктор Мидлтон с дочерью.

— Но они и не думали уезжать!

— Как? Мидлтоны еще здесь?

— Они здесь, разумеется. Зачем бы им покидать Паттерн-холл?

— Как то есть зачем?

— Они, верно, погостят у нас еще не один день.

— Господи!

— Слухи об их отъезде не имеют под собой никаких оснований, леди Калмер.

— Никаких?!

Леди Калмер громко воззвала к леди Буш.

Почтенная дама издала в ответ удивленный возглас.

— Она ему отказала!

— Кто?

— Она!

— Она? Сэру Уиллоби?

— Отказала! Отклоняет эту честь.

— Невозможно! Нет, это невероятнее любого романа! И он был совершенно свобо...

— По-видимому, полностью. Да, он сделал предложение по всей форме, и она ему отказала.

— Нет, нет, и еще раз нет!

— Дорогая моя, мне это сказал сам мистер Дейл.

— Мистер Дейл, что означает такое ее поведение?

— Право же, леди Калмер,— сказал мистер Дейл, приятно взволнованный вниманием дам, хоть и несколько изумленный откровенностью, с какою в этом доме обсуждались дела столь интимного свойства.— Право же, я сам как в потемках. Казалось, в первую очередь следовало бы поставить в известность родного отца. Между тем она заперлась от меня на ключ и не выходит. И я как в потемках. Я отшельник. Отвык от мирских дел. Я полагал, что в первую очередь должны были бы обратиться ко мне, ее отцу.

— Ах, что вы! Нынешние молодые люди обходятся без формальностей. Ими руководят порывы, и они даже гордятся этим. Итак, он сделал предложение. Этого никто не опровергает. Но кто вам сообщил об ее отказе?

— Мне говорил доктор Мидлтон.

— Доктор Мидлтон? — громко переспросила леди Буш.

— Мидлтоны еще не уехали,— сообщила ей леди Калмер.

— Мы попали в какой-то водоворот! — воскликнула леди Буш и просеменила к другому креслу, в которое тут же и уселась.— Умоляю, давайте придерживаться хоть какой-нибудь системы. Иначе мы окончательно запутаемся, растеряем остатки разума и будем представлять угрозу общественному спокойствию. Итак, Мидлтоны здесь; доктор Мидлтон собственной персоной объявляет мистеру Дейлу, что Летиция отказала сэру Уиллоби, предложившему ей руку и сердце; между тем сэр Уиллоби, насколько известно, обручен с дочерью вышеупомянутого доктора! Мистер Дейл, скажите, пожалуйста, в каких выражениях доктор Мидлтон преподнес вам это? Но прежде всего успокойтесь! Никакой спешки нет, хоть, не скрою, все мы взволнованы, ибо питаем сердечную симпатию к вам и живой интерес ко всем участникам этой драмы.

Но успокойтесь,— совсем, совсем успокойтесь! Ну вот, а теперь говорите!

— Сударыни... Леди Буш...— Мистер Дейл проглотил подкативший к горлу комок.— Я не вижу, почему бы мне не говорить со всей откровенностью. Не думаю, чтобы я был жертвой заблуждения. Вот и обе мисс Паттерн могут подтвердить. И разговор был затеян не мной, а самим доктором Мидлтоном. Направляясь сюда, я еще не знал об отказе. Я был всего лишь поставлен в известность о том, что моей дочери сделано предложение. Источник моей информации совершенно достоверный. Целью моего визита было удостовериться в том, что дочь моя держалась как подобает человеку чести. Понятия о чести у нее всегда были самого высокого порядка. Но страсть, как известно, способна сбить с пути всякого, и, когда до моих ушей дошел этот невероятный слух, я, признаться, встревожился и подумал, не обязаны ли мы принести самые смиренные извинения доктору Мидлтону и его дочери. Я знаю обаяние моей Летиции. Сударыня, доктор Мидлтон в самых недвусмысленных выражениях называл себя в беседе со мной сторонником претендента на руку моей дочери. Я человек несмудрящий и решил, что либо сэр Уиллоби и мисс Мидлтон договорились разойтись по взаимному согласию, либо — что дошедший до меня слух об их помолвке не достоверен. У меня голова не из крепких. И красноречие доктора Мидлтона не всегда мне доступно. Кое-что, однако, я усвоил, вне всяких сомнений: он прямо так мне и заявил, что выступает передо мной пламенным адвокатом претендента на руку моей дочери. Это его собственные слова. И я понял, что он призывает меня повлиять на мою дочь. Да, да, он даже назвал имя претендента! Он ничего не скрыл. Я уверен, что здесь не может быть места для недоразумения. И меня чрезвычайно тронуло то, как близко к сердцу он принимает счастье сэра Уиллоби. Я приписал это чувству, о котором пет пужды здесь распространяться. Он так и сказал о себе: «Пламенный адвокат».

— Господи, да это вихрь! — воскликнула леди Буш, обращаясь ко всем собравшимся.

— Ураган! — воскликнула леди Калмер.

Тетушек Паттерн осенило разом. Они обменялись взглядами.

Леди Буш их положительно фраппировала, но врожденный такт и привычка к подчинению помешали им ее обобравать.

— Быть может,— начала мисс Элепор,— недоразумение рассеется, если мы назовем участников их настоящими именами?

— Да, это не первый раз,— подхватила мисс Изабел,— что сэр Уиллоби просит руки мисс Дейл для своего кузена Вернона.

— Мы чрезвычайно сожалеем о прискорбном заблуждении, в какое впал мистер Дейл.

— Просто мистер Дейл ошибочно истолковал слова доктора Мидлтона.

— Да, да, он говорил о Верноне. Это совершенно ясно.

— Невозможно, чтобы он имел в виду Уиллоби!

— Вы видите, что это невозможно, что это ошибка!

— К тому же доктор Мидлтон с дочерью и не думали покидать Паттерн-холл,— подхватила леди Буш.— Ах, мы сделаемся посмешищем всего графства, если уедем отсюда, так и не добравшись до истины! Мистер Дейл, очнитесь же, ради бога! Вы понимаете теперь? Вы, должно быть, ошиблись.

— Леди Буш...— сказал мистер Дейл, встряхнувшись.— Я мог и в самом деле неправильно понять доктора Мидлтона. Его манеру говорить я сравнил бы с парадом войск на главной площади столицы. Но источник, откуда я почерпнул свои сведения, не оставляет ни малейших сомнений в их достоверности. К тому же это подтверждается необычным поведением моей дочери. И если я и протяну до ночи, то завтра на все, что здесь происходит, будет уже взирать моя тень.

— Ах, что вы, дорогой мистер Дейл! — воскликнули сердобольные тетушки.

— Вы же прекрасно знаете, что дело у них не шло на лад,— продолжала бубнить леди Буш.— Они ни о чем не могли договориться. Я все это видела и предсказывала.

— Со временем она привыкнет и научится его понимать,— возражали тетушки.

— Никогда! Я убеждена, что они разошлись по взаимному согласию и что Летиция Дейл одержала долгожданную победу. Да, да, это несомненно.

— Дорогая леди Буш! Мыслимо ли это, посудите сами? — зывали тетушки. Тон их, однако, выдавал замешательство.

— А вот и наша дорогая миссис Маунтстюарт! — воскликнула леди Буш, приветствуя появление своей великой соперницы.— Вы подспели в самый раз. Мы все в неизъяснимом смятении, мы просто сходим с ума. Вы, и только вы, мо-

жете нам помочь! Вы все знаете. Вы всегда все знаете. Мы ждем ваших слов. Есть ли во всем этом правда? Хотя бы крупца правды?

Миссис Маунтстюарт царственно уселась в кресло.

— А, мистер Дейл! — сказала она, склонившись к нему. — Да, дорогая моя леди Буш, крупца правды есть.

— Ах, не томите! Вы умеете мистифицировать, я знаю. Но мне уже все известно. То есть не все, а кое-что. Я хочу сказать, в общих чертах, эскизно. Я убеждена, что не обманываюсь, но вы можете заполнить контуры моего эскиза красками. Можете, можете, я знаю! Я еще вчера заметила. Ну, скажите же, скажите! Либо все тут ложь, либо все — истина. Одно из двух! Что же?

— О чем именно вы спрашиваете?

— Его фатум! Вы, кажется, этим словом ее обозначали? Да, да, я отнеслась скептически. Но вот мы вернулись к исходной точке, и если все это правда, я признаю вас непогрешимой. Он... да? И она?

— И он, и она.

— А между тем Мидлтоны все еще здесь? Они ведь не уехали, не покинули поля сражения. И, что удивительнее всего, она ему отказала! А в довершение сам доктор Мидлтон выступает ходатаем перед мистером Дейлом!

— Доктор Мидлтон — ходатаем?

Эта новость поразила миссис Маунтстюарт.

— За Вернона, — пояснила мисс Эленор.

— За Вернона Уитфорда, кузена Уилоби, — подчеркнула мисс Изабел.

— Кто, — царственно закинула голову и, оглядев собравшихся, спросила миссис Маунтстюарт, — кто говорит об отказе?

— Мне об этом сказал сам мистер Дейл, — заявила леди Буш.

— А мне, насколько я его понял, сообщил об этом доктор Мидлтон, — сказал мистер Дейл.

— Доктор Мидлтон имел в виду предложение, которое Уилоби сделал Летиции от имени своего кузена Вернона, — сказала мисс Эленор.

— Отсюда вся эта нелепая путаница, — вторила ей сестра. — Чрезвычайно прискорбная путаница, — прибавила она в утешение мистеру Дейлу. — Уилоби действовал от имени Вернона. Он всегда думает о своем кузене, — если и не в первую очередь, то, уж во всяком случае, во вторую.

— Однако не лучше ли...

— ...прекратить эти разговоры?

Миссис Маунтстюарт, как справедливый судья, выслушала обе стороны. Во всем графстве на тетушек привыкли смотреть, как на безобидные ничтожества, с которыми можно не считаться, и миссис Маунтстюарт стеснялась их присутствием не больше, чем леди Буш и леди Калмер, и так же, как они, была готова продолжать обсуждение столь жгучего вопроса.

— Все вы правы, и все вы не правы, — изрекла она.

— Я, кажется, сейчас закричу! — взвизгнула леди Буш.

— Ах, это жестоко! — простонала леди Калмер.

— Все, вместе взятые, вы ошибаетесь, — продолжала миссис Маунтстюарт. — Если же распутать этот клубок, каждая из вас права. Сэр Уилоби в самом деле думает о благе своего кузена Вернона. Он жаждет устроить его счастье. И он в самом деле предпринял шаги в этом направлении.

— Мы так и знали! — воскликнули тетушки. — И Летиция снова отказала бедняге Вернону!

— Кто говорит, что мисс Дейл отказала мистеру Уитфорду?

— Так ему не отказано? — спросила леди Калмер.

— Этот вопрос обсуждается и вскорости будет решен.

— О, не вставайте, мистер Дейл, — пожалуйста! — взмолилась леди Буш, встав сама, чтобы, если понадобится, посадить его обратно в кресло. — Еще одно перемещение, и мы снова безнадежно запутаемся! Нам нужно всем дружно держаться вместе, если мы хотим наконец разгадать эту загадку. Итак, дорогая миссис Маунтстюарт, следует ли понимать, что в той, другой истории нет и капли правды?

— Нет, моя дорогая леди Буш, ничего подобного понимать нам не следует.

— Попадите! А что же «фатум»?

— Устремлена к полюсу, как магнитная стрелка.

— Так она не отказала ему?

— Подумайте хорошенько, и вы получите ответ.

— Приняла?

— Погодите.

— И весь свет знает правду раньше меня! Ах, миссис Маунтстюарт, вы держитесь, как оракул. Говорите хотя бы загадками, — но только говорите! Когда нам не дают хлеба, мы довольствуемся черствой корочкой,

— Но разве кто-нибудь из нас может предсказать события, леди Буш?

— Может, может! Вы можете. Я склоняюсь перед вами. От всей души признаю ваше превосходство. Итак, мистеру Уитфорду уготована другая? Вы киваете. А наша Летиция все же предназначена сэру Уиллоби? Вы улыбаетесь. Но вы не стали бы меня обманывать, я знаю. Еще минута, и я сойду с ума и примусь выть под дверь вашего дома! А с доктором Мидлтоном играют в жмурки? А другая — это... Неужели? Полюбовно разошлись и остановились на новой комбинации! Конечно же: она богата, и совсем не пара нашему герою, она никогда не была ему парой. Все это мне пришло в голову уже вчера, — да и раньше много-много раз. Так что он ее передает... *импрекю*, и вся недолга.

Леди Буш пробарабанила у себя на коленях стремительный марш.

— А что, не угадала? Мне только тень улики подай, а дальше уж я разберусь сама. И все оттого, что я знаю человеческую натуру. Мне только взглянуть — и я схватываю всю комбинацию. Итак, деньги остаются в семье, он благополучно избавляется от бывшей невесты, одновременно благодетельствовал кузена, а сам идет навстречу своему «фатуму». Жаль темного, что он так долго этот фатум протомил. Время, оно как-никак мстит за себя. Впрочем, тем интереснее. Ручаюсь, что ни в одном другом графстве не сыскать такой удивительной и волнующей истории! И позвольте вам сообщить, я давно уже заподозрила мистера Уитфорда и не далее как вчера даже намекнула на это.

— Вот как! — удивилась миссис Мауптстюарт, добродушно поддакивая своей сопернице.

— Право же. Ну вот, наш милый, добрый мистер Дейл опять готов вскочить. И опять взволновался.

Голос леди Буш, да и собственное любопытство заставили мистера Дейла внимательно прислушаться к разговору. Но то, что он услышал, было сверх его сил, и он пришел в необычайное волнение. Он, однако, оставался в кресле, держась за него, как за спасательный круг.

Свобода, с которой эти высокопоставленные дамы позволяли себе обсуждать во всеулышание дела, касающиеся его дочери, настолько его поразила, что он, сам того не замечая, произнес вслух: «Правила хорошего тона!» Возглас его был оставлен без внимания, а если кто и взял бы труд задумать-

ся, то решил бы, вероятно, что это мистер Дейл самому себе напоминает о правилах хорошего тона.

В эту критическую минуту в дверях гостиной появился доктор Мидлтон, и одновременно через стеклянную дверь из сада вошел сэр Уилоби.

ГЛАВА СОРОК ШЕСТАЯ,

в которой сэр Уилоби являет весь блеск своего стратегического искусства

Увы, истории так и не суждено узнать о блистательном стратегическом таланте сэра Уилоби Паттерна. Он мог бы командовать армией, но не пожелал взвалить на себя тяготы военной службы и предпочел лавры, коими отечество награждает тех, кто довольствуется спокойным управлением собственными поместьями. Между тем его военный гений и, главное, умение предвидеть действия противника — этот верный признак полководца божьей милостью — проявлялись у него всякий раз в критическую минуту; при обстоятельствах, которые повергли бы в уныние всякого, кто не владел его искусством распознавать надвигающуюся опасность, он высказывал чудеса маневренности.

Его не предупредили о том, что в доме у него находится мистер Дейл, равно как и о зловещем вторжении леди Буш и леди Калмер: когда он запирался на ключ, никто из домашних не смел его тревожить. Расставшись с Верноном, после бесплодной и томительной попытки втолковать этому малому разумность шага, который ему предлагалось сделать, Уилоби вышел на газон: ему хотелось быть под рукой на случай неудачи затейного по его воле объяснения между его кузеном и Кларой — как знать, быть может, провал этой затеи (по правде сказать, почти неминуемый) продвинет его собственные дела? Миссис Маунтстюарт-Дженкинсон должна была, согласно полученным от него инструкциям, подготовить Клару. Желание, которое он благосклонно высказал и Вернону и миссис Маунтстюарт, сводилось к тому, чтобы мисс Мидлтон — поскольку она не расположена составить счастье Уилоби — осыпала его кузена. Уилоби намекал миссис Маунтстюарт, что был бы рад избавиться от назван-

ной девицы, и дал понять, что деньги ее оказались бы весьма кстати старине Вернону и что если бы старина Вернон согласился подхватить ее, так сказать, с рук на руки, можно было бы удовлетворить все стороны и вместе с тем избежать скапдала. На одном Уиллоби, однако, настаивал: он готов отказаться от своих притязаний на Клару только в случае, если та согласится выйти замуж за Вернопа. Должно быть, этот его замысел, сказал он миссис Маунтстюарт, и послужил толчком к слухам, которые каким-то образом дошли до ее ушей. Кстати, полюбопытствовал он, откуда миссис Маунтстюарт почерпнула свои сведения? Уклонившись от прямого ответа, она сделала неопределенный жест рукой, показывающий, что слухами земля полнится, и тотчас перешла к обсуждению его планов. Умудренная житейским опытом, она старалась показать ему всю бессмысленность его попытки — принудить столь своеправную девицу, как Клара, вступить в союз, который вряд ли придется ей по душе. Она предсказывала полный провал. На все ее доводы у Уиллоби был один ответ: «Такова моя воля». Филантропическое безумие этого плапа, однако, чем-то ей imponировало; да и как знать, подумала она, быть может, оно найдет отклик в безумии, свойственном человеческой природе вообще? Даже если этот план и не удастся осуществить, он внесет в сердца некоторое умнотворение. Итак, почему бы не попробовать? Сэру Уиллоби заблагорассудилось запясться устройством Кларинных дел — для ее же пользы; затем он намерен устроить собственные. Такова его позиция. Мы вольны предстать перед светом в любом обличье, какое нам угодно принять, и, покуда свет нас не разоблачит, в этом обличье красоваться. Одобрение света, даже когда оно ударяется о пустоту, не обязательно отдается пустым звуком. Однако похвалы, которые миссис Маунтстюарт принялась расточать великодушию сэра Уиллоби и чистоте его помыслов, повергли его в невольное смущение; он хоть и оправился от полученного отпора и даже возомнил, что Летиция не устоит перед повторным натиском, но все же чувствовал себя не совсем в своей тарелке. Делясь своим замыслом с миссис Маунтстюарт, он изобразил Летицию в роли смиренной рабыни, с благодарным трепетом принимающей свое возвышение, но простодушнее, с каким была принята эта версия, лишь усугубляло горечь, вынесенную им из полночного свидания со своей избранницей. В глубине души он вовсе не так уж был уверен в конечном исходе. К тому же самый приз — в случае если он ему и достанется — его не

слишком прельщал. Правда, не в пример Вернону, он свою жеману не получит не из чужих рук: чуждое дыхание не успело коснуться ее девственных ланит. Их коснулось одно лишь время. Но как ни утешительна была эта мысль, стояло ему представить физический контраст между этими двумя девушками, как им снова овладевала яркая ненависть к свету, ради которого мы приносим такие огромные жертвы — и за такое жалкое вознаграждение! Нахлынувшая горечь мешала ему оценить по достоинству все выгоды, которых он в конечном счете добился. Отсюда и непритворная меланхолия в его голосе, столь тронувшая сердобольную миссис Маунтстюарт. Это был один из тех театральных эффектов, которые столь успешно сбивают с толку аудиторию. Миссис Маунтстюарт впоследствии говорила Кларе, что обнаружила в сэре Уиллоби глубины, каких доселе в нем и не подозревала.

На Вернона предложение его кузена произвело странное действие. Оно, казалось, пробудило в нем внезапную влюбленность, но не в даму, которую ему уступали, а в того, кто ее уступал. Он был смущен, нескрываемо тронут, уверял, что план этот неосуществим, что о нем даже говорить не стоит, и вместе с тем необычайно горячо благодарил Уиллоби за его добрые намерения. Итак, заявив, что план Уиллоби неосуществим и невозможен, этот чудак все же позволил вывести себя на газон. Уиллоби видел, как миссис Маунтстюарт пошла к нему навстречу, повела его к беседке, окруженной кустарником, и снова вышла на открытое место.

— Клара согласилась его выслушать, — сообщила она сэру Уиллоби, который тотчас подскочил к ней. — Она говорит, что душевно расположена к нему, уважает его, считает искренним своим другом, умным человеком, настоящим ученым и превосходным альпинистом. Она верит, что вами движут самые лучшие побуждения. Это мне ей внушить удалось. Боюсь, однако, что я мало продвинула интересы мистера Уитфорда.

— Все же она согласилась его выслушать, — сказал Уиллоби, ухватившись за это сообщение, которое должно было нанести смертельный удар его другу Горадию.

— У нее не было другого выхода. Вы так повернули дело, что она проявила бы себя совершенной дикаркой, если бы отказалась.

— Итак, вы не верите в благоприятный исход?

— Не верю.

— Она согласна его выслушать — и то хорошо,

— Боюсь, что вам этим придется удовольствоваться.

— Посмотрим.

— «Ради общего спокойствия,— сказала она,— я согласна сделать все, что в моих силах». Быть может, у джентльмена с хорошо подвешенным языком и был бы шанс на успех. Она полна готовности пойти вам навстречу.

— Бедняга Вернон совсем не умеет говорить с женщинами! По милости прекрасного пола, сударыня, мы вынуждены быть либо пауками, либо мухами, и тот из нас, кто не способен соткать свою собственную паутину, старается хотя бы не угодить в чужую. К тому же Кларе известна его предыстория, и это вряд ли послужит ему на пользу. В каком была она состоянии, когда вы их оставили вдвоем?

— Не в блестящем — как слегка запылившийся фарфор. У нее даже появилась какая-то угловатость, как у деревенской девушки, у которой еще сохранились мальчишеские замашки,— от благовоспитанной девицы не осталось и следа! Я не подозревала в ней такой застенчивости. Вы не должны забывать, сэр Уиллоби, что она послушна вашей воле и сделала все, чтобы ее исполнить. Право, на мой взгляд, она в некоторой мере загладила свой проступок. Если она виновата, то раскаивается, и вы не должны слишком уж стоять на своем.

— Я намерен наставить,— сказал он.

— О, да вы не только филантроп, но и деспот!

— Неужто?

Против такой репутации он не возражал.

По газону брел доктор Мидлтон, и Уиллоби поспешил к нему навстречу, чтобы сбить его со следа. Когда миссис Маунтстюарт прошествовала в гостиную, Уиллоби покинул достопочтенного доктора и принялся прогуливаться вокруг беседки, где, по его расчетам, эта парочка простофиль должна была уже отлепетать свое. А вдруг им удалось прийти к согласию? Что ж, он и это в силах выпести. С трудом, но выпест.

Уиллоби обошел кустарник и обнаружил, что увитые виноградом шпалеры украшают пустую беседку! Бедняги, видно, очень скоро убедились в своей неспособности разыгрывать голубков. В надежде настигнуть Клару, пока та еще не остыла от досады, которую в ней должно было вызвать неспое объяснение, он, не теряя времени, направился в гостиную. Сейчас он ее уведет подальше от людей и со всей страстью и настойчивостью, на какую только способен, предложит ей единственную альтернативу. Зачем он раньше не дал воли

красноречию влюбленного, вместо того чтобы бесплодно метаться между соображениями стратегии и гордостью? Увидев себя в воображении свободным от гнета уязвленного самолюбия, он почувствовал, что способен подняться на героические вершины страсти. А нынешнее состояние благодарной умиленности, в каком пребывала Клара, позволяло ему надеяться растопить ее сердце до конца. С этой-то надеждой, уверенный в том, что сейчас ее встретит, Уиллоби и шагнул из сада в гостиную.

Но, едва переступив порог, он понял, что попал в западню: здесь, с разверстой пастью, его ожидал столь ненавистный ему свет. Говорят, что в критическую минуту человек больше всего бывает самим собой. Это речение вполне приложимо к сэру Уиллоби: когда ему угрожала опасность, он становился трижды самим собою, в самом себе черпая вдохновение. Леди Буш, леди Калмер, миссис Маунтстюарт и мистер Дейл, несмотря на всю их несхожесть, составляли одно гигантское око, в котором Уиллоби читал, как в книге. И в этом страшном око коллективного Полифема он прочитал, что его проклятая тайна всем известна. Итак, судьба против него. Да, он был в самой пасти света, в самых его зубах! На этот раз он даже поверил, что Летиция его выдала. Раскланиваясь с леди Буш и леди Калмер, галантно пожимая им кончики пальцев, отвечая на их лукавые ужимки и взгляды и направляясь к креслу, в котором сидел мистер Дейл, он уже перебирал в голове защитные меры, к которым следовало прибегнуть. Он не хотел оставаться наедине с отцом Летиции и прикидывал, каким образом обратить его присутствие себе на пользу.

— Счастливы вас видеть, мистер Дейл! Не вставайте, прошу вас.— И сэр Уиллоби твердой рукой вновь усадил мистера Дейла в кресло.— Кого мы должны благодарить — природу, взявшую наконец свое, или медикаменты, взявшие верх над природой? Одно, впрочем, не исключает другого. Надеюсь, вы привезли нам назад свою дочь?

— Нет, сэр Уиллоби, я не привез ее с собою. Я с ней не виделся с тех пор, как она сегодня утром вернулась домой из Паттерн-холла.

— Вот как? Летиция нездорова?

— Не знаю. Она уединилась.

— Заперлась на ключ,— пояснила леди Буш.

Уиллоби одарил ее улыбкой, говорящей, что они двое понимают друг друга.

Таким образом, он заручился союзником против остального общества, зато сам как бы предался на милость этой несносной женщины.

Доктор Мидлтон подошел к мистеру Дейлу извиниться, что так и не представил ему свою дочь; он нигде не мог ее разыскать — ни в саду, ни в доме.

— В лице мистера Дейла,— сказал он, обращаясь к Уилоби,— мы имеем, как я и предвидел, верного союзника.

— Если бы я мог отнять у вас две минуты, сэр Уилоби...— сказал мистер Дейл.

— Вы слишком редко дарите нас своими посещениями, чтобы я мог позволить вам считать минуты,— ответил Уилоби.— Раз уж мы заполучили мистера Дейла, мы не отпустим его так скоро, не правда ли, доктор Мидлтон?

— Во всяком случае, потребуем выкупа,— сказал distinguished доктор.

Мистер Дейл покачал головой.

— Боюсь, сэр Уилоби, что у меня ненадолго хватит сил.

— Но вы у себя дома, мистер Дейл.

— Это верно, что я недалеко от дома, но человеку больному, чувствующему, что силы его на исходе, даже такое небольшое расстояние кажется чрезмерным.

— Отныне, мистер Дейл, вы должны смотреть на Паттерн-холл, как на собственный дом,— повторил Уилоби во всеуслышание.

— Как? Без всяких условий? — игриво возразил Мидлтон.

Уилоби посмотрел на него с учливой холодностью и затем перевел глаза на леди Буш. Она незаметно кивнула ему, подняв брови. Уилоби, повторив ее мимику, кивнул ей в ответ.

В переводе их немой разговор означал следующее:

— *До чего же мне надоел этот distinguished доктор! — Я вижу. Скажите, то, что я слышала,— правда? — Если не считать отдельных неточностей в деталях.*

Уилоби почувствовал на запястьях железное прикосновение наручников. Впрочем, они не слишком сковывали его движения.

Но как ни лестны были все эти многозначительные взгляды и кивки, леди Буш не могла ими удовольствоваться. Она боялась, что все еще отстает от миссис Маунтстюарт. Дама она была предприимчивая, все, что касалось сэра Уилоби, ее волновало, да и атмосфера мистификации, которой она так

долго дышала, приводила ее в испуг. К тому же пора было завершать визит.

Не отличаясь особенной сдержанностью от природы, избалованная своим общественным положением и подстрекаемая знаками доверия, которыми сэр Уиллоби ее дарил, она перешла в наступление.

— Шепните лишь словечко вашему старому другу, — взмолилась она. — Кого же считать отцом счастливой избранницы? А то я не знаю, как с ними держаться.

От вульгарности и дерзости этой дамы у сэра Уиллоби захватило дух, но ему некогда было останавливаться на своих ощущениях.

Наручники давали о себе знать.

— К завтрашнему дню дом мой опустеет.

— Ах, так! Приличный разрыв, должным образом завуалированный. Тут что-то говорили, будто она сбежала, отклонив такую честь, то ли испугалась, то ли из самолюбия — не знаю.

Отчего эта женщина принимает перемену в его личных делах, как нечто само собой разумеющееся? Кто мог ей об этом намекнуть? Он позабыл, что сам, в целях самообороны, ее к этому подготовил.

— Кто говорил? — спросил он.

— Ее родной отец. А тетюшки между тем заявляют, будто это она вашему кузену отказала, а не вам!

Итак, и собственная его персона, и его сердечные дела сделались предметом общего обсуждения! Он почувствовал себя так, словно ураганным ветром у него над головой сорвало крышу. Подумать только, что из всех людей на свете он, именно он, должен был попасть в такую передрагу! И вот он стоит на ветру, беззащитный и нагой, и должен прибегать к тончайшим ухищрениям, чтобы из всего этого выдуться и прикрыть свою наготу! Он, сэр Уиллоби Паттерн, вынужден обороняться от легиона невидимых бесенят! Между тем удары так и сыпались на него со всех сторон. У него закружилась голова, зазвенело в ушах. Он, однако, овладел собой и подошел к тетюшкам.

Те были увлечены беседой с миссис Маунтстюарт и леди Калмер. Прислушавшись, он понял, что речь идет о Верноне, о том, сколь подходящей парой для ученого обещает быть Летиция. Уиллоби сделал им незаметный знак, и они разом поднялись со своих мест.

— В это время вы обычно совершаете свою прогулку в

карете,— сказал он.— Поезжайте к коттеджу. Мистеру Дейлу нездоровится. Привезите Летицию. К больному отцу. И никаких проволочек,— ни по дороге туда, ни на обратном пути. Доставьте ее сюда немедленно.

— Бедный мистер Дейл! — вздохнули они.

— Уиллоби... — начала одна.

— Тут произошло странное недоразумение,— подхватила другая,— и вам следовало бы его рассеять.

Они собирались было пролететь, в чем заключается недоразумение, но он сделал выразительный жест рукой, и, извинившись перед гостями, те покорно удалились.

Сэр Уиллоби любезно удержал леди Буш, и та под села к леди Калмер и миссис Маунтстюарт.

— У вас есть опыт общения с учеными,— обратилась она к последней.— Что вы можете о них сказать?

— Это превосходный народ, но его нельзя мешать с простыми смертными.

— Что до меня, то я избегаю экспериментов,— сказала леди Калмер.

— Но должен же кто-нибудь экспериментировать! — простояла миссис Маунтстюарт, вспомнив свой неудачный обед. Леди Буш принялась ее утешать.

— Ну что ж, в графстве будет одним ученым меньше. Невелика потеря.

— Да, да, им больше подходит столичная жизнь,— сказала леди Калмер.

— К тому же, по-моему, их лучше принимать в одиночку.

— Так что нам не о чем жалеть.

— Вот и я так думаю.

Из другого конца комнаты, перекрывая голоса дам, слышались мелодичные раскаты грома. Это доктор Мидлтон беседовал с мистером Дейлом.

— За кого же еще, сударь, стал бы я так горячо хлопотать перед вами? Уиллоби, помогите мне, я пытаюсь сообщить мистеру Дейлу, что...

Уиллоби протянул обе руки к мистеру Дейлу, чтобы помочь ему встать, хоть тот и не выказывал желания подняться из кресла.

— Вам нехорошо, мистер Дейл.

— А что, разве я так скверно выгляжу, сэр Уиллоби?

— Это пройдет, Через двадцать минут Летиция будет здесь.

Мистер Дейл стиснул руки. На нем и в с
не было, и Уиллоби с удовлетворением отмет
ти его в подобное состояние ничего не стоит.

— Я тут докладывал мистеру Дейлу, что
поддерживаем нашего кандидата — да, сэр У
не меньше вашего желаю ему успеха, — сказа
тон, у которого волны красноречия вздыма
чем больше встречали препятствий. Самому
казалось, что он говорит тихо, доверител
Дамы мастерицы на такие штуки, — продолж
я сказал бы, врожденная страсть играть
В таких случаях не излишне прибегнуть к е
лению. Окажем же на нее давление со всех
наступать по радиусам! Итак, вам она отка
уговоры принимаюсь я. Моя дочь, со своей с
жения, которое питает к нашему претенде
все свое женское красноречие. Ваши почт
тоже внесут свою лепту. И, наконец, есл
отец молодой особы присоединит свои довод
взять ее измором. Когда у противника нет
ваний сопротивляться, напор и натиск обес
осады. Нет женщины, которая могла бы б
дить: «Нет». А та, которую мы подвергаем
обладает достаточными средствами обороны
противник действовал в одиночку. Повтор
глубокое убеждение, она не может сопротив
ячно. Скорее мы с вами изобретем преслов
mobile¹.

Уиллоби взглянул на миссис Маунтстюарт.

— Что это вы такое говорите, доктор!
кликнула она. — Заговор против всего нашего

— Мне это послышалось или кто-то в сам
будто нет женщины, которая была бы спос
отвечать: «Нет»? — спросила леди Буш.

— Настоятивому влюбленному, сударынь
вля, что в его повторных просьбах не за
го кощунственного и что борется он за оль
рлей, над которой по праву должен развева
зом: «Да».

Тройка рассерженных ее так и впилась
тона. Под их натиском он то и дело пере:

¹ Великий двигатель (лат.).

дом деле лица
и, что привес-

ны всей душой
люблю, я ничуть
доктор Миддл-
ксы тем выше,
ему; впрочем,
был тоном. —
и он. — У них,
загадочность.

которому дав-
сторся, будем
ала. Тогда за-
эрсны, из ува-
ту, употребит
ные тетушки
потребуется,
Мой совет —
рвезных осно-
рчивают успех
конечно твер-
шей осаде, не
даже если бы
и, и это мое
илиться беско-
пное регретим

идитон? — вос-
пола?

ом деле сказал,
оба без конца

И при усло-
вочается ниче-
дение террито-
ся флаг с деви-

доктора Миддл-
дид с «да» на

«нет» и в конце концов был вынужден признать, что именно мужчины подвержены той самой податливости и переменчивости, в которой принято обвинять женщин.

Уиллоби мимикой и жестами изображал исмой хор, выражавший сочувствие дамам. Разговор на столь животрепещущую тему привел их в такое возбуждение, что они довольствовались даже этой минимальной поддержкой и, в свою очередь, готовы были поддержать сэра Уиллоби.

Под звуки затухающей перестрелки, когда ружейные выстрелы перемежались с редкими пушечными залпами, он отвел мистера Дейла в сторону.

Мистер Дейл выказывал признаки раздражения, свидетельствующие о том, что он больше не в состоянии выносить бремя неизвестности.

— Я хочу задать вам вопрос, сэр Уиллоби, — сказал он. — Будьте добры, проведите меня куда-нибудь, где я мог бы с вами поговорить. У меня слабая голова.

— Мистер Дейл, считайте, что я ответил на ваш вопрос, когда сказал, что мой дом — ваш дом и что скоро Летиция присоединится к нам.

— Следовательно, этот слух достоверен!

— Я не знаю, о каких слухах вы говорите. Но я ответил на ваш вопрос.

— И в поведении моей дочери нет и тени вероломства, бесчестности?

— Не больше, чем в моем собственном.

Мистер Дейл внимательно посмотрел на ясное чело сэра Уиллоби и не обнаружил на нем ни малейшего облачка.

— Потому что иначе, вы понимаете, я сойду в могилу полным банкротом. До сих пор я ни на минуту не ощущал себя бедняком, хоть вам хорошо известно, каковы доходы человека, живущего на пенсию. Следовательно, все эти разговоры об отказе...

— Совершенный вздор.

— Она приняла ваше предложение?

— Мистер Дейл, бывают обстоятельства, когда деликатность не позволяет прибегать к категорическим утверждениям.

— Ах, сэр Уиллоби, но долг отца — ограждать свою дочь от слишком деликатных обстоятельств. Надеюсь, ей ничто не грозит? Я ничего не понимаю. Возможно, в этом повинна моя бедная голова. Я не пойму Летицию. Вы не...? Позвольте мне задать вам этот вопрос сейчас! Вы совершен-

но..? Ах, успокойте мою тревогу! Будьте спсиходительны к моему недугу!

Сэр Уилоби энергичным движением головы и крепким рукопожатием заверил мистера Дейла, что он «пе» и что он «совершенно».

— А доктор Мидлтон? — спросил мистер Дейл.

— Покидает нас завтра.

— Ах!

Больной преобразился, словно ему влили глоток живительного вина. И тут же, нарушив все расчеты хозяина дома, он обратился к достопочтенному доктору и спросил его:

— Итак, сэр, мы скоро вас теряем?

Уилоби пытался что-то возразить, но доктор Мидлтон потопил его голос, подобно тому как мощные звуки органа заглушают нежную флейту.

— Не прежде, чем я одержу победу, мистер Дейл, и возведу своего друга на трон, принадлежащий ему по праву.

— Так вы не уезжаете завтра, сэр?

— Отчего вы решили, будто я уезжаю завтра?

Мистер Дейл повернулся к сэру Уилоби.

— Клара хотела уже сегодня уехать, — пояснил тот. — Но мне показалось, что завтра было бы лучше.

— А-а! — вырвалось из могучей груди доктора Мидлтона.

Лик его, впрочем, ничуть не омрачился. Напротив, он весь просиял.

— Прекрасно! Пусть завтра — но только если нам удастся окончательно покорить нашу даму.

Он подошел к Уилоби, схватил его за руку, сжал ее в своей и принялся горячо благодарить его и рассыпаться в комплиментах. Как ни удивительно, он говорил вполголоса.

— Мой друг, мы перед вами в неоплатном долгу, — проникновенно и кротко произнес он и тут же прибавил во всеуслышание: — Впрочем, я хотел бы участвовать во взятии этой крепости.

Выражение его лица и интонация ясно показывали, что камень свалился с его души.

Готовность, с какой доктор Мидлтон принял сообщение о разрыве помолвки, несколько смутила Уилоби, но сейчас ему было не до рассуждений. Кризис миновал. Поставлена долгожданная точка.

Первой поднялась леди Буш.

— Я не могу больше морить лошадей, — сказала она, по-

мапив к себе сэра Уиллоби, который мгновенно подбежал к ней.— Я в восторге! — сказала она.— Вы — совершенство! Нет, нет, вы не заставите меня молчать! Я беру назад свои слова, я от всего отказываюсь. Теперь я вижу: здесь и в самом деле фатум, и так я отныне и буду смотреть на это дело. Да, ваше сердце устояло перед красотой, по ум его сразил. Так мы и будем говорить всем. И как же приятно сознавать, что наше графство одержало победу над столицей!.. Нет, нет, спасибо — ни полчашки! Я не могу задерживаться больше ни минуты и... ах, вот и опи! Нет, я должна на нее взглянуть! Дорогая моя Летиция Дейл!

Уиллоби поспешил к мистеру Дейлу.

— Вы ни в коем случае не должны волноваться, сэр. Прошу вас, успокойтесь. Завтра вы полностью придете в себя и к вам вернутся ваши силы. Вы — дома, вы у себя в собственном доме. Сейчас вы находитесь в гостиной вашей дочери. К утру все прояснится до конца. А до завтрашнего дня давайте условимся говорить загадками. Прошу вас, сэр, не вставайте! Вы остаетесь у нас.

Шагнув навстречу Летиции, он вызволил ее из объятий леди Буш и тоном, едва внятным от умиления, каким влюбленные произносят: «Моя любовь, моя радость!» — пролепетал, что она хорошо поступила, прибыв сюда, не мешкая.

Сэру Уиллоби удалось привести мистера Дейла в должное состояние нервозности, и его бледное лицо покрылось испариной. Дочерняя тревога изящно покоилась на опущенных ресницах Летиции, склонившейся над креслом, в котором сидел ее отец.

В эту минуту появился доктор Корпи. Услышав его имя, больной приободрился.

— Вот и Корпи приехал за мною, — сказал он. — Мне очень стыдно, моя дорогая, что я поддался слабости на людях. Поедем же! Моя бедная голова совсем уже не варит.

Доктора Корпи, однако, перехватили. Он вырвался наконец от сэра Уиллоби, часто кивая головой в знак того, что постиг смысл его слов, — и не только тех, что были высказаны вслух. Легким прикосновением нащупав пульс больного, он издал короткий вздох.

— Полный покой, — произнес он с профессиональной невозмутимостью. — Никаких переездов. Нет, что вы! Ничего серьезного, — поспешил он развеять тревогу Летиции. — Но покой, покой и покой. Сон в покоей обстановке освежит его. Я привезу ему микстуру выче вечером. Да, да. я

доставлю из коттеджа все, что нужно, и ему и вам. Положитесь на Корни.

— Вы уверены, доктор Корни? — спросила Летиция, тревожась одновременно и за отца и за себя.

— В какой стороне лучше всего уложить мистера Дейла на почь? — осведомились гостеприимные тетушки Изабел и Эленор.

— Окна, разумеется, должны выходить к юго-востоку. Утреннее солнце ему полезнее всего. Теплый, бодрящий воздух, яркий свет — и больной пробуждается с песней на устах.

Все еще сомневаясь, не заманили ли ее в западню, Летиция шепнула отцу, насколько покойнее и уединеннее было бы ему у себя дома.

Он отвечал, что и сам был бы рад поехать домой.

Но доктор Корни наложил категорическое вето на их просьбу.

Летиция снова было вздохнула о доме, по то был уже вздох покорности судьбе.

— Вы и так дома, дорогая, — ответили за сэра Уиллоби его тетушки. — Это и есть ваш дом. И за вашим отцом уход здесь будет не хуже, чем в коттедже.

Она подняла на них глаза, и печальный взгляд ее случайно упал на доктора Мидлтона.

Общество усмотрело в этом взгляде красноречивое подтверждение тому, что Уиллоби так старался всем внушить.

— Ах, по Кросджей! — воскликнула она. — Моя кузина уехала, и мальчик там один. Я не могу оставить его одного. Если вы... если вы и в самом деле считаете, доктор Корни, что папе нельзя сегодня ехать, то Кросджей должен... его нельзя оставлять одного.

— Привезите его сюда, Корни, — сказал Уиллоби, и доктор энергично заверил, что исполнит это приказание, если только застанет мальчика в коттедже, в чем он сильно сомневался.

— Он дал мне слово, что до моего возвращения никуда не уйдет, — сказала Летиция.

— Если Кросджей дал слово, — послышался новый голос, — вы можете быть уверены, что он не поедет с доктором Корни, разве что вы подтвердите приказ собственной подписью.

Мягко ступая, Клара Мидлтон неслышно подошла к Летиции и чуть не расцеловала ее за то, что та сделала для Кросджея. Затем надула губки, что означало: «Настанвайите».

— Я хочу, чтобы он непременно прискал,— сказала Летиция.

— Тогда пошлите ему отмену приказа.

Под болтовню окружающих о Кросджее, о том, что если б его поставить часовым, он никогда бы не покинул свой пост, Летиция в смятении нацарапала ему несколько слов. Клара стояла рядом. Она корила себя за излишнюю экспансивность в присутствии леди Буш и леди Калмер и теперь обратилась к Летиции с несколько преувеличенной сдержанностью. Подобно взгляду, брошенному Летицией на доктора Мидлтона, Кларина манера пришлась весьма кстати: она была словно рассчитана на то, чтобы заставить сэра Уиллоби, который напряженно, не упуская ни малейшего шанса, следил за всем, что происходит в гостиной, окончательно уверовать в фатум. Одно из двух, рассуждал он, либо более чем дружеская манера, с какой Клара приветствовала Летицию, была лицемерной, либо — сменивший это приветствие холодок следовало рассматривать, как демонстрацию. Так или иначе, в ее непоследовательности было нечто обнадеживающее. Еще больше порадовало его то, как ею было принято сообщение ее отца об их предстоящем отъезде.

— Итак, моя дорогая,— сказал доктор Мидлтон,— мы едем завтра. Надеюсь, ты уже известила Дарлтонов.

Клара зарумянилась и просияла, но тут же с глубокой серьезностью, которую можно было бы принять и за сожаление, взглянула в сторону Уиллоби.

Случай идет навстречу тому, кто умеет им управлять.

Уиллоби испытывал прилив гордости, хоть и знал, что поддерживает в себе эту гордость искусственно, как ловкий жоуглер, и что ожидающая его награда мизерна. Свет крепко держал его в своих оковах.

— Вы написали письмо? Через полчаса уходит почта,— обратился он к ней.

— Нас там ожидают,— сказала она,— но я, пожалуй, напишу еще.

То обстоятельство, что она еще не написала Дарлтонам, он расценивал самым лестным для себя образом.

Она отправилась писать письмо. Доктор Корпи поехал за Кросджем и лекарствами для своего папионта. Леди Буш тоже не терпелось уехать.

— Корпи — заядлый сплетник,— сказала она, обращаясь к леди Калмер.

— Неисправимый,— подтвердила та.

— Бедные мои лошадки!

— Вы приехали на своих гнедых?

— К счастью, да. И не вздумайте, моя дорогая, заикаться об обеде. Время не терпит!

Сэр Уиллоби повел мистера Дейла в уединенную комнату, смежную с той, где решено было уложить его на ночь. Оставив больного на попечении Летиции, он проводил дам до кареты.

— Как можно меньше волнений. Корни скоро вернется, — сказал он, с горечью любясь грациозным смиренным, с каким Летиция изогнула свой стан, поддерживая отца.

Он вышел победителем из жестокого сражения. Это так. Но что он выиграл? Чем наградил его свет за все усилия, которых ему стоила эта победа? Простой сорочкой, скудным покровом, не дающим тепла! Леди Буш несносна. Она трещит без умолку, она дурно воспитана, она позволила себе заявить, что отъезд доктора Мидлтона — не большая потеря для округа. Да и миссис Мауптстюарт, с ее пристрастием к красному словцу, показала себя немногим лучше: «Так и видишь, как вслед за доктором Мидлтоном ковыляет его кафедра». Пусть миссис Мауптстюарт права и доктор Мидлтон наказывал общество за то, что расстался с кафедрой проповедника, но, как бы ни было удачно ее сравнение, комические метафоры были сейчас ненавистны Уиллоби; он ненавидел и тех, кто их придумывает, и тех, кто, слушая их, готов скалить зубы. Презрение к этому хохочущему пустому свету, в угоду которому он принес свою жертву, заставляло его связывать имя доктора Мидлтона — да и Кларино тоже — со всем, что было ему дорого: он пожертвовал молодой, веселой подругой, исполненной прелести и пышущей здоровьем, пожертвовал верностью самому себе, чувством собственного достоинства, самолюбием, пренебрежительно-надменной позой — такой естественной, что она не казалась позой, — все это теперь возникало перед ним в дымке прошлого, как идиллическое видение счастья. И — как знать! — быть может, он пожертвовал еще и кое-чем другим? Беспристрастным взглядом исследователя он попытался заглянуть в будущее: да, возможно, что он жертвует и кое-чем другим. «И ради чего?» — вновь спросил он себя. Ради благосклонных взоров и доброго мнения этих женщин, чьи благосклонные взоры и чье доброе мнение он ни во что не ставит!

— Доктор Мидлтон держит себя так, будто он мне чем-то обязан. Между тем это я — его должник, — сказал он,

— Нет, сэр Уиллоби, это мы вам обязаны прелестнейшим романом,— сказала леди Буш, не почувствовав укора в его словах — настолько она уверовала в его трактовку событий или, во всяком случае, в то, что он снабдил ее занимательной историей для распространения по всей округе. И, продолжая без умолку трещать, отъехала в карете, которая вместе с ней увозила и леди Калмер.

— Нашей леди Буш недостает лишь форейторской шляпы да почтового рожка,— сказала миссис Маунтстюарт.

Уиллоби поблагодарил свою величественную приятельницу за дружескую поддержку, а она, в свою очередь, поздравила этого безукоризненного джентльмена с его непревзойденным самообладанием. Вместе с тем она посетовала на то, что ее лишили общества ее «прелестника»: она не видела полковника де Крея с самого завтрака.

Двусмысленный комплимент миссис Маунтстюарт заставил Уиллоби съезжиться и подумать, что жалкая сорочка, которую ему протянул свет, не дает ему никакой защиты от холода: малейшее дуновение ветра ее колеблет.

— Впрочем, он, кажется, обещал ко мне навеститься завтра,— прибавила она и с удовольствием подумала о том, насколько она лучше осведомлена, чем леди Буш, которой предстояло вскоре узнать еще одну новость. «Так вот отчего вы покровительствовали полковнику!» — воскликнет та. На самом же деле вовсе не оттого, ибо миссис Маунтстюарт, не кривя душой, могла сказать о себе, что не в ее обычае мешать приятное с полезным. А полковник де Крей был ей приятен сам по себе.

— Горацию повезло,— сказал Уиллоби, усвоивший одно из положений Книги, которое предлагает утешаться тем, что вашему другу пришлось солонее, чем вам, а также рекомендует изрядную дозу иронии в качестве наиболее действенного бальзама во всей нравственной фармакопее.

— Вы в этом уверены? — задумчиво протянула она.

— Ну, как же, ведь полковник весь завтрашний день проведет в вашем обществе!

— Да, но я не знаю, каков он окажется в моем обществе!

— Неужели вы боитесь с ним соскучиться?

Миссис Маунтстюарт ничего не ответила и лишь несколько раз покачала головой.

— Так я заеду за ним утром,— сказала она под аккомпанемент увозивших ее колес,

Должно быть, она либо сама догадалась о вероломной страсти Горація де Крея, либо Клара доверила ей и эту тайну. Как бы то ни было, ворота Паттерн-холла закрылись за гостями, и можно было до утра отдохнуть от света и светской молвы.

ГЛАВА СОРОК СЕДЬМАЯ

Сэр Уилби и друг его Горацій

Уилби заперся в лаборатории зализывать раны. Следуя своему обыкновению, он предался самоанализу, дабы нащупать плап действий, который более всего отвечал бы его вкусам. Погрузившись в глубины своей души, Уилби сделал странное открытие в этом микрокосме: ни сердечная склонность, ни личные пристрастия не играют, оказывается, решающей роли в его конечном выборе, ибо до того, как этот выбор сделать, он вынужден испытать его на оселке рассудка. В самом деле, он прекрасно знал, к чему стремится, и, однако, не мог приблизиться к желанной цели ни на шаг. Он научился повимать, чего от него хочет свет, зато полностью разучился читать в сердцах отдельных людей. Тайны собственной души были ему открыты, но лишь постольку, поскольку они соотносились с внешним миром. Он был весь во власти ненавистного ему света, который превратил его в машину. Итак, открытие его сводилось к тому, что, потакая своим эгоистическим инстинктам, человек с каждым шагом наносит смертельные удары самому себе.

Поистине удивительное открытие! Уилби был ошеломлен. В шахматах мы можем согласиться на «ничью», свалив вину на коварство противника, сделавшего пат. Когда же мы терпим поражение в жизненной игре, нам остается лишь пенять на себя.

Объяснение, которое Уилби дал своему открытию, было продиктовано жалостью — жалостью к самому себе, этим единственным сильным чувством, на какое он был еще способен. Всему виною была его собственная деятельная натура, мешавшая ему оставаться равнодушным к интересам рода и дома Паттернов, — вот из-за чего он пострадал, вот отчего оказался дважды жертвой женского коварства! Ведь если бы

он думал только о себе, он мог бы стать счастливейшим из смертных! Эти слова он даже произнес вслух. Да, он только и помышлял что о благе своего нерожденного потомства, да и всех, кто его окружал. И вот награда — любой его шаг будет неверно истолкован; что бы он ни сделал, его ожидало унижение. Он слишком великодушен — иначе давно, не раздумывая, отшвырнул бы от себя Клару Мидлтон, отпустил бы ее на все четыре стороны. Он постоянен в своих привязанностях: разве присутствие Летиции Дейл под его крышею не говорит об этом? Обе эти женщины могут служить свидетельством его незлобивой натуры, а между тем, если бы он себе сейчас позволил обратить к Кларе слова любви, он опозорил бы себя на всю жизнь — вот она, женская благодарность! И если женится на Летиции, вокруг него поднимется дьявольское улюлюканье и хохот — вот она, благодарность света! Да и Вернон — человеку даровали редкий случай, суливший нарушить унылое однообразие его дней, — надолго ли хватит его признательности за это? А Гораций? Отбросив личину дружбы, Уиллоби мысленно засучил рукава, как кулачный боец, готовящийся схватиться с противником. Ведь это он, де Крей, первый посягнул на единство его личности, расщепив ее на две части, одна из коих представляла его эгоистические интересы, а другая — любовные. В этом — в посягательстве на его душевную цельность — и состояло главное преступление Горация де Крея. Более того, Уиллоби подозревал, хоть он и затруднялся бы сказать, на чем это подозрение основано (разве что на том афоризме Книги, который велит нам во всех случаях подозревать тех, кого мы ненавидим), — итак, Уиллоби подозревал, что это Гораций разоблачил его маневры с Летицией.

Уиллоби решил обойти весь дом, чтобы разыскать Клару и окончательно ее закрепить — либо за собой, либо, на худой конец, за Верноном. И только в последнем случае предпринять дальнейшие шаги по завоеванию Летиции Дейл. Клара могла бы возвратить ему самого себя, превратить его вновь в цельную личность, вдохнуть в него жизнь. Как знать, быть может, она сама этого теперь желает? Ее готовность выслушать Вернона сулила надежду. «Джентльмен с хорошо подвешенным языком имел бы шанс на успех», — сказала миссис Маунтстюарт. Насколько же больше шансов у джентльмена, который при этом и в самом деле влюблен! Ведь он еще ни разу не просил ее как следует, он только выказывал ей свою гордость и досаду. А он умеет ухаживать, умеет быть

настойчивым и энергичным в любви. Как славно было бы падать леди Буш и весь свет и — с Кларой под крылышком — изобразить изумление по поводу совершенно необоснованных, фантастических и непонятно откуда взявшихся предложений на его счет! Заодно и Летиция получила бы по заслугам.

Он встретил Клару у подножия лестницы. Она спускалась по ступеням, держа в руках письмо к мисс Дарлтон.

— Так ли уж непременно его отсылать? — спросил Уиллоби.

— Это верно, что они ожидают нас со дня на день, но отцу, я думаю, будет спокойнее, — ответила Клара. Как мило глядела она на него в своей новоявленной застенчивости!

Странно, но она, казалось, не чувствовала себя оскорбленной тем, что он так небрежно бросил ее на руки своему кузену.

— Вы видели Вернона?

— Таково было ваше желание.

— И говорили с ним?

— Да, мы беседовали.

— Долго?

— Мы прощлись довольно далеко.

— Клара, я хотел устроить все, как лучше.

— Ваши намерения делают честь вашему великодушию.

— И однако, он моим великодушием не воспользовался?

— Нельзя же было принять это всерьез!

— Я не шутил.

— В этом я и усматриваю ваше великодушие.

Уиллоби показались весьма странными и Кларица похвала, и ее готовность без всякого смущения говорить с ним на эту тему, да и самый ее голос — звонкий, жизнерадостный, без тени обиды. Еще более странным казалось ему, что она, очевидно, приняла его предложение за чистую монету. Должно быть, женская щепетильность ей просто незнакома — как же было не оскорбиться таким необычным и нелепым оборотом дела!

— Однако, Клара, должен ли я из этого попятить, что он так и не высказался?

— Мы с ним отличные друзья.

— Не отважиться, даже если есть самый ничтожный шанс на успех! Не понимаю.

— Вы забываете, что ему, быть может, все это представляется в несколько ином свете.

— И он ни словом не заикнулся о себе?

— Нет.

— Бедняга! Вы, верно, дали ему понять, что это безнадежно... Вот он и сжался от холода. Позвольте мне за него вступиться! Зайдемте на минуту в лабораторию. Мы с вами два разумных существа...

— Простите, по меня ждет отец.

— Быть может, та история Вернона...

— Я считаю, что она делает ему честь.

— Честь?! Хм!

— По сравнению с...

— По сравнению с кем?

— С другими.

Он выпрямился, набрал воздуха в легкие и долгим выдохом выразил свое глубокое неодобрение. Эта молодая особа спала о жизни больше, чем положено знать девицам. Как она, однако, хороша!

— Обещайте мне, Клара... Я этого требую... Вы должны... Я знаю, как он застенчив... Обещайте же предоставить ему еще один, последний шанс! Или даже мысль об этом внушает вам отвращение?

— Ах, что вы!

— Так отвращения нет?

— В мистере Уитфорде ничто не может внушать отвращения.

— Я не имею намерения вам досаждать, Клара.

— Я чувствую себя обязанной вас выслушать, Уиллоби. Я перед вами в неоплатном долгу и готова для вас сделать все, что в моих силах.

— Вы могли бы, Клара, могли бы себе представить — хотя бы в мыслях, — что отдаете ему свою руку?

— Как другу? О да!

— Как мужу.

Она ответила не сразу. Пока она считала Уиллоби своим врагом, она видела его насквозь, теперь же, когда ему удалось смягчить ее сердце, он мог водить ее за нос, как хотел. Ибо сердце не всегда лучший советчик разуму. Пусть оно подчас и проникательнее ума, но, в отличие от него, служит только себе и не печется о выгодах своего хозяина.

— Вы так добры... — пролетела она, — я бы хотела сделать все, что...

— Вы согласны стать... выйти за него замуж? Он ведь беден,

- Я не стремлюсь к богатству.
- Вы могли бы выйти за него?
- Я не думаю о браке.
- Но вы могли бы за него выйти?

Уилоби затаил дыхание, ожидая единственно возможного ответа.

— Ни за кого другого я не выйду, это я могу вам обещать, — произнесла Клара.

Уилоби выдохнул воздух без слов. Он был поражен.

Он несколько раз взмахнул согнутыми в локтях руками, уподобившись тем грузным птицам, которые стремятся взлететь, но только перескакивают с места на место.

— Вы можете дать такое обещание? — спросил он. Уилоби был уже согласен на все. Пусть его раздавят, как комара, лишь бы Горация де Крея постигла та же участь: да, теперь у них шансы сравнялись.

— Ах, по такой необходимости нет! А дать слово — нет, ни за что! — воскликнула Клара, внутренне содрогаясь от воспоминаний.

- Но все же — могли бы?
- Я хотела бы исполнить вашу волю,
- И могли бы?
- Я уже вам ответила.

В анналах патриотизма существует рассказ о самоотверженном подвиге альпиниста, добровольно принявшего смерть ради того, чтобы уничтожить человека, который угрожал престижу его отечества. Сей патриот, чувствуя, что теряет последние силы, бросился с горного пика, покрытого вековыми снегами, и увлек в своем падении молодого и крепкого соперника-чужеземца. Примерно такого же рода чувство, должно быть, испытывал Уилоби, когда его упованиям был нанесен смертельный удар: ведь вместе с ним с этой вершины сорвался и Гораций де Крей! Да, они погибли оба, но упиться этим стремительным падением было дано одному ему, сэру Уилоби Паттерну. Верно, которого Клара соглашалась взять в мужья, был бы ею терпим, не более, и получил бы в жены девушку, побывавшую невестой другого. Словом, Уилоби мог упиваться своим падением!

Да и упадет он на мягкое ложе, нежная жепская рука будет ежедневно перевязывать раны, нанесенные его гордости.

Итак, отныне он принадлежит Летиции. Звонек, возвестивший о возвращении доктора Корни, прозвучал весьма кстати.

— Ну вот, Клара,— сказал Уиллоби добродушно,— вы сейчас увидите вашего героя Кросджея.

Кросджей и доктор Корни ввалились в прихожую. К великой Клариной радости, Уиллоби, как в прежние, идилические времена, схватил Кросджея под мышки, чтобы подкинуть его в воздух. Но мальчик казался тяжелее свинца.

— Немалых трудов стоило заманить этого молодчика в сети,— сказал доктор Корни.— В конце концов я его убедил, будто все обитатели усадьбы, и вы, мисс Мидлтон, в том числе, заболели и нуждаетесь в его уходе.

Уиллоби отвел мальчика в сторону и вскорости его отпустил.

Кросджей подошел к Кларе, но и взгляд его тоже казался налитым свинцом. Клара опустила письмо в почтовый ящик, стоявший в коридоре, и повела мальчика за руку, чтобы приласкать наедине.

— Кросджей, дружок! — сказала она.— Что с тобой? У тебя такой печальный вид!

— Еще бы! Ведь вы не будете женой сэра Уиллоби! — Голос у мальчика дрожал, он был на грани слез.— Я знаю, что не будете, доктор Корни сказал мне, что вы уезжаете.

— А тебе хотелось, чтобы я была его женой, Кросджей?

— Ну да, тогда я был бы с вами, а теперь я вас никогда больше не увижу... Знал бы я, что так получится, я бы ни за что... А он подарил мне вот что.

Кросджей разжал кулак: на его ладони лежали три золотые монеты.

— Очень мило с его стороны! — сказала Клара.

— Да, но как мне с ними быть?

— Дай их мистеру Уитфорду на сохранение.

— Да, мисс Мидлтон, но не должен ли я рассказать сэру Уиллоби все?

— Что — все?

— Ну, что я,— и Кросджей придвинулся к пей вплотную,— что я... Помните, что вы мне велели? Конечно, это не ложь, но разве я не должен, даже если он не спросит... И эти деньги! Лучше пусть он снова меня выгонит...

— Посоветуйся с мистером Уитфордом,— сказала Клара.

— А я знаю, что вы думаете, все равно знаю!

— Может, лучше пока ничего не говорить, мой милый мальчик?

— Да, но что мне делать с его деньгами?

Кросджей держал эти три монетки на раскрытой ладони, словно еще не признавал их своими.

— Я подслушал чужой разговор и наябедничал. Подслушал-то я нечаянно, но ведь потом наябедничал. И мне нельзя после этого быть здесь... А тут еще эти деньги!.. А он и не знает, что я сделал. Разве вам не рассказали? Я знаю, что вы думаете, да я и сам так думаю, — да, да, я заслужил то, что заслужил... Я вечно попадаю в истории... Только и делаю, что запутываюсь и выпутываюсь из них! Но мне все равно, мисс Мидлтон, правда, и я могу спать где угодно — хоть на дереве! И если вас здесь не будет, мне все равно, где быть. Я должен зарабатывать себе на жизнь, вот и все. Почему бы не юнгой? Вот и сэр Клаудсли Шовэл так начинал. И я согласен утонуть, как он, лишь бы утонуть адмиралом. Так что я пойду и верну эти деньги, а если он спросит, расскажу ему правду. Вам все известно, я это понял из слов доктора Корни. Как будто я не понимаю, что вы считаете долгом мужчины! Как могу я взять эти деньги, раз вы не будете его женой? Я и за плугом согласен ходить. Из меня мог бы получиться и лесничий. Конечно, я больше всего люблю флот, но нельзя же все...

— Поговори сперва с мистером Уитфордом, — сказала Клара. Она была горда, что сумела внушить мальчику столь высокое понятие о чести, и не могла советовать ему идти против совести, хотя в глубине души, теперь, когда собственная ее борьба так успешно закончилась, с радостью ухватилась бы за любой компромисс — лишь бы все были довольны.

Позднее этот же вопрос обсуждался Верноном и доктором Корни. Последний был решительно против сентиментальной трактовки нравственных проблем, которой, по словам Вернона — и не без его одобрения, — придерживалась мисс Мидлтон.

— Раз это так гнетет мальчика, — говорил Верпон, — я не считаю себя вправе запретить ему пойти к Уиллоби и все рассказать — тем более что я и сам в этом замешан и рано или поздно должен буду ему открыться.

Доктор Корни возражал по всем пунктам.

— Послушайте меня, — сказал он в заключение. — Пусть это останется между нами и не считается нарушением врачебной тайны, на что я не пошел бы и ради сорока друзей, хоть ради одного-единственного друга и готов дать руку на отсечение — разумеется, левую. Итак, сэр Уиллоби допрашивает меня с пристрастием о кое-каких обстоятельствах, представляющих интерес как для него самого, так и для продол-

жения его рода и имени. Я ему даю исчерпывающий ответ. Кабы мисс Дейл была лет на десять моложе, говорю я, или эти десять лет протекли у нее спокойнее, без сердечных тревожений, от которых у человека изнашиваются и тело и душа, тогда... Словом, я ему даю понять все, что пужно. Впрочем, здоровье у нее, если время от времени ее подлечивать и при условии, что она со всей серьезностью отнесется к своему высокому положению и навсегда распрощается с пером, обещает быть спосным. Итак, за нее можно быть спокойным. Кстати, я считаю, что проявил наивысшую мудрость, привезя сюда мистера Дейла. Теперь, после того как моими стараниями эта история сделалась достоянием всего графства, нашему джентльмену некуда податься: он — как угорь, подхваченный на вилку. И помяните мое слово, приятель, мы педь с вами понимаем друг друга с намека — помяните мое слово: из юного эсквайра Кросджея, из этого добротного, крепкого и энергичного англосакса, выйдет малый, который с честью будет носить свои эполеты. Мне он правится, вам тоже, мисс Мидлтон и мисс Дейл — тоже. Что касается сэра Уиллоби Паттерпа, господина Паттерн-холла и прочая и прочая, то он, уверяю вас, будет готов взглянуть на Кросджея весьма и весьма благосклонным взором, ибо он как-никак Паттерн и, возможно, единственный наследник великого рода.

Доктор Корни выпятил грудь и подвиг указательный палец.

— Помяните же мое слово, *verbum sat*:¹ Кросджею ли в коем случае не следует навлекать на себя неудовольствие сэра Уиллоби. Больше я ничего не прибавлю. Смотрите вперед! Конечно, бывают чудеса, по благоразумнее на них не рассчитывать. Ну, а теперь — о мисс Дейл. Она не будет упорствовать в своей жестокости.

— Похоже, что она намерена упорствовать, — возразил Вернон, пытаясь охватить туманную картину, которую перед ним развернул доктор Корни.

— Ничего не выйдет, мой друг! Положение ее весьма шатко. У отца, кроме пожизненной пенсии, почти ничего нет. Сочинительство разрушает ее здоровье. Ничего не выйдет! К тому же баронет ей мил. Это небольшой припадок гордости, и ничего больше. Мисс Дейл создана для него. Она может управлять им, она впушит ему мысль, будто у него множество мыслей. Она знает, что ее упорство убьет отца. Когда

¹ Мудрому все понятно с полуслова (*лат.*).

я ему рассказал, как обстоят дела, он заговорил о том, что мечта его наконец осуществилась, и если ей теперь суждено испариться, бедняга докажет на собственном примере, что мечты питают нас в гораздо большей степени, нежели любая земная пища или лекарства. На прошлой неделе ни мое искусство, ни все мои познания не заставили бы его покинуть дом. О, она уступит! Предсказание ее отца сбудется, вот увидите! К тому же она ведь и в самом деле любит баронета.

— Любила.

— Да что вы? Неужто поняла, что он собой представляет?

— Настолько, что даже отказывается видеть в нем какие бы то ни было достоинства,— ответил Вернон.— А ведь он по-своему великодушен.

— Как так? — спросил Корни, но должен был довольствоваться ответом, что со временем все узнает.

Полковник де Крей, побродив по парку и в окрестностях коттеджа в тщетной надежде застигнуть мисс Мидлтон педине, вернулся обескураженный в Большой дом и в этом несвойственном ему состоянии уныния попался в лапы Уилоби.

— Друг мой Гораций,— приветствовал его тот,— а я вас всюду разыскиваю! Дело в том, что... Боюсь, вы решите, будто я заманил вас сюда под вымышленным предлогом. Но я вовсе не так виновен, как это может показаться на первый взгляд. Короче говоря, мы с мисс Дейл... впрочем, я не имею обыкновения советоваться с другими относительно своих поступков. Ну, одним словом, мисс Мидлтон... Впрочем, я уверен, что вы отчасти и сами догадываетесь.

— Отчасти,— сказал де Крей.

— Ну что ж, у нее, видно, лежит сердце к другому, и, если ее склонность окажется достаточно сильной, это, вероятно, и будет наилучшим исходом.

Черты лица полковника, обычно такие подвижные, застыли в маске недоумения.

— Можно ручаться, что хороший друг будет хорошим мужем,— сказал Уилоби.— Если бы я не был в этом убежден, я бы ни за что не порвал с нею, раз уж дело зашло так далеко. О ней я могу отозваться только с самой лучшей стороны. Просто мы заметили оба — и, к счастью, вовремя,— что не подходим друг к другу. Ум — вот главное качество, какое я ищу в жене.

— Да, да, вы правы! — воскликнул полковник, стараясь

не выдавать своего удивления и притушить голодный, волчий блеск, вспыхнувший в его глазах.

— Но я никому не позволю сказать о ней дурного слова, Вы знаете, как я отношусь ко всякого рода сплетням и пересудам. Пусть вина падет на меня одного. У меня крепкие плечи, они все вынесут. Я употребил все свое влияние, и, как мне кажется, не исключено, что она даст согласие. Она утверждает, что хочет поступить так, как я пожелаю. А желаю я для нее именно этого союза.

— Разумеется. Кто же счастливее?

— Я вам сказал: мой лучший друг. Ни о ком другом я бы не подумал. Предоставим, однако, события их естественному течению.

Буря, поднявшаяся в душе полковника, затуманила ему разум; лицо Уилоби, казалось, дышало доброжелательством и дружбой — отчего бы в самом деле не поверить, что этот искусный комбинатор замолвил мисс Мидлтон словечко о своем лучшем друге?

Кто же этот лучший друг?

Полковник ни на минуту не ощущал себя предателем и поэтому, при всей своей сообразительности, был совершенно сбит с толку.

— А вы не подскажите его имя, Уилоби?

— Нет, друг Гораций, это было бы несправедливо по отношению к нему, да и к ней тоже. Подумайте сами! Покамест положение еще довольно щекотливое. Не торопитесь!

— Разумеется. Я и не прошу назвать имя полностью. Только инициалы.

— Вы славитесь своей догадливостью, Гораций, а в данном случае загадка не так уж и трудна, если для вас вообще существуют трудные загадки. Я почти в одинаковой мере питаю дружеские чувства к нему и к ней. Вы это знаете, и я был бы очень рад, если бы эта партия состоялась.

— Это по-княжески! — воскликнул де Крей.

— Не пахожу. Просто разумно.

— Что и говорить! Но я имею в виду самый стиль нашего поведения. Вам не кажется, что он восходит к рыцарским традициям?

— Не пахожу. Напротив, это новшество — и тем лучше. Пора научиться строить отношения между мужчинами и женщинами на разумных, практических началах. Обычно мы подходим к делу с неверных позиций. А я так терпеть не могу всякий сентиментальный вздор.

Де Крей начал напевать какую-то песенку.

— Ну, а она? — спросил он.

— Говорю же вам: есть надежда на ее согласие.

Рыбка клюнула. Compliment, сделанный догадливости полковника, оказался хорошей наживкой.

— Без каких бы то ни было маневров со стороны заинтересованного джентльмена? — спросил полковник.

— Сначала нам нужно как следует его прощупать, друг мой Гораций. Он славится своей неловкостью с женщинами, неумением с ними говорить, и не имеет на своем счету ни единой победы над прекрасным полом.

Уилоби, видно, вздумалось пошутить, и де Крей, входя в игру, приосанился и понимающе усмехнулся.

— И тем не менее вы утверждаете, что названная особа не откажется выслушать беднягу?

— У меня есть основания так утверждать, — сказал Уилоби, который рад был доказать этой готовностью спокойно обсуждать сердечные дела мисс Мидлтон свое полное к ней равнодушие.

— Основания, говорите вы?

— Да, и весьма веские.

— Черт возьми!

— Самые веские, какие только в состоянии дать женщина.

— Право?

— Уверяю вас.

— Ах! Разве это на нее похоже?

— Разумсется, обещаний она не давала никому.

— Вот это уже больше на нее похоже.

— Однако она сказала, что ни за кого другого не выйдет.

Полковник чуть не подскочил.

— Клара Мидлтон так и сказала? — Впрочем, он тотчас взял себя в руки и прибавил: — Подумайте, какая покорность!

— Клара намерена считаться с моими желаниями — только на таких условиях мы и расстанемся. Ну, а я желаю ей счастья. За последнее время во мне произошла перемена: сердце пробудилось ото сна, и я стал думать о других.

— Прекрасно. Но вы как будто не сомневаетесь в другой стороне — в вашем друге?

— Вы слишком хорошо его знаете, Гораций, чтобы сомневаться в его готовности.

— А вы, Уиллоби, не сомневаетесь?

— Она и богата, и хороша собою. Да, могу сказать, что не сомпеваюсь.

— Трудно представить себе человека, которого пришлось бы тащить на аркане к такому завидному венцу.

— А если и придется его уговаривать, я думаю, мы с вами, Гораций, быстро приведем его в чувство.

— Уж мы ему накостыляем!

— Я люблю видеть вокруг себя счастливые лица,— сказал Уиллоби в заключение и напомнил полковнику, что пора переодеться к обеду.

В том, что де Крей, воодушевившись благородным и человеколюбивым заявлением своего приятеля, с чувством протянул ему руку, не было ничего удивительного. Но только уж очень горячо он тряс ее — и как-то странно дрожал его голос, когда он выражал свое восхищение!

— Когда же мы узнаем о дальнейшем? — спросил он.

— Должно быть, завтра,— сказал Уиллоби,— Не надо топтать события.

— Я младенец, младенец, которого убаюкали сказкой!

И с этими словами полковник удалился.

В глазах Уиллоби он и был таковым,— впрочем, не столько младенцем, которого убаюкали сказкой, сколько одураченным предателем.

«А я-то думал, что у этого малого голова на плечах!» — мысленно произнес он.

Но как тут не потерять голову, не закружиться волчком, когда человека подстегают его же собственным тщеславием? Зато какое утешение с высоты своего величия следить за этим вертящимся волчком! И какое блаженство — остаться в дураках вероломного друга! Это способно даже временно утешить нас в собственной, незаслуженно постигшей нас беде.

Несмотря на все свои заботы, Уиллоби с удовлетворением наблюдал, как держится с Кларой убаюкавший сказкой полковник. Ну, не смешно ли? Острой эпиграммой вписал он свое наблюдение на полях той главы Книжки, что трактует о друзьях и о женщинах. И если бы он не был так сильно озабочен и взволнован последним сообщением, которое ему сделали его достойные тетушки, он бы власть предался истинно княжеской забаве, которую доставлял ему его друг Гораций,

Влюбленные

Десятый час вечера был на исходе. Летиция сидела в комнате, смежной со спальней отца. Она облокотилась о стол, стиснув пальцами виски. Со стороны могло показаться, что мисс Дейл погружена в размышление. На самом деле она только твердила про себя: все позади, борьба окончена. Когда мысль, растратив все свои силы на укрощение воспаленных нервов, уже отказывается нам служить, природа, словно сжалившись, дарует нам передышку, во время которой мы уже ни о чем не думаем, ничего не чувствуем, а только созерцаем собственные думы и чувствования, единым расплавленным потоком мчащиеся куда-то мимо нас.

Раздался тихий стук в дверь, она откликнулась и, подняв глаза, увидела Клару.

— Мистер Дейл уснул?

— Как будто.

— Ах, мой милый друг!

Клара тихонько пожала Летиции руку, и та ее не отняла.

— Вы хорошо провели вечер?

— Мистер Уитфорд с отцом ушли в библиотеку.

— А полковник де Крей пел?

— Да, и так громогласно! Я думала, каково вам, паверху, но не решилась попросить его петь тише.

— Он, должно быть, в приподнятом настроении.

— По-видимому. Пел он хорошо.

— И вы не подозреваете о причине?

— Меня она не касается.

Клара слегка порозовела, однако выдержала пристальный взгляд своего друга.

— Кросджей лег?

— Давно. Он явился к десерту, но ни к чему не приотронулся.

— Странный мальчик!

— Совсем не странный, Летиция!

— Он даже не зашел пожелать мне покойной ночи.

— Ничего в этом странного не вижу.

— Но он всегда — и здесь, и у нас в коттедже — приходил ко мне проститься на ночь. Считается, что он меня любит.

— И еще как любит! Быть может, я и разбудила в нем какое-то мальчишеское чувство, но к вам он по-настоящему привязан.

— Почему же вы говорите, Клара, что не видите ничего странного в его поведении?

— Он немножко вас боится.

— Но отчего бы Кросджею меня бояться?

— Друг мой, сейчас я вам все объясню. Этой ночью... Но вы должны его простить, все случилось печально. Дверь в спальню Кросджея оказалась запертой, и он сбежал вниз в гостиную, свернулся калачиком на оттоманке и заснул под стеганым шелковым покрывалом мисс Изабел и Элепор — прямо как был в башмаках!

Мысленно благословляя Кларин такт, продиктовавший ей это комическое отступление, Летиция воскликнула:

— Скверный мальчишка — хоть бы башмаки снял!

— Он уснул, а потом проснулся. А наутро рассказал о том, что слышал. Милая, у него не было дурного умысла — напротив! Ну вот вы и рассердились! Но он раскинул своими мальчишескими мозгами и хотел сделать, как лучше. А теперь это разошлось по всему графству. Ну, не хмурьтесь! Пожалуйста!

— Вот отчего леди Буш держалась со мной так странно! — воскликнула Летиция.

— Милый, милый друг, — снова начала Клара. — Ну, почему... быть может, я и злоупотребляю вашим расположением, но позвольте мне напоследок... ведь я завтра уезжаю... Ну, почему, скажите, отказываетесь вы от своего счастья? И эти милые, добрые мисс Паттерн, они близки к отчаянию. Они говорят, что ваша решимость непоколебима, что вы глухи и к их мольбам, и к настояниям вашего отца. Неужели у вас еще остались сомнения в силе его привязанности? У меня — ни малейших. Я всегда была убеждена, что это самое его глубокое чувство. Если бы до своего отъезда я могла видеть вас... обоих вас... счастливыми, я бы почувствовала огромное облегчение, я бы ликовала!

— Помните нашу прогулку — когда вы проводили меня до коттеджа? — тихо спросила Летиция.

Клара зажала уши, словно не желая ее слушать.

— Ах, если бы до моего отъезда... — продолжала она. — Если бы я могла быть уверенной, что свершится то, о чем мечтают все, у меня бы свалился камень с души. Мне так хочется видеть вас счастливой — да и его тоже! Вы, может,

думаете, что я прошу вас заплатить по моему векселю? Что ж, думайте, если угодно! Но нет, я прошу вас об этом почти бескорыстно. Я благодарна ему от всей души. Он умеет быть по-настоящему великодушным.

— Это эгонист-то?

— Кто эгонист?

— Вы забыли тот наш разговор?

— Ах, помогите мне его забыть! Забыть тот день, забыть все те дни! Это я была эгонисткой. Мне хотелось бы считать, что я провела это время под землей и только теперь вышла на поверхность. Если бы я и в самом деле восстала из могилы, я не чувствовала бы себя более испачканной, оскверненной, лишепной человеческого образа, чем ощущаю себя сейчас — право! Помогите мне забыть мое непростительное поведение, Летиция! Он и я — мы просто не подходим друг к другу... Да ведь я и тогда, помнится, винила больше себя. Другое дело — вы. Вы и Уиллоби созданы друг для друга, и теперь я понимаю, что им и в самом деле должно гордиться. Единственное, что можно поставить ему в упрек, — это его увлечение различными комбинациями.

— А что — он задумал еще одну? — спросила Летиция.

Кларино лицо порозовело.

— Неужели вы не слышали? Комбинация, разумеется, несбыточная, но руководствовался он самыми добрыми намерениями. В другое время я, быть может, не поняла бы его, как сейчас. И он, и я, мы оба хотим видеть своих друзей счастливыми и благополучными.

— Вы возбуждаете мое любопытство, — не без иронии отозвалась Летиция.

— Дорогой друг, завтра мы расстаемся. Мне хотелось бы, чтобы вы запомнили меня не такой уж скверной, какой я могла вам показаться, — по крайней мере, вы должны понять, что я была искренней. Пусть в безумном своем нетерпении я вела себя, как дикарка, но я никогда не лицемерила. Я понимаю, что и этот образ не слишком привлекателен, но такова уж ваша Клара, такой, во всяком случае, она представляется самой себе. Хорошо, я вам скажу. Он выразил желание, чтобы... чтобы я обещала отдать свою руку и сердце мистеру Уитфорду. Видите, как он добр!

Летиция широко открыла глаза.

— Вы в этом усматриваете проявление его доброты?

— Намерение было доброе. Он послал ко мне мистера Уитфорда и просил, чтобы я его выслушала,

— А по отношению к мистеру Уитфорду, по-вашему, это был добрый поступок?

— Я вижу, наша знаменитая прогулка, Летиция, произвела на вас неизгладимое впечатление! Оно и не удивительно. Я была тогда как в горячке.

— И вы согласились его выслушать?

— Да, представьте! Я сама себе удивляюсь, по мне казалось, что я не имею права отказаться.

— И наш бедный друг пытался объявиться вам в любви?

— Он? Нет! Что вы!

— Вы сразу дали ему попятить всю безнадежность такой попытки?

— Я? Нет.

— Быть может, деликатно, тонко?

— Да нет же!

— Надеюсь, вы не вздумали им играть? Он человек большого сердца.

— Право?

— И вы сомневаетесь? Как-никак вы имели возможность узнать его душу.

— Передо мной он не раскрывал своего большого сердца — даже самого верхнего слоя этих бездонных глубин.

Летиция нахмурилась.

— Нет, — сказала Клара, — нет, она не кокетка, уверяю вас.

Летиция засмеялась.

— Вы так и не утратили той «ужасной власти», которую — помните? — заставили меня испытать в тот день на себе.

— Как жаль, что я не в силах, видимо, употребить мою пресловутую власть во благо.

— И он ничего не сказал?

— Ну нет, он говорил много. О Швейцарии, о Тироле, об Иллиаде и об Антигоне.

— И это все?

— Что вы! Он говорил также и о политической экономии. Согласитесь, что положение, в каком мы очутились, было несколько необычно — во всяком случае, для меня. Но вы мне ничуть не сочувствуете!

— Если бы я могла знать ваши чувства!

— Я испытывала признательность к сэрру Уиллоби и горевала за мистера Уитфорда,

— Горевали?

— Ну да! Я видела, как тяжела, как почти непосильна для него задача, взваленная па него сэрром Уилоби: вежливо дать мне понять, что планы его кузена не отвечают собственным его желаниям.

— Ах, Клара, в каких-то вещах вы бываете так пронизательны!..

— Да, он щадил меня. Я видела это по тому, как он уклонялся... И он был, как всегда, очень мил. Мы ходили с ним по парку бог весть сколько времени — мне, впрочем, наша прогулка не показалась долгой.

— И вы так и не коснулись этой темы?

— И за версту к ней не подходили. Да иначе и быть не могло. Ведь чтобы задать девушке... известный вопрос, нужно испытывать к ней уважение. Он же, мне кажется, по-своему даже расположен ко мне, но только как к веселой и легкомысленной приятельнице.

— А если бы он сделал вам предложение?

— Он — предложение? Когда он меня презирает!

— Какое вы дитя, Клара! Или у вас страсть морочить людей? Вы, верно, порядком помучили его, а теперь решили взяться за меня.

— Но как же ему меня не презирать?

— Нет, вы в самом деле так слепы?

— Быть может, мы обе с вами слегка ослепли, мой друг?

Подруги обменялись глубоким, испытующим взглядом.

— Вы намерены ответить на мой вопрос, сударыня? — спросила Летиция.

— То есть на ваше «если бы»? Если бы он и стал просить моей руки, то лишь из снисхождения.

— Вы опять увиливаете!

— Постойте, дорогая Летиция! Он просто-напросто проявил чуткость, чтобы не причинить мне боли.

— Иначе говоря, вы дали ему почувствовать, что это причинило бы вам боль.

— Друг мой! Позвольте прибегнуть к сравнению, И тогда, быть может, вам легче будет понять, чем я была во время нашей с ним беседы. Итак, представьте себе поплавок рыбака — он спокойно лежит на воде и, послушный малейшему движению удилица, готов либо погрузиться в воду, либо взвиться в воздух. Я была точно таким поплавком.

— У сравнений есть опасное свойство, — удовлетворяя того, кто к нему прибегает, оставлять слушателя в прежней неизвестности, — сказала Летиция, — Вы сами признали, что

если бы он отважился сделать вам предложение, вы испытали бы тягостное чувство.

— Я была поплавком, поймите! Это самое точное сравнение: я была пассивна, как поплавок. Глядя на мою неподвижность, казалось, можно было заснуть. Но в любую минуту я могла бы исчезнуть в глубинах или, послушная удилу, взметнуться в воздух. Ну, а рыбка — не клюнула!

— Хорошо, исходя из вашего сравнения, положим, что рыбка, — или рыбак, не знаю, кто из вас кем приходится... Но нет, вопрос слишком серьезный, чтобы играть в аллегорию. Итак, вы хотя бы дали ему понять, что оценили его сдержанность?

— О да.

— И ничем не помогли ему эту сдержанность нарушить?

— Вспомните, Летиция, я была поплавком, всего лишь поплавком у рыбака!

Летиция ничего не ответила и только вздохнула.

Она была обескуражена; она чувствовала, что в Кларингом сравнении таится какой-то смысл, но, как ни ломала голову, не могла до него добраться.

— А если бы он все же заговорил? — спросила она снова.

— Он слишком честный человек.

— Я, кажется, начинаю понимать мужчин, обвиняющих нас в том, что мы, подобно кошкам, бродим вокруг да около и никогда не идем прямо к цели.

— Ну, хорошо, Летиция, если бы он заговорил и если бы я могла поверить в его искренность...

— В искренность честного человека?

— Ах, я не в нем сомневаюсь, а в себе! Если бы! О, я бы, наверное, сгорела со стыда. Где это я читала? В каком-то романе... о неугасимой искре. Ну, так вот, эта искра попала бы мне в самое сердце.

— Но отчего же стыд, Клара? Ведь вы свободны?

— Да, то, что от меня осталось.

— Я еще могла бы вас попать, если бы в вашем сердце выгорели все чувства, кроме гордости.

— А мне, напротив, кажется, что если бы в моем сердце не было иных чувств, кроме гордости, мне нечего было бы стыдиться.

Летиция была озадачена.

— И человек, придумавший столь странную комбинацию, вызывает у вас чувство живой признательности? — раздумчиво произнесла она.

И вдруг ее осенила истина: Клара и в самом деле ни о чем не догадывалась.

— Но ведь Вернон любит вас! — вскричала она нетерпеливо.

— Не говорите таких вещей!

— Но это так, я знаю!

— Он мне ни разу не дал понять, что любит меня.

— Это ли не доказательство!

— А сколько было к тому случаев!

— Тем более!

— Но почему же он молчал, когда получил — пусть таким страшным образом, — когда он получил полное право?

— Он боялся.

— Меня?

— Боялся ранить вас — да и себя, возможно. В таких случаях мужчине извинительно подумать и о себе.

— Но чего же ему было опасаться?

— Быть может, того, что вам дороже кто-нибудь другой?

— Но разве я давала основание... Ах, понимаю! Да, он мог этого опасаться, мог подозревать! Вот видите, какого он мнения обо мне. Разве может он любить такую девушку? Разбраните меня, Летиция, как следует! Мне нужно очищение огнем. Как я себя держала в этом доме! Меня, словно бесповатую, швыряло из стороны в сторону. И после всего этого меня еще любят! Нет! Это какая-то сказка об антикваре, подобравшем на поле сражения медальон, на который никто и смотреть не хотел — так он был поцарапан, испачкан. Теперь я вижу, что чувствовать себя любимой — это ощущать собственное ничтожество, пустоту и... стыд. Тут-то и становятся зримыми все наши пятна. Ни разу не подать и знака, когда всякий другой на его месте... Ах, позвольте мне вам не поверить, моя родная Летиция! Он человек чести, скажете вы. Но это-то и терзает меня больше всего! Если я и в самом деле, как вы утверждаете, любима таким человеком, то кого же, кого он любит? Жепцину, с немыслимым для женщины бесстыдством трубившую направо и налево о себе и о своих делах! Я не могу вспомнить об этом без содрогания. О, я заглянула в свое сердце — страшное зрелище! Сколько я увидела в нем слабости — и куда только она могла бы меня завести! Отныне я никогда не буду судить женщин строго — хоть эту пользу я извлекла для себя. Но быть любимой! Верноном Уитфордом! Чтобы полюбили меня, такое ничтожество, и после того, как я так растерзана! Но вы это

просто сами решили! У вас нет оснований для такого предположения! Почему вы меня вдруг целуете?

— А почему вы так покраснели и дрожите всем телом?

Клара сделала над собой усилие и посмотрела подруге в глаза. Затем склонила голову.

— Тем непростительнее мое поведение, — пролепетала она.

Наградой ей был еще один поцелуй, нежнее прежнего. Она покаялась и получила отпущение грехов. Однако теперь, когда она поняла, что уже тогда любила или готова была полюбить Вернона, ее поступки предстали перед ней в еще более неприглядном свете.

— Ах, вы видите меня насквозь, — сказала Клара, прижимаясь к Летиции и стискивая ее в своих объятиях.

— Следовательно, у него никогда не было оснований для таких опасений? — шепнула Летиция.

Клара отвернула лицо.

— По-настоящему? Никогда... Впрочем, я сказала вам, что заглянула в свое сердце: оно недостойно его. И если... да, да, я сейчас вижу, что так оно и было... если я могла быть такой гадкой женщиной, настолько низкой и слабой духом, что в своем нетерпении освободиться... а у меня такие мысли были, уверяю вас! Ну, вот, если бы он заговорил, мне пришлось бы открыться ему и сказать... О, вам, я знаю, это покажется невероятным! сказать, что я... Ах, Летиция, все это правда... Да, и тогда, зная, что он самый прекрасный, самый благородный человек на свете... Тем не менее была минута, когда я готова была ухватиться за что угодно — лишь бы избавиться от ненавистных мне уз. — Подняв голову и сморгнув слезу, Клара прибавила: — Вот что я имела в виду, говоря о боли.

— Но почему же вы не объяснили мне этого сразу?

— Милая моя Летиция, вечность должна была пропестись надо мной, прежде чем я могла вам все это сказать.

— И она пронеслась?

— Да, и я провела ее в чистилище. Но мне там сопутствовал ангел, и я не могу сказать об этом месте дурного слова. Добрый ангел, позвольте мне кое-что добавить!

— Говорите, исповедуйтесь до конца!

— Мне кажется... Подчас мне и самой приходило в голову... очень смутно, но сегодня как-то особенно... Конечно, я была не вправе так думать. Но то, что он подошел ко мне и не поступил, как поступил бы на его месте всякий другой,

показалось мне... Чтобы читать в сердце человека высокого благородства, требуется более яркий свет, чем обычный. Я хотела слышать его голос, но, быть может, его молчание сказало мне больше. Ах, если бы я не была таким суетным существом и не пуждалась в словах!

Стук в дверь заставил подруг перегляднуться.

Вошел Вернон.

— Я как раз собиралась посмотреть, как там отец, — сказала Летиция, поднимаясь с кресла.

— А я только что от вашего, — обратился Вернон к Кларе.

Какая-то отчаянная решимость почудилась ей в его глазах. В Кларе проснулся дух противоречия, ей захотелось взять реванш за самобичевание, которому она только что себя подвергла.

— Надо полагать, что отец отправился на покой, — сказала она, едва за Летицией захлопнулась дверь. «Иначе бы вы сюда не пришли», — говорил ее тон.

— Да, он ушел. И благословил меня на прощанье.

— Его «покойной ночи» всегда включает в себя благословение.

— Но если на сей раз его благословение не будет иметь силы, значит, он пожелал мне покойной ночи в последний раз.

У Клары захватило дыхание.

— Мы уезжаем завтра, с утра.

— Я знаю. У меня с ним назначено свидание в Брегенце, в июне.

— Так скоро? С моим отцом?

— Оттуда мы двинемся в Тироль и затем возьмем направо, к югу.

— К Итальянским Альпам! А я включена в экспедицию?

— Ваш отец говорил об этом несколько неопределенно.

— Следовательно, вы говорили с ним обо мне?

— Я отважился заговорить о вас. Хотя я, как вам известно, особой отвагой не отличаюсь.

В Клариных прекрасных глазах вспыхнул мягкий блеск, но она поспешила спрятать его под ресницами.

— Но какие могут быть у отца сомнения? Разумеется, я с ним поеду.

— Он предоставляет это решить вам самой.

— В таком случае — да. Да, да, да, тысячу раз — да.

— Вы отдаете себе отчет в том, что вы сказали?

— Мистер Уитфорд, вот я закрыла глаза и говорю: «Да».

— Берегитесь. Это мое последнее предупреждение. Если вы закроете глаза...

— Но только я не в силах подняться на горные вершины — пусть они довольствуются моим восхищением снизу у подножия, — уклончиво сказала она.

— Для начала и это годится.

— Горные вершины меня обнадеживают?

— Одна из них.

Грудь Вернона высоко вздымалась.

— Когда сидят у ваших ног, вы, верно, и в самом деле ощущаете себя высокой горой, — сказала она.

— Если бы у меня было сердце мыши, я бы, возможно, испытал такое чувство.

— Но вы слишком высоки — вы неприступны.

— Еще раз предупреждаю: как бы вас не подхватили на руки и не подняли вверх!

— Кому-то в таком случае пришлось бы наклониться.

— Чтобы установить вас, как вымпел, на покоренной вершине!

— Теперь я вижу, вы и в самом деле говорили с отцом, мистер Уитфорд. Вы так образно изъясняетесь.

— Хотите знать, что он сказал? — спросил Уитфорд, меняя тон.

— Его язык я знаю прекрасно.

— Он сказал, чтобы я...

— И вы так и сделали.

— Только частично. Он сказал, что...

— Вы не можете сообщить мне ничего нового.

— Он сказал...

— Нет! Вернон, нет! Только не здесь, не в этом доме!

Эта мольба и то, что Клара назвала его по имени, говорили о многом. Было ясно, что ее стремительная мысль обогнала Вернона, осторожно подводившего ее к той конечной точке, дойдя до которой она должна была сдаться.

У него родилось ответное желание помедлить, не выговаривать торжественного слова. Только не здесь. Где-нибудь далеко от Паттерн-холла, в тени высоких гор.

Он больше в ней не сомневался. Руки их должны будут соединиться. Собственно, руки так и решились, без слов. Вернее, они ничего не решали, все случилось само собой, как у детей.

Дух доктора Мидлтона, как правильно догадалась Клара, снизошел на Вернона — в награду за то, что он решился

накопец высказаться открыто. Склоняясь вместе с доктором над каким-то фоллиантом, Вернон внезапно захлопнул книгу и поведал ему обо всем, что произошло в этом доме. Где-то посреди рассказа доктор Мидлтон его прервал. «Для этого человека нет ничего святого!» — воскликнул он. Вернон, насколько позволяла справедливость, стал защищать своего кузена. «Словом, вы утверждаете, что это ничем не выдающийся экземпляр гомосаписенса наших дней», — сказал доктор Мидлтон и, взглянув на часы, удостоверился, что до утра им уже не удастся покинуть Паттерн-холл. Предстояло перейти к самому трудному. Но не успел Вернон рассказать о великодушном предложении Уилоби, как доктор Мидлтон ошеломил его возгласом: «О лучшем муже для моей дочери я не мог бы и мечтать!» Уилоби сразу поднялся в глазах предодобного доктора. Он принялся восхвалять благоразумие джентльмена, который, несмотря на то что судьба не дала ему в свое время вкусить спасительную розгу, сумел так безропотно принять каприз «пезрелой девчонки». И, не теряя ни минуты, отец означенной незрелой девчонки погнал Вернона изъявить ей свою родительскую волю: разом покончить со всеми капризами и доложить наутро о полном воцарении порядка и покоя. Вернон колебался. Тогда доктор Мидлтон высказал предположение, что, быть может, в конечном счете виноват во всей этой истории именно он, мистер Уитфорд, на что тот, в доказательство своей добросовестности, открыл ему свое сердце. «Идите к ней!» — сказал доктор Мидлтон. Вернон предложил назначить следующую встречу в Швейцарии, доктор Мидлтон выразил свое согласие, повторив: «А теперь — к ней».

Убедившись, что необычность ситуации, по-видимому, ничуть не смущает Кларинового отца, Вернон собрался с духом и, преодолев шепетильность, отправился исполнять волю своего ученого друга.

Готовность, с какой Клара согласилась его выслушать после того, как Уилоби изложил ей свои условия, ее мягкая задумчивость во время их прогулки по парку — все это от него не ускользнуло и навело на кое-какие размышления. И вот, вдохновленный ее отцом и не имея иных оснований для надежды, кроме собственных смутных ощущений (а кто не знает, как трудно уверовать в эти ощущения, покуда рассудок не скрепит их своею печатью!), он сидел с нею рядом и держал ее руку в своей. И, как ни трудно было ему (это было трудно и Кларе, но ему, как мужчине, особенно) не

дать этому слову, *их* слову — теперь, когда дверца клетки была распахнута настежь — выпорхнуть и взмыть в поднебесье, он все же остался верен своей привычке к самообладанию, а она почувствовала, что любит его за это сильнее прежнего.

Летиция застала влюбленных сидящими рука в руке. —

Пообещав напедаться к ней рано утром, они пожелали ей покойной ночи. Счастливые, они и не подозревали, какая далеко не покойная ночь — ночь, полная бурь и слез, — ее ожидает!

Оставшись одна, Летиция задумалась над новоявленным величием души сэра Уиллоби, в которое так внезапно уверовала Клара.

ГЛАВА СОРОК ДЕВЯТАЯ

Летиция и сэр Уиллоби

Нет, мы не можем сочувствовать соиму бесенят, глумящемуся над слабостями нашей бедной человеческой природы! У них свое место, свое назначение, и, покуда мы сами не переменимся, они так и будут цепляться за край одежды, прикрывающей нашу наготу, пока в одну из своих омерзительных Вальпургиевых ночей не сорвут ее совсем. И тот, кому довелось пройти через это испытание, до конца своих дней будет вздрагивать при звуке самого невинного человеческого смеха, ибо всякий смех отзовется в нем сатанинским хохотом. Муза Комедии, однако, отнюдь не расположена воспевать кощунственные и разнузданные оргии, но сравнению с которыми самый Брокен покажется детской забавой; в ее расчеты не входит подружить нас с темным миром греймалкинов, пэддоков и прочей нечисти. И если в своем безудержном пиравании при тусклом свете Гекаты стая бесенят преступит границы, предначертанные Комедией, она покидает их пиршество.

Достаточно сказать, что часы, протянувшиеся между полнотою и туманным рассветом, сэр Уиллоби (к которому время от времени присоединялись то тетушки Изабел и Элепор, то, разбуженный его яростными мольбами, сам мистер Дейл) домогался руки Летиции, пытаясь сломить ее непреклонную решимость. Он преследовал ее с такой настойчивостью, что

могло показаться, будто он и в самом деле всю жизнь только ее одну и любил и что страсть эта обратилась в настоящую манию. Он приходил, уходил и вновь возвращался. И все это время вокруг него вился лихой хоровод бесепят. Они садились на него верхом, науськивая его, подстегивая и вдохновляя на речи, исполненные неистового пафоса и способные расстрогать всякую душу, в которой еще не угасла жизнь. Но та, к кому было обращено все это красноречие, слушала его с тупым вниманием — в ее душе, должно быть, эта жизнь еле теплилась. А он продолжал прислушиваться к своим бесам, разговаривать с ними, ласкать их и нежить. Порой он отшвыривал их прочь, бежал от них, но они снова его настигали, вскакивали на него, окружали своим бешеным хороводом.

Всякий, кто решит добиться своего любой ценой, становится одержимым. Люди начинают подмечать в нем *странности* — так им угодно именовать непрестанное общение, в какое он вступает с невидимыми существами, отныне управляющими всеми его поступками. Той ночью Уилби впервые явственно осознал власть бесов над собой и в какой-то промежуток, когда он был один, даже воскликнул: «Да ведь это сущее наваждение!» Может, он этого и не думал всерьез, а только пытался выразить словами происшедшую с ним метаморфозу, в силу которой, отказавшись от своей горделивой осанки, он сделался униженным просителем. Так или иначе, он безусловно ощущал на себе действие бесовских сил.

Силы эти поработили его ум. Даже в те минуты, когда он, казалось, сгорал на медленном огне своей страсти к Летиции, страсти, которая подвигала его на речи и поступки неслыханного сумасбродства, даже в эти минуты ему слышалось, будто кто-то время от времени выкрикивает имена леди Буш и миссис Маунтстюарт-Дженкинсон. Обдавая его холодом, имена эти вместе с тем подстегивали его, вызывая в нем отчаянную решимость еще до рассвета покорить ту, которую он едва ли не страшился увидеть при ярком свете дня. Встретить наступающий день, не заручившись ее обещанием принадлежать ему навсегда, безраздельно, представлялось ему невыносимым. Она была его солнцем, его суженой, выкрикивал он в неистовстве. «Любовь моя!» — зывал он, оставаясь наедине с нею. «Любовь моя!» — оглашал он тишину, оставаясь наедине с собой. Все правила, которых, по его мнению, должен держаться безукоризненный британский джентльмен, были отброшены и забыты джентльменом, потерявшим голову от любви. Даже выражение собственного лица не было

ему больше подвластно. Он унился до того, что неоднократно, и притом без всякого изыщества, становился на колени. Да что там — обступившее его незримое воинство занесло в свои анналы, будто во время очередной молебны, обращенной к жестокой, дважды воззвав: «Летиция!» — он даже захныкал.

Но довольно. Недаром многочисленные жрецы комической музы в нашем отечестве, где высшей доблестью почитается уметь себя держать, избегают описывать неистовства страсти, принижаящие тех, кто стоит во главе общества, и угрожающие внести смятение в души простых смертных. Благообразные жрецы этой музы предпочитают показывать нам вместо живых людей условных кукол и вести их проторенной дорожкой типических, общезвестных перипетий. Для них важно не то, как поведет себя человек, и притом человек влюбленный, а как политичнее представить его поведение.

Ночь была на исходе. Летицию удалось согнуть, но не сломить: снова и снова в душе повторяла она, что не любит, что не способна больше любить. И теперь, когда день готовился сместить эту страшную ночь, она чувствовала себя еле живой.

Вместе с пением птиц возобновил атаку ее отец. Тут-то мистер Дейл и высказал соображение, которое впервые заставило его дочь всерьез задуматься над его словами. Он заговорил об их материальных обстоятельствах, о том, что после его смерти она останется одна, без поддержки, без денег и без сил, необходимых для борьбы за существование; что литературный труд ради заработка подтачивает ее здоровье и, наконец, что, дав согласие на этот брак, она сияла бы с его сердца камень. Он уже ни о чем ее не просил, а только представил все дело в самом обыденном, прозаическом свете.

— Не будь жестокосердной, моя девочка, — закончил оп.

Его сугубо практическое заявление, увенчавшееся столь патетической концовкой, вполне соответствовало ее смятенному состоянию, ощущению полного сердечного банкротства и желанию по возможности утешить отца. «К счастью, уже поздно, — со вздохом сказала она себе. — Улюби больше ко мне не придет».

К утру отец ее так ослабел, что не мог подняться с постели, и уснул. Итак, ей предстояло провести в этом доме еще несколько часов. Она расхаживала по отведенным им

— Да, я спала хорошо, и вместе с тем у меня было такое чувство, Летиция, будто я ни на минуту не сомкнула глаз. Я была с вами все время — и во сне, и наяву. Мне так хотелось бы, уезжая, знать, что к вам возвратилось ваше благоразумие.

— Благоразумие — о да. Вы нашли точное слово.

Летиция вкратце описала события истекшей ночи.

— И вы могли оставаться такой жестокой, когда он доказал, что любит вас всем сердцем! — воскликнула Клара. По этому возгласу можно было судить о всей мере ее признательности сэрру Уиллоби.

Летиция научилась смотреть на мир трезво. Слова ее, однако, не были продиктованы горечью.

— Надеюсь, Клара, что вы не берете с собой слишком громоздкий багаж романтизма, — сказала она. — Ибо чем поначалу больше этого багажа, тем больше риска сделаться к концу пути черствой, прозаичной и расчетливой.

Следующим гостем был Вернон. Он с непритворным участием осведомился о самочувствии мистера Дейла. Летиция прошла к отцу, а когда вернулась, застала своих друзей приунывшими.

— Что случилось? — спросила она с тревогой.

— Случилось то, — сказал Вернон, — что Уиллоби не оставляет мальчика в покое, требуя от него любви и преданности. Слов нет, бедняга Уиллоби был этой ночью сам не свой и заслуживает снисхождения. Но, как бы то ни было, сегодня утром он ворвался к Кросджею, разбудил его, стал с ним разговаривать, довел мальчишку до слез, и — одно к одному — Кросджея прорвало, как он сам говорит, и он выложил ему все. О последствиях можно не рассказывать. Мальчик загубил свою будущность, и мне придется увезти его с собой.

Вернон взглянул на Клару.

— Разумеется, — сказала она. — Он ведь столько же мой мальчик, как и ваш. И никакой надежды на прощение?

— Весьма сомнительная.

— Летиция!

— Что я могу?

— Чего только вы не можете!

— Не понимаю.

— Вы можете научить его прощать обиды.

Летиция нахмурилась, и Клара не решилась ее больше мучить.

Летиция не вышла к столу. Клара рада была бы остаться с ней и пить чай у нее в комнате, но молодой девушке, которой только что даровали свободу, не пристало напоследок манкировать приличиями, и она обещала подруге заглянуть к ней тотчас после завтрака. Поэтому, когда полчаса спустя Летиция услышала стук в дверь, полагая, что это Клара, она воскликнула:

— Входите, радость моя!

Сэр Уиллоби вошел, шагнул к ней и схватил ее за руки.

— Радость! — воскликнул он. — Вы не можете взять это слово обратно. Вы назвали меня своей радостью. Я и есть ваша радость, ваша радость и ваша любовь! Это слово вылетело у вас — случайно; пет ли, — но я подхватил его и, клянусь небом, не намерен отдавать никому! Вы мне необходимы. Я и не догадывался, что вы имеете надо мной такую власть.

— Вы во мне ошибаетесь, сэр Уиллоби, — слабым голосом сказала Летиция. Она уже совсем обессилела.

— Женщина, способная целую ночь напролет, несмотря на мои пастойчивые мольбы, отвечать мне отказом, и есть та женщина, которая должна войти в мой дом хозяйкой. И я готов из месяца в месяц повторять все то же, что говорил этой почью. Но, как я вчера вам сказал, мне необходимо заручиться вашим согласием в ближайшие двенадцать часов. Я поставил на карту всю свою гордость. Итак, к полудню вы — моя, госпожа моего сердца и полновластная хозяйка моих владений. Так я и намерен представить вас миссис Маунтстюарт. И ей, и всему свету! Нет, вам уже не вырваться!

— Неужели вы будете задерживать меня здесь против моей воли, сэр Уиллоби?

— Да. Силой и хитростью, если нужно. Любым способом! Он снова впал в свой полночный бред.

Воспользовавшись минутной передышкой, Летиция спросила:

— И вы не требуете моей любви в ответ?

— Не требую. Мое чувство выше этого, мне нужны вы сами, любите вы меня или нет — все равно. Моей любви хватит на нас обоих. Вы можете вознаградить меня за нее или оставить без награды, как вам вздумается. Но отказа я не принимаю.

— Знаете ли вы, о чем просите? Помните ли, что я вам сказала о себе? Я черствая материалистка, Я утратила веру

в романтику, похоронила ее в своем сердце навеки. У меня плохое здоровье. Я жажду денег. Если я за вас выйду, то лишь ради вашего богатства. Я не стану боготворить вас. Я буду вам обузой, мертвым грузом. О такой ли жене — неотзывчивой и холодной как лед — вы мечтаете?

— Все равно, это будете вы!

Она пыталась напомнить себе, какой музыкой во время оно звучали бы для нее эти слова. Глубокий вздох уныния вырвался из ее груди. Она исчерпала все свои доводы.

— Вы так злопамятны! — сказала она.

— И это говорите вы!

— Вы меня совсем не знаете.

— Зато вы, Летиция, — единственная женщина на свете, которая знает меня.

— И вы полагаете, что это к вашей выгоде — то, что вас знают?

Он подавил готовые вырваться у него слова и вместо них сказал:

— Возможно, что я не знаю себя. Я на все согласен, только дайте мне вашу руку. Дайте ее мне. Доверьтесь мне: вы будете мной повелевать. Если я и полон недостатков, вы поможете мне от них избавиться.

— И вы не потребуете, чтобы я на них смотрела, как на достоинства?

— Лишь бы вы были моей женой!

Летиция вырвала у него руку.

— Вашей женой, вашим критиком! Ах, по разве это возможно? Позовите сюда обеих мисс Паттери. Пусть они меня выслушают.

— Они недалеко, — сказал Уилоби, распахивая дверь.

Тетушки сидели у себя в тревожном ожидании вестей.

— Мои дорогие, — сказала Летиция. — Я вынуждена причинить вам боль, и это меня очень огорчает. Но если уж паче с вами суждено жить под одним кровом, лучше это сделать теперь, чем потом. Уилоби просит моей руки, но повторяю: сердца я не в состоянии ему отдать вместе с рукой, потому что оно умерло. Когда-то я считала, что сердце женщины — приданое, без которого нельзя идти под венец. Но теперь я вижу, что женщина может отдать свою руку, а мужчина ее принять и без такого приданого. Однако вы должны знать ту, что готовится вступить в этот брак. некогда она была глупенькой, восторженной девочкой. Сейчас это хилая, бо-

лезненная женщина, утратившая все свои иллюзии. Лишения сделали из меня то, что излишек даров фортуны делает из других: Эгоистку. Я вас не обманываю. Это мое истинное лицо. Мое девичье представление об Уиллоби исчезло бесследно. И я почти с полным равнодушием взираю на эту перемену. Уважать я его попытаюсь, боготворить — не могу.

— Милое дитя! — воскликнули тетушки с мягкой укоризной.

Уиллоби сделал им знак замолчать.

— Если нам предстоит жить вместе, — продолжала Летиция, — а я с радостью разделю ваше общество, — вы должны видеть меня такой, какая я есть. Но если вы, как я склонна думать, слепо его боготворите, то я не знаю, можно ли нам жить вместе. Одного допустить я не могу — чтобы вы из-за меня покинули этот дом. Взгляд мой сделался зорким и беспощадным, и я вижу множество недостатков у вашего племянника.

— Но ведь у всех у нас есть недостатки, дорогое дитя!

— Не такие, как у Уиллоби. Разумеется, воспитание, полученное им в атмосфере идолопоклонства, является смягчающим обстоятельством. Но пусть он знает, что недостатки его увидены, и увидены той, кого он просит стать своей подругой. Я не хочу оставлять места для недоразумений, пусть же он хорошенько подумает, пока не поздно. Этот человек боготворит себя.

— Кто? Уиллоби?

— Он злопамятен.

— Наш Уиллоби?

— Вы не разделяете это мнение, сударыни. А я твердо его держусь. Время меня научило, что это так. Но если мы столь решительно расходимся в суждениях, то как же мы уживемся под одним кровом? Это невозможно.

Они взглянули на Уиллоби. Он властно кивнул головой.

— Но мы никогда и не утверждали, что наш дорогой племянник лишен недостатков. Если его обидеть... И даже если считать, что он претендует на исключительность, то разве это не обоснованная претензия, когда он в самом деле проявляет такое редкостное великодушие? Подумайте, дорогая Летиция! Ведь мы также и ваши друзья.

Она была больше не в силах подвергать эти добрые души казни.

— Вы всегда были моими верными друзьями,

— Что же еще можете поставить вы ему в вину?

— Он не способен прощать,— сказала Летиция, смягчаясь.

— Приведите хоть один пример, Летиция.

— Он выгнал Кросджея из дому и запретил ему когда-либо переступать его порог.

— Кросджей совершил немыслимое предательство,— возразил Уиллоби.

— Благодаря которому вы и стали преследовать меня, домогаясь моей руки!

— Преследовать?! — воскликнули тетушки.

Под градом сыпавшихся на него ударов лицо у Уиллоби пошло пятнами.

— Человек, еще в детстве оказавшийся способным на такую низость,— сказал он,— добром не кончит.

— Скажите по чести,— возразила Летиция,— разве не сам он признался вам по всем? И ведь не мог он не предвидеть, какое его ожидает наказание. Ему следовало заниматься с учителем, готовиться к профессии, к которой он чувствует призвание. Вместо этого его здесь держали в непростительной праздности, то излишне балуя, то показывая с неоправданной суровостью. И единственным его покровителем все это время был Вернон Уитфорд, джентльмен без средств, вынужденный зарабатывать на жизнь литературным трудом,— а что это такое, я знаю, слишком хорошо знаю!

— Кросджей прощен,— сказал Уиллоби.

— Вы даете мне слово?

— Он будет немедленно отправлен к учителю.

— Но мой дом должен быть домом Кросджея.

— В этом доме, Летиция, вы — хозяйка.

Она заколебалась. Ресницы ее увлажнились.

— Вы умеете быть великодушным,— сказала она.

— Умеет, умеет, дорогое дитя! — воскликнули тетушки. — Умеет. И забудьте его недостатки, как забываем их мы, глядя на его великодушие.

— Остается еще один горемыка: Флитч.

— Этот пьянчужка вот уже несколько лет как порочит мое имя по всей округе.

— Тем великодушнее дать ему возможность исправиться. У него ведь дети.

— Девять человек. И я должен, по-вашему, за них отвечать?

— Я говорю не о долге, а о великодушии.

— Диктуйте,— сказал Уиллоби, разводя руками.

— Неужто вы еще не удовлетворены, Летиция? — спросили тетушки.

— А он?

На просеке показалась карета миссис Маунтстюарт.

— Полностью,— сказал Уиллоби и протянул ей руку.

Она подняла свою.

— Сударыни,— сказала она, продолжая держать руку в воздухе.— Сударыни, вы свидетельницы, что с моей стороны не было ни малейшей утайки. Будем надеяться, что со временем я окажусь в состоянии смотреть на него более добрыми глазами, чем сейчас. Я не настаиваю на том, чтобы вы изменили свое мнение о нем. Единственное, чего я хотела, это чтобы вы знали мое. Во всем прочем я клянусь исполнить свой долг. Все, что осталось от меня,— к его услугам. Я очень измучена. У меня больше нет сил. Итак, я подчиняюсь его воле.

И рука ее бессильно опустилась на его протянутую ладонь.

— А я приветствую мою жену! — воскликнул Уиллоби с воодушевлением, стискивая ее пальцы.

Непристойная поспешность, с какой миссис Маунтстюарт пожелала прибыть в Большой дом, не дождавшись отъезда доктора Мидлтона с дочерью, повергла его в ужас. Ему представился резкий контраст между Летицией и Кларой — особенно явственный в это утро, контраст, который не ускользнет от глаз его не в меру нетерпеливой приятельницы. Зато ему досталась женщина с головой! Этого отрицать никто не станет. Со временем ему предстояло узнать истинную цену такой жены.

ГЛАВА ПЯТИДЕСЯТАЯ,

с окончанием которой занавес падает

— Я всегда придерживался мнения, что при разумном подходе к браку (а подобного подхода мы вправе требовать как от женщины, так и от мужчины) возможно предотвратить немалое количество трагедий,

Такими словами встретил доктор Мидлтон несколько лаконичное сообщение, сделанное ему сэром Уилоби.

Надо полагать, что, говоря о мужчинах и женщинах, которым предписывался означенный разумный подход, доктор не имел в виду родителей, ибо сам он — когда вокруг него назревала одна из таких трагедий или, скажем, когда участники разыгранной перед ним драмы рисковали сорваться с идиллических высот комедии, — сам доктор отнюдь не явил пример рекомендуемого им разумного подхода. Об этом он скромно умолчал. Он даже не стал сетовать на здоровье бедного мистера Дейла, в ушах которого предложение распить бутылку паттерновского портвейна прозвучало бы вопиющим издевательством. Доктор Мидлтон жаждал одного — выбраться поскорее из этого дома и сейчас, сопровождаемый полковником де Креем, нетерпеливо шагал взад и вперед по каменной террасе. Полковник прилежно за ним ухаживал, рассказывал анекдоты и с почтительным вниманием выслушивал собеседника. Лучшего общества в этой предотъездной суе доктор не мог бы и пожелать.

— Из вас вышел бы отличный дорожный товарищ, сэр, — заметил он и мелапхолически поведал о своей предстоящей судьбе — убить остаток лета на путешествии по Альпам и альпийским озерам в сопровождении дочери.

По удивительному совпадению, полковник и сам, как оказалось, намеревался провести эти месяцы в Альпах.

Оттуда, продолжал доктор Мидлтон, в самый разгар сезона его потащат в Северную Италию.

Удивительно, по маршрут, который полковник де Крей намечил для себя, также предусматривал города Северной Италии!

— Меня поставили в известность, что мы отправляемся в июне, — сказал доктор Мидлтон.

Ну, не чудо ли — ведь вот и полковник задумал путешествовать в июне!

— Надеюсь, мы там повстречаемся, сэр, — сказал он.

— Я был бы рад занести эту встречу в каталог моих удовольствий, — ответствовал достопочтенный доктор, — ибо у меня есть основания полагать, что большую часть времени я буду предоставлен самому себе.

— Париж, Страсбург, Базель? — осведомился полковник.

— Разговор как будто шел о Боденском озере, — сказал доктор Мидлтон.

Полковник де Крей с нетерпением выжидал случая переброситься словечком с третьей, наиболее интересной для него участницей предстоящей упопительной экскурсии.

В эту минуту к ним вышел сэр Уиллоби и в награду за откровенность, с какой де Крей сообщил, что ищет мисс Миддлтон, провел своего друга Горадия в Голубую гостиную, где Клара и Летиция, полюбившись, журчали друг дружке что-то на ушко. Уиллоби не замедлил найти предлог увести свою невесту и оставить Горадия наедине с Кларой. Не прошло и нескольких минут, как миссис Маунтстюарт стала громко звать полковника. Неутомимый в услугах, Уиллоби ввел ее в Голубую гостиную и услышал, как его почтенная приятельница воскликнула с порога:

— И с таким-то постным лицом этот джентльмен намеревается провести со мной целый день!

Клара устремилась навстречу миссис Маунтстюарт и усидла ее рядом с собой.

Де Крей вышел.

— Ну-с, а каковы ваши планы? — спросил его Уиллоби.

— Я решил, по вашему примеру, пробудить свое сердце от спячки и начать думать о других.

— Давно пора!

— О, вы настоящий друг, Уиллоби, настоящий друг! И к тому же примерный кузен!

— Ах, следовательно, Клара с вами поделилась?

— Да, она сообщила мне маршрут путешествия, которое намерена предпринять.

— А вы к ним присоединитесь?

— Это было бы восхитительно, но, видите ли, Уиллоби, у меня накопилось много пороха, от которого мне следовало бы избавиться, и я решил взять ружье и пострелять ворон где-нибудь на морском берегу. Это будет невинная форма братоубийства, ибо я, видно, принадлежу к вороньему племени. А сейчас мне предстоит двенадцать часов кряду развлекать своей беспечной болтовней миссис Маунтстюарт, — если можно надеяться, что к полуночи она утомится, в чем я сильно сомневаюсь, ибо знаю, как неутомимы дамы ее возраста!

Уиллоби почувствовал презрение к человеку, который не умел скрыть полученный удар, как бы игриво он ни говорил об этом,

— Ворона! — пробормотал он.

— Ну да,— сказал де Крей,— птица, которую ничего не стоит подстрелить и из которой, хоть она и не годится на жаркое, можно сделать превосходное чучело. Но сами вы, Уилоби, сами-то вы как обойдетесь без Уитфорда?

— О, не беспокойтесь,— ответил Уилоби,— я нашел достойную замену.

В прихожей вдруг подпыхлась суета, все домочадцы столпились, чтобы пожелать доктору Мидлтоу и его дочери счастливого пути. Вернопа взял к себе в пролетку доктор Корни, прописав мистеру Дейлу на прощание покой и обязавшись поискать Кросджея по дороге.

— Он, по всей вероятности, на станции, и если так, велите ему немедленно возвращаться домой,— сказала Летиция, обращаясь к Кларе.

Та нежно стиснула ее в своих объятиях, затем протянула руку сэру Уилоби, который галантно над ней склонился.

Итак, узел был разрублен. Вслед за каретой доктора Мидлтона отбыл экипаж миссис Мауптстюарт, в котором блистательная дама увозила полковника де Крея.

— Я запрещаю вам сидеть в моем присутствии с таким постыдным лицом,— сказала она.— Я и без того достаточно натерпелась, все время приходилось кривить душой, а я это ненавижу. Так что если вы меня не развлечете, придется мне убежать от вас к вашему маленькому соотечественнику, который уже в силу своей профессии должен будет меня успокоить. Но кто поймет девичье сердце? И опять я попала пальцем в небо! И опять эта леди Буш оказалась права! Она, должно быть, прирожденный игрок. Я, например, ни за что не рискнула бы высказать подобную догадку. Ну вот, полковник де Крей, вы опять падулись, как мышь на крупу,— вам это совсем не идет, сейчас же перестаньте гримасничать!

— Сударыня,— возразил де Крей,— наша армия славится тем, что никогда не признает себя побежденной, и это делает честь ее воинственному духу. Но есть поле битвы, на котором долг обязывает британца признать свое поражение,— с улыбкой ли, со слезами, все равно,— и я думаю, что подчас короткий вопль отчаяния — лучшее свидетельство доблести.

— Ах, мой милый полковник, она с самого начала была

влюблена в этого Вернона Уитфорда,— я в этом ни минуты не сомневаюсь.

— Ах! — вторил ей полковник.— А я только сейчас убедился, что этим счастливец оказался вовсе не тот джентльмен, в котором я принимаю столь горячее участие. Так вот отчего для нашей прекрасной дамы не составило особого труда поклясться моему другу Уилоби, что она не пойдет замуж ни за кого другого!

— Девичье сердце — загадка. Но леди Буш!.. Я ведь знаю, что умение читать в сердцах здесь ни при чем!.. Она просто выпустила свой залп наудачу и — пожалуй! — торжествует победу! О, она не даст об этом забыть! А я, у которой были все возможности!.. Да, должна признаться, они у меня были.

Полковник лукаво сверкнул глазами.

— Сударыня, уж не вы ли, случаем, намекнули Уилоби о ее сердечной расположенности к Вернону Уитфорду? — спросил он.

— Ну нет,— сказала миссис Маунтстюарт.— Я не интриганка. В нашем графстве стратегические соображения велят поддерживать в Уилоби его любовь к самому себе, а не то в Паттерн-холле воцарится такая же скучища, какая была до того, как в нем утвердилось правительство. Когда самолюбие его утешено, он князь из князей. Уж я-то знаю мужчин. Ну вот, полковник, а теперь извольте быть веселым.

— Увы, миссис Маунтстюарт, быть может, я был бы сейчас веселее, если бы вы в свое время дали Уилоби понять об истинном состоянии сердца мисс Мидлтон,— такой намек мог бы сослужить мне службу! Однако, сударыня, вы всем нам являете пример великодушия, а тот, кто позволит себе мстить за рапу, полученную в любовной битве, недостойн победы.

Миссис Маунтстюарт погрозила ему зонтиком.

— Я запрещаю чувствительность, полковник де Крей, она неизбежно приводит к унынию.

— Дайте мне пять минут, чтобы перестроить мои резервы и предоставить их в ваше полное распоряжение, сударыня,— сказал он.

Но еще до назначенного срока де Крей принялся очаровывать миссис Маунтстюарт, вследствие чего и к ней вернулся весь блеск ее остроумия,

Так или примерно так судачил о саре Уилоби и его кадрили с невестами свет — тот самый свет, перед которым сэр Уилоби испытывал такой ужас и вместе с тем втайне так благоговел. Вскоре, однако, те же лучи, что озарили славный день его блистательного совершеннолетия, вновь ослепили обитателей графства, пролив свое яркое сияние на торжественные приготовления к брачному таинству. И примерно в это же время на берегу Боденского озера, что лежит между Швейцарскими и Тирольскими Альпами, встретились двое влюбленных. Муза Комедии витает над ними нежной и заботливой сестрой, и лишь когда взгляд ее падает на остальных участников только что окончившегося спектакля, она слегка поджимает губы.

ДЖОРДЖ МЕРЕДИТ И ЕГО РОМАН «ЭГОИСТ»

На рубеже 60-х годов прошлого столетия обозначилась смена поколений в английской литературе. Жанр эпического острозаметного повествования, посвященного судьбам общества и проблеме отношений между личностью и общественной средой, жанр, представленный мастерами «блестящей плеяды» — Диккенсом, Теккереем и другими, менее значительными прозаиками, уступил место камерной творческой манере, которая нашла свое выражение в жанре психологического аналитического романа. Область эту отмежевал себе видный романист Джордж Мередит, получивший еще при жизни широкое признание.

Устапавливая преемственную связь между «блестящей плеядой» и просветителями XVIII века, критика нередко продолжала хронологическую параллель и сравнивала Мередита со Стерном, который противопоставил причудливо сплетенную, хаотическую ткань «Тристрама Шенди» стройным и рациональным организованным эпопеям Филдинга и Смоллетта. И в самом деле, как Стерн, так и Мередит анализировали в своих произведениях проблему нравственного развития человека и стремились проследить, как формируется сознание личности в социальной среде. Интерес Стерна к безотчетным импульсам мысли, к субъективному и особенно к психике питался его отвращением к теории «безупречного и всеобъемлющего Разума», которую исповедовали просветители. Разумеется, искусство Стерна не могло быть забыто спустя столетие. Но, зная и высоко ценя этого писателя, Мередит обратился к своим этюдам внутренней жизни героев под влиянием идейных веяний и важнейших тенденций научно-философской мысли своей эпохи. Его творчество явилось также реакцией на мировосприятие и поэтику писателей старшего поколения и современных ему лите-

ратурных школ. Значение Мередита и особое место, занимаемое им в потоке английской литературы XIX века, определяются не только своеобразием его дарования, но и неповторимыми конкретно-историческими чертами воспитавшей его общественной среды.

1

Джордж Мередит родился 12 февраля 1828 года в городе Портсмуте. Дед и отец его были портными, известными в то время поставщиками флотского обмундирования. От матери-ирландки, урожденной Макпамара, дочери содержателя таверны, он унаследовал пылкую и чрезмерно восприимчивую к жизненным огорчениям кельтскую натуру. В отрочестве он более всего страдал от действительных и мнимых уколов самолюбия и, стремясь скрыть свое «низкое» происхождение, не искал сближения со сверстниками. Уже тогда самоанализ сделался отличительной чертой его психического склада. Впрочем, потребность победить снобизм, против которого восставали его демократические убеждения, постоянно жила в нем. С особенным увлечением, но не без доли сарказма выводил он впоследствии в своих книгах образы плебеев, возомнивших себя отпрысками аристократических родов. Таков, например, Ричмонд Рой, списанный с деда, Мельхиседека Мередита, в романе «Приключения Гарри Ричмовда» (1871). Таков и Эван Гаррингтон в одноименном автобиографическом романе (1860), герой, искупающий грех тщеславия ценой унижения и стыда. Вернон Уитфорд из «Эгонста» также, несомненно, представляет собой вариант униженного плебея, по это образ из «комедии для чтения», то есть идеализированный и «просветленный».

С девяти лет Мередит стал ходить в местную классическую школу, а когда после смерти матери отец переехал из Портсмута, его отправили в закрытый пансион. Однако там он пробыл недолго и, едва достигнув четырнадцати лет, сам сделал неожиданный выбор, настояв, чтобы на деньги покойной матери его послали продолжать учение в Германию. Так в 1842 году он стал воспитанником школы «Моравских (иначе — Богемских) братьев» в городке Нейвиде на Рейне, недалеко от Кельна. Школа эта, основанная в середине XVIII века религиозной сектой, славилась опытными и знающими наставниками и мягким, терпимым обращением с детьми. Свой досуг мальчик посвящал здесь чтению и, возможно, первым поэтическим опытам. Он много читал из немецких классиков, и это раннее знакомство с немецкой культурой сказалось на формировании его литературных вкусов и взглядов. Гете сделался его

кумиром на всю жизнь, а из других писателей наиболее сильное впечатление на него произвел Жан-Поль (псевдоним Иоганна Пауля Фридриха Рихтера; 1763—1825). «Ассоциативная», не организованная строгой логической последовательностью манера Жан-Поля несколько напоминала манеру Стерна.

Вернувшись на родину в 1844 году, Мередит поступил было в адвокатскую контору, но вскоре, повинуясь писательскому призыванию, бросил это поприще. Двадцати лет он страстно влюбился в Мери Никколс, дочь известного романиста Т.-Л. Никкока, в прошлом близкого друга Шелли. В 1849 году они поженились, но богемные привычки Мери сразу же стали вносить разлад в семью. Когда спустя несколько лет у них родился сын Артур, Мери увлеклась молодым художником Генри Уоллисом и, не объяснившись с мужем, внезапно уехала в Италию. Нравственное потрясение, пережитое Мередитом, вызвало серьезный кризис в его сознании и мироощущении.

В цикле стихотворений «Современная любовь» (полностью опубликован в 1862 г.), глубоко интимном дневнике Мередита, обозначилось его стремление постигнуть истинные, внутренние причины катастрофы и, быть может, умиротворить душевное смятение, излив его в исповеди. Горестные раздумья лирического героя в этих стихах раскрывают историю воспитания его чувств. Здесь гармонически сочетаются, превращаясь в нерасторжимое художественное единство, откровенные признания и философские размышления. Этим сборником Мередит зарекомендовал себя как талантливый, самобытный поэт. Позднее его музе оказалась под силу и высокая гражданская тема («Оды, воспевающие историю Франции», «Кризис» и др.).

Первый значительный роман Мередита «Испытание Ричарда Февереля» (1859) восходит в конечном счете к немецкому классическому «роману воспитания». «Вильгельм Мейстер» Гете, положивший начало жанру, был в Англии хорошо известен; под его воздействием возникли многочисленные образцы национального «романа воспитания». Английские «Мейстеры» в романах Булвера-Литтона, Дизраэли и других писателей имели черты сходства со своим германским собратом, но их карьера, как правило, не была отмечена глубиной идейных и нравственных исканий, как это было в романе Гете.

В «Испытании Ричарда Февереля» повествуется о пылкой страсти и несчастливом супружестве юного Ричарда, сына баронета, и Люси, племянницы бедного фермера. Из логики событий, казалось бы, явствует, что удары судьбы, преследующие влюбленных, обусловлены противным разуму «импульсивным» поведением Ричар-

да, который повинуетея лишь велению обманчивых чувств. Однако, исследуя характер и взгляды сэра Остина, отца Ричарда, Мередит обнажает истинную подоплеку трагедии. Имущественные и сословные предрассудки баронета легли в основу выдуманной им «воспитательной системы», которая с детских лет сковывает духовное развитие Ричарда. Желая воспитать сына джентльменом и собственником, привить ему сословное презрение к немущим, сэр Остин не принял в расчет добрых природных задатков Ричарда, его отзывчивую, благородную натуру. Мятеж Ричарда против «системы», против морали его класса, обрекающий его на трагическое одиночество, определяет центральный конфликт романа¹.

2

Мировоззрение молодого Мередита складывалось под влиянием чартистского движения в Англии и революционной ситуации на Европейском континенте в 40-е годы. Он рано осознал, насколько уничительными для человеческого достоинства являются сословные барьеры (усугубленные к тому же «островным» шовинизмом), которые спустя полтора столетия после буржуазной революции сохранялись в английском обществе, порождая снобизм и тормозя развитие демократии. Ему глубоко претили и капиталистические порядки, при которых господствовало циничское, потребительское отношение к личности и духовным ценностям и был распространен культ эгоизма.

Однако Мередит не был сторонником решительных действий. Наиболее приемлемой формой общественного прогресса он считал постепенное, в границах буржуазной законности движение масс за избирательное право и демократические реформы. В стихотворении «Старый чартист» (1862) он вывел, например, бывше-

¹ Следует также отметить, что в «Испытании Ричарда Феве-рля» нашла отклик полемика вокруг проблемы буржуазного воспитания, которая занимала английское общественное мнение в 50—60-е годы. Наиболее острая критика существовавших тогда воспитательных методов содержалась в «Очерках умственного, нравственного и физического воспитания» Г. Спенсера (1858) и в трактате Дж.-С. Милля «О свободе» (1859). Эти сочинения были в то время известны каждому образованному англичанину. Мередит, безусловно, в какой-то мере разделял взгляды обоих авторов, требовавших коренной реформы консервативной системы воспитания юношества. Таким образом, он затронул серьезные социальные проблемы и в этом смысле углубил и творчески развил традицию «Мейстера» в Англии.

го Чартистского трибуна, вернувшегося после долгих лет ссылки на родину. Старик по-прежнему полон боевого задора и презрения к лордам, но размышления над опытом борьбы привели его к выводу, что всеобщее равенство и гражданская свобода могут быть завоеваны лишь упорным, повседневным трудом и великим терпением.

В жизни Мередита 60—70-е годы были порой важнейших событий, неизгладимых впечатлений и напряженных философских раздумий. В эту пору его творческая активность достигла апогея, а талант — полного расцвета. Ему наконец удалось создать и надежный семейный очаг: во втором браке (с Мари Вельями) он, по собственному признанию, сделался «безмерно счастлив».

В 1866 году по заданию лондонской газеты «Morning Post» он провел несколько месяцев в Северной Италии, на театре военных действий между Пьемонтом и Австрией, где стал очевидцем нового подъема итальянского национально-освободительного движения (Рисорджименто). Его корреспонденция была пронизана симпатией к патриотам, сражавшимся под знаменами Мадзини и Гарибальди. Теме Рисорджименто он посвятил и свой роман «Виттория» (1867), выдержанный в экзальтированной романтической тональности. «Виттория» явилась продолжением романа «Сандра Беллонни» (1864), где рассказана судьба итальянской певицы, выросшей в Англии. Своим искусством Сандра вдохновляет соотечественников на борьбу с угнетателями. Эта диалогия свидетельствовала о том, что Мередит значительно расширил круг интересовавших его проблем и обратился к политической тематике.

В эти годы Мередит сблизился с группой публицистов, ученых и общественных деятелей, объединившихся вокруг журнала «Фортнайтли ревью», органа, стоявшего на позициях либерального позитивизма. Журнал, начавший выходить в 1865 году, был основан видным философом Дж.-Г. Льюисом, который постепенно привлек к сотрудничеству в нем идейно близких себе лиц, в том числе соратника Дарвина Томаса Гексли, знаменитого геолога Лайелля, философа Г. Спенсера, публицистов Ф. Гаррисона, Дж. Морли и других. На страницах «Фортнайтли» нередко выступала жена Льюиса, выдающаяся писательница Джордж Элиот. Прогрессивная роль «Фортнайтли» заключалась в том, что этот форум научной и социально-философской мысли приобщал умы современников к идеям дарвинизма, пропагандировал научные знания и широко освещал политическую жизнь во всем мире. Так, один из регулярных сотрудников журнала, профессор Э. Бизли, опубликовал в нем в 1870 году статью о I Интернационале, написанную по просьбе Маркса.

Связь с «Фортнайтли» позволила Мередиту значительно расширить свой идейный кругозор, а сотрудничество в этом журнале укрепило его материальное положение, так как занимаемое им место консультанта в издательстве «Чепмен и Холл» приносило довольно скудный заработок. В журнале впервые увидели свет три его романа — «Виттория», «Карьера Бичема» (1874—1875), «Трагические комедианты» (1880), ряд стихотворений и статей.

Преемником Льюиса на редакторском посту «Фортнайтли» стал в 1867 году Джон Морли, которого Мередит считал среди своих самых избранных друзей. Их объединяла общность литературных вкусов; социальные и политические воззрения обоих, тяготевших в те годы к левому крылу английского радикализма, также сходились во многом. В ливарской книжке «Фортнайтли» за 1871 год Морли опубликовал оду Мередита «Франция, 1870», явившуюся откликом на падение режима Второй империи. Мередит выразил свое сочувствие «родине трех революций», которая, «истекая кровью, утверждает торжество неугасимого Разума». Однако дальнейшее развитие революционных событий во Франции было воспринято им весьма противоречиво. С одной стороны, он понял, что Парижская коммуна нанесла решительный удар диктатуре буржуазии и поставила под угрозу само ее существование (об этом он писал в газете «График» за 1873 г.); с другой — он осуждал коммунаров за то, что представлялось ему «неоправданным насилием над имущими». Эту точку зрения разделяли Морли и другие члены кружка «Фортнайтли ревью».

«Карьера Бичема» создавалась Мередитом в период наибольшей близости с Морли. Идейный замысел романа был в значительной мере навеян трактатом Морли «О компромиссе» (1874). Философские взгляды Морли сложились под влиянием позитивизма Конта и Милля; он также изучал французских просветителей XVIII века и написал о них несколько книг. Убежденный агностик, он отрицал официальные религиозные догматы (его фродерство, между прочим, выражалось и в том, что он писал и печатал слово «бог» непременно со строчной буквы, чем шокировал викторианскую публику). В своем трактате Морли исследовал сущность английской социальной системы, сложившейся после государственного переворота 1688 года (так называемой «славной революции»), который явился, как указывал Маркс, типичным классовым компромиссом¹. Сетуя в своей книге на то, что в «золотой век компромисса», на-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. VII, М. 1956, стр. 218—223.

ступивший после поражения чартизма, подданные королевы Виктории совершенно утратили национальные идеалы, какими, например, воодушевлялись англичане в елизаветинскую эпоху, Морли пытался решить вопрос о «допустимых пределах соглашения с действительностью», чтобы избежать крайностей фанатизма и нравственного падения¹. В связи с этим Морли ратовал за воспитание честной и целеустремленной личности, которая противопоставила бы себя филистерской среде.

В «Карьере Бичема» Мередит намеревался создать образ героя, обладающего такими качествами гипотетического нового человека, о каких писал Морли. Однако в процессе работы над романом он далеко отошел от первоначального замысла, так как, создавая сюжет и характеры, опирался на свое глубокое знание жизни и реалистические принципы творчества. Искусственная схема преобразовалась под его пером в полнокровное воспроизведение действительности, на фоне которой и судьба главного героя — Невилля Бичема — сложилась правдиво и закономерно. Натуре Бичема, воспитанного дядей-аристократом, свойственны черты, сближающие его с Ричардом Феверелем. Как и Ричард, он вступает в конфликт со своим классом, по этот конфликт острее и глубже. Бичем попадает под влияние непримиримого радикала, доктора Шрапнелля, и втягивается в политическую деятельность. Однако дальнейшая его карьера представляет собой серию трагикомических неудач, причина которых коренится в его опрометчивости и наивном идеализме. Неудачи эти накладывают отпечаток на характер Бичема и развивают в нем новые психологические черты: неуверенность в себе и сомнение в принципе бескомпромиссных решений. Он делает робкие, неумелые попытки выработать более гибкую тактику, но в этот момент наступает трагическая развилка — Бичем погибает, спасая тонущего ребенка из рабочей семьи. Этот финал символизирует моральное возвышение героя, который остается последовательным до конца, избежав постыдной сделки с совестью. С другой стороны, самопожертвование Бичема, возможно, таит в себе авторскую иронию — Бичем надеялся спасти нацию, но выступил в неподходящее время. На такую мысль наводит замечание Мередита о том, что «равнодушная Англия отказала Бичему в радости борьбы».

Таким образом, концепция Морли повернулась в романе своей обратной стороной — взамен «целеустремленной» и сильной буржуазной личности викторианская действительность породила неудачника — докихота XIX века.

¹ Дж. Морлей, О компромиссе, М. 1896, стр. 6—7.

Страстная апология демократических идеалов и острота социальной критики заметно выделяют этот роман на фоне прежде написанной мередитовской прозы. «Карьера Бичема» и последовавший за нею спустя пять лет «Эгонист» — вершина творчества Мередита — свидетельствуют о том, что мироощущение писателя испытало значительное воздействие революционных событий во Франции и подъема английского рабочего движения в 70-е годы.

3

Эволюционная теория Чарльза Дарвина, изложенная им вначале применительно к животному и растительному миру («О происхождении видов», 1859), а впоследствии применительно к человеку («Происхождение человека и половой подбор», 1871), оказала настолько могучее влияние на европейскую общественную мысль в разных ее сферах, что современная интеллигенция вынуждена была пересмотреть свое отношение к «изменившемуся миру», осмыслить новую концепцию мироустройства и «приспособиться» к ней. Привычные, освященные религией понятия о строении вселенной совершенно разрушились; человек, почитавшийся созданным «по образу и подобию божьему», был вытеснен из центра мироздания и поставлен в один ряд с прочими обитателями животного мира, а его претензии на исключительность, особую миссию «божьего избранныка» оказались тщеславной иллюзией. Пессимистические настроения, связанные с этим «потрясением умов», распространились и в писательской среде: в 70-х годах Томас Гарди выступил со своей теорией фатальной обреченности человека, в «Стихах и балладах» Суннберна возникла тема смерти и жажды забвения.

Проблема свободы воли, иначе самоопределения личности, вокруг которой многие века велись ожесточенные споры, теперь, в свете эволюционной теории, получила возможность новых и неожиданных толкований. Эту, в равной мере философскую, нравственную и богословскую проблему связали с фактором борьбы за существование. «Врожденный духовный эгоцентризм», в котором усматривали коренную причину социального зла, теперь был сопоставлен с инстинктом самосохранения и как бы получил историческое оправдание.

В своей системе взглядов, развитой в «Прелюдии» к «Эгонисту» и в сборниках стихотворений «Радость Земли» (1883) и «Чтение Земли» (1888), Мередит, несомненно, исходил из эволюционного принципа. Его концепция, не представляющая, впрочем, стройного и законченного целого, была одной из многочисленных в то время

попыток «реабилитировать человеческое достоинство», поправное вульгаризаторами дарвинизма. Он устанавливал три степени эволюционного (от низшего к высшему) развития человеческой натуры — «крови» (метафорическое название животного, эгоистического инстинкта), «разума» и «духа» (то есть высшей нравственности); однако в его понимании это развитие не сводилось к простой смене стадий, по подразумевало обязательное гармоническое взаимодействие трех «начал» как на протяжении всей истории человечества, так и в каждом отдельном случае становления личности.

Эстетические воззрения Мередита были тесно связаны с его пониманием эволюционного учения. С одной стороны, он оспаривал художественную и познавательную ценность произведений, в которых идеализировалась действительность (например, резко отрицательным было его отношение к творчеству Теннисона). С другой, он осуждал натуралистические и фактографические тенденции в современной ему литературе (Золя, К. Мендес, Гиссинг и др.), рассматривая их как временную реакцию на полувековое засилье романтизма. Мередит полагал, что «грубые материалисты» объясняют пороки людей их атавистическими, животными инстинктами и тем самым прижимают роль сознания и разума. Сторонники же приукрашивания жизни, «сентименталисты», не понимают необходимости совокупного взаимодействия «начал». Он утверждал, что подлинный художник избирает средний путь, минуя обе крайности.

Принципы своей эстетики Мередит изложил в «Опыте о комедии» (1877). Он попытался в этом критическом этюде сделать обзор исторического развития комедии и охарактеризовать природу и разные виды комического. В представлении Мередита понятие «комическое» тождественно понятию «неразумное», «нецелесообразное», то есть с более общей, философской точки зрения может быть соотнесено с любым явлением, выражающим сущность порока, реакционной силы, препятствующей общественному прогрессу или становлению личности. «Восприимчивость к смеху» свидетельствует о культурном уровне человека, о высокой степени его «сознательности». Мередит выделяет три вида комического восприятия — юмор, сатиру и «бесстрастную провию» судьи-наблюдателя. Юмор, в его глазах, слишком мягок и лицемерен (смягчая порок, льстит ему), чтобы стать эффективным средством воспитания; сатира же не всегда достигает цели, поскольку, преувеличивая комические черты, позволяет объекту осмеления не узнать себя в зеркале сатиры.

Выведенный в «Опыте о комедии» аллегорический образ Генри Комедии олицетворяет «бесстрастную провию» — высшую степень комического. Его не интересует будущее людей, так как об этом

заботится мать-Земля, природа, по он — мерило их нравственности и поэтому стоит на страже цивилизации (в «Эгонсте» роль Гения Комедии исполняют некие проказливые «бесепята», зорко следящие за сэром Уиллоби). Если цель Гения Комедии заключается в том, чтобы подмечать человеческие пороки, то, следовательно, должен подразумеваться некий идеал, норма морали или «здорового смысла», ориентируясь на которую надо оценивать эти пороки. Но таким критерием морали являлась, по Мередиту, гармония трех «начал». В этом усматривается взаимозависимость его философских и эстетических взглядов.

4

В «Эгонсте», опубликованном в 1879 году, теория комического наша, в соответствии с замыслом Мередита, практическое применение. Отвергая фактографический метод, который он уподобил в «Прелюдии» луле часового мастера, сквозь которую можно увидеть «бесконечно малые крупинцы улик», дабы преодолеть недоверчивость читателя, Мередит стремился создать характеры широкого типического значения в подражание образам великого комедиографа Мольера. Так, эгоизм является главным свойством сэра Уиллоби, как лицемерие Тартюфа или скупость Гарпагона.

Действие «комедии для чтения» развивается в искусственной, изолированной атмосфере Паттерн-холла, куда «не проникает извне пыль житейских дрызг, где нет ни грязи, ни резких столкновений», как сказано в «Прелюдии». Обыденные житейские заботы и материальные лишения не тяготеют над ними. Лишь Вернону Уитфорду приходится помышлять о заработке, но больше из-за гордости, чем по нужде. Вмешательство Гения Комедии придает происходящему ирреальный, сценический эффект. Мередит как бы создает экспериментальные условия, с тем чтобы сообщить своей картине убедительность. Именно в таких условиях наиболее отчетливым становится действие неумолимого закона эволюции. Ослепленный сословными и имущественными предрассудками, сэр Уиллоби не способен понять и приять принцип гармонии «начал» и поэтому находится во власти инстинктов «крови» и самого пагубного из них — инстинкта себлюбия.

В романе строго соблюдены три единства высокой комедии — места, времени и действия. Действие здесь замкнуто в пределах усадьбы Уиллоби. Герои вообще не покидают Паттерн-холл, если не считать экспозиции к роману (глава IV), где рассказывается о заграничном путешествии Уиллоби, впрочем, как о событии давно ми-

нувшем. Время действия, по-видимому, охватывает не больше года. Соответственно «географическим» пределам «население» романа весьма невелико — в нем всего восемь действующих лиц, кроме эпизодических фигур (например, леди Буш и леди Калмер), создающих фон повествования. Фон этот чрезвычайно сужен, что придает роману характер камерного психологического этюда.

В разработке коллизий романа Мередит также обращается к принципам драмы классицизма. Растущая антипатия Клары к Уиллоби противоречит обету, данному ею при помолвке. Возникший конфликт представляет собой вариацию на тему чувства, противопоставленного долгу. Никакие побочные интриги не мешают развитию главной коллизии.

По существу, на протяжении романа характер сэра Уиллоби не меняется. Мередит не стремился здесь показать становление личности героя, как в «Карьере Бичема». Его задача заключалась в анализе эгоизма как социального явления и социальной опасности. Дело в том, что Уиллоби рассматривает свои привилегии собственника и дворянина как неотъемлемое право, извечную данность и основу мироустройства. Раболепие окружающих, курящих ему фимиам, обладание всеми благами жизни — начиная от женской любви и кончая редкими, дорогими винами в фамильном погребе — воспринимаются им как естественное состояние вещей. Поэтому он не может понять, почему его преследуют неудачи, и видит в черной неблагодарности всех окружающих. В своем искреннем заблуждении он превращается в трагикомическую фигуру, так как его губит и делает посмешищем не отсутствие ума (он лачитан, оборудовал у себя в доме химическую лабораторию, «играет в науку»), но убежденность в собственной непогрешимости. Согласно воззрениям Мередита, эгоизм — это гипертрофированное стремление к самосохранению, которое видоизменилось и рафинировалось ныне вследствие развития цивилизации. Этот «атавизм» присущ всему господствующему классу собственников в целом — аристократам и буржуа, — ибо они стремятся консервировать существующий порядок вещей. Обобщающий же смысл образа Уиллоби подчеркивается еще и тем, что фамилия его — Паттерн — по-английски означает «образец», «пример». «Бесенята» терпеливо ждут, когда станет явным «возврат Эгонста к некоему пращуру». Но этот «возврат» сотрясает фундамент Паттерн-холла. Эволюционные силы, дремавшие в сэре Уиллоби, требуют свободного гармонического развития и, встретив препятствие, преодолевают его, отдав Эгонста на суд Геня Комедии. Именно такой смысл приобретает эпитафия, которой завершается «Прелюдия»: «И, возлюбив себя, себя же он убил».

От главы к главе портрет Великого Себялюбца дополняется новыми деталями, и одновременно на глазах читателей бледнеет и исчезает его облик совершенного джентльмена. Так, льстивое замечание миссис Маунтстюарт-Джеккинсон о том, что у сэра Уиллоби «есть нога» (она уподобляет Уиллоби благородным кавалерам эпохи Реставрации, носившим короткие панталоны и чулки, открывая напоказ красивые, «породистые» ноги), воспринимается как сарказм, потому что обрастает в главе II ученым комментарием.

«Пора любви — разгул эгоизма!» — восклицает Мередит. Весь роман посвящен истории неудачного сватовства Уиллоби. Три женщины, одна за другой, встречаются на его пути. Эгоист выступает в роли новоявленного Париса, с той, однако, комической разницей, что все три женщины не ждут от него ответного чувства, а, напротив, бегут от него, как от чумы. Эта знаменитая ситуация с парадоксальным ее разрешением является одним из многочисленных примеров сатирической прозы Мередита. Подобно своим младшим современникам, Уайльду и Шоу, Мередит обладал отточенным умением «острапать обыденное». Его «общие места на выворот» (так К. Чуковский называл парадоксы Уайльда) едко пародировали нормы викторианской морали.

Многоликий эгоизм изучается в романе в его разных проявлениях. Помимо сэра Уиллоби, многие из тех, кто его окружает, грешат себялюбием, привлекая внимание Генши Комедии. Мередит не ограничивается одним главным портретом Эгонста, но создает к нему ряд параллельных этюдов. Таковы, например, самодовольный и ограниченный педант доктор Миддлтон, готовый ради старого портвейна из погреба Уиллоби принести в жертву дочь, самовлюбленный полковник де Крей, болезненный и мнительный отец Летиции. Эти характеры оттепляют, помогают яснее понять характер главного героя.

Не выходя за рамки изящной комедии, Мередит назначает сэру Уиллоби сравнительно легкое наказание — унижение в глазах общества и особенно той своей избранницы, которая, уже диктуя свои условия, соглашается в конце концов стать его женой. Однако не эта развязка наиболее важна в романе, а победа Клары Миддлтон, под влиянием которой Летиция достигает духовного прозрения. Самостоятельность и смелость Клары, ее независимость в суждениях сближают ее с Джейн Эйр в одноименном романе Ш. Бронте, хорошо знакомом советскому читателю. Несомненно, что в намерениях Мередита входило противопоставить Клару классическому типу ричардсоновской героини — кроткому и чувствительному существу, кочевавшему из романа в роман со второй половины XVIII века до времен Мередита. Глава XI, где излагаются

сентиментальные рассуждения Уиллоби о «женской природе», пародирует викторианские понятия о нравственности и викторианские психологические романы.

Клара обладает непосредственностью души, интуитивным стремлением к простоте и естественности. Свой характер она закаляет в борьбе с Эгонистом. Между нею и матерью-Землей, природой, существует глубокая внутренняя связь, которая, как дает понять Мередит, является источником силы Клары. Отстаивая свои права, она опирается на гармоническое сочетание «начал» в собственной натуре, что дарует ей победу над эгонизмом Уиллоби. Преодолевая множество препятствий, готовая даже пойти на рискованное бегство из Паттерн-холла, она отвергает возможность компромисса с совестью. Мередит стремится показать, что в состязании между эгонизмом и «естественными призывами» природы верх одерживают последние.

Картины природы в романе, замечательные по непосредственности, остроте и свежести изображения, сопутствуют положительным героям и тесно связаны с ними. Так, в главе XI образ сияющих альпийских вершин, покрытых снегом, напоминает о стремлении Клары, Вернона и Кросджея к духовному освобождению, об их нравственной чистоте. Дикая вишня в цвету, любимое дерево Вернона, символизирует его доброту, иммунитет к эгонизму. Знаменитое описание грозы в главе XXVI, вошедшее во многие школьные хрестоматии по английской литературе, предвещает кульминацию «внутреннего действия» в романе.

5

Рост самосознания героев под воздействием различных психологических факторов составляет предмет исследования Мередита в романе, где динамика событий заменена динамикой «внутреннего действия», диалектикой характеров. Стремясь раскрыть внутренний мир героев во всей его сложности и противоречивости, Мередит проникает в область подсознания, воспроизводит процесс иррационального, ассоциативного мышления. Интерес Мередита к психологическому анализу был связан с современными психологическими теориями, развитыми, обобщенными и обильно проиллюстрированными практическими наблюдениями в трудах Г. Спенсера и в особенности Дж.-Г. Льюиса.

Например, в главе XIII Клара, обсуждая в разговоре с Уиллоби характер Вернона Уитфорда, дважды «преступно» оговаривается: она называет Уитфорда Оксфордом, то есть именем человека, о

которым бежала Констанция, первая невеста Уиллоби. Она мечтает об освобождении, даже еще не отдавая себе отчета в том, что мечта эта связана у нее с зарождающимися чувствами к Вернону. Однако подсознательная мысль внезапно трансформируется. Глава эта многозначительно названа: «Первый рыцарь на свободе».

Система аллегорических образов, которые изобилуют в речи персонажей, является ключом к скрытому «второму плану» интеллектуального действия, раскрывающему авторский классный замысел. Образы эти преимущественно связаны с реминисценциями к цитатам из античных писателей и греческими мифами.

В главе XLIII внешнее и внутреннее действие структурно достигают кульминации. На первом плане в сцене решительного объявления с Уиллоби Клара заявляет ему о разрыве помолвки. Бенефициар этого разговора доктор Мидлтон играет востылающую роль. Он пытается убедить дочь в том, что у нее нет выбора: единственный отвергнуть предложение Уиллоби. Позиция Клары с точки зрения обоих эгоистов выглядит весьма уязвимой, так как ей тяжело противопоставить их безупречной логике. Приход Вернона — мимика и друга — Клара воспринимает как долгожданное событие. Поверхностным взглядом трудно уловить какие-либо признаки предельного первого напряжения героев. Его раскрывает второй, скрытый план действия. Оно причудливо отражается в сфере их подсознания. Яркий мерцающий свет в глазах Вернона символизирует для Клары сияние единственной звезды, сохраняющей в эту лунную ночь свой неукротимый блеск. Клара помнит ее расположение на небе — «к востоку от Орiona, чуть выше», — но название звезды ускользает от нее. Желание вспомнить его сопровождается настолько жгучим, что Клара перестает отчетливо слышать слова Уиллоби. Лишь в конце этой сцены, когда Эгоист окончательно побежденным, она, «внезапно просыпаясь», восклицает: «Сириус, папа!»

Сириус, самая яркая звезда в созвездии Большого Пса, была еще во времена древних эллинов прозвана в народе «серой звездой Орiona». Согласно одному из вариантов греческого мифа, великий охотник Орion был поражен стрелой Артемиды за то, что его полюбила розоперстая Эос, а потом превращен в созвездие. Доктор Мидлтон ассоциирует слова Клары с мифом об Ифигении, которую ее отец Агамемнон принес в жертву Артемиде, чтобы открыть путь греческим кораблям из Ахейской гавани в Трою. Еще ранее доктор Мидлтон высокопарно, с увлечением реминисценциями из Гомера, приветствует появление Уиллоби, увидевшего его «морской ванне и ужину на прибрежном камне. Трон в виде целого дна сражений и пыли». На этих примерах можно как вы-

текст помогает понять помыслы персонажей. Этот своеобразный и новаторский для того времени прием Мередита предвосхищает метод «параллельных планов» действия, характерный для некоторых писателей XX столетия. Психологический анализ служит у Мередита средством реалистической трактовки мотивов, управляющих действиями героев.

6

По сравнению с «Витторней» и «Карьерой Бичема» в «Эгонсте» резко сужен диапазон изображения действительности. Утратив размах эпического повествования, «Эгонст», однако, приобретает новые отличительные черты. Главными из этих черт романа являются, помимо своеобразия формы, его глубокая философская основа и тонкий психологический анализ побуждений героев. «Эгонст» представляет собой образец «интроспективного», то есть умозрительного романа, так как внимание автора в нем почти исключительно поглощено изучением морально-этических и психологических проблем. Этот роман явился новым словом в истории английской прозы XIX—XX веков и оказал существенное влияние на формирование жанра психологического романа у позднейших авторов — например, у Стивенсона, Конрада и особенно Голсуорси, который в качестве прототипа Сомса Форсайта использовал сэра Уиллоби.

Несмотря на его умозрительный характер, роман Мередита не утрачивает связи с реальностью. Мередит показывает, что именно отношения социального неравенства обусловили нравственный облик сэра Уиллоби. Его чудовищный эгоизм — порождение условий буржуазного общества. Не случайно, что все положительные образы романа представлены людьми, над которыми не тяготеют собственнические и иные предрассудки. Жанр «комедии для чтения» и активное участие Геня Комедии не притупляют остроту мередитовской сатиры. Дух времени ощущается в страстном протесте Мередита против викторианской общественной морали, против принявшего уродливые формы лицемерия, ханжества, спонизма и себялюбия.

7

Слава, пришедшая к Мередиту на склоне лет, была заслуженной наградой за творческий подъем 60—70-х годов. Его следующий роман-памфлет «Трагические комедианты» был явно рассчитан на

сенсацию. Он был написан по материалам пашумевшей книги Элея фон Раковиц «Мои отношения с Лассалем» (1879) и прошел почти незамеченным на фоне обширной литературы об этом деятеле немецкого рабочего движения, столь драматично и нелепо окончившем свою карьеру. В какой-то мере аналогичные сенсационные цели преследовал и роман «Диана из Кроссуэйс» (1885), где воспроизведены подлинные обстоятельства одной скандальной истории, которая за пятьдесят лет перед тем разыгралась в кругах, близких английскому правительству.

Значение его романа «Одип из наших завоевателей» (1891) определяется тем, что в нем Мередит обратился к теме, волновавшей тогдашнюю английскую общественность. Роман повествует о блистательной карьере финансового «столпа общества» Виктора Раднора, который положил начало своему процветанию браком по расчету. В центре внимания Мередита-психолога здесь оказалось противоречие между внешним благополучием героя и гнетущим его сознанием своего нравственного ничтожества. Сатирическое обличение Раднора, нажившего свой капитал в колониях, явилось, по существу, обличением правящей верхушки империи и официальной пропаганды, восхвалявшей политику узаконенного грабежа. Мотив развенчания «завоевателей» был симптомом тревоги общественного мнения.

Последующие романы Мередита отмечены печатью творческого кризиса. В них возросла усложненность, манерность стиля, ставшая серьезной преградой между автором и широкой читательской аудиторией. Центральные образы в романах «Лорд Ормонт и его Амита» (1894) и «Странный брак» (1895) продолжают галерею эгоистов, начатую Мередитом еще в «Испытании Ричарда Феверелли». Однако по силе обобщения и художественной правды этим образам весьма далеко до сэра Уилоби.

Незадолго до кончины (в мае 1909 г.) Мередит откликнулся на события первой русской революции, показав глубину и крепость своей веры в народ, в торжество социальной справедливости. В январе 1905 года он писал в «Санди кроникл»: «Сочувствие британского народа тем храбрецам (русским революционерам.— В. З.), которые сражаются в неравной, почти безнадежной борьбе, как мне кажется, чрезвычайно велико. И оно должно принять материальные формы... Каждый должен пожертвовать что может, и деньги эти должны быть высланы по телеграфу немедленно на имя одного из тех вождей, которые находятся на свободе.. Мы должны помочь им, и это единственная возможность». Одним из его последних поэтических произведений была ода «Кризис»

(1905), где в следующих проникновенных строках он апеллировал к пробужденному «Духу России»:

О Дух России, час настал!
Пора! Так долго ты молчал!

Но, помня подвиги былые
Твоих героев, Дух России,
Я говорю: «Не дрогнешь ты
У грани гибельной черты!
Ты не страшись грозной власти,
За царством крови веря в счастье!»¹

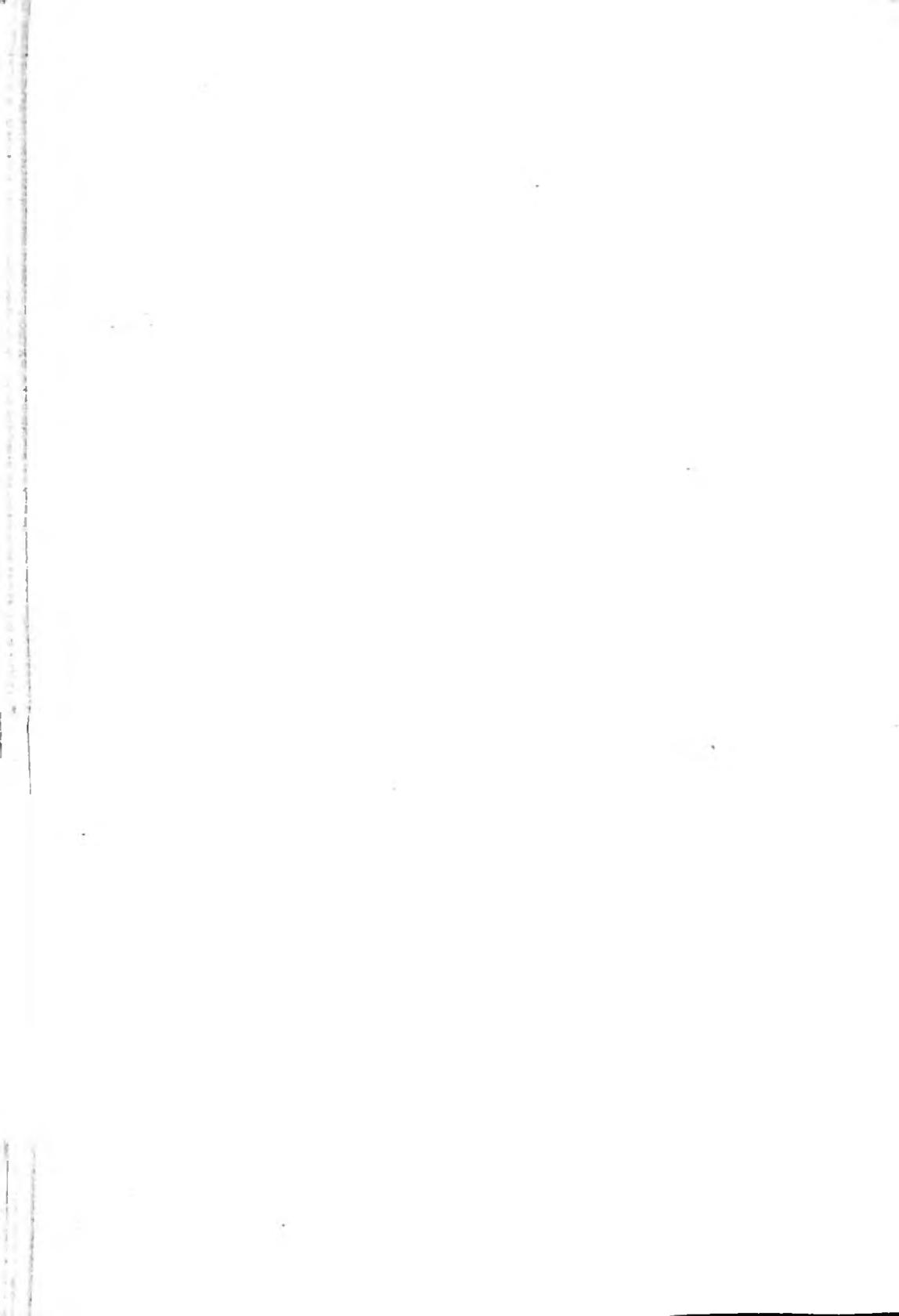
В январе 1905 года Мередит вместе с Суинберном и Гарди подписал открытое воззвание, требуя от царского правительства немедленного освобождения Горького из-под ареста.

Творчество Джорджа Мередита и в наши дни сохраняет свою эстетическую и познавательную ценность. Нет сомнения, что его смелая и пытливая мысль привлечет к себе еще не одно поколение вдумчивых и взыскательных читателей. Гуманизм, демократический пафос, мужественная критика устоев буржуазного общества — все эти черты наследия Мередита делают его близким и советским людям, достойным приемникам традиций всей мировой культуры.

В. В. ЗАХАРОВ

¹ Стихи в переводе Б. Б. Томашевского.

КОММЕНТАРИИ

Прелюдия

Стр. 4. *Мыс Ящерицы*, или Кеп Лизард — мыс на юге графства Корнуолл, самая южная точка Великобритании.

Стр. 6. ...*обширные, как объятия Амфитриты* — то есть как море. Амфитрита в древнегреческой мифологии — жена Посейдона, бога морей.

...*подобен прикосновению волшебного жезла Просперо, освобождающего Ариеля от заклятия гнусной Сикораксы.* — В пьесе Шекспира «Буря» (д. I, сц. 2) рассказывается, как благородный дух, Ариель, был заключен ведьмой Сикораксой в дупло сосны за то, что отказался исполнять ее жестокие приказания. Добрый волшебник Просперо его освободил.

Глава вторая

Стр. 13. *Алкивиад* (V в. до п. э.) — полководец и политический деятель в Древней Греции, славившийся умом, богатством и красотой.

Стр. 14. *Карл Мученик* — Карл Первый Стюарт (1600—1649), был казнен по решению парламента, взявшего верховную власть в свои руки во время английской буржуазной революции.

...*ко двору его весельчака-сына.* — Карл Второй, сын Карла Первого, взошел на престол в 1660 году, когда в Англии была восстановлена монархия и началась так называемая «эпоха Реставрации». Придворная жизнь в эту эпоху отличалась блеском, роскошью и разнузданностью нравов.

Стр. 15. *Рочестер, Бэкингем, Дорсет и Саклинг* — знатные вельможи и поэты при дворе Карла Второго.

Глава третья

Стр. 20. ...о громах и стрелах, что угрожают баловням судьбы — намек на знаменитый монолог Гамлета, начинающийся словами: «Быть или не быть?» (д. III, сц. 1).

...Что благороднее — сносить ли гром и стрелы
Враждующей судьбы или восстать на море бед?

(Перевод А. Кронеберга)

Стр. 23. ...исступленный фанатизм поклонников Джаггернаута...— Джаггернаут — деревянный идол, олицетворяющий в религии хинди бога Кришну; когда во время ежегодных празднеств его провозили в колеснице мимо верующих, наиболее неустовые из них бросались под ее колеса.

Глава четвертая

Стр. 28. ...среди потомков Круглоголовых...— «Круглоголовыми» прозвали пуритан, поддерживавших Кромвеля (1599—1658) и парламент во время английской буржуазной революции. Прозвищем своим обязаны тому, что, в отличие от длинновласых монархистов («кавалеров»), носили короткие волосы. После разгрома революции многие из них, спасаясь от преследований, переселились в Америку.

Стр. 39. ...я не говорю о той, из Эфеса! — По древнегреческому преданию, Диана Эфесская (богиня луны), влюбившись в красивого юношу Эдимиона, усыпила его на тридцать лет и дарила его, сонного, своими целомудренными ласками.

Стр. 42. *Будьте... его Эгерией...*— По римскому преданию, нимфа Эгерия была верной подругой и наставницей мудрого римского царя Нума Помпилия.

Глава пятая

Стр. 48. *Луизи* Бернардино — итальянский художник эпохи Возрождения, младший современник и последователь Леонардо да Винчи.

Глава восьмая

Стр. 78. *Мери Эмбри* — героиня старинной английской баллады; эта девушка бросилась в бой с испанцами, чтобы отомстить им за гибель своего возлюбленного.

Стр. 79. *Ханна Снэлл из Пондичерри*.— Ханна Снэлл (1723—1792), переодевшись мужчиной, принимала участие в осаде Пон-

дичерри (1748 г.). города в Индии, паходившегося в то время в руках французов.

Боадицея — кельтская королева (I в. н. э.), возглавившая восстание против римского владычества в Британии.

...из пушек славного «Капитана», нацеленных на испанский флагман. — «Капитан» — название корабля, которым командовал знаменитый флотоводец Нельсон (1758—1805), когда английский флот одержал блестящую победу над испанцами (1797).

Стр. 84. ...*Горацьево «tulier formosa»* — ссылка на строки, которыми открывается знаменитая поэма Горация (I в. до н. э.) «Наука Поэзии»:

Если бы женскую голову к шее копия живописец
Вздумал приставить и, разные члены собрав, отовсюду,
Перьями их распестрил, чтоб прекрасная женщина сверху
Кончалась снизу уродливой рыбой,— смотря на такую
Выставку, други, могли бы вы удержаться от смеха?

(Перевод М. Дмитриева)

Глава девятая

Стр. 88. ...*служительницы Весты*. — Веста — в Древнем Риме — богиня домашнего очага. Ее жрицы носили белые туники и были обязаны хранить целомудрие.

Стр. 90. *Базби Ричард* (1606—1695) — директор Вестминстерской школы, известный своей строгостью. Похвалялся, что шестнадцать епископов вкусили в свое время его розги.

Глава десятая

Стр. 117. ...*назвал его Персеем*... — Персей, герой аргосских сказаний, спас Андромеду от морского чудовища и женился на ней.

Глава двенадцатая

Стр. 132. *Мелюлина* — фея, часто упоминавшаяся в средневековых легендах.

Стр. 133. *Пьемонтские стрелки* (берсальеры) — род пехотных войск итальянской армии, солдаты которых отличались выносливостью в трудных переходах.

Глава пятнадцатая

Стр. 173. *Гейнзиус* Даниель (1580—1655) — выдающийся голландский филолог, знаток древних языков.

Глава восемнадцатая

Стр. 194. *Каллисоподобно* — то есть подобно нимфе Каллипсо, очаровавшей Одиссея и продержавшей его на своем острове семь лет, как о том рассказано у Гомера.

Глава девятнадцатая

Стр. 205. *Ужели эта область, мрак плачевный заменит нам сияние небес?* — сокращенная цитата из поэмы Мильтона (1608—1674) «Потерянный Рай» (кн. 1). Целиком это место читается так:

«Ужели эта область, эта почва,—
Сказал архангел падший,— будет нам
Жилищем вместо неба, мрак плачевный
Заменит нам сияние небес?»

(Перевод П. Холодковского)

Стр. 208. *...atanlium irae etc.* — ссылка на строку из комедии Теренция (II в. до н. э.) «Девушка с Андроса»:

Ссоры влюбленных ведут к возрождению любви.

Стр. 211. *Ровена* — саксонская принцесса, героиня романа Вальтера Скотта (1771—1832) «Айвенго».

...идет битва книг — намек на сатирический роман Свифта (1667—1745), в котором изображено сражение между книгами новых и древних авторов.

Глава двадцатая

Стр. 218. *...как те трое, на горе Иде.* — Согласно античному мифу, три богини — Гера, Афина и Афродита — поспорили о том, кто из них прекрасней. Смертный юноша Парис на горе Ида, под Троей, разрешил их спор, вручив золотое яблоко Афродите.

Стр. 219. *«Gravis... proeter laudem, nullius avaris...»* — сокращенная цитата из «Науки Поэзии» Горация. В литературном переводе это место читается так:

Грекам Муза дала поляозвучное слово и гений,
Им, ни к чему не завистливым, кроме величия славы!

(Перевод М. Дмитриева)

Стр. 222. *...сам дряхлый Титон поспешил бы в объятия розоперстой зари.* — Согласно античному мифу, богиня зари, Эос (или Аврора), полюбив простого смертного, Титона, выпросила у Зевса бессмертия для своего возлюбленного, но при этом забыла попро-

сить для него вечной юности. Когда Титон состарился и одряхлел, богиня его разлюбила и превратила в цикаду.

Стр. 223. ...*капли священной влаги Пппокрены*.— Иппокрена в древнегреческой мифологии — ключ, источник вдохновения, высеченный на вершине Геликона копытом крылатого коня, Пегаса.

Стр. 224. *Отсутствие аромата у женщины* — вот лучший аромат.— Доктор Мидлтон вспоминает место из письма римского государственного деятеля, оратора и писателя Цицерона (106—43 гг. до н. э.) к другу Аттику: «Подобно тому, как считалось, что лучше всего пахнут те женщины, что не прибегают к духам...»

«*Ut flos in seplis secretus nascitur hortis...*» — Доктор Мидлтон приводит длинную цитату из «Свадебного гимна» римского поэта Катулла (I в. до н. э.).

Глава двадцать первая

Стр. 233. *«Modus agri non ita magnus»* — цитата из 6-й сатиры Горация (кп. 2).

«*Quae virtus et quanta, boni, sil vivere parvo*» — цитата из 2-й сатиры Горация (кп. 2).

Глава двадцать третья

Стр. 265. *Лесбия* — неверная возлюбленная Катулла, которую поэт под влиянием горечи, вызванной ее изменой, награждал самыми пелестными эпитетами.

Глава двадцать четвертая

Стр. 273. *Vile tuncet jecur...* — строка из 13-й оды Горация, (кп. 1), в которой описываются терзания влюбленного, когда он слышит похвалы, расточаемые другому.

Стр. 282. *Герман* Иоган Готфрид (1772—1848) — немецкий филолог, занимавшийся вопросами стихосложения.

Versus dochmiacus — в античной метрике восьмидольная стопа, состоящая из пяти слогов.

Глава двадцать седьмая

Стр. 306. ...*своего рода... Валгаллу*.— Валгалла в скандинавской мифологии — «Дворец убитых», куда попадают герои, павшие в бою.

Глава двадцать восьмая

Стр. 315. ...*так и веляло «бедным Томом»*.— В трагедии Шекспира «Король Лир», в знаменитой сцене бури (д. III), появляется

Эдгар, одетый в лохмотья; он прикидывается сумасшедшим и все время повторяет одну и ту же фразу: «Бедный Том озяб!»

Глава двадцать девятая

Стр. 332. ...называя их «синьорами Эксельсиорами». — «Эксельсиор!» — стихотворение американского поэта Лопгфелло (1807—1882) о юноше, поднимавшемся в горы с флагом, на котором красовался девиз: «Эксельсиор!» («Все выше»; лат.).

Стр. 341. *«И хоть средь них, не с ними»* — слова из поэмы Байрона «Чайльд Гарольд» (песня 3).

Стр. 343. *Кельтiberит Эгнаций* — адресат одного из пасмешливых посланий Катулла (стихотворение 39); поэт упрекает его в том, что тот постоянно скалит зубы.

Глава тридцатая

Стр. 351. ...сваливать вину на Пенорожденную. — «Пенорожденная» — один из эпитетов Афродиты, богини любви и красоты в греческой мифологии, согласно которой она родилась из морской пены.

Стр. 352. ...Фридолину удается избежать огненной печи... — Фридолин — герой баллады Шиллера «Посольство в кузницу». Граф Саверн, у которого Фридолин служил пажом, приревновал его к своей жене и приказал бросить его в плавильную печь. Благодаря вмешательству высших сил, Фридолин остался жив, а сожгли того, кто его оклеветал.

Глава тридцать вторая

Стр. 369. *Радамант* — в античной мифологии один из трех судей в подземном царстве.

Глава тридцать третья

Стр. 381. ...с «чарующими вариациями». — Верноп приводит слова из пьесы Шекспира «Генрих IV» (ч. I, д. III, сц. 1).

Глава тридцать четвертая

Стр. 388. *Аспазия* — афинская гетера, славившаяся умом и красотой; возлюбленная великого государственного деятеля Древней Греции Перикла (V в. до н. э.).

Стр. 393. *Корнелия* — талантливая и образованная римлянка (II в. до н. э.), образцовая жена и мать. Среди ее многочисленных детей особенно прославились своими гражданскими доблестями Кай и Тиберий Гракхи.

Стр. 394. *On revient toujours...* — начало французской поговорки: «Мы всегда возвращаемся к первой любви».

Глава тридцать пятая

Стр. 404. *Леонте* — герой пьесы Шекспира «Зимняя сказка», приревновал жену к своему другу Поликсену и заточил ее в темницу.

Стр. 409. *...иудовище с зелеными глазами...* — Так именует Шекспир ревность, уподобляя ее кошке, что играет со своей добычей, прежде чем ее съесть (см. «Отелло», д. III, сц. 3).

Глава тридцать шестая

Стр. 423. *Орсон, лившийся... к своему брату Валентину*. — Орсон и Валентин — братья-близнецы, герои французского средневекового романа, а также старинной английской баллады; они младенцами были найдены в лесу под Орлеаном. Орсона унесла к себе в берлогу медведица, а Валентина подобрали и принесли во дворец. Когда братья выросли, Валентин привел Орсона во дворец и сделал своим оруженосцем.

Лотарио — изысканный соблазнитель из пьесы «Прекрасная грешница» английского драматурга Николаса Роу (1673—1718).

Стр. 424. *Бенбоу* Джон (1653—1702) — британский адмирал, прославившийся своим героизмом: он оставался на капитанском мостике и продолжал командовать боем даже после того, как ему оторвало ногу вражеским снарядом.

Стр. 429. *А как бы он обошелся с царицей Савской?* — По библейскому преданию, царица Савская, прослышав о мудрости и богатстве царя Соломона, приехала к нему в Иерусалим.

Глава тридцать восьмая

Стр. 447. *«Прочь эту погремушку!»* — слова, произнесенные Оливером Кромвелем в 1653 году, когда, разгоняя парламент, он отобрал у спикера палаты общин жезл — символ его полномочий.

Глава тридцать девятая

Стр. 452. *«St brachia forte remisit...»* — цитата из поэмы Вергилия «Георгики» (песня I).

Глава сорок первая

Стр. 473. *«Jam ver egeidos refert tepores»*.— Катулл, стихотворение 46, перевод А. Пиотровского.

Стр. 481. *Вобан* Себастьян ле Претр (1633—1707) — французский военный инженер, родоначальник науки фортификации.

Глава сорок вторая

Стр. 486. *Генерал Стронгбоу*, Ричард де Клер — участник завоевательных войн, которые вела Англия против Ирландии в XII веке.

Стр. 490. *...голоден, как весь экипаж капитана Блая...*— Блай Вильям (1754—1817) известен жестокими дисциплинарными мерами. В бытность его капитаном, во время одного из плаваний, взбунтовавшиеся матросы посадили его вместе с верными ему членами экипажа в шлюпку и пустили в открытое море; они долго терпели голод и жажду, пока не пристали к необитаемому острову.

Глава сорок третья

Стр. 502. *...равной по своему безумию Кассандре...*— Прорицательница Кассандра, согласно античному мифу, отвергла любовь Аполлона (бога Солнца), за что была им наказана: никто не верил ее предсказаниям, и все смотрели на нее, как на безумную.

Стр. 517. *...звезде, которую увидел царь Агамемнон... в Авлиде...*— Согласно античной легенде, царь Агамемнон, перед тем как выступить со своим флотом из Авлиды в поход на Троию, готовился принести в жертву богине Артемиде свою дочь Ифигению; в последнюю минуту богиня ее пощадила.

...недаром эту звезду называют Большим Псом...— Большой Пес — так в просторечье называют звезду Сириус; согласно народному поверью, когда эта звезда восходит и заходит одновременно с Солнцем, собаки впадают в бешенство.

Глава сорок четвертая

Стр. 520. *...от Сципионов до рядовых воинов...*— Сципионы — знатный римский род, давший нескольких замечательных полководцев; из них наибольшую славу стяжал Публий Корнелий Сципион, прозванный Африканским (III—II вв. до н. в.).

Стр. 523. *...князя всех поэтов...*— Очевидно, имеется в виду Эдмунд Спенсер (1553—1598), на памятнике которого высечена надпись: «Князь поэтов».

Стр. 526. *Наш Стрефон страдает некоторой застенчивостью.*— Стрефон — влюбленный пастушок из поэмы «Аркадия» Филипа Сиднея (1554—1586). Его имя сделалось нарицательным для юноши, изнывающего от любви.

Глава сорок пятая

Стр. 531. *Куда там Гризельде!* — Гризельда — героиня последней новеллы «Декамерона» Боккаччо (1313—1375); ее имя сделалось нарицательным для женского долготерпения и часто попадает в позднейших произведениях европейской литературы.

Глава сорок шестая

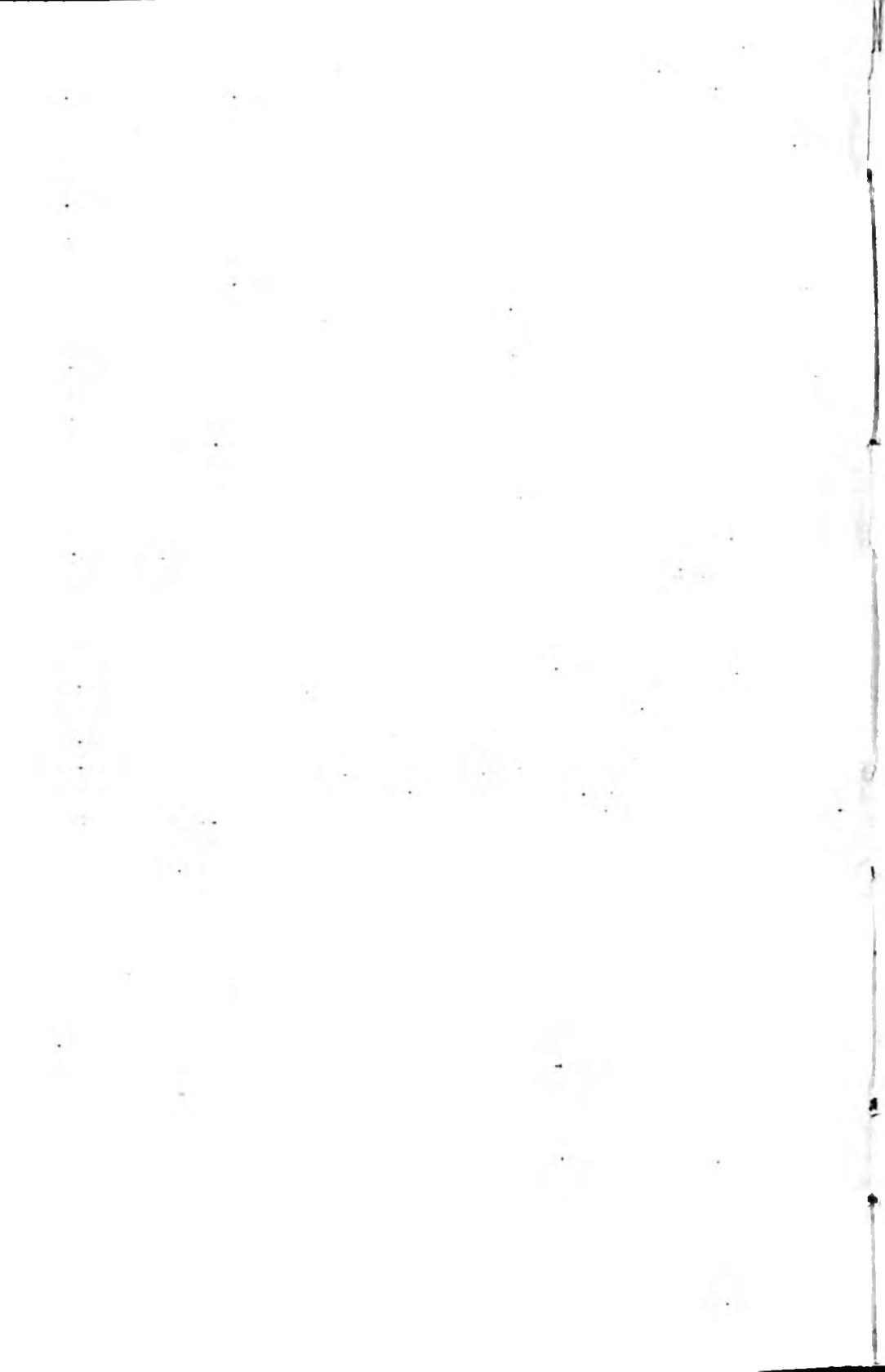
Стр. 542. *Полифем* — кровожадный циклоп, о котором рассказывается в «Одиссее» Гомера.

Глава сорок девятая

Стр. 577. *Брокен* — самая высокая точка горного массива Гарц; по преданию, излюбленное место ведьмовских сборищ.

...темным миром греймалкинов, пэддоков...— Греймалки — кошка, пэддок — жаба; непереманные спутницы ведьм в английском фольклоре.

Т. Литвинова

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Прелюдия. Глава, в которой важна только последняя страница	3
Глава первая. Незначительное происшествие, свидетельствующее об унаследованной склонности к хирургии	8
Глава вторая. Юный сэр Уиллоби	12
Глава третья. Констанция Дарэм	18
Глава четвертая. Летиция Дейл	27
Глава пятая. Клара Мидлтон	42
Глава шестая. Жених	53
Глава седьмая. Невеста	63
Глава восьмая. Пробежка с лентцем и прогулка с наставником	78
Глава девятая. Клара знакомится с Летицией. Их сравнивают	87
Глава десятая, в которой сэр Уиллоби, обмолвившись, называет себя своим настоящим именем	99
Глава одиннадцатая. Махровая вишня в цвету	118
Глава двенадцатая. Мисс Мидлтон и мистер Вернон Уитфорд	131
Глава тринадцатая. Первый рывок на свободу	138
Глава четырнадцатая. Сэр Уиллоби и Летиция	151
Глава пятнадцатая. Мольба о свободе	161
Глава шестнадцатая. Клара и Летиция	175
Глава семнадцатая. Фарфоровая ваза	185
Глава восемнадцатая. Полковник де Крей	194
Глава девятнадцатая. Полковник де Крей и Клара Мидлтон	203

Глава двадцатая. Выдержанное вино великолепной марки	215
Глава двадцать первая. Кларины раздумья	228
Глава двадцать вторая. Кавалькада	241
Глава двадцать третья. Уязвленное самолюбие и стратегия	255
Глава двадцать четвертая, в которой приводится пример великодушия сэра Уиллоби	269
Глава двадцать пятая. В бурю и дождь	282
Глава двадцать шестая. Вернон в погоне	299
Глава двадцать седьмая. На станции	305
Глава двадцать восьмая. Возвращение	315
Глава двадцать девятая, в которой делается попытка объяснить характер чувствительности сэра Уиллоби, а ему самому преподносится урок	323
Глава тридцатая. Обед у миссис Маунтстюарт-Дженкинсон	345
Глава тридцать первая. Сэр Уиллоби прибегает к пафосу, и небезуспешно	355
Глава тридцать вторая. Летиция Дейл замечает в себе душевную перемену, а доктор Миддлтон в себе — физическую	367
Глава тридцать третья, в которой муза Комедии берет на мушку парочку прекраснодушных простаков	377
Глава тридцать четвертая. Миссис Маунтстюарт и сэр Уиллоби	386
Глава тридцать пятая. Мисс Миддлтон и миссис Маунтстюарт	401
Глава тридцать шестая. Оживленная застольная беседа	419
Глава тридцать седьмая, демонстрирующая некоторые ловкие приемы фехтовального искусства, а также необходимость в нем	431
Глава тридцать восьмая, в которой мы подходим к сердцевине эгоизма	443
Глава тридцать девятая. В самом сердце эгоиста	448
Глава сороковая. Полночь. Сэр Уиллоби и Летиция, а также юный Кроссдейл под покрывалом	457
Глава сорок первая. Достопочтенный доктор Миддлтон, Клара и сэр Уиллоби	468

Глава сорок вторая, показывающая всю прои- цательность впечатлительного ума	485
Глава сорок третья, в которой сэру Уиллоби на- чинает казаться, будто на него онолучились все стихии	501
Глава сорок четвертая. Доктор Мидлтон, те- тушки Изабел и Эленор, а также мистер Дейл . . .	517
Глава сорок пятая. Тетушки Паттерн, мистер Дейл, леди Буш и леди Калмер, а также миссис Маунтстюарт-Дженкинсон	529
Глава сорок шестая, в которой сэру Уиллоби яв- ляется весь блеск своего стратегического искусства	538
Глава сорок седьмая. Сэр Уиллоби и друг его Гораций	554
Глава сорок восьмая. Влюбленные	566
Глава сорок девятая. Летиция и сэру Уиллоби	577
Глава пятидесятая, с окончанием которой за- навес падает	586
<i>В. В. Захаров. Джордж Мередит и его роман «Эгонист»</i>	592
Комментарии <i>Т. Литвиновой</i>	611

Джордж Мередит

ЭГОИСТ

Роман

Редактор *Н. Будаев*
Художественный редактор
Л. Калитовская
Технический редактор *Л. Фейлер*
Корректоры *Г. Асланянц* и
Н. Гористова

Сдано в набор 31/X 1968 г. Подписано
в печать 13/IV 1970 г. Бумага типогр.
№ 2. 84×108¹/₃₂. 19,5 печ. л. 32,76 усл.
печ. л. 34,62+1 вкл.=34,67 уч.-изд. л.
Тираж 100 000 экз. Заказ № 214.
Цена 1 р. 15 к.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19

Отпечатано с матриц Ордена Трудово-
го Красного Знамени Первой Образ-
цовой типографии имени А. А. Ждан-
ова в Тульской типографии Главпо-
лиграфпрома Комитета по печати
при Совете Министров СССР, г. Тула,
проспект им. В. И. Ленина, 109

БИБЛИОТЕКА ИГПИ

Инв. № _____